This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

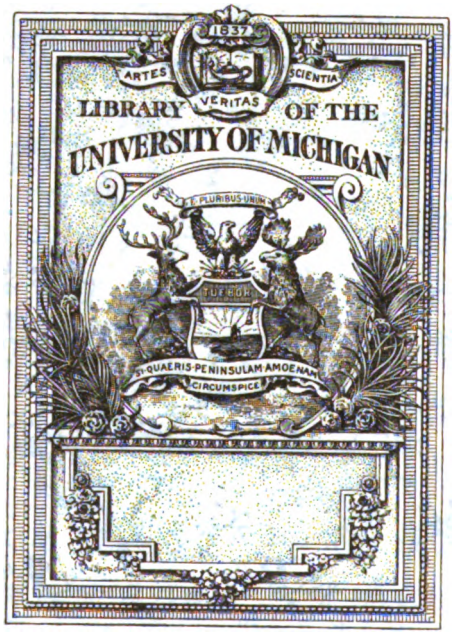
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

891.78
S18
Q

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

891.78
S18
Q

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

М. Е. САЛТЫКОВА

[Н. ЩЕДРИНА].

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1900.

Digitized by Google

М. Е. Салтыковъ

[Н. Щедринъ].

ПОМПАДУРЫ и ПОМПАДУРШИ

[1863—1873 гг.]

НЕВИННЫЕ РАЗСКАЗЫ

[1857—1863 гг.]

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1900.

Digitized by Google

Типографія А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., № 1.

Digitized by Google

I.

ПОМПАДУРЫ И ПОМПАДУРШИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОТЪ АВТОРА.

Молодые наши помпадуры очень часто обращаются ко мнѣ за разъясненіями, какъ въ томъ или въ другомъ случаѣ слѣдуетъ поступить. Обращенія эти ставятъ меня въ большое затрудненіе, ибо у меня нѣтъ ни секретарей, ни канцеляріи, вслѣдствіе чего бо̀льшую часть писемъ я бываю вынужденъ оставлять безъ отвѣта. Между тѣмъ никто лучше меня не понимаетъ, что единообразіе въ дѣйствіяхъ по вопросамъ внутренней политики не только полезно, но и необходимо. Поэтому я рѣшился разъяснить хотя тѣ основные пункты помпадурской дѣятельности, которые настолько необходимы для начинающаго помпадура, чтобы онъ, пріѣзжая на мѣсто, являлся не съ пустыми руками. Таковы, напримѣръ: проводы, встрѣчи, отношеніе помпадуровъ къ подчиненнымъ, къ обывателямъ и къ закону, выборъ помпадуршъ и т. д. Я выбралъ форму разсказовъ, потому что она понятнѣе. Сухія, отвлеченныя разсужденія едва ли доступны молодымъ людямъ, получившимъ воспитаніе въ заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ,—и во всякомъ случаѣ должны показаться имъ несносными. Разсказы же они прочтутъ и даже, быть-можетъ, усвоятъ. Знаю, что я далеко не исчерпалъ всѣхъ случаевъ помпадурской дѣятельности, но меня утѣшаетъ то, что я первый сдѣлалъ

226

Digitized by Google

починъ въ этомъ смыслѣ. Быть-можетъ, другіе послѣдуютъ по указанному мною пути и внесутъ въ это дѣло болѣе ясности и болѣе таланта. Я же льщу себя надеждой, что господа помпадуры пріобрѣтутъ мою книгу, хотя бы для того только, чтобы поощрить мою попытку пролить нѣкоторый свѣтъ въ эту своеобразную сферу жизненной дѣятельности, въ которой до сихъ поръ все было такъ темно и неопредѣленно.

Digitized by Google

I.—„Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою!“

Очень ужъ нынче часто приходится намъ съ начальниками прощаться. Пріѣдетъ начальникъ, не успѣетъ еще распорядительности показать — глядь, его ужъ смѣнили, новаго шлютъ! Поэтому мостовая въ Вислоуховскомъ переулкѣ и доднесь не докончена, а проектъ о распространеніи въ народѣ надлежащихъ чувствъ такъ и лежитъ въ канцеляріи не переписанный на̀-бѣло. Одинъ начальникъ, какъ пріѣхалъ, такъ первымъ дѣломъ приступилъ къ сломкѣ пола въ губернаторскомъ кабинетѣ — и что̀ же? сломать-то сломалъ, а новаго на его мѣсто построить не успѣлъ! «Много,—говорилъ онъ потомъ, когда прощался съ нами,— много намѣревался для пользы сдѣлать, да, видно, Богу, друзья мои, неугодно!» И дѣйствительно, пріѣхалъ на мѣсто его новый генералъ, и тотчасъ же разсудилъ, что полъ надо было ломать не въ кабинетѣ, а въ гостиной, и соотвѣтственно съ этимъ сдѣлалъ надлежащее распоряженіе. Слѣдовательно, если и этого генерала скоро смѣстятъ, то другой генералъ, пожалуй, найдетъ, что надо ломать полъ въ столовой, и такимъ образомъ весь губернаторскій домъ постепенно перепакостятъ, а надлежащей распорядительности, все-таки, не покажутъ.

Говорятъ, будто это такъ нужно. Говорятъ, что прежде можно было допускать засиживаться на одномъ мѣстѣ, потому что тогда ничего больше отъ администратора не требовалось, кромѣ того, чтобъ онъ былъ администраторомъ;

Digitized by Google

нынче же, будто бы, требуется, чтобъ онъ, кромѣ того, какую-то «суть» понималъ. Я полагаю, однакожъ, что все это одна пустая фанаберія, ибо, по мнѣнію моему, всякій человѣкъ всякую «суть» всегда понимать способенъ: стóитъ только внушить. Возражаютъ противъ этого, что иногда такая «суть» бываетъ, которую, будто бы, внушить совѣстно; но это возраженіе, очевидно, неосновательное, потому что человѣкъ надежный и благонравный отъ самой природы одаренъ такою внутреннею закваскою, которая заключаетъ въ себѣ матеріалъ для всякаго рода «сути»; слѣдственно, тутъ даже и внушеній прямыхъ не нужно, а достаточно только крючокъ запустить: непремѣнно какую-нибудь бирюльку да вытащишь!

Скажу, напримѣръ, про себя: сдѣлайте меня губернаторомъ—я буду губернаторомъ; сдѣлайте цензоромъ — я буду цензоромъ. Въ первомъ случаѣ: сломаю на губернаторскомъ домѣ крышу, распространю больницу, выбѣлю въ присутственныхъ мѣстахъ потолки и соберу старыя недоимки; если, кромѣ этого, надобно будетъ еще «суть» какую-нибудь сдѣлать, и «суть» сдѣлаю; останетесь довольны. Во второмъ случаѣ: многія сочиненія совсѣмъ забракую, многія ощиплю, многія украшу изреченіями моего собственнаго вымысла; если же, кромѣ этого, потребуется, чтобы я сдѣлалъ «суть», то и «суть» сдѣлаю. Всѣмъ быть могу; могу даже быть командиромъ фрегата «Паллада», и если Богъ мнѣ поможетъ, то, чего добраго, выиграю морское сраженіе. Повторяю: если иногда намъ кажется, что кто-либо изъ нашихъ подчиненныхъ дѣйствуетъ не вполнѣ согласно съ нашими видами, что онъ не понимаетъ «сути» и недостаточно дѣлаетъ распоряженій, то это кажется намъ ошибочно; не нужно только торопиться, а просто призвать такого подчиненнаго и сказать ему: «милостивый государь! неужто вы не понимаете?» Вѣрьте, что онъ пойметъ тотчасъ же и почнетъ такія чудеса отчеканивать, что вы даже залюбуетесь на него глядя. Это все равно, какъ видѣлъ я

Digitized by Google

однажды на желѣзодѣлательномъ заводѣ молотъ плющильный; молотъ этотъ однимъ ударомъ разбивалъ и сплющивалъ цѣлыя кувалды чугунныя, которыя въ силу было поднять двухъ человѣкамъ, и тотъ же самый молотъ, когда ему было внушаемо о правилахъ учтивости, разбивалъ кедровый орѣшекъ, положенный на стекло карманныхъ часовъ, и при томъ разбивалъ такъ ласково, что стекла нисколько не повреждалъ. Стало-быть, дѣло совсѣмъ не въ томъ, какой молотъ, большой или малый, а въ томъ, какое сдѣлано ему свыше внушеніе...

Но—будетъ философствовать; разскажу о томъ, какъ мы на-дняхъ лишились своего начальника. Но прежде считаю нелишнимъ познакомить читателя съ моей собственной особой.

Я человѣкъ преданный; всѣ начальники знаютъ это и смотрятъ на меня одинаково; я, съ своей стороны, тоже смотрю на всѣхъ начальниковъ одинаково, потому что всѣ они — начальники. Растолковать это какъ слѣдуетъ я не могу, но полагаю, что читатель пойметъ меня и безъ объясненій. Всѣхъ начальниковъ я одинаково жалѣю, всѣмъ— одинаково радуюсь. Знаю, что если начальникъ безъ причины вспылитъ на меня, то онъ же, когда будетъ нужно, и проститъ меня. Знаю, что я виноватъ; если не виноватъ въ дѣйствительности, то виноватъ тѣмъ, что сунулся на глаза начальнику не во-время; потому что вѣдь и онъ тоже человѣкъ, и по временамъ имѣетъ надобность въ уединеніи. Начальство, съ своей стороны, снисходительно, и хотя знаетъ, что я виноватъ, но видитъ, что и я это очень чувствую, и потому прощаетъ мнѣ. Въ этихъ мысляхъ я воспиталъ жену свою и надѣюсь воспитать все семейство. Весь городъ за это насъ уважаетъ, и когда случается провожать стараго или встрѣчать новаго начальника, то я всегда при этомъ играю видную роль.

«Встрѣчать»—дѣло не трудное; тутъ чѣмъ больше радушія, чѣмъ больше привѣтствій, тѣмъ лучше: начальники

Digitized by Google

это любятъ. Возражаютъ иные, что и здѣсь излишествомъ можно пересолить, потому что начальникъ еще не заслужилъ; но начальникъ никогда такъ не думаетъ, а думаетъ, что онъ ужъ тѣмъ заслужилъ, что начальникъ. Но «прощанья» своего рода политики требуютъ. Тутъ надобно такъ устроить, чтобы новый начальникъ не обидѣлся излишними похвалами, отбывающему воздаваемыми, а думалъ бы только, что «и тебѣ то же современемъ будетъ». Слѣдовательно, необходимо прежде всего, чтобъ торжество прощанья имѣло исключительно характеръ преданности. А потому, если отбывающій начальникъ учинилъ что-нибудь очень великое, какъ, напримѣръ: воздвигнулъ монументъ, неплодоносныя земли обратилъ въ плодоносныя, безлюдныя пустыни населилъ, изъ сплавной рѣки сдѣлалъ судоходную, промышленность поощрилъ, торговлю развилъ или пріобрѣлъ новый шрифтъ для губернской типографіи и т. п., то о такихъ дѣлахъ должно упомянуть съ осторожностью, ибо сіе не всякому доступно, и новый начальникъ самое упоминовеніе о нихъ можетъ принять за преждевременное ему напоминаніе: и ты, дескать, дѣлай то же. Но если отбывающій дѣлалъ дѣла среднія, какъ, напримѣръ: тогда-то усмирилъ, тогда-то изловилъ, тогда-то къ наградѣ за отличноусердную службу представилъ, то о такихъ дѣлахъ можно говорить со всею пространностью, ибо они всякому уму доступны а слѣдовательно и новый начальникъ будетъ ихъ непремѣнно совершать. Все это опытный устроитель прощальныхъ торжествъ долженъ имѣть въ виду. Въ особенности же надлежитъ быть мудрымъ въ такихъ случаяхъ, когда оба начальника—и выбывающій, и вновь назначенный—на-лицо. Тутъ надобно быть осторожнымъ не только въ рѣчахъ, но и въ кушаньяхъ, и въ винахъ.

Итакъ, мы лишились нашего начальника. Уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ я начиналъ ощущать жалость во всемъ тѣлѣ, а въ ночь наканунѣ самаго происшествія даже жена моя—и та безпокойко металась на постели и

Digitized by Google

все говорила: «другъ мой, я чувствую, что съ его превосходительствомъ что-нибудь непріятное сдѣлается!» Дѣти тоже находились въ жару и плакали; даже собаки на дворѣ выли.

Генералъ нашъ былъ старикъ добрый, но еще годный. Назначенъ онъ былъ къ намъ еще при прежнемъ главноначальствующемъ, но не долго повластвовалъ. Несправедливость явная, потому что старикъ мнѣ самъ по секрету не разъ впослѣдствіи говорилъ: «не знаю, подлинно не знаю, за что̀ отъ общенія отметаюсь! Если новое начальство новые виды имѣетъ, то стоило только приказать—я готовъ!» И если при этомъ вспомнить, сколько этотъ человѣкъ претерпѣлъ прежде, нежели мѣсто свое получилъ, то именно можно сказать: великій былъ страстотерпецъ! Прежде всего у начальника отдѣленія въ послушаніи былъ, да еще не у одного, а у нѣсколькихъ; по воскресеньямъ съ праздникомъ поздравлять ѣздилъ, по буднямъ между тремя и четырьми часами въ департаментъ анекдоты разсказывать ходилъ! А въ брюхѣ-то щелкъ, а на умѣ-то только и есть одна мысль: «Господи! вскую!» Потомъ попалъ въ передѣлъ къ директору; ну, тутъ тоже снаровку надо имѣть! Ждетъ, бывало, сердечный, у двери кабинета, и не для того совсѣмъ, чтобъ что-нибудь сообщить, а только чтобы показать, что готовъ, молъ... хоть на куски! Ну, и пройдетъ директоръ, улыбнется: «что̀, старикъ, готовъ?» — Хоть въ Астрахань, ваше превосходительство!—«Гм!.. въ Астрахань! Туда Шарлотта Ѳедоровна тоже объ одномъ старичкѣ просила!» скажетъ директоръ, и пройдетъ мимо. Даже въ кабинетъ къ себѣ не допуститъ, выплакаться-то не дастъ. «Господи! вскую!» только и твердилъ, бывало, нашъ старикъ, покуда не подобрался, наконецъ, къ Шарлоттѣ Ѳедоровнѣ. Понравился онъ ей, впрочемъ, не чѣмъ другимъ, а именно только строгостью правилъ. И такъ пришелся по душѣ, что вмѣсто Архангельска угодилъ къ намъ! Каково же, послѣ этакого-то искуса, нѣсколько лишь мѣсяцевъ провластвовать, и вдругъ—хлопъ!

Digitized by Google

Первое извѣстіе о постигшемъ насъ ударѣ я получилъ отъ вице-губернатора. Еще невѣжественный, пріѣхалъ я утромъ къ нему и засталъ его расхаживающимъ взадъ и впередъ по кабинету; по всей вѣроятности, онъ обдумывалъ, какая участь должна постигнуть нашу губернію. Нашъ вице-губернаторъ человѣкъ нравовъ придворныхъ, и потому чувствительности большой не имѣетъ, но и онъ былъ тронутъ.

— А знаете ли вы, что нашего-то уволили? — спросилъ онъ меня съ перваго же слова.

Въ груди у меня словно оборвалось что-то. Не смѣя, съ одной стороны, предполагать, чтобы господинъ вице-губернаторъ отважился, безъ достаточнаго основанія, распускать такой серьезный слухъ, а съ другой стороны зная, что онъ любитъ иногда пошутить (терпѣть не могу этихъ шутокъ, въ которыхъ нельзя понять, шутка ли это или испытаніе!), я принялъ его слова со свойственною мнѣ осмотрительностью.

— Про кого это ваше превосходительство говорить изволите?—спросилъ я, по силѣ возможности мягкостью тона умѣряя рѣзкость моего вопроса.

— Про кого? извѣстно, про кого: про Шарлотты Ѳедоровны выкормка!

Сердце въ груди моей окончательно упало. Но не прошло минуты, какъ ужъ въ головѣ моей созрѣлъ вопросъ:

— А извѣстно вашему превосходительству, кого на мѣсто ихъ назначаютъ?

При этомъ вопросѣ сердце мое мало-по-малу поднималось: я начиналъ предчувствовать, что не буду оставленъ безъ начальника.

— А назначаютъ Ударъ-Ерыгина.

— Генерала-съ?

— Генерала-съ.

Сердце мое окончательно уставилось на своемъ мѣстѣ, ибо я получилъ увѣренность, что предчувствіе мое сбылось.

Digitized by Google

— Изъ какихъ-съ они?—спросилъ я нѣсколько смѣлѣе.

— Изъ млекопитающихъ-съ! — отвѣчалъ вице-губернаторъ (онъ вообще ужаснѣйшій киникъ).

Мы оба задумались и стали въ молчаніи ходить по кабинету (въ первый разъ въ жизни я шелъ *рядомъ* съ начальникомъ, а не слѣдовалъ за нимъ «пѣтушкомъ»: несчастіе уравниваетъ всѣ ранги).

— Я думаю, нужно будетъ старому начальнику прощальный обѣдъ устроить?—первый прервалъ я молчаніе.

— Гм!.. да... знаю я этого Ударъ-Ерыгина... знаю!

— Я думаю, ваше превосходительство, что можно и купцовъ пригласить какую-нибудь демонстрацію сдѣлать!

— Гм!.. купцовъ... Однажды призываетъ меня этотъ Ударъ-Ерыгинъ къ себѣ и говоритъ: «я, говоритъ, по утрамъ занятъ, такъ вы ко мнѣ въ это время не ходите, а приходите каждый день обѣдать»...

— Такъ они и гостепріимные?

— Гм!.. да... гостепріименъ... «Только, говоритъ, такъ какъ я за обѣдомъ отъ трудовъ отдыхаю, такъ люблю, чтобъ у меня было весело».

— Преданность всякое испытаніе, ваше превосходительство, превозмочь можетъ!—прервалъ я, невольно потупляя глаза.

— Да-съ, но вѣдь веселье веселью рознь-съ; бываютъ веселья ужасныя-съ... «Такъ вы, говоритъ, съ этимъ соображайтесь»...

— И сообразовались, ваше превосходительство?

— И сообразовался-съ.

Мы опять умолкли: я чувствовалъ, что на душѣ у меня смутно и что сердце опять начинаетъ падать въ груди, несмотря на то, что сожалѣніе о смѣнѣ любимаго начальника умѣрялось надеждою на присылку другого любимаго начальника.

— Только этимъ и замѣчателенъ новый начальникъ? — вновь прервалъ я молчаніе.

Digitized by Google

— Только этимъ и замѣчателенъ-съ.

— Но, быть-можетъ, они снисходительны?

— Для тѣхъ, кто веселиться умѣетъ...

— Стало-быть, ваше превосходительство...

— Находимся съ его превосходительствомъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. Кстати, однакожъ: вѣдь прощальный-то обѣдъ, все-таки, устроить слѣдуетъ...

— Это, ваше превосходительство, и для новаго начальника будетъ поощреніемъ...

— Ну, да; будетъ, по крайности, видѣть, что мы втунѣ не оставляемъ...

Я вышелъ на улицу и просто даже удивился. Представьте себѣ, что все стояло на своемъ мѣстѣ, какъ будто ничего и не случилось; какъ будто бы добрый нашъ старикъ не подвергнулся превратностямъ судебъ; какъ будто бы въ прошлую ночь не проросъ сквозь него и не процвѣлъ совершенно новый и вовсе нами нежданный начальникъ! Попрежнему на парѣ бойкихъ саврасенькихъ спѣшилъ съ утреннимъ рапортомъ полиціймейстеръ («вотъ-то вытянется у тебя физіономія, какъ узнаешь!»—подумалъ я); попрежнему, сломя голову, летѣлъ Сеня Бирюковъ за какой-то помадой для Матрены Ивановны и издали привѣтливо махалъ мнѣ шляпой; попрежнему проклятые мужичонки во все горло галдѣли и торговались изъ-за копейки на базарной площади. Даже воздухъ былъ совершенно такой же, какъ вчера. Все это какъ-то странно подѣйствовало на мои нервы, а ожесточенье безчувственнаго мужичья до того меня озлобило, что я почелъ за нужное даже вмѣшаться.

— Что̀ вы тутъ горло дерете! базаръ что ли здѣсь! — крикнулъ я, подходя къ одной кучкѣ.

— А не базаръ нешто?—отвѣчалъ мнѣ одинъ голосъ.

Я смутился, ибо сообразилъ, что и въ самомъ дѣлѣ стою на базарѣ.

Digitized by Google

— А знаете ли вы, мужичье проклятое, что у насъ нынче ночью на всю губернію несчастье случилось?

Мужики глядѣли на меня съ недоумѣніемъ.

— Знаете ли вы, что его превосходительство, Анфима Евстратича, отъ должности уволили?

— О! де...

Но не успѣлъ дерзкій договорить, какъ уже рука моя исполняла свою обязанность.

— Да вѣдь, поди, новый на мѣсто его будетъ! новый будетъ!—кричалъ провинившійся.

Сначала я не слыхалъ его объясненія и продолжалъ дѣлать свое дѣло; но, признаюсь, когда слова: «новый будетъ! новый будетъ!» явственно коснулись моего слуха, то рука моя невольно опустилась. И въ самомъ дѣлѣ, разсудилъ я, если нѣтъ стараго, то это значитъ, что есть новый—и ничего больше! Изъ-за чего же тутъ мѣняться воздуху? Изъ-за чего предметамъ, уже установившимся и, могу сказать, вросшимъ въ землю, перескакивать съ мѣста на мѣсто? Вчерашняя смерть не содержитъ ли въ себѣ зерна сегодняшняго возрожденія? Вчерашнее помраченіе не вознаграждается ли сегодняшнимъ просвѣтленіемъ? Однимъ словомъ, я вынужденъ былъ дать гривенникъ напрасно-обиженному мной поселянину и, успокоивши себя разными солидными размышленіями, отправился съ визитомъ къ закатившейся нашей звѣздѣ.

Въ пріемной я засталъ правителя канцеляріи и полиціймейстера; оба стояли понуривши головы и размышляли. Первый думалъ о томъ, какъ его сошлютъ на покой въ губернское правленіе; второй даже и о ссылкѣ не думалъ, а просто во-очію видѣлъ себя съѣденнымъ.

— Вы читали бумагу? — спросилъ я правителя канцеляріи.

— Читалъ,—отвѣчалъ онъ грустно.

— Но что же за причина?

— Да никакой причины не приписывается. Напротивъ

Digitized by Google

того, даже похвалы нашему генералу примѣчаются... Преклонность лѣтъ!

— Какая преклонность лѣтъ! И всего-то по формуляру семьдесятъ пять лѣтъ значится! Въ самой еще порѣ!

— Только бы управлять еще старику!

Въ это время къ намъ вышелъ самъ закатившійся старикъ нашъ. Лицо его было подобно лицу Печорина: губы улыбались, но глаза смотрѣли мрачно; повидимому, онъ весело потиралъ руками, но въ этомъ потираньи замѣчалось что-то такое, что, вотъ, казалось, такъ и сдеретъ съ себя человѣкъ кожу съ живого.

— Наконецъ, давнишнее желаніе моего сердца свершилось!—сказалъ онъ, обращаясь къ намъ.

— Весь городъ, ваше превосходительство... — началъ было я.

— Наконецъ, давнишнее желаніе моего сердца свершилось!—повторилъ онъ и остановился, чтобы перевести духъ.

Я понялъ, что старикъ играетъ роль, но что роль эту онъ выучилъ довольно твердо.

— Намъ остается утѣшаться, что новый нашъ начальникъ будетъ столь же распорядителенъ, какъ и ваше превосходительство!—сказалъ я, пользуясь паузой.

Къ удивленію, генералъ былъ какъ будто сконфуженъ моею фразой. Очевидно, она не входила въ его расчеты. На прочихъ свидѣтелей этой сцены она подѣйствовала различно. Правитель канцеляріи, казалось, понялъ меня и досадовалъ только на то, что не онъ первый ее высказалъ. Но полиціймейстеръ, какъ человѣкъ, повидимому, покончившій всѣ расчеты съ жизнью, далъ дѣлу совершенно иной оборотъ.

— Нѣтъ, ужъ позвольте, *такого* начальника у насъ не было и не будетъ!—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ, выступая впередъ.

— Благодарю!—сказалъ генералъ.

— Ваше превосходительство! — продолжалъ полиціймей-

Digitized by Google

стеръ, уже красный какъ ракъ отъ душившаго его чувства преданности.

— Благодарю!

Полиціймейстеръ ловилъ генеральскую руку, которую генералъ очень искусно пряталъ; правитель канцеляріи молчалъ и думалъ, что если его сошлютъ въ судное отдѣленіе, то штука будетъ еще не совсѣмъ плохая; я стоялъ какъ на иголкахъ, ибо видѣлъ, что намѣренія мои совсѣмъ не такъ поняты.

— Я хотѣлъ только выразить,—пояснилъ я, наконецъ,— что должности вашихъ превосходительствъ никогда не прекращаются, и что Провидѣніе...

— Вѣрю-съ!

— Что Провидѣніе, осчастлививши насъ однажды правителемъ, подобнымъ вашему превосходительству, конечно, озаботится и на будущее время.

— Вѣрю-съ!

Сказавши это, его превосходительство удалился во внутреннія комнаты; за нимъ послѣдовали полиціймейстеръ и правитель канцеляріи; я же долженъ былъ съ носомъ отправиться въ переднюю.

Въ передней швейцаръ улыбался и спрашивалъ: «когда будетъ новый генералъ?» Часы, пріобрѣтенные для генеральскаго дома за пять генераловъ передъ симъ, стучали «тикъ-такъ, тикъ-такъ!»—какъ будто бы говорили: «мы видѣли пять генераловъ! мы видѣли пять генераловъ! мы видѣли пять генераловъ!»

Оставалось, слѣдовательно, отдать нашему генералу послѣдній долгъ. Избранъ былъ комитетъ изъ самыхъ опытныхъ по этой части обывателей; комитетъ, въ свою очередь, избралъ распорядителями торжества меня и Сеню Бирюкова. Для меня это дѣло привычное, потому что я не разъ ужъ въ своей жизни катафалки-то эти устраивалъ; но Сеня такъ возгордился сдѣланнымъ ему довѣріемъ, что

Digitized by Google

даже шею выгнулъ, словно конь сѣдлистый, да въ этакомъ видѣ и носился съ утра до вечера по городу. Когда вопросъ о кушаньяхъ былъ подвергнутъ зрѣлому обсужденію, тогда самъ собою возникъ вопросъ о тостахъ и рѣчахъ. Но это такой важный предметъ, что я считаю необходимымъ сказать о немъ нѣсколько лишнихъ словъ.

Въ прежнія времена разрѣшеніе этого вопроса не представляло никакихъ затрудненій, ибо въ прежнія времена всѣ говорили вдругъ. Одинъ изъ распорядителей выступалъ на средину, провозглашалъ тостъ: «за здоровье его превосходительства!» — и всѣ дружно подхватывали: «прощайте, ваше превосходительство!» «ура, ваше превосходительство!» Его превосходительство, въ свою очередь, обходилъ кругомъ стола и говорилъ: «нижайше вамъ кланяюсь, господа!» «усерднѣйше васъ благодарю, почтенные мои сослуживцы!» И, смотря по степени воодушевленія, или плакалъ, или просто только утиралъ глаза. И такимъ образомъ, за общимъ шумомъ, ничего понять было нельзя. Конечно, эта форма изъявленія чувствъ была не совсѣмъ правильная, но зато она была трогательна и искренна. Но нынче и этому дѣлу дали совершенно иной оборотъ. Скажу вамъ по секрету, что у насъ разнеслись недавно слухи о какомъ-то конституціонномъ началѣ, которое въ томъ, будто бы, состоитъ, что одинъ кто-нибудь говоритъ, а другіе молчатъ; и когда одинъ кончитъ говорить, то начинаетъ говорить другой, а прочіе опять молчатъ, и такимъ образомъ идетъ это дѣло съ самаго начала обѣда и до тѣхъ поръ, пока присутствующіе не сдѣлаются достаточно веселы. Тутъ-то собственно и начинается настоящая конституція, ибо все, что происходитъ прежде, считается только предварительнымъ къ ней приготовленіемъ. Повидимому, самое лучшее было бы прямо начать съ настоящей конституціи; однако этого сдѣлать нельзя, во-первыхъ, потому, что надобно, чтобъ все происходило по порядку, а во-вторыхъ, потому, что предварительныя дѣйствія освѣщаютъ

Digitized by Google

путь для предстоящей веселой конституціи и служать для нея руководящею нитью. Понятно, что при такихъ условіяхъ встрѣчается необходимость въ людяхъ, которые умѣли бы говорить даже въ такое время, когда другіе молчатъ; но понятно также, что это положеніе совершенно проклятое и что люди скромные принимаютъ его весьма неохотно. Это почти то же, что въ-одиночку публично производить какое-нибудь предосудительное отправленіе, когда никто кругомъ никакихъ предосудительныхъ отправленій не производитъ. А потому выборъ людей для произношенія тостовъ и спичей всегда сопрягается съ затрудненіями очень серьезными, и обязанность эта представляется такою повинностью, нарядъ на которую почти равносиленъ наряду на барщину.

На этотъ разъ ораторами выбраны были: вице-губернаторъ—отъ лица чиновъ пятаго класса, совѣтникъ губернскаго правленія Звенигородцевъ—отъ лица всѣхъ прочихъ чиновъ, Сеня Бирюковъ — отъ лица молодого поколѣнія и, наконецъ, командиръ гарнизоннаго батальона — отъ имени воинскаго сословія. Полиціймейстеръ до того разревновался, что вызвался сказать сверхштатную рѣчь отъ лица полиціи. Разумѣется, всѣ они тотчасъ же отправились домой и занялись чтеніемъ «Московскихъ Вѣдомостей», дабы ближе ознакомиться съ политическимъ положеніемъ Россіи и усвоить себѣ нѣкоторые, необходимые въ краснорѣчіи, обороты.

Но главнымъ украшеніемъ прощальнаго обѣда долженъ былъ служить столѣтній старецъ, Максимъ Гаврилычъ Крестовоздвиженскій, который еще въ семьсотъ-восемьдесятъ-девятомъ году служилъ въ нашей губерніи писцомъ въ намѣстнической канцеляріи. Идея пригласить къ участію въ праздникѣ эту живую лѣтопись нашего города, этого свидѣтеля его величія и славы, была весьма замѣчательна и, какъ увидимъ ниже, имѣла совершенный и полный успѣхъ.

Я не стану описывать дѣйствій депутаціи, на которую

Digitized by Google

возложено было приглашеніе генерала къ прощальному обѣду. Ничего замѣчательнаго при этомъ не произошло, кромѣ того, что отъѣзжающій прослезился и завѣрилъ депутацію, что будетъ непремѣнно. Приступлю прямо къ описанію торжественныхъ минутъ прощанья.

Въ три часа пополудни мы собрались въ нарочно приготовленной для того залѣ. Нѣкоторые тотчасъ же выпили водки. Всѣ вообще, повидимому, уже освоились съ мыслью о предстоящей разлукѣ и потому держали себя совсѣмъ не такъ, какъ бы торжество прощанья того требовало, а такъ, какъ бы просто собрались выпить и закусить; одинъ правитель канцеляріи по временамъ еще вздрагивалъ. Въ четыре часа отъѣзжающій прибылъ въ залъ, сопровождаемый двумя ассистентами, и всѣ присутствующіе тотчасъ же сгруппировались вокругъ него. Начались пожатія рукъ, причемъ, впопыхахъ, генералъ удостоилъ пожатія даже клубнаго лакея Ѳедора, и тутъ же очень мило самъ разсмѣялся своей ошибкѣ.

За столомъ всѣ размѣстились по старшинству безъ особенныхъ затрудненій; только операторъ врачебной управы (нѣсколько уже выпившій) заупрямился сѣсть на конецъ стола, на томъ основаніи, что, будто бы, ему будутъ доставаться плохіе куски, но и это недоразумѣніе было улажено положительнымъ удостовѣреніемъ, что кушанья наготовлено слишкомъ достаточно, чтобы могли имѣть мѣсто подобнаго рода опасенія. Генералъ держалъ себя съ твердостью и достоинствомъ, но когда подали супъ, то невольная слеза канула изъ его глазъ въ тарелку. Послѣ супа слѣдовалъ первый тостъ. Вице-губернаторъ всталъ и, когда все умолкло, произнесъ:

«Ваше превосходительство! одинъ древній сказалъ: Timeo Danaos et dona ferentes! Это значитъ: опасаюсь данайцевъ даже тогда, когда они приходятъ съ дарами»...

Кругомъ раздается одобрительный шопотъ; совѣтникъ Звенигородцевъ блѣднѣетъ, потому что «Timeo Danaos»

Digitized by Google

было включено и въ его рѣчь; онъ обдумываетъ, какъ бы вмѣсто этой цитаты помѣстить туда другую: «sit venia verbo»; операторъ врачебной управы вполголоса объясняетъ своему сосѣду: — «Timeo — боюсь, а не опасаюсь; et dona ferentes—и дары приносящихъ, а не «даже тогда, когда они приходятъ съ дарами»; слѣдовательно, «боюсь данайцевъ и дары приносящихъ» — вотъ какъ по-настоящему перевести слѣдуетъ».—Но вице-губернаторъ не слышитъ этого зловреднаго объясненія и, ободряемый общимъ вниманіемъ, продолжаетъ:

...«съ дарами. Но здѣсь, ваше превосходительство, вы изволите видѣть не «данайцевъ», приходящихъ къ вамъ съ дарами, а преданныхъ вамъ подчиненныхъ, приносящихъ вамъ — и не тѣ дары, о которыхъ говоритъ древній, — а дары своего сердца».

— Отлично! великолѣпно!—раздается кругомъ; отъѣзжающій тронутъ, ораторъ куражится.

...«своего сердца. Въ особенности скажу я это о тѣхъ, отъ имени которыхъ обращаю къ вашему превосходительству прощальное слово! (Ораторъ окидываетъ взоромъ небольшое пространство стола, усѣянное чинами пятаго класса; отъѣзжающій кланяется и жметъ руки сосѣдямъ; управляющій удѣльной конторой лѣзетъ цѣловаться. Картина). Эти дары, ваше превосходительство, можете принять съ полною увѣренностью, что въ нихъ нѣтъ ни орсиніевскихъ гранатъ, ни другихъ разрывающихъ составовъ. Я принялъ на себя сладкую, но трудную обязанность, ваше превосходительство! Я принялъ обязанность въ устномъ словѣ изобразить передъ вашимъ превосходительствомъ эти скромные, но горячіе дары, которые безмолвно, но краснорѣчиво пламенѣютъ въ нашихъ сердцахъ. Я не боюсь упрековъ; зоилы и свистуны стоятъ ниже меня»...

— Браво! браво! урра!—раздается кругомъ.

...«зоилы и свистуны стоятъ ниже меня. Но во всякомъ случаѣ, ваше превосходительство, не заподозрите меня, если

Digitized by Google

я скажу: дары, которые приносятся здѣсь вашему превосходительству, суть дары сердца, а не тѣ дары, о которыхъ говорилъ «древній». Ура!

Вице-губернаторъ умолкъ; на средину залы вывели подъ руки «столѣтняго старца», который заплакалъ. Отъѣзжающій былъ такъ тронутъ, что могъ сказать только:

— Успокойте старика! успокойте старика!

Столѣтняго старца увели; подали ростбифъ; Звенигородцевъ, чувствуя приближеніе минуты, дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Наконецъ, онъ всталъ, съ бокаломъ въ рукѣ, противъ виновника торжества и произнесъ:

«Ваше превосходительство! Еще недавно ваше превосходительство, не изволивъ утвердить журналъ губернскаго правленія о преданіи за противозаконныя дѣйствія суду зарѣченскаго земскаго исправника, изволили сказать слѣдующее: «пусть лучше говорятъ про меня, что я баба, но не хочу, чтобъ кто-нибудь могъ сказать, что я жестокій человѣкъ!» Какимъ чувствомъ была преисполнена грудь земскаго исправника при извѣстіи, что онъ отъ суда и слѣдствія учиненъ свободнымъ — это понять не трудно. Гораздо труднѣе понять чувства, волновавшія при этомъ насъ, подписавшихъ упомянутый выше журналъ. Нечего и говорить о томъ, что мы приняли рѣшеніе вашего превосходительства къ непремѣнному исполненію; этого мало: предоставленные самимъ себѣ, мы думали, что этого человѣка мало повѣсить за его злодѣянія; но, узнавши о вашихъ начальническихъ словахъ, мы вдругъ постигли всю шаткость человѣческихъ умозаключеній и внутренно почувствовали себя просвѣтленными»...

— Браво! прекрасно! вотъ истинныя отношенія подчиненныхъ къ начальникамъ!

«Мы поняли, что истинное искусство управлять заключается не въ строгости, а въ томъ благодушіи, которое, въ соединеніи съ прямодушіемъ, извлекаетъ дань благодарности изъ самыхъ черствыхъ и непреклонныхъ, пови-

Digitized by Google

димому, сердецъ. Эта невольная дань несется къ вашему превосходительству не только отъ лицъ, здѣсь присутствующихъ, но и отъ всей губерніи. Да, не одно благодарное сердце бьется въ настоящую минуту въ безвѣстности, не одинъ выспренній умъ содрагается при мысли о предстоящей разлукѣ! Но для того, чтобы доказать справедливость моихъ словъ, считаю нелишнимъ изложить здѣсь вкратцѣ прохожденіе службы вашего превосходительства».

Ораторъ на мгновеніе останавливается, чтобы перевести духъ, и затѣмъ продолжаетъ:

«Умолчу о трудахъ, понесенныхъ вашимъ превосходительствомъ въ теченіе слишкомъ тридцатипятилѣтней службы въ различныхъ вѣдомствахъ, которыя были осчастливлены вашимъ содѣйствіемъ. Начертать такую перспективу было бы подвигомъ, далеко превышающимъ мои слабыя силы. А потому позволяю себѣ застигнуть ваше превосходительство въ тотъ моментъ, когда наша губернія, въ свою очередь, была, такъ сказать, застигнута вашимъ превосходительствомъ. У насъ прохожденія вашей службы было всего шесть мѣсяцевъ и пять дней, но и этого краткаго періода времени было достаточно, чтобы дать почувствовать, что нами руководитъ опытная рука»...

При этихъ словахъ раздается громъ рукоплесканій, и восторженное «ура!» потрясаетъ стѣны залы. Даже лакеи взволновались. Управляющій удѣльной конторой опять идетъ цѣловаться. Ораторъ продолжаетъ:

«Прибывши къ намъ, ваше превосходительство не посѣтили ли городовъ нашей губерніи? Посѣтивши города, не обревизовали ли во всей подробности наши присутственныя мѣста? Предложеніе объ этомъ предметѣ вашего превосходительства, по которому губернскимъ правленіемъ въ свое время ужъ сдѣлано надлежащее распоряженіе, не останется ли вѣчнымъ памятникомъ вашей распорядительности и вашей проницательности? Отеческимъ сердцемъ вы изволили отнестись ко всѣмъ нашимъ недугамъ и слабостямъ;

Digitized by Google

отъ взора вашего не укрылось ни то, что наши земскіе суды не пользуются соотвѣтствующими помѣщеніями, ни то, что города наши до сихъ поръ остаются незамощенными. Все это вы поставили губернскому правленію на видъ и все это должно на будущее время служить этому высшему въ губерніи присутственному мѣсту (вице-губернаторъ охорашивается, прочіе предсѣдатели завистливо, но сомнительно улыбаются) путеводной звѣздой, къ которой имѣютъ устремляться его административныя усилія. За все это — дань благодарности вашему превосходительству! Дань благодарности отъ всѣхъ неиспорченныхъ сердецъ, той благодарности, о которой сейчасъ такъ краснорѣчиво выразился мой достойный начальникъ (вице-губернаторъ) и которую ваше превосходительство можете принять безъ всякихъ опасеній, ибо здѣсь нельзя (крики кругомъ: «да, нельзя! нельзя!») даже сказать подобно «древнему»: timeo Danaos et dona ferentes. Ура!»

Смута, произведенная этою рѣчью, была такъ велика, что никто даже не обратилъ вниманія, какъ «столѣтній старецъ» вышелъ на середину залы и прослезился. Всѣхъ поразила мысль: вотъ человѣкъ, который слишкомъ тридцать шесть лѣтъ благополучно служилъ въ разныхъ вѣдомствахъ — и въ какіе-нибудь шесть мѣсяцевъ невинно погибъ! Этимъ же смятеніемъ воспользовался и полиціймейстеръ, чтобы наскоро сказать свою рѣчь безъ очереди.

— Ваше превосходительство!—сказалъ онъ:—я не умѣю говорить, но всегда скажу: вы заставили уважать полицію!

Волненіе насилу стихло; очевидно, что приближалась торжественная минута «настоящей конституціи». Подали и съѣли огромнѣйшую рыбу. На сцену выступилъ Сеня Бирюковъ, въ сопровожденіи всей нашей блестящей молодежи, съ отличіемъ занимающей мѣста чиновниковъ особыхъ порученій, мировыхъ посредниковъ и судебныхъ слѣдователей. Однимъ словомъ, все наше «воинство возрожденія» было тутъ на-лицо.

Digitized by Google

— Ваше превосходительство! — началъ Сеня: — я не ораторъ...

— Я коллежскій регистраторъ! — очень явственно прошипѣлъ операторъ врачебной управы, бывшій ужъ очень близко къ «конституціи».

— Шш!.. — пронеслось по залѣ.

«Я не ораторъ, но не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о тепломъ участіи, которое вы принимали въ благодѣтельныхъ учрежденіяхъ послѣдняго времени. На вашихъ глазахъ совершился ужаснѣйшій переворотъ, которому когда-либо былъ свидѣтелемъ изумленный міръ. Передъ вашимъ превосходительствомъ были двѣ стороны, но вы не склонились ни на ту, ни на другую. Передъ вашимъ превосходительствомъ были двѣ дороги, но вы не пошли ни по той, ни по другой. Результаты дѣятельности вашего превосходительства еще не видны, но они будутъ. Привѣтствуя васъ отъ лица нашего молодого поколѣнія, я могу прибавить одно: привѣтствіе это есть дань сердца, которую ваше превосходительство можете принять со всею безопасностью. Какъ выразились мои уважаемые предшественники, вы не имѣете даже повода сказать въ этомъ случаѣ: *timeo Danaos et dona ferentes*, потому что здѣсь всякій приноситъ дары свои отъ чистаго сердца. Ура!»

— Ура! ура! ура! — дружно грянуло молодое поколѣніе, потрясая бокалами.

Генералъ потупился; онъ скромно сознавалъ въ эту минуту, что успѣлъ угодить всѣмъ. Но настроеніе умовъ постепенно принимало направленіе къ веселости: на многихъ пунктахъ стола громко раздавались требованія, чтобы оркестръ сыгралъ что-нибудь русское; совѣтникъ казенной палаты Хрениловъ лилъ на столъ красное вино и посыпалъ залитое пространство солью, доказывая, что при этой предосторожности всякая прачка можетъ легко вывести изъ скатерти какія угодно пятна; правитель канцеляріи уже не вздрагивалъ, но весь покрылся фіолетовыми пятнами — явный

Digitized by Google

признакъ, что онъ былъ близокъ къ буйству. Однимъ словомъ, во избѣжаніе неожиданностей, я, какъ распорядитель, долженъ былъ просить батальоннаго командира, чтобъ онъ сказалъ свою рѣчь какъ можно скорѣе и какъ можно короче, что онъ, къ общему удовольствію, и исполнилъ.

— Ваше превосходительство! — сказалъ онъ: — буду кратокъ, чтобъ не задерживать драгоцѣнные ваши часы. Я не краснорѣчивъ, но знаю, что когда понадобилось отвести для батальона огороды — вы отвели ихъ; когда приказано было варить для нижнихъ чиновъ пищу изъ общаго котла — вы приказали пріобрѣсти эти котлы въ лучшемъ видѣ. Ввѣренный мнѣ батальонъ имѣетъ честь благодарить за это ваше превосходительство. Ура!

Этою рѣчью заключалась первая часть нашего торжества. Затѣмъ уже началась такъ-называемая конституція, которую я не стану описывать, потому что, по мнѣнію моему, всѣ проявленія, имѣющія либеральный характеръ, какъ бы преданны они ни были, заключаютъ въ себѣ одно лишь безобразіе...

На другой день я посѣтилъ помѣщеніе, въ которомъ происходило прощальное торжество. На полу валялись объѣдки, скатерть пестрѣла пятнами, цѣлая масса прогорклаго дыма висѣла надъ столами. Сердце мое сжалось...

II. — Старый котъ на покоѣ.

I.

Новый начальникъ либеральничаетъ, новый начальникъ политиканитъ, новый начальникъ стоитъ на стражѣ. Онъ устраиваетъ союзы, объявляетъ войны и заключаетъ миръ. Одно допускаетъ, другое устраняетъ. Принимая въ соображеніе одно, не упускаетъ изъ вида и другое, причемъ нелишнимъ считаетъ обратить вниманіе и на третье. Въ от-

Digitized by Google

ношеніи однихъ дѣйствуетъ мѣрами благоразумной кротости; въ отношеніи другихъ употребляетъ строгость. Онъ пишетъ обширнѣйшіе циркуляры, въ которыхъ призываетъ, поощряетъ, убѣждаетъ, надѣется, а въ *случаѣ нужды* — даже требуетъ и угрожаетъ. Однимъ словомъ, создаетъ новую эру.

Въ согласность съ нимъ настраивается и подначальный людъ. Несутся сердца, задаются пиры и банкеты въ честь виновника торжества; языки безъ всякаго опасенія предаются благодѣтельной гласности; произносятся спичи и тосты; указываются новые невредные источники народнаго благосостоянія, процвѣтанія и развитія; выражаются ожиданія, упованія и надежды, которыя, при помощи шампанскаго, изъ области упованій crescendo переходятъ въ твердую и непоколебимую увѣренность.

Даже дамы не остаются праздными: онѣ наперерывъ устраиваютъ для новаго начальника спектакли, шарады и живыя картины; интригуютъ его въ маскарадахъ, выбираютъ въ мазуркѣ, и при этомъ выказываютъ такое высокое чувство гражданственности, что ни одному разогорченному супругу даже на мысль не приходитъ произнести слово: «безстыдница» или «срамница».

Среди этого всеобщаго гвалта, среди этого ливня мѣропріятій съ одной стороны и восторговъ съ другой, никто не замѣчаетъ, что тутъ же, у насъ подъ бокомъ, увядаетъ существо, которое тоже (и какъ недавно!) испускало изъ себя всевозможныя мѣропріятія и тоже было предметомъ всякаго рода сердценесеній, упованій, переходящихъ въ увѣренность, и увѣренностей, покоящихся на упованіяхъ.

Да, онъ не оставилъ насъ, нашъ добрый старый начальникъ; онъ поселился тутъ же, вмѣстѣ съ достойною своею супругой Анной Ивановной, въ подгородномъ своемъ имѣніи, и тамъ, на лонѣ природы-матери, употребляетъ всѣ усилія, чтобы блаженствовать. Конечно, злые языки распускаютъ, будто внутри у него образовалась цѣлая урна

Digitized by Google

слезъ, будто слезы эти горячими каплями льются на сердце старика и вызываютъ на его лицо горькія улыбки и судорожныя подергиванья, но я имѣю всѣ данныя утверждать, что слухи эти неосновательны. Я самъ посѣтилъ его въ благопріобрѣтенномъ селѣ Обираловѣ (и даже не скрылъ этого отъ новаго начальника) и собственными глазами убѣдился, что онъ точно блаженствуетъ. Онъ съ безпечнымъ видомъ ходитъ по полямъ и лугамъ; онъ рветъ цвѣточки и плететъ изъ нихъ вѣнки; онъ питается исключительно молочными скопами; онъ вступаетъ въ непринужденный разговоръ съ добродушными поселянами и поголовно называетъ ихъ друзьями... Какихъ доказательствъ блаженства еще надо?

Коли хотите, въ немъ дѣйствительно произошла нѣкоторая перемѣна: глаза не мещутъ, носъ не угрожаетъ, уста не изрыгаютъ, длани не устремляются. Коли хотите, нѣтъ недостатка и въ подергиваньяхъ, и въ горькихъ улыбкахъ... Но, по мнѣнію моему, эта перемѣна произошла совсѣмъ не вслѣдствіе унынія, а оттого единственно, что добрый старикъ, вышедши въ отставку, пріобрѣлъ опасную привычку слишкомъ часто поднимать завѣсу будущаго. При такомъ безпрерывномъ подниманіи довольно трудно обойтись безъ подергиваній (я зналъ одного мудреца, который даже зажималъ носъ, какъ только приходилось поднимать завѣсу будущаго). Самъ старикъ въ этомъ сознается и даже довольно картинно выражаетъ плоды своихъ наблюденій по этому предмету.

— Да-съ,—говоритъ онъ:—я озабоченъ-съ. Посмотришь въ эту закрытую для многихъ книгу — увидишь тамъ все такое несообразное. Кружатся-съ, рвутъ другъ друга, скалятъ зубы-съ. Неутѣшительно-съ.

Итакъ, вотъ единственное облако, которое омрачаетъ тихій вечеръ отставного администратора; во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ онъ блаженствуетъ. Онъ охотно смѣшиваетъ либерализмъ съ сокращеніемъ переписки, и когда однажды

Digitized by Google

у насъ зашла рѣчь о постепенномъ шествіи впередъ на пути гражданственности и устности:

— Это еще при мнѣ началось, — сказалъ онъ: — въ то время я осмѣлился подать слѣдующій совѣтъ: если позволительно такъ думать, сказалъ я, то предоставьте все усмотрѣнію главныхъ начальниковъ!

— А что вы думаете? Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ это значительно сократило бы переписку!—замѣтилъ я.

— Значительно-съ, — отвѣчалъ онъ съ одушевленіемъ, очевидно намѣреваясь сообщить дальнѣйшее развитіе этой замѣчательной темѣ, но вдругъ замолкъ, какъ бы опасаясь проронить государственную тайну.

Вообще о дѣлахъ внутренней и внѣшней политики старикъ отзывается сдержанно и загадочно. Не то одобряетъ, не то порицаетъ, не забывая, однакожъ, при каждомъ случаѣ прибавить: «это еще при мнѣ началось», или: «я въ то время осмѣлился подать такой-то совѣтъ».

— Отчего же мнѣніе вашества не было принято въ уваженіе?—иногда спрашиваютъ его веселые собесѣдники.

— А оттого-съ, что нынче старыхъ слугъ не уважаютъ,—отвѣчаетъ онъ съ нѣкоторою скорбью, но вслѣдъ затѣмъ веселенько прибавляетъ: — Да, пора, давно пора было мнѣ отдохнуть!

О новомъ начальникѣ старикъ или вовсе умалчиваетъ, или выражается иносказательно, т.-е. начинаетъ, по поводу его, разговоръ о древнемъ языческомъ богѣ Меркуріѣ, прославившемся не столько дѣлами доблести, сколько двусмысленнымъ своимъ поведеніемъ, и затѣмъ старается замять щекотливый разговоръ и обращаетъ вниманіе собесѣдниковъ на молочные скопы и другіе предметы сельскаго хозяйства.

Однажды зашла рѣчь о пожарахъ, и нѣкоторый веселый собесѣдникъ выразилъ предположеніе, что новый начальникъ, судя по его дѣйствіямъ, долженъ быть, по малой мѣрѣ, скрытный членъ народоваго жонда.

Digitized by Google

— Не отрицаю-съ,—скромно замѣтилъ благодушный старикъ:—но не смѣю и утверждать-съ. Скажу вамъ по этому случаю анекдотъ-съ. Однажды, когда князь Петръ Антонычъ требовалъ, чтобы я высказалъ ему мое мнѣніе насчетъ сокращенія въ одномъ вѣдомствѣ фалдъ, то я откровенно отвѣчалъ: «Ваше сіятельство, и фалды сокращенныя, и фалды удлиненныя — мы все примемъ съ благодарностью!»—«Дипломатъ!» выразился по этому случаю князь и изволилъ милостиво погрозить мнѣ пальцемъ. Такъ-то-съ.

Даже противъ реформъ, или—какъ онъ ихъ называлъ—«катастрофъ», старикъ не огрызался; напротивъ того, всякое новое мѣропріятіе находило въ немъ мудраго толкователя. Самыя земскія учрежденія, и тѣ не смутили его. Конечно, онъ сначала испугался, но потомъ вникъ, взвѣсилъ, разсудилъ... и простилъ!

— Такъ, вашество, одобряете?—спрашиваютъ его иногда собесѣдники.

— Одобряю-съ,—отвѣчалъ онъ.—Сначала, конечно... опасался-съ; но теперь... одобряю-съ!

— Чего же собственно, вашество, опасаться изволили?

— Упраздненія власти-съ!

— А теперь одобряете?

— Теперь одобряю-съ. На этотъ счетъ доложу вамъ вотъ что̀-съ. Съ блаженной памяти государя Петра Алексѣевича исторія русской цивилизаціи принимаетъ характеръ, такъ сказать, піонерный. Являются, знаете, одни за другими піонеры. Расчищаютъ, пролагаютъ, прорубаютъ, строятъ, ломаютъ и опять строятъ... однимъ словомъ, ведутъ жизнь дѣятельную. Сперва губернаторы, прокуроры, экономіи директоры, капитанъ-исправники—это, такъ сказать, піонеры первобытные. Потомъ-съ: окружные начальники, воспитанники училища правовѣдѣнія, акцизные чиновники, контрольные чиновники, мировые посредники—это уже піонеры второй формаціи, піонеры съ утонченными чувствами и деликатными манерами. Наконецъ, земство-съ.

Digitized by Google

— Стало-быть, и Василій Петровичъ, и Николай Дмитричъ—все это піонеры?

— Піонеры-съ, и больше ничего.

Послѣ такого толкованія слушателямъ не оставалось ничего болѣе, какъ оставить всякія опасенія и надѣяться, что недалеко то время, когда Русская земля процивилизуется, наконецъ, вплотную. Вотъ что̀ значитъ опытность старика, пріобрѣвшаго, по выходѣ въ отставку, привычку поднимать завѣсу будущаго!

Такимъ образомъ, тихо и неслышно текутъ дни благодушнаго старца, еще недавно удивлявшаго міръ своею распорядительностью. Въ обхожденіи онъ кротокъ и какъ-то задумчиво-сдержанъ; на исправника глядитъ благосклонно, какъ будто говоритъ: «это еще при мнѣ началось!» съ мировымъ судьей холодно-учтивъ, какъ будто говоритъ: «по этому предмету я осмѣлился подать такой-то совѣтъ!» Въ одеждѣ своей онъ не придерживается никакихъ формальностей и предпочитаетъ бѣлый цвѣтъ всякому другому, потому что это цвѣтъ угнетенной невинности. Однажды даже онъ отпустилъ себѣ бороду, въ знакъ того, что и ему не чуждо «сокращеніе переписки», но скоро оставилъ эту затѣю, потому что князь Петръ Антонычъ, встрѣтивши его въ этомъ видѣ, сказалъ: «Эге, братъ, да и ты, кажется, въ нигилисты попалъ!» Вообще онъ счастливъ и увѣряетъ всѣхъ и каждаго, что никогда такъ не блаженствовалъ, какъ находясь въ отставкѣ.

II.

Каждый день утромъ къ старику пріѣзжаетъ изъ города бывшій правитель его канцеляріи, Павелъ Трофимычъ Кошельковъ, старинный соратникъ и соархистратигъ, вмѣстѣ съ нимъ нѣкогда возжегшій административный свѣтильникъ и съ нимъ же вмѣстѣ погасившій его. Это гость всегда дорогой и всегда желанный; отъ него узнаются всѣ городскія новости и, что̀ всего важнѣе, онъ же, изо-дня-въ-

Digitized by Google

день, повѣдываетъ почтенному старцу трогательную повѣсть подвиговъ и дѣяній того, кто хотя и замѣнилъ незамѣнимаго, но не могъ заставить его забыть.

Утро; старикъ сидитъ за чайнымъ столомъ и кушаетъ чай съ сдобными булками; Анна Ивановна усердно намазываетъ масломъ тартинки, которыя незабвенный проглатываетъ тѣмъ съ бо̀льшею готовностью, что, со времени выхода въ отставку, онъ совершенно утратилъ инстинктъ плотоядности. Но мысль его блуждаетъ индѣ; глаза, обращенные къ окошкамъ, прилежно испытуютъ пространство, не покажется ли вдали пара саврасокъ, влекущая стариннаго друга и собесѣдника. Наконецъ, старецъ оживляется, на̀скоро выпиваетъ остатки молока и бѣжитъ къ дверямъ.

— Ну-съ, что̀ новенькаго?—спрашиваетъ онъ послѣ первыхъ взаимныхъ привѣтствій.

— Моститъ базарную площадь-съ.

— Какъ? кто?

— Новый-съ.

Извѣстіе это поражаетъ изумленіемъ. Старикъ многое предвидѣлъ, многое предсказалъ; но этого ни предвидѣть, ни предсказать не могъ.

— Признаюсь! — произноситъ онъ не безъ смущенія:— признаюсь!

— Да и мы-таки подивились! — поддакиваетъ Павелъ Трофимычъ.

Не то чтобы идея о замощеніи базарной площади была для старика новостью; нѣтъ, и его воображеніе когда-то плѣнялось ею, но онъ оставилъ эту затѣю (и не безъ сожалѣнія оставилъ!), потому что изъ устныхъ и письменныхъ преданій убѣдился, что до него уже семь губернаторовъ погибли жертвою этой ужасной идеи.

— Но предвидѣлъ ли онъ, этотъ безразсудный молодой человѣкъ, тѣ непреодолимыя трудности, даже опасности, съ которыми связано подобное предпріятіе?

Digitized by Google

— Сказывали-съ; Яковъ Астафьичъ даже примѣры представляли-съ...

— Ну?

— Остался непреклоненъ-съ.

Начинаются сѣтованія и соболѣзнованія; разсказывается исторія о погибшихъ губернаторахъ, и въ особенности приводится въ примѣръ нѣкоторый Иванъ Петровичъ, который все совершилъ, что смертному совершить доступно, то-есть недоимки собралъ, безпокойныхъ укротилъ, нравственность водворилъ и даже однажды высѣкъ совсѣмъ неподлежаще одного обывателя, но по вопросу о мостовыхъ сломился, былъ отрѣшенъ отъ должности и умеръ въ отставкѣ, не выслуживъ пенсіона.

— А я такъ вотъ выслужилъ! Мостовыхъ не строилъ, а пенсію выслужилъ!—прибавляетъ благодушный старецъ.

— Раненько, вашество, тяготы-то съ себя снять изволили!—льститъ Павелъ Трофимычъ.

— Я?.. Что жъ?.. Я послужить готовъ!.. Я, мой любезный Павелъ Трофимычъ... Меня этими мостовыми не удивишь! Я не только передъ мостовыми, но даже передъ тротуарами не дрогну! Только надо къ этому предмету осторожно, мой милый... Ой, какъ осторожно надо подступить!

— Что говорить, вашество, съ осторожностью и гору просверлить можно!

— Это такъ. Потому, сегодня стукнешь—ямочка, завтра стукнешь—анъ она глубже, послѣзавтра—и еще глубже. Такъ-то, мой любезный!

Въ такихъ разговорахъ незамѣтно летитъ время до обѣда, послѣ чего Кошельковъ отправляется обратно въ городъ за свѣжимъ запасомъ новостей.

На другой день та же обстановка и тотъ же дорогой гость. Оказывается, что «новый» переломалъ въ губернаторскомъ домѣ полы и потолки.

Старикъ дѣлается серьезенъ, почти строгъ.

— А знаетъ ли онъ, этотъ безразсудный молодой чело-

Digitized by Google

вѣкъ, — говоритъ онъ: — что въ этомъ домѣ до него жили тридцать три губернатора, и жили, благодареніе Богу, въ изобиліи!

На третій день Павелъ Трофимычъ повѣствуетъ, что «новый», прибывъ въ нѣкоторое присутственное мѣсто, спросилъ книгу, подложилъ ее подъ себя и затѣмъ, бія себя въ грудь, сказалъ предстоявшимъ:

— Я вамъ книга, милостивые государи! Я — книга, и больше никакихъ книгъ вамъ знать не нужно!

Старикъ начинаетъ колебаться. Онъ начинаетъ подозрѣвать, что въ «безразсудномъ молодомъ человѣкѣ» не все сплошь безразсудства, но по временамъ являются и признаки мудрости.

— Дай Богъ!—говоритъ онъ:—дай Богъ! Но, все-таки, скажу: осторожность, мой любезный! Ой, какъ нужна осторожность!

На четвертый день — опять то же посѣщеніе; оказывается, что «новый» выбралъ себѣ въ «помпадурши» жену квартальнаго Толоконникова.

Чело старика проясняется; въ головѣ его шевелятся веселыя мысли.

— А что̀ ты думаешь, любезный,—говоритъ онъ:—вѣдь онъ... тово! вѣдь онъ бабенку-то тово!

— Толоконниковъ ужъ и шинель съ бобрами себѣ построилъ-съ!

— Въ знакъ удовлетворенія... это такъ! Я полагаю даже, что онъ его куда-нибудь въ совѣтники... Потому, мой любезный, что это, такъ сказать, общая наша слабость, и... долженъ признаться... пріятнѣйшая, братъ, эта слабость!

— Ужъ чего же, вашество, лучше!

— То-то, любезный другъ, ты пойми! Насчетъ этого нельзя такъ легко говорить! Ужъ на что я къ Аннѣ Ивановнѣ привязанъ, а тоже, бывало, завидишь этакую помпадуршу—чай, помнишь?..

Digitized by Google

— Какъ не помнить-съ! Только раненько, вашество, тяготы-то эти сбросить съ себя изволили!

— Что жъ, я послужить готовъ!.. А онъ... тово! Онъ, я тебѣ скажу, эту бабенку... Это—вѣрно!

Наконецъ, въ одно прекрасное утро пріѣзжаетъ Павелъ Трофимычъ и смотритъ не то загадочно, не то торжественно.

— Ну-съ, что̀ еще напроказили?—спрашиваетъ старикъ по обыкновенію.

— Недоимки собираетъ!

— Самъ собираетъ?

— Самъ-съ.

— И сѣчетъ?

— И сѣчетъ-съ! (Кошельковъ, очевидно, вретъ, но дѣлаетъ это въ тѣхъ видахъ, чтобы извѣстіе подѣйствовало на старика какъ можно живительнѣе).

При этомъ извѣстіи съ отставнымъ начальникомъ совершается нѣчто необыкновенное. Онъ какъ бы впадаетъ въ восторженное забытье; ему мнится, что онъ куда-то въѣзжаетъ на бѣломъ конѣ, что онъ облаченъ въ свѣтозарныя одежды; что сзади него миріада исправниковъ, сотскихъ, десятскихъ, а передъ нимъ...

— Даже бабъ сѣчетъ-съ!—окончательно прилыгаетъ Павелъ Трофимычъ, видя успѣхъ своей стратагемы.

— Бацъ! бацъ!—ни съ того, ни съ сего, вдругъ восклицаетъ старикъ.—Такъ ты говоришь, и бабъ?

— Точно такъ, вашество, потому что бабы...

— Бацъ! бацъ!

Старикъ быстрыми шагами ходитъ по комнатѣ, дѣлая движеніе рукой сверху внизъ.

— А знаешь ли, что̀ я тебѣ скажу!—говоритъ онъ, останавливаясь сразмаху передъ своимъ собесѣдникомъ.

— Что̀, вашество, приказать изволите?

— Онъ... молодецъ!

Digitized by Google

III.

По вечерамъ старецъ пишетъ свои мемуары или, какъ онъ называетъ, «воспоминанія о бывшемъ, небывшемъ и грядущемъ». Онъ занимается этимъ въ величайшемъ секретѣ, такъ что только Анна Ивановна, Павелъ Трофимычъ да я знаемъ, чему посвящаетъ свои досуги бывшій глубокомысленный администраторъ.

— Я, мой милый, фрондеръ!—такъ всегда начинаетъ онъ, когда рѣшается прочитать намъ какой-нибудь отрывокъ изъ своихъ мемуаровъ.—По выраженію старика Державина,—

Я истину царямъ съ улыбкой говорилъ...

Ну, и почтенъ былъ за это въ свое время... А нынче, друзья мои, этого не любятъ! Нынче нашего брата, фрондера, за ушко да на солнышко... за истину-то! Вотъ, когда я умру... тогда отдайте все Каткову! Никому, кромѣ Каткова! Хочу лечь рядомъ съ старикомъ Вигелемъ!

Нѣкоторыя выдержки изъ этихъ мемуаровъ столь любопытны, что я не могу воздержаться, чтобы не подѣлиться ими съ любезнымъ читателемъ. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ благодушный старецъ свое назначеніе въ помпадуры:

«Въ 18... году, іюля 9-го дня, поздно вечеромъ, сидѣли мы съ Анной Ивановной въ грустномъ уныніи на квартирѣ (жили мы тогда въ приходѣ Пантелеймона, близъ Соляного Городка, на хлѣбахъ у одной почтенной нѣмки, платя за все по 50 рублей на ассигнаціи въ мѣсяцъ—такова была въ то время дешевизна въ Петербургѣ, но и та, въ сравненіи съ московскою, называлась дороговизною) и громко сѣтовали на неблагосклонность судьбы. Какъ вдругъ раздается у дверей громкій и продолжительный звонокъ, и слышимъ, что кѣмъ-то произносится мое имя и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (тогда ужъ я былъ онымъ). Предчувствуя въ судьбѣ своей счастливую

Digitized by Google

перемѣну, наскоро запахиваю халатъ, выбѣгаю и вижу курьера, который говоритъ мнѣ: «Ради Христа, ваше превосходительство, поскорѣе поспѣшите къ его сіятельству, ибо васъ сдѣлали помпадуромъ!» Забывъ на минуту разстояніе, раздѣлявшее меня отъ сего добраго вѣстника, я нѣсколько разъ искренно облобызалъ его и, поручивъ доброй сопутницѣ моей жизни угостить его хорошимъ стаканомъ вина (съ придачею красной бумажки), не поѣхалъ, а скорѣе полетѣлъ къ князю. И дѣйствительно, былъ принятъ отъ его сіятельства съ отмѣнною ласкою. Поздравивъ меня съ высокимъ саномъ и дозволивъ поцѣловать себя въ плечо (причемъ я, вслѣдствіе волненія чувствъ, такъ крѣпко нажималъ губами, что даже князь это замѣтилъ), онъ сказалъ: «Я знаю, старикъ (я и тогда уже былъ онымъ), что ты смиренномудренъ и преданъ, но, главное, объ чемъ я тебя прошу и даже приказываю,—это: обрати вниманіе на возрастающіе успѣхи вольномыслія!» Съ тѣхъ поръ слова сіи столь глубоко запечатлѣлись въ моемъ сердцѣ, что я и нынѣ, какъ живого, представляю себѣ этого сановника, высокаго и статнаго мужчину, серьезно и важно предостерегающаго меня противъ вольномыслія! Нечего и говорить, въ какомъ я вышелъ отъ князя настроеніи; дождливая и довольно темная ночь показалась мнѣ свѣтлѣе радостнаго утра, а Невскій проспектъ, черезъ который пришлось мнѣ проходить—эдемомъ, въ коемъ все приглашало меня къ наслажденію. И дѣйствительно, я зашелъ въ кофейную Амбіеля (въ домѣ армянской церкви) и на двугривенный пріобрѣлъ сладкихъ пирожковъ (тогда двугривенный стоилъ въ Петербургѣ восемьдесятъ копеекъ на ассигнаціи, въ Москвѣ же цѣнность его доходила до рубля) и раздѣлилъ ихъ съ доброю своею подругой. На другой день явился къ намъ откупщикъ и предложилъ свои услуги. И такимъ образомъ наше грустное уныніе превратилось въ веселую и невинную радость. Такъ совершился сей достопримѣчательнѣйшій въ жизни моей фактъ, коего подробности и доднесь

Digitized by Google

запечатлѣны въ моей памяти. Сначала я былъ назначенъ въ Вятку, потомъ, постепенно возвышаясь, достигъ, наконецъ, Саратова, гдѣ нахожусь и нынѣ, пребывая хотя и въ отставкѣ, но съ полнымъ пенсіономъ».

Или вотъ еще эпизодъ, изображающій собственно административную дѣятельность благодушнаго старца:

«Нерѣдко случалось мнѣ слышать отъ постороннихъ людей исторію о томъ, какъ мы съ генераломъ Горячкинымъ ловили червей въ Нерехотскомъ уѣздѣ; но всегда исторія эта передавалась въ извращенномъ видѣ. Дѣло было такъ. Въ 18... году, въ сентябрѣ, будучи уже костромскимъ помпадуромъ, получилъ я отъ исправника донесеніе, что въ Нерехотскомъ уѣздѣ появился необыкновенной величины червякъ, который поѣдаетъ озимь, сію надежду будущаго урожая, и что, несмотря на принятыя полицейскія мѣры, сей червь, какъ бы посмѣиваясь надъ оными, продолжаетъ свое истребительное дѣло. Дѣлать нечего: какъ ни жаль было разставаться съ доброй спутницей жизни и теплымъ гнѣздомъ, однако отправился. Пріѣзжаю на мѣсто, требую, чтобы мнѣ показали образцы зловреднаго насѣкомаго—и что̀ же вижу? Огромной величины травоядное, съ виду точь-въ точь похожее на солитера! Подивившись, тутъ же составили планъ кампаніи и легли спать. На другой день, едва лишь встало солнце, какъ вдругъ мнѣ докладываютъ, что на границѣ сосѣдней губерніи ожидаетъ меня генералъ Горячкинъ, для совокупныхъ дѣйствій по сему же дѣлу, такъ какъ вредный тотъ червь производилъ свои опустошенія и въ смежности. На̀скоро умываюсь, выхожу и вижу генерала, гарцующаго на бѣломъ конѣ близъ самой границы, но черезъ оную не переступающаго. Тогда, пригласивъ любезно добраго сосѣдушку въ свою убогую хижину и заказавъ себѣ уху изъ волжскихъ стерлядей, начали мы толковать о предстоящихъ мѣрахъ. Но какъ ночь была проведена почти безъ сна, по случаю безпрерывныхъ трудовъ и совѣщаній, то вскорѣ мы заснули. Каково же было наше

Digitized by Google

удивленіе, когда, проснувшись, вдругъ узнали, что червь, какъ бы по мановенію волшебства, вдругъ исчезъ! Тогда, поѣвши ухи и настрого наказавъ обывателямъ, дабы они всячески озаботились, чтобы яйца червя остались безъ оплодотворенія, мы разстались: я—въ одну сторону, а ярославскій сосѣдушка мой—въ другую. Такимъ образомъ происходило сіе достопамятное дѣло, стоившее мнѣ немалыхъ трудовъ и безпокойствъ».

Или вотъ, наконецъ, третій и послѣдній отрывокъ:

«Однажды одинъ предсѣдатель, слывшій въ обществѣ остроумцемъ (я въ то время служилъ уже симбирскимъ помпадуромъ), сказалъ въ одномъ публичномъ мѣстѣ: «ежели бы я былъ помпадуромъ, то всегда ходилъ бы въ колпакѣ!» Узнавъ о семъ черезъ преданныхъ людей и улучивъ удобную минуту, я, въ свою очередь, при многолюдномъ собраніи, сказалъ неосторожному остроумцу (весьма, впрочемъ, заботившемуся о соблюденіи казеннаго интереса): ежели бы я былъ колпакомъ, то, навѣрно, вмѣщалъ бы въ себѣ голову предсѣдателя!» Онъ тотчасъ же понялъ, въ кого направлена стрѣла, и закусилъ языкъ. Но съ тѣхъ поръ уже не повторялъ своей дерзкой замашки, и дружба наша болѣе не прерывалась».

Кромѣ того, мнѣ извѣстно, что, независимо отъ мемуаровъ, благодушный старикъ имѣетъ и другія, еще болѣе серьезныя занятія, которымъ посвящаетъ вечерніе досуги свои. А именно, онъ пишетъ различныя административныя руководства, порою же разрабатываетъ и посторонніе философическіе вопросы.

Изъ административныхъ его руководствъ мнѣ извѣстны слѣдующія: «Три лекціи о строгости» (планъ сего сочиненія задуманъ и даже отчасти въ исполненіе приведенъ былъ еще во время административной дѣятельности старца, и вступительная (первая) лекція была читана въ полномъ собраніи гг. исправниковъ и городничихъ; но за сіе-то именно и былъ уволенъ нашъ добрый начальникъ отъ долж-

Digitized by Google

ности!!!): «О необходимости административнаго единогласія, какъ противоядія таковому жъ многогласію», «Краткое разсужденіе объ усмиреніяхъ, съ примѣрами», «О скорой губернаторской ѣздѣ на почтовыхъ», «О вредѣ, производимомъ вице-губернаторами», «О способахъ административнаго усмотрѣнія» и, наконецъ, «О благовидной администратора наружности».

Изъ сочиненій философическаго содержанія мнѣ извѣстны слѣдующія: «О солнечныхъ и лунныхъ затменіяхъ и о преимуществѣ первыхъ надъ послѣдними», «Что̀, ежели бы я жилъ на необитаемомъ островѣ и имѣлъ собесѣдникомъ лишь правителя канцеляріи?» и, наконецъ, третье: «О непримѣтномъ для глазъ теченіи времени».

Мы съ Павломъ Трофимычемъ не разъ приступали къ доброму старику, чтобы позволилъ опубликовать хоть одинъ изъ этихъ трактатовъ, въ которыхъ философическая мудрость до такой степени сплетена съ мудростью житейскою, что невозможно ничего разобрать; но всегда встрѣчали упорный отказъ.

— Нѣтъ, друзья, — отвѣчалъ намъ незабвенный:—вотъ когда я умру—тащите все къ Каткову! Никому, кромѣ Каткова! Хочу лечь рядомъ со старикомъ Вигелемъ!

Тѣмъ не менѣе (несмотря на строгость и горечь этого отказа), я и до сихъ поръ не могу безъ благороднаго умиленія вспомнить о тѣхъ сладостныхъ вечерахъ, которые мы проводили, слушая мастерское и одушевленное чтеніе нашего добраго, хотя и отставного начальника. Сидимъ мы, бывало, вчетверомъ: онъ, Анна Ивановна, Павелъ Трофимычъ и я, въ любимой его угловой комнатѣ; въ каминѣ пріятно тлѣютъ дрова; въ сторонѣ, на столѣ шипитъ самоваръ, желтѣетъ только-что сбитое сливочное масло и радуютъ взоры румяныя булки, а онъ звучнымъ, отчетливымъ голосомъ читаетъ:

«Необходимо, чтобы администраторъ имѣлъ наружность благородную. Онъ долженъ быть не тученъ и не скареденъ, роста быть не огромнаго и не излишне-малаго, долженъ

Digitized by Google

сохранять пропорціональность въ частяхъ тѣла и лицо имѣть чистое, не обезображенное ни бородавками, ни тѣмъ болѣе злокачественными сыпями. Сверхъ сего, долженъ имѣть мундиръ».

Или:

«Прежде всего замѣчу, что истинный администраторъ никогда не долженъ дѣйствовать иначе, какъ чрезъ посредство мѣропріятій. Всякое его дѣйствіе не есть дѣйствіе, а есть мѣропріятіе. Привѣтливый видъ, благосклонный взглядъ суть такія же мѣры внутренней политики, какъ и экзекуція. Обыватель всегда въ чемъ-нибудь виноватъ»...

— Не хотите ли простокваши съ сахаромъ?—прерветъ, бывало, милая Анна Ивановна, причемъ больше всего имѣетъ въ виду дать доброму старику время передохнуть.

«Обыватель *всегда* въ чемъ-нибудь виноватъ, и потому всегда надлежитъ на порочную его волю воздѣйствовать»,— продолжаетъ старикъ, и вдругъ, прекращая чтеніе и отирая навернувшіяся на глазахъ слезы (съ нѣкотораго времени, и именно съ выхода въ отставку, онъ пріобрѣлъ такъ-называемый «слезный даръ»), прибавляетъ:—Друзья! отложимте чтеніе до завтра! Сегодня я... взволнованъ!

О, сладкія минуты! о, милыя, гостепріимныя тѣни! гдѣ вы?

IV.

Однако старикъ не утерпѣлъ. Въ одинъ праздничный день стояли мы всѣ въ соборѣ, какъ вдругъ онъ появился среди насъ. Вошелъ онъ безъ помпы, однакожъ и безъ ложной скромности, и направилъ шаги свои къ лѣвому клиросу, такъ какъ у праваго стоялъ «новый». Легкій трепетъ прошелъ по толпѣ. Мы молча любовались изящною картиной противопоставленія силъ двухъ административныхъ свѣтилъ, изъ коихъ одно представляло полный жизни восходъ, а другое—прекрасный, тихо потухающій закатъ; но многіе замѣтили, что «новый», при появленіи благодушнаго старца, вздрогнулъ. Вѣроятно, воображенію его, по этому поводу,

Digitized by Google

представлялись тѣ затрудненія, которыя могли возникнуть во время прикладыванья ко кресту; вѣроятно, онъ опасался, что заматерѣлый старый администраторъ, по прежней привычкѣ, подойдетъ первымъ, и при этой мысли правая нога его уже сдѣлала машинально шагъ впередъ, чтобы отнюдь не допустить столь явнаго умаленія власти. Но тонкій старикъ, появившись столь неожиданно среди насъ, очевидно имѣлъ иныя цѣли, и потому, дабы достигнуть желаемаго безпрепятственно и вмѣстѣ съ тѣмъ не поставить въ затрудненіе преосвященнаго, великодушно разрѣшилъ всѣ сомнѣнія, добровольно удалившись изъ церкви за минуту до окончанія богослуженія.

Оказалось, что цѣлью пріѣзда старика было благо и счастіе той самой страны, на пользу которой онъ въ свое время такъ много поревновалъ. Надо сказать правду: въ послѣднее время въ немъ произошелъ значительный нравственный переворотъ; въ особенности же спасительно въ этомъ отношеніи повліяли дѣйствія «новаго» по взысканію недоимокъ (а отчасти и по выбору помпадурши). Легко можетъ быть даже, что въ виду этихъ мѣропріятій нашъ незабвенный рѣшился, не предупредивъ никого, сдѣлать послѣдній шагъ, чтобы окончательно укрѣпить и наставить того, который въ нашемъ интимномъ обществѣ продолжалъ еще слыть подъ именемъ «безразсуднаго молодого человѣка». И дѣйствительно, немедленно послѣ обѣдни, цѣлый городъ былъ свидѣтелемъ, какъ «старый» направился съ визитомъ къ «новому».

Что происходило во время этого свиданія, длившагося слишкомъ два часа,—осталось для всѣхъ тайной. Несомнѣнно, однакожъ, что тутъ обсуждались интересы и мѣропріятія немногимъ легковѣснѣе тѣхъ, о коихъ была рѣчь во время свиданія на границѣ двухъ губерній по случаю избіенія вредоносныхъ червей. Очевидцы, стоявшіе въ это время въ пріемной комнатѣ, утверждаютъ одно: совѣщаніе происходило тихо и на какомъ-то никому невѣдомомъ языкѣ, причемъ восклицанія перемежались вздохами, вздохи же пере-

Digitized by Google

межались восклицаніями. Сверхъ того, нерѣдко слышались слова: «ваше превосходительство!» Очевидно, что обѣимъ сторонамъ было равно тяжко. Наконецъ, администраторы разомъ вышли изъ кабинета, красные и до крайности взволнованные. Нѣкоторое время они безмолвно стояли, взирая другъ другу въ глаза и пожимая руки; наконецъ, «новый» стремительно обратился къ своему правителю канцеляріи и сказалъ:

— Сейчасъ же, мой любезный, пойдите и скажите, чтобы мостовую базарной площади немедленно прекратили! Прикажите также, чтобы полы и потолки въ губернаторскомъ домѣ настилали попрежнему!

Затѣмъ, взаимно и любезно облобызавшись, оба свѣтила разстались.

Вечеромъ того же дня старикъ былъ счастливъ необыкновенно. Онъ радовался, что ему опять удалось сдѣлать доброе дѣло въ пользу страны, которую онъ привыкъ въ душѣ считать родною, и, въ ознаменованіе этой радости, ѣлъ необыкновенно много. Съ своей стороны, Анна Ивановна не могла не замѣтить этого чрезвычайнаго аппетита, и хотя не была скупа отъ природы, но сказала:

— Ахъ, Nicolas! ты сегодня такъ много кушаешь, что у тебя непремѣнно заболитъ животъ!

На что незабвенный отвѣтилъ:

— Другъ мой, не смущай моей радости! Сегодня я убѣдился, что наше дѣло находится въ добрыхъ и надежныхъ рукахъ!

Въ этотъ же вечеръ добрый старикъ прочиталъ намъ нѣсколько отрывковъ изъ вновь написаннаго имъ сочиненія подъ названіемъ: «Увѣтъ молодому администратору», въ коихъ меня особенно поразили слѣдующія истинно-вѣщія слова: «Юный! ежели ты думаешь, что наука сія легка— разувѣрься въ томъ! Самонадѣянный! ежели ты мечтаешь все совершить съ помощью одной необдуманности—оставь

Digitized by Google

сіи мечты и склони свое неопытное ухо увѣту старости и опытности! Перо сіе, быть-можетъ, въ послѣдній разъ»...

Когда онъ читалъ сіи строки, мы заливались слезами.

Кто могъ думать, что этотъ веселый вечеръ будетъ послѣднимъ проблескомъ нашего счастія!

V.

Вдругъ старикъ началъ хирѣть. Многіе увѣряютъ, что хворость эта началась съ того дня, какъ онъ посѣтилъ «новаго», такъ какъ прямымъ послѣдствіемъ этого посѣщенія была неумѣренность въ пищѣ, вслѣдствіе которой сначала заболѣлъ животъ, а затѣмъ... Но не стану упреждать событій и скажу только, что подобное толкованіе кажется мнѣ поверхностнымъ уже по тому одному, что невозможно допустить, чтобы опытные администраторы лишались жизни вслѣдствіе разстройства желудка. Я объясняю себѣ эту болѣзнь иначе, а именно тѣмъ нравственнымъ переворотомъ, о которомъ говорено выше и который произошелъ въ старикѣ въ послѣднее время.

Надо сказать правду: старикъ долго не одобрялъ дѣйствій «новаго». Всѣ эти распоряженія и мѣропріятія (таковы, напримѣръ: замощеніе базарной площади, приказъ о подвязываніи колокольчиковъ при въѣздѣ въ городъ и т. п.), которымъ съ такою неразсчетливою горячностью предался на первыхъ порахъ безразсудный молодой человѣкъ, казались ревнивому старику направленными лично противъ него. Онъ хмурился, нерѣдко роптал, и хотя деликатность не позволяла ему стать во главѣ недовольныхъ, тѣмъ не менѣе, никто не могъ сомнѣваться насчетъ его истинныхъ чувствъ. Въ этомъ недовольствѣ уже заключалось извѣстное положеніе, прямое и даже независимое, дававшее отставному администратору право критически относиться къ дѣйствіямъ новой администраціи, право негодовать, упрекать въ неблагодарности и проч. Въ скоромъ времени это грустное право обратилось даже въ привычку и, незамѣтно для сво-

Digitized by Google

его обладателя, поддерживало и питало его существованіе. Старикъ увидѣлъ себя центромъ, къ которому устремились скептики и недовольные. Испытавъ на себѣ всѣ послѣдствія преждевременной отставки, онъ, какъ древле Коріоланъ, съ горькою веселостью видѣлъ, какъ въ любезномъ ему отечествѣ, на развалинахъ заведеннаго имъ порядка, водворяется анархія, то-есть безначаліе. И ежели бы у него подъ руками были вольски, то онъ, быть-можетъ, не усомнился бы даже прибѣгнуть къ ихъ помощи, лишь бы предписать условіе новому Риму, утопающему въ развратѣ и гордости. Однимъ словомъ, это была своего рода пища, пища не вполнѣ здоровая, но не лишенная извѣстной доли пріятности и возбудительности. И вдругъ... рухнуло разомъ все это зданіе недовольства, упрековъ, критиканствъ и негодованій; вдругъ оказалось, что новый Римъ вовсе не утопаетъ въ развратѣ безначалія и что даже Рима совсѣмъ никакого нѣтъ... Извѣстія слѣдуютъ за извѣстіями съ быстротою молніи, и все извѣстія самыя благонадежныя, самыя благонамѣренныя! Вѣсть объ избраніи помпадурши была первою въ этомъ смыслѣ: съ нея старикъ задумался, и слово «молодецъ» впервые сорвалось съ его языка въ примѣненіи къ «новому». Затѣмъ извѣстіе о сборѣ недоимокъ потрясло еще болѣе; тутъ онъ положительно убѣдился, что «новый» совсѣмъ не тотъ фанфаронъ, какимъ его произвольно создало его воображеніе, но что это администраторъ дѣйствительный, употребляющій, гдѣ нужно, мѣры кротости, но не пренебрегающій и мѣрами строгости. Наконецъ, великодушная уступка, сдѣланная по вопросу о мостовыхъ, докончила начатое и поразила старика до того, что онъ тотчасъ же объѣлся, и вотъ въ этомъ (но только въ этомъ!) смыслѣ можетъ быть признано справедливымъ мнѣніе, что неумѣренность въ пищѣ послужила косвенною причиной тѣхъ бѣдственныхъ происшествій, которыя случились впослѣдствіи.

На другой день послѣ описаннаго выше свиданія старецъ еще бродилъ по комнатѣ, но уже не снималъ халата. Онъ

Digitized by Google

особенно охотно бесѣдовалъ въ тотъ вечеръ о сокращеніи переписки, доказывая, что всѣ позднѣйшія «катастрофы» ведутъ свое начало изъ этого зловреднаго источника.

— Сокращеніе переписки, — говорилъ онъ, — отняло у администраціи ея жизненные соки. Лишенная радужной одежды, которая, въ теченіе многихъ вѣковъ, скрывала ея формы отъ глазъ нескромной толпы, администрація прибѣгла къ «катастрофамъ», какъ къ послѣднему средству, чтобы опериться. Правда, новая одежда явилась, но она оказалась съ прорѣхами.

— Но неужели же, вашество, нѣтъ средствъ починить ее?—взывали мы съ Павломъ Трофимычемъ.

— Есть-съ; средство это — вырвать корень со всѣми его послѣдствіями; но, — прибавилъ онъ, вздохнувши: — для такого подвига нынче слугъ нѣтъ!

— Раненько, вашество, тяготы-то эти съ себя снять изволили!—заикнулся-было Павелъ Трофимычъ.

— Что жъ! Я послужить готовъ! — отвѣчалъ онъ и даже пріободрился, но тутъ же почувствовалъ новый припадокъ въ желудкѣ и вышелъ.

Въ этотъ вечеръ онъ даже не писалъ мемуаровъ. Видя его въ такомъ положеніи, мы упросили его прочитать еще нѣсколько отрывковъ изъ сочиненія «О благовидной администратора наружности»; но едва онъ успѣлъ прочесть: «Я зналъ одного тучнаго администратора, который, при томъ, отлично зналъ законы, но успѣха не имѣлъ, потому что отъ тука, во множествѣ скопленнаго въ его внутренностяхъ, задыхался»... какъ почувствовалъ новый припадокъ въ желудкѣ, и уже въ тотъ вечеръ не возвращался.

На слѣдующій день онъ казался нѣсколько бодрѣе, какъ вдругъ пріѣхалъ Павелъ Трофимычъ и сообщилъ, что вчерашняго числа «новый» высѣкъ на пожарѣ купца (съ горестью я долженъ сказать здѣсь, что эта новость была ложная, выдуманная съ цѣлью потѣшить больного). При этомъ извѣстіи благодушный старецъ вытянулся во весь ростъ.

Digitized by Google

— Моло... — проговорилъ онъ, и вдругъ ослабѣлъ и упалъ на диванъ.

На третій день онъ лежалъ въ постели и бредилъ. Организмъ его, потрясенный предшествовавшими событіями, очевидно, не могъ вынести послѣдняго удара. Но и въ бреду онъ продолжалъ быть гражданиномъ; онъ поднималъ руки, онъ къ кому-то обращался и молилъ спасти «нашу общую, бѣдную»... Въ рѣдкія минуты, когда воспалительное состояніе утихало, онъ разсуждалъ объ анархіи.

— Пуще всего, друзья, — обращался онъ къ намъ, — опасайтесь анархіи: то-есть, безначалія. Какъ, съ одной стороны, чинобоязненность и начальстволюбіе есть то естественное основаніе, изъ котораго современемъ прозябнетъ для вкушающаго сладкій плодъ, такъ, съ другой стороны, безначаліе, какъ и самое сіе слово о томъ свидѣтельствуетъ, есть не что иное, какъ зловонный тукъ, изъ котораго имѣютъ произрасти одни зловредные волчцы. Посему, ежели кто вамъ скажетъ: «идемъ и построимъ башню, касающуюся облакъ», то вы того человѣка бойтесь и даже представьте въ полицію; ежели же кто скажетъ: «идемъ, преклонимъ колѣна», то вы, того человѣка облобызавъ, за нимъ послѣдуйте. Небоящіеся чиновъ оными награждены не будутъ; боящемуся же все дастся, и даже...

Въ одну изъ такихъ свѣтлыхъ минутъ доложили, что пріѣхалъ «новый». Старикъ вдругъ вспрянулъ и потребовалъ чистаго бѣлья. «Новый» вошелъ, потрясая плечами и гремя саблею. Онъ дружески подалъ больному руку, объявилъ, что сейчасъ лишь вернулся съ усмиренія, и заявилъ надежду, что здоровье почтеннѣйшаго старца не только поправится, но, съ Божьею помощью, получитъ дальнѣйшее развитіе. Старикъ былъ видимо тронутъ и пожелалъ остаться съ «новымъ» наединѣ.

Что происходило на этой второй и послѣдней конференціи двухъ административныхъ свѣтилъ — осталось тайною. Какъ ни прикладывали мы съ Павломъ Трофимычемъ глаза

Digitized by Google

и уши къ замочной скважинѣ, но могли разобрать только одно: что старикъ увѣщевалъ «новаго» быть твердымъ и не взирать. На этомъ моментѣ насъ поймала Анна Ивановна и крѣпко-таки пожурила за нашу нескромность.

Черезъ полчаса «молодой человѣкъ» вышелъ изъ спальной съ красными отъ слезъ глазами; онъ чувствовалъ, что лишился друга и совѣтника. Что же касается старика, то мы нашли его въ такой степени спокойнымъ, что онъ могъ безъ помѣхъ продолжать свои наставленія объ анархіи.

Увы! на другой день страшная вѣсть поразила весь городъ...

Такъ потухъ этотъ административный свѣточъ, столь долго удивлявшій міръ своею распорядительностью! Такъ закатилось это свѣтило, не успѣвшее совершить и половину предначертаннаго ему круга!

Склонился долу спѣлый гроздій! склонился подъ бременемъ собственныхъ доблестныхъ подвиговъ и дѣяній! Палъ старый безстрашный боецъ! палъ... жертвою сокращенія переписки!

III. — Старая помпадурша.

I.

Ни для кого внезапная отставка стараго помпадура не была такъ обильна горькими послѣдствіями, ни въ чьемъ существованіи не оставила она такой пустоты, какъ въ существованіи Надежды Петровны Бламанжé. Квартальные, секретари и другіе подьячіе, въ ожиданіи новаго помпадура, все-таки продолжали именоваться квартальными, секретарями и подьячими; она одна, въ одно мгновеніе и навсегда, утратила и славу, и почести, и величіе... Были минуты, когда ей казалось, что она даже утратила свой полъ.

— Главное, ma chère, несите свой крестъ съ достоин-

Digitized by Google

ствомъ! — говоритъ пріятельница ея, Ольга Семеновна Проходимцева, которая когда-то черезъ нее пристроила своего мужа куда-то секретаремъ: — не забывайте, что на васъ обращены глаза цѣлаго города!

Надежда Петровна вздрогнула и мысленно сравнивала себя съ Изабеллой Испанскою. Что̀ ей теперь «глаза цѣлаго города»! что̀ въ нихъ, когда они устремлялись на нее лишь для измѣренія глубины ея горести! Утративши своего помпадура, она утратила̀ все... даже способность быть патріоткою...

Послѣднія минуты разставанія были особенно тяжелы для нея. По обыкновенію, прощаніе происходило на первой отъ города станціи, куда собрались самые преданные, чтобы проводить въ дальнѣйшій путь добрѣйшаго изъ помпадуровъ. Закусили, выпили, поплакали; секретарь Проходимцевъ даже до того обмочился слезами, что старый помпадуръ только махнулъ рукою и сказалъ:

— Уведите! уведите его... онъ добрый!

Однако Надежда Петровна была сдержанна и даже довольно искусно притворилась веселою. Ее попросили спѣть что-нибудь — она не отказалась; взяла гитару и пропѣла любимую помпадурову пѣсню:

Шли три онѣ...

И только въ ту минуту, когда пришлось выводить:

Ты, Матрена!
Ты, Матрена!
Не подвертывайся!

голосъ ея какъ будто дрогнулъ...

Но когда доложили, что лошади поданы, когда старый помпадуръ началъ укутываться и уже заносилъ руки, чтобы положить въ уши канатъ, Надежда Петровна не выдержала. Она быстро сдернула съ своихъ плечъ пуховую косынку и, обвернувъ ею шею помпадура, вскрикнула... Отъ этого крика проснулось эхо сосѣднихъ лѣсовъ.

Digitized by Google

— Nadine a été sublime d'abnégation! — говорила потомъ одна изъ присутствовавшихъ на проводахъ дамъ. — Представьте себѣ, она всю дорогу ѣхала съ открытой шеей и даже не хотѣла запахнуть салопа.

— Et ce cri! — прибавила другая дама: — ce cri! Это было какое-то вдохновеніе! Это было просто что-то такое...

Какъ бы то ни было, но старый помпадуръ уѣхалъ, до такой степени уѣхалъ, что самый слѣдъ его экипажа въ ту же ночь занесло снѣгомъ. Надежда Петровна съ ужасомъ помышляла о томъ, что ее съ завтрашняго же дня начнутъ называть «старой помпадуршей».

Ничто такъ болѣзненно не дѣйствуетъ на впечатлительныя души, какъ перемѣны и утраты. Бываетъ, что даже просто стулъ вынесутъ изъ комнаты, и то ищешь глазами, чувствуешь, что чего-то недостаетъ; представьте же себѣ, какое нравственное потрясеніе должно было произойти во всемъ организмѣ Надежды Петровны, когда она убѣдилась что у нея вынесли изъ квартиры цѣлаго помпадура! Долгое время она не могла освоиться съ этою мыслью; долгое время ее какъ будто подманивало и подмывало. Руки ея машинально поднимались, чтобъ ущипнуть или потрепать кого-то по щекѣ; голова и весь корпусъ томно склонялись, чтобъ отдохнуть на чьей-то груди. Въ ушахъ явственно раздавался чей-то голосъ; талія вздрагивала отъ мнимаго прикосновенія чьей-то руки; грудь волновалась и трепетала; губы полуоткрывались, дыханіе становилось прерывистымъ и жгло. Однимъ словомъ, въ ней какъ будто самъ собой еще совершался тотъ процессъ вчерашней жизни. когда счастье полнымъ ключомъ било въ ея жилахъ, когда не было ни одного дыханія, которое не интересовалось бы ею, не удивлялось бы ей, когда вокругъ нея толпились необозримыя стада робкихъ поклонниковъ, когда она, чтобъ сдерживать ихъ почтительныя представленія и заявленія, была вынуждаема съ томнымъ самоотверженіемъ говорить: «Нѣтъ, вы объ этомъ не думайте! Это все не

Digitized by Google

мое! Это все и на вѣкъ принадлежитъ моему милому помпадуру!..»

— Душенька, не мучь ты себя! Утри свои глазки! — успокаивалъ Надежду Петровну мужъ ея, надворный совѣтникъ Бламанжé, стоя передъ ней на колѣняхъ. — Повѣрь, такія испытанія никогда безъ цѣли не посылаются! Современемъ...

— Чтò «современемъ»? Ужъ не вы ли думаете замѣнить мнѣ *его?* — съ негодованіемъ прервала его Надежда Петровна.

— Другъ мой! голубчикъ! полно! куда мнѣ! Я говорю: современемъ...

— Отстаньте! вы мерзки!

Бламанжé удалялся въ другую комнату и оттуда робко вслушивался, какъ вздыхала Надежда Петровна.

Бламанжé былъ малый кроткій и несъ названіе «помпадуршина мужа» безъ нахальства и безъ особенной развязности, а такъ только, какъ будто былъ имъ чрезвычайно обрадованъ. Онъ успѣлъ снискать себѣ всеобщее уваженіе въ городѣ тѣмъ, что не задиралъ носа и не гордился. Другой на его мѣстѣ непремѣнно сталъ бы и обрывать, и козырять, и финты-фанты выкидывать; онъ же не только ничего не выкидывалъ, но постоянно велъ себя такъ, какъ бы его поздравляли съ праздникомъ.

— Какъ здоровье Надежды Петровны? — спрашивали его знакомые, встрѣтившись на улицѣ.

— Благодарю васъ, — отвѣчалъ онъ любезно: — въ ту минуту, какъ я оставилъ ее, у нея сидѣлъ...

И потомъ, вдругъ скорчивъ таинственную мину, онъ прибавлялъ своему собесѣднику на ухо:

— Опять повздорили! — или: — опять помирились! — смотря по тому, было ли извѣстно собесѣднику, что передъ этимъ между помпадурами произошла любовная размолвка или любовное соглашеніе.

Обыватели не только цѣнили такую ровность характера,

Digitized by Google

но даже усматривали въ ней признаки доблести; да и нельзя было не цѣнить, потому что у всѣхъ былъ еще въ свѣжей памяти мужъ предшествовавшей помпадурши, корнетъ Отлетаевъ, который не только разбивалъ по ночамъ винные погреба, но однажды голый и съ штандартомъ въ рукахъ проскакалъ верхомъ черезъ весь городъ.

Поэтому, когда уѣхалъ старый помпадуръ, Бламанже́ огорчился этимъ едва ли не болѣе, нежели сама Надежда Петровна. Онъ чувствовалъ, что и въ его существованіи образовался какой-то пропускъ; что ему хочется кому-то поклониться—и поклониться некому; хочется во̀-время уйти изъ квартиры—и уйти не для чего; хочется сказать: «какъ прикажете?» — и сказать нѣтъ повода. Просто, не стало резона производить тѣ дѣйствія, говорить тѣ рѣчи, которыя производились и говорились въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду и совокупность которыхъ сама собою составляла такую естественную и со всѣхъ сторонъ защищенную обстановку, что и жилось въ ней какъ-то уютнѣе, и спалось словно мягче и безмятежнѣе.

Съ своей стороны, и Надежда Петровна, за все время своего помпадурствованія, вела себя до такой степени умно и осторожно, что не только не повредила себѣ во мнѣніи общества, но даже значительно выиграла. Правда, она гордилась своимъ положеніемъ, но гордилась только въ томъ смыслѣ, что она по совѣсти выполняетъ ту роль благодѣтельной феи, которая выпала на ея долю по волѣ судьбы. Ни одинъ подьячій не уходилъ отъ нея безъ утѣшенія, ни одинъ частный приставъ не миновалъ того, чтобъ не придти въ восторгъ отъ ея ласковаго обращенія.

— Вотъ ужъ именно можно сказать: мухѣ зла не сдѣлала! — восклицали хоромъ эти ревностные исполнители начальственныхъ предначертаній.

Всякому она какъ будто говорила: «посмотри, какая я мягкая, славная, сочная, добрая! И какъ долженъ быть счастливъ со мною твой начальникъ!» Всякому она сумѣла

Digitized by Google

сдѣлать что-нибудь пріятное. У одного крестила дочь или сына, у другого была посаженою матерью; у безплодныхъ ѣла пироги. Не сердилась даже, когда у нея цѣловали ручки и заводили при этомъ разслабляющій чувства разговоръ. Она сама не прочь была поврать; но всякій разъ, когда вранье начинало принимать двусмысленный оборотъ, она, безъ всякой, впрочемъ, строптивости, прерывала разговоръ словами: «Нѣтъ! объ этомъ вы, пожалуйста, ужъ забудьте! Это не мое! Это все принадлежитъ моему милому помпадуру!» Однимъ словомъ, стояла на стражѣ помпадурова добра.

Очень понятно, что обыватели и это сумѣли оцѣнить по достоинству. Вспоминали прежнихъ помпадуршъ, какія онѣ были халды и притязательныя, какъ наушничали, сплетничали и даже истязали; какъ онѣ увольняли и опредѣляли, какъ отягощали налогами и экзекуціями... Передавали другъ другу разсказы о корнетшѣ Отлетаевой, которая однажды въ своего помпадура апельсиномъ на званомъ обѣдѣ пустила, и даже не извинилась потомъ,—и, сравнивая этотъ порывистый образъ дѣйствія съ благосклонно-мягкими, почти неслышными движеніями Надежды Петровны, всѣ въ одинъ голосъ вопіяли:

— Мухи не обидѣла! Самому послѣднему приказному— и тому не сдѣлала зла!

Однимъ словомъ, по мѣрѣ того, какъ она утѣшала своего помпадура, общественное уваженіе къ ней возрастало все больше и больше. Поэтому выходъ ея изъ помпадуршъ былъ не только сносный, но даже блестящій. Обыкновенно бываетъ, что старую помпадуршу немедленно же начинаютъ рвать на куски, т.-е. начинаютъ не узнавать ея, дѣлать въ ея присутствіи нѣкоторыя несовмѣстныя тѣлодвиженія, называть «душенькой», подсылать къ ней извозчиковъ; тутъ же, напротивъ, все обошлось какъ нельзя приличнѣе. Цѣлый городъ понялъ великость понесенной ею потери, и когда нѣкоторый остроумецъ, увидѣвъ на дру-

Digitized by Google

гой день Надежду Петровну, одѣтую съ ногъ до головы въ черное, стоящею въ церкви на колѣняхъ и сдержанно, но пламенно молящеюся, вздумалъ-было сдѣлать рукой какой-то вольный жестъ, то все общество протестовало противъ этого поступка тѣмъ, что тотчасъ же послѣ обѣдни отправилось къ ней съ визитомъ.

— Jamais, au grand jamais! même dans ses plus beaux jours, elle n'a été fêtée de la sorte! — говорила статская совѣтница Глумова, вспоминая объ этомъ торжествѣ невинности.

— Просто даже какъ будто она не Бламанжé, а какая-нибудь принцесса! — прибавлялъ отъ себя дѣйствительный статскій совѣтникъ Балбесовъ.

Даже кучерà долгое время вспоминали, какъ господа ѣздили «Бламанжейшино горе утолять»—такъ великъ былъ въ этотъ день съѣздъ экипажей передъ ея домомъ.

— Вы, пожалуйста, душечка, къ намъ попрежнему! — убѣждала Надежду Петровну предводительша Веденѣева.

— Вы знаете, какъ мы были привязаны къ тому, чтò для васъ такъ дорого!—прибавляла госпожа Прохвостова.

— Вы знаете, какъ мы цѣнимъ, какъ мы понимаемъ!— перебивала статская совѣтница Глумова.

— Mais venez donc diner, chère... sans cérémonies! — благосклонно упрашивала дѣйствительная статская совѣтница Балбесова.

— И чѣмъ чаще-съ, тѣмъ лучше-съ! — присовокуплялъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Балбесовъ, поглядывая на помпадуршу масляными глазами.—Горе ваше, Надежда Петровна, большое-съ; но, смѣю думать, не безъ надежды на уврачеваніе-съ.

Не мало способствовало такому благополучному исходу еще и то, что старый помпадуръ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые зажигаютъ неугасимые огни въ благодарныхъ сердцахъ обывателей тѣмъ, что принимаютъ по табельнымъ днямъ, не манкируютъ званыхъ обѣдовъ и вечеровъ

Digitized by Google

и съ ангельскимъ терпѣніемъ подписываютъ подаваемыя имъ бумаги. Припоминали, какъ предшествовавшіе помпадуры швыряли и даже топтали ногами бумаги, какъ они слонялись по городу, съ пѣной у рта, какъ хлопали квартальныхъ по животу, прибавляя: «что̀, много тутъ погребено всякихъ курочекъ да поросяточекъ!» какъ невѣжничали на званыхъ обѣдахъ... и не могли не удивляться кротости и обходительности новаго (увы! теперь уже отставного!) помпадура. А такъ какъ и онъ, по началу, оказывалъ нѣкоторыя топтательныя поползновенія, и однажды даже, разсердившись на городническое правленіе, приказалъ всѣмъ членамъ его умереть, то не безъ основанія догадывались, что перемѣна, въ немъ совершившаяся, произошла единственно благодаря благодѣтельному вліянію Надежды Петровны.

— Нѣтъ, вы подумайте, сколько надо было самоотверженія, чтобы укротить такого звѣря!—говорили одни.

— Вѣдь она, можно сказать, всякую его выходку на своемъ тѣлѣ приняла!—утверждали другіе.

— Да-съ, это искусство не маленькое! Быть ввержену въ одну клѣтку съ звѣремъ—и не проштрафиться!—прибавляли третьи.

И такимъ образомъ, и старый помпадуръ, и сама Надежда Петровна, и даже надворный совѣтникъ Бламанжé—все дѣйствовало за-одно, все способствовало, чтобы привязать къ ней сердца обывателей. Такъ что когда старый помпадуръ уѣхалъ, то она очутилась совсѣмъ не въ томъ ложномъ положеніи, какое обыкновенно становится удѣломъ всѣхъ вообще уволенныхъ отъ должности помпадуршъ, а просто явилась интересною жертвою жестокой административной необходимости. Одно только казалось ей страннымъ: что въ ея существованіи вдругъ какъ будто нѣкто провелъ черту и сказалъ при этомъ: «отнынѣ быть тебѣ, попрежнему, дѣвицей!»

Однако, какъ ни велика была всеобщая симпатія, На-

Digitized by Google

дежда Петровна не могла не припоминать. Прошедшее вставало передъ нею, осязательное, живое и ясное; оно шло за ней по пятамъ, жгло ея щеки, тѣснило грудь, закипало въ крови. Она не могла взглянуть на себя въ зеркало безъ того, чтобы вездѣ... вездѣ не увидѣть слѣдовъ стараго помпадура!

— Противный ты, помпадурушка, нашалилъ и уѣхалъ!— говорила она, томно опускаясь на кушетку, а слезы такъ и сыпались крупными алмазами на пылающія щеки.

Надворный совѣтникъ Бламанжé обыкновенно ловилъ такія минуты налету и неслышно, словно у него были бархатныя ноги, подползалъ къ кушеткѣ.

— Другъ мой, — начиналъ онъ: — Богъ милостивъ! Современемъ...

— Отстаньте! вы мнѣ мерзки! Все противно, все мерзко, все отвратительно!—кричала она на него и нерѣдко даже разбивала при этомъ какую-нибудь бездѣлицу.

Прежде всего ей припоминались первые, медовые дни ихъ знакомства. Что она плѣнила его—въ томъ ничего не было удивительнаго. Это была одна изъ тѣхъ роскошныхъ женщинъ, мимо которыхъ ни одинъ человѣкъ, на заставахъ команду имѣющій, не можетъ пройти безъ содроганія. Въ особенности же раздражительно дѣйствовала ея походка, и когда она, неся поясницу на отлетѣ, не шла, а словно устремлялась по улицѣ, то помпадуръ, самъ того не замѣчая, начиналъ подпрыгивать. Многіе пробовали устоять противъ одуряющаго дѣйствія этой походки, но не устоялъ никто. Однажды окружной акцизный даже пари подержалъ, что устоитъ, но какъ только поровнялся съ очаровательницей, то вдругъ до такой степени взвизгнулъ, что жившій неподалеку мѣщанинъ Полотебновъ сказалъ женѣ: «а что, Мариша, никакъ въ лѣсу заяцъ пѣсню запѣлъ!» Въ этомъ положеніи засталъ его старый помпадуръ.

— Вы, государь мой, въ такихъ лѣтахъ, что можете.

Digitized by Google

кажется, сами понимать, что визжать на улицѣ неприлично!—сказалъ онъ ему строго.

Но акцизный даже не извинился, а продолжалъ лопотать языкомъ что-то непонятное и указывалъ рукой на удаляющуюся Надежду Петровну.

Съ тѣхъ поръ все пошло у нихъ какъ по маслу.

Помпадуръ началъ съ того, что обласкалъ надворнаго совѣтника Бламанжé. Потомъ сталъ безпрерывно прохаживаться подъ окнами дома, въ которомъ жила Надежда Петровна, и напѣвать: «Jeune fille aux yeux noirs». Напѣвалъ онъ этотъ романсъ то грустнымъ фальцетомъ, то подражая звуку трубы, причемъ фальшивилъ неупустительно. Весь городъ замѣтилъ нелѣпое помпадурово шатанье и съ тревожнымъ волненіемъ ожидалъ, чѣмъ оно кончится. Надежда Петровна тоже что-то предчувствовала и, завидѣвъ изъ окна влюбленнаго помпадура, смѣялась тѣмъ тихимъ, счастливымъ смѣхомъ, какимъ смѣются маленькія дѣти, когда у нихъ слегка пощекотятъ животикъ. Наконецъ, въ этомъ дѣлѣ приняла участіе Ольга Семеновна Проходимцева...

Провинція на этотъ счетъ очень услужлива. Когда замѣтитъ, что помпадуръ на охотѣ, то сейчасъ же со всѣхъ сторонъ такъ и посыплются на него всякія благодатныя случайности: и нечаянныя прогулки въ загородномъ саду, и нечаянныя встрѣчи въ домѣ какой-нибудь гостепріимной хозяйки, и нечаянныя столкновенія за кулисами во время благороднаго спектакля. Однимъ словомъ, нѣтъ такого живого дыханія, которое не подѣйствовало бы какимъ-нибудь омерзительнымъ движеніемъ успѣху сего омерзительнаго предпріятія.

Такъ было и тутъ. Помпадуръ встрѣчался съ Надеждой Петровной у Проходимцевой, и встрѣчался всегда случайно. Сначала онъ все пѣлъ: «Jeune fille aux yeux noirs», и объяснялъ, что музыка этого романса была любимымъ церемоніальнымъ маршемъ въ его полку. Иногда, впро-

Digitized by Google

чемъ, для перемѣны, принимался разсматривать лежавшія на столѣ картинки и бормоталъ себѣ, по-дурацки, подъ носъ:

— Неприступная!

— Про кого вы тамъ еще шепчете? — спрашивала его Надежда Петровна.

— Небожительница!

О, ежели бы у него былъ хвостъ, она навѣрное увидѣла бы, какъ онъ вилялъ имъ въ это время!

Долго, однакожъ, она не поддавалась обаянію его любезности; по временамъ случалось даже такъ, что онъ затянетъ:

— Des chevaliers ainsi m'ont exprimé leur flamme...

А она въ отвѣтъ:

— Et moi, j'ai refusé l'offre des chevaliers...

И съ такой усмѣшкой посмотритъ на него, что онъ вдругъ, словно обожженный, перемѣнитъ матерію и затянетъ: «T'en souviens-tu?»

— Что̀ это вы вдругъ какую похоронную? — спроситъ Ольга Семеновна.

— Что жъ дѣлать-съ! Вотъ Надеждѣ Петровнѣ не имѣемъ счастья нравиться! — отвѣтитъ онъ и какъ-то такъ уморительно надуетъ губы, что Надеждѣ Петровнѣ такъ вотъ и хочется попробовать, какой онѣ издадутъ звукъ, если нечаянно хлопнуть по нимъ пальчикомъ.

Но такъ какъ никто своей судьбы не избѣжитъ, то и для нихъ настала рѣшительная минута.

Однажды—это было осеннимъ вечеромъ—помпадуръ, по обыкновенію, пришелъ къ Проходимцевой и, по обыкновенію же, засталъ тамъ Надежду Петровну. Въ этотъ разъ нервы у нея были какъ-то особенно впечатлительны.

— Jeune fille aux yeux noirs! tu règnes sur mon âme!

—затянулъ помпадуръ. Надежда Петровна вполголоса ему вторила:

Digitized by Google

— Et moi, j'ai refusé...

— Ахъ, нѣтъ! ахъ, нѣтъ! не пойте этого! не смѣйте пѣть!—какъ-то нервически вскрикнула Надежда Петровна, какъ будто хотѣла заплакать.

— Вы... ты...

Сердца ихъ зажглись.

Вспоминала объ этомъ Надежда Петровна въ теперешнемъ своемъ уединеніи,—вспоминала, какъ послѣ этого она пріѣхала домой, безъ всякой причины бѣгала и кружилась по комнатамъ, какъ Бламанжé ползалъ по полу и цѣловалъ ея руки; вспоминала... и сердце ея вотще зажигалось, и по щекамъ текли горькія-горькія слезы...

— Какой онъ, однакожъ, тогда глупенькій былъ!—говорила она:—и какъ онъ смѣшно глазами вертѣлъ! какъ онъ старался рулады выдѣлывать, какъ будто я и безъ того не понимала, къ чему эти рулады клонятся!

Отъ одного воспоминанія мысль ея невольно переходила къ другому.

Однажды у Проходимцевой состоялись живыя картины. Были только *свои*. *Онъ* представлялъ Іакова, она—Рахиль. Она держала въ рукахъ наклоненную амфору; складки ея туники спускались на груди и какъ-то случайно разстроились... *Онъ* протягивалъ губы («и какъ онъ уморительно ихъ протягивалъ... глупушка мой!»—думалось ей).

— Эхъ, Надежда Петровна! кабы вы меня такимъ манеромъ попоили! — сказалъ ей тогда дѣйствительный статскій совѣтникъ Балбесовъ; но она сдѣлала видъ, что не слышитъ, и даже не пожаловалась *ему*.

Почему она не пожаловалась? А потому, что онъ однажды сказалъ ей:

— Ты, Наденька, если будутъ къ тебѣ приставать, только скажи! Я сейчасъ его на телѣжку—и фюить!

Она же не только не добивалась ничего подобнаго, но желала одного: чтобы всѣ на нее смотрѣли и радовались.

Digitized by Google

Потомъ, однажды — было ужъ очень-очень поздно — *онъ* расшалился и вдругъ сказалъ ей:

— Наденька! какое, однакожъ, у тебя тѣло: такъ и таетъ!

Потомъ... они были однажды въ командировкѣ... *онъ* — по дѣламъ, она—случайно... Ихъ пригласилъ предводитель обѣдать... Бесѣдка... садъ... поетъ соловей... вдали ходитъ письмоводитель и куритъ сигару.

Все это такъ и металось въ глаза, такъ и вставало передъ ней какъ живое! И что̀ всего важнѣе, — по мѣрѣ того, какъ она утѣшала своего друга, уваженіе къ ней все болѣе и болѣе возрастало! Никто даже не завидовалъ! Всѣ знали, что это такъ и есть, такъ и быть должно... А теперь? Что̀ она такое теперь? *Старая* помпадурша! Развѣ это положеніе? развѣ это постъ?

— Ахъ, гдѣ-то онъ теперь, глупушка мой?!

Надежда Петровна томилась и изнывала. Она видѣла, что общество благосклонно къ ней попрежнему, что и квартальные нимало не утратили своей предупредительности; но это ее не радовало и даже какъ будто огорчало. Всякій новый зовъ на обѣдъ или вечеръ напоминалъ ей о прошедшемъ, когда приглашенія приходили естественно, а не изъ сожалѣнія или какой-то искусственно-вызванной благосклонности. Правда, у нея былъ другъ—Ольга Семеновна Проходимцева...

Съ этимъ другомъ она запиралась одинъ-на-одинъ и вспоминала. Она даже сама удивлялась, какой неисчерпаемый источникъ подробностей открывался передъ нею всякій разъ, какъ она принималась припоминать.

— Вотъ какой этотъ помпадурушка глупенькій! Сколько онъ нашалилъ!—говорила она Ольгѣ Семеновнѣ, и вновь отыскивала какую-нибудь еще неразсказанную подробность и повѣствовала о ней своему другу.

Отъ остальныхъ знакомыхъ она почти отказалась, а дѣйствительному статскому совѣтнику Балбесову даже напрямки

Digitized by Google

сказала, чтобы онъ и не думалъ, и что хотя помпадуръ уѣхалъ, но она попрежнему принадлежитъ одному *ему*, или, лучше сказать, благодарному воспоминанію о *немъ*. Это до такой степени ожесточило Балбесова, что онъ прозвалъ Надежду Петровну «ходячею панихидой по помпадурѣ»; но и за всѣмъ тѣмъ успѣха не имѣлъ.

— Вѣдь вотъ, сударь, какое этому помпадуру счастье,— говорилъ онъ:—вѣдь, кажется, только и хорошаго въ немъ было, что на обезьяну похожъ, а такую привязанность къ себѣ внушилъ!

Бо́льшую часть времени она сидѣла передъ портретомъ стараго помпадура и все вспоминала, все вспоминала. Случалось иногда, что люди, особенно преданные, успѣвали-таки проникать въ ея уединеніе и уговаривали ее принять участіе въ какомъ-нибудь увеселеніи. Но она на всѣ эти уговоры отвѣчала презрительной улыбкой. Наконецъ, это сочтено было даже опаснымъ. Попробовали призвать на совѣтъ надворнаго совѣтника Бламанже́ и заставили его еще разъ стать передъ ней на колѣни.

— Голубчикъ! не отъ себя, а отъ имени цѣлаго общества...—умолялъ злосчастный Бламанже́, ползая по полу.

— Вы съ ума сошли! Вы, кажется, забыли, *кто* меня любилъ!—отвѣчала она, величественно указывая на портретъ стараго помпадура.

А помпадуръ, словно живой, выглядывалъ изъ рамокъ и, казалось, одобрялъ ея рѣшеніе.

И вотъ, однажды утромъ, Надежда Петровна едва успѣла встать съ постельки, какъ увидала, что на улицѣ происходитъ какое-то необыкновенное смятеніе. Какъ ни поглощена была ея мысль воспоминаніями прошлаго, но сердце ея невольно вздрогнуло и заколотилось въ груди.

— Поздравляю, душенька! новый помпадуръ пріѣхалъ!— весело сказалъ вошедшій въ это время надворный совѣтникъ Бламанже́.

Digitized by Google

II.

Между тѣмъ уваженіе къ Надеждѣ Петровнѣ все росло и росло. Купцы открыто говорили, что «если бы не она, наша матушка, *онъ* бы, какъ святъ Богъ, и насъ всѣхъ, да и прахъ-то нашъ по вѣтру развѣялъ!» Дворяне и чиновники выводили ее чуть не по прямой линіи отъ князя Олега. Полиціймейстеръ настолько встревожился этими слухами, что, несмотря на то, что былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ единственно Надеждѣ Петровнѣ, счелъ долгомъ доложить о нихъ новому помпадуру.

— Скажите бабѣ, чтобы она унялась, а не то... фюить!— отвѣчалъ новый помпадуръ и какъ-то самонадѣянно-лихо щелкнулъ при этомъ пальцами.

Новый помпадуръ былъ малый молодой и совсѣмъ отчаянный. Онъ не зналъ ни наукъ, ни искусствъ и до такой степени мало уважалъ такъ-называемыхъ идеологовъ, что даже изъ Поль-де-Кока и прочихъ классиковъ прочиталъ только избраннѣйшія мѣста. Любимѣйшія его выраженія были: «фюить!» и «куда Макаръ телятъ не гонялъ!»

Тѣмъ не менѣе, когда онъ объѣхалъ мѣстную интеллигенцію, то, несмотря на свою безнадежность, понялъ, что Надежда Петровна составляетъ своего рода силу, съ которою не считаться было бы неблагоразумно.

— Повѣрьте, mon cher, — открывался онъ одному изъ своихъ приближенныхъ: — эта Бламанжé... это своего рода московская пресса! Столь же податлива... и столь же тверда. Но что она, во всякомъ случаѣ, волнуетъ общественное мнѣніе—это такъ же вѣрно, какъ дважды-два!

Но что̀ всего болѣе волновало его, такъ это то, что онъ еще ничѣмъ не успѣлъ провиниться, какъ уже встрѣтилъ противодѣйствіе.

— Помилуйте! я пріѣхалъ сюда... и, кромѣ открытаго сердца... клянусь Богомъ, ничего! — говорилъ онъ. — И что жъ!.. на первыхъ же порахъ...

Digitized by Google

Однако, мало-по-малу любопытство взяло верхъ, и однажды, когда полиціймейстеръ явился утромъ, по обыкновенію, то новый помпадуръ не выдержалъ.

— А что... эта старая... какова?—спросилъ онъ.

— Птичка-съ!

— Гм!.. вы понимаете... я... Но...

— Точно такъ-съ.

— Ну, да!

У полиціймейстера сперло въ зобу дыханіе отъ радости. Онъ прежде всего былъ человѣкъ доброжелательный и не могъ не болѣть сердцемъ при видѣ какихъ бы то ни было междоусобій и неустройствъ. Поэтому онъ немедленно отъ помпадура поскакалъ къ Надеждѣ Петровнѣ и засталъ ее сидящею въ уныніи передъ портретомъ стараго помпадура. У ногъ ея ползалъ Бламанжé.

— Гдѣ-то ты теперь, глупушка?! Нашалилъ—и уѣхалъ!—разсуждала она сама съ собою.

Однако, когда въ передней послышалось звяканье полицейской шпаги, она не могла не вздрогнуть. Такъ вздрагиваетъ старый боевой конь, заслышавъ призывный звукъ трубы. Надо сказать, впрочемъ, что къ Надеждѣ Петровнѣ всякій и во всякое время могъ входить безъ доклада и требовать себѣ водки и закусить.

— Принеси ты мнѣ, Семенъ, этой рыбки — знаешь? — скомандовалъ полиціймейстеръ въ передней.—А вы, Надежда Петровна, все еще въ слезахъ! Матушка! голубушка! да что жъ это такое?—продолжалъ онъ, входя въ комнату.—Ну, поплакали, ну, и будетъ! Глазки-то, глазки-то зачѣмъ же портить?

— Да-съ, вотъ не могу убѣдить!—вступился Бламанжé.

— До тѣхъ поръ, покуда...—сказала Надежда Петровна, и голосъ ея оборвался.

— Ну, да, есть резонъ, а вы бы, сударыня, и объ насъ, грѣшныхъ, тоже подумали!

— Что̀ жъ я могу сдѣлать! теперь моя роль...

Digitized by Google

Надежда Петровна поникла головой.

— А я вотъ что̀ вамъ доложу, сударыня, — настойчиво продолжалъ полиціймейстеръ:—вмѣсто того, чтобы передъ этимъ, прости Господи, идоломъ унывать, вамъ бы, сударыня, бразды-съ... вотъ что̀, сударыня!

Но Надежда Петровна попрежнему смотрѣла въ упоръ на стараго помпадура.

— Я, сударыня, еще сегодня имѣлъ счастье докладывать...

Полиціймейстеръ вздохнулъ.

— Что̀ же?—вступился Бламанже́.

— А что̀ жъ, говорятъ, коли они хотятъ продиводѣйствовать, такъ и пускай!.. Нехорошо это, Надежда Петровна! Богъ съ васъ за это спроситъ! Такъ-то-съ!

Но она все молчала и, казалось, въ глазахъ смотрящаго на нее помпадура почерпала все бо̀льшую и бо̀льшую душевную твердость.

«Нашалилъ—и уѣхалъ!»—думалось ей.

— Вотъ то̀-то оно и есть-съ! — продолжалъ полиціймейстеръ, какъ бы предвосхищая ея мысль. — Они-то уѣхали, а мы вотъ тутъ отдувайся-съ!

— Я постоянно ей это твержу, — оправдывался Бламанже́:—и не я одинъ—все общество!

Но Надежда Петровна уже не слушала болѣе. Она вскочила съ мѣста и, какъ раненая тигрица, устремилась на полиціймейстера.

— Такъ вы забыли, кто меня любилъ?—вскрикнула она на него.—А я... я помню, я все помню!

И съ этимъ словомъ она величественно удалилась изъ комнаты.

Попытки, однако, этимъ не ограничились. Чаще и чаще начали навѣщать Надежду Петровну городскія дамы, и всякая непремѣнно заводила рѣчь о новомъ помпадурѣ. Нѣкоторыя говорили даже, что онъ начинаетъ пріударять.

— Какъ жаль, что около него нѣтъ... vous savez?—прибавляла при этомъ какая-нибудь сердобольная дамочка.

Digitized by Google

— Нѣтъ, не знаю!—отвѣчала Надежда Петровна съ изумительнымъ равнодушіемъ.

— Ну, этого... какъ это лучше выразить... руководящаго...

— А!

Наступила эпоха обѣдовъ и баловъ. Надежда Петровна все крѣпилась и не спускала глазъ съ портрета стараго помпадура. Въ городѣ стали разсказывать другъ другу по секрету, что она надѣла на себя вериги.

— Mais, enfin, cela commence à devenir ridicule, ma chère!—говорили ей подруги, приглашая принять участіе въ общественныхъ торжествахъ.

— Вы не знаете, mesdames, *кто* меня любилъ, — былъ ея обыкновенный отвѣтъ на эти приставанья: — а я... я знаю! О! я очень, очень много знаю!

— Все это такъ... c'est sublime, il n'y a rien à dire! но все же... всему есть, наконецъ, мѣра!

— Вотъ такъ-то я съ ней каждый Божій день бьюсь!— вступался при этомъ надворный совѣтникъ Бламанжé, который въ послѣднее время истаялъ какъ свѣчка.

Въ сущности, однакожъ, сердце ея мало-по-малу подавалось. Она начинала уже анализировать физіономію стараго помпадура и находила, что у него носъ...

— Ахъ, ma chère, посмотрите, какой у него уморительный носъ!—говорила она Ольгѣ Семеновнѣ.

— Я удивляюсь, какъ вы прежде этого не замѣтили,— отвѣчала госпожа Проходимцева, которая и съ своей стороны употребляла всѣ усилія, чтобы заставить Надежду Петровну позабыть о прошедшемъ.—Да и губы-то не больно мудрящія.

И вотъ, однажды, она рискнула даже взглянуть въ окошко... О, ужасъ! она увидѣла новаго помпадура, который шелъ по улицѣ, мурлыкая себѣ подъ носъ:

L'amour—qu'est que c'est que ça, mamselle?
L'amour—qu'est que c'est que ça?

Digitized by Google

Онъ былъ такъ хорошъ, что она невольно заглядѣлась. Брюнетъ, небольшого роста, но чрезвычайно пропорціонально сложенный, онъ, казалось, былъ созданъ для того, чтобы повелѣвать и очаровывать. На лѣвой щекѣ его была брошена небольшая бородавка (она все замѣтила!), а надъ губой прихотливо вился темный усъ, который онъ по временамъ прикусывалъ. Красота его была совсѣмъ другого рода, нежели красота стараго помпадура. У того и носъ, и губы были такіе мягкіе, такіе уморительные, что такъ и позывало какъ-нибудь ихъ скомкать, смять, а потомъ, пожалуй, и поцѣловать. Но не за красоту поцѣловать, а именно за уморительность. У этого, напротивъ, все было крѣпко, все говорило о неуклонности, неупустительности и натискѣ.

Но вотъ онъ приближается больше и больше; вотъ онъ уже поровнялся съ домомъ Надежды Петровны; походка его колеблется, колеблется... вотъ онъ остановился... онъ взялся за ручку звонка... Надежда Петровна, вся смущенная и трепещущая, устремилась подъ защиту портрета стараго помпадура. Бламанжé еще разъ оказалъ свою понятливость, стремглавъ бросившись вонъ изъ дома.

— Вы меня извините, милая Надежда Петровна,—говорилъ «онъ» черезъ минуту своимъ вкрадчивымъ голосомъ:— я до такой степени уважалъ вашу горесть, что не смѣлъ даже подумать потревожить васъ раньше своимъ посѣщеніемъ. Но прошу васъ вѣрить, что мое нетерпѣніе... тѣ лестные отзывы... если бъ я могъ слушаться только голоса моего сердца...

Но у Надежды Петровны стучало въ ушахъ. Она уставилась глазами въ портретъ, и ей показалось, что старый помпадуръ сверкалъ на нее оттуда глазами!

— Повѣрьте,—продолжалъ звучать тотъ же медоточивый голосъ,—что я, тѣмъ не менѣе, отнюдь не оставался безучастнымъ зрителемъ вашего горя. Господинъ полиціймейстеръ, конечно, не откажется удостовѣрить васъ, что я

Digitized by Google

неоднократно приказывалъ и даже настаивалъ, чтобы вамъ предоставлены были всѣ способы... словомъ, все, что находится въ моей власти...

Надежда Петровна сидѣла попрежнему, не шевелясь, словно съ ней происходилъ какой-то кошмаръ.

— Однако, мнѣ очень обидно, — гудѣлъ помпадуръ: — скажу больше... мнѣ даже больно, что вы... какъ будто изъ-за меня... лишаете общество, такъ сказать, лучшаго его украшенія! Конечно, я... мои достоинства... Я не могу похвалиться опытностью...

— Нѣтъ, васъ хвалятъ!—промолвила Надежда Петровна, почти не сознавая сама, что говоритъ.

— Общество слишкомъ ко мнѣ снисходительно! Конечно, все, что отъ меня зависитъ... я готовъ жертвовать жизнью... но, во всякомъ случаѣ, милая Надежда Петровна, вы мнѣ позвольте уйти съ пріятною мыслью... или, лучше сказать, съ надеждою... что вы не захотите меня огорчить, лишая общество, такъ сказать, его лучшаго украшенія!

— Я-съ... если прикажете-съ!—отвѣчала она съ прежнею безсознательностью.

— Не приказываю-съ, но прошу!

Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Это, кажется, портретъ моего предмѣстника?—спросилъ онъ.

— Да-съ; это онъ-съ.

— Какъ счастливъ онъ былъ въ своихъ привязанностяхъ, и какъ много, какъ много утратилъ съ отъѣздомъ отсюда!

Глаза помпадура становились масляными, рѣчи принимали тенденціозный оттѣнокъ; но Надежда Петровна все еще не выходила изъ своего оцѣпенѣнія.

— Да-съ, онъ былъ счастливъ-съ,—промолвила она, сама удивляясь, отчего языкъ ея говоритъ только однѣ глупости.

— Извините, я больше не смѣю утруждать васъ своимъ присутствіемъ, но позволяю себѣ думать, что уношу съ собою пріятную надежду, что отнынѣ всѣ недоразумѣнія

Digitized by Google

между нами кончены, и вы... вы не лишите общество его... такъ сказать, лучшаго украшенія!—сказалъ онъ, наконецъ, поднимаясь съ дивана и вновь цѣлуя ручку хозяйки.

По уходѣ его Надежда Петровна нѣкоторое время стояла въ остолбенѣніи. Ей казалось, что она выслушала какую-то неуклюжую канцелярскую бумагу, которой смыслъ былъ для нея еще не совсѣмъ ясенъ, но на которую необходимо, во что̀ бы ни стало, дать объясненіе. Наконецъ, когда она очнулась, то первымъ ея движеніемъ было схватить портретъ стараго помпадура.

— Помпадурушка! глупушка мой! Куда жъ ты уѣхалъ! Что̀ ты со мной сдѣлалъ!—вскрикнула она, какъ бы предчувствуя, что въ судьбѣ стараго помпадура долженъ произойти рѣшительный переворотъ.

III.

Дни шли за днями. Въ головѣ Надежды Петровны все такъ перепуталось, что она не могла уже отличить «jeune fille aux yeux noirs» отъ «l'amour qu'est que c'est que ça». Она знала навѣрное, что то и другое пѣлъ какой-то помпадуръ, но какой именно—доподлинно опредѣлить не могла. Съ своей стороны, помпадуръ горячился, тосковалъ и впадалъ въ административныя ошибки.

Мало-по-малу затворническая жизнь прискучила, и Надежда Петровна начала выѣзжать. Тѣмъ не менѣе, портретъ стараго помпадура все еще стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, и когда она уѣзжала на балъ, то всякій разъ останавливалась передъ нимъ на нѣсколько минутъ, во всемъ сіяніи бальнаго туалета и красоты, чтобы, какъ она выражалась, «не уѣхать, не показавшись своему глупушкѣ». Балы слѣдовали за балами, обѣды за обѣдами, и на каждомъ изъ нихъ она неизбѣжно встрѣчала новаго помпадура, который такъ и пожиралъ ее глазами. Наконецъ, она стала замѣчать, что между нимъ и его предмѣстникомъ существуетъ какое-то странное сходство. Долго она не могла опредѣлить,

Digitized by Google

въ чемъ состоитъ это сходство, пока, наконецъ, не догадалась, что они оба «глупушки». Съ тѣхъ поръ «показываніе» себя передъ портретомъ стараго помпадура сдѣлалось уже пустою формальностью.

Гдѣ бы она ни была, куда бы ни пріѣхала, съ кѣмъ бы ни заговорила—вездѣ и отъ всѣхъ слышала только одно: хвалу новому помпадуру. Полиціймейстеръ хвалилъ въ немъ благородство души, секретарь—мудрость, прокуроръ—стремительность и натискъ.

— Вы, Надежда Петровна, что̀ думаете?—говорилъ прокуроръ.—Вы, можетъ-быть, думаете, что онъ тамъ на балахъ или на обѣдахъ... что онъ пустяками какими-нибудь занимается?.. на плечи нашихъ барынь облизывается?.. Нѣтъ-съ, онъ мѣропріятіе обдумываетъ! Онъ ужъ у насъ такой! Онъ шагу не можетъ ступить, чтобы чего-нибудь не рѣшить!

— Такъ-то такъ, — задумчиво отвѣчала Надежда Петровна:—да боюсь я...

— Чего же вы боитесь? Вы, можетъ-быть, думаете, что онъ на руку тяжелъ? Напрасно-съ! Онъ у насъ вотъ какъ: мухѣ зла не сдѣлаетъ; вотъ онъ у насъ каковъ!

Заволновалась и добрая старушка Проходимцева, про которую въ городѣ говорили, что она минуты не можетъ прожить, чтобы не услужить.

Но помпадуръ былъ робокъ, что̀, впрочемъ, отчасти объяснялось уже тѣмъ, что въ самомъ формулярѣ его было отмѣчено, что онъ не былъ въ походахъ. Онъ легко обдумывалъ мѣропріятія, но чуть только выходилъ на арену практической дѣятельности—оказывался слабымъ и вялымъ. Всѣ его дѣйствія относительно Надежды Петровны были нерѣшительны и даже просто глупы. Такъ, напримѣръ, однажды, на какомъ-то званомъ обѣдѣ, онъ, въ ея глазахъ, похитилъ со стола грушу, положилъ въ карманъ и послѣ обѣда, подавая ее Надеждѣ Петровнѣ, какимъ-то отчаяннымъ голосомъ сказалъ:

Digitized by Google

— Кушайте!

— На что̀ мнѣ?—изумилась Надежда Петровна.

— Такъ... это такъ!—почти закричалъ онъ, какъ будто воровство груши терзало его сердце, и вслѣдъ затѣмъ какъ-то такъ глупо заржалъ, что старая помпадурша не могла не подумать:

«Господи! да какой же онъ, однако, глупушка!»

Въ другой разъ, на балу, онъ долгое время стоялъ молча подлѣ нея и вдругъ проглаголалъ:

— Какъ бы я желалъ, чтобы въ вашемъ домѣ случился пожаръ!

— На что̀ жъ это вамъ?—изумилась Надежда Петровна.

— Такъ! Я бы... я бы собственноручно васъ вынесъ изъ пламени!

Въ третій разъ онъ ее спросилъ:

— Вы когда-нибудь цѣлуете вашего Бламанжѐ?

— Зачѣмъ вамъ?

— Хочу знать!

— Не слишкомъ ли вы любопытны?

— Хочу знать!

— Н-нѣ... иногда...

— Отлично! А знаете ли вы, что вашъ Бламанжé на скорохода похожъ?

Въ четвертый разъ онъ накинулся на Бламанжé и началъ его цѣловать.

— Что̀ вы дѣлаете?—испугалась Надежда Петровна.

— Цѣлую!

— Да перестаньте же! Развѣ не видите, что онъ весь посинѣлъ?

— Цѣлую!—повторялъ онъ, обнаруживая какое-то неестественное ожесточеніе.

Вообще дѣйствія его были не только нерѣшительны, но и загадочны. Иногда онъ возьметъ Надежду Петровну за руку, держитъ ее, гладитъ и вдругъ какъ-то такъ нелѣпо рванетъ, что она даже вскрикнетъ; иногда вскочитъ со

Digitized by Google

стула, словно ужаленный, схватить фуражку и, не говоря ни слова, удеретъ домой. Однимъ словомъ, были всѣ признаки; недоставало одного: словесности.

Надеждѣ Петровнѣ показалось, что его стѣсняетъ портретъ стараго помпадура. Его сняли со стола и повѣсили на стѣну. Но и оттуда онъ какъ будто бы примѣчалъ. Тогда надворный совѣтникъ Бламанжé предложилъ перенести его, какъ личнаго своего друга, въ свою комнату. Надежда Петровна задумалась, вздохнула... и согласилась.

Не надо думать, однако, чтобы новый помпадуръ былъ человѣкъ холостой; нѣтъ, онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей; но жена его только и дѣлала, что съ утра до вечера ѣла печатные пряники. Это зрѣлище до такой степени истерзало его, что онъ, съ горя, чуть-чуть не погрузился въ чтеніе недоимочныхъ реестровъ. Но и это занятіе представляло слишкомъ мало пищи для ума и сердца, чтобы наполнить помпадурову жизнь. Онъ сталъ ходить въ губернское правленіе и тосковать.

Между тѣмъ, зимній сезонъ окончился; наступилъ постъ; пахнýло весной. Надежда Петровна чувствовала, какъ грудь ея млѣла и закипала. Чтобы угомонить наплывъ жизни, она по цѣлымъ часамъ выстаивала передъ открытою форточкой, вдыхая влажный воздухъ, и выхаживала десятки верстъ, безстрашно проникая въ самые глухіе закоулки города. Усталая, полуразбитая возвращалась она домой, опускалась на кушетку и закрывала глаза. Тяжелая, безпокойная дремота на короткое время оковывала ея члены, и цѣлыя сотни помпадуровъ вереницею проходили передъ ея умственными взорами. Тутъ были всякіе: и съ усами, и безъ усовъ, и бѣлокурые, и брюнеты, и съ бородавками, и безъ бородавокъ, и высокоствольные, и низкоствольные; но,—увы!—между ними не было одного—не было новаго помпадура! Что-то странное произошло съ нимъ: онъ не только пересталъ прохаживаться подъ ея окнами, но даже какъ будто избѣгалъ встрѣчи съ нею. Такъ-таки вдругъ и оборвалъ.

Digitized by Google

«Неужто жъ онъ только того и добивался, чтобъ расцѣловать этого противнаго Бламанжé?»—думалось иногда Надеждѣ Петровнѣ.

Дѣло состояло въ томъ, что помпадуръ отчасти боролся съ своею робостью, отчасти кокетничалъ. Онъ не меньше всякаго другого ощущалъ на себѣ вліяніе весны, но, какъ всѣ люди робкіе и въ то же время своевольные, хотѣлъ, чтобы Надежда Петровна сама повинилась передъ нимъ. Въ ожиданіи этой минуты, онъ до такой степени усилилъ нѣжность къ женѣ, что даже сталъ вмѣстѣ съ нею ѣсть печатные пряники. Такимъ образомъ, дни проходили за днями; Надежда Петровна тщетно ломала себѣ голову; публика ожидала въ недоумѣніи.

Публика эта раздѣлилась на два лагеря. Часть ея, имѣя во главѣ полиціймейстера, рѣшительно во всемъ обвиняла Надежду Петровну.

— Я все ей прощу, — гремѣлъ въ клубѣ глава недовольныхъ:—но одного простить не могу: зачѣмъ она истерзала благороднѣйшее въ мірѣ сердце!

Другая часть, напротивъ, оправдывала ее. Утверждали, что помпадуръ самъ во всемъ виноватъ, что онъ сначала завлекъ благороднѣйшую въ мірѣ женщину, а потомъ своею непростительною медлительностью поставилъ ее въ фальшивое положеніе.

— Чѣмъ въ правленіе-то шататься да пустяки на бобахъ разводить, лучше бы дѣло дѣлать! — говорили защитники.

Какъ бы то ни было, но Надежда Петровна стала удостовѣряться, что уваженіе къ ней съ каждымъ днемъ умаляется. То вдругъ, на какомъ-нибудь благотворительномъ концертѣ, угонятъ ея карету за тридевять земель; то кучера совсѣмъ напрасно въ части высѣкутъ; то Бламанжé скажутъ въ глаза язвительнѣйшую колкость. Никогда ничего подобнаго прежде не бывало, и всѣ эти маленькія непріятности тѣмъ сильнѣе язвили ея сердце, что старый помпадуръ избаловалъ ее въ этомъ отношеніи до послѣдней степени.

Digitized by Google

Наконецъ, поспнѣли и разлились рѣки; въ полѣ показалась первая молодая травка; въ сосѣднемъ пруду затрещали лягушки, въ сосѣдней рощѣ защелкалъ соловей. До Надежды Петровны стали доходить слухи, что у нея явилась соперница, какая-то татарская княгиня Уланбекова, которую недовольная партія нарочно выписала изъ Казанской губерніи.

«Изъ-за чего же онъ со мной эту комедію игралъ?» — спрашивала она себя, бѣгая въ отчаяньи по комнатамъ и вымещая на Бламанже́ свою досаду.

Однажды она, по обыкновенію, утомляла себя ходьбою по городскимъ улицамъ, какъ вдругъ, на углу одной изъ нихъ, столкнулась лицомъ къ лицу съ самимъ помпадуромъ. Онъ былъ обаятеленъ попрежнему, хотя на его лицѣ вскочило нѣсколько прыщей.

— Вы что жъ это перестали ко мнѣ ходить? — спросила она его голосомъ, въ которомъ слышались и укоръ, и строгость.

Помпадуръ растерялся и началъ разводить на бобахъ какую-то канцелярскую чепуху.

— Какъ вы смѣете не ходить ко мнѣ? — наступала она на него, не слушая возраженій.

Она была въ неописанномъ волненіи; голосъ ея дрожалъ; на глазахъ блистали слезы. Эта женщина, всегда столь скромная, мягкая и даже слабая, вдругъ дошла до такого изступленія, что помпадуръ началъ опасаться, чтобъ съ ней не сдѣлалась на улицѣ истерика.

— Знаю я; знаю я все, что̀ вы дѣлаете! — продолжала она, не помня себя отъ волненія.—Вы около этой мерзкой татарки ухаживаете! Только смѣйте у меня не придти сегодня къ Ольгѣ Семеновнѣ!

Помпадуръ не сопротивлялся. Онъ понялъ, что участь его рѣшена.

Digitized by Google

IV.

Сердца ихъ зажглись...

Но, какъ правдивый историкъ, я не могу скрыть, что новое помпадурство Надежды Петровны далеко не имѣло того кроткаго характера, какъ первое. Напротивъ того, оно ознаменовалось нѣсколькими жестокостями, которыя, по мнѣнію моему, были, по малой мѣрѣ, безполезны.

Во-первыхъ, татарскую княгиню Уланбекову немедленно— фюить! и водворили въ городѣ Свіяжскѣ, при сліяніи рѣки Свіяги съ Волгою.

Во-вторыхъ, полиціймейстера удалили отъ должности, а прочихъ недовольныхъ разослали въ заточеніе.

Въ-третьихъ, помпадурову жену лишили послѣдняго утѣшенія: запретили ѣсть печатные пряники.

Въ-четвертыхъ, съ Бламанжé поступили до того скверно, что даже невозможно сказать...

IV.—„Здравствуй, милая, хорошая моя!“

Кому изъ петербургскихъ обывателей не извѣстенъ Дмитрій Павлычъ Козелковъ? Товарищи и сверстники звали его Митей, Митенькой, Козликомъ и Козленкомъ; старшіе при видѣ его какъ-то особенно благодушно улыбались. Должность у Козелкова была немудреная: выйти въ двѣнадцать часовъ изъ дому въ департаментъ, тамъ потереться около столовъ и разсказать пару скандалезныхъ анекдотовъ, отъ трехъ до пяти погранить мостовую на Невскомъ, потомъ обѣдать вдолгъ у Дюссо, потомъ въ Михайловскій театръ, потомъ... всюду, куда ни потянетъ Сережу, Сережку, Левушку, Петьку и прочихъ шалуновъ возрождающейся Россіи. Вотъ и все. Козелковъ прожилъ такимъ образомъ съ самаго выхода изъ школы до тридцати лѣтъ и все продолжалъ быть Козленкомъ и Митенькой, несмотря на то, что по

Digitized by Google

чину ужъ глядѣлъ въ превосходительные. Старшіе все такъ же благодушно улыбались при его появленіи, а сверстники подмигивали и на ходу спрашивали: «Что̀, Козликъ, сегодня хватимъ?»—«Хватимъ», отвѣчалъ Козликъ и продолжалъ гранить тротуары на Невскомъ проспектѣ, покуда не наступалъ часъ обѣдать вдолгъ у Дюссо.

Но въ тридцать лѣтъ Козелкова вдругъ обуяла тоска. Пересталъ онъ разсказывать скандальные анекдоты, началъ обижаться даваемыми ему въ носъ щелчками и аккуратнѣе прежняго пустился ловить взоры начальниковъ. Однимъ словомъ, обнаружилъ признаки нѣкоторой гражданственной зрѣлости.

— Митенька! да что̀ съ тобой, милый человѣкъ?—спрашивали его сверстники.

— Mon cher, мнѣ ужъ все надоѣло!

— Что̀ надоѣло-то?

— Всѣ эти Мальвины... Дюссо... однимъ словомъ, эта жизнь безъ цѣли, въ которой тратятся лучшія наши силы!

— Повтори, повтори! какъ ты это сказалъ?

И т. д., и т. д. Но Козликъ былъ себѣ-на-умѣ и началъ все чаще и чаще похаживать къ своей тетушкѣ, княжнѣ Чепчеулидзевой-Уланбековой, несмотря на то, что она жила гдѣ-то на Пескахъ и питалась одною кашицей. «Ma tante» Чепчеулидзева была фрейлиной въ 1778 году, но, по старости, до такой степени перезабыла русскую исторію, что даже однажды, начитавшись анекдотовъ г. Семевскаго, увѣряла, будто бы она, еще маленькую, носила на рукахъ блаженныя памяти императрицу Елизавету Петровну.

— Красавица была!—шамкала старая дѣвственница.— И бойкая какая! Однажды призываетъ графа Аракчеева,— или нѣтъ... кто, бишь, Митя, при ней Аракчеевымъ-то былъ?

— Le général Münich, ma tante,—отвѣчалъ Митя наудачу.

Digitized by Google

— Ну, все равно. Призываетъ она его и говоритъ: «графъ Петръ Андреичъ!»...

Но, высказавши эти нѣсколько словъ, старуха уже утомлялась и засыпала. Потомъ, черезъ нѣсколько минутъ, опять просыпалась и начинала разсказывать:

— Вѣдь этотъ Данилычъ-то изъ простыхъ былъ! Ну, да: покойница бабушка разсказывала, что она сама разъ видѣла, какъ онъ къ покойной великой княгинѣ Софьѣ Алексѣевнѣ... А какъ Хованскій-то былъ хорошъ! Покойница царица Тамара сама говорила мнѣ, что однажды на балу у Матрены Балкъ...

Однимъ словомъ, это была старуха безтолковая, къ которой собственно и не стоило бы ѣздить, если бъ у нея не было друга въ лицѣ князя Оболдуй-Тараканова. Князь былъ камергеромъ въ то же самое время, когда княжна была фрейлиной; годами онъ былъ даже старше ея, но могъ еще съ грѣхомъ пополамъ ходить и называлъ княжну: «ma chère enfant». Въ то время, когда Козлику исполнилось тридцать лѣтъ, князь еще не совсѣмъ былъ сданъ въ архивъ, и потому, при помощи старыхъ связей, могъ, въ случаѣ надобности, оказать и протекцію.

Однажды вечеромъ, когда старики уже досыта наговорились, Козликъ не безъ волненія приступилъ къ дѣйствительной цѣли своихъ посѣщеній.

— Ma tante, — сказалъ онъ, — я хотѣлъ бы пристроиться.

— Что жъ, мой другъ, это доброе дѣло! Вотъ если бъ жива была покойница Машенька Гамильтонъ...

— Mais comme il l'a traitée, le barbare!—вставилъ отъ себя словцо старикъ-князь.

— Pardon, ma tante, я не объ этомъ говорю... Мнѣ хотѣлось бы пристроиться, то-есть мѣсто найти.

— Такъ что жъ, мой другъ! Я могу объ этомъ государю написать! Козелковы всегда были въ силѣ: это, мой другъ,

Digitized by Google

старинный дворянскій домъ! Однажды, блаженныя памяти императрица Анна Леопольдовна...

— Ma tante, il ne s'agit pas de cela! Нынче ужъ даже совсѣмъ не тотъ государь царствуетъ, о которомъ вы говорите!

— Le gamin a raison! Мы съ вами увлеклись, chère enfant! — произнесъ князь.

— Я хотѣлъ, ma tante, просить васъ, чтобы вы замолвили за меня словечко князю, — опять началъ Козелковъ.

— Для Козелковыхъ, мой другъ, всѣ дороги открыты! Я помню, еще покойный князь Григорій Григорьевичъ говаривалъ...

— Извините меня, ma tante: все это было очень давно, а теперь хоть я и Козелковъ, но долженъ хлопотать!

— Le gamin a raison! — повторилъ князь.

— Если бъ вы взяли, князь, на себя трудъ сказать нѣсколько словъ вашему внуку...

— Вамъ, молодой человѣкъ, при Дворѣ хочется мѣсто получить?

— Нѣтъ, я хотѣлъ бы въ губернію...

— Гм!.. А въ мое время молодые люди все больше при Дворѣ заискивали... Въ мое время молодые люди при Дворѣ монимаску танцовали... Вы помните, chère enfant?

Однимъ словомъ, съ помощью ли ходатайства стараго князя, или цѣною собственныхъ усилій, но Козелковъ, наконецъ, назначенъ былъ въ Семиозерскую губернію. Извѣстіе это произвело шумную радость въ рядахъ его сверстниковъ.

— Такъ это правда, милый человѣкъ, что тебя въ Семиозерскую губернію назначили? — спрашивалъ одинъ.

— А, ну, представь-ка намъ, какъ ты чиновниковъ принимать будешь! — приставалъ другой.

И т. д., и т. д.

А Митенька слушалъ эти привѣтствія и втихомолку старался придать себѣ сколько возможно болѣе степенную фи-

Digitized by Google

зіономію. Онъ пріучилъ себя говорить басомъ, началъ диспутировать объ отвлеченныхъ вопросахъ, каждый день ходилъ по департаментамъ и съ большимъ прилежаніемъ справлялся о томъ, какіе слѣдуетъ имѣть principes въ различныхъ случаяхъ губернской административной дѣятельности.

Черезъ нѣсколько дней онъ появился въ кругу своихъ товарищей уже совершенно обновленный.

— Mon cher, il faut avoir des principes pour administrer! — серьезно убѣждалъ онъ Левушку Погонина.

— Да что̀ жъ ты будешь администрировать-то, душка ты этакой?!

— Однако, mon cher, согласись самъ, что есть вопросы, въ которыхъ можно идти и такъ, и этакъ!

— Ну, ты и иди и такъ, и этакъ!

— Я, съ своей стороны, принялъ себѣ за правило: быть справедливымъ — и больше ничего!

Разумѣется, Митенька счелъ священнымъ долгомъ явиться и къ ma tante; но при этомъ видъ его уже до того блисталъ красотою, что старуха совсѣмъ не узнала его.

— Господи! да никакъ это камеръ-юнкеръ Монсъ пришелъ! — сказала она и чуть-чуть не отправилась на тотъ свѣтъ отъ страха.

Старикъ-князь тоже принялъ его благосклонно и даже почтилъ наставленіемъ.

— Въ наше время, молодой человѣкъ,—сказалъ онъ,— когда назначали на такіе посты, то назначаемые преимущественно старались о соединеніи общества и потомъ ужъ вникали въ дѣла...

— Я, князь, постараюсь.

— Я вами доволенъ, молодой человѣкъ, но не могу не сказать: прежде всего вы должны выбрать себѣ правителя канцеляріи. Я помню: покойникъ Маркъ Константинычъ никогда бумагъ не читалъ, но у него былъ правитель кан-

Digitized by Google

целяріи... une célébrité! Вся губернія знала его comme un coquin fiéffé... но дѣла шли отлично!

На семиозерскій міръ назначеніе Козелкова подѣйствовало какимъ-то ошеломляющимъ образомъ. Чиновники спрашивали себя, кто этотъ Козелковъ, и могли дать отвѣтъ, что это Козелковъ, Дмитрій Павлычъ — и больше ничего. Два совѣтника казенной палаты чуть не поссорились между собою, разсуждая о томъ, будетъ ли Козелковъ дерзокъ на языкъ, или же будетъ «мягко стлать, да жестко спать». Наконецъ, однакожъ, губернскій прокуроръ получилъ изъ Петербурга письмо, въ которомъ писалось, что ѣдетъ, дескать, къ вамъ «Козелковъ—малый удивленія достойный». Прокуроръ до того разозлился на своего корреспондента за такое непростительно-неясное опредѣленіе, что тутъ же разорвалъ его письмо въ клочки.

Но, въ сущности, корреспондентъ былъ правъ, ибо Козелковъ былъ именно «малый удивленія достойный» — и ничего больше.

Тотъ, кто зналъ Козелкова въ Петербургѣ,—Козелкова, съ мучительнымъ безпокойствомъ размышлявшаго о томъ, что Дюссо во всякую минуту жизни можетъ прекратить ему кредитъ, — тотъ, конечно, изумился бы, встрѣтивши его въ Семиозерскѣ на первыхъ порахъ административной его дѣятельности. Во-первыхъ, тамъ никто не называлъ его ни Митей, ни Митенькой, ни Козликомъ, ни Козленкомъ, а звали всѣ вашествомъ; и только немногіе аристократы позволяли себѣ употреблять въ разговорѣ его имя и отчество; во-вторыхъ, въ его наружности появилась сановитость и какая-то глянцовитая непроходимость; въ-третьихъ, въ головѣ его завелось цѣлое гнѣздо принциповъ.

Тѣмъ не менѣе, первое знакомство его съ семиозерской публикой произвело на послѣднюю самое благопріятное впечатлѣніе. Одинъ почтенный старецъ выразился о немъ,

Digitized by Google

что онъ «достолюбезный сынъ церкви»; жена губернскаго предводителя сказала: «ничего, онъ очень милъ, но, кажется, слишкомъ серьезенъ»; вице-губернаторъ промычалъ что-то невнятное; градской голова удивился, что онъ «въ такихъ младыхъ лѣтахъ, а подиткось!» Одинъ губернскій прокуроръ, какъ человѣкъ желчный, отозвался: «а что это нашъ Дмитрій-то Павлычъ какъ будто на Митьку похожъ!» Однимъ словомъ, всѣ, за исключеніемъ прокурора, нашли, что это молодой администраторъ вникательный и, кажется, съ направленіемъ.

Съ своей стороны, Митенька дѣлалъ все, чтобы очаровать семиозерскихъ сановниковъ и расположить общественное мнѣніе въ свою пользу. Онъ съ каждымъ губернскимъ тузомъ побесѣдовалъ отдѣльно, каждаго разспросилъ о подробностяхъ ввѣренной ему части и каждому любезно присовокупилъ, что онъ долженъ еще учиться, и очень счастливъ, что нашелъ такихъ опытныхъ и достойныхъ руководителей.

Разумѣется, дѣло началось съ губернскаго предводителя, и, надо сказать правду, это было дѣло самое щекотливое. Предводитель былъ малый суровый и безцеремонный, и на всѣхъ вообще «сатраповъ» смотрѣлъ безразлично, то-есть какъ на лицъ, мѣшавшихъ дворянству развиваться безпрепятственно. Онъ постоянно былъ въ контрѣ со всѣми губернаторами, и когда ему замѣчали, что всѣ эти лица — точно такіе же дворяне, какъ и онъ самъ, онъ неизмѣнно отвѣчалъ:

— Чтобъ дворянинъ пошелъ продавать себя за двугривенный — да это Боже упаси! Значитъ, вы, сударь, не знаете, что русскій дворянинъ служитъ своему государю даромъ, что дворянское, сударь, дѣло — не кляузничать, а служить!

Повторяю: это былъ малый суровый и несообразительный. Но за эту-то несообразительность онъ и держался нѣсколько трехлѣтій сряду на своемъ посту, потому что

Digitized by Google

мы, русскіе, очень охотно смѣшиваемъ это качество съ твердостью и характера и неподкупностью убѣжденія. Митенька зналъ это качество, и, признаться, немножко-таки потрухивалъ.

— Я надѣюсь, Платонъ Иванычъ, что вы не оставите меня вашими совѣтами, — началъ онъ.

— Радъ-съ. Только у насъ, вашество, такая чепуха идетъ, что никакъ этого дѣла перемѣнить нельзя... Въ губернскомъ правленіи въ строительной комиссіи — просто денной грабежъ!

— Тсс... такъ вы полагаете?..

— Ничего я не полагаю, а извѣрное говорю, что въ губернскомъ правленіи денной грабежъ. Мнѣ что! я въ чужія дѣла не вмѣшиваюсь, а сказать — всегда скажу!

— Какая же причина, однакожъ?

— А та и причина, что до вашества у насъ на этомъ мѣстѣ сряду десять фофановъ сидѣло... ну, и насидѣли!

Митеньку нѣсколько покоробило.

— Я всѣмъ говорилъ правду, — продолжалъ предводитель: — и вамъ буду правду говорить! Хотите меня слушать — слушайте! Не хотите — мнѣ что за дѣло!

— Я, Платонъ Иванычъ, пріѣхалъ сюда учиться...

— Ну, ужъ гдѣ намъ ученыхъ учить!

— Нѣтъ, увѣряю васъ! Я очень счастливъ, что нахожу такого опытнаго и достойнаго руководителя!

— Очень радъ-съ, очень радъ-съ! Милости просимъ ко мнѣ хлѣба-соли откушать.

— Благодарю васъ. Повторяю вамъ, что я счастливъ, я совершенно счастливъ, встрѣчая такого опытнаго и достойнаго руководителя!

Такимъ образомъ, дѣло сошло съ рукъ благополучно. Съ остальными тузами и чиновниками оно пошло еще лучше. Вице-губернатора Митенька принялъ вмѣстѣ съ прочими членами губернскаго правленія. Всѣ обладали темно-оливковыми физіономіями, напоминавшими собой изображенія

Digitized by Google

эѳіоповъ. Принимая ихъ, Митенька имѣлъ видъ довольно строгій, потому что ему предстояло сдѣлать внушеніе.

— Господа! правда ли, что̀ до свѣдѣнія моего дошло. будто вы ссоритесь между собою? — спросилъ онъ совершенно серьезно.

Члены злобно взглянули другъ на друга.

— Мы не ссоримся, а по дѣламъ диспуты имѣемъ, — выступилъ впередъ старшій совѣтникъ Штановскій.

— Вотъ изволите, вашество, видѣть! — подстрекнулъ и въ то же время сфискалилъ вице-губернаторъ.

— Господинъ Штановскій, ваша рѣчь впереди! — замѣтилъ Митенька, слегка возвышая голосъ. — Господа! я желаю, чтобъ у меня этихъ диспутовъ не было!

— Во второмъ томѣ свода законовъ, статья... — заикнулся-было Штановскій.

— Господинъ Штановскій, я имѣлъ честь замѣтить вамъ, что ваша рѣчь впереди! Господа! Я увѣренъ, что, имѣя такого опытнаго и достойнаго руководителя, какъ Садокъ Сосѳеновичъ (пожатіе руки вице-губернатору), вы ничего не придумаете лучшаго, какъ слѣдовать его совѣтамъ! Ну-съ, а теперь поговоримъ собственно о дѣлахъ. Въ какомъ, напримѣръ, положеніи у васъ недоимки?

— Тысячъ пятьсотъ, а може и поболѣ буде, — отозвался на этотъ вопросъ совѣтникъ Валяй-Бурляй.

— Вотъ онъ всегда такъ, вашество, отвѣчаетъ! — опять сфискалилъ вице-губернаторъ и, обращаясь къ Валяй-Бурляю, прибавилъ: — А вы скажите, сколько поболѣ-то будетъ?

— Самы кажыты!

— Господинъ Валяй-Бурляй! извините меня, но я долженъ сказать, что вы совсѣмъ не такъ говорите съ своимъ прямымъ начальникомъ, какъ слѣдуетъ говорить подчиненному! Господа! обращаю ваше вниманіе на недоимки и, въ виду этого предмета, убѣждаю прекратить ваши раздоры! Недоимка — это, такъ сказать, государственный

Digitized by Google

нервъ... Надѣюсь, что мнѣ больше не придется вамъ это повторять.

Митенька простился и пожелалъ остаться наединѣ съ вице-губернаторомъ. Но когда совѣтники были уже у дверей, онъ что-то вспомнилъ.

— Господинъ Мерзопупіосъ! — сказалъ онъ, клича третьяго совѣтника: — не знаю, правда ли, что до свѣдѣнія моего дошло: будто бы здѣсь собственность совершенно не уважается?

Мерзопупіосъ вильнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Собственность есть священнѣйшее изъ правъ человѣка, — продолжалъ Митя: — и взысканія по безспорнымъ обязательствамъ...

Митенька запнулся, потому что вспомнилъ, что самъ не заплатилъ еще своего долга Дюссо.

— Я надѣюсь, что вы не заставите меня повторять это, — продолжалъ онъ и взглядомъ отпустилъ Мерзопупіоса.

Я не буду описывать дальнѣйшихъ представленій. У управляющаго палатой государственныхъ имуществъ Митенька спросилъ, въ какомъ состояніи находится скотоводство въ губерніи; у предсѣдателя казенной палаты — до какой цифры простирается питейный доходъ, и т. д. Всѣмъ вообще сказалъ, что очень радъ найти въ нихъ достойныхъ и опытныхъ руководителей.

Не могу умолчать и о разговорѣ съ губернскимъ полковникомъ. Впустивши его въ кабинетъ, Митенька даже счелъ за надобное притворить за нимъ дверь поплотнѣе и вообще, кажется, предположилъ себѣ всласть отвести душу бесѣдой съ этимъ сановникомъ.

— Что вы скажете, полковникъ, насчетъ здѣшняго образа мыслей? — спросилъ онъ, значительно понизивши голосъ.

— Образъ мыслей здѣсь самый, вашество, благородный,— отвѣчалъ полковникъ: — и если бъ только начальство ува-

Digitized by Google

жило мое ходатайство о высылкѣ отставного поручика Шишкина, то смѣло могу сказать...

— Кто этотъ Шишкинъ?—прервалъ Митенька, нѣсколько встревожившись.

— Отставной поручикъ-съ. Вы не можете вообразить себѣ, вашество, что̀ это за ужаснѣйшій человѣкъ! Намеднись, можете себѣ представить, ухитрялся пролѣзть подъ водою въ женскую купальню!

— И много тамъ дамъ было?

— Въ самый, вашество, разъ попалъ! И представьте, вашество, что̀ говоритъ въ свое оправданіе: «я, говоритъ, съ купчихой Берендеевой хотѣлъ свиданіе имѣть!» — Да развѣ вамъ нѣтъ, сударь, другихъ мѣстъ для свиданій? Развѣ вы простолюдинъ какой-нибудь, что не можете благороднымъ манеромъ свиданіе получить?

— Однако у него губа не дура, у этого Шишкина!

— Просто, вашество, весь женскій полъ цѣлую недѣлю въ смятеніи былъ.

— Гм!.. объ этомъ нужно подумать! Ну, а политическаго ничего нѣтъ?

— Политическаго, вашество, рѣшительно ничего въ нашей губерніи нѣтъ.

— А молодые люди есть?

— Есть, вашество, но это именно прекраснѣйшіе молодые люди, изъ которыхъ современемъ образуются прекраснѣйшіе сановники.

— Что̀ читаютъ?

— «Московскія Вѣдомости», вашество, но и то—какъ бы сказать?—одно литературное прибавленіе, а не политику.

Собесѣдники на минуту смолкли.

— Знаете ли что̀, — первый прервалъ молчаніе Митенька:—я думаю преимущественно обратить вниманіе на общественную безопасность... А?

— Конечно, вашество, это самая главная вещь въ губерніи. Вотъ если бъ, вашество, Шишкина...

Digitized by Google

— Потому что—вы меня понимаете?—если общественная безопасность обезпечена, то, значитъ, и собственность ограждена, и всякимъ удовольствіямъ мирные граждане могутъ предаваться съ полною непринужденностью...

— Ужъ на что же лучше? Только бы, вашество, Шишкина... право, вашество, это не человѣкъ, а зараза!

— Объ Шишкинѣ, полковникъ, не заботьтесь! Я ручаюсь вамъ, что сдѣлаю изъ него полезнаго члена общества! А еще я полагаю посмотрѣть здѣшній гостиный дворъ и установить равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ!

Полковникъ потупился, потому что не понималъ.

— Я вижу, что это для васъ ново. «Спросъ»—это вообще... требованіе товара; «предложеніе»—это... предложеніе товара же. Понимаете? Теперь, значитъ, если спросъ великъ, а предложеніе слабо, то цѣна на товаръ возвышается, и бѣдные отъ этого страдаютъ...

— Это, вашество, будетъ для города такая польза... такое, можно сказать, благодѣяніе...

— Я хочу, чтобъ у меня каждый могъ имѣть все, что ему нужно, за самую умѣренную цѣну,—продолжалъ Митенька, и даже самъ выпучилъ глаза, вспомнивъ, что почти такую же штуку вымолвилъ въ свое время Генрихъ IV.

Собесѣдники опять смолкли, потому что полковникъ окончательно раскисъ.

— Ну-съ, очень радъ; очень счастливъ, что нахожу такого опытнаго и достойнаго руководителя,—заключилъ Митенька, и разстался съ полковникомъ.

Въ это же утро Митенька посѣтилъ острогъ; ѣлъ тамъ щи съ говядиной и гречневую кашу съ масломъ, выпилъ кружку квасу и велѣлъ покурить въ коридорѣ. Затѣмъ посѣтилъ городскую больницу, ѣлъ габеръ-супъ, молочную кашицу и велѣлъ покурить въ палатахъ.

— А thea chinensis частенько прописываете?—любезно спросилъ онъ ординатора, который слѣдовалъ за нимъ какъ тѣнь.

Digitized by Google

Ординаторъ понялъ шутку и улыбнулся.

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ,—прибавилъ Митенька:—я нахожу, что здѣсь хоть куда! Только, пожалуйста, курите почаще! Я особенно объ этомъ прошу!

Затѣмъ, такъ какъ ужъ болѣе не съ кѣмъ было бесѣдовать и нечего осматривать, то Митенька отправился домой и вплоть до обѣда размышлялъ о томъ, какого рода произвелъ онъ впечатлѣніе и не уронилъ ли какъ-нибудь своего достоинства. Оказалось по повѣркѣ, что онъ, несмотря на свою неопытность, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ отнюдь не хуже, какъ и всѣ вообще подобные ему помпадуры: Чебылкины, Зубатовы, Слабомысловы, Бенескриптовы и Фютяевы.

Митенька очень хорошо запомнилъ совѣтъ Оболдуй-Тараканова, заповѣдавшаго ему прежде всего обратить вниманіе на соединеніе общества. Совѣтъ этотъ отлично гармонировалъ съ его собственными сибаритскими наклонностями (genre Oeil de Boeuf). «Что такое общество?» задалъ онъ себѣ вопросъ, и тотчасъ безъ запинки отвѣчалъ, что общество составляютъ les dames et les messieurs. «Что нужно, чтобы общество жило въ единеніи?» — нужно удалить отъ него такія мысли, которыя могутъ служить поводомъ для раздоровъ и пререканій. Вотъ Мерзопупіосъ и Штановскій засѣли тамъ въ своей мурьѣ и грызутся, разбирая по косточкамъ вопросъ о подсудности—это понятно, потому что они именно ничего, кромѣ этой мурьи, и не видятъ; но общество должно жить не такъ; оно должно имѣть идеи легкія. Les messieurs et les dames обязаны забывать обо всемъ, кромѣ взаимныхъ другъ къ другу отношеній. Поэтому города, въ которыхъ господствуетъ легкое поведеніе, процвѣтаютъ и отличаются веселостью; города же, въ которыхъ les messieurs вносятъ служебные свои дрязги даже въ частную жизнь, отличаются уныніемъ,

Digitized by Google

и les dames, вслѣдствіе того, пріобрѣтаютъ тамъ скверную привычку ложиться спать вмѣстѣ съ курами.

Во время утреннихъ своихъ сліяній съ визитами по Семиозерску Митенька, какъ знатокъ по части клубнички, не могъ не замѣтить, что городъ обладаетъ въ изобиліи самыми разнообразными «charmants minois», которыя, однакожъ, вслѣдствіе неряшества и домосѣдства, кажутся заспанными и словно беременными. Въ домахъ онъ замѣтилъ какой-то странный, почти необъяснимый запахъ («чортъ его знаетъ! словно дѣтьми или морскими травами пахнетъ!») и чуть-чуть было не распорядился, чтобъ покурили. «А все это оттого, что мастера нѣтъ, который вдохнулъ бы душу въ эти хорошенькіе матеріалы... Нѣтъ, надо ихъ подтянуть!»

Эта идея до того ему понравилась, что онъ рѣшился провести ее во что бы то ни стало, и для достиженія цѣли дѣйствовать преимущественно на дамъ. Для начала, обѣдъ у губернскаго предводителя представлялъ прекраснѣйшій случай. Тамъ можно было побесѣдовать и о spectacles de société, и о лотереѣ-аллегри, этихъ двухъ неизмѣнныхъ и неотразимыхъ административныхъ средствахъ сближенія общества.

Въ этихъ видахъ онъ отправился на обѣдъ нѣсколько пораньше («кстати, ужъ и за предводительшей пріударить!» подумалъ онъ); но оказалось, что на этотъ разъ весь губернскій людъ словно сговорился и собрался ранѣе обыкновеннаго. Оставалось покориться.

Предводительша, пикантная брюнетка, взглянула на него довольно пронзительно и указала мѣсто подлѣ себя. Кругомъ тоже сидѣли дамы, въ числѣ которыхъ было нѣсколько дѣйствительно хорошенькихъ.

— Да избавьте вы насъ, Дмитрій Павлычъ, ради Бога, отъ этого разбойника Мухоярова, который за-одно съ губернскимъ правленіемъ по дорогамъ грабитъ!—совершенно некстати забасилъ хозяинъ.

Digitized by Google

— Pardon, cher Платонъ Иванычъ, позвольте мнѣ на этотъ разъ не слушать васъ! Я, конечно, сдѣлаю все, что̀ вамъ угодно будетъ мнѣ приказать, но здѣсь я исключительно въ распоряженіи дамъ,—отвѣчалъ Митенька, очень граціозно поматывая головкой.

Дамы просіяли и инстинктивно оправили свои платья.

— Бываютъ у васъ здѣсь спектакли?—обратился Митенька къ хозяйкѣ.

— Да... зимою пріѣзжаютъ какіе-то актеры, но *мы* ихъ никогда не видимъ,—отвѣчала хозяйка и опять взглянула на Митеньку.

«Такъ бы я тебя и съѣлъ!»—подумалъ Митенька, пожирая ее глазами, но вслухъ продолжалъ:—Нѣтъ, я, конечно, не объ городскихъ спектакляхъ говорю... Я говорю о такъ-называемыхъ spectacles de société...

Изъ дамъ нѣкоторыя перешепнулись, другія перемигнулись, какъ будто говорили другъ другу: а вотъ, погоди, заставитъ онъ насъ всѣхъ пѣть водевильные куплеты и изображать «рѣзвящихся русалокъ»!

— Нѣтъ, здѣсь этимъ некому было заняться.

— Но вы, Татьяна Михайловна?

— Я?.. а почему вы предполагаете, что именно *я* могу этимъ заняться?

Митенька сконфузился; онъ, конечно, былъ въ состояніи очень хорошо объяснить, почему онъ такъ думаетъ, но такое объясненіе могло бы обидѣть прочихъ дамъ, изъ которыхъ каждая, безъ сомнѣнія, мнила себя царицей общества. Поэтому онъ только мялъ въ отвѣтъ губами. Къ счастію, на этой скользкой стезѣ онъ былъ выученъ вошедшимъ официантомъ, который провозгласилъ, что подано̀ кушать. Татьяна Михайловна подала Митенькѣ руку. Процессія двинулась.

— Давайте вашу руку, но за обѣдомъ вы мнѣ непремѣнно должны объяснить, почему вы считаете, что именно

Digitized by Google

я должна принять на себя устройство спектакля? — полушопотомъ сказала хозяйка дорогой.

— Стоитъ только взглянуть на васъ, чтобы...—начала Митенька, и не кончилъ.

— А!—не то насмѣшливо, не то сочувственно произнесла Татьяна Михайловна.

За столомъ размѣстились попарно, то-есть мужчины вперемежку съ дамами. Излишекъ мужчинъ (преимущественно старцы, уже совсѣмъ непотребные) сгруппировался на другомъ концѣ стола, поближе къ хозяину.

— Ну-съ, «чтобы»?.. — начала опять Татьяна Михайловна, очевидно кокетничая. Она кушала при этомъ супъ съ такою граціей, какъ будто играла ложкой.

— Чтобы убѣдиться, что вы — единственная женщина, которая можетъ привлечь...

— Публику?

— Вы жестоки, Татьяна Михайловна!..

— Вашество! рекомендую вамъ пирожки, у меня для нихъ особенный поваръ есть, въ Новотроицкомъ учился!— приглашалъ съ другого конца хозяинъ дома.

— Ѣмъ-съ, Платонъ Иванычъ; пирожки, дѣйствительно, безподобны!

— Шесть лѣтъ въ ученьи былъ,—продолжалъ хозяинъ, но Митенька уже не слушалъ его. Онъ дѣлалъ всевозможныя усилія, чтобъ соблюсти приличіе и заговорить съ своею сосѣдкой по лѣвую сторону; но разговоръ рѣшительно не вязался, хотя и эта сосѣдка была тоже очень и очень увлекательная блондинка. Онъ спрашивалъ ее, часто ли она гуляетъ, ѣздитъ ли по зимамъ въ Москву, но далѣе этого, такъ сказать, полицейскаго допроса идти не могъ. И мысли, и взоры его невольно обращались къ хорошенькой предводительшѣ.

— Кушайте же пирожки; ихъ шесть лѣтъ учились готовить,—насмѣшливо говорила, между тѣмъ, хозяйка.

Митенька ободрился.

Digitized by Google

— Такъ вы согласны будете взять на себя трудъ устроить spectacle de société?—спросилъ онъ.

— Да, если вы будете внимательны къ нашимъ дамамъ... Mesdames! Дмитрій Павлычъ проситъ, чтобы вы приняли участіе въ предполагаемомъ имъ спектаклѣ! Но вы и сами непремѣнно должны принять въ немъ участіе,—продолжала она, обращаясь къ Митенькѣ: — вы должны быть нашимъ premier amoureux...

— Да, да! непремѣнно! непремѣнно!—вторили дамы.

— Увы! для меня это недоступно! Печальная необходимость... мой постъ... Но я могу, если угодно, быть вашимъ режиссеромъ, mesdames, и тогда—прошу меня слушаться, потому что вѣдь я очень строгъ!

— Будто бы строги! — мимоходомъ замѣтила предводительша, взглядывая на него исподлобья.

— Увы!.. боюсь, что нѣтъ!

— Это вы, вашество, ихъ спектакль устроить приглашаете?—вступился опять хозяинъ.—Напрасно стараетесь! Эта штука у насъ пробована и перепробована!

— Mon mari va dire quelque bêtise,—шепнула предводительша про себя, но такъ, что Митенька слышалъ.

— А что̀ же?—спросилъ онъ предводителя.

— Да наши барыни, какъ соберутся, такъ и передерутся!—отвѣтилъ хозяинъ, отнюдь не церемонясь.

— Fi, mon ami, какія ты вещи говоришь! — обидѣлась супруга его.

— Ну, ужъ извини меня, Татьяна Михайловна, а что̀ правда, то̀ правда!

— Какія же пьесы мы будемъ играть? — молвила блондинка, сидѣвшая по лѣвую сторону.

— Позвольте... я знаю, напримѣръ, водевиль... онъ называется: «Азъ и Фертъ»... le titre est bizarre, mesdames, но пьеса, право, очень, очень миленькая! Есть въ ней этакое brio...

— Я однажды въ Москвѣ у князя Сергія Борисыча

Digitized by Google

«Полковника старыхъ временъ» играла, — пискнула-было вице-губернаторша, но на нее никто не обратилъ вниманія.

— Есть еще, вашество, пьеса: «Несчастія красавца»,— откликнулся хозяинъ, можетъ-быть съ намѣреніемъ, а можетъ-быть и безъ намѣренія; но Митинька почувствовалъ, что его въ это время словно ударило чѣмъ въ спину.

— Да, и такая пьеса есть, но, признаюсь, я болѣе люблю живыя картины. Je suis pour les tableaux vivants, moi!

На минуту всѣ смолкли; слышенъ былъ только стукъ ножей и вилокъ.

— Дуракъ родился!—сказалъ хозяинъ.

Всѣ засмѣялись.

— Но, Платонъ Иванычъ, позвольте вамъ замѣтить, что если всегда въ подобныя минуты долженъ непремѣнно родиться дуракъ, то, такимъ образомъ, ихъ должно бы быть ужъ черезчуръ много на свѣтѣ!—замѣтилъ Митенька.

— А вашество развѣ думали, что ихъ мало?

Митенькѣ сдѣлалось положительно неловко, потому что хозяинъ, очевидно, начиналъ придираться.

— Mon mari est jaloux!—шепнула опять-таки про себя предводительша, очень мило обгладывая крылышко цыпленка.

Начали подавать шампанское. Начались поздравленія и пожеланія. Предводительша мило чокнулась и сказала:—«Je désire que vous nous restiez le plus longtemps possible!»— А еще что?—процѣдилъ сквозь зубы Митенька.—«Nous verrons»,—тоже процѣдила хозяйка.

— Вашество, извините! тоста не провозглашаю, а за здоровье ваше выпью съ удовольствіемъ,—говорилъ, между тѣмъ, предводитель.

«Ишь вѣдь, оболтусъ, и у себя-то не хочетъ почтенія сдѣлать!»—подумалъ Митенька.

— Вотъ у меня письмоводитель въ посреднической комиссіи есть, такъ тотъ мастеръ за обѣдами предики эти говорить,—продолжалъ хозяинъ.—Вотъ онъ!

Digitized by Google

Тутъ только Митенька замѣтилъ, что въ темномъ углу комнаты, околы стѣны, былъ накрытъ еще столъ, за которымъ сидѣли какія-то три личности. Одна изъ нихъ встала.

— Я отъ хлѣба-соли никому не отказываю, потому—народъ бѣдный, оборванцы!—ораторствовалъ хозяинъ.—Прикажете ему, вашество, привѣтствіе сказать?

— Отчего же... я съ удовольствіемъ!

— Катай, Анпетовъ!

— Ахъ, mon ami, какія у тебя выраженія!

— Ну, ужъ, Татьяна Михайловна, но взыщи! каковъ есть, таковъ и есть! что̀ правда, то̀ правда!

Анпетовъ вышелъ къ серединѣ стола и произнесъ:

«Почтеннѣйшія госпожи и милостивые господа!

«Если солнцу восходящу всякая тварь радуется и всякая птица трепещетъ отъ живительнаго луча его, то значитъ, что въ самой природѣ Всеблагой Промыселъ установилъ такой законъ, или, лучше сказать, предопредѣленіе, въ силу котораго тварь обязывается о восходящемъ лучѣ радоваться и трепетать, а о заходящемъ печалиться и недоумѣвать.

«Здѣсь вижу я, благородныя слушательницы и почтеннѣйшіе слушатели, собраніе гостей именитыхъ, въ цѣломъ краѣ славныхъ, и между ними нѣкоего, который именно тотъ восходящій солнца лучъ прообразуетъ, о коемъ сказано: онъ еще младъ, но умудренъ знаніями, глава его не убѣлена сѣдинами, но умъ обогащенъ наукой. Не дерзостный и не гордостный, но благостный и душепріятный пришелъ ты къ намъ! Дерзнемъ ли же мы пренебречь тѣмъ закономъ, который сама природа всещедрая вложила въ сердца наши? Дерзнемъ ли печалиться и недоумѣвать въ такія минуты, когда надлежитъ трепетать и радоваться?

«Нѣтъ, не дерзнемъ, но воскликнемъ убо: за здравіе и долгоденствіе его вашество Дмитрія Павловича Козелкова! Ура!»

— Благодарю васъ!—отвѣчалъ Митенька и, обратившись къ дамамъ, прибавилъ:—Mais il a le don de la parole!

Digitized by Google

— Приходи ужо, водки дамъ!—сказалъ хозяинъ.

Наконецъ, обѣдъ кончился. Провожая свою даму въ гостиную, Митенька дерзнулъ даже пожать ей локоть, и хотя ему не отвѣчали тѣмъ же, однакоже и мины непріятной не сдѣлали. Митеньку это ободрило.

— Такъ судьба нашихъ спектаклей въ вашихъ рукахъ?—сказалъ онъ.

— Да, я постараюсь... если Платонъ Иванычъ позволитъ...

— О, мы нападемъ на него всѣмъ обществомъ! Но вы представьте себѣ, какъ это будетъ пріятно! Можно будетъ видѣться... говорить!

Предводительша легонько вздохнула.

— Репетиціи... трепетное мерцаніе лампы... — началъ было фантазировать Митенька.

— Вашество, милости просимъ въ кабинетъ! Господа, милости просимъ!—приглашалъ гостепріимный хозяинъ.

Митенька долженъ былъ покориться печальной необходимости, но онъ утѣшался дорогой, что первый толчокъ соединенію общества ужъ данъ, и что, кажется, дѣло это, съ Божьею помощью, должно пойти на ладъ.

Былъ уже девятый часъ вечера, когда Митенька возвращался отъ предводителя домой. Дрожки его поровнялись съ ярко-освѣщеннымъ домомъ, сквозь окна котораго Митенька усмотрѣлъ Штановскаго, Валяй-Бурляя и Мерзопупіоса, рѣзавшихся въ преферансъ. На столикѣ у стѣны была поставлена закуска и водка. По комнатѣ шныряли дѣти. Какая-то дама оливковаго цвѣта сидѣла около Мерзопупіоса и заглядывала въ его карты.

— Чей это домъ?—спросилъ Митенька кучера.

— Совѣтника Мерзопупіоса.

«Га! помирились-таки! — подумалъ Митенька: — ну, и здѣсь, съ Божьею помощью, дѣло, кажется, пойдетъ на ладъ!»

Возвратившись домой, Митенька долгое время мечталъ.

Digitized by Google

«Кажется, что дѣло недурно устраивается,—думалъ онъ:—кажется, что ужъ я успѣлъ дать ему нѣкоторое направленіе!»

Онъ подошелъ къ зеркалу, поставилъ на столъ двѣ свѣчи и посмотрѣлся:—ничего, хорошъ!

— Что же, когда Дюсѣ деньги-то посылать будете?—спросилъ старикъ-камердинеръ Гаврило, снимая съ него сапоги. Митенька молчалъ и притворился погруженнымъ въ глубокія соображенія.

— Вѣдь Дюса-то Никиту маркела передъ отъѣздомъ ко мнѣ присылалъ. «Ты смотри, говоритъ, какъ у барина первыя деньги будутъ, такъ безпремѣнно чтобы къ намъ посылалъ!»

Митенька все молчалъ.

— Что жъ вы молчите! Нешто я у Дюсы-то ѣлъ!

— Молчать, скотина!

— Какъ я могу молчать? Я дѣло завсегда говорить долженъ!

— Цыцъ, каналья!

Митенька легъ спать и видѣлъ во снѣ Дюссо и хорошенькую предводительшу.

V.—«На зарѣ ты ее не буди».

I.

Къ несчастью для Митеньки, въ Семиозерскѣ случились выборы—и онъ совсѣмъ растерялся. Ужъ и безъ того Козелковъ замѣтилъ, что предводитель, для пріобрѣтенія популярности, сталъ грубить ему болѣе обыкновеннаго, а тутъ пошли по городу какія-то шушуканья, стали наѣзжать изъ уѣздовъ и изъ столицъ старые и молодые помѣщики; въ квартирѣ извѣстнаго либерала, Коли Собачкина, начались таинственныя совѣщанія; даже самые, что называется, «сивые» — и тѣ собирались по вечерамъ въ клубѣ и о чемъ-то безпорядочно толковали... Дмитрій Павлычъ смотритъ

Digitized by Google

изъ окна своего дома на квартиру Собачкина и, видя, какъ къ крыльцу ея безпрерывно подъѣзжаетъ цвѣтъ россійскаго либерализма, негодуетъ и волнуется.

— И за что они мнѣ не довѣряютъ! за что они мнѣ не довѣряютъ!—восклицаетъ онъ, обращаясь къ правителю канцеляріи, стоящему поодаль съ портфелью подъ-мышкой.

— Чувствъ, вашество, нѣтъ-съ...

— Если имъ либеральныхъ идей хочется, то надѣюсь...

— Ужъ чего же, вашество, больше!

— Потому что хотя я и служу... однако не вижу, что же тутъ... предосудительнаго?

И Дмитрій Павлычъ, съ грустью въ сердцѣ, удаляется къ себѣ въ кабинетъ подписывать бумаги.

— Спустите, пожалуйста, шторы,—обращается онъ къ правителю канцеляріи:—этотъ Собачкинъ... я просто даже квартиры его выносить не могу!

Но и при спущенныхъ шторахъ дѣло спорится плохо. Козелковъ подписываетъ бумаги зря и все подумываетъ о томъ, какъ бы ему «овладѣть движеніемъ». Планъ за планомъ, одинъ другого безпутнѣе, мѣняются въ его головѣ. То онъ воображаетъ себѣ, что стоитъ передъ рядами и говоритъ: «messieurs, вы видите эти твердыни? Хотите, я *самъ* поведу васъ на нихъ?» — и этою рѣчью приводитъ всѣхъ въ восторгъ; то мнитъ, что задаетъ какой-то чудовищный обѣдъ и, по окончаніи, принимаетъ отъ благодарныхъ гостей обязательство въ томъ, что они никогда ничего противъ него злоумышлять не будутъ; то представляется ему, что онъ, истощивъ всѣ кроткія мѣры, влетаетъ во главѣ эскадрона въ залу...

И видится ему, что, по исполненіи всѣхъ этихъ подвиговъ, онъ мчится по ухабамъ и сугробамъ въ Петербургъ и думаетъ дорогой завѣтную думу...

«Стани...», шепчетъ эта завѣтная дума, но не дошептываетъ, потому что ухабъ заставляетъ его прикусить языкъ.

Digitized by Google

«Слава! слава! слава!»—подзвякиваетъ въ это время колокольчикъ, и экипажъ мчится да мчится себѣ впередъ...

— А знаете ли что? — говоритъ Дмитрій Павлычъ вслухъ правителю канцеляріи: — я полагаю, что это будетъ очень недурно, если я, такъ сказать, овладѣю движеніемъ...

Правитель канцеляріи не понимаетъ, но дѣлаетъ видъ, что понимаетъ.

— «Овладѣть движеніемъ» — это значитъ: встать во главѣ его, — толкуетъ Козелковъ.—Я очень хорошо помню, что когда у насъ, въ Петербургѣ, буянили нигилисты, то я еще тогда сказалъ моему пріятелю, капитану Реброву: что вы смотрите, капитанъ! Овладѣйте движеніемъ—и все будетъ кончено!

Дмитрій Павлычъ опять задумался, и опять въ ушахъ его загудѣлъ колокольчикъ, позвякивая: «слава! слава! слава!»

— Просто, пойду сейчасъ къ Собачкину, — заговорилъ онъ: — и скажу: «messieurs»! за что вы мнѣ не довѣряете? Повѣрьте, что хотя я и служу, но чувства мои, messieurs... я полагаю»...

— Это точно-съ, — ввернулъ свое слово правитель канцеляріи.

— Потому что, въ сущности, чего они желаютъ? Они желаютъ, чтобъ всѣмъ было хорошо? - Прекрасно. Теперь спросимъ: чего я желаю? Я тоже желаю, чтобъ всѣмъ было хорошо! Слѣдовательно, и я, и они желаемъ, въ сущности, одного и того же. «Unitibus rebus vires cresca parvunt!» какъ сказалъ нашъ почтеннѣйшій Михаилъ Никифоровичъ въ одной изъ своихъ передовыхъ статей.

Правитель канцеляріи, услышавъ эту неслыханную цитату, чуть не захлебнулся.

— А какъ поступалъ мой предмѣстникъ въ подобныхъ случаяхъ? — спросилъ его Дмитрій Павлычъ.

— Просто-съ. Они, вашество, больше такъ поступали: сначала однихъ позовутъ — имъ репримандъ сдѣлаютъ, по-

Digitized by Google

томъ другихъ позовутъ — и имъ репримандъ сдѣлаютъ. А иногда случалось, что и стравятъ-съ...

— То-есть, какъ же это — стравятъ?

— А такъ-съ, однихъ посредствомъ другихъ уничтожалисъ... У нихъ вѣдь, вашество, тоже безобразіе-съ! Начнутъ это другъ дружкѣ докладывать: «ты тарелки лизалъ!» — «анъ ты тарелки лизалъ!» — и пойдетъ-съ! А тѣмъ временемъ и дѣло къ концу подойдетъ-съ... и скрутятъ ихъ въ ту пору живымъ манеромъ!

— Гм!.. это недурно! — молвилъ Козелковъ и насупилъ брови.—Только какъ же это? Надобно какой-нибудь предлогъ!

— А вы, вашество, вотъ что-съ. Позовите кого постаршесъ, да и дайте этакъ почувствовать: кабы, молъ, не болтали молодые, такъ никакихъ бы реформъ не было; а потомъ попросите изъ молодыхъ кого, да и имъ тоже внушите: кабы, молъ, не безобразничали старики, не рѣзали бы дѣвкамъ косы, да руками не озорничали, такъ никакихъ бы, молъ, реформъ не было. Они на это пойдутъ-съ.

— Вы полагаете?

— Вѣрно-съ. И почнутъ они промежду себя считаться... А дня этакъ за два до срока, вашество и напомните, что скоро, дескать, и по домамъ пора... Шары въ руки—и дѣло съ концомъ-съ!

— Гм!.. это недурно. Благодарю.

Правитель канцеляріи давно уже ушелъ, а Козелковъ все ходитъ по комнатамъ и все о чемъ-то думаетъ, а по временамъ посматриваетъ на окна либерала Собачкина, за которыми виднѣются курящія и закусывающія фигуры.

Предложенная правителемъ канцеляріи программа понравилась ему. Мало-по-малу онъ до того вошелъ во вкусъ ея, что даже заподозрилъ, что онъ совсѣмъ не Козелковъ, а Меттернихъ. «Что̀ такое дипломація?—спрашиваетъ онъ себя по этому случаю, и тутъ же сгоряча отвѣчаетъ:—дипломація — это, братъ, такое искусство, за которое тебѣ

Digitized by Google

треуховъ надавать могутъ!» Однако и на этой горестной мысли онъ долго не останавливается, но спѣшитъ къ другой и, въ концѣ концовъ, даже приходитъ въ восторженность. «Дипломація, — говоритъ онъ, — это все равно, что тонкая, чуть-чуть примѣтная паутина: паукъ стелетъ себѣ да стелетъ паутину, а мухи въ нее попадаютъ да попадаютъ — вотъ и «дипломація»!

— A noux deux maintenant! — воскликнулъ онъ, весело потирая руки и обращаясь къ какому-то воображаемому врагу: — посмотримъ, посмотримъ. messieurs, чья дипломація одержитъ побѣду!

А messieurs совсѣмъ и не воображали, что Дмитрій Павлычъ строитъ противъ нихъ ковы. Они въ это время закусывали, прохаживались по «простячкамъ», приготовлялись публично «проэкзаменовать» мировыхъ посредниковъ за ихъ продерзностные поступки и вообще шутили обычныя шутки.

Уже начинали спускаться сумерки и на улицахъ показалось еще больше усиленное движеніе, нежели утромъ. По такъ-называемой Губернаторской улицѣ протянулась цѣлая вереница разнообразнѣйшихъ экипажей; тутъ были и пошевни, запряженныя лихими тройками, украшенными лентами и бубенчиками съ малиновымъ звономъ, и простыя городскія сани, и уродливые, нелѣпо-тяжелые возки, и охотницкія сани, везомыя сильными, едва сдерживаемыми рысаками. Въ пошевняхъ блистали наѣзжія львицы, жены мѣстныхъ аристократовъ; охотницкими санями и рысаками щеголяли молодые наѣзжіе львы. По временамъ какая-нибудь тройка выѣзжала изъ ряда и стремглавъ неслась по самой середкѣ улицы, подымая цѣлыя облака снѣжной пыли; за нею вдогонку летѣло нѣсколько охотницкихъ саней, перегоняя другъ друга; слышался смѣхъ и визгъ; нарумяненныя морозомъ молодыя женскія лица суетливо оборачивались назадъ и въ то же время нетерпѣливо понукали кучера; тройка неслась сильнѣе и сильнѣе; догоняющіе

Digitized by Google

сзади наѣздники приходили въ азартъ и ничего не видѣли. Тутъ былъ и Коля Собачкинъ на своемъ сѣромъ, сильномъ рысакѣ; онъ ѣхалъ ò-бокъ съ предводительскими санями и, повидимому, говорилъ нѣчто очень острое, потому что пикантная предводительша хохотала и грозила ему пальчикомъ; тутъ была и томная мадамъ Первагина, и величественная баронесса фонъ-Цанарцтъ, урожденная княжна Абдулъ-Рахметова, которой что-то напѣвалъ въ уши Сережа Свайкинъ. Однимъ словомъ, это была цѣлая выставка, на которую губернія прислала лучшіе свои цвѣты, и которая могла бы назваться вполнѣ изящною, если бы не портили общаго впечатлѣнія дѣвицы Лоботрясовы, дѣвицы пожилыя и скаредныя, выѣхавшія на гулянье въ какомъ-то лохматомъ возкѣ, запряженномъ тройкой лохматыхъ же клячъ.

Козелковъ смотрѣлъ изъ окошка на эту суматоху и думалъ: «Господи! зачѣмъ я уродился сановникомъ? зачѣмъ я не Сережа Свайкинъ? зачѣмъ я не Собачкинъ?» Въ эту минуту ему хотѣлось побѣгать. Въ особенности привлекала его великолѣпная баронесса фонъ-Цанартцъ. «Такъ бы я тамъ...» говорилъ онъ, и не договаривалъ, потому что у него духъ занимался отъ одного воображенія.

И въ самомъ дѣлѣ онъ ничего подобнаго представить себѣ не могъ. Цѣлый букетъ разомъ! Букетъ, въ которомъ каждый цвѣтокъ такъ и прыщетъ свѣжестью, такъ и обдаетъ ароматомъ! Сами губернскія дамы понимали это и на все время выборовъ скромно, хотя и не безъ секретнаго негодованія, стушовывались въ сторонку.

Это и понятно, потому что губернскія дамы, за немногими исключеніями, все-таки были не болѣе какъ чиновницы, какія-нибудь предсѣдательши, командирши и совѣтницы, родившіяся и воспитывавшіяся въ четвертыхъ этажахъ петербургскихъ казенныхъ домовъ и только недавно, очень недавно, получившія понятіе о комфортѣ и о томъ, что̀ такое значитъ «ни въ чемъ себѣ не отказывать». Напротивъ того, наѣзжія барыни представляли собою такъ-назы-

Digitized by Google

ваемую «породу»; онѣ являлись свѣжія, окруженныя блескомъ и роскошью; въ рѣчахъ ихъ слышались настоящія слова; ихъ жесты были настоящими жестами; онѣ не жались и не сторонились ни передъ кѣмъ, но бодро смотрѣли всѣмъ въ глаза и были въ губернскомъ городѣ какъ у себя дома. Понятно, что всѣ сердца къ нимъ неслись, и что какой-нибудь Грита Трясучкинъ, еще вчера очень усердно пріударявшій за батальонной командиршей, вдругъ начиналъ находить ее худосочною, обтрепанною и полинявшею. Понятно, что и Козелковъ сильнѣе, нежели когда-либо, почувствовалъ всю тяжесть, всю тоску своего административнаго одиночества.

Между тѣмъ ужъ совсѣмъ стемнѣло; улица вдругъ опустѣла, во всѣхъ окнахъ замелькали огни. Козелкову представилось, что въ этихъ домахъ теперь обѣдаютъ; что тамъ шумнымъ потокомъ льется бесѣда, что тамъ кто-нибудь что-нибудь нашептываетъ, и кто-нибудь эти нашептыванья выслушиваетъ...

Въ столовой его уже ожидалъ чиновникъ особыхъ порученій, французикъ Фавори, котораго Козелковъ опредѣлилъ на эту должность собственно за то, что онъ былъ ужъ очень вертлявъ и казался готовымъ на всевозможныя услуги.

Французикъ Фавори какъ-то замалодушничалъ всѣми оконечностями какъ только на порогѣ столовой появилась фигура Козелкова. Онъ сразу догадался, что начальство пасмурно и что нужно его развеселить.

— А я намѣреваюсь дать вамъ дипломатическое порученіе, Фавори!—молвилъ Митенька, принимаясь за супъ.

Фавори весь превратился въ преданность; тѣло его словно пополамъ распалось: верхняя часть выдалась впередъ и застыла въ неподвижности, нижняя—отпятилась назадъ и судорожно виляла. Фавори былъ убѣжденъ, что Козелковъ пошлетъ его узнать о здоровьи Марьи Петровны, и потому ухмыльнулся всѣмъ своимъ поганымъ лицомъ.

— Нѣтъ, не то!—сказалъ Козелковъ, какъ бы отгадывая

Digitized by Google

его мысли:—порученіе, которое я намѣренъ на васъ возложить, весьма серьезно.

Митенька выговорилъ эти слова очень строго; но, должно-быть, важный видъ былъ не къ лицу ему, потому что лакей Степанъ, принимавшій въ эту минуту тарелку у Фавори, не выдержалъ и поспѣшилъ поскорѣе уйти.

— Дѣло въ томъ,—продолжалъ Козелковъ,—что я нахожусь въ величайшемъ затрудненіи. Теперь у меня здѣсь цѣлое скопище, а я рѣшительно не знаю, что у нихъ дѣлается. Никто мнѣ не докладываетъ.

— Вашество...

— Я поручаю вамъ каждодневно докладывать мнѣ обо всемъ! Вы должны знать обо всемъ! Вы должны проникать всюду! Вы должны быть вездѣ и нигдѣ!

Козелковъ до того разревновался, что даже жестами показывалъ Фавори, какъ онъ долженъ быть вездѣ и нигдѣ.

— Повѣрьте вашество...

— Знаю. Вы должны будете говорить старикамъ: «это все молодые своей болтовней надѣлали!» Съ другой стороны, молодымъ людямъ должно внушать, что все произошло благодаря безобразію стариковъ. Однимъ словомъ, вы обязаны употребить всѣ усилія, чтобы поселить спасительное междоусобіе!

Козелковъ остановился и зорко посмотрѣлъ на своего собесѣдника, какъ бы желая узнать, готовъ ли онъ. Но Фавори былъ готовъ, такъ сказать, отъ самаго рожденія, и потому не удивительно, что Митенька остался доволенъ своимъ осмотромъ.

— Я долженъ раскрыть передъ вами свои виды вполнѣ,—сказалъ онъ.—Я долженъ сказать вамъ, что смотрю на администрацію преимущественно, *и даже исключительно*, съ дипломатической точки зрѣнія. По моему мнѣнію, администрація есть борьба, а наука не показываетъ ли намъ, что борьба безъ дипломаціи немыслима?

Digitized by Google

Сказавши это, Дмитрій Павлычъ самъ разинулъ ротъ отъ удивленія. Фавори внималъ и благоговѣлъ.

— Исходя изъ этого принципа, я нахожу, что мы, администраторы, должны преимущественно, и *даже исключительно*, заботиться о томъ, чтобы выиграть время. Объясню вамъ это примѣромъ...

Козелковъ задумался: какой отыскать примѣръ? Но примѣра на этотъ разъ не отыскалось.

— Все равно, вы меня понимаете. Но, выигрывая время, мы достигаемъ разомъ двухъ результатовъ: во-первыхъ, мы отклоняемъ то, что своею преждевременностью могло бы, такъ сказать, возмутить обычное гармоническое теченіе жизни; во-вторыхъ...

Козелковъ опять задумался, ибо второй результатъ рѣшительно не приходилъ ему въ голову. Онъ зналъ, что всякая вещь непремѣнно должна имѣть два и даже три результата, и сгоряча сболтнулъ это, но теперь долженъ былъ убѣдиться, что есть въ мірѣ вещи, которыя могутъ имѣть только одинъ, а даже, пожалуй, и вовсе не имѣть ни одного результата.

— Исполню, вашество!—возразилъ Фавори. чтобы вывести изъ затрудненія обожаемаго начальника.

— Я надѣюсь на вашу расторопность, а главное—на вашу преданность. Помните, Фавори, что я не умѣю быть неблагодарнымъ.

Сказавши это, Митенька всталъ изъ-за стола, а Фавори поспѣшилъ отправиться для исполненія возложеннаго порученія. Козелковъ опять взглянулъ на окна либерала Собачкина и увидѣлъ, что въ квартирѣ его темно.

«Гдѣ-то они каверзы свои теперь сочиняютъ?»—невольно шевельнулось въ его головѣ.

II.

А въ городѣ, между тѣмъ, происходили толкотня и суета невообразимыя. Не только гостиницы, но и постоялые

Digitized by Google

дворы были биткомъ-набиты; владѣльцы домовъ и квартиранты очищали лучшія комнаты своихъ квартиръ и отдавали ихъ подъ постой, а сами на время кое-какъ размѣщались на заднихъ половинахъ, чуть-чуть не въ чуланахъ. Цѣлые обозы мелкопомѣстныхъ дворянъ ежедневно прибывали въ городъ и удивляли обывателей своими новенькими полушубками и затѣйливыми мѣховыми шапками. Предводитель только пыхтѣлъ и отдувался, потому что весь этотъ людъ ему надобно было размѣстить, обогрѣть и накормить. Мелкопомѣстные понимали, что въ нихъ имѣется нужда, знали, что случаи такого рода повторяются не часто (разъ въ три года), и спѣшили воспользоваться своими правами широкою рукой. На улицахъ все чаще и чаще встрѣчался тотъ крѣпкій, сельскимъ хлѣбомъ выкормленный народъ, при видѣ котораго у замореннаго городского жителя уходитъ душа въ пятки. Румяныя щеки, жирные кадыки, круглые и обширные затылки, диковинныя шапки—вотъ спектакль, который представляли городскія улицы съ утра до вечера. Въ клубѣ шло почти-что столпотвореніе.

Предводитель пыхтитъ и отдувается. Выборы положительно живого его обжигаютъ. «Вы, батюшка, то сообразите, — жалѣючи объясняетъ мелкопомѣстный Сила Терентьичъ:—что у него каждый день, по крайности, сотни полторы человѣкъ перебываетъ,—ну, хоть по двѣ рюмки на каждаго: сколько одного этого винища вылакаютъ!» И точно, въ предводительскомъ домѣ съ самаго утра, что называется, труба нетолченая. Туда всякій идетъ какъ въ трактиръ, всякій не только ѣстъ и пьетъ, но требуетъ, чтобы его обласкали. Каждый день предводитель устраиваетъ у себя обѣды на 40—50 персонъ и угощаетъ «вліятельныхъ»; но этого мало: онъ не смѣетъ забыть и про такъ-называемую мелюзгу. Онъ шутитъ съ ними, называетъ ихъ Иванычами; онъ пожимаетъ имъ руки и вліятельнѣйшимъ изъ нихъ посылаетъ даже бламанже («Татьяна Михайловна кланяться приказали и велѣли доложить, что сами на тарелку наклады-

Digitized by Google

вать изволили»). Одна мысль денно и нощно преслѣдуетъ его: «а ну, какъ прокатятъ на вороныхъ!»

Супруга Платона Иваныча очень усердно ему содѣйствуетъ. Она устраиваетъ спектакли и лотереи въ пользу дѣтей бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ, хлопочетъ о стипендіяхъ въ мѣстной гимназіи и въ то же время успѣваетъ бросать обворожающіе взгляды на молодыхъ семиозерскихъ аристократовъ и не прочь пококетничать съ старымъ графомъ Козельскимъ, который уже три трехлѣтія сряду безуспѣшно добивается чести быть представителемъ «интересовъ земства» и, какъ достовѣрно извѣстно, не отказывается отъ этого домогательства и теперь. Митенька забытъ и заброшенъ; его не приглашаютъ даже распоряжаться на репетиціяхъ, чтобы не дать ни малѣйшаго повода подумать, что между «земствомъ» и «бюрократіей» существуетъ какая-нибудь связь. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ усилія предводителя достигнуть единодушія, общество видимо раздѣлилось на партіи. Главныхъ партій, по обыкновенію, двѣ: партія «консерваторовъ» и партія «красныхъ». Въ первой господствуютъ старцы и тѣ молодые люди, о которыхъ говорятъ, что они со старыми стары, а съ молодыми молоды; во второй бушуетъ молодежь, къ которой пристало нѣсколько жидчиковъ изъ стариковъ. «Консерваторы» говорятъ: «шествуй впередъ, но по временамъ мужайся и отдыхай!» «Красные» возражаютъ: «отдыхай, но по временамъ мужайся и шествуй впередъ!» Разногласіе, очевидно, не весьма глубокое, и дѣло, конечно, разъяснилось бы само собой, если бъ не мѣшали тѣ внутреннія развѣтвленія, на которыя подраздѣлялась каждая партія въ особенности и которыя значительно затемняли вопросъ о шествованіи впередъ.

Такихъ развѣтвленій было очень много. «Консерваторы» насчитывали ихъ три. Была, прежде всего, партія «маркизовъ», во главѣ которой стоялъ графъ Козельскій и которая утверждала, что главное достоинство предводителя должно

Digitized by Google

состоять въ томъ, чтобы онъ обладалъ «грасами». Самъ графъ былъ ветхій старикашка, почти совершенно выжившій изъ ума, но съ помощью парика, вставныхъ зубовъ и корсета казался еще молодцомъ: онъ очень мило сюсюкалъ, называлъ семиозерскихъ красавицъ «belles dames» и любилъ играть маркизовъ на домашнихъ спектакляхъ. Партія эта была малочисленна, и сколько ни старался графъ попасть въ предводители, но успѣха не имѣлъ, и, вмѣсто предводительства, всякій разъ былъ избираемъ въ попечители губернской гимназіи. Другая партія (партія «крѣпкоголовыхъ»), во главѣ которой стоялъ Платонъ Иванычъ, утверждала, что для предводителя нужно только одно: чтобъ онъ шелъ неуклонно. Сторонники ея были многочисленны и славились дикою непреклонностью убѣжденій, вмѣстимостью желудковъ, исполинскими размѣрами затылковъ, необычайною громадностью кулаковъ и способностью производить всякаго рода шумныя манифестаціи, т.-е. подносить шары на блюдѣ, кричать «ура!» и зыкомъ наводить трепетъ на противниковъ. Самые отважные люди другихъ партій приходили въ смущеніе передъ свирѣпыми взглядами этихъ допотопныхъ, и въ собраніяхъ они всегда безъ труда овладѣвали всякимъ дѣломъ. Платонъ Иванычъ зналъ это, и потому ревниво слѣдилъ, чтобъ никто другой, кромѣ его, не присвоилъ права прикармливать этихъ новыхъ эѳіоповъ. Наконецъ, третья партія называлась партіей «дикихъ», и также была довольно многочисленна. Члены ея были люди безъ всякихъ убѣжденій, пріѣзжали на выборы съ тѣмъ, чтобы попить и поѣсть на чужой счетъ, цѣлые дни шатались по трактирамъ и удивляли половыхъ силою клопштосовъ и умѣньемъ съ трескомъ всадить желтаго въ среднюю лузу. Многіе изъ нихъ были женаты и обладали многочисленными семействами, но всѣ сплошь смотрѣли холостыми, дома почти не жили, никогда путнымъ образомъ не обѣдали, а все словно перехватывали на скорую руку. Къ общественнымъ дѣламъ они были хо-

Digitized by Google

лодны и шары всегда и всѣмъ клали направо. Что касается до партіи «красныхъ», то и она раздѣлялась на три отдѣла: на такъ-называемыхъ «стригуновъ», на такъ-называемыхъ «скворцовъ» и на такъ-называемыхъ «плаксъ или канюкъ». Къ «стригунамъ» принадлежали сливки семиозерской молодежи, люди съ самоновѣйшими убѣжденіями и наилучшимъ образомъ одѣтые. «Стригуны» мечтали о возрожденіи, и въ этихъ видахъ очень много толковали о principes. На Россію они взирали съ сострадательнымъ сожалѣніемъ, а въ крестьянской реформѣ, подобно г. Н. Безобразову, видѣли «попытку... прекрасную», но въ то же время утверждали, что если бъ отъ нихъ зависѣло, то, конечно, дѣло устроилось бы гораздо прочнѣе. «Скворцы» собственныхъ убѣжденій не имѣли, но удачно передразнивали «стригуновъ», около которыхъ преимущественно и терлись. Это были веселые и совершенно пустые малые, которые выходили изъ себя только тогда, когда ихъ называли «скворушками». Они сразу полюбили Козелкова, и Козелковъ тоже полюбилъ ихъ сразу, и, конечно, между ними непремѣнно установились бы entente cordiale, если бъ политическія теоріи «стригуновъ» о самоуправленіи, о прерогативахъ земства и бюрократическомъ невмѣшательствѣ не держали «скворцовъ» въ постоянномъ страхѣ. «Это бюрократъ!»—говорили «скворушки», съ нѣкоторымъ смущеніемъ указывая на Митеньку... Что же касается до «плаксъ или канюкъ», то партія эта была немногочисленна и почти исключительно состояла изъ мировыхъ посредниковъ.

Таковы были эти «великія партіи», лицомъ къ лицу съ которыми очутился Дмитрій Павлычъ Козелковъ. Мудрено ли, что, съ непривычки, онъ почувствовалъ себя въ этомъ обществѣ и маленькимъ, и слабенькимъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки рѣшился попытать счастья и съ этою цѣлью отправился вечеромъ въ клубъ.

Въ клубѣ преимущественно собирались консерваторы и лишь тѣ немногіе изъ «скворцовъ», которымъ ужъ рѣши-

Digitized by Google

тельно некуда было дѣваться. «Маркизы» собирались въ такъ-называемой «уборной», бесѣдовали о «грасахъ», разсказывали скромные анекдоты и играли въ лото. «Крѣпкоголовые» занимали центръ, играли въ карты, шевелили усами и прерывали угрюмое молчаніе для того только, чтобы царапнуть водки. «Дикіе» толпились въ бильярдной; «скворцы» порхали во всѣхъ комнатахъ понемножку, но всего болѣе въ «уборной», ибо не только чувствовали естественное влеченіе къ «маркизамъ», но даже навѣрное знали, что сами современемъ ими сдѣлаются.

Козелковъ вошелъ въ уборную. «Скворцы», будучи внѣ надзора «стригуновъ», такъ со всѣхъ сторонъ и облѣпили его («однакожъ, я любимъ!»—съ чувствомъ подумалъ Митенька). «Маркизы» толковали о какой-то Марьѣ Петровнѣ, о какомъ-то родимомъ пятнышкѣ, — толковали, вздыхали и хихикали.

— А, вашество!—привѣтствовалъ его графъ.—А я сейчасъ разсказывалъ à ces messieurs про нашу бывшую предводительшу! Представьте себѣ...

Козелковъ сочувственно хихикнулъ въ отвѣтъ. Маркизы и скворцы облизнулись.

— Le bon vieux temps!—вздохнулъ графъ.—Тогда, вашество, старшихъ уважали!—внезапно прибавилъ онъ, многозначительно и строго посмотрѣвъ на «скворцовъ» и даже на самого Дмитрія Павлыча.

Козелковъ нѣсколько застыдился; ему и самому словно совѣстно сдѣлалось, что онъ какимъ-то чудомъ попалъ въ «сановники». Онъ уже хотѣлъ и съ своей стороны сказать нѣсколько острыхъ словъ насчетъ непочтительности и опрометчивости нынѣшняго молодого поколѣнія, хотѣлъ даже молвить, что это «отъ ихъ, именно отъ ихъ болтовни все и дѣло пошло», но убоялся «скворцовъ», которые такъ и кружились, такъ и лепетали около него. Поэтому онъ вознамѣрился благоразумно пройти по середочкѣ.

— Я полагаю, графъ, что это только недоразумѣніе, —

Digitized by Google

сказалъ онъ: — и я, конечно... употреблю зависящія отъ меня мѣры...

Онъ не кончилъ и, по привычкѣ, самъ разинулъ ротъ, услышавши свое собственное изреченіе. «Маркизы» тоже выпучили на него глаза, какъ бы спрашивая, что̀ онъ вознамѣрился надъ ними учинить.

— Но каковъ у васъ посредникъ, графъ? — спросилъ Козелковъ, чтобы прекратить общее изумленіе.

Графа даже передернуло всего.

— Позвольте мнѣ, вашество, не отвѣчать на этотъ вопросъ,—сказалъ онъ, величественно выпрямляясь и строго озирая Митеньку.

— Но отчего же, графъ?

— А оттого-съ, что есть вещи, объ которыхъ въ обществѣ благовоспитанныхъ людей говорить нельзя-съ, — продолжалъ графъ, и потомъ, къ великому изумленію Козелкова, прибавилъ: — Я, вашество, маркиза въ «Le jeu du hasard et de l'amour» игралъ!

— Я самъ, графъ, игралъ нѣкогда въ «Le sécretaire et le cuisinier»,—съ гордостью отвѣтилъ Митенька.

— Да, Скрибъ тоже имѣетъ свои достоинства, но все это не Маривò? Замѣтьте, вашество, что въ насъ эта грація почти врожденная была. А какъ я лакея представлялъ! Покойница Лизавета Степановна (она «маркизу» играла) просто въ себя придти не могла.

Графъ поникъ головой на минуту и потомъ, махнувъ рукою, прибавилъ:

— А теперь у насъ даже въ предводители какихъ-то жокрисовъ выбираютъ!..

— Богъ дастъ, любезный графъ, дворянство откроетъ глаза, и твои достоинства будутъ оцѣнены! — прошамкалъ одинъ изъ «маркизовъ».

— Не вѣрю!

— Но не можетъ же быть, чтобъ передовое сословіе...

— Не вѣрю!

Digitized by Google

— Я, графъ, съ своей стороны, готовъ... — шепнулъ-было Митенька, но тотчасъ же и умолкъ, потому что графъ окинулъ его величественнымъ взоромъ съ ногъ до головы.

— Мы, вашество, не понимаемъ другъ друга; я о содѣйствіи не прошу!—холодно сказалъ онъ и усѣлся за лото.

Козелкову оставалось только покраснѣть и удалиться.

— Бюрократъ!—прошипѣлъ ему вслѣдъ одинъ изъ «маркизовъ».

Черезъ минуту стукъ креселъ, шарканье ногъ и смѣшанный гулъ голосовъ извѣстили «маркизовъ», что Козелкова привѣтствуютъ «крѣпкоголовые».

Между «крѣпкоголовыми» самыми замѣтными личностями были Созонтъ Потапычъ Праведный и Яковъ Филиппычъ Гремикинъ. Праведный происходилъ изъ приказныхъ; это былъ мозглявый старичишка, весь словно изъѣденный жолчью, весь сведенный непрерывною судорогой, которая, какъ молнія въ грозныхъ облакахъ, такъ и вилась во всемъ его бренномъ тѣлѣ. Но репутацію этотъ человѣкъ имѣлъ ужаснѣйшую. Говорили, что во время процвѣтанія крѣпостного права у него былъ цѣлый гаремъ; говорили, что онъ по ночамъ ходилъ къ своимъ крестьянамъ съ обыскомъ, и что ни одинъ мужикъ не могъ укрыть ничего цѣннаго отъ зоркаго его глаза. Весь околотокъ трепеталъ его; крестьяне, не только его собственные, но и чужіе, блѣднѣли при одномъ его имени; даже помѣщики — и тѣ пожимались, когда заходила о немъ рѣчь. Пять губернаторовъ сряду порывались «упечь» его, и ни одинъ ничего не могъ сдѣлать, потому что Праведнаго защищала цѣлая неприступная стѣна, состоявшая изъ тѣхъ самыхъ людей, которые, будучи въ своемъ кругу, гадливо прижимались при его имени. Зато, какъ только пронеслась въ воздухѣ вѣсть о скорой кончинѣ крѣпостного права, Праведный, не мѣшкая много, заколотилъ свой господскій домъ, распустилъ гаремъ и уѣхалъ навсегда изъ деревни въ городъ. Здѣсь онъ занялся въ обширныхъ размѣрахъ ростов-

Digitized by Google

щичествомъ, ежедневно посѣщалъ клубъ, но въ карты не игралъ, а поджидалъ, не угоститъ ли его кто-нибудь изъ должниковъ чаемъ. Въ партіи «крѣпкоголовыхъ» онъ представлялъ начало письменности и ехидства; говорилъ плавно, мягко, словно змѣй ползъ; голосъ имѣлъ дѣтскій; когда злился, то злобу свою обнаруживалъ чѣмъ-то въ родѣ хныканья, отъ котораго вчужѣ морозъ подиралъ по кожѣ. Словомъ сказать, это былъ человѣкъ мысли. Напротивъ того, Гремикинъ былъ человѣкъ дѣла. Здоровенный, высокій, широкій въ кости и одаренный пространнымъ и жирнымъ затылкомъ, онъ рыкомъ своимъ поражалъ, какъ Юпитеръ громомъ. Онъ былъ не рѣчистъ и даже угрюмъ; враги даже говорили, что онъ, въ то же время, былъ глупъ и золъ, но, разумѣется, говорили это по секрету и шопотомъ, потому что Гремикинъ шутить не любилъ. Употреблялся онъ преимущественно для производства скандаловъ, и въ особенности былъ прелестенъ, когда, заложивъ одну руку за жилетъ, а другою слегка подбоченившись, молча становился передъ какимъ-нибудь крикливымъ господиномъ и взорами своихъ оловянныхъ глазъ какъ бы приглашалъ его продолжать разговоръ. «Крѣпкоголовые» хихикали и надрывали животики, видя, какъ крикливый господинъ (особливо, если онъ былъ изъ новичковъ) вдругъ прикусывалъ язычокъ и превращался изъ гордаго пѣтуха въ мокрую курицу. «Стригуны», «скворцы» и «плаксы» ненавидѣли и боялись его; Козелковъ тоже провидѣлъ въ немъ что-то таинственное, и потому всячески его избѣгалъ. И его тоже трепетали мужики, и свои, и чужіе; но онъ и не подумалъ бѣжать изъ деревни, когда крѣпостное право было уничтожено, а, напротивъ, очень спокойно и въ краткихъ словахъ объявилъ, что «другіе какъ хотятъ, а у меня будетъ попрежнему». И до него тоже добирались пять губернаторовъ, но тоже ничего не доспѣли, потому что Гремикинъ сразу отучилъ полицію ѣздить въ свое имѣніе. «Нѣтъ тебѣ ко мнѣ въѣзду», сказалъ онъ

Digitized by Google

исправнику, и исправникъ понялъ, что въѣзду дѣйствительно нѣтъ и не можетъ быть. Два раза онъ былъ присужденъ на покаяніе въ монастырь за нечаянное смертоубійство, но оба раза приговоръ остался неисполненнымъ, потому что полиція даже не пыталась, а просто наизусть доносила, что «отставной корнетъ Яковъ Филипповъ Гремикинъ находится въ тягчайшей болѣзни». Когда онъ игралъ въ преферансъ, то никто ему вистовать не отваживался, какую бы сумасшедшую игру онъ ни объявилъ. Понятно, что для «крѣпкоголовыхъ» такой человѣкъ былъ сущій кладъ и что они ревниво окружали его всевозможными предупредительностями.

Козелковъ очень любезно поздоровался съ Праведнымъ и боязливо взглянулъ на Гремикина, который, въ свою очередь, бросилъ на него исподлобья воспаленный взоръ. Онъ угрюмо объявилъ десять безъ козырей.

— Ну-съ, какъ дѣла въ собраніи, почтеннѣйшій Созонтъ Потапычъ?—любезно вопросилъ Козелковъ.

— Посредниковъ, вашество, экзаменуемъ, — отвѣчалъ Праведный своимъ дѣтскимъ голосомъ, и такъ веселенько хихикнулъ, что Дмитрій Павлычъ ощутилъ, какъ будто наступилъ на что-то очень противное и ослизлое.

— Десять безъ козырей,—снова объявилъ Гремикинъ.

— Однако, мой приходъ, кажется, счастье вамъ принесъ, Яковъ Филиппычъ?—подольстился Козелковъ.

— Я иногда... всегда!..—отвѣчалъ колоссъ, даже не поворачивая головы.—Скорѣе такимъ манеромъ ремизы списываются...

— Съ Яковомъ Филиппычемъ это, вашество, бываетъ-съ,— вступился одинъ изъ партнеровъ, очевидно, смущенный.— А нуте, я повистую!

— Не совѣтую! — мрачно цыркнулъ колоссъ и тутъ же смѣшалъ карты.

— Такъ вы говорите, Созонтъ Потапычъ, что у васъ

Digitized by Google

посредники...— обратился Козелковъ къ Праведному, чтобъ разсѣять овладѣвшее имъ смущеніе.

— Изъ поджигателей-съ! — кротко молвилъ Праведный и хныкнулъ.

— Скажите, однако!

— Всѣхъ на одну осину! — сквозь зубы произнесъ Гремикинъ.

— Проэкзаменуемъ-съ, — еще кротче продолжалъ Праведный.

— На осину — и баста! и экзаменовать нечего!

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ же-съ! По формѣ, Яковъ Филиппычъ, по формѣ-съ все сдѣлаемъ-съ... Позовемъ, этакъ, къ столу-съ, и каждый свою лепту-съ...

— Но, скажите, пожалуйста... можетъ-быть, я... Если бъ вамъ угодно было сообщить мнѣ ваши соображенія... я могъ бы...

— Нѣтъ-съ, вашество, этакъ-то лучше-съ... Вотъ мы ихъ ужò позовемъ-съ, кроткимъ манеромъ побесѣдуемъ-съ, а потомъ и попросимъ-съ...

— Но ежели они не согласятся?

Праведный опять хныкнулъ.

— Ну, ужъ объ этомъ спросите, вашество, у Якова Филиппыча!—молвилъ онъ какъ-то особенно мягко.

Козелковъ взглянулъ на Гремикина и увидѣлъ, что тотъ уже смотритъ на него во всю ширину своихъ воспаленныхъ глазъ.

— Мы, вашество, «доходить» не любимъ!—продолжалъ, между тѣмъ, Праведный:—потому что судиться, вашество, еще не всякій дарованіе это имѣетъ! Пожалуй, вашество, еще доказательствъ потребуете, а какія же тутъ доказательства представить можно-съ?

— Повѣрьте, почтеннѣйшій Созонтъ Потапычъ, что я всегда готовъ!—горячо вступился Козелковъ.—Я просто по одному слову благороднаго человѣка...

Digitized by Google

— Знаемъ, вашество, и видимъ это! Это точно, что у вашества чувства самыя благородныя...

— Слѣдовательно, отчего жъ вамъ не обратиться ко мнѣ? Обратитесь съ полною откровенностью, довѣрьтесь мнѣ... откройтесь, наконецъ, передо мной! — затолковалъ Дмитрій Павлычъ, и въ самомъ дѣлѣ ощутилъ, что и въ груди его дѣлается какъ будто приливъ родительскихъ чувствъ.

— Дожидайся! — прошипѣлъ Гремикинъ, но такъ ясно, что шипъ его проникнулъ во всѣ углы комнаты.

— Нѣтъ-съ ужъ, вашество, зачѣмъ вамъ безпокоиться! Мы это сами-съ... сперва одинъ къ нему подойдетъ, потомъ другой подойдетъ, потомъ третій-съ... и все, знаете, въ лицо-съ!..

— «Поджаривать» это, по-нашему, называется, — отозвался изъ угла чей-то голосъ.

— Это такъ-съ, это точно-съ. Потому онъ тутъ, вашество, словно вьюнъ живой на сковородкѣ: и на одинъ бокъ прыгнетъ, и на другой бокъ перевернется—и вездѣ жарко-съ!

Праведный вздохнулъ и умолкъ, прочіе присутствующіе тоже молчали. Гремикинъ смотрѣлъ на Козелкова такъ пристально, что послѣднему сдѣлалось совсѣмъ неловко.

— А нельзя ли, голубчикъ, стаканчикъ чайку мнѣ?— обратился Праведный къ лакею.—Да жиденькаго мнѣ, миленькій, жиденькаго!

Митенька вздрогнулъ при звукахъ этого голоса; ему серьезно померещилось, что кто-то словно высасываетъ изъ него кровь. Снова водворилось молчаніе: только карты хлясвали по столамъ, да по временамъ раздавались восклицанія игроковъ: «пасъ!»—«а ну, гдѣ наше не пропадало!» и т. д., или краткіе разговоры въ родѣ слѣдующихъ:

— Опять-таки ты, Семенъ Ивановичъ, характеръ не выдержалъ! Вѣдь тебѣ говорено было, что сдавать тебѣ не позволимъ!

— Клянусь...

— Нечего «клянусь»! Самъ своими глазами видѣлъ. Ко-

Digitized by Google

роль-то бубенъ кому слѣдовалъ? Мнѣ слѣдовалъ! А къ кому онъ попалъ? къ кому онъ попалъ?

— Да что̀ съ нимъ толковать! Сдавайте за него, Терентій Петровичъ, да и все тутъ!

— Нѣтъ, братъ, играть съ тобой еще можно, но позволять тебѣ карты сдавать—ни-ни! и не проси впередъ!

Или:

— Ужъ я, братъ, ему рожу-то салилъ-салилъ, такъ онъ даже обалдѣлъ подъ конецъ!

— Неужто?

— Право, глядитъ это во всѣ глаза и не понимаетъ, ни гдѣ онъ, ни что̀ съ нимъ... только перевертывается!

— Ха-ха-ха!

Козелковъ потихоньку всталъ съ своего мѣста и направилъ шаги въ бильярдную.

— Бюрократъ!—пустилъ ему вслѣдъ Гремикинъ.

«Отчего они меня такъ называютъ? отчего они не хотятъ мнѣ довѣриться?»—мучительно подумалъ Козелковъ, услышавъ долетѣвшее до него восклицаніе.

Но въ бильярдной происходила цѣлая исторія.

— Кто смѣетъ Олимпіаду Фавстовну здѣсь упоминать!—гремѣлъ чей-то голосъ.

— Да ужъ это такъ! была бы здѣсь Олимпіада Фавстовна, она бы не позволила тебѣ рыло-то мочить!—отвѣчалъ другой, не менѣе рѣшительный голосъ.

— Какъ ты смѣлъ самое имя моей жены въ этомъ кабакѣ произносить?—настаивалъ первый голосъ.

— Да ужъ это такъ! часто ужъ очень, братъ, къ водкѣ прикладываешься!

Митенька не рѣшился проникать далѣе и полегоньку началъ отступать къ дверямъ. Ему даже показалось, что кто-то задушевнымъ голосомъ крикнулъ: «караулъ», но онъ рѣшился игнорировать это обстоятельство, и только спросилъ у швейцара, суетившагося около него съ шинелью:

— Каждый день у васъ такъ бываетъ?

Digitized by Google

— Кажный, вашество, день!

Какъ-то легко и хорошо почувствовалъ себя Дмитрій Павлычъ, когда очутился на улицѣ и его со всѣхъ сторонъ охватило свѣжимъ, морознымъ воздухомъ. Кругомъ было пустынно и тихо, только кучера дремали на козлахъ у подъѣздовъ, да изрѣдка бойко пробѣгалъ по тротуарамъ какой-нибудь казачокъ, поспѣшая въ погребокъ за виномъ. Козелковъ хотѣлъ вывести какое-нибудь заключеніе изъ того, что̀ онъ видѣлъ въ тотъ вечеръ, но не могъ ничего сообразить. Съ одной стороны, онъ понималъ, что не выполнилъ ни одной іоты изъ программы, начертанной правителемъ канцеляріи; съ другой стороны, ему казалось, что программа эта должна выполниться сама собой, безъ всякаго его содѣйствія.

«Съ Божьею помощью»...—подумалъ онъ, и въ это самое время поровнялся къ квартирою Коли Собачкина.

Квартира Собачкина была великолѣпно освѣщена и полна народу. Повидимому, тутъ было настоящее сходбище, потому что всѣ «стригуны» и даже бо̀льшая часть «скворцовъ» состояли на-лицо. Митеньку тэжъ и тянуло туда, даже сердце его расширялось. Онъ живо вообразилъ себѣ, какъ бы онъ сѣлъ тамъ на канапѐ и началъ бы рѣчь о principes: кругомъ внимали бы ему «стригуны» и лепетали бы безпечные «скворцы», а онъ все бы говорилъ, все бы говорилъ...

— Итакъ, messieurs, если на предстоящее намъ дѣло взглянуть съ точки зрѣнія вѣчной идеи права...—заговорилъ-было Козелковъ вслухъ, но оглянулся и увидѣлъ себя одного среди пустынной улицы.

III.

А у Коли Собачкина было дѣйствительно цѣлое сходбище. Тутъ присутствовалъ именно весь цвѣтъ семиозерской молодежи: былъ и Сережа Свайкинъ, и маленькій виконтикъ де-Сакрекокенъ, и длинный баронъ фонъ-Цанарцтъ, былъ и князекъ Соломенныя Ножки. Изъ «не-на-

Digitized by Google

шихъ» допущенъ былъ одинъ Родивонъ Петровъ Храмолобовъ, но и тотъ преимущественно въ видахъ увеселенія. Тутъ же забрался и Фавори, но говорилъ мало, а все больше слушалъ.

Собрались, усѣлись въ кружокъ противъ камелька и начали говорить о principes. Юные семиозерцы были въ большомъ затрудненіи, ибо очень хорошо сознавали, что если не придумаютъ себѣ какихъ-нибудь principes, то имъ въ самомъ непродолжительномъ времени носу нельзя будетъ никуда показать.

— Позвольте, messieurs,—сказалъ, наконецъ, Коля Собачкинъ:—по моему мнѣнію, вы излишне затрудняетесь! Я нахожу, что principes можно изъ всего сдѣлать... даже изъ регулярнаго хожденія въ баню!

Присутствующіе нѣсколько изумились.

— Во всякомъ случаѣ, это не будутъ крестовые походы!—скромно замѣтилъ князекъ Соломенныя Ножки.

— Не прерывай, князекъ, и вы, господа, не изумляйтесь, потому что тутъ совсѣмъ нѣтъ никакого парадокса. Что такое principe? спрашиваю я васъ. Principe—это вообще такая суть вещи, которая принадлежитъ или отдѣльному лицу, или цѣлой корпораціи въ исключительную собственность; это, если можно такъ выразиться, девизъ, клеймо, которое имѣетъ право носить Иванъ и не имѣетъ права носить Петръ. Слѣдовательно, если вы пріобрѣтете себѣ исключительное право ходить въ баню, то ясно, что этимъ самымъ пріобрѣтаете и исключительное право опрятности; ясно, что на васъ будутъ указывать и говорить: «вотъ люди, которые имѣютъ право ходить въ баню, тогда какъ прочіе ихъ соотечественники вынуждены соскабливать съ себя грязь ножомъ или стекломъ!» Ясно, что у васъ будетъ принципъ! Ясно?

«Стригуны» молчали; они понимали, что слова Собачкина очень послѣдовательны и что со стороны логики подъ нихъ нельзя иголки подточить; но въ то же время чувство-

Digitized by Google

вали, что въ нихъ есть что-то такое неловкое, какъ будто похожее на парадоксъ. Это всегда такъ бываетъ, когда дѣло идетъ о великихъ principes, и, напротивъ того, никогда не бываетъ, когда идетъ рѣчь о предметахъ низкихъ и обыкновенныхъ. Такъ, напримѣръ, когда я вижу столъ, то никакъ не могу сказать, чтобы тутъ скрывался какой-нибудь парадоксъ; когда же вижу передъ собой нѣчто невѣсомое, какъ, напримѣръ: геройство, расторопность, самоотверженность, либеральныя стремленія и проч., то въ сердце мое всегда заползаетъ червь сомнѣнія и формулируется въ видѣ вопроса: «вѣдь это кому какъ?» Для чего это такъ устроено — я хорошенько объяснить не могу, но думаю, что для того, чтобы порядочные люди всегда имѣли такія sujets de conversation, по поводу которыхъ одни могли бы ораторствовать утвердительно, а другіе—ораторствовать отрицательно, а въ результатѣ du choc des opinions jaillit la vérité! Такъ точно было и въ настоящемъ случаѣ «Стригуны» сознавали, что Собачкинъ правъ, но въ то же время ехидныя слова князька: «а все-таки крестовыхъ походовъ изъ этого не выйдетъ!» невольно отдавались въ ушахъ. Собачкинъ угадалъ молчаніе, послѣдовавшее за его словами.

— Я понимаю,—сказалъ онъ:—васъ сбиваютъ съ толку крестовые походы... Mais entendons-nous, messieurs! Я совсѣмъ не изъ тѣхъ, которые отрицаютъ важность такого историческаго précédent; однако, позвольте вамъ замѣтить, что вѣдь въ крестовыхъ походахъ участвовали цѣлыя толпы, но развѣ всѣ участвовавшіе получили право ссылаться на нихъ? Нѣтъ, это право получили только les preux chevaliers! Вы слышите... вы чувствуете, что и здѣсь сила совсѣмъ не въ фактѣ участія, а въ правѣ ссылаться на него... Ясно?

Собачкинъ окинулъ присутствующихъ торжествующимъ взоромъ; «стригуны» поколебались и начали что-то понимать.

— Пропинаціонное право... — задумчиво пробормоталъ длинноногій фонъ-Цанарцтъ.

Digitized by Google

— Mais vous concevez, mon cher, что право хожденія въ баню я привелъ вовсе не съ точки зрѣнія какой-нибудь драгоцѣнности!

— Пропинаціонное право полезно было бы получить...— еще разъ и задумчивѣе прежняго повторилъ Цанарцтъ.

— Господа! въ шестисотыхъ годахъ, въ Малороссіи, жиды имѣли право...—заикнулся князекъ.

— Такъ тò жиды!—отвѣчалъ Собачкинъ и бросилъ такой леденящій взоръ, что князекъ даже присѣлъ.

— Messieurs! расшибемъ князенку голову! — вдругъ воскликнулъ кто-то, какъ бы озаренный сверху вдохновеніемъ.

— Браво! браво! расшибемъ князенку голову!—повторили «скворцы» хоромъ.

— Chut, messieurs! Ваша выходка напоминаетъ каннибальское времяпрепровожденіе нашего старичья! Я увѣренъ, что они даже въ настоящую минуту дуютъ водку и занимаются расшибаніемъ кому-нибудь головы въ клубѣ—неужели вы хотите идти по стопамъ ихъ? Ахъ, messieurs, messieurs, неужели же и дѣйствительно такова наша участь, что мы никогда не будемъ въ состояніи ни до чего договориться?

Тонъ, которымъ были сказаны Собачкинымъ эти послѣднія слова, звучалъ такою грустью, что «стригуны» невольно задумались. Вся обстановка была какая-то унылая; отъ камелька разливался во всѣ стороны синеватый, трепещущій свѣтъ; съ улицы доносилось какое-то гудѣніе: не то вѣтеръ порхалъ властелиномъ по опустѣлой улицѣ, не то «старичье» хмельными ватагами разъѣзжались по домамъ; частый, мерзлый снѣжокъ дребезжалъ въ окна, наполняя комнату словно жужжаніемъ безчисленнаго множества комаровъ...

— Господа! необходимо, однакожъ, чѣмъ-нибудь рѣшить наше дѣло! — первый прервалъ молчаніе тотъ же Собачкинъ.—Мнѣ кажется, что если мы и на этотъ разъ не по-

Digitized by Google

кажемъ себя самостоятельными, то утратимъ право быть твердыми безвозвратно и на вѣки-вѣковъ!

Фавори, до сихъ поръ смирненько сидѣвшій въ уголку и перелистывавшій какой-то кипсекъ, навострилъ уши.

— Новгородцы такали-такали, да и протакали!—меланхолически замѣтилъ князекъ.

— «Les novogorodiens disaient: oui, disaient: oui, — et perdirent leur liberté»; «Die Novogorodien sagten: ja, und sagten: ja,—und verloren ihre Freiheit»,—вдругъ отозвались голоса изъ разныхъ угловъ комнаты. Лица на минуту изъ хмурыхъ опять сдѣлались веселыми.

— Я все-таки полагаю, что узелъ вопроса заключается въ пропинаціонномъ правѣ, — глубокомысленно отрубилъ Цанарцтъ.—Вино, messieurs, — это такой продуктъ, относительно котораго всѣ руки развязаны. Съ одной стороны, употребленіе его возбраняется законами нравственности, и, слѣдовательно, ограниченіе его производства не противорѣчитъ требованіямъ самыхъ строгихъ моралистовъ; съ другой стороны — это продуктъ не только необходимый, но и вполнѣ соотвѣтствующій требованіямъ народнаго духа. Слѣдовательно, правильный и изобильный истокъ его обезпеченъ на долгія времена! Вотъ, messieurs, тѣ данныя, которыя заставляютъ меня особенно настаивать на этомъ предметѣ.

Однакожъ, эта рѣчь произвела дѣйствіе не столь благопріятное, какъ можно было ожидать, потому что всякій очень хорошо понималъ, что для того, чтобъ сообщить пропинаціонному праву тотъ пользительный характеръ, о которомъ упоминалъ Цанарцтъ, необходимо было обладать достаточными капиталами. Но капиталовъ этихъ ни у кого, кромѣ Цанарцта, не оказывалось, по той простой причинѣ, что они давнымъ-давно были просвистаны достославными предками на разныя головоушибательныя увеселенія. Поэтому, если и чувствовалась надобность въ какомъ-либо исключительномъ правѣ, то отнюдь не въ видѣ пропина-

Digitized by Google

ціоннаго, а въ такомъ, которое имѣло бы основаніе преимущественно нравственное и философическое («вотъ кабы въ зубы безпрекословно трескать можно было!»—секретно думалъ князекъ, но мысли своей, однако, не высказалъ). Мысль эту въ совершенствѣ усвоилъ себѣ Коля Собачкинъ.

— Я вполнѣ согласенъ съ доводами Цанарцта насчетъ пропинаціонной привилегіи,—сказалъ онъ:—но могу допустить ее только на второмъ планѣ и, такъ сказать, между прочимъ. Это право носитъ на себѣ слишкомъ явную печать эгоистическихъ цѣлей, чтобы можно было прямо начать съ него. По мнѣнію моему, мы обязаны прежде всего показать себя безкорыстными и великодушными; мы должны дать чувствовать, что въ насъ заключается начало цивилизующее. Я знаю, что и знаменитѣйшій изъ публицистовъ нашего времени не отвергаетъ важности пропинаціоннаго права, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ указываетъ и на нѣчто другое, на что̀ преимущественно должны быть устремлены наши взоры. Это нѣчто, эта драгоцѣнная панацея, отъ которой мы должны ожидать уврачеванія всѣхъ золъ... есть self-government, въ томъ благонадежномъ смыслѣ, въ которомъ его понимаютъ лучшіе люди либерально-консервативной партіи!

Фавори навострилъ уши сугубо. Общій одобрительный шопотъ пронесся по комнатѣ, хотя, по правдѣ сказать, очень немногіе усвоили себѣ истинный смыслъ рѣчи Собачкина.

— Потому что главная цѣль, къ которой мы должны стремиться,—продолжалъ Собачкинъ:—это пріобрѣсти въ свою собственность принципъ, такъ сказать, нравственный! А затѣмъ...

Ораторъ остановился на минуту, какъ бы смакуя ту сладость, которую онъ намѣревался выпустить въ свѣтъ.

— А затѣмъ и всѣ прочіе принципы естественнымъ порядкомъ перейдутъ къ намъ же!—договорилъ онъ вполголоса.

«Скворцы» встрепенулись и, считая предметъ исчерпан-

Digitized by Google

нымъ, вознамѣрились-было, по обыкновенію, шутки шутить, но Собачкинъ призвалъ ихъ къ порядку и продолжалъ:

— Въ этомъ смыслѣ,—сказалъ онъ,—мы должны начать дѣйствовать съ завтрашняго же дня, и при томъ дѣйствовать рѣшительно и единодушно!

— А старики?—произнесъ кто-то изъ присутствующихъ.

«А старики?»—пронеслось надъ душою каждаго. Начались толки; предложенія слѣдовали одни за другими. Одни говорили, что ежели привлечь на свою сторону Гремикина, то дѣло будетъ выиграно навѣрное; другіе говорили, что надобно ближе сойтись съ «маркизами» и ополчиться противъ деспотизма «крѣпкоголовыхъ»; одинъ голосъ даже предложилъ подать руку примиренія «плаксамъ», но противъ этой мысли вооружились рѣшительно всѣ.

— Да вспомните же, господа, кто у насъ у шаровъ-то стоитъ!—горячился князь Соломенныя Ножки.—Вѣдь Гремикинъ стоитъ! Гремикинъ! Поймите вы это!

— Гремикина, Гремикина, messieurs, надо пріобрѣсти!—кричали «скворцы».

— Вотъ вы увидите, что мы и теперь накидаемъ только шаровъ, да и разъѣдемся, ничего не сдѣлавши!

— Ну, нѣтъ, это дудки!

— Messieurs! да позвольте же мнѣ высказать свое мнѣніе!

— Messieurs! выслушайте, ради Христа!

Поднялся шумъ и гамъ, столь родственный русскому сердцу; когда же лакей доложилъ, что подано кушать, то всѣ principes окончательно забылись. Фавори только этого и дожидался, потому что зналъ, что настоящее его торжество начнется за ужиномъ. Онъ мастерски пѣлъ гривуазныя пѣсни и при этомъ какъ-то лихо вертѣлъ направо и налѣво головою и шевелилъ плечами. Все это очень нравилось искателямъ принциповъ, которые все-таки канканъ цѣнили выше всего на свѣтѣ. И дѣйствительно, какъ только подали ужинать, Фавори мало-по-малу началъ вступать въ свои права. Уже за первымъ блюдомъ онъ очень шикарно спѣлъ «Un soir

Digitized by Google

à la barrière», а за вторымъ—до того расходился, что вышелъ изъ-за стола и представилъ, какъ, по его мнѣнію, Гремикинъ долженъ канканъ танцовать. Но, сдѣлавши это, онъ струсилъ и впалъ въ уныніе, потому что очень живо вообразилъ себѣ, что̀ сдѣлаетъ съ нимъ Гремикинъ, если узнаетъ объ его продерзости. Но такъ какъ впечатлѣнія проходили по его французской душѣ быстро, то и это мгновенное уныніе скоро уступило главному, всесильно имъ овладѣвшему чувству—чувству доказать всѣмъ и каждому, что онъ славный малый и что для общаго увеселенія готовъ во всякое время сглонуть живьемъ своего собственнаго отца. Даже Козелкову досталось въ этихъ юмористическихъ упражненіяхъ, хотя и тутъ Фавори не преминулъ слегка потрепетать. Подъ конецъ онъ даже притворился пьянымъ, чтобы окончательно отнять у своихъ амфитріоновъ поводъ женироваться съ нимъ и въ то же время пріобрѣсти для себя нѣкоторое оправданіе въ будущемъ.

— А что̀ вы скажете насчетъ Марьи Петровны?—приставали къ нему «скворцы».

— Марья Петровна, messieurs... это я вамъ скажу... у ней...—болталъ Фавори, и выбалтывалъ такую мерзость, отъ которой у «скворцовъ» и у «стригуновъ» захватывало духъ отъ наслажденія.

IV.

Время шло да шло, а въ собраніи все «экзаменовали» посредниковъ. Напрасно вопіяли «стриуны», что въ настоящія «торжественныя минуты» не до дрязговъ, а надо, дескать, подумать о спасеніи принципа и дать хорошій отпоръ бюрократіи—никто не убѣждался и не унимался. Платонъ Иванычъ, которому пуще всего хотѣлось посидѣть на своемъ мѣстѣ еще трехлѣтіе, очень основательно разсудилъ, что чѣмъ больше господа дворяне проводятъ такъ время, тѣмъ лучше для него, потому что на этой почвѣ онъ всегда будетъ имъ пріятенъ, тогда какъ на почвѣ болѣе

Digitized by Google

серьезной, пожалуй, найдутся и другіе выскочки, которые могутъ пустить въ глаза пыль. Поэтому онъ всячески разжигалъ рьяныхъ экзаменаторовъ, число которыхъ росло не по днямъ, а по часамъ. Большинство до того увлеклось «экзаменами», что даже возвышалось нѣкоторымъ образомъ до художественности, придавало своимъ запросамъ разнообразныя литературныя формы, изображало ихъ въ лицахъ и т. п.

— *Вы* вынудили меня, милостивый государь, прибѣгнуть къ ручной расправѣ!—ораторствовалъ одинъ.—Я отъ роду, государь мой!—слышите ли?—отъ роду пальцемъ никого не тронулъ, а, по милости вашей, долженъ былъ—понимаете ли?—вынужденъ былъ «легко» потрепать *его* за бороду!

— Вы сдѣлали меня воромъ!—вопіялъ другой.

— Каково мнѣ эти плюхи-то ѣсть?—вопрошалъ третій.

— Нѣтъ, вы представьте себѣ, что̀ онъ со мной сдѣлалъ!—докладывалъ четвертый.—Сидитъ этакъ онъ, этакъ я, а этакъ стоитъ Катька-мерзавка... Хорошо. Только, слышу я. говоритъ онъ ей: «вы тоже, голубушка, можете сѣсть»... Это Катькѣ-то! Хорошо. Только я, знаете, смотрю на него, да и Катька тоже смотритъ: не помстилось ли ему! Ничуть не бывало! Сидитъ себѣ да бородку пощипываетъ: «Садитесь, говоритъ, садитесь!» Это Катькѣ-то!

— Ка̀къ вы оправдаете такой поступокъ?—сурово произноситъ предводитель.

— Позвольте, господа, заявить мнѣ здѣсь жалобу отъ имени доброй, больной жены моей!—начинаетъ пятый.

Однимъ словомъ, жалобамъ и протестамъ не предвидится конца. Посредники пыхтятъ и дѣлаютъ презрительныя мины, но внутренно обливаются слезами. Изрѣдка Праведный пуститъ шипъ по-змѣиному: «поджигатели!»—и посмотритъ не то на окошко, не то на экзаменуемаго посредника; отъ шипа этого виноватаго покоробитъ, какъ бересту на огнѣ, но привязаться онъ не можетъ, потому что Праведный сейчасъ и въ кусты: «это я такъ, на окошко вотъ посмотрѣлъ.

Digitized by Google

такъ вспомнилось!» И опять обольется сердце посредника кровью. Словомъ сказать, такое положеніе—хоть не кажи морды!

— И на что мы сюда притащились!—толкуютъ между собою «плаксы».

— Всѣхъ на одну осину повѣсить—и баста!—цыркаетъ во все горло проходящій мимо Гремикинъ и *нечаянно* задѣваетъ одного изъ плаксъ локтемъ.

Въ эту минуту голосъ Платона Ивановича покрываетъ общій шумъ.

— Господа!—говоритъ онъ:—баллотируется предложеніе объ исключеніи господина Курилкина изъ собранія! Не угодно ли брать шары?

Курилкинъ обращается къ прокурору и проситъ разъяснить законъ; прокуроръ встаетъ и разъясняетъ. Происходитъ общая суматоха; «крѣпкоголовые» не вѣрятъ, «стригуны» презрительно улыбаются, «плаксы» временно торжествуютъ.

Козелковъ слѣдитъ изъ своего кабинета за этою суматохой и весело потираетъ руки.

— А вѣдь я ловко-таки продернулъ ихъ!—говоритъ онъ правителю канцеляріи.

— Я, вашество, докладывалъ-съ...

— Да; это вы хорошо дѣлаете, что излагаете передо мной ваши мысли, но, конечно, я бы и самъ...

Однимъ словомъ, такъ развеселился нашъ Дмитрій Павлычъ, что даже похорошѣлъ. Онъ видѣлъ, что надобность искать броду уже миновалась, и потому не избѣгалъ даже Гремикина; напротивъ того, заигрывалъ съ нимъ и потомъ увѣрялъ всѣхъ и каждаго, что «если съ нимъ (Гремикинымъ) хорошенько сойтись, то онъ совсѣмъ даже и не страшенъ, а просто добрый малый».

Мало того: онъ почувствовалъ потребность выкинуть какую-нибудь штуку. Это бываетъ. Когда человѣка начинаетъ со всѣхъ сторонъ одолѣвать счастье, когда у него

Digitized by Google

на лопаткахъ словно крылья какія-то выростаютъ, которыя такъ и взмываютъ, такъ и взмываютъ его на воздухъ, то въ сердцѣ у него все-таки нѣчто сосетъ и зудитъ, точно вотъ такъ и говоритъ: «да сооруди же, братецъ, ты такое дѣло разлюбезное, чтобы такой-то сударь Иванычъ не усидѣлъ, не устоялъ!» И до тѣхъ поръ не успокоится бѣдное сердце, покуда дѣйствительно не исполнитъ человѣкъ всего своего предѣла.

Козелкову давно ужъ не нравился Платонъ Иванычъ. Не то чтобы они не сходились между собой въ воззрѣніяхъ—воззрѣній ни у того, ни у другого никакихъ ни на что не было,—но Дмитрію Павлычу почему-то постоянно казалось, что Платонъ Иванычъ словно грубитъ ему. Козелкову собственно хотѣлось чего?—ему хотѣлось, чтобы Платонъ Иванычъ былъ ему другомъ, чтобы Платонъ Иванычъ его уважалъ и объяснялся передъ нимъ въ любви, чтобы Платонъ Иванычъ пріѣзжалъ къ нему совѣтоваться: «вотъ, вашество, въ какое я затрудненіе поставленъ»... А вмѣсто того Платонъ Иванычъ смотрѣлъ сурово, и постоянно, ни къ селу, ни къ городу, упоминалъ о какихъ-то «фофанахъ». Каждое изъ этихъ упоминовеній растопленнымъ оловомъ капало на сердце Козелкова, и, несмотря на врожденное его расположеніе къ веселости, дѣло доходило иногда до того, что онъ готовъ былъ растерзать своего врага. Конечно, растерзать онъ не растерзалъ, но зло таки-порядочно укоренилось въ немъ и ждало только удобнаго случая, чтобъ устроить свое маленькое дѣльце.

Настоящая минута казалась благопріятною. Опасенія миновались, затрудненій не предвидѣлось, и Козелковъ могъ дерзать безъ риска. До срока ужъ оставалось только два дня; завтра должны состояться уѣздные выборы, на послѣзавтра назначалось самое настоящее, генеральное сраженіе.

Козелковъ имѣлъ по этому случаю совѣщаніе.

— Платошка этотъ... претитъ!—сказалъ онъ и впился глазами въ правителя канцеляріи.

Digitized by Google

— Человѣкъ необрѣзанный-съ.

— Я, знаете, думаю даже, что онъ много общимъ интересамъ вредитъ!

— Ужъ на что же, вашество, хуже-съ!

— Потому что возьмите хоть меня! Я—человѣкъ расположенный! Я прямо говорю: я—человѣкъ расположенный! Но за всѣмъ тѣмъ... когда я имѣю дѣло съ этимъ грубіяномъ... я не знаю... я не могу!

— А вы, вашество, сюрпризъ имъ сдѣлайте-съ!

— Ну, да, я объ этомъ и подумываю!

— Вы, вашество, вотъ что̀-съ: завтра, какъ уѣздные-то выборы кончатся, вы вечеромъ на балу и подойдите къ нимъ, да такъ при всѣхъ и скажите-съ: «благодарю, молъ, васъ, Платонъ Иванычъ, что вы согласно съ моими видами въ этомъ важномъ дѣлѣ дѣйствовали». Господа дворяне на это пойдутъ-съ.

— А что̀ вы думаете, въ самомъ дѣлѣ!

— Это вѣрно-съ. Они на этотъ счетъ просты-съ.

Козелковъ повеселѣлъ еще больше. Онъ весь этотъ день, а также утро другого дня употребилъ на дѣланіе визитовъ и вездѣ говорилъ, какъ онъ доволенъ «почтеннѣйшимъ» Платономъ Иванычемъ и какъ желалъ бы, чтобъ этотъ достойный человѣкъ и на будущее трехлѣтіе удержалъ за собой высокое довѣріе дворянства.

— Согласитесь сами, — говорилъ онъ:—вотъ теперь у насъ выборы—ну, гдѣ же бы мнѣ; при моихъ занятіяхъ, управить такимъ обширнымъ дѣломъ? А такъ какъ я знаю, что тамъ у меня вѣрный человѣкъ, то я спокоенъ! Я увѣренъ, что тамъ ничего такого не сдѣлается, что̀ было бы противно моимъ интересамъ!

Козелковъ говорилъ такимъ образомъ преимущественно барынямъ, такъ какъ мужей никогда нельзя было найти дома. Барыни, разумѣется, тотчасъ же пересказали мужьямъ и, разумѣется же, такъ перепутали слова Козелкова, что нельзя было даже разобрать, кто о комъ говорилъ: Козел-

Digitized by Google

ковъ ли о Платонѣ Иванычѣ, или Платонъ Иванычъ о Козелковѣ. Но обстоятельство это не только не повредило дѣлу, а, напротивъ того, содѣйствовало его успѣху, ибо оно раздражило любопытство мужской половины, сдѣлало сердца ихъ готовыми къ воспріятію сплетни, но самую сплетню, до поры до времени, еще скрыло. Наконецъ, наступилъ и вечеръ, во время котораго все сіе должно было совершиться.

Просторная зала клуба вся залита свѣтомъ. Отъ огромнаго количества зажженныхъ свѣчъ и множества народа атмосфера душна и влажна. Около дамъ, замѣчательныхъ либо красотою, либо развязностью манеръ, живо образовались цѣлые кружки молодежи. Демуазельки прохаживаются по залу вереницами, очень часто убѣгаютъ въ уборную и, возвратившись оттуда, о чемъ-то шепчутся и хихикаютъ. Баронесса фонъ-Цанарцтъ, высокая, стройная, роскошная, рѣшительно привлекаетъ всѣ сердца; она одѣта въ великолѣпное желтое платье, которое очень идетъ къ ея смуглому и рѣзко-выразительному лицу; около нея такъ и жужжитъ цѣлый рой вздыхающихъ и пламенѣющихъ «стригуновъ» Въ одномъ изъ угловъ сидитъ томная мадамъ Первагина и какъ-то внойно дышитъ подъ вліяніемъ рѣчей и взглядовъ Сережи Свайкина; она счастлива и, быть-можетъ, одна изъ всѣхъ наличныхъ дамъ не завидуетъ баронессѣ. «Крѣпкоголовыхъ» не видать никого; они изрѣдка выглядываютъ изъ внутреннихъ комнатъ въ залу, постоятъ минуту около дверей, зѣвнутъ, подумаютъ: «а вѣдь это все наши!»— и исчезнутъ въ ту зіяющую пропасть, которая зовется собственно клубомъ. «Маркизы» всѣ на-лицо въ залѣ и показываютъ публикѣ свои грасы. Музыка слаживается и ждетъ только сигнала, чтобы наполнить залу цѣлыми потоками посредственнаго достоинства гарнизонной гармоніи. Господа офицеры натягиваютъ перчатки.

И вдругъ весь этотъ людъ закружился, а съ нимъ вмѣстѣ

Digitized by Google

заколыхался и горячій воздухъ. «Стригуны» вальсируютъ солидно; «скворцы» прыгаютъ и изгибаются; князекъ Соломенныя Ножки, при маломъ своемъ ростѣ, представляется безплодно стремящимся достать до плеча своей дамы; Свайкинъ до того перегнулся, что издали кажется совершеннымъ складнымъ ножикомъ; Цанарцтъ выбралъ какого-то подростка изъ демуазелекъ и мнется съ нимъ на одномъ мѣстѣ, словно говоритъ: «а ну, душенька, вотъ такъ ножкой! ну, и еще такъ!» Мадамъ Первагина не вальсируетъ, а, такъ сказать, млѣетъ.

— Приходите завтра утромъ,—шепчетъ она своему кавалеру, Свайкину.—Я вамъ покажу картинки...

Но вотъ и опять музыка смолкла; демуазельки тотчасъ же ринулись въ уборную, и вслѣдъ затѣмъ оттуда послышалось невинное хихиканье. Баронесса опять стояла среди залы, окруженная цѣлой толпой, и по временамъ взглядывала на входную дверь, какъ будто ждала кого-то. Читатель,—увы!—я долженъ сознаться, что она ждала Козелкова! Да; въ теченіе какихъ-нибудь семи-восьми дней успѣло многое измѣниться, и баронесса не устояла-таки противъ обаяній, которыя тонкою струей источаетъ изъ себя соблазнъ. Отъ нея одной Козелковъ не утаилъ своихъ намѣреній и даже успѣлъ сдѣлать изъ нея вѣрную союзницу, очень ловко намекнувъ, что баронъ слишкомъ ужъ скроменъ, что отъ него зависѣло бы, и т. д. При этомъ Козелковъ такими жадными глазами смотрѣлъ на баронессу, что ей дѣлалось, въ одно и то же время, и жутко, и сладко. Цѣлая цѣпь губернскихъ торжествъ и поклоненій въ одно мгновеніе пронеслась въ ея воображеніи; цѣлое облако острыхъ губернскихъ ѳиміамовъ разомъ нахлынуло на нее и отуманило ея голову. И какъ ни упирался скаредный сынъ Эстляндіи противъ искушеній жены, какъ ни доказывалъ, что винокуренная операція требуетъ неотлучнаго пребыванія его въ деревнѣ, лукавая дочь Евы успѣла-таки продолбить его твердый черепъ и съ помощью обмороковъ, спазмовъ и другихъ

Digitized by Google

всесильныхъ женскихъ обольщеній заставила мужа положить оружіе.

Наконецъ, Козелковъ явился весь радостный и словно даже свѣтящійся. Онъ прямо направилъ стопы къ баронессѣ, и такъ какъ въ это время оркестръ заигралъ ритурнель кадрили, то они сѣли въ парѣ. Визави у нихъ былъ графъ Козельскій и пикантная предводительша.

— Прикажете, вашество, начинать? — вдругъ грянулъ надъ самымъ его ухомъ батальонный командиръ, который въ то же время былъ и распорядителемъ танцевъ.

Козелковъ вздрогнулъ и граціозно склонился къ баронессѣ, которая, въ свою очередь, бросила на усерднаго командира не то насмѣшливый, не то утвердительный взглядъ. Командиръ махнулъ платкомъ, и пары заколыхались.

— Онъ согласенъ,—сказала баронесса Козелкову.

— Стало-быть, вамъ остается быть только любезной нынѣшній вечеръ съ молодыми людьми и графомъ.

— А вы?

— Я свое дѣло сдѣлаю... Но, баронесса...

Митенька вздохнулъ такъ, какъ будто бы ему было очень жарко.

— Что̀ еще? — спросила баронесса и, обернувшись къ нему, улыбнулась всѣмъ своимъ прекраснымъ лицомъ.

Но онъ не отвѣчалъ и все продолжалъ вздыхать.

— Какой вы еще мальчикъ, однакожъ!

— Баронесса!—чуть-чуть простоналъ Козелковъ.

— Молчите! Вы смотрите на меня съ такимъ ужаснымъ краснорѣчіемъ, что даже самые непонятливые—и тѣ могутъ легко убѣдиться. Давайте лучше говорить de choses indifférentes и потомъ оставьте меня на цѣлый вечеръ.

— Я, баронесса, уѣду домой.

— Это жаль; но если нужно... Впрочемъ, я сама думаю, что такъ будетъ лучше...

Въ это время Платонъ Иванычъ, конечно, всего менѣе ожидалъ какихъ-либо нападеній или подвоховъ и преспо-

Digitized by Google

войно стоялъ-себѣ въ одной изъ карточныхъ залъ, окруженный приверженцами и заранѣе предвкушая завтрашнее свое торжество. Онъ даже слегка разсуждалъ о принципахъ и въ «шутливомъ русскомъ тонѣ» проходился насчетъ бюрократіи, и хотя разсужденія его были отмѣнно-глупы, но они удовлетворяли «крѣпкоголовыхъ», которые, въ отвѣтъ ему, ласково сопѣли. Однимъ словомъ, Платонъ Иванычъ торжествовалъ, а въ городѣ носились уже слухи насчетъ какого-то чудовищнаго обжорства, которое готовилъ предводитель въ заключеніе выборовъ.

Въ такую-то минуту въ эту самую комнату вошелъ Дмитрій Павлычъ Козелковъ и прямо подошелъ къ Платону Иванычу.

— Господа! — сказалъ онъ голосомъ, нѣсколько дрожавшимъ отъ волненія:—пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы передъ лицомъ вашимъ засвидѣтельствовать мою искреннюю признательность достойнѣйшему Платону Иванычу! Платонъ Иванычъ! мнѣ пріятно сознаться, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, каково настоящее собраніе гг. дворянъ, вы вполнѣ оправдали мое довѣріе! Вы не только дѣйствовали совершенно согласно съ моими видами и предначертаніями, но, такъ сказать, даже благосклонно предупреждали ихъ. Еще разъ благодарю!

Платонъ Иванычъ сгоряча мичего не понялъ и съ чувствомъ пожалъ протянутую ему Козелковымъ руку. Окружающіе, бо́льшею частью, были умилены, но нѣкоторыхъ уже нѣчто кольнуло. Сказавши свою рѣчь, Козелковъ рысцой поспѣшилъ оставить клубъ.

Гремикинъ, какъ говорится, взвился...

На другой день, съ самаго утра, по городу уже ходилъ слухъ о кандидатурѣ барона фонъ-Цанарцта, какъ о такой, которая имѣетъ всего болѣе шансовъ на успѣхъ. И дѣйствительно, къ четыремъ часамъ пополудни эти слухи получили полное осуществленіе. Платона Иваныча, по обык-

Digitized by Google

новенію, окружили и просили еще разъ пожертвовать собой на пользу сословія; но когда онъ изъявилъ готовность баллотироваться (и при этомъ даже заплакалъ), то, противъ обыкновенія, его прокатили на вороныхъ. Графа Козельскаго вновь, и огромнымъ большинствомъ, выбрали въ попечители губернской гимназіи.

Нахожу излишнимъ прибавлять здѣсь, что чудовищное обжорство, задуманное Платономъ Иванычемъ, не состоялось, и городъ, дня черезъ два, принялъ свою будничную, пустынную физіономію.

Я охотно изобразилъ бы, въ заключеніе, какъ Козелковъ окончательно увѣрился въ томъ, что онъ—Меттернихъ, какъ онъ собирался въ Петербургъ, какъ онъ поѣхалъ туда и о чемъ дорогой думалъ, и какъ, наконецъ, пріѣхалъ; я охотно остановился бы даже на томъ, что онъ говорилъ о своихъ подвигахъ въ вагонѣ на желѣзной дорогѣ (до такой степени все въ жизни этого «героя нашего времени» кажется мнѣ замѣчательнымъ), но предпочитаю воздержаться.

VI.—«Она еще едва умѣетъ лепетать»...

I.

Побывавши въ Петербургѣ, Козелковъ окончательно убѣдился, что для того, чтобы хорошо вести дѣла, нужно только всѣхъ удовлетворить. А для того, чтобы всѣхъ удовлетворить, нужно всѣхъ очаровать; а для того, чтобы всѣхъ очаровать, нужно — не то чтобы лгать, а такъ объясняться, чтобы никто ничего не понималъ, а всякій бы облизывался. Онъ припомнилъ, что всякій предметъ имѣетъ нѣсколько сторонъ: съ одной стороны — то-то, съ другой стороны—то-то, между тѣмъ—то-то, а если принять въ соображеніе то и то — то-то, и наконецъ, въ заключеніе—то-то. Да, пожалуй, въ крайнемъ случаѣ, можно обойтись и безъ «заключенія», и «очарованіе» не только отъ

Digitized by Google

этого не терпитъ, но даже дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе открывается всякаго рода сторонъ и чѣмъ меньше выводится изъ нихъ заключеній. Ибо такимъ образомъ слушатель постоянно держится, такъ сказать, на привязи, постоянно чего-то ждетъ, постоянно что-то, какъ будто, получаетъ и въ то же время никакимъ родомъ это получаемое ухватить не можетъ.

Козелковъ даже и говорить сталъ какъ-то иначе. Прежде онъ совѣстился; скажетъ, бывало, чепуху—сейчасъ же самъ и ротъ разинетъ. Теперь же онъ словно даже и не говорилъ, а гудѣлъ; гудѣлъ изобильно, плавно и мѣрно, точно муха, не повышающая и не понижающая тона, гудѣлъ неустанно и часъ, и два, смотря по тому, сколько требовалось времени, чтобы очаровать, — гудѣлъ самоувѣренно и, такъ сказать, резонно, какъ человѣкъ, который до тонкости понимаетъ, о чемъ онъ гудитъ. И при этомъ не давалъ слушателю никакой возможности сдѣлать возраженіе; а если послѣдній ухитрялся какъ-нибудь ввернуть свое словечко, то Митенька не смущался и этимъ: выслушавъ возраженіе, соглашался съ нимъ и вновь начиналъ гудѣть, какъ ни въ чемъ не бывало. И дѣйствительно, внимая ему, слушатель, съ теченіемъ времени, мало-по-малу впадалъ какъ бы въ магнетическій сонъ и начиналъ ощущать признаки разслабленія, сопровождаемаго одновременнымъ пораженіемъ всѣхъ умственныхъ способностей. Мнилось ему, что онъ куда-то плыветъ, что его что-то поднимаетъ, что впереди у него мелькаетъ свѣтъ—не свѣтъ, а какое-то тайное пріятство, которое потому именно и хорошо, что оно тайное, и что его слѣдуетъ прямо вкушать, а не анализировать.

Самая фигура Митеньки измѣнилась. Былъ онъ въ первобытномъ состояніи невысокъ ростомъ и нѣсколько сутуловатъ, а теперь сдѣлался, что называется, бель-омомъ и даже излишне выпрямился; прежде было въ лицѣ его что-то до такой степени уморительное, что всякій такъ и порывался взять его за цацы; теперь и это исчезло, а вза-

Digitized by Google

мѣнъ того явилось какое-то задумчивое, скорбное, почти-что гражданственное выраженіе. Точно онъ вотъ-вотъ сейчасъ о чемъ-то думалъ и пришелъ къ безрадостному заключенію, что надо и еще думать, все думать... думать безъ конца. Манеры онъ пріобрѣлъ благосклонныя, но сдержанныя, и хотя всѣмъ безъ исключенія протягивалъ руку, но актъ этотъ совершалъ съ такою щепетильною осмотрительностью, что лицу, до котораго онъ относился, оставалось или благоговѣть, или же прыснуть со смѣху.

Къ нововведеніямъ Митенька сталъ относиться критически. Находилъ, что многаго еще остается желать и что хотя, конечно, всего вдругъ нельзя, однако, не мѣшало бы кое-что и поприкинуть. Но и въ этомъ случаѣ онъ надѣялся, что практика значительно поправитъ теорію, а подъ практикою разумѣлъ себя и другихъ Козелковыхъ, разсѣянныхъ по лицу Россійской имперіи. «Вся суть, mon cher, заключается въ исполнителяхъ,—развивалъ онъ по этому случаю *свою* теорію:—если исполнители хороши, и главное (c'est le mot) если они *съ направленіемъ*, то всякій законъ»...

Уже съ самой минуты вшествія своего въ вагонъ желѣзной дороги онъ началъ поражать всѣхъ своимъ глубокомысліемъ, зрѣлостью сужденій и, такъ сказать, преданнымъ фрондерствомъ. Во-первыхъ, онъ встрѣтился тамъ съ Петей Боковымъ, своимъ другомъ, сослуживцемъ и однокашникомъ, который тоже ѣхалъ по направленію къ Москвѣ. Разумѣется, образовался обмѣнъ мыслей.

— Ты къ себѣ?—спросилъ Митя.

— Да; а ты тоже къ себѣ?—въ свою очередь, спросилъ Петя.

— Да. Пора. Надо дѣло дѣлать.

Оба друга умолкли и уставились глазами въ землю, какъ будто застыдились. Спутники ихъ переглянулись; одни, которые понеопытнѣе, заключили, что съ ними путешествуютъ

Digitized by Google

инкогнито два среднихъ лѣтъ чимпандзе *), возвращающіеся къ стадамъ своимъ; другіе же, которые поопытнѣе и преимущественно изъ помѣщиковъ, тотчасъ догадались, въ чемъ дѣло, и, взирая то на Митеньку, то на Петеньку, думали: «а что̀, вѣдь это, кажется, нашъ?»

— Знаешь ли, что̀ я полагаю? Я полагаю, что обязанности, подобныя моимъ, совершенно ни съ чѣмъ несообразны!—продолжалъ, между тѣмъ, Митенька, вдругъ переставъ стыдиться.

Петенька гамкнулъ что-то въ отвѣтъ. Спутники опять переглянулись; опытные сказали себѣ: «ну, да, это онъ! это нашъ!» Неопытные: «эге! какъ нынче чимпандзе-то выравниваться начали!»

— Я полагаю, что на моемъ мѣстѣ надобно заниматься, такъ сказать, одною внутреннею политикой, — продолжалъ умствовать Митенька.—А то представьте себѣ, напримѣръ, мое положеніе: однажды мнѣ случилось — à la lettre вѣдь это такъ!—разрѣшать вопросъ о выдачѣ вдовьяго паспорта какой-то ратничихѣ!

— Я тебѣ лучше скажу,—вступился Петенька: — предмѣстникъ мой завелъ, чтобы всѣ низшія присутственныя мѣста представляли ему на утвержденіе дѣла о покупкѣ перьевъ, нитокъ и прочей канцелярской дряни! Разумѣется, я это уничтожилъ, но спрашиваю тебя: каковъ гусь мой предмѣстникъ?!

— Я говорилъ и повторяю: если вы желаете, чтобъ мы дѣло дѣлали, развяжите намъ руки! Развяжите намъ руки! повторяю я, потому что странно, наконецъ, и требовать отъ человѣка со связанными руками, чтобы онъ дѣйствовалъ!

Въ этомъ духѣ бесѣдовалъ Козелковъ довольно продолжительное время; въ заключеніе же объявилъ себя рѣшительно противъ излишней, изсушающей соки централизаціи,

*) *Чимпандзе* — особый видъ изъ семейства человѣкоподобныхъ обезьянъ, послѣ *гориллы* наиболѣе подходящій своею физическою организаціей къ человѣку.

Digitized by Google

и угрожалъ, что если эта система продолжится, то «нѣкогда плодоносныя равнины Россіи въ самомъ скоромъ времени обратятся въ пустыню».

— Намъ надо дать возможность дѣйствовать, — прибавилъ онъ:—надо, чтобы каждый изъ насъ былъ хозяиномъ у себя дома и свободенъ въ своихъ движеніяхъ. Наполеонъ это понялъ. Онъ понялъ, что страсти тогда только умолкнутъ, когда префекты получатъ полную свободу укрощать ихъ.

— Я совершенно съ тобою согласенъ,—отозвался съ чувствомъ Петенька.

Я не знаю, согласились ли съ Козелковымъ прочіе пассажиры, но съ своей сторону спѣшу заявить, что никакихъ препятствій къ приведенію въ исполненіе его преднамѣреній не встрѣчаю.

Только пріѣздъ въ Москву остановилъ потоки козелковскаго краснорѣчія, но и тутъ, выходя изъ вагона, онъ во всеуслышаніе сказалъ другу своему Петенькѣ:

— Я полагаю, mon cher, что намъ не мѣшало бы вступить въ соглашеніе съ здѣшними публицистами!

Однакожъ, къ публицистамъ не поѣхалъ, а отправился обѣдать къ «ma tante» Селижаровой, и за обѣдомъ до такой степени очаровалъ всѣхъ умнымъ разговоромъ о необходимости децентрализаціи и о томъ, что децентрализація не есть сепаратизмъ, что молоденькая и хорошенькая кузина Вѣра не выдержала и въ глаза сказала ему:

— Какой вы, однакожъ, Митенька, сдѣлались умный!

II.

Пріѣхавши къ «себѣ», Митенька былъ встрѣченъ гурьбою «преданныхъ». Еще до отъѣзда своего въ Петербургъ, онъ постепенно образовалъ около себя цѣлое поколѣніе молодыхъ бюрократовъ, которые отличались тѣмъ, что ходили въ щегольскихъ пиджакахъ, цѣлые дни шатались съ визитами, очаровывали дамъ отличнымъ знаніемъ французскаго діалекта и немилосерднѣйшимъ образомъ лгали.

Digitized by Google

Во главѣ этой камарильи стоялъ правитель канцеляріи, который хотя былъ малый на возрастѣ и происходилъ изъ семинаристовъ, однако, какъ человѣкъ сообразительный, вынужденъ былъ слѣдовать за общимъ потокомъ. Митенька гордился этою молодежью и называлъ ее своею гвардіею.

Нынче довольно много развелось такихъ бюрократовъ. Начальники неутомимо стараются о томъ, чтобы окружить себя молодыми людьми, которые бы имѣли отчетливое понятіе объ англійскомъ проборѣ и показывали въ пріемахъ грацію. Это, по мнѣнію ихъ, возвышаетъ администрацію, сообщая ей извѣстнаго рода шикъ. Нѣкоторые даже снимаютъ съ себя фотографическіе портреты въ такомъ видѣ: посрединѣ сидитъ молодой начальникъ, по бокамъ — молодые подчиненные — и, право, группы выходятъ хоть куда! Начальникъ обыкновенно представляется нѣчто разъясняющимъ, подчиненные — понимающими. Что̀ разъясняетъ начальникъ и что̀ понимаютъ подчиненные — объ этомъ до сихъ поръ не могъ дать отчета ни одинъ фотографъ; однако я никакъ не позволю себѣ предположить, чтобы это былъ съ ихъ стороны наглый обманъ.

Итакъ, «преданные» гурьбой встрѣтили Митеньку. Произошла сцена. Въ былыя времена администраторъ ограничился бы тѣмъ, что прослезился; но Митенька, какъ человѣкъ современный, произнесъ рѣчь.

— Въ настоящую минуту, господа,—сказалъ онъ:—мнѣ болѣе, нежели когда-нибудь, необходимо ваше усердіе. Прежде я многое предугадывалъ, теперь—убѣдился. Виды выяснились совершенно. Намъ предстоитъ только условиться насчетъ плана будущей кампаніи — о планѣ этомъ вы будете въ свое время поставлены мною въ извѣстность — и затѣмъ дружно направить свои усилія къ единой общей цѣли. Не обѣщаю вамъ, что трудъ будетъ легкій; напротивъ того, не скрою, что онъ даже будетъ очень и очень тяжелъ, но надѣюсь, что, съ Божьею помощью, мы преодолѣемъ препятствія и уничтожимъ преграды. Главное,

Digitized by Google

messieurs, — быть всегда на стражѣ. Вы поставлены, такъ сказать, у кормила общественнаго спокойствія; а съ общественнымъ спокойствіемъ — по крайней мѣрѣ, таково мое мнѣніе — въ сильной степени связано общественное благосостояніе. Съ одной стороны, ничто такъ не обезпечиваетъ благонамѣренный человѣческій трудъ, какъ общая тишина; съ другой стороны, что же можетъ намъ гарантировать тишину, какъ не благонамѣренный человѣческій трудъ? Эти двѣ великія общественныя силы неразрывны (Митенька соединилъ при этомъ пальцы обѣихъ рукъ и сдѣлалъ видъ, что не можетъ ихъ растащить), и если мы взглянемъ на дѣло глазами проницательными, то поймемъ, что въ тѣсномъ ихъ единеніи лежитъ залогъ нашего славнаго будущаго. Тѣмъ не менѣе, взирая на предметъ безпристрастно, я не могу не сказать, что намъ еще многаго кой-чего въ этомъ смыслѣ недостаетъ; а если принять въ соображеніе, съ одной стороны, славянскую распущенность, а съ другой стороны, что время никогда терять не слѣдуетъ, то мы естественно придемъ къ заключенію, что дѣло не ждетъ и что необходимо приступить къ нему немедленно. Eheu, Posthume, Posthume!—такъ предостерегаетъ насъ древній поэтъ, и мы не имѣемъ права не воспользоваться его совѣтомъ. Итакъ, господа, бодрость и смѣлость! Будемъ вмѣстѣ работать и вмѣстѣ надѣяться. Съ своей стороны, я всегда, какъ вы знаете, готовъ ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ за достойнѣйшихъ.

Такова была, въ первый разъ по возобновленіи, вступительная рѣчь Митеньки. Правитель канцеляріи сейчасъ же опредѣлилъ ея достоинство, сказавъ, что эта рѣчь безъ подлежащаго, безъ сказуемаго и безъ связки, но «преданные» поняли. Съ своей стороны, хотя я и согласенъ съ мнѣніемъ правителя канцеляріи, но нахожу, что такого рода краснорѣчіе составляетъ истинное благополучіе и положительный рессурсъ при нашей бѣдности. Съ помощью его можно администрировать, можно издавать журналы,

Digitized by Google

можно даже написать цѣлый ученый трактатъ. И будетъ хорошо.

Разумѣется, если бы у насъ были другія средства, если бы мы, по крайней мѣрѣ, впрямь желали что-нибудь сказать — тогда дѣло другое; а то вѣдь и сказать-то мы ничего не хотимъ, а только такъ, зря выбрасываемъ слова изъ гортани, потому что на языкѣ болона выросла. Сталобыть, тутъ рѣчи безъ подлежащаго, сказуемаго и связки приходятся именно какъ разъ въ пору. Во-первыхъ, обиліе словотеченія можетъ обмануть слушателя; во-вторыхъ, ежели слушатель и не обманется, то что̀ же онъ сдѣлаетъ?—плюнетъ и отойдетъ прочь, и ничего больше.

Сказавъ свое слово, Козелковъ не устыдился, какъ дѣлывалъ это прежде, но зажмурилъ глаза и представился утомленнымъ.

— Безъ вашества къ намъ «земскія учрежденія» пришли-съ,—робко молвилъ правитель канцеляріи.

— Будемъ орудовать-съ.

— Прикажете, вашество, распоряженіе сдѣлать?

— Будемъ распоряжаться-съ.

Присутствующіе думали, что Козелковъ вновь вступаетъ въ состояніе единословія, однако ошиблись. Дѣйствительно, онъ нѣсколько минутъ простоялъ, словно отуманенный, но такъ какъ закваска была положена, то не успѣли слушатели оглянуться, какъ уже толчея была въ исправности и попрежнему толкла безостановочно.

— «Земскія учрежденія», messieurs, — сказалъ онъ: — вотъ часть той перспективы, которая виднѣется передъ нами въ будущемъ. Всѣ картины, messieurs, пишутся по частямъ и постепенно, и ни одна изъ нихъ никогда еще не являлась на свѣтъ вдругъ, готовою во всѣхъ своихъ частяхъ. Начатая съ извѣстнаго пункта, картина растетъ, растетъ, развивается, развивается, все дальше и дальше, покуда, наконецъ, художникъ не почувствуетъ потребности довершить начатое, освѣтивъ дѣло рукъ своихъ лучами

Digitized by Google

солнца. И все въ мірѣ слѣдуетъ этому мудрому закону постепенности. Все живетъ, все работаетъ, все дѣлаетъ свое дѣло потихоньку и не спѣша. Все смотритъ впередъ, messieurs. И я почитаю себя счастливымъ, что могу быть передъ вами истолкователемъ тѣхъ чувствъ, которыми болѣе или менѣе всякій изъ васъ волнуется. Да; еще въ школахъ насъ заставляли заучивать мудрое изреченіе: «надежда утѣшаетъ царя на тронѣ, земледѣльца за сохою, страждущаго на одрѣ смерти», и еще:

Надежда, кроткая посланница небесъ!

И я нахожу, что незабвенные наши педагоги очень хорошо поступали, что упражняли наши молодые умы подобными изреченіями. Итакъ, повторяю: картина еще не нарисована, но она будетъ нарисована—въ этомъ порукой вамъ... я! Я многое могъ бы сказать вамъ по этому поводу, о многомъ желалъ бы условиться, объясниться, посовѣтоваться (я человѣкъ, messieurs, и, какъ человѣкъ, могу ошибаться), но нахожу полезнѣйшимъ оставить этотъ предметъ до времени. А покамѣстъ, messieurs, подумайте, и ежели встрѣтите какія-либо сомнѣнія, обращайтесь ко мнѣ съ полною откровенностью. Подумайте, messieurs!

Единодушное «ура!» было отвѣтомъ на эту новую предику обожаемаго начальника. Но Козелковъ уже утомился и только махнулъ рукой на шумныя заявленія «преданныхъ».

Дѣло было вечеромъ, и Митенька основательно разсудилъ, что самое лучшее, что онъ можетъ теперь сдѣлать— это лечь спать. Отходя на сонъ грядущій, онъ старался дать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ дѣлалъ и говорилъ въ теченіе дня, — и не могъ. Во снѣ тоже ничего не видалъ. Тѣмъ не менѣе, далъ себѣ слово и впредь поступать точно такимъ же образомъ.

III.

А на дворѣ, между тѣмъ, не на шутку разыгралась весна. Крыши домовъ ужъ сухи; на обнаженныхъ отъ

Digitized by Google

льдяного черепа улицахъ стоятъ лужи; солнце на пригрѣвѣ печетъ совершенно по-лѣтнему. Прилетѣли съ юга птицы и стали вить гнѣзда; жаворонокъ кружится и заливается въ вышинѣ колокольчикомъ. Поползли червяки; гдѣ-то въ вскрывшемся прудѣ сладострастно квакнула лягушка. Огнемъ залило все тѣло молодой купчихи Безселендѣевой.

— Не могу я ноченьки спать! все тебя, ненагляднаго, вижу!—говоритъ она старому, дряхлому мужу своему.

— Спи!—рычитъ старый мужъ и, перекрестивши ротъ, перевертывается на другой бокъ.

Словомъ, все, всѣ улицы города Семиозерска переполнены какою-то особенною, горячею атмосферой.

Митенька тоже ощущаетъ на себѣ признаки всемогущей весны. Во-первыхъ, на лицѣ у него появилось безчисленное множество прыщей, что̀ очень къ нему не идетъ. Каждый разъ, вечеромъ, передъ сномъ, онъ садится передъ зеркаломъ и спрашиваетъ камердинера своего Ивана:

— А что̀, братъ, кажется, ужъ и въ самомъ дѣлѣ весна?

— Сами видите!—угрюмо отвѣчалъ Иванъ.

— Много?

— Не есть числа!

— Дай пудру!

Во-вторыхъ, онъ каждый день, около сумерокъ, пробирается окольными переулками къ дому, занимаемому баронессой фонъ-Цанарцтъ. Въ отдаленіи, на почтенномъ разстояніи, рѣютъ квартальные.

Но административныя заботы парализуютъ все, даже порывы любви. Нѣтъ той силы, нѣтъ той страсти, которая изгнала бы изъ головы Митеньки земскія учрежденія. «Что̀ такое земскія учрежденія?» — спрашиваетъ онъ себя сто разъ на дню, и хотя объяснить не можетъ, но понимаетъ, чувствуетъ, что понимаетъ. И такимъ образомъ вліяніе весны уничтожается само собою и выражается въ однихъ прыщахъ. Напрасно хочетъ онъ забыть свои преждевременныя опасенія, напрасно хочетъ упиться виномъ

Digitized by Google

любви: въ ту самую минуту, когда уста его уже отваживаются прикоснуться къ чашѣ, вдругъ что-то словно кольнетъ его въ бокъ: «а про земскія-то учрежденія и забылъ?»

— Вы не повѣрите, Marie, какъ я озабоченъ,—говоритъ онъ баронессѣ, которая смотритъ на него отчасти съ досадой, отчасти иронически.—Эти земскія учрежденія... я начинаю, наконецъ, думать о нигилизмѣ!

— Такъ вы... нигилистъ?—произноситъ баронесса и смотритъ еще насмѣшливѣе, какъ будто хочетъ сказать:—Базаровъ никогда не позволилъ бы себѣ поступать такимъ нелѣпымъ образомъ съ хорошенькой женщиной...

— Скажу вамъ, Marie, по секрету: мы всѣ, сколько насъ ни есть, мы всѣ немножко нигилисты... Да! Разумѣется, мы обязаны, покамѣстъ, держать это подъ спудомъ, но вѣдь шила въ мѣшкѣ не утаишь, и истина, bon gré, mal gré, должна же когда-нибудь открыться!

Баронесса съ изумленіемъ слушаетъ это новаго рода признаніе, но оно начинаетъ интересовать ее.

— Au fait, что̀ такое нигилизмъ?—продолжаетъ ораторствовать Митенька. — Откиньте уродливыя крайности, урезоньте стриженыхъ дѣвицъ... и, спрашиваю я васъ, что̀ вы получите въ результатѣ? Вы получите: vanitas vanitatum et omnia vanitas — и больше ничего! Но развѣ это не правда? развѣ всѣ мы, начиная съ того древняго философа, который въ первый разъ выразилъ эту мысль, не согласны насчетъ этого?

Митенька наклоняется очень близко къ плечу баронессы и заискивающими глазами смотритъ ей въ лицо.

— Не нужно только бунтовать,—прибавляетъ онъ нѣжно.

— Но надѣюсь, что вы бунтовать не будете?

— Конечно, противъ васъ, Marie, какой же бунтъ съ моей стороны возможенъ?

— Вы меня не знаете, Marie, — говоритъ онъ таинственно: — я совсѣмъ не таковъ, какимъ кажусь съ пер-

Digitized by Google

ваго взгляда. Конечно, я служу... но вѣдь я честолюбивъ! Marie! поймите, вѣдь я честолюбивъ! Откиньте это, вглядитесь въ меня пристальнѣе — и вы увидите, что административная оболочка далеко не исчерпываетъ всего моего содержанія!

— Итакъ... вы повстанецъ?

— Я не говорю этого, баронесса, — опять-таки, зачѣмъ впадать въ крайности? Но я могу... я, во всякомъ случаѣ, могу сохранить свою независимость! Этого, я надѣюсь, никто отъ меня не отниметъ!

Митенька чувствуетъ, что онъ все болѣе и болѣе запутывается, но приходъ барона очень кстати выводитъ его изъ неловкаго положенія.

— А знаешь ли, Шарль, вѣдь Дмитрій Павлычъ хочетъ идти... какъ еще это въ газетахъ пишутъ... «до лясу», кажется?—продолжаетъ приставать баронесса.

— Что жъ, вашество, въ городской лѣсъ уединиться изволите?—любезно шутитъ баронъ.

— Баронесса меня просто сегодня преслѣдуетъ... Но, серьезно, у меня есть много кой-о-чемъ переговорить съ вами, баронъ!

— Къ вашимъ услугамъ, вашество.

— Во-первыхъ, баронъ, какъ хотите, а эти земскія учрежденія ужасно заботятъ меня...

— Что же въ особенности внушаетъ вашеству опасенія?

— Нѣтъ, не опасенія собственно, но... какъ хотите, а это предметъ такой важности, что прежде, нежели приступить къ нему, необходимо, по моему мнѣнію, обсудить его внимательно и со всѣхъ сторонъ.

— Я, съ своей стороны, полагаю, вашество, что намъ предстоитъ только исполнить...

— Исполнить—это такъ; но, съ другой стороны, нельзя не принять во вниманіе и того, что и при самомъ исполненіи необходимо принять мѣры къ обезпеченію нѣкоторой свободы совѣсти...

Digitized by Google

Баронъ кусаетъ губы; баронесса просто хохочетъ.

— Нѣтъ, мьсё Козелковъ, я вижу, что вы и въ самомъ дѣлѣ помышляете «до лясу»!—говоритъ она.

— Вы смѣетесь, баронесса, а между тѣмъ тутъ дѣйствительно идетъ дѣло о предметѣ первой важности.

Митенька окончательно начинаетъ гнѣваться, и разговоръ упадаетъ самъ собою. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ удаляется, сопровождаемый насмѣшливыми взглядами баронессы. Въ отдаленіи рѣютъ квартальные.

На другой день губернскіе остроумцы развозятъ по городу извѣстіе, что Козелковъ скрылся «до лясу» и что его даже видѣли въ городскомъ лѣсу токующимъ съ тетеревами.

IV.

Дни проходятъ за днями; Митенька все болтаетъ.

— Вы поймите мою мысль,—твердитъ онъ каждый день правителю канцеляріи:—я чего желаю? Я желаю, чтобы у меня процвѣтала промышленность, чтобы священное право собственности было вполнѣ обезпечено, чтобы порядокъ ни подъ какимъ видомъ нарушенъ не былъ и, наконецъ, чтобы вездѣ и на всемъ видна была рука! Вы понимаете: «рука»! Вотъ программа, съ которою я выступаю на административное поприще; и натурально, что покуда я не осуществлю всѣхъ своихъ предположеній, покуда, такъ сказать, не увѣнчаю зданія, я не буду въ состояніи успокоиться. Не претендуйте же на меня, почтеннѣйшій Разумникъ Семенычъ, что я частенько-таки буду повторять вамъ: впередъ! впередъ! впередъ! Есть вещи, объ которыхъ никогда нельзя достаточно наговориться, и къ числу ихъ принадлежатъ именно тѣ цѣли, о которыхъ я вамъ говорю и которыхъ достиженіе составляетъ всю задачу моей администраціи. Повторяю: покуда мы съ вами не достигнемъ ихъ, покуда я не приду къ убѣжденію, что, гдѣ бы я ни былъ, рука моя, все-таки, вездѣ будетъ давать себя чувствовать необременительнымъ, но, тѣмъ не менѣе, равномѣрнымъ давленіемъ,—

Digitized by Google

до тѣхъ поръ, говорю, я не положу оружія. А теперь будемъ подписывать бумаги.

Рѣчи эти, ежедневно и регулярно повторяемыя, до такой степени остервенили правителя канцеляріи, что онъ, несмотря на всю свою сдержанность и терпкость, нѣсколько разъ покушался крикнуть: «молчать!» И дѣйствительно, надо было войти въ кожу этого человѣка, чтобы понять весь трагизмъ его положенія. Каждый день, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, быть обязательнымъ слушателемъ длинноухихъ рѣчей и не имѣть права заткнуть уши, убѣжать, плюнуть или инымъ образомъ выразить свои чувства—какъ хотите, а такое положеніе можетъ навести на мысль о самоубійствѣ. Во время этихъ рѣчей почтеннѣйшій Разумникъ Семенычъ блѣднѣлъ и краснѣлъ, и ощущалъ въ рукахъ судорогу и даже чуть ли не колики въ желудкѣ. А Митенька, между тѣмъ, подписывалъ бумаги одна за другой, и все болталъ, все болталъ.

— Я бы желалъ,—ораторствовалъ онъ,—чтобы всѣ, начиная отъ самаго приближеннаго ко мнѣ лица и до самаго послѣдняго субалтернъ-офицера, поняли мою мысль такъ же точно, какъ я ее самъ понимаю. Я желалъ бы собрать всю губернію, соединить, такъ сказать, на одно мгновеніе всѣ административные рычаги въ одинъ пунктъ и сказать имъ: «Господа! вотъ моя мысль! вотъ моя программа! Поймите, господа, что̀ я вамъ говорю, и сообразуйтесь!» Да-съ, почтеннѣйшій Разумникъ Семенычъ, я былъ бы совершенно счастливымъ начальникомъ, если бы это оказалось возможнымъ!

— Что жъ, вашество, это не трудно-съ; можно завтра же оповѣстить-съ,—отвѣчалъ правитель канцеляріи, заранѣе обольщаясь мыслью, что часть лежащей на немъ тяжести обрушится на другихъ.

— Вы полагаете оповѣстить здѣшнихъ?

— Точно такъ, здѣшнихъ-съ.

— Да, это недурно; но все же это не то. Я желалъ бы, чтобы вся губернія—понимаете, *вся* губернія?—присутство-

Digitized by Google

вала при этой моей, такъ сказать, внутренней исповѣди. Вы читали Карамзина?

— Такъ точно-съ.

— Помните тамъ одно мѣсто, когда Іоаннъ Грозный, убѣжденный добродѣтельнымъ Сильвестромъ, рѣшается... Это можетъ вамъ дать нѣкоторую идею о томъ, чего бы именно я желалъ!

— Осмѣлюсь, вашество, доложить, что царь Иванъ Васильевичъ не долженъ былъ испрашивать разрѣшенія высшаго начальства, чтобы устроить подобное торжество, а вашество...

Митенька закручинился.

— Да,—сказалъ онъ: — вѣдь я забываю объ этихъ подробностяхъ. Да, Разумникъ Семенычъ, вся жизнь наша— подробности, и при томъ жалкія, несносныя подробности! Желалъ бы парить, желалъ бы летѣть—анъ, смотришь, крылья вдоль и поперекъ связаны!

— Такъ прикажете, вашество, здѣшнихъ покамѣстъ оповѣстить?

— Да, покамѣстъ... а впослѣдствіи надѣюсь постепенно, съ Божьею помощью, и прочихъ пріобщить къ осуществленію моихъ плановъ!

Разумѣется, правитель канцеляріи поспѣшилъ исполнить данное приказаніе, но исполнилъ его такимъ образомъ, что по городу сейчасъ же разнеслись цѣлыя легенды.

Послѣдствіемъ этого было, что на другой день мѣстные гранды сказались больными (такъ что всѣ присутственныя мѣста въ Семиозерскѣ были въ этотъ день закрыты), а исправникъ, какъ только прослышалъ о предстоящей исповѣди, ту жъ минуту отправился въ уѣздъ. Явился только городской голова съ гласными да бургомистръ съ ратманами, но Митенька и тутъ нашелся.

— Много званыхъ, но мало избранныхъ, — такъ началъ онъ рѣчь свою.—Очень радъ, господа, что имѣю дѣло съ почтенными представителями одного изъ почтеннѣйшихъ со-

Digitized by Google

словій нашего любимаго отечества, нашей дорогой сердцу Россіи! Милостивые государи! нѣтъ сомнѣнія, что трудъ есть то оживляющее начало, которое въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ представляетъ собой главный государственный нервъ. Трудящійся человѣкъ тихъ, скроменъ, покоренъ начальству и заботится объ исправномъ платежѣ податей и повинностей. Трудящійся человѣкъ спѣшитъ на защиту отечества въ минуту опасности, ибо знаетъ, что опасность эта угрожаетъ и его труду. Лѣнивый, напротивъ того, безпокоенъ, строптивъ, къ начальству непочтителенъ и къ уплатѣ податей равнодушенъ. Лѣнивый на самую опасность отечества взираетъ беззаботно и на защиту его не спѣшитъ. Таково, милостивые государи, значеніе труда въ общей государственной системѣ, и я совершенно счастливъ, что имѣю честь объяснить это передъ вами, какъ передъ естественными его представителями.

Дмитрій Павлычъ остановился, чтобы перевести духъ и въ то же время дать возможность почтеннымъ представителямъ сказать свое слово. Но послѣдніе стояли выпучивши на него глаза и тяжко вздыхали. Городской голова понималъ, однакожъ, что надобно что-нибудь сказать, и даже нѣсколько разъ раскрывалъ ротъ, но какъ-то ничего у него, кромѣ: «мы, вашество, всѣ силы-мѣры», не выходило. Такимъ образомъ Митенька вынужденъ былъ одинъ нести на себѣ всѣ тяжести предпринятаго имъ словеснаго подвига.

— Я желалъ бы, чтобы вы поняли мою мысль, господа!— продолжаетъ онъ.—Чего я хочу, къ чему я стремлюсь? Отвѣтъ на это очень простой. Я хочу, чтобы всѣ, по возможности, были довольны, чтобы никто не былъ обиженъ, чтобы всякій могъ беззаботно пользоваться плодами рукъ своихъ. Я стремлюсь къ тому, чтобы у меня процвѣтала промышленность, чтобы священное право собственности было для всѣхъ обезпечено и чтобы порядокъ ни подъ какимъ видомъ нарушенъ не былъ. Надѣюсь, почтенные представители, что въ этихъ желаніяхъ и стремленіяхъ нѣтъ ничего

Digitized by Google

такого, чему бы вы не сочувствовали. (Представители еще болѣе пялятъ глаза на Митеньку; нѣкоторые, однакожъ, кланяются: городской голова шепчетъ: «мы, вашество, всѣ силы-мѣры!»). Не сомнѣваюсь, друзья мои, не сомнѣваюсь! Знаю и вижу. Но, съ другой стороны, ежели я буду желать и стремиться одинъ, ежели я буду усиливаться, а почтенные представители отечественной гражданственности и общественности не будутъ оказывать мнѣ содѣйствія («мы, вашество, всѣ силы-мѣры!» озлобленно сопитъ голова), то спрашиваю и васъ: что̀ изъ этого можетъ произойти? А вотъ что̀, друзья мои: я могу уподобиться форрейтору, который, не замѣчая, что постромки, привязывавшія къ экипажу выносныхъ лошадей, оборвались, все мчится впередъ и впередъ, между тѣмъ какъ экипажъ давно остановился и погрязъ въ болотѣ...

Вымолвивши такую штуку, Митенька окончательно сталъ втупикъ и даже раскрылъ ротъ. Проходитъ нѣсколько томительныхъ минутъ, покуда Митенька, наконецъ, убѣждается, что кончить какъ-нибудь, все-таки, надобно. На сей разъ онъ рѣшается «завершить зданіе» посредствомъ фигуры воззванія, поощренія или возбужденія.

— Итакъ, господа, впередъ! Бодрость и смѣлость! Вы знаете мою мысль, я знаю вашу готовность! Если мы соединимъ то и другое, а главное если дадимъ нашимъ усиліямъ надлежащее направленіе, то, будьте увѣрены, ни зависть, ни неблагонамѣренность не осмѣлятся уязвить насъ своимъ жаломъ; я же, съ своей стороны, во всякое время готовъ буду ходатайствовать о достойнѣйшихъ предъ высшимъ начальствомъ. Прощайте, господа! не смѣю удерживать васъ посреди вашихъ полезныхъ занятій. До свиданія!

Митенька сдѣлалъ прощальный знакъ рукою и вышелъ. Но почтенные представители долго еще не могли придти въ себя отъ удивленія. Все мнилось имъ, что это не даромъ, и что хотя Митенька ни слова не упомянулъ о пожертвованіи, но пожертвованіе потребуется. Градской го-

Digitized by Google

лова до такой степени былъ убѣжденъ въ этомъ, что, сходя съ крыльца Митенькиной квартиры, обратился къ своимъ сотоварищамъ и молвилъ:

— Что жъ, православные, по мѣрѣ силы-возможности каждаго есть долгъ и обязанность! А нутко, Господи благослови! ура!

V.

Дни идутъ за днями, а Митенька все болтаетъ.

— Знаете ли что? — говоритъ онъ однажды правителю канцеляріи.

При этомъ вступленіи Разумникъ Семенычъ зеленѣетъ, запускаетъ подъ жилетъ руку и всею пятерней до крови скребетъ себѣ грудь.

— Я желалъ бы имѣть въ своемъ распоряженіи публициста!—продолжаетъ, между тѣмъ, Митенька съ невозмутимѣйшимъ хладнокровіемъ.

«Лгунище ты необузданный!» — шипитъ про себя Разумникъ Семенычъ, но вслухъ говоритъ:

— То-есть, какъ же это, вашество, публициста?

— Подъ публицистомъ я разумѣю такого механика, которому я могъ бы подать мысль, намекнуть, а онъ бы сейчасъ привелъ все это въ порядокъ!

— Если вашеству угодно что-нибудь приказать, то, кажется, мы завсегда...

— Нѣтъ, это не то! Я вижу, что вы меня не понимаете! Вы исполняете свои обязанности, а публицистъ долженъ исполнять свои! Въ Петербургѣ это ведется такъ: чиновники пишутъ свое, публицисты—свое. Ежели начальникъ желаетъ распорядиться келейно, то приказываетъ чиновнику; ежели онъ желаетъ выразить свою мысль въ приличной формѣ, то призываетъ публициста! Вы мени поняли?

— Понялъ-съ.

— Слѣдственно, вы должны понять и то, что человѣкъ, который бы могъ быть готовымъ во всякое время слѣдовать

Digitized by Google

каждому моему указанію, который былъ бы въ состояніи не только понять и уловить мою мысль, но и дать ей приличныя формы, что такой человѣкъ, повторяю я, мнѣ рѣшительно необходимъ. Въ настоящее время я безъ рукъ: ибо, спрашиваю я васъ, въ чемъ собственно заключается моя обязанность? Моя обязанность заключается въ томъ, чтобы подать мысль, начертить, сдѣлать наметку... но сплотить все это, собрать въ одно цѣлое, сообщить моимъ намѣреніямъ гармонію и стройность—все это, согласитесь, находится уже, такъ сказать, внѣ круга моихъ обязанностей, на все это я долженъ имѣть особаго человѣка! Вы меня поняли? Вы поняли, что̀ я хочу вамъ сказать?

— Но какія же, вашество, будутъ занятія у этого публициста?

— Выслушайте меня. Вы уже знаете изъ объясненій со мной, что на мнѣ собственно лежитъ, такъ сказать, внутренняя политика—и ничего больше. Всѣ эти бумаги: донесенія, предписанія, подтвержденія — все это только печальная необходимость, которой я подчиняюсь единственно потому, что покуда это такъ требуется. Но главное—все-таки, политика. Что такое «политика»? Политика, почтеннѣйшій Разумникъ Семенычъ,—это такое обширное понятіе, которое въ немногихъ словахъ объяснить довольно трудно. Политика—это все. Достаточно будетъ, если я на первый разъ скажу вамъ, что политика можетъ быть разныхъ родовъ; можетъ быть политика здравая и можетъ быть политика гибельная; можетъ быть политика, ведущая къ наилучшему концу, и можетъ быть политика, которая ни къ чему, кромѣ разстройства, не приводитъ. Но для того, чтобы мысль моя была для васъ еще яснѣе, очерчу въ легкомъ абрисѣ мою собственную политику. Я желаю, во-первыхъ, чтобы у меня процвѣтала торговля; во-вторыхъ, чтобы священное право собственности было вполнѣ обезпечено, и, въ-третьихъ, наконецъ, чтобы порядокъ ни подъ какимъ видомъ нарушенъ не былъ. Вотъ моя внутрен-

Digitized by Google

няя политика. Но будемъ продолжать нить нашего разсужденія. Имѣя, такимъ образомъ, опредѣленную внутреннюю политику, я, съ одной стороны, долженъ быть весьма озабоченъ ею; съ другой же стороны, эта самая озабоченность должна на каждомъ шагу возбуждать во мнѣ самыя разнообразныя мысли. При настоящемъ моемъ, такъ сказать, изолированномъ положеніи, что̀ дѣлается съ моими мыслями? Хоть и горько, но я долженъ сознаться, что бо̀льшая ихъ часть забывается и исчезаетъ безслѣдно. Я мыслю, и въ то же время не мыслю, потому что не имѣю въ распоряженіи своемъ человѣка, который слѣдилъ бы за моими мыслями, могъ бы уловить ихъ, такъ сказать, на лету и, въ концѣ концовъ, изложить въ приличныхъ формахъ. Вотъ здѣсь-то, почтеннѣйшій Разумникъ Семенычъ, именно и нуженъ мнѣ публицистъ, то-есть такой механикъ, которому я могъ бы во всякое время сказать: «вотъ, милостивый государь, моя мысль! Теперь не угодно ли вамъ привести ее въ надлежащій видъ!» Вы меня поняли?

— Понимаю, вашество, и осмѣлюсь, съ своей стороны, доложить...

— Знаю, почтеннѣйшій Разумникъ Семенычъ, знаю, и ко всему мною уже высказанному могу прибавить одно: вы меня знаете, и слѣдственно можете быть увѣрены, что я всегда готовъ ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ за достойнѣйшихъ!

Въ тотъ же день публицистъ былъ отысканъ. Это былъ нѣкто Златоустовъ, учитель словесности въ семиозерской гимназіи, homo scribendi peritus, уже нѣсколько разъ помѣщавшій въ мѣстной газетѣ статейки о предполагаемыхъ водопроводахъ и о преимуществѣ спиртового освѣщенія передъ маслянымъ. Вечеромъ онъ уже имѣлъ съ Митенькой продолжительное совѣщаніе, во время котораго держалъ себя очень ловко, то-есть смотрѣлъ своему амфитріону въ глаза, улыбался и по временамъ нетерпѣливо повертывался въ креслѣ, словно конь, готовый по первому знаку

Digitized by Google

заржать и пуститься въ атаку. Однимъ словомъ, показалъ видъ, что сочувствуетъ и понимаетъ. А въ слѣдующемъ же нумерѣ губернскихъ вѣдомостей былъ напечатанъ слѣдующій leading къ читателямъ:

«НАШИ ЖЕЛАНІЯ».

«Читатель! тебѣ покажется страннымъ, что мы чего-нибудь желаемъ. Тебѣ все еще сдается, что мы не созрѣли, не имѣемъ права желать, и что за насъ долженъ желать кто-то другой... Разувѣрься! Посмотри кругомъ себя и вложи пальцы въ язвы. Что̀ ты видишь окрестъ? Ты видишь просвѣщенное начальство, которое, съ своей стороны, ничего такъ страстно не жаждетъ, какъ того, чтобы ты желалъ, и не только желалъ, но и выражалъ свои желанія устно и письменно. Что̀ такое «начальство»? спросишь ты меня.—Начальство, отвѣчаю я тебѣ, есть то зиждущее, всепроникающее начало, которое непрестанно бдитъ и изыскиваетъ. О чемъ бдитъ? что̀ изыскиваетъ? Вотъ тѣ вопросы, надъ которыми тебѣ предстоитъ задуматься, читатель, и надъ которыми ты несомнѣнно задумаешься, если дашь себѣ трудъ вникнуть въ смыслъ моихъ словъ. Я же, съ своей стороны, продолжаю.

«Итакъ, несмотря на кажущуюся странность подобной претензіи, мы желаемъ. Чего мы желаемъ? Мы желаемъ, во-первыхъ, чтобы промышленность въ нашемъ краю процвѣтала; во-вторыхъ, чтобы священное право собственности повсюду и для всѣхъ было обезпечено, и, въ-третьихъ, наконецъ, чтобы порядокъ ни въ какомъ случаѣ нарушенъ не былъ. Желанія, повидимому, очень скромныя; да они и не «повидимому» только скромны, но и въ самомъ существѣ своемъ. Ибо кто же изъ васъ, читатели, желалъ бы, чтобы рынки наши представляли картину запустѣнія, чтобы собственность наша была отнята или поругана, или чтобы міръ потрясался громами революцій? Конечно, врядъ ли найдется такой чудакъ, а это несомнѣнно доказываетъ,

Digitized by Google

что стремленія, нами высказанныя, не только скромны, но и вполнѣ осуществимы. Однако, на дѣлѣ оно выходитъ не совсѣмъ такъ.

«Что̀ такое промышленность? спрашиваемъ мы самихъ себя.—Промышленность (industrie), отвѣчаютъ намъ экономисты, есть совокупность тѣхъ плодовъ, которые составляютъ необходимый результатъ занятія рукъ человѣческихъ. Слѣдственно, гдѣ руки человѣческія не праздны, тамъ есть занятіе; гдѣ есть занятіе — тамъ въ результатѣ плоды, то-есть промышленность. То̀ ли мы видимъ у насъ? На это позволимъ себѣ отвѣчать фактомъ, котораго мы, къ несчастію, были очевидцами. На-дняхъ, отправившись для прогулки въ загородный садъ, мы шли мимо заведенія, надъ дверьми котораго нахально красуется вывѣска: «и дешево, и сердито». И въ самомъ заведеніи, и около него толпилось простонародье, хотя день былъ не праздничный, погода стояла ясная и теплая и все, казалось, приглашало къ животворящему труду. Насъ это изумило; мы обратились къ одному изъ стоявшихъ у дверей съ вопросомъ: какая причина такого многочисленнаго сборища?—и получили отвѣтъ: «извѣстно, зачѣмъ въ кабакъ ходятъ!» Не удовлетворившись этимъ, мы вновь спросили: «но отчего же вы не работаете, друзья?» Но на этотъ вопросъ, вмѣсто отвѣта, послѣдовалъ наглый, возмущающій душу смѣхъ! Вотъ наша промышленность!

«Затѣмъ, что̀ такое собственность и въ чемъ должно заключаться ея обезпеченіе? Тѣ же экономисты отвѣчаютъ намъ: собственность есть прямое и законное продолженіе промышленности, это есть промышленность, такъ сказать, консолидированная. Изъ такого опредѣленія не въ правѣ ли мы будемъ вывести слѣдующій силлогизмъ: гдѣ человѣческія руки не праздны, тамъ есть занятіе; гдѣ есть занятіе, тамъ въ результатѣ есть плодъ, а гдѣ есть плодъ, тамъ неминуемо должна быть и собственность (proprietas)? Tout s'enchaîne, tout se lie dans ce monde, говоритъ одинъ

Digitized by Google

знаменитый писатель, и ежели мы признаемъ законность этой связи (а не признать ея невозможно), то, само собой разумѣется, должны будемъ признать и законность того явленія, которое изъ нея выходитъ. Но то ли мы видимъ у насъ? На это, опять-таки, позволимъ себѣ отвѣтить разсказомъ объ одномъ происшествіи, котораго мы были надняхъ не только очевидцами. но и жертвою. Не далѣе, какъ 7-го сего мѣсяца, ночью, въ квартиру нашу вошли воры. Мы спали. Только на другой день утромъ уже удостовѣрились мы, что были самымъ наглымъ образомъ лишены наиболѣе цѣннаго имущества. Разумѣется, мы тотчасъ же обратились въ полицію — и что же встрѣтили? Вмѣсто того, чтобы немедленно броситься по горячимъ слѣдамъ и отыскать преступниковъ, полиція къ намъ же обратилась съ вопросами: гдѣ мы во время происшествія были, что дѣлали и не вымышленъ ли нами самый фактъ съ какими-либо противозаконными цѣлями!!! Вотъ наши понятія о собственности!

«Все это прямо приводитъ насъ къ вопросу объ обезпеченіи. Ежели собственность есть явленіе законное, то само собой разумѣется, что она должна быть обезпечена и что пользованіе ею должно считаться неприкосновеннымъ правомъ того, кому оно путемъ наслѣдованія или купли принадлежитъ. Но что больше и дѣйствительнѣе всего можетъ обезпечить спокойное обладаніе собственностью? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ третьемъ и главномъ нашемъ желаніи — въ томъ, *чтобы порядокъ ни въ какомъ случаѣ нарушенъ не былъ.*

«И дѣйствительно, разсматривая «порядокъ» съ точки зрѣнія полнаго и гармоническаго соотвѣтствія всѣхъ частей цѣлаго, мы безъ труда найдемъ, что въ немъ одномъ заключается зиждительная государственная сила. Онъ даетъ намъ обезпеченіе и ограду; съ одной стороны, онъ успокаиваетъ и проливаетъ утѣшеніе въ сердце труженика; съ другой—устрашаетъ и полагаетъ препону тунеядцу, ищу-

Digitized by Google

щему безъ труда воспользоваться плодами рукъ своего ближняго; онъ поощряетъ гражданина скромнаго, вѣрнаго и преданнаго, и угрожаетъ карой гражданину наглому, безпокойному и преданному анархическимъ стремленіямъ.

«Итакъ, мы всѣ желаемъ порядка — это несомнѣнно; но для того, чтобы достигнуть этой дорогой для насъ цѣли, что̀ должны мы сдѣлать, читатель? И на это есть отвѣтъ очень простой: мы должны всѣ вообще и соединенными силами содѣйствовать просвѣщенному начальству въ его благихъ стремленіяхъ къ прекращенію безпорядковъ. Знаемъ, что вошло въ обычай и даже сдѣлалось какъ бы модой обвинять начальство въ тѣхъ неустройствахъ, которыхъ мы, къ сожалѣнію, нерѣдко бываемъ свидѣтелями. Но справедливо ли это? Сойдемте въ глубину нашей совѣсти, исповѣдуемте самихъ себя: исполняемъ ли мы, общество, какъ слѣдуетъ, наши обязанности въ отношеніи къ начальству? Мы, конечно, могли бы въ отвѣтъ на это привести великое множество фактовъ, очень знаменательныхъ, но... на сей разъ умолкаемъ.

«Однакоже умолкаемъ лишь на время. А покуда попросимъ читателя поразмыслить надъ нашимъ настоящимъ обращеніемъ: быть-можетъ, ему удастся разрѣшить кое-что и безъ нашей помощи».

Когда Митенькѣ принесли нумеръ вѣдомостей, въ которомъ была напечатана эта статья, то онъ, не развертывая, подалъ его правителю канцеляріи и сказалъ:

— Вотъ мой публицистъ!

VI.

Дни идутъ за днями, а Митенька все болтаетъ.

Всѣ его оставили, всѣ избѣгаютъ. Баронесса ощущаетъ нервные припадки при одномъ его имени; супругъ ея говоритъ: «этотъ человѣкъ испортилъ мою Marie!» и безъ церемоніи называетъ Митеньку наѣзжею слякотью; обыватели, завидѣвши его на улицѣ, поспѣшно перебѣгаютъ на

Digitized by Google

другую сторону; долго крѣпился правитель канцеляріи, но и тотъ, наконецъ, не выдержалъ и подалъ въ отставку.

— Я васъ рѣшительно не понимаю, Разумникъ Семенычъ! — сказалъ ему Козелковъ, когда тотъ объяснилъ предметъ своего прошенія.

— Имѣю желаніе отдохнуть-съ.

— Помилуйте! теперь такое время... съ одной стороны, земскія учрежденія, съ другой стороны, внѣшнія и внутреннія неурядицы...

— Не въ мѣру, вашество, притѣснять меня изволите!

— Я васъ притѣсняю? я?

— Предика эта... каждый день-съ!

Правитель канцеляріи даже побагровѣлъ отъ изступленія при этомъ воспоминаніи.

— Но, согласитесь сами, долженъ же я убѣдиться, что вы поняли мою мысль!

— Имѣю желаніе отдохнуть-съ!

— Странно!

Митенька съ горечью швырнулъ прошеніе на столъ.

— Будетъ сдѣлано распоряженіе-съ, — сказалъ онъ сухо и расшаркнулся.

Когда правитель канцеляріи вышелъ, Митенька раздумался.

— Вотъ, — думалъ онъ: — человѣкъ, который отчасти уже понялъ мою мысль — и вдругъ онъ оставляетъ меня, и когда оставляетъ?—въ самую рѣшительную минуту! Въ ту минуту, когда у меня все созрѣло, когда планъ кампаніи былъ уже начертанъ, и только оставалось, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ ринуться, чтобъ овладѣть!

Митенька въ одну минуту одѣлся и полетѣлъ въ губернское правленіе съ секретною цѣлью застать членовъ врасплохъ и сразу обдать ихъ потокомъ своего краснорѣчія. Тѣ такъ и ахнули.

— Господа! — сказалъ онъ, засѣвши въ кресло: — я желалъ бы, чтобы вы поняли мою мысль. Покуда мы будемъ

Digitized by Google

тянуть въ разныя стороны: я въ одну, а вы въ другую — до тѣхъ поръ, говорю я, управленіе у насъ идти не можетъ! Быть-можетъ, вы захотите знать, чего я желаю? — въ такомъ случаѣ, прошу разъ навсегда, выслушайте меня внимательно и запомните, что я вамъ скажу. Желанія мои болѣе нежели скромны; я желаю, чтобы у меня процвѣтала промышленность, чтобы священное право собственности было вполнѣ обезпечено и чтобы порядокъ, ни подъ какимъ видомъ, нарушенъ не былъ. Вотъ программа, съ которою я вступилъ на поприще административной дѣятельности. Конечно, программа эта обширна, даже, смѣю сказать, слишкомъ обширна; конечно, она обнимаетъ собой всѣ, такъ сказать, нервы общественнаго благоустройства; но, съ другой стороны, развѣ вы не имѣете во мнѣ совѣтника, всегда готоваго разрѣшить всѣ ваши недоумѣнія? развѣ вы не имѣете во мнѣ всегда вѣрную и надежную опору? Господа! я ничего болѣе не желаю, кромѣ того, чтобы вы поняли мысль мою и приняли ее къ соображенію. Все остальное я беру на себя. Излишнимъ считаю повторять вамъ, что я, съ своей стороны, всегда готовъ ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ за достойнѣйшихъ. Вы знаете, что въ этомъ отношеніи я твердо держу свое слово. Прощайте.

Это было послѣднее словесное торжество Митеньки. Онъ изнемогъ подъ бременемъ собственнаго своего краснорѣчія и вечеромъ почувствовалъ себя дурно, а къ ночи уже бредилъ.

— Доврался-таки! — говорилъ Иванъ съ укоризною, когда Митенька, весь въ огнѣ, показывалъ уже признаки горяченнаго состоянія.

— Ты пойми мою мысль, болванъ! — отвѣчалъ ему Митенька. — Я чего желаю? Я желаю, чтобы у меня процвѣтала промышленность, чтобы поля были тщательно удобрены, но чтобы въ то же время порядокъ ни подъ какимъ видомъ нарушенъ не былъ!

И вдругъ, среди самаго, повидимому, мирнаго настроенія

Digitized by Google

мысли, онъ вскочилъ, какъ озаренный, и не своимъ голосомъ закричалъ:

— Разорю!

VII. — Сомнѣвающійся.

«Онъ» началъ задумываться почти внезапно.

Видъ задумывающагося человѣка вообще производитъ тягостное впечатлѣніе; но когда видишь задумывающагося помпадура, то дѣлается не только тяжело, но даже неловко. И тутъ, и тамъ — тайна; но въ первомъ случаѣ — тайна, отъ которой никому ни тепло, ни холодно; во второмъ — тайна, къ которой всякій невольнымъ образомъ чувствуетъ себя прикосновеннымъ. Эта послѣдняя тайна очень мучительна, ибо неизвѣстно, что̀ именно она означаетъ: сомнѣніе или рѣшимость?

Если задумчивость имѣетъ источникомъ сомнѣніе, то она для обывателей выгодна. Сомнѣніе (на помпадурскомъ языкѣ) — это не что иное, какъ разбродъ мыслей. Мысли бродятъ, какъ въ лѣтнее время мухи по столу; побродятъ-побродятъ и улетятъ. Сомнѣвающійся помпадуръ — это простой смертный, предпринявшій ревизію своей души; а такъ какъ мѣстопребываніе послѣдней неизвѣстно, то и выходитъ пустое дѣло.

Совсѣмъ другого рода задумчивость, предшествующая рѣшимости: это задумчивость полная содержанія, но содержанія неизвѣстнаго, угрожающаго. А такъ какъ исторія слишкомъ рѣдко представляетъ примѣры помпадуровъ сомнѣвающихся, то и обыватели охотнѣе истолковываютъ помпадурскую задумчивость рѣшимостью, нежели сомнѣніемъ. Задумался — значитъ вознамѣрился нѣчто предпринять. Что̀ именно?

На этотъ разъ, однакожъ, содержаніе задумчивости составляло сомнѣніе. Вчера еще онъ былъ полонъ силы и вѣры — и вдругъ усомнился.

Digitized by Google

Изъ объясненій съ правителемъ канцеляріи онъ совершенно случайно узналъ, что существуетъ законъ, который въ извѣстныхъ случаяхъ разрѣшаетъ, въ другихъ — связываетъ. И до того времени ему, конечно, было небезызвѣстно, что законъ есть, но онъ представлялъ его себѣ въ видѣ переплетенныхъ книгъ, стоящихъ въ шкапу. Когда эти книги валялись по столамъ и имѣли разорванный и замасленный видъ, то онъ называлъ это безпорядкомъ; когда онѣ стояли чинно на полкѣ, онъ былъ убѣжденъ, что порядокъ у него въ лучшемъ видѣ. Но разрѣшающей или связывающей силы закона онъ не зналъ, и даже скорѣе предполагалъ, что законъ есть не что иное, какъ диѳирамбъ, сочиненный на пользу и въ поощреніе помпадурамъ. И такъ какъ онъ былъ человѣкъ скромный и всегда краснѣлъ, когда его въ глаза хвалили, то понятно, что онъ не особенно любилъ заглядывать въ законы.

И вотъ, въ одно прекрасное утро, когда онъ предположилъ окончательно размахнуться, правитель канцеляріи объявилъ ему о существованіи закона, который маханію руками поставляетъ извѣстные предѣлы.

— Возьмемъ хоть бы лозу, — сказалъ онъ: — есть случаи, въ которыхъ дѣйствіе ея признается полезнымъ, и есть другіе, въ которыхъ дѣйствіе сіе совсѣмъ не допущается-съ.

— Что жъ, вы, что ли, будете указывать мнѣ, когда можно и когда нельзя? — спросилъ «онъ» нѣсколько иронически.

— Не я-съ, а законъ-съ.

— Весьма любопытно.

На этотъ разъ разговоръ исчерпался; но въ то же утро, придя въ губернское правленіе и проходя мимо шкапа съ законами, помпадуръ почувствовалъ, что его нѣчто какъ бы обожгло. Подозрѣніе, что въ шкапу скрывается змій, уже запало въ его душу и породило какое-то странное любопытство.

Что̀ заключается въ этихъ томахъ, глядящихъ корешками

Digitized by Google

наружу? Какимъ слогомъ написано то, что̀ тамъ заключается? Употребляются ли слова, въ родѣ: «закатить», «влѣпить», которыя онъ считалъ совершенно достаточными для отправленія своего несложнаго правосудія? Или, быть-можетъ, тамъ стоятъ совершенно другія слова? И точно ли тамъ заключается это странное слово «нельзя», которое, съ самой минуты своего вступленія въ помпадуры, онъ считалъ упраздненнымъ, и о которомъ такъ не въ пору напомнилъ ему правитель канцеляріи?

Все это было до такой степени любопытно, что, несмотря на то, что онъ всячески старался не выказать своего безпокойства, но подъ конецъ не выдержалъ-таки и, какъ-то боязливо улыбаясь, обратился къ правителю канцеляріи:

— А ну-те-съ: желаю я, напримѣръ, подвергнуть тѣлесному наказанію мѣщанина Прохорова... какъ-съ, разрѣшите вы мнѣ или нѣтъ?

— Мнѣ что же-съ! Не я, а законъ-съ.

— Ну, положимъ, хоть бы и законъ-съ?

Правитель канцеляріи направился-было къ шкапу, но на полдорогѣ остановился.

— Келейно высѣчь-съ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не келейно, а какъ слѣдуетъ... по закону-съ!

Правитель канцеляріи раскрылъ томъ и показалъ статью о лицахъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія.

«Онъ» прочиталъ однажды; потомъ какъ-то механически повторилъ прочитанное по складамъ. На него вдругъ пахнуло чѣмъ-то совершенно новымъ и неожиданнымъ.

— А въ указѣ, который по сему предмету изданъ былъ, даже прямо истолковано,—объяснялъ, между тѣмъ, правитель канцеляріи,—что мѣщане потому отъ тѣлеснаго наказанія изъемлются, что они, какъ образованные, имѣютъ больше чувствительности...

— А въ какомъ университетѣ Прохоровъ образованіе получилъ?

— Какое образованіе-съ!.. просто дикій человѣкъ-съ!

Digitized by Google

— Влѣпить ему!

Никогда «онъ» не былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи духа. Опасность, казалось, придала ему крылья и превратила предназначенную Прохорову казнь въ какую-то личную противъ него месть. При обыкновенномъ ходѣ вещей Прохоровъ, быть-можетъ, былъ бы отпущенъ съ однимъ внушеніемъ; теперь же онъ представлялъ собою врага, на которомъ должна была найти себѣ примѣненіе первая изъ помпадурскихъ доблестей: презрѣніе къ опасностямъ. До сихъ поръ, не сомнѣваясь въ диѳирамбическомъ содержаніи закона, помпадуръ руководился исключительно инстинктомъ и потому размахивался лишь въ такихъ случаяхъ, когда того требовала его широкая натура. Теперь эта самая широкая натура, разожженная непредвидѣннымъ препятствіемъ, выступила разомъ со всѣми своими правами и какъ бы подсказывала ему: да докажи ты ему, милый человѣкъ, каково-таково существуетъ въ пользу его изъятіе!

— Не позволите ли келейно-съ?—докладывалъ встревоженный правитель канцеляріи.—Все одно свою порцію получитъ-съ!

Но «онъ» уже не слушалъ, а съ какою-то дурной ироніей повторялъ:

— Нѣтъ, по закону-съ! Я—по закону-съ! Не отступая-съ... ни на шагъ-съ... ни на волосъ-съ!

И затѣмъ приготовился выйти изъ присутствія, но въ дверяхъ, какъ бы вспомнивъ нѣчто, опять повернулся всѣмъ корпусомъ и твердымъ голосомъ произнесъ:

— Влѣпить-съ!

Очевидно было, однакожъ, что это былъ послѣдній, почти насильственный взрывъ темперамента, не вѣдавшаго узды. Мысль была ужъ возбуждена, и ежели не осадила человѣка сразу, то въ ближайшемъ будущемъ должна была выйти побѣдительницей.

Мучимый любопытствомъ, онъ напрасно старался пода-

Digitized by Google

вить тревожное чувство, овладѣвшее всѣмъ существомъ его. Онъ дурно обѣдалъ, дурно спалъ послѣ обѣда. Работа разложенія дѣлала свое дѣло, и прежнее прочное и цѣльное міросозерцаніе терпѣло видимые ущербы. До сихъ поръ онъ относился къ встрѣчающимся въ природѣ разновидностямъ почти безсознательно, какъ къ созданію своего внутренняго *я*. И вдругъ оказывается, что разновидности существуютъ въ природѣ вполнѣ независимо отъ личныхъ его вкусовъ и даже предъявляютъ претензію на обязательное ихъ признаніе.

«Изъ сего изъемлются»... Эти слова онъ видѣлъ самъ, собственными глазами, и чѣмъ больше вдумывался въ нихъ, тѣмъ больше они его поражали. Первая степень изумленія формулировалась такъ: «отчего же я этого не зналъ?» Во второй степени формула уже усложнялась и представлялась въ такомъ видѣ: «отчего же, несмотря на несомнѣнность изъятій, я всегда дѣйствовалъ такъ, какъ бы ихъ не существовало, и никакого ущерба отъ того для себя не получалъ?»

Это былъ вопросъ настолько для него существенный, что онъ даже предложилъ его правителю канцеляріи.

— До поры, до времени-съ,—уклончиво отвѣчалъ послѣдній:—вотъ и Филиппъ Филиппычъ (предмѣстникъ помпадура) тоже блаженствовали, да пріѣхалъ ревизоръ-съ...

— Позвольте! не объ этомъ васъ спрашиваютъ. Ревизоръ—это само собою. Это—коли и я захочу: пріѣду и прекращу. Но вѣдь вы говорите, что они, эти изъятія-то, всегда существуютъ и существовали?

— Всегда-съ.

— Не въ ревизорѣ, а въ законѣ... вотъ здѣсь, у васъ въ шкапу?

— Точно такъ-съ.

— Почему же?!

Онъ выпрямился во весь ростъ, какъ бы говоря: ты видишь, однако, что я до сихъ поръ живёхонекъ!

Digitized by Google

— То-то, все до поры, до времени-съ.

Отвѣтъ этотъ, однакожъ, не удовлетворилъ его, потому что правитель канцеляріи только представлялъ центръ тяжести: отъ помпадура къ ревизору. А ему хотѣлось знать, какимъ образомъ этотъ центръ тяжести, будучи первоначально заключенъ въ шкапу съ законами, вдругъ оттуда исчезъ, а теперь, въ роли непомнящаго родства, перебѣгаетъ отъ помпадура къ ревизору, а отъ ревизора опять къ помпадуру.

— Дуракъ!—сказалъ онъ рѣзко.

Правитель слегка зарумянился и уткнулся въ бумагу.

Онъ это замѣтилъ и поспѣшилъ поправиться.

— Извините, пожалуйста, я погорячился. Постараемтесь привести это дѣло въ ясность. Итакъ, вы утверждаете, что изъятія существуютъ?

— Существуютъ-съ.

— Что они не могутъ быть ни отмѣнены, ни измѣнены? Что и я, и ревизоръ, и чортъ, и дьяволъ—всѣ одинаково обязаны имѣть ихъ въ виду и соображаться съ ними? Такъ, что ли?

— Точно такъ-съ.

— Почему жъ?!

Онъ опять выпрямился во весь ростъ, какъ бы спрашивая: да почему жъ я до сихъ поръ живъ-живёхонекъ?

— Все до поры, до времени-съ...

— Садитесь!

Загадка не давалась, какъ кладъ. На всѣ лады перевертывалъ онъ ее, и все оказывалось, что онъ кружится какъ бѣлка въ колесѣ. Съ одной стороны складывалось такъ: ежели эти изъятія, о которыхъ говоритъ правитель канцеляріи,—изъятія солидныя, то, стало-быть, мнѣ матъ. Съ другой стороны выходило и такъ: ежели я никакихъ изъятій никогда не зналъ и не знаю, и за всѣмъ тѣмъ чувствую себя совершенно хорошо, то, стало-быть, матъ изъятіямъ.

Digitized by Google

Что правитель смѣшалъ тутъ два предмета совершенно разнородныхъ: ревизора и шкапъ съ законами—это было для него ясно. Что̀ такое ревизоръ? Это человѣкъ, сложенный изъ такого же матеріала, какъ и онъ, помпадуръ. Это—помпадуръ въ квадратѣ,—и ничего больше. Онъ приступаетъ къ дѣлу съ такими же голыми руками, какъ и самый послѣдній изъ помпадуровъ. Онъ можетъ знать, что̀ происходитъ въ шкапу съ законами, но можетъ и не знать—дѣло отъ того отнюдь не пострадаетъ. Онъ тоже ограниченъ словами: «до поры, до времени» и, стало-быть, въ свою очередь, долженъ состоять въ непрерывномъ опасеніи другого ревизора. Этотъ послѣдній будетъ уже помпадуръ въ кубѣ, но, все-таки, не болѣе какъ помпадуръ, имѣющій въ виду грядущаго вдали помпадура четвертой степени. Какое же отношеніе ко всему этому можетъ имѣть шкапъ съ законами?

Но, быть-можетъ, въ этомъ шкапу заключался не самый источникъ «поры» и «времени», а только тотъ матеріалъ, который давалъ возможность въ удобный, по усмотрѣнію, моментъ опредѣлить «пору» и «время»? Это ли хотѣлъ сказать правитель канцеляріи?

Вѣроятнѣе всего, послѣдній именно такъ и разумѣлъ это дѣло. Онъ былъ слишкомъ опытенъ въ обращеніи съ шкапами, чтобы видѣть въ нихъ что-нибудь больше, нежели простые шкапы. За бытность его въ этой должности, передъ глазами его преемственно прошло до десятка помпадуровъ, и всѣ они исчезли какъ дымъ, именно въ силу правила: до поры, до времени. Въ этомъ правилѣ заключалась, по мнѣнію его, вся жизнь. Онъ распространялъ его не только на помпадуровъ, но и на всю природу, на все окружающее. Видѣлъ ли онъ беззавѣтное ликованіе, или осторожность, доходящую до трепета, онъ говорилъ: «до поры, до времени», и всегда оказывался пророкомъ. На ликующаго человѣка набѣгалъ помпадуръ и съ словами: «ты что̀ горло-то распустилъ?»—приказывалъ взять его въ часть.

Digitized by Google

Тотъ же помпадуръ набѣгалъ и на осторожнаго человѣка, и съ словами: «прятаться, что ли, ты отъ меня хочешь?»— тоже приказывалъ взять его въ часть. Даже и самого себя правитель канцеляріи не исключалъ изъ этого правила, и зналъ, что и для него придетъ пора и время.

Но здѣсь онъ былъ непослѣдователенъ и вмѣсто того, чтобы ждать бодро и твердо наступленія своего часа, уклонялся, лавировалъ и всячески старался объ его отдаленіи. Инстинктъ самосохраненія былъ слишкомъ силенъ, именно тотъ инстинктъ, который заставляетъ осужденнаго на казнь питать надежды, которымъ никогда не суждено сбыться. Подстрекаемый этимъ инстинктомъ, онъ обращалъ тоскливые взоры къ шкапу съ законами и какъ бы выжидалъ отъ него защиты. Онъ зналъ, что ожиданія его тщетны,— и, все-таки, ждалъ. Это была слабая сторона его философіи, почти отрицаніе ея, и нельзя сказать, чтобъ онъ не понималъ этого. Иногда огораживаніе себя отъ преждевременнаго наступленія «часа» требовало отъ него такихъ усилій, что онъ даже помышлялъ бросить это дѣло. «Брошусь, да и поплыву по всему раздолью, какъ прочіе!»—раздумывалъ онъ; но инстинктъ самосохраненія такъ и зудилъ, такъ и нашептывалъ: «погоди, можетъ-быть, и завтра живъ будешь!» И такимъ образомъ онъ жилъ, питая, съ одной стороны, твердое упованіе, что «часъ» неизбѣженъ, съ другой— ободряя себя смутною надеждою, не придетъ ли къ нему въ этотъ страшный моментъ на выручку шкапъ съ законами.

Помпадуръ понялъ это противорѣчіе, и для начала призналъ безусловно-вѣрною только первую половину письмоводителевой философіи, то-есть, что на свѣтѣ нѣтъ ничего безусловно-обезпеченнаго, ничего такого, что̀ не подчинялось бы закону поры и времени. Онъ обнялъ совокупность явленій, лежавшихъ въ районѣ его духовнаго ока, и вынужденъ былъ согласиться, что весь міръ стоитъ на этомъ краеугольномъ камнѣ. «Все тутъ-съ». Придя къ этому за-

Digitized by Google

ключенію и примѣняя его спеціально къ обывателю, онъ даже расчувствовался.

— Вѣдь вотъ, — говорилъ онъ самъ съ собою: — у него даже минуты нѣтъ... совсѣмъ безопасной! Возьмемъ, напримѣръ, хоть меня. Ну, ревизоръ, ну, тамъ чортъ-дьяволъ... конечно, это въ своемъ родѣ моментъ! Но вѣдь не свалится же онъ ко мнѣ какъ камень на голову. Все же предупредятъ какъ-нибудь; цидулочку, по секрету, добрый человѣкъ напишетъ: ѣдетъ, молъ. Ну, вотъ тогда хоть бы этого самаго Прохорова на время и убрать можно, чтобы ревизору въ глаза не кинулся. Да и самый ревизоръ—вѣдь онъ тоже помпадуръ! Развѣ ему эти чувства не извѣстны? Стало-быть, можно и разговоръ съ нимъ повести. А обыватель? кто его предупредитъ? и что̀ онъ предпринять можетъ? Для него всегда «пора» и всегда «время». Завсегда онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ. Онъ думаетъ кусокъ до рта донести, анъ тутъ пришла «пора» — и полетѣлъ кусокъ на полъ. Вотъ-съ.

Богъ-вѣсть, куда привело бы его это грустное настроеніе мыслей, если бъ онъ не сознавалъ, что вопросъ долженъ быть разрѣшенъ, помимо сантиментальныхъ соображеній, лично для него самого. И онъ приступилъ къ этому разрѣшенію прямо, безъ колебаній.

— Если пора и время неизбѣжны,—размышлялъ онъ:— то, стало-быть, нечего объ нихъ и думать. Существованіе ихъ равняется несуществованію, ибо необезпеченность, возведенная въ принципъ, вполнѣ равняется обезпеченности. Omnia mea mecum porto—что̀ съ меня возьмешь! Если я совсѣмъ-совсѣмъ не обезпеченъ, то это значитъ, что я обезпеченъ вполнѣ. *Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ,*—и ничего больше. Сегодня я помпадуръ, стою прямо и бодро; завтра явился помпадуръ въ квадратѣ—прилетѣлъ и переломилъ. *Гдѣ пиршествъ раздавались крики, надгробные тамъ воютъ лики,*—вотъ и все.

— Да-съ, все-съ,—повторилъ онъ уже вслухъ, и это те-

Digitized by Google

ченіе мыслей было бы крайне для него благопріятно, если бъ оно не было разстроено однимъ совершенно случайнымъ обстоятельствомъ.

Дѣло въ томъ, что, разгуливая безпокойно по комнатѣ, онъ какъ разъ налетѣлъ на шкапъ съ законами.

— Вотъ гдѣ «пора» и «время»!—шепнулъ ему какой-то таинственный голосъ.

— Вздоръ-съ! — заревѣлъ онъ во все горло въ отвѣтъ этому предостереженію, но тутъ же сконфузился и поблѣднѣлъ.

Инстинктъ самосохраненія, уже испортившій цѣльность міросозерцанія письмоводителя, вспыхнулъ и въ немъ.

Онъ судорожно схватилъ въ руки томъ и началъ его перелистывать. Что̀ онъ тамъ увидѣлъ! Боже! что̀ онъ увидѣлъ!

Онъ увидѣлъ, что вся жизнь человѣческая предусмотрѣна и опредѣлена. Все, начиная съ питанія и кончая просвѣщеніемъ и обязанностью устраивать фабрики и заводы и содержать въ исправности мосты и перевозы. На все— подробное правило, и за неисполненіе каждаго правила— угроза. Ему, ему... угроза! Да, и ему. И его жизнь предусмотрѣна и опредѣлена, и она обставлена многосложнѣйшими обязанностями и отношеніями. Онъ былъ центромъ, около котораго группировались: и обывательское продовольствіе, и обывательская нравственность, и просвѣщеніе, и торговля. И всему этому присвоялось названіе «обязанностей», но отнюдь не «правъ». Правда, что для выполненія этихъ обязанностей онъ былъ вооруженъ угрозою, но размѣры этой угрозы также были опредѣлены заранѣе и выходить изъ этихъ размѣровъ представлялось небезопаснымъ.

«Воспрещается», «вмѣняется въ обязанность»—вотъ выраженія, съ которыми онъ совершенно неожиданно вынужденъ былъ познакомиться. Ни «закатить», ни «влѣпить»—

Digitized by Google

ничего подобнаго. Прохоровъ же былъ «изъятъ» несомнѣнно.

Онъ былъ подавленъ, уничтоженъ. Тѣмъ не менѣе, капризная мысль его и тутъ не измѣнила своему обычному характеру. Онъ не сказалъ себѣ:—вотъ какое бремя лежитъ на мнѣ, безвѣстномъ кадетѣ, выбравшемся въ помпадуры! вотъ съ чѣмъ надлежало мнѣ познакомиться, прежде чѣмъ расточать направо и налѣво: «влѣпить» да «закатить»!—но вскочилъ, какъ ужаленный, и съ какимъ-то горькимъ, нервнымъ смѣхомъ воскликнулъ:

— Послѣ этого... послѣ этого... зачѣмъ же мы, помпадуры, нужны?!

«Нужны ли помпадуры?» Неотразимая ясность этого вопроса оскорбляла нашего помпадура до крови. И всего больнѣе при этомъ было то, что оскорбленіе шло изнутри, что онъ самъ, своею неумѣренною пытливостью, вызвалъ его.

Съ этой минуты горькое чувство окрасило все его существованіе. Прямого врага не было, но чувствовалось по всему, что врагъ этотъ существуетъ, что онъ невидимо сопутствуетъ всюду, во всякое время. Явилась страстная потребность полемизировать; но когда полемика воспріяла начало, то оказалось, что она имѣетъ характеръ косвенный, робкій. Въ ея ироніи не сказывалось свободы; ея дерзость проявлялась порывами и свидѣтельствовала о напряженномъ состояніи душевныхъ силъ. Проходя мимо шкапа, онъ улыбался и дѣлалъ головой ироническій жестъ, но даже мало-проницательный человѣкъ могъ догадаться, что и улыбкой, и жестомъ онъ только обманываетъ самого себя. Съ такою неувѣренностью улыбается человѣкъ передъ врагомъ, котораго онъ имѣетъ причины опасаться, но передъ которымъ считаетъ, однакожъ, нужнымъ слегка похорохориться. Какъ-то сойдетъ ему съ рукъ эта улыбка? Пройдетъ ли врагъ мимо, не замѣтивъ ея, или же замѣтитъ и тутъ же за нее покараетъ?

Digitized by Google

Онъ начиналъ полемизировать съ утра. Когда онъ приходилъ въ правленіе, первое лицо, съ которымъ онъ встрѣчался въ передней, былъ неизмѣнный мѣщанинъ Прохоровъ, подобранный въ безчувственномъ видѣ на улицѣ и посаженный въ часть. Въ прежнее время свиданіе это имѣло, въ глазахъ помпадура, характеръ обычая и заканчивалось словомъ: «влѣпить!» Теперь на первый планъ выступила полемика, то-есть терзаніе, отражающееся не столько на Прохоровѣ, сколько на самомъ помпадурѣ.

— Ну-съ, господинъ Прохоровъ, что̀ скажете? — начинаетъ онъ, останавливаясь передъ безобразнымъ малымъ съ отекшимъ лицомъ и налитыми кровью глазами.

— Виноватъ, ваше благородіе!

Горькая улыбка появляется на лицѣ помпадура.

— Что же-съ... съ Богомъ! Будто вы не знаете, что вы изъятые!.. Да-съ, изъятые. Это не я говорю, а законъ-съ. По случаю вашей образованности-съ...

— Ваше высокоблагородіе! помилосердствуйте! Съ нынѣшняго дня даже зарокъ себѣ положилъ.

— Зачѣмъ же зарокъ-съ, кушайте! Въ прежнее время я васъ за это по спинѣ глаживалъ, а теперь... законъ-съ! Да что же вы стоите, образованный молодой человѣкъ? Стулъ господину Прохорову! По крайности, посмотрю я, какъ ты, к-к-каналья, сидѣть передо мной будешь!

Онъ не выдерживаетъ роли и, хлопнувъ дверью, весь кипящій и колышущійся, входитъ въ канцелярскую камору. Но тамъ ожидаютъ его новые поводы для полемики: журналы, исходящія бумаги, нераспечатанная почта и проч.

— Зачѣмъ вы всю эту чепуху на столъ ко мнѣ навалили?—обращается онъ къ правителю, указывая на ворохъ.

— Бумаги-съ...

— Знаю, что бумаги. Да вѣдь вы говорили, что есть законъ?

— Точно такъ-съ.

Digitized by Google

— Слѣдственно, и докладывайте ихъ господину закону, а меня отъ каверзъ увольте!

Правитель безпокойно слѣдитъ за его тѣлодвиженіями.

— Я теперь такъ поступать буду,—продолжалъ ораторствовать помпадуръ:—что бы тамъ ни случилось—законъ. Пѣшкомъ человѣкъ идетъ — покажи законъ! въ телѣгѣ ѣдетъ—законъ! Я васъ дойму, милостивый государь, этимъ закономъ! Вонъ онъ! вонъ онъ! — восклицаетъ онъ, завидѣвъ изъ окна мужика, ѣдущаго на базаръ.—Съ огурцами на базаръ ѣдетъ! гдѣ законъ? Остановить его!

— Не возбраняется-съ.

— Гдѣ сказано: «не возбраняется»? Покажите!

Правитель краснѣетъ и извивается, какъ вьюнъ на сковородѣ. Къ счастью, помпадуръ, исчерпавъ одинъ предметъ, уже чувствуетъ потребность перейти къ другому.

— Вонъ у меня на пожарномъ дворѣ всѣ рукава у трубъ ссохлись,—говоритъ онъ: — посмотримъ, какъ-то починитъ ихъ господинъ законъ!

Водворяется временное молчаніе. Правитель канцеляріи садится на мѣсто и тихо поскрипываетъ перомъ. Самъ помпадуръ, нѣсколько успокоенный, останавливается передъ зерцаломъ и вглядывается въ вклеенные по бокамъ его указы. Но,—увы!—онъ не только не извлекаетъ изъ нихъ никакихъ поученій, но, напротивъ того, съ какимъ-то безконечно-горькимъ упрекомъ произноситъ:

— Ты!

Бумаги, однакожъ, не ждутъ. Какъ ни постылы кажутся ему онѣ въ настоящую минуту, но онъ, волей-неволей, садится къ столу и начинаетъ съ ожесточеніемъ распечатывать одинъ пакетъ за другимъ.

— И зачѣмъ они мнѣ предписываютъ! — восклицаетъ онъ.—Знаютъ, что есть законъ—ну, и предписывали бы закону! Анъ нѣтъ—все ко мнѣ да ко мнѣ!

Слышится шелестъ бумаги и бормотаніе: «предписывается

Digitized by Google

вамъ», «велѣть ему, помпадуру», «неотложно», «немедленно», «подъ опасеніемъ взысканія по законамъ»...

— Я вамъ говорю!—придирается онъ къ правителю канцеляріи.

— Что̀ изволите приказать-съ?

— Я не приказываю, а говорю. Приказываетъ законъ, а я только говорю. Я спрашиваю васъ: зачѣмъ они мнѣ предписываютъ, коли законъ есть?

— Потому собственно... — оправдывается правитель, но оправданіе его выходитъ неловкое, спутанное.

Правитель канцеляріи самъ чувствуетъ эту неловкость. Случайно затѣявши кутерьму, онъ всталъ втупикъ при видѣ бездны противорѣчій, въ которую ввергло его совмѣстное существованіе закона и помпадура.

— Садитесь.

Помпадуръ подмахиваетъ одну бумагу за другой, но однажды начатая работа мысли уже не покидаетъ его. Онъ смутно сознаетъ, что объясненія ему ждать неоткуда. По крайней мѣрѣ, онъ найдетъ его не здѣсь, не въ стѣнахъ канцелярской каморы. Эти стѣны положительно начинаютъ давить его. Пространство, окруженное ими, кажется ему заколдованнымъ кругомъ, въ который не можетъ пробраться ни одинъ простой и ясный отвѣтъ. Здѣсь все заколочено наглухо, все смотритъ упрекомъ, все допрашиваетъ, язвитъ, загадываетъ загадки и тутъ же бросаетъ эти загадки безъ всякой попытки къ ихъ разрѣшенію. Гдѣ взять это разрѣшеніе? гдѣ искать его?

Онъ еще въ кадетскомъ корпусѣ слышалъ, что есть на свѣтѣ явленіе, именующееся «борьбою съ закономъ». Что многіе боролись успѣшно, но многіе же и изнемогали въ этой борьбѣ. Такъ, напримѣръ, одинъ губернаторъ болѣе двухъ десятилѣтій боролся, и даже чуть-было не побѣдилъ, но пріѣхалъ ревизоръ и сразу заставилъ побѣдителя положить оружіе. Минута этого плѣненія губернаторскаго была страшною минутой для многихъ. Помпадуры гибли десят-

Digitized by Google

ками; зеркальная поверхность административнаго моря возмутилась почти мгновенно; униженные и оскорбленные подняли голову, ликующіе и творящіе расправу опустили ее долу; такъ-называемые ябедники выползли изъ своихъ норъ и продерзостно называли себя представителями общественной совѣсти. Крушеніе было общее.

Роль борющагося съ законами человѣка имѣла свою привлекательность, и очень можетъ быть, что въ другое время онъ охотно остановился бы на ней. Но, во-первыхъ, онъ понималъ, что бороться (успѣшно или неуспѣшно) могутъ только очень сильные люди, и что ему, безвѣстному помпадуру Богъ-вѣсть которой степени, предоставлена въ этомъ случаѣ лишь мелкая полемика, которая ни къ чему другому не можетъ привести, кромѣ изнуренія. Во-вторыхъ, онъ зашелъ уже слишкомъ вглубь вопроса, чтобы увлечься какою-нибудь эпизодическою подробностью, какъ бы блестяща она ни была. Его занимало совсѣмъ не то, что борьба возможна, а то, *въ силу чего она возможна*, и почему для однихъ она оканчивается лаврами, а для другихъ—постыднымъ бѣгствомъ въ отставку и даже подъ судъ. Что-нибудь изъ двухъ: либо законъ, либо онъ, помпадуръ. Такъ, по крайней мѣрѣ, представлялось это дѣло его пониманію. Если законъ можетъ умиротворить мѣщанина Прохорова—пускай и умиротворитъ; если законъ можетъ исправить ссохшіеся рукава у пожарныхъ трубъ—пускай и исправитъ!

— Пускай-съ!—восклицаетъ онъ мысленно.

Но если законъ не можетъ ни исправить, ни умиротворить, то пусть же онъ и не мѣшаетъ ему, помпадуру, пусть не становится поперекъ его предначертаній.

Неуязвимость этой логики была ясна какъ день.

Но вотъ нить его размышленій прерывается криками, несущимися съ пожарнаго двора. То бунтуетъ Прохоровъ, требуя, чтобы его рѣшили немедленно. Полемика возобновляется.

Digitized by Google

— Какъ прикажете?—спрашиваетъ письмоводитель.

— Зачѣмъ вы спрашиваете? Вѣдь вы знаете, что я ничего не могу! Что теперь — *Законъ!* Какъ тамъ написано, такъ тому и быть. Ежели написано: господину Прохорову награду дать—я радъ-съ; ежели написано: влѣпить! — я и противъ этого возраженій не имѣю!

Въ такихъ безрезультатныхъ рѣшеніяхъ проходитъ все утро. Наконецъ, присутственные часы истекаютъ: бумаги и журналы подписаны и сданы; дѣло Прохорова разрѣшается само собою, то-есть изморомъ. Но даже въ этотъ вожделѣнный моментъ, когда вся природа свидѣтельствуетъ о наступленіи адмиральскаго часа, чело его не разглаживается. Въ былое время онъ зашелъ бы передъ обѣдомъ на пожарный дворъ; осмотрѣлъ бы рукава, ящики, насосы; при своихъ глазахъ велѣлъ бы все зачинить и заклепать... Теперь онъ думаетъ: «пускай все это сдѣлаетъ законъ».

Онъ положительно озлобленъ и даже домой идетъ какою-то нервною, оскорбленною походкой.

Къ обѣду является стряпчій, бездомный малый, давно ужъ пріобрѣвшій привычку питаться насчетъ помпадура. Но разговоръ какъ-то не клеится. Первое кушанье съѣдается молча; передъ вторымъ помпадуръ рѣшается пустить въ ходъ мучащую его загадку.

— Давеча мнѣ письмоводитель цѣлую предику насчетъ законовъ прочиталъ,—произноситъ онъ.

— Что̀ же такое?

— Да все насчетъ этой... обязательной силы, что ли...

Стряпчій выпиваетъ рюмку водки и совершенно флегматично отвѣчаетъ:

— Давненько ужъ эти слухи-то ходятъ!

— А по-твоему какъ?

— По-моему, все до поры, до времени.

— Фу! опять это слово! Да пойми же, братецъ, что ежели есть законъ и можетъ этотъ законъ все сдѣлать, такъ при чемъ же я-то въ помпадурахъ состою?

Digitized by Google

— Надоѣло, видно, тебѣ жалованье-то получать!

Помпадуръ пробуетъ продолжать споръ, но оказывается, что почва, на которой стоитъ стряпчій, та самая, на которой держится и письмоводитель, что, слѣдовательно, тутъ можно найти только обходъ и отнюдь не рѣшеніе вопроса по существу. «Либо законъ, либо я», — вотъ какую дилемму поставилъ себѣ помпадуръ, и требовалъ, чтобъ она разрѣшена была прямо, не норовя ни въ ту, ни въ другую сторону.

«Нѣтъ, это все не то!—думалось ему. — Если бы я собственными глазами не видѣлъ: «законъ»—ну, тогда точно! И я бы могъ жалованье получать, и законъ бы своимъ порядкомъ въ шкапу стоялъ. Но теперь вѣдь я видѣлъ, стало-быть, знаю; стало-быть, даже невѣдѣніемъ отговариваться не могу. Какъ ни поверни, а соблюдать долженъ. А попробуй-ка я соблюдать—да тутъ одинъ Прохоровъ такую задачу задастъ, что ногъ не унесешь!»

Въ такихъ колебаніяхъ и сомнѣніяхъ проходятъ дни за днями. Очень возможно, что онъ и совсѣмъ не добился бы отвѣта на мучившіе его вопросы, если бы внезапно не осѣнила его героическая рѣшимость, которую онъ и привелъ немедленно въ исполненіе.

Рѣшимость эта заключалась въ томъ, чтобы изслѣдовать въ самомъ источникѣ, узнать отъ чистыхъ сердцемъ и нищихъ духомъ (сіи суть столпы), нужны ли помпадуры. Въ какихъ отношеніяхъ находится къ этому источнику практика помпадурская и въ какихъ — практика законовъ? которая изъ нихъ имѣетъ перевѣсъ? въ какомъ смыслѣ—въ смыслѣ ли творческомъ, или просто въ смыслѣ реактива, производящаго баламутъ?

Чтобы осуществить эту мысль, онъ прибѣгнулъ къ самому первоначальному способу, то-есть переодѣлся въ партикулярное платье, и въ первый воскресный день incognito отправился на базарную площадь.

Digitized by Google

День былъ веселый и базаръ многолюдный; площадь была загромождена возами съ осенними продуктами; говоръ несся отовсюду. Въ воздухѣ пахло капустой, грибами и овощами. Звякали мѣдные гроши, слышалось хлопанье по рукамъ, пробное щелканье глиняной посуды, ржаніе лошадей. Въ одномъ мѣстѣ пѣли пѣсни, въ другомъ ругались; тамъ и сямъ кричали: «караулъ!» Бабы торговались съ такой энергіей, что, казалось, готовы были перервать другъ другу горло. Были и случаи неповиновенія властямъ: будочникъ просилъ у торговки пять грибовъ на щи, а она давала два, и будочникъ качалъ головой, какъ бы обдумывая, не разстрѣлять ли бабу за упорство...

Но помпадуръ ничего не замѣчалъ. Онъ былъ отъ природы не сантименталенъ, и потому вопросъ, счастливы ли подвѣдомственные ему обыватели, интересовалъ его мало. Быть-можетъ, онъ даже думалъ, что они не смѣютъ не быть счастливыми. Поэтому проявленія народной жизни, проходившія передъ его глазами, казались не болѣе какъ фантасмагоріей, ключъ къ объясненію которой, быть-можетъ, когда-то существовалъ, но уже въ давнее время однимъ изъ наѣзжихъ помпадуровъ былъ закинутъ въ колодецъ, и съ тѣхъ поръ никто оттуда достать его не можетъ.

Тѣмъ не менѣе, кое-что изъ происходившаго даже ему бросилось въ глаза.

Прежде всего его поразило слѣдующее обстоятельство. Какъ только онъ сбросилъ съ себя помпадурскій образъ, такъ тотчасъ же всѣ перестали оказывать ему знаки уваженія. Стало-быть, того особаго помпадурскаго вещества, которымъ онъ предполагалъ себя пропитаннымъ, вовсе не существовало; а если и можно было указать на что-нибудь въ этомъ родѣ, то, очевидно, что это «что-нибудь» скорѣе принадлежало мундиру помпадура, нежели ему самому.

Второе поразившее его обстоятельство было такого рода. Шелъ по базару полицейскій унтеръ-офицеръ (даже не квартальный),—и всѣ передъ нимъ разступались, снимали

Digitized by Google

шапки. Вскорѣ, вслѣдъ за унтеръ-офицеромъ, прошелъ по тому же базару такъ-называемый ябедникъ съ томомъ законовъ подъ мышкой, — и никто передъ нимъ даже пальцемъ не пошевелилъ. Стало-быть, и въ законѣ нѣтъ того особливаго вещества, которое заставляетъ держать руки по швамъ; ибо если бы это вещество было, то оно, конечно, дало бы почувствовать себя и подъ мышкой у ябедника.

Стало-быть, вещество заключено собственно въ мундирѣ; взятые же независимо отъ мундира, и онъ, помпадуръ, и законъ—равны.

Заключеніе это вскорѣ было самымъ блистательнымъ образомъ подтверждено и другими изслѣдованіями.

Какъ ни старательно онъ прислушивался къ говору толпы, но слова: «помпадуръ», «законъ»—ни разу не долетѣли до его слуха. Либо эти люди были счастливы сами по себѣ, либо они просто дикіе, не имѣющіе даже элементарныхъ понятій о томъ, что̀ во всемъ образованномъ мірѣ извѣстно подъ именемъ общественнаго благоустройства и благочинія. Долго онъ не рѣшался заговорить съ кѣмъ-нибудь, но, наконецъ, замѣтилъ довольно благообразнаго старика, стоявшаго у воза съ кожами, и подошелъ къ нему.

— Вотъ что̀, почтеннѣйшій,—началъ онъ: — человѣкъ я пріѣзжій, и нужно мнѣ до вашего градоначальника дойти. Каковъ онъ у васъ?

— Это какой же начальникъ?

— Да вонъ тотъ... главный... что̀ на пожарномъ дворѣ живетъ.

— А кто его знаетъ! надобности намъ въ немъ не видится.

Помпадура даже передернуло при этомъ отвѣтѣ.

— Какъ же это, почтеннѣйшій, до градоначальника—да надобности нѣтъ? А ну, ежели, напримѣръ... что̀ бы, напримѣръ...

Онъ сталъ отыскивать подходящій примѣръ, но какъ ни усиливался—могъ отыскать только слѣдующій:

Digitized by Google

— А ну, напримѣръ, ежели въ часть попадешь?

— До сихъ поръ Богъ миловалъ. А ежели когда попадемъ, тогда и узнаемъ.

— Но, можетъ-быть, слухи какіе-нибудь ходятъ... Вѣдь это градоначальникъ, почтеннѣйшій! говорятъ же о немъ что-нибудь!

— И слуховъ не знаемъ. Потому ничего намъ этого не надобно.

— Гм!.. Стало-быть, такъ и живете? и ничего не опасаетесь?

— Опасаться какъ не опасаться, завсегда опасаемся, потому что все до поры, до времени.

— Можетъ, закона боишься?

— Говорю тебѣ: до поры, до времени. Выѣдешь это изъ дому хоть бы на базаръ, а воротишься ли домой—впередъ сказать не можешь. Вотъ тебѣ и сказъ. Можетъ-быть, законъ тебѣ пропишутъ, али бы что...

— Странно это. Если ты ведешь себя хорошо, если ты ничего не дѣлаешь... я надѣюсь, что господинъ градоначальникъ настолько справедливъ...

— Ты и надѣйся, а мы надежды не имѣемъ. Никакихъ мы ни градоначальниковъ, ни законовъ твоихъ не знаемъ, а знаемъ, что у каждаго человѣка своя планида. И ежели, примѣрно, сидѣть тебѣ, милый человѣкъ, сегодня въ части, такъ ты хоть за сто верстъ отъ нея убѣги—все къ ней же воротишься!

Таково было содержаніе перваго разговора. Покончивъ съ кожевенникомъ, помпадуръ устремился къ старичку-мѣщанину, стоявшему у палатки, увѣшенной лубочными картинками. Старикъ былъ обритъ и одѣтъ въ нѣмецкое платье и сквозь круглые очки читалъ одну изъ книгъ московскаго издѣлія, которыми тоже, повидимому, производилъ торгъ.

— Почтеннѣйшій!—обратился онъ къ мѣщанину:—я человѣкъ пріѣзжій и имѣю надобность до вашего градоначальника. Каковъ онъ?

Digitized by Google

— А какъ вамъ, сударь, сказать. Нужды мы до сихъ поръ въ господинѣ градоначальникѣ не видѣли.

— Однакожъ?

— Такъ точно-съ. Отъ съѣзжей покуда Богъ миловалъ, а о прочемъ о чемъ же намъ съ господиномъ градоначальникомъ разговоръ имѣть?

— Стало-быть, такъ живете, что опасаться вамъ нечего?

— Ну, тоже не безъ опаски живемъ. И въ Писаніи сказано: блюдите да опасно ходите. По нашему званію, каждую минуту опасаться должно.

— Чего же вы боитесь? О градоначальникѣ, какъ вы сами сейчасъ сказали, даже понятія не имѣете. — законъ, что ли, вамъ страшенъ?

— И о законѣ доложу вамъ, сударь: законъ для вельможъ да для дворянъ дѣйствіе имѣетъ, а простой народъ сму не подверженъ!

— Не понимаю.

— Да и не легко понять-съ, а только дѣйствительно оно такъ точно. Потому народъ — онъ больше натуральными правами руководствуется. Повѣрите ли, сударь, даже податей понять не можетъ!

— Однако, чего же-нибудь да боитесь вы?

— Планиды-съ. Все до поры, до времени. У всякаго своя планида, все равно, какъ камень съ неба. Выйдешь утромъ изъ дому, а воротишься ли — не знаешь. Въ темномъ страхѣ такъ и проводишь всю жизнь.

— Но я надѣюсь, что господинъ градоначальникъ настолько справедливъ, что ежели вы ничего не сдѣлали...

Въ это время къ бесѣдующимъ подошелъ сельскій священникъ и дружески поздоровался съ продавцомъ картинъ.

— Вотъ, отецъ Трофимъ, господинъ пріѣзжій свѣдѣніе о господинѣ градоначальникѣ получить желаютъ.

— Надобность имѣете?—спросилъ отецъ Трофимъ.

— Да-съ, надобность.

— Личнаго знакомства съ господиномъ градоначальни-

Digitized by Google

комъ не имѣю, да и надобности до сихъ поръ, признаться, не видѣлось, но, по слухамъ, рекомендовать могу. Къ храму Божьему прилеженъ и мзду пріемлетъ безъ затрудненія... Только вотъ съ закономъ, повидимому, въ ссорѣ находится.

— А они вотъ и насчетъ законовъ тоже разговорились,— вставилъ свое слово продавецъ картинъ: — спрашиваютъ, боится ли простой народъ закона?

— Законъ, я вамъ доложу, наверху начертанъ. Все равно, какъ планета...

Но «онъ» уже не слушалъ дальше. Завидѣвъ пошатывающагося вдали, съ гармоніей въ рукахъ, мастерового, онъ правильно заключилъ, что этотъ человѣкъ несомнѣнно сиживалъ на съѣзжей, а слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, имѣетъ понятіе о степени и предѣлахъ власти градоначальника.

— Эй, почтенный, слышь!

Но не успѣлъ онъ формулировать свой вопросъ, какъ мастеровой сразу огорошилъ его восклицаніемъ:

— Вашему благородію, господину прраховостову!

Онъ шарахнулся, какъ обожженный, и скрылся въ толпу. Тамъ, чтобы не быть узнаннымъ, подсѣлъ онъ на скамеечку къ торговкѣ, продававшей сусло и гречневики.

— А позвольте, голубушка, узнать,—сказалъ онъ:—каковъ таковъ здѣшній градоначальникъ?

Но торговка даже не взглянула на него, а просто сказала краткое, но сильное слово.

— А что, видно, давно ты на съѣзжей не сиживалъ?

Онъ былъ удовлетворенъ и уже хотѣлъ возвратиться во-свояси, но по дорогѣ завидѣлъ юродивую Устюшу и не вытерпѣлъ, чтобы не подойти къ ней.

— Устюша, скажи ты мнѣ, сдѣлай милость...

Но блаженная, не давъ ему кончить, не своимъ голосомъ закричала:

— Воняетъ, воняетъ!

Digitized by Google

Въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, очевидно, не предстояло никакой надобности.

Результатъ перешелъ за предѣлы его ожиданій. Ни помпадуры, ни законъ—ничто не настигаетъ полудикую массу. Ее настигаетъ только «планида», — и дорого бы онъ далъ въ эту минуту, чтобы имѣть эту «планиду» въ своихъ рукахъ.

Что̀ такое «законъ», что̀ такое «помпадуръ» въ глазахъ толпы? — это не что̀ иное, какъ страдательные агенты «планиды», и при томъ не *всей* «планиды», а только той ея части, которая осуществляетъ собою карательный элементъ. Они не могутъ ни оплодотворить земли, ни послать дождь или вёдро, ни предотвратить наводненіе — однимъ словомъ, не могутъ принять творческаго участія во всемъ томъ кругѣ явленій, среди которыхъ движется толпа и вліяніе которыхъ она исключительно на себѣ ощущаетъ. Они могутъ воспрепятствовать, возбранить, покарать; но творчество никогда имъ принадлежать не будетъ, а будетъ принадлежать «планидѣ». Даже самая кара ихъ имѣетъ свойство далеко не «планидное», ибо, настигая однихъ, она не замѣчаетъ, что тутъ же рядомъ стоятъ десятки и сотни другихъ, которыхъ тоже не мѣшаетъ подобрать и посадить на съѣзжую. А потому толпа даже и въ карѣ видитъ не кару, а несчастіе.

Въ хаотическомъ видѣ всѣ эти мысли мелькали въ головѣ помпадура. Одну минуту ему даже померещилось, что онъ какъ будто совсѣмъ лишній человѣкъ, въ родѣ пятаго колеса въ колесницѣ; но въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе эта мысль представилась ему до того обидною и дикою, что онъ даже весь покраснѣлъ отъ негодованія. А такъ какъ онъ вообще не могъ порядкомъ разобраться съ своими мыслями, то выходили какія-то душевныя сумерки, въ которыхъ свѣтъ хотя и борется съ тьмою, но въ концѣ концовъ тьма все-таки должна остаться побѣдительницею.

Впрочемъ, во всемъ этомъ была и утѣшительная для его

Digitized by Google

самолюбія сторона, та именно, что ни помпадуру, ни закону никакихъ преимуществъ другъ передъ другомъ не отдавалось. Эту сторону онъ понялъ сразу и ухватился за нее съ жадностью. Конечно, изслѣдованіе раскрыло ему не одно это, а гораздо больше: оно доказало, что онъ не что̀ иное, какъ микроскопическій агентъ великой силы, называемой «планидою», и что, затѣмъ, самая полезность его существованія вовсе не такъ несомнѣнна, какъ это казалось ему самому. Но онъ поспѣшилъ скомкать этотъ главный результатъ и проглотить заключавшуюся въ немъ обиду, сдѣлавъ видъ, что не замѣчаетъ ея. Зато тѣмъ съ бо̀льшимъ жаромъ онъ привязался къ другому частному результату, гласившему объ упраздненіи привилегій и преимуществъ, приписываемыхъ закону. Онъ даже шелъ дальше этого результата; онъ провидѣлъ перспективы и надѣялся оттягать частичку въ свою пользу.

— Да-съ; мы еще потягаемся! — бормоталъ онъ въ забвеніи чувствъ:—посмотримъ еще, кто кого!

Но первоначальный толчокъ, возбудившій потребность изслѣдованія, былъ такъ силенъ, что собственными средствами отдѣлаться отъ него было невозможно. Такъ какъ вопросъ пришелъ извнѣ (отъ письмоводителя), то надобно было, чтобы и найденное теперь рѣшеніе вопроса было провѣрено въ горнилѣ чьего-нибудь посторонняго убѣжденія.

Съ этою цѣлью онъ отправился вечеромъ въ клубъ, это надежнѣйшее и вѣрнѣйшее горнило, въ которомъ провѣряются и крѣпнутъ всевозможныя помпадурскія убѣжденія. Обычная картина высшаго провинціальнаго увеселительнаго учрежденія представилась глазамъ его. Кухонный чадъ, смѣшанный съ табачнымъ дымомъ, облаками ходилъ по комнатамъ; помѣщики сидѣли за карточными столами; въ столовой предводитель одолѣвалъ ростбифъ; издали доносилось щелканье бильярдныхъ шаровъ; стряпчій стоялъ у буфета и, какъ онъ выражался, принималъ внутрь.

Digitized by Google

— А я, братъ, пятнадцатую! — зазѣвалъ онъ, увидѣвъ приближающагося помпадура.—Примемъ, что ли?

Но помпадуръ былъ серьезенъ и не хотѣлъ, чтобы, по милости водки, плоды его давешнихъ изнуреній пропали даромъ.

— Ты вотъ пятнадцатую пропускаешь,—сказалъ онъ:— а я, между тѣмъ, успокоиться не могу!

— Что̀ такое?

— Да все по поводу того разговора... за обѣдомъ; помнишь?

— Брось!

— Куда тутъ бросишь; законъ, братецъ!

— Ну, и пущай его; законъ въ шкапу стоитъ, а ты напирай!

— Но вѣдь ты же самъ говорилъ: до поры, до времени?

— А это именно и значитъ: напирай плотнѣе!

— Чудакъ, а подъ судъ?

— Вотъ потому-то и напирай!

Стряпчій выпилъ шестнадцатую, поморщился и прибавилъ:

— А законъ пущай въ шкапу стоитъ!

Очень возможно, что помпадуръ удовлетворился бы этимъ подтвержденіемъ, потому что оно соотвѣтствовало направленію его собственныхъ мыслей. Но «шестнадцатая» смутила его, и онъ рѣшился продолжать провѣрку. Съ этою цѣлью онъ подсѣлъ къ предводителю, который въ это время уже побѣдилъ ростбифъ и, хлопая глазами, обдумывалъ планъ кампаніи противъ осетра.

Но настоящимъ образомъ онъ могъ изложить только введеніе; ибо едва онъ выговорилъ слово: «законъ», какъ предводитель вскричалъ:

— Брось!

— Законъ-съ...—повторилъ помпадуръ.

— Оставь!

Въ тотъ же вечеръ, за ужиномъ, стряпчій, подъ веселую

Digitized by Google

руку, разсказывалъ посѣтителямъ клуба о необыкновенномъ казусѣ, случившемся съ помпадуромъ. Помпадуръ сидѣлъ тутъ же, краснѣлъ и изрѣдка бормоталъ: «законъ-съ».

— Брось!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Напирай плотнѣе!

На другой день, утромъ, помпадуръ, по обыкновенію, пришелъ въ правленіе. По обыкновенію же, въ передней первое лицо, съ которымъ онъ встрѣтился, былъ Прохоровъ.

Но время полемики уже миновало.

— Влѣпить! — сказалъ онъ твердымъ и яснымъ голосомъ, и съ этимъ словомъ благополучно прослѣдовалъ въ канцелярскую камору.

VIII.—Онъ!!

Lui!.. toujours lui!!
Victor Hugo.

Совершенно неожиданно, вслѣдствіе какихъ-то «новыхъ вѣяній времени», въ нашемъ городѣ сдѣлалось празднымъ мѣсто помпадура. Само собой, въ ожиданіи назначенія новаго помпадура, провинція всецѣло предалась ажитаціи. Загадывали и на того, и на другого, и на третьяго, и, какъ всегда, въ этихъ загадываніяхъ первое мѣсто принадлежало личнымъ качествамъ тѣхъ, на которыхъ могъ пасть жребій уловлять вселенную. При отсутствіи руководства, которое давало бы опредѣленный отвѣтъ на вопросъ: что̀ такое помпадуръ? — всякій чувствовалъ себя какъ бы отданнымъ на поруганіе, и ни къ чему другому не могъ пріурочить колеблющуюся мысль, кромѣ тѣхъ смутныхъ данныхъ, которыя давали свѣдѣнія о темпераментѣ, вкусахъ, привычкахъ и степени благовоспитанности той или другой изъ предполагаемыхъ личностей. Про одного говорили «строгонекъ!» про другого: «этотъ подтянетъ!»

Digitized by Google

про третьяго: «всѣмъ былъ бы хорошъ, да жена у него анаѳема!» про четвертаго: «вы не смотрите, что онъ ротъ распахня ходитъ, а онъ бѣдовый!» про пятаго прямо разсказывали, какъ онъ, не обнаруживъ ни малѣйшаго колебанія, пришелъ въ какое-то присутственное мѣсто и прямо сѣлъ на тотъ самый законъ, который, такъ сказать, регулировалъ самое существованіе того мѣста. И никому не приходило въ голову сказать себѣ: что же мнѣ за дѣло до того, каковъ будетъ новый помпадуръ, хорошъ собой или дуренъ, добрая у него жена или анаѳема? Какъ будто всякій, сознательно или безсознательно, чувствовалъ, что въ этой-то комбинаціи личнаго темперамента и внѣшней обстановки именно и замыкается разгадка будущаго...

Какъ сказано выше, старый нашъ помпадуръ упразднился совершенно неожиданно. Мы жили съ нимъ въ самыхъ дружелюбныхъ отношеніяхъ. Ни онъ насъ не трогалъ, ни мы его не обижали. Хотя нравственныя и умственныя его качества всего ближе опредѣлялись пословицей: «не лыкомъ шитъ», но такъ какъ вопросъ о томъ, насколько полезны щегольской работы помпадуры, еще не рѣшенъ, то мы довольствовались и тѣмъ, что у насъ хоть плохенькій, да зато дешевенькій. Мы не страдаемъ шовинизмомъ; намъ не нужно ни блестящихъ усмиреній, ни смѣлыхъ переходовъ черезъ валдайскія горы. Нашъ помпадуръ сидѣлъ смирно, — и этого было съ насъ достаточно. Бывало, какъ ни послышишь, — кругомъ насъ вездѣ война. Бьютъ въ барабаны, въ трубы играютъ. Въ одномъ мѣстѣ помпадуръ цѣлое присутствіе наголову разбилъ; въ другомъ—разсѣялъ цѣлый легіонъ прохожихъ людей, причемъ многихъ услалъ въ затсченіе; въ третьемъ — въ двухъ словалъ изъяснилъ столько, сколько другому не изъяснить въ цѣлой сотнѣ округленныхъ періодовъ. А у насъ—благодать. О внѣшнихъ и внутреннихъ врагахъ—нѣтъ слуха; походовъ—не предвидится даже въ отдаленномъ будущемъ; ни барабаннаго боя, ни трубныхъ звуковъ, которые свидѣтельствовали бы

Digitized by Google

о свѣтопреставленіи — ничего! Даже междоусобія — и тѣ исключительно нашли себѣ убѣжище въ мѣстномъ клубѣ и были такого сорта, что никто не рѣшался сказать, дѣйствительно ли это междоусобія, или просто драки. Именно съ этой точки зрѣнія относился къ этому явленію и нашъ старый, почтенный помпадуръ.

— Я знаю, — говорилъ онъ: — что въ нашемъ клубѣ междоусобія нерѣдки; вѣроятно, они не менѣе часты и въ клубахъ другихъ городовъ. Но я рѣшительно отказываюсь понять, почему столь обыкновенное въ нашемъ обществѣ явленіе можетъ тревожить моихъ сопомпадуровъ! Не понимаю-съ. Возьмите, напримѣръ, хоть послѣднее наше междоусобіе: князю Балаболкину, за неправильно сдѣланный въ карты вольтъ, вымазали горячей котлеткой лицо. Поступокъ прискорбный —это такъ, но чтобы въ немъ крылось распространеніе вредныхъ мыслей или поползновеніе къ умаленію чьей-нибудь власти — съ этимъ я никогда не могу согласиться! Никогда-съ.

Поэтому, въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ этого помпадурства, мы порядочно-таки отдохнули. Освобожденный отъ необходимости на каждомъ шагу доказывать свою независимость, всякій дѣлалъ свое дѣло спокойно, безъ раздраженія. Земство облагало себя сборами, суды карали и миловали, чиновники акцизнаго вѣдомства дѣлили дивиденды, а контрольная палата до того осмѣлилась, что даже на самого помпадура сдѣлала начетъ въ 1 руб. 43 коп. И помпадуръ—ничего, даже не поморщился. Ни криковъ, ни воззванія къ оружію, ни революцій, — ничего при этомъ не было. Просто взялъ и вынулъ изъ кармана 1 р. 43 к., которые и теперь хранятся въ казнѣ, яко живое свидѣтельство покорности законамъ со стороны того, который не токмо былъ вправѣ утверждать, что для него законъ не писанъ, но могъ еще и накричать при этомъ на цѣлыхъ 7 копеекъ, такъ чтобы вышло ужъ ровно полтора рубля.

Тѣмъ болѣе должно было изумить насъ извѣстіе, что

Digitized by Google

нашъ добрый помпадуръ вынужденъ навсегда прекратить административный свой бѣгъ. Всѣ оглядывались, всѣ спрашивали себя: почему, за что? — и никакихъ отвѣтовъ не обрѣтали, кромѣ отрывочныхъ фразъ, въ родѣ: «распустилъ» и «не удовлетворяетъ новымъ вѣяніямъ времени» (встарину это, кажется, означало: не подтягиваетъ). Но почему же не удовлетворяетъ? развѣ мы—заговорщики, бунтовщики? развѣ мы безъ ума бѣжимъ впередъ, рискуя самимъ себѣ сломать голову? развѣ мы не всецѣло отдали самихъ себя и всѣ помышленія наши тому среднему дѣлу, которое, казалось бы, должно отстранить отъ насъ всякое подозрѣніе въ превыспренности?

Но, разсуждая такимъ образомъ, мы, очевидно, забывали завѣщанную преданіемъ мудрость, въ силу которой «новыя вѣянія времени» всегда приходили на сцену отнюдь не въ качествѣ поправки того или другого уклоненія отъ историческаго теченія жизни, а прямо какъ одинъ изъ основныхъ элементовъ этой жизни. Вѣяніе прорывалось естественно, само самой; необходимость его жила во всѣхъ умахъ, не нуждаясь ни въ какихъ обусловливающихъ побужденіяхъ. Не бунтовской вопросъ «за что?» служилъ для него исходною точкой, а совершенно ясное и положительное правило: «будь готовъ». Будь готовъ, то-есть ходи весело, ходи грустно, ходи прямо, ходи вкось, ходи вкривь. Тебѣ ничего не приказываютъ, ни отъ чего не предостерегаютъ; тебѣ говорятъ только: будь готовъ. Не къ тому будь готовъ, чтобъ исполнить то или другое; а къ тому, чтобы претерпѣть. Ты спрашиваешь: что̀ долженъ ты сдѣлать, чтобы избѣжать «претерпѣнія»; но развѣ кто-нибудь знаетъ это? Не чувствуешь ли ты, что даже самый вопросъ твой является въ ту минуту, когда уже все рѣшено и подписано, и когда ничего другого не остается, какъ претерпѣть? Слѣдовательно, это вопросъ запоздалый, ненужный. Ты идешь прямо, а полчаса тому назадъ ты шелъ вкось— тутъ-то вотъ я и налетаю на тебя. Ни ты, ни я, мы оба

Digitized by Google

не можемъ себѣ объяснить, почему нужно, чтобы дѣло происходило наоборотъ, то-есть, чтобы полчаса тому назадъ ты шелъ прямо, а теперь вкось. Мы чувствуемъ только, что мы столкнулись и ни подъ какимъ видомъ разминуться не можемъ. Но если ни ты, ни я не въ состояніи угадать, что̀ будетъ происходить въ моей головѣ въ предстоящій моментъ, то ясно, что единственный практическій выходъ изъ этого лабиринта — это «претерпѣть». И это совсѣмъ не капризъ съ моей стороны, совсѣмъ не преднамѣренное желаніе уязвить тебя; это «порядокъ», съ которымъ я безразлично отношусь и къ тебѣ, и ко всякому другому; это—«вѣяніе времени»...

Словомъ сказать, общее недоумѣніе, возбужденное полученнымъ извѣстіемъ, было таково, что даже воинскій начальникъ, человѣкъ крутой и бывалый,—и тотъ сказалъ:

— Ангелъ-съ! Ангелы Богу нужны-съ!

Само собою разумѣется, что недѣля, предшествовавшая отъѣзду стараго помпадура, была рядомъ цѣлодневныхъ празднествъ, которыми наше общество считало долгомъ выразить свою признательность и сочувствіе отъѣзжающему. Это былъ очень яркій и сильный протестъ, въ основаніи котораго лежала благоразумная мысль: авось, не повѣсятъ! Всѣ лица сохраняли трогательное и въ то же время сконфуженное выраженіе; но всѣхъ болѣе скофуженнымъ казался самъ виновникъ торжествъ. Полный мысли о бренности всего земного, онъ наклонялся къ тарелкѣ и ронялъ невольную слезу въ стерляжью уху. Затѣмъ, хотя, въ продолженіе дальнѣйшихъ перемѣнъ, онъ и успѣвалъ придать своему лицу спокойное выраженіе, но съ первымъ же тостомъ эта напускная твердость исчезала, глаза вновь наполнялись слезами, а голосъ, отвѣчавшій на напутственныя пожеланія, звучалъ безконечною тоскою, почти напоминавшею предсмертную агонію.

Безчисленныя картины непріятнаго, сѣренькаго будущаго проносились въ эти мгновенія въ его воображеніи. То, что̀

Digitized by Google

происходило передъ нимъ въ эту минуту, несомнѣнно происходило *въ послѣдній разъ,* ибо не было примѣровъ, чтобы помпадуръ, однажды увядшій, вновь расцвѣталъ въ качествѣ помпадура. Все милое сердцу оставлялъ онъ, и оставлялъ не для того, чтобъ украсить собой одну изъ залъ величественнаго зданія, выходящаго окнами на Сенатскую площадь, а для того, чтобы примкнуть въ ряды ропщущихъ и безплодно чающихъ, которыми въ послѣднее время какъ-то особенно переполнены стогны Петербурга. «Бѣдный!» читалъ онъ на всѣхъ лицахъ, во всѣхъ глазахъ, и это тѣмъ болѣе усугубляло его страданія, что никто глубже его самого не сознавалъ всю наготу будущаго, въ которое судьба, съ обычною безсознательности жестокостью, погружала его. Да, все, что̀ онъ теперь ѣстъ—онъ ѣстъ *въ послѣдній разъ;* все, что̀ онъ теперь видитъ и слышитъ—онъ видитъ и слышитъ *въ послѣдній разъ.* Сегодня, послѣ обѣда, онъ *въ послѣдній разъ* будетъ играть въ ералашъ по три копейки (въ будущемъ эта игра ему уже не по средствамъ); сегодня, *въ послѣдній разъ,* полиціймейстеръ молодцомъ подлетитъ къ нему съ рапортомъ, что по городу все обстоитъ благополучно; сегодня частные пристава въ послѣдній разъ сдѣлаютъ подъ козырекъ, когда онъ поѣдетъ съ прощальнымъ визитомъ къ архіерею. И вотъ онъ съ какимъ-то испугомъ осматривается кругомъ. Все обстоитъ здѣсь попрежнему и на прежнихъ мѣстахъ, но ему кажется, что и люди, и предметы, и даже стѣны—все сошло съ мѣстъ и уходитъ куда-то вдаль. Онъ уподобляетъ себя свѣточу; вчера еще этотъ свѣточъ горѣлъ свѣтлымъ и яркимъ огнемъ; сегодня онъ потушенъ и ужъ начинаетъ чадить; завтра онъ будетъ окончательно затоптанъ и выброшенъ на улицу вмѣстѣ съ прочею никуда ненужною ветошью...

Увы! въ человѣческомъ сердцѣ нѣтъ неизгладимыхъ воспоминаній, а воспоминанія о помпадурахъ меньше, нежели всякія другія, выдерживаютъ клеймо неизгладимости. Всѣ эти люди, которые сегодня такъ тепло чествуютъ его, завтра

Digitized by Google

ни единымъ словомъ, ни единымъ жестомъ не помянуть о немъ. И какъ нарочно, въ послѣднее время все такимъ образомъ устроилось, чтобы какъ можно скорѣе изглаживать помпадурскіе слѣды. Прежде, бывало, помпадуръ, возвращаясь съ своего помпадурства вспять, все-таки сутки и больше ѣдетъ въ предѣлахъ этого помпадурства. Слѣдовательно, прошедшее оставляетъ его не вдругъ. На каждой станціи онъ слышитъ сѣтованія и пожеланія: смотритель ахаетъ, ямщикъ старается прокатить на славу... *въ послѣдній разъ!..* «Добрый я, добрый! — мечталъ, бывало, помпадуръ подъ звонъ почтоваго колокольчика: — всѣ-то сословія жалѣютъ обо мнѣ!» И затѣмъ, не торопясь, станція за станціей, погружался въ бездны будущаго. А нынче упраздненному помпадуру предстоитъ только пріѣхать на станцію желѣзной дороги (благо она тутъ же подъ бокомъ), наскоро всѣхъ расцѣловать, затѣмъ свиснулъ паровозъ—и нѣтъ его! До такой степени нѣтъ, что не успѣлъ еще скрыться поѣздъ за горой, какъ поѣзжане, покончивъ съ проводами, уже предаются злобѣ дня и заводятъ разговоры о предстоящей «встрѣчѣ». Кто тотъ разнузданный романтикъ, который, въ виду этого упрощенія проводовъ и встрѣчъ, пребудетъ настолько закоснѣлъ, чтобы, подъ впечатлѣніемъ проводовъ какого-нибудь помпадура, оглашать стогны города кликами: «нѣтъ Агатона! нѣтъ моего друга!»?..

Но это былъ еще только одинъ уголъ картины, которая проносилась въ воображеніи помпадура въ то время, когда онъ взволнованнымъ голосомъ благодарилъ за участіе и пожеланія. Дальше картина развертывалась мрачнѣе и мрачнѣе и уже прямо ставила его лицомъ къ лицу съ самимъ таинственнымъ будущимъ.

Нѣтъ Агатона! Мѣсто, на которомъ онъ сидѣлъ, сейчасъ же простыло, и губернскій архиваріусъ тщетно отыскивалъ на полкахъ архива дѣло объ административныхъ намѣреніяхъ помпадура Агатона 2-го. Такого дѣла не было заведено, потому что не было самыхъ «намѣреній». У Агатона могъ

Digitized by Google

быть благосклонный (или нетерпящій возраженій) жестъ; у него могла быть благодушная (или огрызающаяся) улыбка; у него могло быть привѣтливое (или ругательное) слово; но административныхъ намѣреній у него не было. Онъ, подобно актеру, могъ нравиться или не нравиться очевидцамъ-современникамъ; но для потомства (которое для него наступаетъ съ какою-то особенной быстротою) онъ—мертвая буква, ничего никому не говорящая, ни о чемъ никому не напоминающая...

Нѣтъ Агатона! Онъ мчится на всѣхъ царахъ въ Петербургъ и уже съ первой минуты чувствуетъ себя угнетеннымъ. Онъ *ровенъ всѣмъ;* здѣсь, въ этомъ вагонѣ, онъ находится точно въ такихъ же условіяхъ, какъ и *всѣ. Въ послѣдній разъ* онъ путешествуетъ во II-мъ классѣ, и уже не слышитъ того таинственнаго шопота: «это онъ! это помпадуръ!» — который встрѣчалъ его появленіе въ прежнія времена.

И вотъ, въ то время, какъ паровозъ, свистя и пыхтя, все больше и больше отдаляетъ его отъ милыхъ сердцу, къ нему подсаживается совершенно посторонній человѣкъ и сразу, самъ того не зная, бередитъ дымящуюся рану его сердца.

— Вы изволите ѣхать изъ *N?*—спрашиваетъ его незнакомецъ.

Съ какимъ самоувѣреннымъ видомъ, съ какимъ ликованіемъ въ голосѣ отвѣтилъ бы онъ въ былое время: «да... я тамошній помпадуръ! я ѣду въ Петербургъ представить о нуждахъ своихъ подчиненныхъ! я полагаю, что первая обязанность помпадура—это заботиться, чтобъ законныя требованія его подчиненныхъ были удовлетворены!» и т. д. Теперь, напротивъ того, онъ чувствуетъ, что отвѣтъ словно путается у него на языкѣ, и что гораздо было бы лучше, если бъ ему совсѣмъ-совсѣмъ ничего не приходилось отвѣчать.

— Да... то-есть, я... конечно, я ѣду изъ N...— смущенно произноситъ онъ, наконецъ.

Digitized by Google

— Вы тамошній? — продолжаетъ нескромно приставать спутникъ.

— Да... то-есть, не совсѣмъ... я служу... то-есть служилъ...

Онъ старается замять всякій разговоръ; онъ даже избѣгаетъ всѣхъ взоровъ... И только, быть-можетъ, черезъ сутки, уже на послѣднихъ станціяхъ къ Петербургу, онъ разгуляется настолько, чтобъ открыть свое дѣйствительное положеніе и повѣдать печальную исторію своей отставки. Тогда съ души его спадетъ бремя, его тяготившее, и изъ устъ его впервые вырвется ропотъ. Этотъ ропотъ начнетъ новую эпоху его жизни; онъ наполнитъ все его будущее и проведетъ въ его существованіи черту, которая рѣзко отдѣлитъ его прошедшее отъ настоящаго и грядущаго.

Нѣтъ Агатона! Въ первое время, непосредственно слѣдующее за отставкой, онъ, впрочемъ, еще бодрится и старяется водиться съ такъ-называемыми «людьми». Какъ бывшій помпадуръ и какъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, онъ легко вторгается въ домъ къ финансисту Фалелею Губошлепову и даже исполняетъ разныя мелкія его порученія. Встрѣчаетъ гостей, которые попроще, и занимаетъ ихъ, представляя лицо хозяина; ѣздитъ въ гостиный дворъ за игрушками для Губошлеповскихъ дѣтей; показываетъ Губошлепову, какъ надѣваютъ на шею орденъ св. Анны; бѣгаетъ на кухню поторопить француза-повара; предшествуетъ Фалелею въ ресторанахъ въ тѣ дни, когда устраиваются тонкіе обѣдцы для лицъ, почему-либо не желающихъ показываться въ Фалелеевскихъ салонахъ; по вечерамъ, вмѣстѣ съ другими двумя дѣйствительными статскими совѣтниками, составляетъ партію въ вистъ для мадамъ Губошлеповой, и проч., и проч. За всѣ эти послуги онъ имѣетъ готовый столъ и возможность съ утра до вечера оставаться въ хорошо натопленныхъ и роскошно убранныхъ салонахъ своего патрона и, сверхъ того, отъ времени до времени, пользуется небольшими подачками, которыя онъ, впрочемъ, принимаетъ съ большимъ чувствомъ собственнаго достоинства.

Digitized by Google

Среди этого изобилія онъ какъ будто даже повеселѣлъ. Узналъ толкъ въ винахъ и сигарахъ, вѣрно угадывалъ цѣну каждаго фрукта, прямо запускалъ лапу туда, гдѣ раки зимуютъ, отпустилъ брюшко, сшилъ себѣ легкій костюмчикъ, ѣлъ такъ смачно и аппетитно, что губы у него припухли и покрылись глянцемъ... Но поэтъ сказалъ правду:

...на счастье прочно
Всякъ надежду кинь...

И правдѣ этой пришлось осуществиться на Агатонѣ самымъ жестокимъ образомъ. Не успѣлъ еще онъ пустить корни въ домѣ Губошлепова, какъ послѣдній ужъ подыскалъ себѣ какого-то бывшаго полководца. Съ этихъ поръ патронъ уже видимо охладѣваетъ къ Агатону. Являются на сцену столкновенія и пререканія. Вопросъ о томъ, кому изъ двухъ соперниковъ владѣть сердцемъ Губошлепова, съ каждымъ днемъ дѣлается больше и больше назойливымъ и, конечно, долженъ разрѣшиться въ ущербъ Агатону. Начинается съ того, что однажды Агатонъ ужъ совсѣмъ-было запустилъ лапу въ ящикъ съ сигарами какой-то неслыханной красоты, какъ вдругъ почувствовалъ, что его обожгло.

— Вотъ эти... поменьше... онѣ скуснѣе будутъ! — сразу озадачилъ его Губошлеповъ, указывая взглядомъ на другой ящикъ съ менѣе цѣнными сигарами.

Услышавъ эту апострофу, Агатонъ поблѣднѣлъ, но смолчалъ. Онъ какъ-то смѣшно заторопился, досталъ маленькую сигарку и усѣлся противъ бывшаго полководца, попыхивая дымкомъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Но дальше—хуже. На другой день, какъ нарочно, назначается тонкій обѣдецъ у Донона, и распорядителемъ его, какъ-то совершенно неожиданно, оказывается бывшій полководецъ, а Агатонъ вынуждается обѣдать дома, съ мадамъ Губошлеповой и дѣтьми.

На третій день Агатонъ, по порученію Губошлепова, купилъ какой-то совершенно новый сыръ, и только-что вознамѣрился похвастаться своей находкой, какъ вдругъ пріѣхалъ бывшій полководецъ и привезъ кусокъ точно такого

Digitized by Google

же сыра. Разумѣется, сыръ полководца оказался «много превосходнѣе»...

Тогда Агатонъ не выдержалъ и пустился въ объясненія. Выдержи онъ, стерпи — онъ, можетъ-быть, и теперь покуривалъ бы прекраснѣйшія (хоть и не первой красоты) сигарки, попивалъ бы отличнѣйшее бордо, ѣлъ бы сочную дюшессу и проч. Но онъ возропталъ, заплакалъ — и тѣмъ окончательно выказалъ свой безпокойный характеръ.

— Это все въ тебѣ зависть плачетъ,—сразу осадилъ его Губошлеповъ:—а ты бы лучше на себя посмотрѣлъ! Какая у тебя звѣзда (у Агатона была всего одна звѣзда, и то самая маленькая)? А у него ихъ три! Да и человѣкъ онъ безстрашный: сколько однѣхъ областей завоевалъ — а ты! На печи лежа, безъ пороху палилъ! И хоть бы ты тò подумалъ, что этакихъ-то, какъ ты—какая орава у меня! По одной рублевой цыгаркѣ каждому дай — сколько денегъ-то будетъ! А ты лѣзешь! И легъ ты, и всталъ у меня, и все тебѣ мало!

Агатонъ обидѣлся...

Нѣтъ Агатона! Онъ поселился въ четвертомъ этажѣ, во дворѣ того самаго дома, гдѣ живетъ и бывшій его патронъ, и прозябаетъ подъ командой у выборгской шведки Лотты, которая, въ одно и то же время, готовитъ ему кушанье, чиститъ сапоги и исполняетъ другія неприхотливыя его требованія. Лотта безобразна, рѣдковолоса, лишена бровей и рѣсницъ, и за всѣмъ тѣмъ съ ожесточеніемъ упрекаетъ его въ томъ, что онъ загубилъ ея молодость. Чтобъ загладить этотъ поступокъ, онъ старается исполнить малѣйшій ея капризъ. Сначала она варила ему кофе, пока онъ нѣжился на постели, теперь—онъ самъ варитъ кофе, пока она, неопрятная и сонная, барахтается въ пуховикѣ. Чтобъ быть ей пріятнымъ, онъ даже выучился говорить «по-ейному», и такъ чисто произноситъ: «анна-мина-нуси», что Лотта не можетъ удержаться, чтобъ не дать ему за это пинка. По воскресеньямъ къ Лоттѣ ходитъ «ейный» двоюродный

Digitized by Google

братъ, и тогда Агатонъ на цѣлый день уходитъ изъ дома, сначала въ греческую кухмистерскую, потомъ на ералашъ (по 1/10 копейки за пунктъ) къ кому-нибудь изъ бывшихъ помпадуровъ, который еще настолько богатъ средствами, чтобъ на сонъ грядущій побаловать своихъ гостей рюмкой очищенной и кускомъ селедки. Тамъ, въ интервалахъ сдачъ, ропщущіе эксъ-помпадуры разсказываютъ другъ другу о бывшемъ привольномъ житьѣ, о стерляжьей ухѣ, о цѣнѣ на рябчиковъ и индюковъ, о любопытнѣйшихъ сенатскихъ указахъ, о столкновеніяхъ, пререканіяхъ и проч. Затѣмъ, проглотивъ по рюмкѣ живительной, всѣ расходятся, а на утро опять наступаетъ понедѣльникъ, опять «анна-минануси», обѣдъ цѣною не свыше тридцати копеекъ, послѣ обѣда спанье, гранъ-пасьянсъ, вечерній чай и опять спанье. И такъ вся недѣля...

Нѣтъ Агатона! Онъ до такой степени самъ сознаетъ это, что въ знакъ покорности велѣніямъ судебъ отпустилъ бороду и усы. Худой и выцвѣвшій, въ поношенномъ пальто съ сильно порыжѣлымъ бобровымъ воротникомъ, онъ перваго числа каждаго мѣсяца сидитъ на площадкѣ лѣстницы главнаго казначейства и, въ ожиданіи своей очереди для полученія пенсіи, бесѣдуетъ съ «старушкой». «Старушка» съ ридикюлемъ въ рукахъ — это непремѣнная принадлежность главнаго казначейства. Съ костылями или безъ костылей, въ капорѣ или въ драдедамовомъ платкѣ, въ старомъ бѣличьемъ салопѣ или въ ватномъ поношенномъ пальто, она всегда тутъ, сидитъ на площадкѣ, твердою рукою держитъ ридикюль, терпѣливо выжидаетъ выслуженную и выстраданную зелененькую кредитку и слезящимися глазами слѣдитъ за проходящими франтами, уносящими уймы денегъ въ видѣ арендъ, вспомоществованій и болѣе или менѣе значительныхъ пенсій.

Сказать ли правду? Взирая на нее, помпадуръ чувствуетъ себя какъ-то бодрѣе. Не онъ одинъ забитъ, не онъ одинъ погруженъ въ бездну. Есть на свѣтѣ существо и еще

Digitized by Google

забитѣе, еще подавленнѣе. И онъ безъ умолку готовъ болтать со «старушкой», ибо отнынѣ только такого рода бесѣда и можетъ влить въ его сердце возстановляющій бальзамъ. Да, онъ былъ имъ! онъ несомнѣнно былъ помпадуромъ! И если напоминаніе объ его помпадурствѣ не возбуждаетъ въ людяхъ счастливыхъ и довольныхъ ничего кромѣ обиднаго равнодушія, то пусть хоть эта «старушка» услышитъ объ этомъ и позавидуетъ ему!

— Всей-то моей пенсіи,—говоритъ «старушка».—никакъ двѣнадцать рублей сорокъ-три копеечки въ мѣсяцъ будетъ. На себя, значитъ, семь рублей получаю, да на внучекъ—сынъ у меня на службѣ померъ—такъ вотъ на нихъ пять рублей сорокъ три копеечки пожаловали!

— Немного сударыня!

— Четыре зелененькихъ, сударь; тутъ и въ пиръ, и въ міръ. Вотъ старшей-то внучкѣ скоро года выходятъ, такъ, сказываютъ, два рубля семь гривенъ вычету будетъ!

— И живете-съ?

— Живемъ, сударь. Только, надо сказать, житье наше такое: и жить-то бы не надо, да и умирать не хочется. Не разберешь. А тоже вотъ хоть бы и я: такое ли прежде мое житье было! Домъ-то полная чаша былъ, хоть кто приходи—не стыдно! И мы въ гости—и къ намъ гости! Ну, а теперь—не прогнѣвайся! Одинъ день съ квасомъ, а другой и такъ, въ сухомятку, поѣдимъ! Ну, а вы, сударь, чай, много суммы-то получаете?

— Да въ мѣсяцъ восемьдесятъ одинъ рубль шестьдесятъ копеекъ. Не развернешься тоже, сударыня!

— И! что вы! Да кабы намъ такія деньги... Вы, сталобыть, большую службу-то несли?

— Да... я... помпадуромъ былъ,—не безъ фатовства отвѣчаетъ Агатонъ, и видимо наслаждается, замѣчая, какъ «старушку» беретъ оторопь при этомъ признаніи.

Эта оторопь есть цѣль всѣхъ его разговоровъ. Достигнувъ ея, помпадуръ счастливъ; онъ чувствуетъ, что онъ не

Digitized by Google

весь еще погасъ и что есть на свѣтѣ существо, которое можетъ позаимствоваться отъ него свѣтомъ.

— Былъ, сударыня, былъ-съ!—продолжаетъ онъ съ увлеченіемъ и вытягиваясь во весь ростъ.—Встрѣчали-съ! Провожали-съ! Шагу по улицѣ не дѣлалъ, чтобы квартальный впереди народъ не разгонялъ-съ! Безъ стерляжьей ухи за столъ не саживался-съ! А что насчетъ этихъ помпадуршъ-съ...

Агатонъ махаетъ рукой и направляется къ стойкѣ, за которою производится раздача пенсій. Зещемивъ въ руку пачку красненькихъ кредитокъ, онъ проходитъ назадъ мимо «старушки» и такъ дружелюбно киваетъ головой на ея почтительный поклонъ, что оставляетъ ее въ совершенномъ недоумѣніи, дѣйствительно ли съ ней говорилъ одинъ изъ тѣхъ помпадуровъ, о которыхъ въ газетахъ пишутъ: и пріидутъ во градъ, и имутъ младенцевъ, и разбіютъ ихъ о камни?!..

Нѣтъ Агатона! до такой степени нѣтъ, что никому изъ N-скихъ обывателей, пріѣзжающихъ въ Петербургъ понюхать, чѣмъ пахнетъ, не приходило даже на мысль провѣдать, гдѣ онъ и какъ ему живется. Сначала ему такъ и казалось, что вотъ-вотъ ему сейчасъ доложатъ: «корнетъ Берендѣевъ пріѣхалъ, прапорщикъ Солонина желаютъ васъ видѣть!» Однако проходятъ дни, недѣли, мѣсяцы, годы, но ни Берендѣевъ, ни Солонина и ухомъ не ведутъ. Помпадуръ долгое время не можетъ освоиться съ мыслью, что онъ забытъ. Слыша, что Берендѣевъ и Солонина ужъ не одинъ разъ наѣзжали въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы во всѣхъ домахъ терпимости отрекомендовать себя какъ непоколебимѣйшихъ консерваторовъ, онъ не хочетъ вѣрить ушамъ своимъ. «Да тѣ ли это? «его» ли это Берендѣевъ и Солонина?»—назойливо допрашиваетъ онъ очевидцевъ консерваторскихъ подвиговъ этихъ людей, и только тогда уже, когда нѣтъ больше мѣста сомнѣніямъ, разражается цѣлымъ ливнемъ безсильныхъ жалобъ противъ людской неблагодарности. «По цѣлымъ часамъ въ пріемной у меня коптѣлъ!

Digitized by Google

у притолоки стоялъ! за честь себѣ считалъ, когда я не то что рукой — мизинцемъ его поманю!» — восклицаетъ онъ, весь дрожа и захлебываясь отъ негодованія. Дай волю своему языку, онъ навѣрное присовокупилъ бы: «а вотъ погоди! я васъ ужò въ бараній рогъ согну!» — но нелѣпость этой угрозы столь очевидна, что самое возникновеніе ея въ разгоряченномъ мозгу уже производитъ въ немъ реакцію въ совершенно обратномъ смыслѣ. Все кончено, все пусто, все голо, все дышитъ холодомъ, все исполнено мрака и безцѣльной, щемящей тоски... Впереди нѣтъ мѣста ни для угрозъ, ни для осаживаній, ни для ошеломленій. Кому какое дѣло, привѣтливая или огрызающаяся улыбка играетъ у него на устахъ? Кому надобность знать, благосклонный или нетерпящій возраженій у него жестъ? Все это имѣло значеніе прежде, а теперь...

— Ну, и чортъ съ ними! Имъ до меня нѣтъ дѣла, и мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ!—принимаетъ онъ, наконецъ, героическое рѣшеніе, и, остановившись на немъ, все больше и больше погрязаетъ подъ ферулой у выборгской шведки Лотты...

Эта картина не послѣдняя. Не вся перспектива исчерпана; вслѣдъ за описанными выше, проносятся новыя картины наготы и бѣдности, проносятся съ быстротою молніи, до тѣхъ поръ, пока отуманенный взоръ окончательно не отказывается различать въ этой мрачной, зіяющей безднѣ будущаго.

«О, если бъ помпадуры знали, если бъ они могли знать!— мысленно обращается онъ къ самому себѣ:—сколь многаго бы они не совершали, чтò безъ труда могли бы не совершить! И если даже меня, который ничего или почти ничего не совершилъ, ждетъ въ будущемъ возмездіе, то чтò же должно ожидать тѣхъ, коихъ вся жизнь была непрерывнымъ служеніемъ мятежу и сквернословію?»

. . . . . .

— Господа! предлагаю тостъ за нашего дорогого, много-

Digitized by Google

любимаго отъѣзжающаго!—прерываетъ на этомъ мѣстѣ мучительныя мечты помпадура голосъ того самаго Берендѣева, который въ этихъ мечтахъ игралъ такую незавидную роль.—Вашество! позвольте мнѣ, какъ хозяину дома, которому вы сдѣлали честь... однимъ словомъ, удовольствіе... или, лучше сказать, удовольствіе и честь... Вашество! языкъ мой нѣмѣетъ! Но позвольте... отъ полноты души... въ этомъ домѣ... Господа! поднимемъ наши бокалы! Урра!

При этомъ возгласѣ картины будущаго оставляютъ на время помпадура и онъ возвращается къ чувству дѣйствительности, то-есть чокается и благодаритъ.

— Благодарю васъ, господа!—говоритъ онъ:—хотя, признаться, я бы желалъ, чтобы все здѣсь происходящее было сномъ! Пусть это былъ бы пріятный, сладкій сонъ, доставившій вамъ случай выразить мнѣ сочувствіе, а мнѣ—лучшую награду, которой только можетъ желать честолюбивѣйшій изъ помпадуровъ... Но все-таки пусть бы это былъ сонъ!

— А ужъ мы-то, вашество, какъ бы мы-то! — шипитъ по-змѣиному будущій Іуда-Берендѣевъ.

Однако это былъ не сонъ, и какъ мы ни ухитрялись отдалить минуту помпадурскаго отъѣзда, но, наконецъ, все-таки были вынуждены заколоть тельца, чтобы *въ послѣдній разъ* упитать достойнаго юбиляра.

Прекрасно и умилительно было это послѣднее торжество. Распоряжалась имъ цѣлая комиссія изъ чиновниковъ особыхъ порученій, подъ высшимъ наблюденіемъ губернскаго предводителя дворянства. Въ четыре часа пополудни прибылъ почтенный юбиляръ и подъ звуки военнаго марша, словно гонимый сквозь строй, вступилъ въ залу собранія въ сопровожденіи двухъ ассистентовъ. На особомъ столѣ была сервирована роскошнѣйшая закуска, но взволнованный помпадуръ почти не прикоснулся къ ней, а только оросилъ слезою великолѣпный страсбургскій паштетъ. За обѣдомъ подавали стерляжью уху и soupe à la reine (къ

Digitized by Google

нимъ: растегаи и семь или восемь сортовъ пирожковъ), затѣмъ: громаднѣйшій ростбифъ, salade de homards et de foie de lotte, épigramme de chevreuil, punch glacé, жареные фазаны и перепела, fonds d'artichauts à la lyonnaise и, въ заключеніе, три или четыре сорта пирожныхъ. Тосты предлагались въ безчисленномъ количествѣ, ибо не только начальники отдѣльныхъ частей, но даже совѣтники и ревизоры пожелали чѣмъ-нибудь порадовать отъѣзжающаго на прощаніе. Предсѣдатель суда сказалъ: «Никогда бы нашъ гласный, правый и скорый судъ не всталъ такой прочной ногою, если бъ вашество не удостоили его вашимъ истинно просвѣщеннымъ сочувствіемъ». Предсѣдатель земской управы сказалъ: «Никогда земство не привилось бы такъ счастливо въ нашемъ краю, если бъ вашество, съ первыхъ же шаговъ, не ободрили его вашимъ благосклоннымъ содѣйствіемъ!» Управляющій казенной палатой сказалъ: «Никогда выкупные платежи не поступали въ такомъ изобиліи!» Управляющій акцизными сборами сказалъ: «Никогда акцизъ съ вина, а равно и питейный сборъ съ мѣстъ оптовой и розничной распродажи питей всѣхъ наименованій не достигали такихъ размѣровъ!» Управляющій контрольной палатой сказалъ: «Никогда въ нашемъ краю законность не процвѣтала; вашество первый подали примѣръ благосклонной покорности законамъ, внеся 1 руб. 43 коп., начтенные на васъ контрольной палатой. Фактъ этотъ навсегда останется незабвеннымъ въ сердцахъ всѣхъ чиновъ ввѣренной мнѣ палаты, начиная съ меня и кончая сторожемъ!» Совѣтники и ревизоры, каждый порознь, сказали: «Позвольте, вашество, и намъ! Никогда законность не процвѣтала въ нашемъ краю! Никогда!» И такъ далѣе. Одни предводители не говорили рѣчей, а только кричали: «уррра!» Наконецъ, выступилъ и самъ юбиляръ съ отвѣтнымъ прощальнымъ тостомъ.

— Господа!—сказалъ онъ.—Я знаю, что я ничего не совершилъ! Но именно потому-то я и позволяю себѣ на про-

Digitized by Google

щаньи пожелать вамъ одного. Я отъ души желаю вамъ... я желаю... чтобъ и другой... чтобъ и тотъ, кто замѣнитъ вамъ меня (крики: «никто не замѣнитъ! никто!..»), чтобы и онъ тоже... ничего, подобно мнѣ, не совершилъ! Смѣю думать... да, я именно такъ позволяю себѣ думать... что это самое лучшее... что это самое пріятное пожеланіе, какъ я могу сдѣлать вамъ въ эту торжественную минуту.

— Урра!—стономъ застонала въ отвѣтъ вся зала.

Въ семь часомъ вечера помпадуръ, усталый и измученный, оставилъ насъ, чтобы заѣхать въ свою квартиру и переодѣться. Въ 9 мы собрались на станціи желѣзной дороги въ ожиданіи поѣзда. Въ 9½ помпадуръ наскоро перецѣловалъ насъ, выпилъ прощальный бокалъ и усѣлся въ вагонъ. Черезъ минуту паровозъ свиснулъ, и помпадуръ вмѣстѣ со всѣмъ поѣздомъ потонулъ во мракѣ!..

«Его ужъ нѣтъ!»—запѣлъ кто-то въ толпѣ, и этимъ простымъ восклицаніемъ сразу возвратилъ насъ къ дѣйствительности.

Дѣйствительность, которая предстояла впереди, для многихъ изъ насъ была болѣе нежели серьезна.

Какъ я объяснилъ выше, главную черту стараго помпадура составляла кроткая покорность закону и законности. Окруженный ореоломъ власти и пользуясь всѣми ѳиміамами, онъ не былъ, однакожъ, опьяненъ ими, но любилъ соединять величіе съ привѣтливостью и даже допускалъ, что самыя заблужденія людей не всегда должны имѣть непремѣннымъ послѣдствіемъ разстрѣляніе. Устраняясь лично отъ преній по предметамъ внутренней политики, онъ, тѣмъ не менѣе, не находилъ противнымъ человѣческому естеству, если кто-либо изъ его подчиненныхъ, въ приличныхъ формахъ, позволялъ себѣ оспаривать пользу и цѣлесообразность того или другого мѣропріятія. Онъ даже съ удовольствіемъ вслушивался, какъ люди разговариваютъ, какъ изъ устъ ихъ по временамъ вылетаютъ умныя слова и какъ по поводу какого-нибудь непонятнаго для него выраженія

Digitized by Google

вдругъ возникаетъ горячій, но скромный споръ Какъ будто онъ догадывался, что ни этотъ споръ, ни возбудившія его непонятныя слова не заключаютъ въ себѣ ничего угрожающаго общественному спокойствію, и что дѣло кончится, все-таки, тѣмъ, что оппоненты, поспоривъ другъ съ другомъ, возьмутся за шапки и разбредутся по домамъ.

Такое благодушное настроеніе помпадура сообщало нашему обществу, или, по крайней мѣрѣ, просвѣщенному его меньшинству, совершенно особенный, такъ сказать, скромно-либеральный характеръ. Мы составляли единую дружественную семью, которая днемъ насаждала древо гражданственности въ присутственныхъ мѣстахъ, а по вечерамъ собиралась въ томъ или другомъ домѣ, тоже для насажденія древа гражданственности. Коли хотите, эти собранія были немножко скучны, но зато вполнѣ благонадежны. Мы читали передовыя статьи «Старѣйшей Россійской Пѣнкоснимательницы» и удивлялись благонамѣренной ихъ дерзости. Затѣмъ мы обсуждали казусы, возникавшіе во время утреннихъ засѣданій въ присутственныхъ мѣстахъ, и общимъ совѣтомъ рѣшали вопросы объ истинныхъ свойствахъ ассигновки, подлежащей удовлетворенію, объ единокровіи и единоутробіи, о границахъ, далѣе которыхъ усышка не должна быть допускаема, о томъ, слѣдуетъ ли вынутіе изъ пробоя затычки признавать признакомъ взлома, и т. д. Въ заключеніе, мы предавались радости, что всѣ мы—такіе усердные, нелицепріятные, преданные интересамъ казны, и, закончивши свой день этимъ, такъ сказать, актомъ самооблюбованія, несуетливо расходились во-свояси.

Повторяю: каждый изъ насъ былъ искренно преданъ своему скромному, среднему дѣлу, и ежели въ этой преданности можно было отыскать что-нибудь предосудительное, то развѣ только то, что мы не шутя были убѣждены, что наше «дѣло» можетъ развиваться полегоньку, безъ трубныхъ звуковъ, безъ оглашеній, а тѣмъ болѣе безъ сквернословія. «Наше время—не время широкихъ задачъ!»—

Digitized by Google

восклицали мы, и съ непреоборимою серьезностью корпѣли надъ рапортами, вѣдомостями, рѣшеніями и предписаніями. Предсѣдатель суда, конечно, соболѣзновалъ, когда присяжные засѣдатели слишкомъ охотно оправдывали обвиняемыхъ, но въ то же время никогда не позволилъ бы себѣ утверждать, что институтъ присяжныхъ долженъ быть подвергнутъ за это посрамленію. Предсѣдатель казенной палаты всѣмъ сердцемъ желалъ, чтобы подати поступали въ казну бездоимочно, но былъ бы глубоко огорченъ, если бъ это поступленіе сопровождалось взломомъ головъ у плательщиковъ. Предсѣдатель земской управы страстно лелѣялъ въ душѣ своей идеалъ переложенія дорожной повинности изъ натуральной въ денежную, но первый отступилъ бы въ ужасѣ, если бъ ему сказали, что для достиженія этого необходимо ту или другую мѣстность объявить въ осадномъ положеніи. Управляющій акцизными сборами охотно принималъ участіе въ дѣлежѣ дивиденда, но при этомъ всегда уповалъ, что наступитъ время, когда количество дивиденда будетъ зависѣть не столько отъ увеличенія арміи пьяницъ, сколько отъ болѣе правильнаго распредѣленія напитка между желающими пользоваться имъ. И такъ далѣе. Но при всемъ либерализмѣ мы не только не отрицали необходимости помпадура, но даже прямо говорили, что безъ помпадура мы пропадемъ, какъ шведы подъ Полтавой. Въ безграничномъ нашемъ усердіи мы желали отъ помпадура только одного: чтобъ онъ не отвлекалъ насъ отъ рапортовъ, предписаній и вѣдомостей, чтобъ не истощалъ казны черезчуръ блестящими предпріятіями и простилъ бы, если бъ кто-нибудь изъ насъ, по разсѣянности, выказалъ *простую* теплоту чувствъ въ такую минуту, когда принято выказывать теплоту чувствъ *особенную*.

Такимъ образомъ мы жили и, надо сказать правду, не видя ни откуда притѣсненій, даже возгордились. Стали въ глаза говорить другъ другу комплименты, называть другъ друга «гражданами», увѣрять, что другой такой губерніи

Digitized by Google

днемъ съ огнемъ поискать, устраивать по подпискѣ обѣды въ честь чьего-нибудь пятилѣтія или десятилѣтія, а иногда и просто въ ознаменованіе безпримѣрнаго дотолѣ увеличенія дохода съ питей или бездоимочнаго поступленія выкупныхъ платежей.

Понятно поэтому, какое горькое впечатлѣніе произвело на насъ косвенное извѣстіе о какомъ-то «вѣяніи времени», которое должно было немедленно насъ сократить.

Многіе изъ насъ думали: какъ, однакожъ, постыдно, какъ глубоко оскорбительно положеніе человѣка, который постоянно долженъ задавать себѣ вопросъ: за что?—и не находить другого отвѣта, кромѣ: будь готовъ! Я, напримѣръ, сижу за столомъ и весь углубленъ въ провѣрку вѣдомостей. Никакой вины за собой я не чувствую. Цифры шеренгами и столбцами мелькаютъ въ моихъ глазахъ; мнѣ тошно отъ нихъ, я радъ бы бѣжать, куда глаза глядятъ, чтобъ только не видѣть ихъ; однако я преодолѣваю свою тошноту и цѣлымъ рядомъ героическихъ насилій надъ собою достигаю, наконецъ, итога, не только понятнаго для меня самого, но такого, который—я положительно въ томъ увѣренъ—пойметъ и мое начальство. И вдругъ, въ самомъ разгарѣ торжества моего усердія, мнѣ приходятъ сказать: «Ты преступенъ! Ты преступенъ потому, что когда-то, въ какомъ-то мѣстѣ, не выказалъ *достаточной* теплоты чувствъ!»—Помилуйте,—говорю я:—я вотъ этими вѣдомостями, я числомъ входящихъ и исходящихъ нумеровъ—вотъ чѣмъ доказываю я теплоту своихъ чувствъ!—«Вздоръ!—отвѣчаютъ мнѣ:—наплевать намъ на твои вѣдомости! Пусть будутъ всѣ итоги перевраны, пусть будутъ исходящія бумаги исполнены безсмыслицы—подавай намъ не *эту*, а настоящую теплоту чувствъ!»—Позвольте, однако! стало-быть, у васъ есть термометръ, съ помощью котораго вы...—«Ба! ты еще остришь! Живо! Faites vos bagages, messieurs! faites vos bagages! Фюить!»

И вотъ я, преданнѣйшій изъ либераловъ, я, который всю жизнь мечталъ: какъ бы славно, если бъ крестьянинъ вно-

Digitized by Google

силъ выкупные платежи полностью, и при томъ не по принужденію, а съ сладкимъ сознаніемъ выполненнаго долга,— я долженъ, не оглядываясь, бѣжать «отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ», бѣжать безъ прогоновъ, съ опасной кличкой человѣка, не выказавшаго *достаточной* теплоты чувствъ!

За что?!

Поймите меня. Если я желалъ, чтобъ выкупные платежи вносили бездоимочно, то вѣдь я желалъ этого не для себя, не для пріобрѣтенія себѣ эфемерной популярности, а для того, что сердце мое обливалось кровью при одной мысли, что государственное казначейство можетъ быть поставлено въ затрудненіе. Какой еще нужно теплоты чувствъ? А если я, сверхъ того, желалъ, чтобъ эти взносы дѣлались не по принужденію, то, опять-таки, не затѣмъ, чтобъ дать поблажку непросвѣщенной и грубой черни, а затѣмъ, что если однажды, въ видахъ скорѣйшаго полученія денегъ, проломить плательщику голову, то онъ умретъ, и въ другой разъ казнѣ уже не съ кого будетъ взыскивать. Ужели и это не теплота чувствъ?!

Теплота чувствъ! О, вы, которые такъ много говорите о ней, объясните, по крайней мѣрѣ, въ чемъ должны заключаться ея признаки? Но,—увы!—никто даже не даетъ себѣ труда отвѣтить на этотъ вопросъ. Напротивъ того, вопросъ мой возбуждаетъ негодованіе, почти ужасъ. Какъ! ты даже этого, врожденнаго всякому человѣку, понятія не имѣешь! ты *этого* не понимаешь! *Этого!* Брысь!

Въ тоскѣ, я обращаюсь къ моему сердцу. Сердце-вѣщунъ!—говорю я:—ты, которое, десятки лѣтъ состоя на казенной службѣ, должно знать всѣ формы и степени казенной теплоты! Повѣдай мнѣ, въ чемъ прегрѣшаю я противъ нихъ?

И вотъ сердце отвѣчаетъ мнѣ: тогда-то, спѣша по улицѣ въ присутствіе, ты забылъ сдѣлать подъ козырекъ! тогда-то, гуляя въ публичномъ саду, ты разсуждалъ съ управляющимъ контрольной палаты на тему о безполезности писать

Digitized by Google

законы, коль скоро ихъ не исполнять, между тѣмъ какъ, *по-настоящему*, ты долженъ былъ стоять въ это время смирно и распѣвать: «громъ побѣды раздавайся!»

О, ужасъ! я припоминаю! Да... это такъ... это дѣйствительно было! Дѣйствительно, я и подъ козырекъ не сдѣлалъ, и не распѣвалъ... Но почему же, о, сердце, ты не предупредило меня?! Ты, которое знаешь, какъ охотно я дѣлаю подъ козырекъ и съ какимъ увлеченіемъ я всегда и на всякомъ мѣстѣ готовъ повторить:

О, россъ! о, родъ непобѣдимый!
О, твердокаменная грудь!

Положимъ, однакожъ, что я преступенъ; но развѣ нѣтъ для меня смягчающихъ вину обстоятельствъ? Та поспѣшность, съ которою я устремился въ присутствіе и которая была причиной, что я не сдѣлалъ подъ козырекъ—развѣ это не ѳиміамъ въ своемъ родѣ? Тотъ восторженный разговоръ, который я велъ о необходимости покоряться законамъ даже въ томъ случаѣ, если мы признаемъ, что законъ для насъ не писанъ—развѣ это не перифраза того же самаго «громъ побѣды раздавайся», за нераспѣваніе котораго я такъ незаслуженно оскорбленъ названіемъ преступника?

Но никто не внимаетъ мнѣ; никто не хочетъ признать за мной даже смягчающихъ обстоятельствъ! Faites vos bagages, messieurs! faites vos bagages!

Въ ожиданіи такихъ перспективъ очень естественно, что мы и не замѣтили, какъ простылъ слѣдъ нашего добраго стараго помпадура. Намъ было не до того. Не неблагодарность руководила нами, а простое чувство самосохраненія. Въ тоскливой суетѣ сообщали мы другъ другу различныя предчувствія и предположенія; но всѣ эти предчувствія блѣднѣли и меркли передъ однимъ капитальнымъ и, такъ сказать, немеркнущимъ вопросомъ:

Кто... ОНЪ?

Digitized by Google

Кто онъ? Кто тотъ благовѣстникъ самоновѣйшаго духа времени, которому суждено и на насъ распространить его вѣянія, или, лучше сказать, вывести насъ въ нѣкоторое пустынное и ни откуда не защищенное мѣсто, гдѣ всевозможные вихри будутъ нещадно трепать насъ и сзади, и спереди, и съ боковъ?

Въ чемъ состоятъ «вѣянія» времени?

Que les méchans tremblent! que les bons se rassurent! Все это прекрасно, но кто же тѣ «злые», которые обязываются трепетать? кто тѣ «добрые», которые могутъ съ довѣріемъ взирать въ глаза прекрасному будущему?

Надо сказать правду, что, предложивъ себѣ эти вопросы, мы отвѣтили на нихъ довольно рутиннымъ образомъ. По прежнимъ примѣрамъ, а можетъ-быть и не по примѣрамъ, а просто на основаніи давно упраздненныхъ афоризмовъ административной азбуки, мы думали, что подъ «злыми» слѣдуетъ разумѣть, во-первыхъ, взяточниковъ, во-вторыхъ, такъ-называемыхъ дантистовъ и, въ-третьихъ, всякаго рода шалопаевъ и «шлющихся людей». Нѣкоторые изъ насъ (либералы, но уже съ значительнымъ консервативнымъ оттѣнкомъ) прибавляли къ этимъ тремъ категоріямъ еще четвертую, подъ наименованіемъ «людей политически-неблагонадежныхъ». Но, во всякомъ случаѣ, такъ какъ мы ни къ одной изъ этихъ категорій (даже къ четвертой) себя не причисляли, то многіе чуть-было тутъ же не начали взирать съ довѣріемъ въ глаза прекрасному будущему. Однакожъ, болѣе пристальное разсмотрѣніе дѣла дало намъ почувствовать, что тутъ есть ошибка, и при томъ довольно грубая.

Начать хоть со взяточниковъ — могутъ ли быть они названы «злыми» въ новѣйшемъ значеніи этого слова?

Извѣстно, что въ концѣ пятидесятыхъ годовъ воздвигнуто было на взяточниковъ очень сильное гоненіе. Съ понятіемъ о «взяточничествѣ» сопрягалось тогда представленіе о какой-то язвѣ, которая якобы разъѣдаетъ русское

Digitized by Google

чиновничество и служитъ немалой помѣхой въ дѣлѣ народнаго преуспѣянія. Казалось, что ежели уничтожить взятку и населить міръ неумытными становыми приставами, то вдругъ потекутъ рѣки млека и меда, а къ нимъ на придачу водворится и правда. Такъ понимало «взятку» тогдашнее общество; такъ объясняли это слово и составители толковыхъ словарей. Но съ тѣхъ поръ понятія наши значительно расширились, и мы не только не указываемъ на взяточничество какъ на язву, но даже не интересуемся знать, прекратилось оно или существуетъ. Утративши прежнія наглыя формы, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, утратило и права́ на наше вниманіе. Прежнія страстныя преслѣдованія этого гнуснаго порока утихли или, лучше сказать, замѣнились иными преслѣдованіями иныхъ пороковъ... пороковъ, порожденныхъ новыми вѣяніями времени. Словомъ сказать, вопросъ о взяточничествѣ, нѣкогда столь славный, является въ настоящее время до такой степени забытымъ, что самое напоминаніе о немъ кажется ребяческою назойливостью.

Такъ бываетъ всегда, когда общественное развитіе идетъ слишкомъ быстро и когда общество, въ своемъ нетерпѣніи, отъ копеечной взятки прямо переходитъ къ тысячной, десятитысячной и т. д. Филологи, не успѣвая слѣдить за измѣненіями, которыя вноситъ жизнь въ извѣстныя выраженія, впадаютъ въ невольныя ошибки и продолжаютъ звать «взяткой» то, чему уже слѣдуетъ, по всей справедливости, присвоить наименованіе «куша». Отсюда — путаница понятій. Содержаніе «взятки» измѣнилось, границы ея получили совсѣмъ другія очертанія; притягательныя ея силы пріобрѣли особливый полётъ и изумительнѣйшее, дотолѣ неслыханное развитіе, а составители толковыхъ словарей упорствуютъ утверждать, что «взятка» есть то самое, что̀ въ древности собиралъ становой приставъ въ формѣ куръ и яицъ и лишь по временамъ находилъ, въ видѣ полуимперіала, во внутренностяхъ какого-нибудь вонючаго рас-

Digitized by Google

потрошеннаго трупа. Къ счастью, однакожъ, жизнь не вѣритъ этимъ объясненіямъ и утверждаетъ прямо, что «взятка» окончательно умерла и на ея мѣсто народился «кушъ».

Но понятно, что «кушъ» уже совсѣмъ другого рода дѣло, и что для разъясненія, въ какой мѣрѣ этотъ новый экономическій дѣятель препятствуетъ или способствуетъ народному преуспѣянію, потребно не мало времени. До сихъ поръ, и то лишь на этихъ дняхъ, только прусскій депутатъ Ласкеръ возбудилъ объ этомъ вопросъ, неосторожно назвавъ «взяткою» двадцатитысячный «кушъ», полученный нѣкіимъ тайнымъ совѣтникомъ за содѣйствіе при выдачѣ желѣзнодорожной концессіи. Разумѣется, газетчики обрадовались этому обличенію и увидѣли въ немъ фактъ, свидѣтельствующій о прусской испорченности. Но вотъ выискивается австрійскій журналистъ, который по поводу этого же самаго происшествія совершенно наивно восклицаетъ: «О! если бы намъ, австрійцамъ, Богъ послалъ такую же испорченность, какая существуетъ въ Пруссіи, какъ были бы мы счастливы!» Какъ хотите, а это восклицаніе проливаетъ на дѣло совершенно новый свѣтъ, ибо кто же можетъ поручиться, что вслѣдъ за австрійскимъ журналистомъ не выищется журналистъ турецкій, который пожелаетъ для себя австрійской испорченности, а потомъ нубійскій или кокандскій журналистъ, который будетъ сгорать завистью уже по поводу испорченности турецкой? Очевидно, что разногласія этого не могло бы существовать, если бъ строгимъ опредѣленіемъ понятія о «кушѣ» была сразу устранена возможность заслонить одну громадную мерзость посредствомъ другой, еще болѣе громадной. Но вотъ этого-то именно и нѣтъ. А покуда не будетъ достигнуто это устраненіе, много пройдетъ времени въ спорахъ, какая степень испорченности желательна, какая терпима и какая, наконецъ, и нежелательна, и нетерпима.

До тѣхъ поръ мы будемъ имѣть основаніе сказать только

Digitized by Google

одно: да, если взятка еще не умерла, то она существуетъ въ такой облагороженной формѣ, что лучше всего дѣлать видъ, что не примѣчаешь ее. Но, кромѣ того, имѣются и высшія соображенія, которыя не дозволяютъ считать взяточниковъ въ числѣ «злыхъ»: Новѣйшія вѣянія времени учатъ все болѣе цѣнить въ человѣкѣ не геройство и способность претерпѣвать лишенія, сопряженныя съ ограниченнымъ казеннымъ содержаніемъ, а покладистость, уживчивость и готовность. Но что̀ же можетъ быть покладистѣе, уживчивѣе и готовнѣе хорошаго, добраго взяточника? Ради возможности стянуть лишнюю копеечку, онъ готовъ ужиться съ какою угодно внутренней политикой, увѣровать въ какого угодно бога. Сегодня, напяливъ мундиръ, онъ отправляется въ соборъ поклониться Богу истинному, а завтра— только прикажите!—въ томъ же мундирѣ выйдетъ на лобное мѣсто и будетъ кричать: «распни! распни Его!»

Ясно, что̀ «новѣйшія вѣянія времени» къ нимъ относиться не должны...

Другая категорія людей, которая, на основаніи азбучныхъ опредѣленій, заслуживала бы наименованія «злыхъ», состоитъ изъ тѣхъ нервно-разстроенныхъ людей, которые въ оглушеніяхъ и заушеніяхъ ищутъ успокоенія для своей разстроенности. Должны ли они трепетать? Нѣкоторые изъ насъ отвѣчали на этотъ вопросъ утвердительно; другіе говорили прямо: нѣтъ, не должны. Но аргументы первыхъ до того страдали риторическою амплификаціей, что невольно напоминали знаменитое и, какъ извѣстно, окончившееся полнѣйшимъ фіаско выраженіе: «въ наше время, когда»... Напротивъ того, аргументы вторыхъ такъ плотно стояли на реальной почвѣ, что своею осязаемостью поражали слушателя въ самое сердце. «Помилуйте! — говорили послѣдніе:—что̀ же такое оглушенія и заушенія, какъ не самое яркое выраженіе новѣйшихъ вѣяній времени, какъ не роскошный плодъ, въ которомъ они находятъ свое осуществленіе?»

Digitized by Google

И точно, знаменитѣйшіе изъ нашихъ оглушителей:—маіоръ Зуботычкинъ и капитанъ Рылобейщиковъ, присутствуя при нашихъ спорахъ, здоровымъ и цвѣтущимъ своимъ видомъ выражали не только отсутствіе всякихъ опасеній, но и полнѣйшее довѣріе къ будущему. И при этомъ оба такъ простодушно удостовѣряли: «какъ хотите, а съ простымъ народомъ безъ того нельзя-съ», что даже несомнѣнные противники системы оглушенія—и тѣ становились втупикъ: слѣдуетъ ли ставить въ вину такіе подвиги, которые служатъ лишь выраженіемъ самыхъ завѣтныхъ и искреннихъ убѣжденій? Что̀ могъ почувствовать при видѣ ихъ помпадуръ, который самъ являлся вѣстникомъ «вѣяній времени»? Ка̀къ могъ онъ поступить относительно ихъ? Очевидно, онъ долженъ былъ призвать къ себѣ Зуботычина и Рылобейщикова и сказать имъ: «вы—избранники моего сердца! идите, сѣйте зубы, сокрушайте челюсти и превращайте вселенную въ пустыню! Я съ удовольствіемъ буду слѣдить за вашими успѣхами!»

Ясно, стало-быть, что и «дантисты» стоятъ внѣ того круга, которому угрожаетъ опасность...

Третья категорія «злыхъ» — шалопаи и разнаго рода «шлющіеся» люди. Но относительно ихъ современныя воззрѣнія до того уже выяснились, что мы сами тотчасъ же поняли неумѣстность этой категоріи. Когда Петръ Великій билъ «шлющихся людей» палкой и приказывалъ брить имъ лбы и записывать на службу—это было понятно. Для преобразованія Россіи нужно было, чтобъ шалопаи были на глазахъ, чтобъ они не гадили втихомолку, а дѣлали это, буде хватитъ смѣлости, въ виду всей публики. Но впослѣдствіи мы пріобрѣли такъ много всякаго рода свободъ, что между ними совершенно незамѣтно проскользнула и свобода шалопайствовать. Шалопаи проникли всюду, появились на всѣхъ ступеняхъ общества и постепенно образовали такое компактное ядро, что, за неимѣніемъ другого, болѣе доброкачественнаго, многіе усомнились, не тутъ ли

Digitized by Google

именно и находится та несокрушимая крѣпость, изъ которой новыя вѣянія времени могутъ производить смѣлѣйшіе набѣги свои. Въ какой степени основательно или неосновательно такое предположеніе — это предстоитъ разрѣшить времени: но до тѣхъ поръ, пока разрѣшенія не послѣдовало, ясно, что «шлющіеся люди», равно какъ взяточники и дантисты, должны стоять внѣ всякихъ угрозъ.

Оставалась, стало-быть, четвертая и послѣдняя категорія «злыхъ», категорія людей «политически-неблагонадежныхъ». Но едва мы приступили къ опредѣленію признаковъ этой категоріи, какъ съ нами вдругъ, ни съ того, ни съ сего, приключился ознобъ. Ознобъ этотъ еще болѣе усилился, когда мы встрѣтились съ прикованными къ намъ взорами нашихъ консерваторовъ. Эти взоры дышали злорадствомъ и ироніей и сопровождались улыбками самаго загадочнаго свойства...

Боже! ужели же мы, всегда считавшіе себя «добрыми», мы, носители идеаловъ о начетахъ не свыше 1 р. 43 к., мы, преданное среднему дѣлу меньшинство, мы, «граждане»—ужели именно мы-то и обязываемся «трепетать»?!

Да! Это жестоко, но это такъ! Это можно было угадать уже по тому конфузу, который овладѣлъ самими нами, какъ только произнесены были слова: политическая неблагонадежность. Скажу по секрету: мы уже давно очень хорошо поняли, что рѣчь пойдетъ не о комъ другомъ, а именно о насъ, и лишь по малодушію скрывали это не только отъ другихъ, но и отъ самихъ себя. Все какъ-то думалось, не совершится ли чудо, не сознаются ли консерваторы, что къ нимъ всего больше подходитъ та кличка политически-неблагонадежныхъ людей, которую такъ удачно создало вѣяніе времени? Не снимутъ ли они на себя тяготѣющій на насъ оговоръ? Но консерваторы не сознавались, а потому пришлось сознаваться намъ самимъ.

Какимъ образомъ случилось, что мы хоть косвенно, но сами признавали себя въ числѣ тѣхъ, противъ которыхъ

Digitized by Google

вѣяніе времени должно было прежде всего направить свои стрѣлы—объяснить это довольно легко. Въ послѣднее время нашъ клубъ былъ ареною такихъ безпрерывныхъ и раздражительныхъ междоусобій, что мы, носители идеала о начетахъ не свыше 1 руб. 43 коп., лишь благодаря благосклонному содѣйствію стараго помпадура, одерживали въ нихъ слабый верхъ. Но даже и при существованіи этого могущественнаго прикрытія мы никогда не могли предотвратить, чтобы наши политическіе противники не напоминали намъ, съ едва скрываемою дерзостью, кто мы и изъ какихъ мы принциповъ выходимъ. Повторяю: принципы эти были очень просты и заключались въ томъ, чтобы взятокъ не брать, къ рылобитію не прибѣгать и съ самоотверженіемъ корпѣть надъ рапортами и вѣдомостями. Но консерваторамъ и это казалось ужаснымъ. Что̀ бы мы ни предпринимали, какое бы сужденіе ни высказывали, мы совершенно явственно слышали, какъ тутъ же, о̀-бокъ съ нами, раздавался ехиднѣйшій шопотъ, который произносилъ: «красные!» Это восклицаніе преслѣдовало насъ всюду: въ клубѣ, на улицѣ, въ присутственномъ мѣстѣ. Да, и въ присутственномъ мѣстѣ, потому что даже просьбы на гербовой бумагѣ, которыя приходилось намъ разбирать,—и тѣ были насквозь пропитаны ядомъ этого выраженія. Вотъ почему это слово не было для насъ новостью и вотъ почему, какъ только оно было произнесено, мы тотчасъ же поняли, что «красные»—это мы. Прежде мы могли относиться къ этой кличкѣ равнодушно и даже шутливо; но теперь, когда мы сознавали себя предоставленными лишь собственнымъ силамъ, она предстала передъ нами во всей наготѣ. Могли ли мы примѣнить ее къ кому бы то ни было, кромѣ самихъ себя? Могли ли мы утверждать, что намъ и на умъ никогда не приходило называть себя «красными», а тѣмъ менѣе быть оными? Увы! улики были на-лицо, улики страшныя, подавляющія! Такія улики, что начетъ въ 1 руб. 43 коп. сразу выступилъ въ видѣ холодныхъ капель пота

Digitized by Google

на лбу у управляющаго контрольной палатой, какъ только онъ вспомнилъ о немъ!

Это была неправда, это была вопіющая клевета. Но, тѣмъ не менѣе, какъ ни обдумывали мы свое положеніе, никакого другого выхода не находили, кромѣ одного: да, мы, именно мы одни обязываемся «трепетать»! Мы—«злые», лишь по недоразумѣнію восхитившіе наименованіе «добрыхъ». Мы — волки въ овечьей шкурѣ. Мы—«красные». На насъ прежде всего должно обрушиться вѣяніе времени, а затѣмъ, быть-можетъ, задѣть на ходу и другихъ.

Уныніе овладѣло нами. Одни изъ насъ дребезжащимъ голосомъ разучивали «Громъ побѣды раздавайся!» Другіе выстаивали по цѣлымъ часамъ, дѣлая рукою подъ козырекъ. Нѣкоторые замышляли измѣну дорогимъ убѣжденіямъ...

Но всѣ средства оказались непрактичными и нецѣлесообразными. Не то слѣдуетъ доказать, умѣешь ли ты дѣлать подъ козырекъ, а то, возведено ли въ тебѣ это дѣланіе на степень врожденной идеи. Не о томъ рѣчь, твердо ли ты заучилъ романсъ «Громъ побѣды раздавайся», а о томъ, составляетъ ли онъ операціонный базисъ твоихъ мыслей и дѣйствій. Измѣна же хотя и казалась наиболѣе практическимъ выходомъ, но вѣдь и ее прежде надобно доказать или, по малой мѣрѣ, доложить о ней, а это тоже почти невозможно, потому что «вѣянія времени» обращаютъ человѣка въ пепелъ, прежде нежели онъ успѣетъ разинуть ротъ...

Однимъ словомъ, оставалось только ждать.

Въ этомъ ожиданіи прошло нѣсколько томительныхъ недѣль, въ продолженіе которыхъ только одинъ вопросъ представлялся намъ съ полною ясностью:

За что?

Мы ничего не имѣли въ мысляхъ, кромѣ интересовъ казны; мы ничего не желали, кромѣ благополучнаго разрѣшенія благихъ начинаній; мы трудились, усердствовали,

Digitized by Google

лѣзли изъ кожи и въ свободное отъ усердія время мечтали: о, если бы и волки были сыты, и овцы цѣлы!.. Словомъ сказать, мы день и ночь хлопотали о насажденіи древа гражданственности. И вотъ теперь намъ говорятъ: «вы должны претерпѣть!»

За что?!

Да пересмотрите же наши вѣдомости! Загляните въ наши предписанія, донесенія, журнальныя постановленія! Сличите, какой сумбуръ царствовалъ до насъ и какъ рѣшительно двинули мы впередъ многосложное и трудное дѣло сличенія вѣдомостей, поправки кассовыхъ журналовъ, бухгалтерскихъ книгъ, и проч., и проч.

Отвѣтъ: быть-можетъ, это все такъ, но вы *должны* претерпѣть.

Примите, по крайней мѣрѣ, во вниманіе, что ежели мы и провинились, то безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, по разсѣянности, недоразумѣнію, неопытности, глупости и т. д.

Вы должны претерпѣть!

За что?!

Наконецъ, ОНЪ пріѣхалъ...

По внѣшнему виду въ немъ не было ничего ужаснаго, но внутри его скрывалась молнія.

Какъ только онъ почуялъ, что передъ нимъ стоятъ люди, которые хотя и затаили дыханіе, но все-таки дышутъ,— такъ тотчасъ же вознегодовалъ.

Но онъ былъ логичепъ. Онъ не вошелъ даже въ разбирательство, кто передъ нимъ: консерваторы или либералы.

И вотъ онъ раскрылъ ротъ. Едва онъ сдѣлалъ это, какъ молнія, въ немъ скрывавшаяся, мгновенно вылетѣла и, не тронувъ насъ, прямо зажгла древо гражданственности, которое было насаждено въ душахъ нашихъ...

Случайность эта спасла насъ. При кликахъ всеобщей

Digitized by Google

суматохи онъ далъ каждому изъ насъ по нѣскольку щипковъ и затѣмъ всецѣло предался внутреннему ликованію.

Но по мѣрѣ того, какъ онъ щипалъ насъ, мы чувствовали, какъ догораетъ наше милое, дорогое древо гражданственности.

— О, древо! — уныло восклицали мы: — съ какими усиліями мы возрастили тебя и, возрастивъ, съ какимъ торжествомъ публиковали о томъ всему міру! И что жъ! пришелъ нѣкто—и въ одну минуту испепелилъ всѣ наши насажденія!

Мы уцѣлѣли — но ужъ безъ древа гражданственности. Мы не собираемся вокругъ него и не щебечемъ. Мы не знаемъ даже, надолго ли «онъ» оставилъ намъ жизнь... Но, соображаясь съ вѣяніями времени, твердо уповаемъ, что жизнь возможна для насъ лишь подъ однимъ условіемъ: подъ условіемъ, что мы обязываемся ежемгновенно и неукоснительно трепетать.

IX. — Помпадуръ борьбы

или

ПРОКАЗЫ БУДУЩАГО.

Я съ дѣтскихъ лѣтъ знаю Ѳеденьку Кротикова. Въ школѣ это былъ отличный товарищъ, готовый и въ форточку покурить, и прокатиться въ воскресенье на лихачѣ, и кутнуть гдѣ-нибудь въ заднихъ комнатахъ ресторанчика. По выходѣ изъ школы, продолжая оставаться отличнымъ товарищемъ, онъ въ какихъ-нибудь три-четыре года напилъ и наѣлъ у Дюссо на десять тысячъ рублей и задолжалъ нѣсколько тысячъ за ложу на Минерашкахъ, изъ которой имѣлъ удовольствіе аплодировать m-lle Blanche Gandon. Это заставило его взглянуть на свое положеніе серьезнѣе. Роль добраго товарища обходилась слишкомъ дорого; надо было остепениться и избрать себѣ карьеру. И вотъ, не

Digitized by Google

прошло четырехъ лѣтъ—слышимъ, что онъ прямо изъ-подъ ферулы Дюссо вдругъ выказалъ необыкновенный административный блескъ. Еще немного—и Ѳеденька былъ уже помпадуромъ въ городѣ Навозномъ...

Какимъ образомъ все это случилось—никто не могъ дать себѣ отчета. Всѣ видѣли, что Ѳеденька сидитъ у Дюссо, но никто не подозрѣвалъ, что онъ сидитъ не спроста, а изучаетъ духъ времени. У Дюссо же, кстати, собираются наѣзжіе помпадуры и за бутылкой добраго вина развиваютъ виды и предположенія, какіе кому Богъ на душу пошлетъ, а слѣдовательно для молодыхъ кандидатовъ въ администраторы лучшей школы не можетъ быть. И Ѳеденька воспользовался ею вполнѣ, то-есть прислушивался и смекалъ. И вотъ, когда онъ понялъ, что для современнаго администратора ничего больше не требуется, кромѣ свободныхъ манеръ, то тотчасъ же сообразилъ, что и онъ въ этомъ отношеніи не лыкомъ шитъ. Проникнувъ въ извѣстныя сферы, изъ которыхъ, какъ изъ нѣкоего водохранилища, изливается на Россію многоводная рѣка помпадурства, Ѳеденька, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, сболтнулъ хлёсткую фразу, въ родѣ того, что Россію губитъ излишняя централизація; что необходимо децентрализовать, то-есть эмансипировать помпадуровъ, усиливъ ихъ власть; что высшая администрація слишкомъ погружена въ подробности и мелочи; что мелочи отвлекаютъ ее отъ главныхъ задачъ, то-есть отъ внутренней политики, и т. д. Однимъ словомъ, высказалъ все, что̀ говорится у Дюссо за стаканомъ добраго вина наѣзжими и жаждущими эмансипироваться помпадурами. Сболтнулъ—и понравился; понравился — и былъ признанъ способнымъ уловлять вселенную...

Я первый порадовался возвышенію Ѳеденьки. Во-первыхъ, я зналъ, что у него доброе сердце, а, по моему мнѣнію, въ помпадурѣ это главное. Если помпадуръ настолько простодушенъ, что ничѣмъ другимъ, кромѣ внутренней по-

Digitized by Google

литики, заниматься не можетъ, и если при этомъ онъ еще золъ, то очевидно, что онъ не сумѣетъ дать другого употребленія своему досугу, кромѣ угнетенія обывателя. Злая праздность подозрительна и ревнива. Лишенная знанія и тѣхъ ограниченій, которыя она приноситъ съ собой, она замѣняетъ его простымъ нахальствомъ, и потому всюду вмѣшивается, во всемъ сознаетъ себя компетентною, всѣмъ мѣшаетъ, вездѣ видитъ посягательство, покушеніе, оскорбленіе. Она съ утра до вечера хлопаетъ глазами и все ищетъ, какъ бы кого истребить, скрутить, согнуть въ бараній рогъ. Клянусь, ничего тутъ хорошаго нѣтъ. Напротивъ того, праздность невѣжественная, но соединенная съ добродушіемъ, не только не вредитъ, но даже представляетъ нѣкоторыя выгоды. Добрый помпадуръ застѣнчивъ; онъ никому не мѣшаетъ и даже избѣгаетъ лишнихъ объясненій, потому что боится сболтнуть что-нибудь несообразное и выказать несостоятельность. Сознавая себя осужденнымъ исключительно на внутреннюю политику, онъ все значеніе послѣдней полагаетъ въ томъ, чтобы не препятствовать другимъ. Онъ посѣщаетъ клубъ—и всѣхъ призываетъ къ согласію. Онъ ѣздитъ на пироги, обѣды и ужины — и всѣмъ желаетъ благополучія. Хороши добрые невѣжественные помпадуры! При нихъ обыватель съ довѣріемъ смотритъ въ глаза завтрашнему дню, зная, что онъ встрѣтитъ его въ своей постели, а не на съѣзжей, и что никто не перевернетъ вверхъ дномъ его существованія по обвиненію въ недостаточной теплотѣ чувствъ. И вотъ этого именно, этой незлобивой невѣжественности, соединенной съ доброжелательнымъ отношеніемъ къ обывателю, ждалъ я и отъ Ѳеденьки.

Во-вторыхъ, мнѣ было извѣстно, что Ѳеденька имѣетъ и другое драгоцѣнное качество: — что онъ либералъ. Это было время либерализма почти повальнаго, то время, когда вдругъ всѣмъ сдѣлалось тошно и душно. Ѳеденька отлично выразилъ это чувство въ особенной докладной запискѣ,

Digitized by Google

представленной имъ по этому случаю. «Воспрещеніе курить на улицахъ,—писалъ онъ въ этой запискѣ,—ограниченія относительно покроя одежды, въ особенности же истинно-деоклитіановскія гоненія противу лицъ, носящихъ бороды и длинные волосы, — все это, вмѣстѣ взятое, не могло не оказать пагубнаго воздѣйствія на общественную самодѣятельность. Чувствуя себя на каждомъ шагу подъ угрозой мѣропріятій, бо̀льшею частью направленныхъ противу невиннѣйшихъ поползновеній человѣческаго естества, общество утратило вѣру въ свои творческія силы и поникло подъ игомъ постыднаго равнодушія къ собственнымъ интересамъ. Посему и въ видахъ поднятія народнаго духа, я полагалъ бы необходимымъ всенародно объявить: 1) что занятіе куреніемъ табака свободно вездѣ, за нижеслѣдующими исключеніями (слѣдовалъ 81 п. исключеній); 2) что выборъ покроя одежды предоставляется личному усмотрѣнію каждаго, съ таковымъ, однакожъ, изъятіемъ, что появленіе на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ въ обнаженномъ видѣ, попрежнему, остается недозволительнымъ, и 3) что преслѣдованіе за ношеніе бороды и длинныхъ волосъ прекращается, а всѣ начатыя по сему предмету дѣла предаются забвенію, за исключеніемъ лишь нижеслѣдующихъ случаевъ (поименовано 33 исключенія)». Какъ хотите, а человѣкъ, начинавшій свой административный бѣгъ съ такими смѣлыми задатками, не могъ не заслуживать нѣкотораго довѣрія. При томъ же, излагая столь ясно свои либеральныя убѣжденія, онъ вѣдь и рисковалъ. Онъ ставилъ на карту все свое административное будущее, ибо ежели смѣлость его могла понравиться, то она же могла и не понравиться и, слѣдовательно, надѣлать ему хлопотъ. Мало того, онъ могъ прослыть опаснымъ мечтателемъ. Къ счастію, онъ попалъ въ такую минуту, когда смѣлыя начинанія нравились...

Какъ бы то ни было, но Ѳеденька достигъ предмета своихъ вожделѣній. Напутствуемый всевозможными поже-

Digitized by Google

ланіями, онъ отправился въ Навозный край, я же остался у Дюссо. Съ тѣхъ поръ мы видѣлись рѣдко, урывками, во время наѣздовъ его въ Петербургъ. И я съ сожалѣніемъ долженъ сознаться, что мои надежды на его добросердечіе и либерализмъ очень скоро разрушились.

Первое время административныхъ подвиговъ Ѳеденьки было лучшимъ его временемъ. Это было время либерализма безусловнаго, которому не только не служило помѣхой отсутствіе мудрости, но, напротивъ того, сообщало какой-то ликующій характеръ. Ѳеденька рвался впередъ, нимало не думая о томъ, какія послѣдствія будетъ имѣть его рвеніе. Онъ писалъ циркуляры о необходимости заведенія фабрикъ, о возможности, при добромъ желаніи, населить и оплодотворить пустыни, о пользѣ развитія путей сообщенія, промысловъ, судоходства, торговли, и изъявилъ надежду, что земледѣліе, споспѣшествуемое, съ одной стороны, садоводствомъ, а съ другой — разведеніемъ улучшенныхъ породъ скота, принесетъ желаемые плоды и, такимъ образомъ, оправдаетъ возлагаемыя на него надежды. Онъ призывалъ къ себѣ для совѣщанія купцовъ и доказывалъ имъ неотложность учрежденія кожевенныхъ и мыловаренныхъ заводовъ, причемъ говорилъ: «прошу васъ, господа, а въ случаѣ надобности, даже требую». Онъ приглашалъ дворянъ и говорилъ, что дворянское сословіе всегда было опорою, а потому и теперь должно первое подать примѣръ. Въ ожиданіи же результатовъ этой судорожной дѣятельности, онъ дѣлалъ внезапныя вылазки на пожарный дворъ, осматривалъ лавки, въ которыхъ продавались съѣстные припасы, требовалъ исправнаго содержанія мостовыхъ, пробовалъ похлебку, изготовленную въ тюремномъ замкѣ для арестантовъ, прекращалъ чуму, холеру, оспу и сибирскую язву, собиралъ деньги на учрежденіе дѣтскаго пріюта, городского театра и публичной библіотеки, предупреждалъ и пресѣкалъ бунты и въ особенности выказывалъ страстные порывы при взысканіи недоимокъ.

Digitized by Google

Но,—увы!—изъ всѣхъ этихъ либеральныхъ затѣй Ѳеденька достигъ относительнаго успѣха лишь по части пресѣченія бунтовъ и взысканія недоимокъ. Ко всѣмъ прочимъ его запросамъ общество отнеслось тупо, почти безучастно. Фабрики не учреждались, холера не прекращалась, судоходство не развивалось, купцы продолжали коснѣть въ невѣжествѣ, а земледѣліе, споспѣшествуемое сибирскою язвою, давало въ результатѣ болѣе лебеды, нежели истиннаго хлѣба. Это тѣмъ болѣе озадачило Ѳеденьку, что онъ, какъ вообще всѣ администраторы, кончившіе курсъ наукъ въ ресторанѣ Дюссо, не имѣлъ надлежащей выдержки и былъ скорѣе способенъ являть сердечную пылкость, нежели упорство въ преслѣдованіи административныхъ цѣлей.

Тогда наступилъ второй періодъ кротиковскаго либерализма,—либерализма меланхолическаго, жалующагося, укоряющаго. Хотя Ѳеденька еще не пришелъ къ отрицанію самого либерализма, но онъ уже разочаровался въ *либералахъ* и довольно громко выражалъ это разочарованіе.

— Любезный другъ! — говорилъ онъ мнѣ въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Петербургъ. — Я просилъ бы тебя ясно представить себѣ мое положеніе. Я пріѣзжаю въ Навозный и вижу, что торговля у меня въ застоѣ, что ремесленность упала до того, что à la lettre некому пришить пуговицу къ сюртуку, что земледѣліе, эта опора нашего отечества, не приноситъ ничего, кромѣ лебеды... J'espère que c'est assez navrant, ça? hein! qu'en diras-tu?

— Mais oui... le tableau n'est pas des plus agréables...

— Eh bien, я вижу все это—и, разумѣется, принимаю мѣры. Я пишу, предлагаю, настаиваю—и что жъ! Хоть бы одна каналья откликнулась на мой голосъ! Ничего, кромѣ какого-то подлаго сопѣнія, которое раздается изо всѣхъ угловъ! Вотъ они! вотъ эти либералы, на которыхъ мы возлагали столько надеждъ! Вотъ тотъ либеральный духъ, который, по отзывамъ газетъ, «охватилъ всю Россію»! Чорта съ два! Охватилъ!

Digitized by Google

Тѣмъ не менѣе, Ѳеденька не сразу унылъ духомъ; напротивъ того, онъ сдѣлалъ надъ собой новое либеральное усиліе и по всѣмъ полиціямъ разослалъ жалостный циркуляръ, въ которомъ подробно изложилъ свои огорченія и разочарованія.

«Неоднократно замѣчено было мною, — писалъ онъ въ этомъ циркулярѣ: — что въ нашемъ обществѣ совершенно отсутствуетъ тотъ духъ иниціативы, съ помощью котораго великіе народы совершаютъ великія дѣла. Не разъ указывалъ я, что путей сообщенія у насъ, можно сказать, не существуетъ; что судоходство наше представляетъ зрѣлище въ высшей степени прискорбное для сердца всякаго истиннаго патріота; что въ торговлѣ главнымъ двигателемъ является не благородная и вполнѣ согласная съ предписаніями политико-экономической науки потребность быть посредникомъ между потребителемъ и производителемъ, а гнусное желаніе наживы; что земледѣліе, этотъ главный источникъ благосостоянія странъ, именующихъ себя земледѣльческими, не радуетъ земледѣльца, а землевладѣльцу даже приноситъ чувствительное огорченіе. Указывая на все вышеизложенное, я питалъ надежду, что голосъ мой будетъ услышанъ и что здоровыя силы страны воспрянутъ отъ многолѣтняго безмятежнаго сна, дабы воспользоваться плодами онаго. Скажу болѣе: я былъ увѣренъ, что отечество наше, искони превосходя государства Западной Европы безпрекословнымъ исполненіемъ начальственныхъ предписаній и непреоборимымъ благочестіемъ, станетъ на ряду съ ними и съ точки зрѣнія промышленности и полезныхъ изобрѣтеній. И тогда, думалось мнѣ, то-есть если бъ все сіе осуществилось, не имѣли ли бы мы полное основаніе воскликнуть: съ нами Богъ—кто же на ны?

«Но, къ великому и душевному моему огорченію, я усматриваю, что наше общество продолжаетъ коснѣть все въ томъ же бездѣйствіи, въ какомъ я засталъ его въ первое время по пріѣздѣ моемъ въ Навозный край. А именно:

Digitized by Google

путей сообщенія не существуетъ, судоходство въ упадкѣ, торговля преслѣдуетъ цѣли низкія и неблагородныя, а при взглядѣ на земледѣліе единственная мысль, которая приходитъ въ голову, есть слѣдующая: всуе труждаются зиждущіе! Къ сему, съ теченіемъ времени, присоединились: процвѣтаніе кабаковъ и необыкновенный успѣхъ сибирской язвы. Спрашивается: при всемъ предыдущемъ и при дѣятельномъ пособничествѣ послѣдующаго, какое имѣемъ мы основаніе восклицать: кто же на ны?!

«Уже умственному моему взору безъ труда представляется удручающая сердце картина будущаго. Край пустыненъ; полезныя и кроткія породы птицъ и звѣрей уничтожились, а вмѣсто оныхъ господствуютъ породы хищныя и не полезныя; благочестіе упразднилось, а вмѣсто онаго царствуютъ пьянство и развратъ! Какое сердце патріота не содрогнется при видѣ столь ужаснаго зрѣлища, даже если бы оное было лишь плодомъ моей предусмотрительной фантазіи?!

«А между тѣмъ изъ архивныхъ дѣлъ достовѣрно усматривается, что нѣкогда нашъ край процвѣталъ. Онъ изобиловалъ туками (какъ это явствуетъ изъ самаго названія «Навозный»); туки же, въ свою очередь, способствовали произрастанію разнородныхъ злаковъ. А отъ сего процвѣтало сельское хозяйство. Помѣщики наперерывъ стремились пріобрѣтать здѣсь имѣнія, не пугаясь отдаленностью края, но думая открыть и дѣствительно открывая золотое дно. Теперь—нѣтъ ни туковъ, ни злаковъ, ни золотого дна. Какая же причина такого прискорбнаго оскудѣнія?

«Я знаю, что упраздненіе крѣпостного права многія надежды оставило безъ осуществленія, а прочія и совсѣмъ прекратило; я вмѣстѣ съ другими оплакиваю сей фактъ, но и за всѣмъ тѣмъ спрашиваю себя: имѣется ли законное основаніе, дабы впадать, по случаю онаго, въ уныніе или малодушіе.

«Тѣмъ не менѣе, я не вхожу въ подробное разсмотрѣ-

Digitized by Google

ніе этого вопроса, ибо разсмотрѣніе привело бы меня къ разслѣдованію, которое, въ свою очередь, повлекло бы за собою полемику, которой въ моемъ положеніи я всячески долженъ избѣгать. Ограничиваюсь лишь слѣдующимъ краткимъ замѣчаніемъ. Помѣщики, подъ вліяніемъ досады, возбужденной въ нихъ упраздненіемъ крѣпостного права, бросились вырубать принадлежащіе имъ лѣса и продавать оные за безцѣнокъ. Къ сожалѣнію, ощутительной выгоды отъ сего они не получили никакой, а странѣ, между тѣмъ, причинили несомнѣннѣйшій ущербъ. Съ истребленіемъ лѣсовъ надолго, если не навсегда, утвердилось господство изсушающихъ вѣтровъ, которые, не встрѣчая преградъ въ своемъ вѣяніи, повсюду производятъ пагубнѣйшее дѣйствіе. Обмелѣніе рѣкъ уже возымѣло начало, а въ близкомъ будущемъ предвидится и недостатокъ влажности въ воздухѣ. Поля угрожаютъ хроническимъ безплодіемъ, а человѣческія легкія будутъ лишены возможности вдыхать животворную влажность воздуха. Въ какомъ же положеніи, среди всего сего, нахожусь я, на котораго довѣріе начальства возложило заботы по обезпеченію народнаго продовольствія, равно какъ и по охраненію народнаго здравія?!

«Въ виду всего вышеизложеннаго, я вновь, и въ послѣдній разъ, предлагаю принять рѣшительныя мѣры (не прибѣгая, однакожъ, до времени, къ экзекуціямъ) къ поднятію общественнаго духа и возбужденію въ ономъ наклонности къ дѣяніямъ смѣлымъ и великимъ. Съ этою цѣлью имѣете вы непрестанно увѣщевать купцовъ, разночинцевъ и мѣщанъ; помѣщикамъ же и прочимъ благороднымъ людямъ кратко, но убѣдительно доказывать, что временныя лишенія должны быть переносимы безропотно, съ надеждой на милость Божію въ будущемъ. Всѣмъ же вообще внушать за достовѣрное, что я, съ своей стороны, готовъ вездѣ и во всякое время оказывать дѣятельнѣйшее содѣйствіе всякому благому начинанію.

Digitized by Google

«Объ успѣхѣ вашихъ увѣщаній, внушеній и собесѣдованій обязываетесь сообщать мнѣ черезъ каждыя двѣ недѣли всенепремѣнно и неупустительно».

Одинъ экземпляръ этого циркуляра Ѳеденька прислалъ мнѣ при письмѣ, въ которомъ говорилъ: «Ты видишь, душа моя, что я еще бодрюсь; но если и за симъ наше судоходство останется въ прежнемъ жалкомъ положеніи, тогда— ma foi — я не остановлюсь даже передъ экзекуціей». На что я съ первой же почтой отвѣтилъ: «Мы всѣ удивляемся экспрессіи твоего циркуляра; это своего рода chef d'œuvre. Ахъ! если бъ ты жилъ во времена великой французской революціи! Теорія, отыскивающая въ помѣщичьей мстительности причину происхожденія вѣтровъ и обмелѣнія рѣкъ, смѣла и нова. Но не слишкомъ ли, однакожъ, смѣла? Подумалъ ли ты объ этомъ, мой другъ? Смотри, чтобы не было запроса!»

Увы! это былъ послѣдній пароксизмъ Ѳеденькина либерализма. Вскорѣ послѣ этого я на долгое время уѣхалъ за границу и совершенно потерялъ Ѳеденьку изъ виду. Затѣмъ, по возвращеніи въ Петербургъ, встрѣтившись съ однимъ пріѣзжимъ изъ Навознаго (то былъ Рудинъ, котораго Ѳеденька взялъ къ себѣ въ чиновники для особыхъ порученій, несмотря на его крайній образъ мыслей), я услышалъ отъ него слѣдующую краткую, но выразительную аттестацію о Кротиковѣ: «поретъ дичь». Это вдвойнѣ меня огорчило: во-первыхъ, потому, что я искренно любилъ Ѳеденьку и мнѣ всегда казалось, что онъ можетъ сдѣлать свою карьеру только на либеральной почвѣ, а во-вторыхъ и потому, что меня въ это время уже сильно начали смущать будущія судьбы русскаго либерализма. Одновременно съ Кротиковымъ стезю свободомыслія покинули: Иванъ Хлестаковъ, Иванъ Тряпичкинъ и Кузьма Прутковъ. Все это было тѣмъ болѣе горько, что и до этого времени нашъ либерализмъ существовалъ лишь благодаря благосклонному попустительству нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ лицъ.

Digitized by Google

И вотъ теперь—еще однимъ просвѣщеннымъ попустителемъ меньше!

Подъ вліяніемъ этого горькаго чувства я не выдержалъ и написалъ къ Кротикову письмо, исполненное укоризнъ. А черезъ два мѣсяца получилъ слѣдующій сухой отвѣтъ:

«Извини, что не скоро отвѣтилъ, да и теперь пишу лишь нѣсколько строкъ: въ моемъ положеніи, право, не до переписки съ бывшими товарищами и друзьями. На вопросы твои, впрочемъ, считаю долгомъ объяснить, что, кромѣ либеральныхъ идей, о которыхъ ты такъ много и краснорѣчиво написалъ, есть еще идеи консервативныя, о которыхъ ты вовсе умалчиваешь. Вотъ что̀ ты упустилъ изъ вида и что я не лишнимъ считаю тебѣ напомнить. Какимъ образомъ я пришелъ къ убѣжденію, что либеральныя идеи скрываютъ въ себѣ пагубное заблужденіе—здѣсь объяснять не мѣсто. Надѣюсь, однакожъ, что ты безъ труда поймешь, что въ моемъ положеніи заблуждаться не только неприлично, но и непозволительно. Изъ всѣхъ золъ, которыя до сихъ поръ извѣстны, нѣтъ зла болѣе ужаснаго, какъ заблуждающійся помпадуръ, ибо съ его заблужденіемъ неизмѣнно связывается заблужденіе цѣлаго края. Я думаю, это довольно ясно и прибавлять къ этому нечего. Затѣмъ, моля Подателя всѣхъ благъ, дабы Онъ просвѣтилъ тебя, остаюсь не раздѣляющій твоихъ заблужденій, но все еще любящій тебя, *Ѳедоръ Кротиковъ*».

Однако, я не только не возмутился этимъ наставленіемъ, но, возгорѣвъ вящшею ревностью по либерализмѣ, попытался вразумить самаго Ѳеденьку.

«Ѳеденька!—писалъ я ему:—когда ты былъ либераломъ, какъ резюмировалась твоя политическая программа? Она резюмировалась слѣдующимъ образомъ: учрежденіе фабрикъ и заводовъ, устройство путей сообщенія, развитіе торговли, процвѣтаніе земледѣлія, неустанная разработка нѣдръ земли, устность, гласность и т. д. Теперь, когда ты сдѣлался консерваторомъ, какая возможна для тебя программа? Оче-

Digitized by Google

видно, отсутствіе фабрикъ и заводовъ, разстройство путей сообщенія, застой въ торговлѣ, упадокъ земледѣлія, господство изсушающихъ вѣтровъ, обмелѣніе рѣкъ и т. д. Ибо ты желаешь сохранить тò, чтò есть, а есть именно тò, чтò сейчасъ мною исчислено. Или, быть-можетъ, ты надѣешься на кабаки и сибирскую язву? Но въ такомъ случаѣ выразись прямо. Вмѣсто прежнихъ блестящихъ циркуляровъ издай новый, въ которомъ категорически объяви, что впредь воспрещается какое бы то ни было развитіе, кромѣ развитія сибирской язвы».

Отвѣта на это письмо не послѣдовало.

Послѣ того я имѣлъ о Кротиковѣ лишь смутныя свѣдѣнія. Я слышалъ, что первымъ поводомъ къ отреченію его отъ либерализма было появленіе гласныхъ судовъ и земскихъ управъ. Это навело его на мысль, что существуютъ какіе-то корни и нити, которые надобно разыскать и истребить, ибо въ противномъ случаѣ ему, Кротикову, не будетъ житья. Затѣмъ наступили извѣстныя событія въ Западной Европѣ: интернаціоналка, франко-прусская война, парижская коммуна и т. д., и все это сильно заботило его, потому что онъ видѣлъ въ этихъ событіяхъ связь съ новыми судами и земскими учрежденіями. Онъ внимательно слѣдилъ за газетами, предполагая, сообразно съ тѣмъ или другимъ исходомъ событій, дать и своей внутренней политикѣ болѣе рѣшительное направленіе. Въ ожиданіи же того, какія идеи восторжествуютъ, здравыя или такъ-называемыя сюбверсивныя, онъ волновался и угрожалъ.

— Если восторжествуютъ здравыя идеи, — говорилъ онъ:—я, конечно, буду очень радъ. Да-съ, очень радъ-съ. Но, признаюсь откровенно, съ политической точки зрѣнія, я былъ бы не недоволенъ, если бъ восторжествовала и революція... разумѣется, временно... По крайней мѣрѣ мы, безъ всякой опасности для себя, могли бы узнать, кто наши внутренніе враги, кто эти сочувствователи, которые поднимаютъ голову при всякомъ успѣхѣ превратныхъ идей,

Digitized by Google

какъ велика ихъ сила и до чего можетъ дойти ихъ дерзость. Et alors, messieurs...

Ѳеденька умолкалъ и загадочно грозился въ ту сторону, гдѣ помѣщались земская управа, окружной судъ и акцизное управленіе.

Но здравыя идеи восторжествовали; Франція подписала унизительный миръ, а затѣмъ пала и парижская коммуна. Ѳеденька, который съ минуты на минуту ждалъ взрыва, какъ-то опѣшилъ. Ни земская управа, ни окружной судъ даже не шевельнулись. Это до того сконфузило его, что онъ бродилъ по улицамъ и придирался ко всякому встрѣчному, испытывая, обладаетъ ли онъ надлежащею теплотою чувствъ. Однако чувства были у всѣхъ не только въ исправности, но, повидимому, послѣднія событія даже поддали имъ жару...

Ѳеденька недоумѣвалъ. Онъ былъ убѣжденъ, что тутъ есть какая-то интрига, но въ чемъ она состоитъ—объяснить себѣ не умѣлъ. Бѣдный! Онъ, видимо, слѣдовалъ старой рутинѣ и все искалъ какихъ-то фактовъ, которые дали бы ему поводъ объявить походъ. Онъ не подозрѣвалъ, что система фактовъ есть система устарѣлая, что нарождается и уже народилась совершенно иная система, которая позволяетъ безъ всякаго повода, безъ малѣйшаго факта бить тревогу и ходить войною вдоль и поперекъ, приводя въ трепетъ оторопѣлыхъ обывателей...

И вотъ, какъ бы для того, чтобы вывести его изъ недоразумѣнія, въ газетахъ появилось извѣстіе, что въ версальскомъ національномъ собраніи образовалась партія, которая на развалинахъ любезнаго отечества водрузила знамя «борьбы»...

Слово это было для Ѳеденьки цѣлымъ откровеніемъ. Да, это оно, это то самое слово, до котораго онъ столько лѣтъ такъ тщетно додумывался. Все, что безсвязно копошилось въ немъ съ той самой минуты, когда онъ внезапно объявилъ себя консерваторомъ, все, къ чему онъ порывался

Digitized by Google

и къ пріобрѣтенію чего дѣлалъ тщетныя попытки,—все нашло для себя осуществленіе въ словѣ: «борьба». Не то чтобы онъ понялъ смыслъ этого слова но онъ достигъ результата еще болѣе существеннаго: онъ понялъ, что ему нѣтъ надобности что-нибудь понимать. До сихъ поръ онъ отыскивалъ корни и нити; теперь онъ убѣдился, что ни въ чемъ подобномъ нѣтъ надобности и что на будущее время онъ окончательно освобожденъ отъ труда что-нибудь отыскивать.

Это было очень удобно, ибо давало возможность объявить походъ, не уяснивъ себѣ даже цѣли его. Отсутствіе ясно сознанной цѣли—вотъ ахиллесова пята всѣхъ администраторовъ, получившихъ воспитаніе у Дюссо и въ заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ. И Ѳеденька почувствовалъ себя какъ-то необыкновенно легко и свободно, когда убѣдился, что ему не нужно ни фактовъ, ни цѣлей, а нуженъ только «духъ», «направленіе», «превратныя толкованія»—и ничего больше. Что̀ означаютъ эти слова—это до него не касается; онъ радъ уже и тому, что есть такія слова, которыя хоть и чортъ знаетъ что̀ означаютъ, но даютъ исходную точку для борьбы. Борьба, сама себѣ дающая начало, сама себя питающая и сама себя имѣющая пожрать (Ѳеденька, впрочемъ, не разсчитывалъ на эту послѣднюю особенность), борьба противъ привидѣній прошлаго, настоящаго и будущаго, борьба необъяснимая въ своихъ источникахъ и неуловимая въ своихъ послѣдствіяхъ—вотъ программа, которую предстояло ему разрабатывать въ будущемъ. Она страдаетъ отсутствіемъ содержанія, но зато легче ея ничего нельзя вообразить. Не нужно ни ума, ни изобрѣтательности, ни предусмотрительности; нуженъ только темпераментъ да еще кой-какой внѣшній церемоніалъ, который помогъ бы скрыть безсодержательность системы и отсутствіе цѣлей.

Темпераментомъ Ѳеденька обладалъ въ изобиліи; но хотя этого одного было вполнѣ достаточно для совершенія вели-

Digitized by Google

каго дѣла борьбы, однако онъ почему-то рѣшилъ, что нужно прибавить кой-что и еще. Задача, предстоявшая ему, была слишкомъ нова, чтобъ приступить къ ней сплеча, подобно тому, какъ приступили къ разрѣшенію *своихъ* задачъ его предшественники-помпадуры. Всѣ бывшія до него помпадурства заимствовали свои опредѣленія отъ котораго-нибудь изъ семи смертныхъ грѣховъ; его же помпадурство должно быть исключительно помпадурствомъ борьбы. «Да-съ, это не то, чтобъ брать хапанцы или бить по зубамъ-съ; эта штучка будетъ пограндіознѣе-съ»,—хвастался Ѳеденька, и, весь исполненный жажды славныхъ дѣлъ, рѣшился прежде всего поразить воображеніе обывателей Навознаго.

Церемоніалъ, который придумалъ по этому случаю Ѳеденька, былъ очень сложенъ. Онъ перебралъ въ своей памяти весь курсъ исторіи Смарагдова, весь репертуаръ театра Буффъ и всѣ газетныя извѣстія о чудесахъ въ рѣшетѣ, происходящихъ въ современной Франціи. Образовалось нѣчто волшебное. Крестовые походы, Іоанна д'Аркъ, храбрый рыцарь Дюнуа, лурдскія богомолья, отреченіе отъ сатаны въ Парэ-ле-Моніалѣ — все нашло себѣ мѣсто въ этомъ громадномъ планѣ. Въ виду предстоящаго нравственнаго возрожденія Навознаго онъ не щадилъ ничего. Пусть завистники утверждаютъ, что его планъ «борьбы» напоминаетъ оперетту Лекока: «Le beau chevalier Dunois» и не имѣетъ никакого отношенія къ Навозному; онъ знаетъ, что въ Навозномъ уже давно прорываются факты, свидѣтельствующіе, что ядъ, погубившій Францію, проникъ и туда, и что, слѣдовательно, именно теперь планъ его какъ нельзя болѣе умѣстенъ и своевременъ. Не дальше какъ вчера предсѣдатель земской управы въ клубѣ публично разсуждалъ о какой-то независимости и утверждалъ, что онъ самъ по себѣ, а Ѳеденька — самъ по себѣ. Вотъ фактъ. Скажутъ, что въ этомъ фактѣ еще нѣтъ настоящихъ корней и нитей—допустимъ, что это и такъ! Нѣтъ корней и нитей, но

Digitized by Google

есть ядъ! «понимаете ли: ядъ-съ!» И надо этотъ ядъ истребить. «Да-съ».

Душою задуманнаго заговора будетъ. конечно, онъ самъ. Онъ—рыцарь безъ страха и упрека; онъ—Баяръ изъ исторіи Смарагдова и Дюнуа изъ театра Буффъ. Пособниками у него будутъ: правитель канцеляріи, два чиновника особыхъ порученій, отрекшіеся отъ либерализма, и всѣ частные пристава. Для бо̀льшаго эффекта можно будетъ еще прихватить Ноздрева, Тараса Скотинина и Держиморду. Ассистенты: предводитель и командиръ гарнизоннаго батальона. По окончаніи похода, городской голова, въ мундирѣ, поднесетъ ему хлѣбъ-соль. А дабы сообщить предстоящему походу вполнѣ волшебный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить его успѣхъ, предстояло еще отыскать что-нибудь въ родѣ Іоанны д'Аркъ (безъ нея немыслимо чудесное возрожденіе Навознаго), очистить администрацію отъ плевелъ и торжественно отречься отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его. Тогда «борьба» пойдетъ какъ по маслу.

Іоанну д'Аркъ онъ имѣлъ уже въ виду. То была дѣвица Анна Григорьевна Волшебнова, дочь начальника одной изъ мѣстныхъ командъ, съ которою Ѳеденька находился въ открытой любовной связи, но которая и за всѣмъ тѣмъ упорно продолжала именовать себя дѣвицею.

Положеніе m-lle Волшебновой было очень фальшивое. Ѳеденька увлекъ ее обѣщаніемъ жениться, но впослѣдствіи не только забылъ о своихъ клятвахъ, но даже прямо объявилъ, что званіе помпадурши и само по себѣ достаточно почтенно. Вѣроломство Кротикова не обошлось, однакожъ, безъ скандала, ибо штабсъ-капитанъ Волшебновъ счелъ долгомъ протестовать. Чтобъ усмирить его, Ѳеденька былъ вынужденъ утвердить какія-то неслыханныя цѣны на провіантъ и фуражъ, и только этимъ актомъ великодушія достигъ того, что оскорбленный отецъ явился къ нему съ повинною и объявилъ, что отнынѣ и навсегда всѣ недоразумѣнія между ними покончены.

Digitized by Google

Обзаведясь помпадуршей, Ѳеденька предназначалъ ей очень блестящую роль. Онъ желалъ, чтобъ она блистала на балахъ и имѣла салонъ, который служилъ бы средоточіемъ внутренней политики и въ которомъ она царила бы, окруженная толпою почтительныхъ поклонниковъ и плѣняя всѣхъ остроуміемъ, любезностью и граціей. Но Анна Григорьевна была простая и робкая дѣвушка, которая очень серьезно привязалась къ своему помпадуру и въ то же время никакъ не могла освоиться съ такимъ положеніемъ, въ которомъ было слишкомъ много блеска. При всей ея миловидности и граціи, ей было далеко до настоящей, заправской помпадурши. Природа не дала ей ни величественнаго роста, ни роскошнаго бюста, передъ которымъ бы въ умиленіи останавливался прохожій. Не блистала она и нарядами, и какъ-то наивно краснѣла, когда навозныя Севинье и Рекамье заводили при ней разговоръ на тему о мужчинѣ и его свойствахъ. Самое возвышеніе ея произошло совершенно неожиданно, такъ что предводительши и совѣтницы, съ нетерпѣніемъ ждавшія, на комъ остановится Ѳеденькинъ выборъ, были изумлены и сконфужены такимъ страннымъ исходомъ дѣла.

Ѳеденька очень хорошо видѣлъ недостатки Анны Григорьевны и даже скорбѣлъ о нихъ. Но нѣкоторое время онъ все еще не терялъ надежды и почти насильно навязывалъ ей политическую роль.

— Vous devez être à la hauteur de votre position, ma chére! — безпрерывно твердилъ онъ ей и, чтобъ не слышать никакикъ отговорокъ, выписалъ для нея на свой счетъ нѣсколько дорогихъ нарядовъ отъ Минангуа изъ Москвы.

Но какъ ни была она малоопытна, однакожъ поняла, что два-три хорошихъ наряда (Ѳеденька не былъ въ состояніи дать больше) въ такомъ обществѣ, гдѣ проматывались тысячи и десятки тысячъ, съ единственною цѣлью быть какъ можно болѣе декольтé,—все равно, что капля въ

Digitized by Google

морѣ. Въ угоду ему она сдѣлала, однакожъ, нѣсколько попытокъ, но — Боже! — сколько изобрѣтательности нужно ей было имѣть, чтобъ тутъ пришить новый бантъ, тамъ перемѣнить тюникъ — и все для того, чтобъ отвести глаза публикѣ и убѣдить, что она является въ общество не въ «мундирѣ», какъ какая-нибудь ассесорша, а всегда въ новомъ и свѣжемъ нарядѣ! И какъ безплодны были эти усилія! Какъ быстро разлетались они передъ проницательностью этихъ дамъ, съ перваго же взгляда безъ ошибки угадывавшихъ однажды видѣнное платье, подъ какими бы сложными комбинаціями оно ни являлось на сцену во второй разъ!

Ей было почти страшно, когда она въ первый разъ шла съ предводителемъ во второй парѣ въ польскомъ (въ первой парѣ шелъ *онъ* съ предводительшей). Она видѣла, что кругомъ дебелыя дамы шушукаются, что ей даютъ мѣсто съ какой-то нахальной торжественностью, что самъ предводитель, ведя ее за руку, чуть не напрямки высказываетъ, что онъ никогда не снизошелъ бы до дочери штабсъ-капитана Волшебнова, если бъ не требованія внутренней политики. Но вотъ польскій кончился: не успѣла она занять свое мѣсто, какъ музыка заиграла вальсъ; къ ней подлетаетъ пріѣхавшій въ отпускъ гусаръ и съ утонченною любезностью, въ которой она, однакожъ, угадываетъ худо скрываемую развязность, приглашаетъ ее на туръ. Затѣмъ, точно въ сновидѣніи, одни за другими слѣдуютъ кадриль, полька, опять кадриль. опять вальсъ и, наконецъ, мазурка. И все время, съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, слѣдитъ за нею Ѳеденька и какъ-то невыразимо страдаетъ, когда она съ добросовѣстностью недавней институтки выдѣлываетъ шассé-круазé.

— Ma chère! vous êtes par trop La Valière!—шепчетъ онъ, подходя къ ней въ одинъ изъ танцовальныхъ промежутковъ.—Я желалъ бы, чтобъ вы взяли себѣ за образецъ m-me de Maintenon!

Digitized by Google

И вотъ, опять-таки въ угоду ему, она рѣшается сказать нѣсколько словъ объ усиленіи власти и о томъ, что на помпадурахъ долженъ лежать лишь высшій надзоръ, а не подробности; но она дѣлаетъ это такъ нерѣшительно и съ такимъ множествомъ оговорокъ, что Ѳеденька чувствуетъ свою власть не только не усиленною этимъ наивнымъ вмѣшательствомъ, но даже значительно умаленною.

Къ счастію, всѣ эти промахи имѣли мѣсто въ самый разгаръ Ѳеденькина либерализма и потому сошли Аннѣ Григорьевнѣ съ рукъ довольно легко. Испытавъ неудачу въ своихъ предположеніяхъ относительно блестящаго салона, въ которомъ онъ могъ бы съ полною искренностью развивать свои виды и предположенія, Ѳеденька далъ своей фантазіи болѣе буржуазное направленіе. Небольшая, уютная гостиная, тѣсный кружокъ друзей-либераловъ, скромная бесѣда о томъ, что Россія быстрыми шагами стремится на пути къ преуспѣянію и, наконецъ, безпредѣльно-любящее сердце женщины—ужели это недостаточно-завидная обстановка даже для наиболѣе взыскательнаго помпадура? Ѳеденька рѣшилъ, что въ крайнемъ случаѣ это еще будетъ очень недурно, а пожалуй даже лучше, нежели тщетный блескъ, который требуетъ значительныхъ денежныхъ издержекъ и, сверхъ того, почти всегда сопровождается скандалами...

Когда она узнала объ этомъ рѣшеніи, то радости ея не было предѣловъ. Двѣ вещи она ненавидѣла: представительность и внутреннюю политику — и вотъ онъ, ея roi-soleil, навсегда освобождаетъ ее отъ нихъ. Отнынѣ она будетъ имѣть возможность безъ помѣхи удовлетворять своимъ нетребовательнымъ вкусамъ: своей набожности и любви къ домашнему очагу.

Она еще въ институтѣ была набожна (законоучитель, указывая на нее, говорилъ: «вотъ истинная дщерь церкви!»), а теперь эта наклонность еще болѣе усилилась, ибо у нея есть предметъ для молитвъ. Она молится за *него*; она про-

Digitized by Google

ситъ у неба успѣха его благимъ начинаніямъ и прощенія невольнымъ его прегрѣшеніямъ. Скромно одѣтая въ темненькое платье, она становится у клироса въ женскомъ монастырѣ, и съ ея появленіемъ дѣлается словно свѣтлѣе и пріютнѣе среди этихъ темныхъ стѣнъ. Молодыя монахини юрче перебѣгаютъ отъ клироса къ клиросу и на-бѣгу съ добродушнымъ лукавствомъ привѣтствуютъ ее. Сама мать-игуменья, при видѣ ея, смягчаетъ постоянно строгое выраженіе своего лица. Всѣ ее любятъ здѣсь, всѣ готовы оказать ласку и привѣтъ, не справляясь, согласно или несогласно это будетъ съ видами внутренней политики. Когда она подаетъ любимой своей крылошанкѣ бархатную поминальную книжку, монашка не даетъ ей даже сказать, кого слѣдуетъ помянуть.

— Знаю, сударыня, знаю, за кого молитесь! — говоритъ она съ выраженіемъ добродушнаго себѣ-на-умѣ и почти бѣгомъ бѣжитъ сообщить на ухо отцу протоіерею имя раба Божія Ѳеодора.

Какъ хорошо, какъ спокойно ей здѣсь, подъ сѣнію этихъ мирныхъ стѣнъ! Какое прекрасное варенье подаютъ у матери-игуменьи, какой вкусный квасъ! Она готова по цѣлымъ днямъ болтать съ молодыми монашками; у нея есть между ними фаворитки, которыя даже вступаютъ съ нею въ разговоръ о *немъ*, и она нимало не чувствуетъ себя при этомъ сконфуженною. Всѣ хвалятъ *его* умъ, всѣ утверждаютъ, что никогда не бывало такого помпадура въ Навозномъ. Даже въ тѣ горькія минуты, когда она убѣждалась, что Ѳеденька измѣняетъ ей (а это случалось нерѣдко, потому что онъ далеко не былъ равнодушенъ къ сверкающимъ плечамъ и бюстамъ навозныхъ львицъ), она спѣшила сюда, чтобъ излить свое горе на груди одной изъ юныхъ затворницъ. Она была увѣрена, что услышитъ здѣсь не насмѣшку и злорадство, а слова ободренія и надежды. Въ этихъ случаяхъ она молилась еще усерднѣе и пламеннѣе, и все кругомъ, казалось, молилось вмѣстѣ съ нею о

Digitized by Google

просвѣщеніи раба Божія Ѳеодора свѣтомъ истины. И когда, успокоенная и умиротворенная, она возвращалась домой и встрѣчала тамъ раскаявшагося Ѳеденьку, то ни единымъ движеніемъ не давала ему знать, что замѣчаетъ его продѣлки, а только говорила:

— Théodore! помните, что нигдѣ вы не найдете той преданности, той беззавѣтной любви, какую нашли здѣсь, въ этомъ сердцѣ! И потому, когда вамъ наскучатъ дурныя наслажденія, когда вы убѣдитесь, что за ними таятся коварство и обманъ—возвратитесь ко мнѣ и отдохните на этой груди!

Дома она чувствовала себя счастливою. Она любила стряпню и предпочитала блузу всякому другому платью. Днемъ, покуда «онъ» распоряжался по службѣ, она хлопотала по хозяйству и всю изобрѣтательность своего ума употребляла на то, чтобъ Ѳеденька нашелъ у нея любимое блюдо и сладкій кусокъ. Вечеромъ, управившись съ дѣлами, онъ являлся къ ней, окруженный блестящей плеядой навозныхъ свободныхъ мыслителей, и читалъ свои циркуляры.

Онъ былъ либераленъ, и она была либеральна. Оба выписали изъ Петербурга двухъ товарокъ ея по институту, ходившихъ съ остриженными волосами и отрицавшихъ авторитеты, и ѣздили съ ними въ открытыхъ экипажахъ по городу. Оба страстно желали, чтобъ торговля развивалась, а судоходство оправдывало надежды начальства. Оба вѣрили, что кредитъ возродитъ земледѣліе и дастъ толчокъ нашей заснувшей промышленности. И въ ожиданіи всего этого оба сладко вздыхали...

Иногда на интимныхъ вечернихъ собраніяхъ присутствовалъ и папа̀ Волшебновъ, и тогда вечеръ принималъ окончательно семейный характеръ. Анна Григорьевна ласкалась то къ отцу, то къ Ѳеденькѣ, то у одного, то у другого спрашивала, достаточно ли сладокъ чай. Читали статьи В. П. Безобразова и удивлялись, что такая плодо-

Digitized by Google

творная вещь, какъ кредитъ, не только не оплодотворяетъ Навознаго, но даже служитъ какъ бы къ запустѣнію. Упивались передовыми статьями «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», въ которыхъ доказывалось, что нѣтъ ничего легче, какъ отрицать и глумиться надъ прогрессомъ, и что, напротивъ того, нѣтъ задачи болѣе достойной истиннаго либерала, какъ съ довѣріемъ ожидать дальнѣйшихъ разъясненій.

И пока въ гостиной шли либеральные разговоры, папа̀ Волшебновъ хлопоталъ около закуски и, залучивъ подъ шумокъ чиновника особыхъ порученій Веретьева, выкушивалъ съ нимъ по «предварительной».

Но вдругъ чортъ двинулъ Ѳеденьку сдѣлаться консерваторомъ, и онъ сразу оборвалъ съ своими прежними сподвижниками по либерализму. Не стало интимныхъ вечеровъ, замолкли либеральные разговоры, на сцену опять выступила внутренняя политика, сопровождаемая сибирскою язвою и греческимъ языкомъ. Ѳеденька отыскивалъ корни и нити и, не находя ихъ, былъ безпокоенъ и золъ.

Перемѣна эта до того озадачила Анну Григорьевну, что она по началу даже сдѣлала нѣсколько либеральныхъ промаховъ. Ей казалось страннымъ, что чиновники особыхъ порученій, Рудинъ и Волоховъ, еще такъ недавно проповѣдовавшіе въ ея квартирѣ теорію возрожденія Россіи посредствомъ соціализма, проводимаго мощною рукою администраціи, вдругъ стушевались, прекратили свои посѣщенія и уступили мѣсто какимъ-то двужильнымъ ретроградамъ, которые бо̀льшую часть времени проводили въ каморкѣ у папа̀ Волшебнова и прежде, нежели настоящимъ образомъ приступить къ закускѣ, выпивали отъ пяти до десяти «предварительныхъ». Но вскорѣ Ѳеденька раскрылъ передъ нею загадочность своего поведенія. Онъ объяснилъ ей, что общество въ опасности, что покуда остается неразореннымъ очагъ революцій, до тѣхъ поръ Европа не можетъ наслаждаться спокойствіемъ, что въ самомъ На-

Digitized by Google

возномъ существуетъ громадный наплывъ неблагонадежныхъ элементовъ, которые, благодаря интригѣ, всюду распространяютъ корни и нити, и что онъ, Ѳеденька, поставилъ себѣ священнѣйшею задачей объявить имъ войну, начавъ съ акцизнаго вѣдомства и кончая судебными земскими учрежденіями.

— Je ferai une guerre à outrance! — гремѣлъ онъ, потрясая кулаками:—une guerre sans merci... oui, c'est ça!

— Однако, какой ты строгій, Théodore!

— Нельзя, ma chère! Вспомни, сколько времени они насъ морочили! вспомни этихъ двухъ нигилистокъ, которыхъ мы возили по городу! Га! я никогда имъ не прощу этого!

— Но онѣ были миленькія, Théodore!

— Миленькія! Vous perdez la tête, ma chère! Des gueuses! des pétroleuses! des filles sans foi ni loi! Дѣвчонки, которыя не признавали авторитетовъ, которыя мнѣ... мнѣ... прямо въ глаза говорили, что я порю дичь!.. Нѣтъ, дальнѣйшая слабость была бы ужъ преступленіемъ! Миленькія! D'un seul coup elles vous demandent cent mills têtes à couper! Excusez du peu!

И онъ метался изъ стороны въ сторону, отыскивая хоть какой-нибудь фактъ, который далъ бы ему поводъ приступить къ разслѣдованію корней и нитей. Но фактовъ не было. Никогда еще съ такимъ рвеніемъ не снимали передъ нимъ шляпы акцизные чиновники; никогда окружной судъ не обнаруживалъ бо̀льшей строгости относительно лицъ, дозволявшихъ себѣ взломъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ воспользоваться чужимъ пятакомъ; никогда земская управа съ бо̀льшею страстностью не пріобрѣтала для мѣстной больницы новыхъ умывальниковъ и плевальницъ, взамѣнъ таковыхъ же, пришедшихъ въ ветхость. Все какъ бы сговорилось усердіемъ и прилежаніемъ радовать сердце опечаленнаго помпадура...

Это было самое тяжелое время для Анны Григорьевны.

Digitized by Google

Ѳеденька ходилъ сумрачный и громко выражался, что онъ — жертва интриги. Дни проходили за днями; съ каждымъ новымъ днемъ онъ съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ усиліемъ искалъ фактовъ, и ничего не находилъ.

— A la fin ça devient monstrueux! — говорилъ онъ ей. — Вездѣ есть факты; даже Петька Толстолобовъ, соломенный помпадуръ, — и тотъ нашелъ фактъ! И вдругъ у одного меня — nenni! Кто жъ этому повѣритъ!

Дошло до того, что онъ даже ее однажды упрекнулъ въ тайномъ содѣйствіи интригѣ. Ее, которая... Ахъ! это была такая несправедливость, что она могла только заплакать въ отвѣтъ на обвиненіе. Но и тутъ она не упрекнула его, а только усерднѣе стала молиться, прося у неба о ниспосланіи Ѳеденькѣ фактовъ.

И вотъ, въ ту самую минуту, когда Ѳеденька уже думалъ погибнуть, онъ прочелъ въ газетахъ слово: «борьба». Онъ понялъ, что ему ничего не нужно понимать, что не нужно ни фактовъ, ни корней, ни нитей, что можно съ пустыми руками, съ одной доброй волей, начать дѣло нравственнаго возрожденія Навознаго, сопровождаемое борьбою à grand spectacle, съ истребленіями, разореніями, расточеніями и другими принадлежностями возрождающейся власти. Невольнымъ образомъ мысль его обратилась къ Аннѣ Григорьевнѣ, и тутъ только онъ сообразилъ, какъ хорошо, что она не сдѣлалась Ментеноншей, какъ онъ когда-то настаивалъ, а осталась простою и скромною Лавальершей.

— Elle sera ma Jeanne d'Arc! — воскликнулъ онъ и, какъ озаренный, побѣжалъ къ ней.

А она уже ждала его, какъ будто знала, что ему нужна ея помощь.

— Ah! ça! vouz serez ma Jeanne d'Arc! — сказалъ онъ ей, простирая руки. — Я всегда видѣлъ, что роль, которую вы до сихъ поръ играли, не по васъ! Наконецъ, ваша роль нашлась. Но, конечно, вы знаете, кто была Jeanne d'Arc!

Digitized by Google

Она безъ запинки прочла ему то мѣсто изъ исторіи Смарагдова, гдѣ говорится о Іоаннѣ д'Аркъ и ея подвигѣ.

— Oui, c'est cela même! Въ случаѣ надобности, вы сядете на коня... знаете, какъ изображаютъ ее на картинкахъ... и тогда... gare à vous, messieurs les communalistes de la zemsskaïa ouprava!

Ѳеденька сдѣлался веселѣе и забавнѣе — ужъ и это былъ выигрышъ для Анны Григорьевны. Покончивши съ Іоанной д'Аркъ, онъ необыкновенно дѣятельно принялся за осуществленіе другихъ частей церемоніала борьбы.

Прежде всего онъ бросился очищать персоналъ своей собственной администраціи. Покуда онъ былъ только консерваторомъ, въ дѣйствіяхъ его замѣчалась нѣкоторая осторожность. Онъ еще какъ бы стыдился. Онъ выказывалъ холодность въ обращеніи съ бывшими сподвижниками по либерализму, избѣгалъ имѣть съ ними дѣло, но открыто преслѣдовать ихъ не рѣшался. Съ своей стороны, либералы хотя и замѣтили перемѣну въ образѣ мыслей Ѳеденьки, но не только не приняли ее къ руководству, а, напротивъ того, какъ бы въ пику ему, даже усугубили свое рвеніе къ интересамъ казны. И такимъ образомъ дѣло продолжало идти, какъ говорится, ни шатко, ни валко, ни на сторону. Но теперь онъ разомъ потерялъ всякій стыдъ. Онъ былъ не просто консерваторъ, а представитель принципа нравственнаго возрожденія, и потому долѣе терпѣть не могъ. Начавъ съ своихъ приближенныхъ, онъ выказалъ при этомъ такую рѣшимость, что многіе тутъ же раскаялись — и только этимъ успѣли избѣгнуть заслуженной кары. Первымъ принесъ покаяніе правитель канцеляріи Лаврецкій и увлекъ за собой чиновниковъ особыхъ порученій, Райскаго и Веретьева. Лаврецкій въ это время уже являлъ собой только жалкое подобіе прежняго Лаврецкаго. Онъ до того ожирѣлъ, что лишь съ трудомъ понималъ, какія идеи — либеральныя и какія—консервативныя. При томъ же, имѣя большое семей-

Digitized by Google

ство и мотовку-жену, онъ не могъ пренебрегать и жалованьемъ, тѣмъ больше, что Дворянское Гнѣздо, приносившее при крѣпостномъ правѣ прекрасный доходъ, теперь ровно ничего не давало. Поэтому, когда Ѳеденька объявилъ ему, что отнынѣ имъ предстоитъ борьба, то онъ какъ-то апатически пожевалъ губами и, сказавъ: «что жъ... по мнѣ, пожалуй», отправился въ канцелярію писать циркуляръ о благополучномъ вступленіи Ѳеденьки въ новый фазисъ административной проказливости. Что же касается до Райскаго и Веретьева, то первый изъ нихъ не рѣшался выйти въ отставку, потому что боялся огорчить бабушку, которая надѣялась видѣть его камеръ-юнкеромъ; второй же и прежде, собственно говоря, никогда не былъ либералъ, а любилъ только пить водку съ либералами, какового времяпровожденія, въ обществѣ консерваторовъ, предстояло ему пожалуй еще больше. Изъ остальныхъ либераловъ Маркъ Волоховъ отнесся къ Ѳеденькинымъ проказамъ какъ-то загадочно, сказавъ, что ему кто ни попъ, тотъ батька, и что такихъ курицыныхъ дѣтей, какъ обыватели Навознаго, всяко возрождать можно. Затѣмъ остался Рудинъ, который, подобравъ небольшую шайку «вѣрныхъ», на скорую руку устроилъ комитетъ общественнаго спасенія и въ полномъ его составѣ отправился агитировать страну въ тотъ край, гдѣ помпадурствовалъ Петька Толстолобовъ.

Но такъ какъ административная машина не имѣла права останавливаться, то всѣхъ выбывшихъ изъ строя либераловъ Ѳеденька немедленно замѣнилъ шалопаями, опредѣливъ множество таковыхъ и сверхъ штата, на случай, если бъ Лаврецкій и другіе раскаявшіеся, подвергшись угрызеніямъ, снова сдѣлались либералами. Тутъ прежде всего фигурировали: Ноздревъ, Тарасъ Скотининъ и Держиморда (разыскивали и Сквозника-Дмухановскаго, но оказалось, что онъ умеръ, состоя подъ судомъ), которые и сдѣлались главными исполнителями всѣхъ Ѳеденькиныхъ предначертаній. Шалопаи сновали по улицамъ, насупивши брови, фыркая во всѣ

Digitized by Google

стороны и не произнося ни единаго звука, кромѣ: «го-го-го!» Видъ ихъ навелъ въ либеральномъ лагерѣ такую панику, что даже либералы постороннихъ вѣдомствъ («независимые», какъ они сами себя называли)—и тѣ трусили. Уныло бродили они по улицамъ, коптя вздохами твердь небесную, не рѣшаясь оставить ни службы, ни либерализма, путаясь между зависимостью и независимостью и ежемгновенно терзаясь надеждой, что ихъ простятъ. Но шалопаи не прощали. Съ зоркостью коршуна намѣчали они скрывающагося въ кустахъ либерала и тотчасъ же ощипывали его, испуская при этомъ злорадно-ироническое цырканье. Ряды либераловъ страннымъ образомъ порѣдѣли и затѣмъ въ теченіе какого-нибудь мѣсяца погибли всѣ молодыя насажденія либерализма. Земская управа прекратила покупку плевальницъ, ибо Ѳеденька по каждой покупкѣ входилъ въ пререканія; присяжные выносили какіе-то загадочные приговоры, въ родѣ: «нѣтъ, не виновенъ, но не заслуживаетъ снисхожденія», потому что Ѳеденька всякій оправдательный или обвинительный (все равно) приговоръ, если онъ былъ выраженъ ясно, считалъ внушеннымъ сочувствіемъ къ коммунизму и галдѣлъ объ этомъ всему городу, зажигая восторги въ сердцахъ предводителей и предводительшъ. Вдали показывался грозный призракъ сибирской язвы.

Ѳеденька зналъ это, и по временамъ ему даже казалось, что шалопаи, въ дикомъ усердіи своемъ, извращаютъ его мысль. Какъ ни скромно держала себя Анна Григорьевна, но и ее устрашила перспектива сибирской язвы. Маркъ Волоховъ подмѣтилъ въ ней этотъ спасительный страхъ (увы! она противъ воли чувствовала какое-то неопредѣленное влеченіе къ этому змію-искусителю, уже успѣвшему погубить родственницу Райскаго) и всячески старался эксплоатировать его.

— Съѣдятъ они и васъ, и вашего помпадура, и водку всю у васъ вылакаютъ! — угрожалъ онъ ей. - Это, суда-

Digitized by Google

рыня, сила! Берегитесь, да и помпадура-то поберегите! Мнѣ что! Я уложилъ чемоданъ — и былъ таковъ! А мнѣ васъ жалко! Васъ я жалѣючи говорю — вотъ что, красавица вы наша!

— Ахъ, нѣтъ! ужъ вы пожалуйста! Пожалуйста, хоть вы не оставляйте Ѳеденьку! — всполошилась она и однажды, преодолѣвъ природную робость, очень настоятельно стала доказывать Ѳеденькѣ, что нельзя жить безъ плевальницъ, безъ приговоровъ, съ одною только сибирскою язвою.

— Шалопаи погубятъ васъ, Théodore, — сказала она: — а вмѣстѣ съ вами погубятъ и меня! Pensez y, mon ange, прогоните ихъ, покуда еще есть время! Возвратите Рудина (il était si amusant, le cher homme!) и прикажите Лаврецкому, Райскому и Веретьеву быть, попрежнему, либералами.

Ѳеденька на минутку задумался: въ немъ шевельнулись проблески недавняго либерализма и чуть-чуть даже не одержали верхъ. Но фатумъ ужъ тяготѣлъ надъ нимъ.

— Que voulez-vous, ma chère! — отвѣтилъ онъ какъ-то безнадежно: — мнѣ мерзавцы необходимы! Превратныя толкованія взяли такую силу, что дольше медлить невозможно. Послѣ... быть-можетъ... когда я достигну извѣстныхъ результатовъ... тогда, конечно... Но въ настоящее время, кромѣ мерзавцевъ, я не вижу даже людей, которые бы съ пользою могли мнѣ содѣйствовать!

— Какъ хотите, мой другъ! Вы знаете: что бы съ вами ни случилось, я всегда раздѣлю вашу участь! Но все-таки... отчего бы не обратиться вамъ, напримѣръ, къ Волохову? Я не знаю... мнѣ кажется, что онъ преданный!

— Я знаю это, и не разъ объ этомъ думалъ, душа моя! Но Волоховъ еще такъ недавно сдѣлался консерваторомъ, что не успѣлъ заслужить полнаго довѣрія. Не моего, конечно — я искренно вѣрю его раскаянію! — но довѣрія общества... C'est un conservateur du lendemain, ma chère, tandis que les autres... les chénapans... sont des vrais con-

Digitized by Google

servateurs de la veille! Вотъ что для меня важно. Что же касается до сибирской язвы, то ты можешь быть на этотъ счетъ спокойна: ни меня, ни тебя она коснуться не посмѣетъ.

Однимъ словомъ, умопомраченіе, по обыкновенію, восторжествовало. То злое и проказливое умопомраченіе, которое находитъ для себя смягчающія вину обстоятельства лишь въ невмѣняемости помрачившихся.

Къ этому времени какъ разъ подоспѣло извѣстіе о публичномъ отреченіи отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его, происшедшемъ во Франціи въ Парэ-ле-Моніалѣ. Прочитавъ объ этомъ въ газетахъ, Ѳеденька сообразилъ, что необходимо устроить нѣчто подобное и въ Навозномъ. А дабы облечь свое намѣреніе надлежащею торжественностью, онъ отправился за совѣтомъ къ Пустыннику.

Въ Навозномъ, среди мірского круговорота, спасался Пустынникъ. Несмотря на свое званіе и преклонныя лѣта, это былъ мужчина веселый, краснощекій, кровь съ молокомъ. Любилъ онъ въ мѣру поѣсть и въ мѣру же выпить, а еще болѣе любилъ другихъ угостить. Любилъ пѣть духовные и свѣтскіе стихи (послѣдніе всегда старые, сочиненные до «Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою») и терпѣть не могъ уединенія. Почему онъ назывался пустынникомъ— этого никто, и всего меньше онъ самъ, не могъ объяснить; извѣстно было только, что ни у кого не пекутся такіе вкусные рыбные пироги, ни у кого не подается такой ядреный квасъ, такія вкусныя наливки, соленья и варенья, какъ у него. Все лучшее въ губерніи по части провизіи стекалось у него и ставилось на столъ на радость и утѣшеніе посѣщавшимъ его гостямъ.

— Люблю радоваться! — говаривалъ онъ: — и самъ себѣ радуюсь, а еще больше радуюсь, когда другіе радуются! Нѣсть мѣста для скорби въ сердцѣ моемъ. Вси пріидите! вси насладитеся! — вотъ какихъ, сударь, правиловъ я дер-

Digitized by Google

жусь! Что̀ толку кукситься да исподлобья на всѣхъ смотрѣть! И самому тоска, да и на другихъ тоску нагонишь!

Ѳеденька засталъ Пустынника въ обществѣ цѣлаго хора домашнихъ пѣвчихъ, которые пѣли:

Не дивитеся, друзья,
Что не разъ
Между васъ
На пиру веселомъ я
Призадумывался!

— «Призадумывался!» — вздохнулъ Пустынникъ, грузно поднимаясь съ дивана и идя навстрѣчу Ѳеденькѣ. — До здѣ задумывались, а днесь возвеселимся! Мы было пирогъ рушить собирались, да я думаю: кого, молъ, это недостаетъ— анъ ты и вотъ онъ! Накрывать на столъ — живо! Да веселую! Что̀ встали? «Ахъ вы, сѣни мои, сѣни!»

Но Ѳеденька охладилъ порывы Пустынника, сказавъ, что имѣетъ сообщить нѣчто важное.

— Вы, гражданскіе, вѣчно съ дѣлами! А посмотришь, дѣла-то ваши всѣ вмѣстѣ выѣденнаго яйца не сто̀ятъ! Ну, сказывай, что̀ еще накуралесилъ?

— Слышали ли вы, Пустынникъ, что̀ во Франціи дѣлается?

Пустынникъ удивленно взглянулъ на Ѳеденьку.

— Не любопытенъ я; а впрочемъ, почтмейстеръ заѣзжаетъ — сказываетъ.

— О томъ, что почти вся палата, въ полномъ составѣ, ѣздила въ городъ Парэ-ле-Моніаль и отъ сатаны отреклась— слышали?

— Что жъ, пусть лучше Богу молятся, не-чѣмъ шалберничать!

— Не въ томъ дѣло, Пустынникъ, а каковъ фактъ!

— Хоть нновѣрцы, а тоже по-своему Бога почитаютъ. Ничего это. Да скажи ты мнѣ на милость, къ чему ты эту канитель завелъ? Мнѣ что-то даже скучно стало.

Digitized by Google

— А къ тому, что я эту самую церемонію хочу здѣсь устроить!

Это было до того удивительно, что Пустынникъ ничего не нашелся отвѣтить, а только хлопнулъ Ѳеденьку по ляжкѣ и сказалъ:

— Закусимъ!

— Нѣтъ, Пустынникъ, я безъ шутокъ хочу это здѣсь устроить.

— Да ты опомнись, сударь! Вѣдь мы здѣсь, въ Навозномъ, даже вѣдать не вѣдаемъ, кто таковъ онъ есть, сатана-то!

— Ну, нѣтъ-съ! вы не знаете, вы здѣсь сидите, а о томъ и не знаете, какія вездѣ пошли превратныя толкованія!

— Чего не знаю, о томъ и говорить не могу!

— А я такъ знаю. Свобода-съ! несмѣняемость-съ! независимость-съ! Вотъ оно куда пошло!

— Слыхалъ, сударь.

— Надо все это истребить!

— Сдѣлай милость, закусимъ!

Ѳеденька, наконецъ, обидѣлся.

— Я думалъ, что вы содѣйствіе окажете, а вы съ закуской!

— Да какое же я тебѣ содѣйствіе оказать могу? Зависимые вы или независимые, смѣняемые или несмѣняемые— это ваше, гражданское дѣло! Вотъ свобода—это точно что ядъ! Это и я скажу!

— Я вотъ что придумалъ, слушайте. На этихъ дняхъ, какъ только будетъ хорошая погода, я, во главѣ благонамѣренныхъ, отправляюсь въ подгородную слободу и произношу обѣтъ..

— Убѣдительнѣйше тебя прошу: закусимъ!

— Отстаньте вы съ вашей закуской! Говорите: можете ли вы разсуждать или нѣтъ?

— Ну, давай разсуждать натощакъ!

Digitized by Google

— Итакъ, я иду въ подгородную слободу и произношу обѣтъ...

— По примѣру, значитъ?

— Ну, да, по примѣру. Оттого мы, благонамѣренные, и слабы, что всѣ врозь идемъ. Нѣтъ, чтобы хорошему примѣру подражать, а все какъ бы на смѣхъ другъ друга поднять норовимъ!

— Не смѣяться-то нельзя!

— Что же тутъ, однако, смѣшного?

— Ну, какъ же не смѣшно — посуди ты самъ. Идешь ты невѣсть куда, съ сатаной полемику вести хочешь! А я такъ думаю, что изъ всего этого пикникъ у васъ, у благонамѣренныхъ, выйдетъ! Дѣлать тебѣ нечего — вотъ что!

Ѳеденька даже вспыхнулъ весь.

— Это о комъ-нибудь другомъ можно сказать, что дѣлать нечего, только не обо мнѣ! — произнесъ онъ иронически. — Я не закусываю, какъ другіе, а съ утра до вечера точно въ котлѣ киплю!

— Если ты это на мой счетъ сказалъ, что нѣкто закусываетъ — такъ что жъ! Нечего мнѣ дѣлать — это я и самъ скажу! Сижу, пѣсни пою, закушу малость — конечно, не Богъ знаетъ какое государственное это дѣло, однако, и вреда отъ него никому нѣтъ. А ты, извини ты меня, завистливъ очень. Своего-то у тебя дѣла нѣтъ, такъ ты другимъ помѣшать норовишь. Анъ вотъ и вредъ. Изволь, спрошу я тебя: управа ли, судъ ли — чѣмъ они тебѣ поперекъ горла встали? пошто ты на всякъ часъ ихъ клянешь? Дѣло свое они дѣлаютъ — достовѣрно знаю, что дѣлаютъ, тебя не замаютъ — чего еще нужно? Да и люди отмѣнные! Заговорятъ — заслушаешься; ровно на гусляхъ играютъ! Скажи ты мнѣ, Христа ради: какую такую строптивость ты въ нихъ замѣтилъ?

— Ну, Пустынникъ, съ вами говорить — пожалуй, и до ссоры недалеко. Скажите-ка лучше прямо: съ нами вы или нѣтъ?

Digitized by Google

— Это на пикникъ-то?—нѣтъ, ужъ меня уволь: у меня плоть немощна.

— А еще Пустынникомъ называетесь!

— А почему ты знаешь, какъ я въ Пустынники-то попалъ! Можетъ, мнѣ петля была! Можетъ, по естеству-то, мнѣ вотъ такъ же, какъ и тебѣ, по пикникамъ бы ѣздить хорошо! А я сижу да сохну.

— Ну-съ, такъ прощайте-съ.

— Да закуси ты, сдѣлай милость! Авось, у тебя сердце-то отойдетъ!

— Нѣтъ ужъ, увольте.

— Ну, не хочешь, какъ хочешь. А то закусилъ бы инъ! Это все у тебя отъ думы. Брось! пущай другіе думаютъ! Эку сухоту себѣ нашелъ: завидно, что другіе дѣлами занимаются — зачѣмъ не къ нему всѣ дѣла приписаны! Ну, да ужъ прощай, прощай! Вижу, что сердишься! Увидишься съ сатаной—плюнь ему отъ меня въ глаза! Только врядъ ли увидишь ты его. Потому, живемъ мы здѣсь въ благочестіи и во всякомъ благомъ поспѣшеніи, властямъ предержащимъ повинуемся, старшихъ почитаемъ — неповадно ему у насъ!

Ѳеденька вышелъ отъ Пустынника опечаленный, почти раздраженный. Это была первая его неудача на поприщѣ борьбы. Онъ думалъ окружить свое вступленіе въ борьбу всевозможною помпой—и вдругъ нѣтъ главнаго украшенія помпы, нѣтъ Пустынника. Пустынникъ, съ своей стороны, вышелъ на балконъ и долго слѣдилъ глазами за удаляющимся экипажемъ Ѳеденьки. Сѣдые волосы его развѣвались по вѣтру и лицо казалось какъ бы закутаннымъ въ облако. Онъ тоже былъ раздраженъ и чувствовалъ, что нелѣпое объясненіе съ Ѳеденькой разстроило весь его день.

— И чортъ тебя баламутитъ!—бормоталъ онъ, тряся головой.—Именно онъ, духъ праздности, унынія и любоначалія, вселился въ тебя!

Digitized by Google

Несмотря на неудачу съ Пустынникомъ, Ѳеденька не оставилъ своей затѣи. На другой же день (благо время случилось красное), онъ, въ сопровожденіи правителя канцеляріи, чиновниковъ особыхъ порученій и частныхъ приставовъ, съ ранняго утра двинулся въ подгородную слободу. Шествіе открывалъ Ноздревъ, а замыкалъ Держиморда; Тарасъ же Скотининъ шелъ рядомъ съ Ѳеденькой и излагалъ программу будущаго. Лаврецкій съ прочими раскаявшимися разсѣялись по сторонамъ и притворились, что рвутъ цвѣты. Придя въ подгородную слободу, Ѳеденька выбралъ пустопорожнее пространство, гдѣ было не такъ загажено, какъ въ прочихъ мѣстахъ, велѣлъ удалить куръ и поросятъ и подвергнулъ себя двухчасовому воздержанію. Затѣмъ всталъ и предъ лицомъ неба проклялъ свои прежнія заблужденія; а дабы запечатлѣть эту клятву самымъ дѣломъ, тутъ же подписалъ заранѣе изготовленный Лаврецкимъ циркуляръ. Въ циркулярѣ этомъ описывался церемоніалъ проклятія и выражалась надежда, что всѣ подчиненные поспѣшатъ послѣдовать этому примѣру. Кромѣ того, излагалось, что наука есть оружіе обоюдоострое, съ которымъ необходимо обращаться, по возможности, осторожно. Что посему, ежели господа частные пристава не надѣются отъ распространенія наукъ достигнуть благонадежныхъ результатовъ, то лучше совсѣмъ оныя истребить, нежели допустить превратныя толкованія, за которыя многія тысячи людей могутъ въ сей жизни получить законное возмездіе, а въ будущей—лишиться спасенія...

Исполнивъ все это, Ѳеденька громко возопилъ: «сатана! покажись!» Но, какъ это и предвидѣлъ Пустынникъ, сатана явиться не посмѣлъ. Обрядъ былъ конченъ; оставалось только возвратиться въ Навозный; но тутъ сюрпризомъ пріѣхала Іоанна д'Аркъ во главѣ цѣлой кавалькады дамъ. Привезли корзины съ провизіей и виномъ, послали въ городъ за музыкой, и покаянный день кончился премиленькимъ пикникомъ, подъ конецъ котораго дамы поднесли

Digitized by Google

Ѳеденькѣ бѣлое атласное знамя съ вышитыми на немъ словами: БОРЬБА.

Такимъ образомъ исполнилось и другое предсказаніе Пустынника относительно пикника...

Я знаю: прочитавъ мой разсказъ, читатель упрекнетъ меня въ преувеличеніи. Помилуйте! — скажетъ онъ: — развѣ мы не достаточно знаемъ Ѳедора Павлыча Кротикова? Никто, конечно, не станетъ отрицать, что это—малый забавный, а отчасти даже и волшебный, но вѣдь и волшебность имѣетъ свои предѣлы, которые даже самый безпардонный человѣкъ не въ силахъ переступить. Ну, съ какой стати Ѳеденька будетъ отрекаться отъ сатаны? Не пожелаетъ ли онъ скорѣе познакомиться съ нимъ? Съ какой стати придетъ ему въ голову возводить дѣвицу Волшебнову въ санъ Іоанны д'Аркъ? Зачѣмъ ему Іоанна д'Аркъ? Не поспѣшитъ ли онъ, наоборотъ, и настоящую-то Іоанну д'Аркъ, если бъ таковая попала ему подъ руку, поскорѣе произвести въ санъ дѣвицы Волшебновой?

Какъ ни вѣски могутъ показаться эти возраженія, но я позволяю себѣ думать, что они не больше, какъ плодъ недоразумѣнія. Очевидно, что читатель ставитъ на первый планъ форму разсказа, а не сущность его, что онъ называетъ преувеличеніемъ то, что, въ сущности, есть только иносказаніе, что, наконецъ, гоняясь за дѣйствительностью обыденною, осязаемою, онъ теряетъ изъ вида другую, столь же реальную дѣйствительность, которая хотя и рѣдко выбивается наружу, но имѣетъ не меньше правъ на признаніе, какъ и самая грубая, бьющая въ глаза конкретность.

Литературному изслѣдованію подлежатъ не тѣ только поступки, которые человѣкъ безпрепятственно совершаетъ, но и тѣ, которые онъ совершилъ бы, если бъ умѣлъ или смѣлъ. И не тѣ однѣ рѣчи, которыя человѣкъ говоритъ, но и тѣ, которыя онъ не выговариваетъ, но думаетъ. Развяжите человѣку руки, дайте ему свободу высказать *всю*

Digitized by Google

свою мысль—и передъ вами уже встанетъ не совсѣмъ тотъ человѣкъ, котораго вы знали въ обыденной жизни, а нѣсколько иной, въ которомъ отсутствіе стѣсненій, налагаемыхъ лицемѣріемъ и другими жизненными условностями, съ необычайною яркостью вызоветъ наружу свойства, остававшіяся дотолѣ незамѣченными, и, напротивъ, отброситъ на задній планъ то, что̀ на поверхностный взглядъ составляло главное опредѣленіе человѣка. Но это будетъ не преувеличеніе и не искаженіе дѣйствительности, а только разоблаченіе той *другой* дѣйствительности, которая любитъ прятаться за обыденнымъ фактомъ и доступна лишь очень и очень пристальному наблюденію. Безъ этого разоблаченія невозможно воспроизведеніе *всего* человѣка, невозможенъ правдивый судъ надъ нимъ. Необходимо коснуться всѣхъ готовностей, которыя кроются въ немъ, и испытать, насколько живуче въ немъ стремленіе совершать такіе поступки, отъ которыхъ онъ въ обыденной жизни поневолѣ отказывается. Вы скажете: какое намъ дѣло до того, волею или неволею воздерживается извѣстный субъектъ отъ извѣстныхъ дѣйствій, для насъ достаточно и того, что онъ не совершаетъ ихъ... Но берегитесь! *сегодня* онъ дѣйствительно воздерживается, но завтра обстоятельства поблагопріятствуютъ ему, и онъ *непремѣнно* совершитъ все, что̀ когда-нибудь лелѣяла тайная его мысль. И совершитъ тѣмъ съ бо̀льшею безпощадностью, чѣмъ бо̀льшій гнетъ сдавливалъ это думанное и лелѣянное.

Я согласенъ, что въ дѣйствительности Ѳеденька многаго не дѣлалъ и не говорилъ изъ того, что̀ я заставилъ его дѣлать и говорить; но я утверждаю, что онъ *несомнѣнно все это думалъ*, и, слѣдовательно, сдѣлалъ бы или сказалъ бы, если бъ умѣлъ или смѣлъ. Этого для меня вполнѣ достаточно, чтобъ признать за моимъ разсказомъ полную реальность, совершенно чуждую всякой фантастичности.

Многое потому только кажется намъ преувеличеніемъ, что мы безъ должнаго вниманія относимся къ тому, что̀

Digitized by Google

дѣлается вокругъ насъ. Дѣйствительность слишкомъ примелькалась намъ, да и мы сами какъ-то отвыкли отдавать себѣ отчетъ даже въ тѣхъ наблюденіяхъ, которыя мы несомнѣнно дѣлаемъ. Поэтому, когда литература называетъ вещи не совсѣмъ тѣми именами, съ которыми мы привыкли встрѣчаться въ обыденной жизни, намъ думается уже, что это—небывальщина.

Но на самомъ дѣлѣ небывальщина гораздо чаще встрѣчается въ дѣйствительности, нежели въ литературѣ. Литературѣ слишкомъ присуще чувство мѣры и приличія, чтобъ она могла взять на себя задачу съ точностью воспроизвести каррикатуру дѣйствительности. Напрасно усиливалась бы она опошлять и искажать дѣйствительность—въ послѣдней всегда останется нѣчто, передъ чѣмъ отступитъ самая смѣлая способность къ искаженіямъ. «Исказители, каррикатуристы!»—возглашаютъ близорукіе люди. Но пускай же они укажутъ предѣлы глупаго и пошлаго, до которыхъ не доходила бы дѣйствительность; пусть хоть разъ въ жизни сумѣютъ понять и оцѣнить то, что на каждомъ шагу слышитъ ихъ ухо и видитъ ихъ взоръ!

Если бъ я разсказалъ жизнь Ѳеденьки въ формѣ обнаженной лѣтописи выдающихся фактовъ его дѣятельности, я думаю, что читатель былъ бы болѣе въ правѣ упрекнуть меня въ искаженіи, хотя бы въ моемъ разсказѣ не было на горчичное зерно вымысла. Нѣтъ ничего несогласнѣе съ истиной, какъ истина въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее понимаетъ большинство людей. Ежели судить по разсказамъ лѣтописцевъ, передающихъ только голые факты, то Ѳеденьку пришлось бы, пожалуй, назвать злодѣемъ. Такова истина большинства. Но это уже потому одному неправда, что если бъ Ѳеденька былъ заправскій злодѣй, то обывателю Навознаго невозможно было бы существовать. Сверхъ того: злодѣй имѣетъ систему, а у Ѳеденьки въ распоряженіи находится лишь яичница; злодѣй не выступитъ на арену, не подготовившись заранѣе, не прозондировавъ тѣ

Digitized by Google

мѣста, гдѣ удобнѣе класть отраву; Ѳеденька же не только ни къ чему не подготовленъ, но имѣетъ всѣ свойства молодого жеребчика, вырвавшагося на волю изъ стойла. Онъ гогочетъ и роетъ землю, самъ не зная зачѣмъ. Поэтому, присматриваясь къ нему, я убѣждаюсь, что главное его качество есть простодушіе, усугубленное неразвитостью, и что вслѣдствіе этого голова его полна бредней, которыя, смотря по обстоятельствамъ, принимаютъ благопріятный или неблагопріятный для обывателя характеръ. Многія изъ этихъ бредней до того фантастичны, что онъ самъ старается скрыть ихъ, но я ловлю его на полусловѣ, я пользуюсь всякимъ темнымъ намекомъ, всякимъ минутнымъ изліяніемъ, и съ помощью ряда усилій вступаю твердой ногой въ храмину той другой, не обыденной, а скрытой дѣйствительности, которая одна и представляетъ вѣрное мѣрило для всесторонней оцѣнки человѣка. Не знаю, въ какой степени усилія мои увѣнчаются успѣхомъ, но убѣжденъ, что пріемъ мой, во всякомъ случаѣ, долженъ быть признанъ правильнымъ.

Говорятъ о каррикатурѣ и преувеличеніяхъ,—но нужно только осмотрѣться кругомъ, чтобъ обвиненіе это упало само собою.

Чего стòитъ борьба съ привидѣніями, на которую такъ легко рѣшается даже простодушнѣйшій изъ помпадуровъ.

Чего стòитъ мысль, что обыватель есть не чтò иное, какъ административный объектъ, всѣ притязанія котораго могутъ быть разомъ разсѣчены тремя словами: не твое дѣло!

Это ли не каррикатура?

Но кто же пишетъ эту каррикатуру? не сама ли дѣйствительность? не она ли на каждомъ шагу обличаетъ самоё себя въ преувеличеніяхъ?

«Изъ Егорьевска пишутъ»... «изъ Белебея пишутъ»... «изъ Пронска пишутъ»... Умѣйте же, наконецъ, читать, господа!

Digitized by Google

Возьмите для себя исходнымъ пунктомъ хоть извѣстіе: «изъ Пронска пишутъ: вчера нашъ помпадуръ, будучи на охотѣ, устроенной въ честь его однимъ изъ подгородныхъ землевладѣльцевъ, переломилъ пастуху ребро»... и идите дальше. Ежели сегодня оказывается возможнымъ и безнаказаннымъ такое-то очевидно волшебное дѣйствіе, то спросите себя: какіе размѣры приметъ это волшебство завтра? Не останавливайтесь на настоящей минутѣ, но прозрѣвайте въ будущее. Тогда вы получите цѣлую картину волшебствъ, которыхъ, *быть-можетъ*, еще нѣтъ въ дѣйствительности, но которыя несомнѣнно придутъ...

Какъ бы то ни было, но повторяю: карикатуры нѣтъ... кромѣ той, которую представляетъ сама дѣйствительность.

Если смотрѣть на дѣло съ разумной точки зрѣнія, то можно было ожидать, что, совершивъ все вышеизложенное, Ѳеденька кончитъ тѣмъ, что станетъ втупикъ. Однакожъ, къ удивленію, ничего подобнаго не случилось.

Водрузивъ знамя борьбы, онъ почувствовалъ, что у него словно гора съ плечъ свалилась. Никогда ему не было такъ легко и привольно. Онъ весь устремился куда-то въ даль, а на прошедшее взглянулъ какъ на дурной бредъ, который пересталъ быть для него обязательнымъ. Отнынѣ нѣтъ ни устности, ни гласности, ни постройки умывальниковъ при посредствѣ принципа самоуправленія—все это будетъ замѣнено однимъ словомъ: «фюить». Даже несомнѣнно-консервативные «корни и нити», которыми онъ еще такъ недавно щеголялъ, показались ему мелкими и презрѣнными. Все это пустая и лишняя процедура. Ему нужно совсѣмъ не то; ему нуженъ не фактъ, а «духъ».

— Я этотъ «духъ» уничтожу! — вопіялъ онъ на всѣхъ перекресткахъ и распутіяхъ. — Я этотъ «духъ» изъ нихъ выбью!

И вслѣдъ затѣмъ давалъ Ноздреву порученіе поднюхать, чѣмъ пахнетъ.

Digitized by Google

Но ни онъ, ни Тарасъ Скотининъ не могли опредѣлить, въ чемъ состоитъ тотъ «духъ», который они поставили себѣ задачею сокрушить. На вопросы по этому предмету Ѳеденька мялся и отвѣчалъ: «mais comment ne comprenes-vous pas cela?» Скотининъ же даже не отвѣчалъ ничего, а только усиленно вращалъ зрачками. Поэтому оба, въ концѣ концовъ, разсудили за благо употреблять это слово, какъ нѣчто не требующее толкованій, но вполнѣ ясное и твердое.

Скотининъ до того очаровалъ Ѳеденьку, что совершенно оттѣснилъ Лаврецкаго. Онъ всякое утро представлялъ Кротикову докладъ, подъ которымъ, за неумѣніемъ его грамотѣ, подписывался Кутейкинъ. Въ докладѣ никакихъ другихъ фразъ не было, кромѣ: «а дабы сей пагубный духъ истребить» и: «а дабы обуздать злокозненный оный духъ». Въ заключеніе предлагалась *мѣра*: фюить! Ѳеденька выслушивалъ эту длинную іереміаду, безъ умолку болтая всякій вздоръ и лишь изрѣдка, ради приличія, дѣлая попытку что-нибудь возразить. Но обыкновенно заключенія доклада принимались всецѣло и тутъ же передавались Ноздреву и Держимордѣ, которые со всѣхъ ногъ бросались исполнять ихъ.

Вообще Ѳеденька сдѣлался необыкновенно бодръ и дѣятеленъ. Вставалъ онъ чрезвычайно рано и тотчасъ же принималъ Скотинина, Ноздрева и Держиморду, которые, въ ожиданіи его призыва, сидѣли въ передней, бесѣдуя съ камердинеромъ Яшкою. Отдавши нужныя приказанія по части истребленія «духа», онъ призывалъ Веретьева (единственнаго изъ прежнихъ сподвижниковъ, къ которому онъ сохранилъ довѣріе) и заставлялъ его представлять, какъ жужжитъ муха, комаръ, пчела и т. п. Если и затѣмъ оставалось свободное время, то приглашался Митрофанъ Простаковъ, на которомъ Ѳеденька изучалъ, каковъ долженъ быть натуральный, неиспорченный человѣкъ. Такимъ образомъ незамѣтно летѣли часы за часами. Передъ обѣдомъ

Digitized by Google

онъ отправлялся гулять по улицамъ и тутъ дѣлалъ такъ-называемыя личныя распоряженія, то-есть таращилъ глаза, гоготалъ и набрасывался на проходящихъ.

— Что̀ ты? да ка̀къ ты? да зачѣмъ ты?—задыхался онъ.— Я изъ тебя этотъ «духъ» выбью! Я этотъ «духъ» уничтожу! Ого-го!

Затѣмъ, сдѣлавъ всѣ «распоряженія» и завершивъ ихъ словомъ: «фюить!»—Ѳеденька возвращался домой и садился за обѣдъ.

— J'espère que j'ai bien gagné mon diner, — говорилъ онъ Веретьеву.—Надѣюсь, что я могу потребовать для себя хоть одной минуты спокойствія!

И онъ, дѣйствительно, имѣлъ основаніе спокойно ѣсть свой обѣдъ, потому что Скотининъ въ это время уже обдумывалъ свой завтрашній докладъ, а Ноздревъ и Держиморда неутомимо блюли, чтобъ сегодняшнія скотининскія предначертанія были выполнены неукоснительно. Въ продолженіе цѣлаго дня они врывались въ частныя жилища, дѣлали выемки, хватали, ловили, расточали и къ ночи являлись къ Скотинину съ цѣлыми ворохами захваченныхъ книгъ и бумагъ, которыя Кутейкинъ принималъ для дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Ноздревъ, по свойственной ему пылкости нрава, не разъ порывался взять взятку, но Держиморда постоянно его удерживалъ.

— Рано!—увѣщевалъ онъ:—надобно сначала хорошенько себя зарекомендовать! Потомъ наверстаемъ!

А Ѳеденька, видя, что у него день и ночь кипитъ дѣятельность, утѣшался этимъ и говорилъ:

— On me dit que ce sont des chénapans — est-ce que j'en doute! Mais ils font à merveille mes affaires, et c'est tout ce qu'il me faut!

Да и Анна Григорьевна, по мѣрѣ силъ, усердствовала. Съ тѣхъ поръ какъ она побывала на покаянномъ пикникѣ, съ ней совершилось словно перерожденіе. Она не только вошла въ роль Іоанны д'Аркъ, но, такъ сказать, отожде-

Digitized by Google

ствилась съ этою личностью. Глаза у нея разгорѣлись, ноздри расширились, дыханіе сдѣлалось знойное, волосы были постоянно распущены. Въ этомъ видѣ, сидя на вороном конѣ, она передъ началомъ каждой церковной службы галопировала по улицамъ, призывая всѣхъ къ покаянію и къ войнѣ противъ матеріализма. Нельзя, впрочемъ, умолчать, что успѣху ея проповѣди не мало содѣйствовали частные пристава, которые употребляли всѣ мѣры кротости, дабы обыватели Навозпаго не погрязали въ матеріализмѣ, но наполняли храмы Божіи. Учтиво брали они прохожаго за шиворотъ и говорили ему:

— Ну, сдѣлай ты хоть примѣръ! ну, не молись, а только примѣръ сдѣлай!

И прохожіе, видя, что ихъ «просятъ честью», съ удовольствіемъ бросали дѣла и устремлялись въ храмы.

Ѳеденька не только выполнилъ программу, изложенную имъ въ покаянномъ циркулярѣ, но даже пошелъ дальше. «Лучше совсѣмъ истребить науки, нежели допустить превратныя толкованія», писалъ онъ въ циркулярѣ; а Скотининъ, какъ дважды-два—четыре, доказалъ ему, что всякое усиліе, дѣлаемое человѣкомъ съ цѣлью оградить себя отъ какихъ-либо случайностей, есть бунтъ противъ неисповѣдимыхъ путей. А посему: не слѣдуетъ ни пожаровъ тушить, ни принимать какія-либо мѣры противъ голода или повальныхъ болѣзней. Все это посылается не безъ цѣли, но или въ видахъ наказанія, или въ видахъ испытанія. Слѣдовательно, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ не требуется ничего, кромѣ покорности и твердости въ перенесеніи бѣдствій.

— Я, вашество, самъ на себѣ испыталъ такой случай,— говорилъ Тарасъ.—Были у меня въ имѣніи скотскіе падежи почти ежегодно. Только я, знаете, сначала тоже мудровалъ: и ветеринаровъ приглашалъ, и знахарямъ чортову пропасть денегъ просадилъ, и попа въ Егорьевъ день по полю каталъ—все, знаете, чтобъ польза была. Хоть ты что хочешь!

Digitized by Google

Наконецъ, я рѣшился-съ. Бросилъ все, пересѣкъ скотницъ и положилъ праздновать Ильинскую пятницу. И что жъ, сударь! Съ тѣхъ поръ—какъ отрѣзало. Вездѣ кругомъ скотина, какъ мухи, мретъ, а меня Богъ милуетъ!

Доктрина эта пришлась Ѳеденькѣ очень по нраву. Во-первыхъ, въ ней было что-то возвышенное, а во-вторыхъ, она освобождала его отъ многихъ обязанностей, которыя мѣшали исключительно предаться дѣлу истребленія ненавистнаго ему «духа». Не дерзость ли предотвращать болѣзни, голодъ, пожары, когда все это посылается свыше, по заслугамъ людей? Чаша нечестій до того переполнилась, что самое лучшее средство спасти это гнѣздилище неключимостей (такъ называлъ Ѳеденька Навозный) — это погубить его. Пусть голодъ, холера и огонь дѣлаютъ свое губительное дѣло; пусть истребляютъ виновныхъ, невинныхъ же подвергаютъ испытанію. Ѳеденька безъ сожалѣнія оставитъ этотъ новый Содомъ и готовъ промѣнять его даже на пустыню. При словѣ «пустыня» воображеніе Ѳеденьки, и безъ того уже экзальтированное, пріобрѣтало такой полетъ, что онъ, не въ силахъ будучи управлять имъ, начиналъ очень серьезно входить въ роль погубителя Навознаго. Ангелъ смерти, казалось ему, парить надъ нечестивымъ городомъ; пожаръ истребилъ всѣ дома, по улицамъ валяются распухшіе трупы людей и распространяютъ смрадъ. А онъ, Ѳеденька, одѣтый по-дорожному (поодаль виднѣется заложенный дормезъ, изъ окна котораго выглядываетъ Іоанна д'Аркъ), стоитъ на базарной площади и провозглашаетъ грандіозный походъ въ пустыню. Послушные его голосу, со всѣхъ сторонъ стекаются уцѣлѣвшіе обыватели, посыпаютъ свои головы пепломъ и, разодравъ на себѣ одежды, двигаются, подъ его покровительствомъ, въ степь Сахару (Ѳеденька такъ давно учился географіи, что полагалъ Сахару на границѣ Тамбовской и Саратовской губерній). Пришедши туда, онъ предложитъ обывателямъ приносить покаяніе, валяться на голой землѣ и питаться дикимъ медомъ

Digitized by Google

и акридами, самъ же разобьетъ шатеръ, выпишетъ Дорота въ качествѣ метрдотеля и, въ обществѣ Іоанны д'Аркъ. предводительшъ и предводителей, будетъ вкушать изысканныя яства. По вечерамъ избранники будутъ играть въ карты, танцовать и говорить дамамъ amabilités...

— Мнѣ и въ пустынѣ будетъ хорошо-съ!—говорилъ Ѳеденька. — Меня хоть на край свѣта ушлите—я и тамъ отлично устроюсь-съ!

— Еще какъ, вашество, устроимся-то! — прибавлялъ, съ своей стороны, Скотининъ.—Возьмемъ съ собою Еремѣевну да Вральмана, заставимъ сказки сказывать, или вотъ Митрофанушкѣ велимъ голубей гонять—и театровъ не надо.

— Le brave homme!—въ умиленіи восклицалъ Ѳеденька и, трепля Скотинина по плечу, присовокуплялъ:—Возьмемъ, старикъ, всѣхъ возьмемъ! Уложимъ чемоданы, захватимъ Еремѣевну и Митрофанушку и поѣдемъ на обывательскихъ куда глаза глядятъ!

Итакъ, новый фазисъ административной проказливости, въ который вступилъ Ѳеденька, не только не принесъ ему никакихъ затрудненій, но даже произвелъ въ немъ довольно пріятную экзальтацію. И прежняя жизнь его была бредомъ, и теперь она продолжала быть бредомъ, съ тою лишь разницею, что прежній бредъ имѣлъ сначала либеральный, потомъ консервативный характеръ, а теперь онъ принялъ форму бреда борьбы. Но эта послѣдняя форма была даже пріятнѣе двухъ первыхъ, потому что не признавала никакихъ границъ и, слѣдовательно, легко наполнялась всякаго рода содержаніемъ.

Но не столько было замѣчательно то, что Ѳеденька не почувствовалъ въ своемъ положеніи никакой противъ прежняго перемѣны, сколько то, что самый объектъ его административныхъ воздѣйствій нимало не измѣнилъ своей физіономіи. Казалось, что Навозный даже не замѣтилъ, что Кротиковъ, вмѣсто Рудина и Волохова, приблизилъ къ себѣ Скотинина и Ноздрева, что, переставъ писать циркуляры

Digitized by Google

о необходимости учрежденія заводовъ, онъ ударился въ административный мистицизмъ. Обыватели не знали ничего ни о недавнемъ либерализмѣ Ѳеденьки, ни о настоящемъ его умоизступленіи. Они, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали ѣсть пироги (а въ случаѣ неимѣнія таковыхъ, довольствовались и хлѣбомъ изъ лебеды), платить дани, жениться и посягать. Это было до такой степени необыкновенно, что даже Волоховъ удивился,—онъ, который нѣкогда выразился, что такихъ курицыныхъ дѣтей, какъ обыватели Навознаго, всяко возрождать можно. Ясно было, что большинство находится въ томъ завидномъ положеніи, когда оно ни въ какомъ случаѣ ни отъ какихъ перемѣнъ ни выиграть, ни проиграть ничего не можетъ.

Собственно говоря, отъ легкомыслія Ѳеденьки пострадали только навозные либералы. Изъ нихъ многіе подверглись расточенію, а многіе распороли себѣ животы, предпочтя напрасную смерть постыдному «фюить!», которое раздавалось въ ихъ ушахъ, безпрерывно угрожая ихъ существованію. Но, во-первыхъ, въ глазахъ большинства это были единичныя жертвы, отъ исчезновенія которыхъ городу было ни тепло, ни холодно; а во-вторыхъ, Ѳеденька старался своимъ преслѣдованіямъ придать характеръ борьбы съ безвѣріемъ и непризнаніемъ властей. А такъ какъ обыватели Навознаго искони боялись вольнодумства пуще огня, то они не только не обращали вниманія на вопли жертвъ, но, напротивъ, хвалили Ѳеденьку и подстрекали его къ новымъ подвигамъ.

Казалось, однакожъ, что было одно обстоятельство, которое не могло не тронуть навозенцевъ. Какъ сказано выше, Ѳеденька возвелъ теорію фатализма до такой крайности, что не хотѣлъ ни пожаровъ тушить, ни принимать мѣры противъ голода и повальныхъ болѣзней. Это ужъ слишкомъ близко касалось навозныхъ животовъ, чтобы не произвести въ нихъ нѣкотораго переполоха. Но на дѣлѣ оказалось, что теорія, до которой Ѳеденька додумался лишь труднымъ

Digitized by Google

процессомъ либеральныхъ разочарованій, была во всѣ времена основаніемъ всѣхъ вѣрованій обывателей, всей ихъ жизни. Изстари они безропотно помирали, исповѣдуя, что противъ бѣды да попущенія, какъ ни мудрствуй, ничего не подѣлаешь. Изстари повелось у нихъ такъ, что сегодня человѣкъ пироги съ начинкой ѣстъ, а завтра онъ же подъ окнами у сосѣдей куски выпрашиваетъ. При всемъ своемъ простодушіи, Ѳеденька отлично постигъ это свойство навозенцевъ. Онъ понялъ, что если край будетъ и въ конецъ разоренъ, вслѣдствіе набѣговъ Ноздрева и Держиморды, то у него все-таки останется мужицкая спина, которая имѣетъ свойство обростать гуще и пушистѣе, по мѣрѣ того, какъ ее оголяютъ.

Итакъ, и Ѳеденька, и Навозный край зажили на славу, проклиная либераловъ за то, что они своимъ буйствомъ накликали на край различныя бѣдствія. Сложилась даже легенда, что бѣдствія не прекратятся, покуда въ городѣ существуетъ хоть одинъ либералъ, и что только тогда, когда Ѳеденька окончательно разоритъ гнѣздо нечестія, можно будетъ не страховать имуществъ, не удобрять полей, не сѣять, не пахать, не жать, а только наполнять житницы...

X.—Зиждитель.

Первые дни великаго поста. Городъ словно въ траурѣ. На дворѣ оттепель, туманъ, слякоть, капель. Афишъ нѣтъ.

Куда идти? что дѣлать? Сходилъ бы въ департаментъ потолковать о назначеніяхъ, перемѣщеніяхъ и увольненіяхъ, но знаю, что послѣ бѣшеныхъ дней масляницы чиновники сидятъ на столахъ, болтаютъ ногами, курятъ папиросы и на лицахъ ихъ ничего не написано, кромѣ: «было бы болото, а черти будутъ». Сходилъ бы въ редакцію «нашей уважаемой газеты» покалякать, какія стоятъ на очереди реформы, но не дальше, какъ часъ тому назадъ, получилъ отъ редактора записку: «приходить незачѣмъ; реформъ нѣтъ

Digitized by Google

и не будетъ: калякать не объ чемъ». Сходилъ бы, наконецъ, въ домъ бывшаго откупщика, а нынѣ желѣзнодорожнаго дѣятеля, у котораго каждодневно, съ утра до ночи, жуируютъ упраздненные полководцы и губернаторы, посмотрѣлъ бы, какъ они поглощаютъ предоставленную имъ гостепріимнымъ хозяиномъ провизію, послушалъ бы, какъ они костятъ современныхъ реформаторовъ, но постъ и на этотъ храмъ утѣхъ наложилъ свою руку. По крайней мѣрѣ, давеча, совершая утреннюю прогулку, я встрѣтилъ одного изъ «упраздненныхъ», который, поспѣшая въ церковь къ часамъ, на ходу скороговоркой сказалъ мнѣ:

— Сегодня къ Моисею Соломоновичу—ни-ни! Говѣетъ. Кромѣ чесноку и фасоли—ничего! Въ этакомъ-то домѣ!

Идти, стало-быть, некуда. Дома тоже оставаться незачѣмъ. Читать—нечего, писать—не о чемъ. Весь организмъ пораженъ усталостью и тупымъ безучастіемъ ко всему происходящему. Спать бы лечь хорошо, но даже и спать не хочется.

Сажусь, однако, беру первую попавшуюся подъ руку газету и приступаю къ чтенію передовой статьи. Начала нѣтъ; вмѣсто него: «мы не разъ говорили». Конца нѣтъ; вмѣсто него: «объ этомъ поговоримъ въ другой разъ». Средина есть. Она написана пространно, просмакована, даже не лишена гражданской меланхоліи, но, хоть убей, я ничего не понимаю. Сколько лѣтъ ужъ я читаю это: «поговоримъ въ другой разъ!» Да ну же поговори!—такъ и хочется крикнуть...

Я съ дѣтскихъ лѣтъ имѣю вкусъ къ русской литературѣ. Всегда былъ усерднымъ читателемъ, и, могу сказать по совѣсти, даже въ то время, когда цензоръ одну половину фразы вымарывалъ, а въ остальную половину, въ видахъ округленія, вставлялъ: «о, ты, пространствомъ безконечный!»—даже и въ то время я понималъ. Отсѣку, бывало, одно слово, другое отъ себя прибавлю—и понимаю. Но именно нынче возникъ у насъ особенный отдѣлъ печатнаго

Digitized by Google

слова, который рѣшительно ничего не возбуждаетъ во мнѣ, кромѣ ропота на Провидѣніе. Это—отдѣлъ передовыхъ газетныхъ статей. Читаю-читаю—и ничего ухватить не могу. Только-что за что-нибудь ухвачусь—глядь, ужъ пропало. Точно сквозь сито—такъ и льется, такъ и исчезаетъ...

Прежде у насъ не было ни гласныхъ судовъ, ни земскихъ учрежденій, но была цензура. При содѣйствіи цензуры, литература была вынуждаема отсутствіе своихъ собственныхъ политическихъ и общественныхъ интересовъ вымещать на Луи-Филиппѣ, на Гизо, на французской буржуазіи и т. д. Несмотря на это, писали не только понятно, но даже занятно. Какъ ни слаба была связь между мной и Луи-Филиппомъ, но мнѣ было лестно, что русская журналистика не одобряетъ его внутренней политики. Въ внушеніяхъ, дѣлаемыхъ Гизо, я видѣлъ извѣстное міросозерцаніе; я толковалъ себѣ ихъ такъ: ужъ если Гизо такъ проштрафился, то что̀ же должно сказать о дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Держимордѣ? И вотъ, вмѣстѣ съ устроителями февральскихъ банкетовъ, я кричалъ: à bas Louis-Philippe! à bas Guizot! кричалъ искренно и горячо, хотя лично ничего отъ того не выигрывалъ, что Луи-Филиппъ былъ 24-го февраля 1848 года уволенъ безъ прошенія въ отставку. Выигрывалъ не я, а мое міросозерцаніе, выигрывали тѣ политическіе и общественные идеалы, къ которымъ я себя пріурочивалъ.

Теперь у насъ существуютъ всевозможные политическіе и общественные интересы. Все дано намъ: и гласный судъ, и земскія учрежденія, а сверхъ того многое оставлено и изъ прежняго. Тутъ-то бы и поговорить. По поводу одного—порадоваться, по поводу другого—излить гражданскую скорбь. Вѣдь дѣло идетъ уже не о дотаціи герцога Немурскаго (напѣли мы за нее порядкомъ Луи-Филиппу въ свое время!), а о собственной нашей дотаціи въ формѣ гласностей, устностей и т. п. А между тѣмъ никто ничему не радуется, никто ни о чемъ не печалится! Какъ будто бы

Digitized by Google

никакихъ дотацій и не бывало. Спохватился-было г. Головачовъ, издалъ книгу: «Десять лѣтъ реформъ»... цѣлыхъ десять лѣтъ! Но и онъ никого не утѣшилъ и не опечалилъ, а многихъ даже удивилъ.

— Видѣли—подъ стекломъ «Десять лѣтъ реформъ» стоятъ?—изумляясь, спрашивали одни.

— Какія «Десять лѣтъ реформъ»? когда? зачѣмъ? — изумлялись въ отвѣтъ другіе.

И только.

Словомъ сказать, вкусъ къ французской буржуазіи пропалъ, а надежда проникнуть, при содѣйствіи крестьянской реформы, въ какую-то таинственную суть—не выгорѣла. И остался русскій человѣкъ ни при чемъ и не на комъ ему свое сердце сорвать. Въ результатѣ—всеобщая адская скука, находящая себѣ выраженіе въ небываломъ обиліи безформенныхъ общихъ фразъ. Ничего, кромѣ азбуки, въ самомъ пошломъ, казенномъ значеніи этого слова. Менандръ проводитъ мысль, что надо жить въ ожиданіи дальнѣйшихъ разъясненій. Агатонъ выражаетъ, что жить въ ожиданіи разъясненій не штука, а вотъ штука—прожить безъ всякихъ разъясненій. А бѣдный дворянинъ Никаноръ идетъ еще дальше и лѣзетъ изъ кожи, доказывая, что въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, не должно быть рѣчи не только о «разъясненіяхъ», но даже о «неразъясненіяхъ», и что всякому вѣрному сыну отечества надлежитъ жить да поживать, да дѣтей наживать. И все это говорится съ сонливою серьезностью, говорится отъ имени какихъ-то «великихъ партій», которыя стоятъ-де за «нами» и никакъ не могутъ подѣлить между собою выѣденнаго яйца.

Скучное время, скучная литература, скучная жизнь. Прежде хоть «рабьи рѣчи» слышались, страстныя «рабьи рѣчи», иносказательныя, но понятныя; нынче и «рабьихъ рѣчей» не слыхать.

Я не говорю, чтобъ не было движенія—движеніе есть,—

Digitized by Google

но движеніе докучное, напоминающее дерганье изъ стороны въ сторону.

Представьте себѣ человѣка, который сидитъ въ наглухо запертомъ экипажѣ и дремлетъ. Сквозь дремоту онъ чувствуетъ, что и не ѣдетъ, и на мѣстѣ путемъ не стоитъ, но что есть какое-то дерганье, которое поминутно безпокоитъ его. До него доносится говоръ, людскіе шаги, постукиванье, позвякиванье, и все это смутно, все попеременно то смолкаетъ, то опять возобновляется. Вотъ и опять что-то дернуло, и опять, и опять. Вотъ и дремота, наконецъ, соскакиваетъ съ путника — зачѣмъ? Вѣдь и придя въ себя, онъ становится лицомъ къ лицу, все-таки, не съ дѣйствительностью, а съ загадкою. Что̀ случилось? что̀ означаетъ дерганье? Предвѣщаетъ ли оно движеніе или безсрочную остановку на мѣстѣ? Пріѣхали ли куда-нибудь? Хоть не туда, куда ѣхали, а туда, откуда выѣхали?

Всѣ эти вопросы остаются безъ отвѣта, потому что кругомъ темнота, а впереди ничего, кромѣ загадки. Въ такомъ безнадежномъ положеніи можно волноваться вопросами только сгоряча, но разъ убѣдившись, что никакія волненія ни къ чему не ведутъ, остается только утихнуть, сложить руки и думать о томъ, какъ бы такъ примоститься, чтобы дерганье какъ можно меньше нарушало покой. Разумѣется, существуютъ люди, которые и въ подобныхъ положеніяхъ не могутъ не обольщаться, что вотъ-вотъ сейчасъ разбудятъ и скажутъ: пріѣхали! Но спрашивается: что же тутъ хорошаго? Ну, пріѣхали! Куда пріѣхали?—вѣдь навѣрное куда-нибудь въ чуланъ, въ которомъ царствуютъ сумерки и среди этихъ сумерокъ безтолково мятется людской сбродъ. Въ движеніяхъ этого сброда замѣчается суета, на лицахъ написано непонятіе. Толкутся, дерутся, рвутъ другъ у друга куски... сами не знаютъ, зачѣмъ рвутъ. Нѣтъ, какъ хотите, а лучше замереть: можетъ-быть, какъ-нибудь оно и пройдетъ, проползетъ это странное время.

Digitized by Google

До того смякла, понизилась жизнь, что даже административное творчество покинуло насъ. То творчество, которое обязательно переходитъ черезъ весь петербургскій періодъ русской исторіи. По крайней мѣрѣ, послѣ лучезарнаго появленія на аренѣ административной дѣятельности контрольныхъ чиновниковъ, удостовѣрявшихъ, что такъ-называемая «современная ревизія отчетностей» должна удовлетворить самыхъ требовательныхъ русскихъ конституціоналистовъ, я просто ни на какихъ новыхъ административныхъ піонеровъ указать не могу.

Вспомните прежнихъ финансистовъ, статистиковъ, судей! Какою бездной талантливости должны были обладать эти люди! Вѣдь они являлись на арену дѣятельности не только безъ всякихъ приготовленій, но просто въ чемъ мать на свѣтъ родила, однако и за всѣмъ тѣмъ, все-таки, умѣли нѣчто понимать, нѣчто сказать, разсуждать, выслушивать, говорить. Вспомните, наконецъ, прежнихъ помпадуровъ! Пріѣдетъ, бывало, помпадуръ въ предоставленный ему край и непремѣнно что-нибудь да сдѣлаетъ: либо дороги аллеями обсадитъ, либо пожарную трубу выпишетъ, либо предпишетъ разводить картофель...

Была пытливость, была потребность игры ума. Не знанія, а именно игры ума. Сверхъ того, была потребность воспрославить свое имя... хоть покупкою шрифта для губернской типографіи.

Теперь ни игры ума, ни жажды славы — ничего нѣтъ. Ничѣмъ не подкупишь человѣка, ибо все въ немъ умерло, все замѣнено словомъ «фюить!» Но развѣ это слово? Вѣдь это безсмысленный звукъ, который можетъ заставить только вздрогнуть.

Или опять другое модное слово: «не твое дѣло!»—развѣ можно такъ говорить? Можетъ ли быть что-нибудь предосудительнѣе этой безнадежной фразы? Не она ли изсушила въ конецъ наше пресловутое творчество? не она ли поло-

Digitized by Google

жила начало той адской апатіи, которая съѣдаетъ современное общество и современную русскую жизнь?

Между тѣмъ какъ я такимъ образомъ унывалъ, мнѣ подали карточку, на которой я прочиталъ: le comte Serge de Bystrizinn, conseiller d'état, président de la Société Economique de Tchoukloma, etc., etc.

Сережа Быстрицынъ принадлежалъ къ той блестящей плеядѣ моихъ однокашниковъ, изъ которой потомъ вышли: Ѳедя Кротиковъ, Митя Козелковъ, Петька Толстолобовъ и другіе помпадуры, съ которыми я уже имѣлъ случай познакомить читателя. Но онъ былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Въ немъ не было ни блеска, которымъ отличался Кротиковъ, ни дипломатической ловкости, которая составляла характеристическую черту дѣятельности Козелкова. Еще на школьной скамьѣ это былъ ребенокъ скромный, чистенькій, хозяйственный и солидный. Сидитъ, бывало, на своемъ мѣстѣ и все надъ чѣмъ-то копается. Или корабликъ изъ бумаги дѣлаетъ, или домикъ вырѣзываетъ, или строгаетъ что-нибудь. Спросишь его:

— Зачѣмъ ты, Сережа, все кораблики дѣлаешь?

Онъ солидно и разсудительно отвѣтитъ:

— А можетъ-быть и понадобятся!

Такимъ образомъ надѣлалъ онъ этихъ корабликовъ видимо-невидимо, и мы, легкомысленныя дѣти, признаться, даже подшучивали надъ нимъ, что это онъ новый флотъ на мѣсто черноморскаго строитъ. Но воспитатели наши уже тогда угадывали въ немъ будущаго хозяина и организатора.

— Oh, celui-la ne perdra pas la tête, comme vous autres, têtes remplies de foin! — говаривалъ, бывало, мосьё Багатель: — faites le passer par toutes les réformes que vous voudrez, il en sortira à son avantage!

И дѣйствительно, по выходѣ изъ школы, онъ не устремился, подобно прочимъ товарищамъ, на поискъ медленной

Digitized by Google

карьеры, но удалился въ свою чухломскую деревню, и тамъ, чтобы не терять права на полученіе чиновъ, пристроился къ мѣсту почетнаго смотрителя уѣзднаго училища. Здѣсь тихими, но вѣрными шагами онъ достигалъ того, что̀ другими было достигнуто быстро, при помощи цѣлованія плечиковъ, посѣщенія Дюссо и заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ. Я не знаю, что̀ собственно дѣлалъ Сережа, сидя въ деревнѣ, но думаю, что онъ, по обыкновенію своему, клеилъ, вырѣзывалъ и строгалъ, потому что крестьянская реформа не только не застигла его врасплохъ, какъ другихъ, но, напротивъ того, онъ встрѣтилъ ее во всеоружіи и сразу сумѣлъ поставить свое хозяйство на новую ногу. Этого мало: примѣромъ своимъ онъ заразилъ нѣсколькихъ молодыхъ чухломцевъ и успѣлъ организовать изъ нихъ общество, имѣвшее цѣлью возрожденіе чухломскаго хозяйства. Этого было достаточно, чтобы составить ему и его уѣзду какую-то полуфантастическую хозяйственно-организаторскую репутацію. Чухломцы были замѣчены. Нѣкоторые изъ нихъ скоро вынырнули изъ чухломскихъ болотъ и успѣли занять хорошія административныя положенія. Поговаривали о школѣ чухломскихъ администраторовъ, которая съ удобствомъ должна была замѣнить другую школу администраторовъ, не имѣвшую за душой ничего, кромѣ «фюить». «Чухломцы все сдѣлаютъ!—говорилось въ петербургскихъ гостиныхъ:—они и земледѣліе возродятъ, и торговлю разовьютъ, и новыя породы скота разведутъ, и общественное спокойствіе спасутъ!» Но Сережа, этотъ прототипъ чухломца-организатора, все еще упорно сидѣлъ въ Чухломѣ и нимало даже не завидовалъ болѣе прыткимъ чухломцамъ, которые спѣшили ковать желѣзо, пока оно горячо. Онъ ждалъ съ терпѣніемъ, ибо зналъ, что чаша сія не минетъ его. И дѣствительно, по мѣрѣ того, какъ прочіе организаторы-чухломцы, разсѣянные по лицу земли и недостаточно выдержанные, постепенно изнемогали въ борьбѣ съ недоимками, Сережа все прочнѣе и прочнѣе устраивалъ свое

Digitized by Google

положеніе. Наконецъ, слава его достигла такихъ размѣровъ, что нельзя ужъ было больше терпѣть. Что-нибудь одно: или услать его туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ, или призвать и сказать: нà, возрождай!

Это было что-то невѣроятное, фантастическое. Говорили, будто, занимаясь рыбоводствомъ, онъ дошелъ до того, что скрестилъ налима съ лещомъ, и что отъ этого произошла рыба, соединявшая маслянистую тешку леща съ налимьею печенкою. Потомъ началъ ходить слухъ, что онъ утилизировалъ крапиву, началъ выдѣлывать изъ нея поташъ, который и разсылаетъ теперь во всѣ страны свѣта. Въ довершеніе всего, пришло достовѣрное извѣстіе, что у него на скотномъ дворѣ существуетъ быкъ, который, по усмотрѣнію своего владѣльца, можетъ быть родоначальникомъ и молочной, и мясной породы. Эти скромныя, но полезныя для человѣчества дѣянія до такой степени выгодно выдѣлялись изъ цѣлой цѣпи дѣяній легкомысленныхъ и безплодно возмутительныхъ, что не обратить на нихъ вниманія было невозможно.

— Слышали: Быстрицынъ?..

— Изумительно!

— Да, батюшка, это... организаторъ! Это не свистунъ! Это настоящій, дѣйствительный помпадуръ-хозяинъ! Такой помпадуръ, какихъ именно въ настоящее время требуетъ Россія!

И онъ былъ призванъ...

Пріѣхавши въ Петербургъ, онъ мнѣ первому сообщилъ о сдѣланныхъ ему предложеніяхъ, но сообщилъ застѣнчиво и даже съ оттѣнкомъ опасенія, что у него недостанетъ силъ, чтобъ оправдать столько надеждъ. Какъ истинный чухломецъ, онъ былъ не только скроменъ, но даже немножко дикъ («un peu farouche», какъ говоритъ Федра объ Ипполитѣ), и мнѣ стоило большого труда ободрить его.

— Посмотри на Кротикова, на Толстолобова,—говорилъ я ему:—вѣдь это развѣ люди!

Digitized by Google

— Кротиковъ и Толстолобовъ,—отвѣчалъ онъ,—это администраторы по призванію. Это герои минуты. Ихъ совѣсть можетъ оставаться спокойною, если у нихъ даже ничего за душою нѣтъ, кромѣ «фюить». Но я, понимаешь ты, я—хозяинъ! Я долженъ, ты понимаешь—*долженъ* создать, организовать, устроить. Наши чухломцы уже сдѣлали нѣчто въ этомъ смыслѣ, но, признаюсь, я не совсѣмъ доволенъ ими. Они еще недостаточно освободились изъ-подъ гнета недоимокъ. Но я... я не могу ограничиться тѣмъ, что взыскалъ столько-то тысячъ недоимокъ! Я могу хвалиться только тѣмъ, что ничего не взыскалъ... потому что у меня никакихъ недоимокъ нѣтъ и не можетъ быть!

Тѣмъ не менѣе, онъ уступилъ моимъ настояніямъ, то-есть хотя и поломался немного, но принялъ. И справедливость требуетъ сказать, что скромность не только не повредила ему, но даже еще рельефнѣе выставила его организаторскія способности. Не имѣя за себя ни громкихъ воспоминаній о совмѣстномъ посѣщеніи заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ, ни недавнихъ впечатлѣній совмѣстнаго собутыльничества у Дюссо, безъ малѣйшаго посредничества Камиль-де-Ліонъ, Лотаръ или Бланшъ Виланъ, просто, естественно явился онъ на судъ—и сейчасъ же сдѣлался героемъ дня. Всѣ стремились видѣть его, всѣ разспрашивали, какимъ образомъ онъ сумѣлъ достигнуть такихъ изумительныхъ результатовъ; всѣ поняли, что даже тѣ бойкіе чухломцы, которыхъ организаторскимъ способностямъ еще такъ недавно удивлялись,—и тѣ, въ сравненіи съ нимъ, не больше, какъ ученики и провозвѣстники. Что настоящій, заправскій чухломецъ—это онъ, это графъ Сергѣй Васильевичъ Быстрицынъ!

. . . . . .

Онъ вошелъ ко мнѣ во всей формѣ, взволнованный. Губы его были сухи, глаза какъ-то особенно блестѣли, все лицо сіяло восторженностью. Онъ былъ очень милъ въ эту минуту.

— Все кончено! — сказалъ онъ, пожимая мнѣ руки:—

Digitized by Google

чаша, которой я такъ избѣгалъ... я уже чувствую прикосновеніе ея краевъ къ губамъ моимъ!

— Куда?

— Въ Паскудскъ!

— Исправляющимъ?

— Нѣтъ, настоящимъ. И съ производствомъ въ дѣйствительные.

Онъ сжалъ губы, какъ будто хотѣлъ овладѣть полнотою своихъ чувствъ.

— Поздравляю! Это шагъ!

— Богъ, Который видитъ мою совѣсть, Онъ знаетъ, какъ я не желалъ этого шага, какъ страшили меня эти почести... все это мишурное величіе!

Онъ опять сжалъ губы, но, противъ воли, глаза его затуманились. Повторяю: онъ очень былъ милъ!

— Что̀ же дѣлать, мой другъ!—утѣшалъ я.—Провидѣніе, надо покориться Его волѣ! Тяжелъ твой вѣнецъ—я согласенъ, но надобно нести его! Неси, братецъ, неси! Ты пострадаешь, зато Паскудскъ будетъ счастливъ!

— Je le jure!—воскликнулъ онъ, простирая руку.

Я принялъ его клятву и, разумѣется, счелъ за долгъ прочитать приличную этому торжеству предику.

— Помни эту клятву, мой другъ! — сказалъ я: — помни, что̀ говорится про клятвы: разъ солгалъ, въ другой солгалъ, въ третій никто ужъ и не повѣритъ! Ты поклялся, что Паскудскъ будетъ счастливъ—та̀къ и гони эту линію! «Фюить»-то да «не твое дѣло» бросить надобно!

— Какія дрянныя, безсмысленныя выраженія!

— Да, душа моя, надоѣли они, до смерти надоѣли! Лучше совсѣмъ ничего не дѣлать, нежели вращать глазами да сквернословить! Испугать обывателя, конечно, не трудно, но каково-то его въ чувство потомъ привести! Дай же мнѣ слово, что ты никогда не будешь ни зрачками вертѣть, ни сквернословить... никогда!

— Je le jure!

Digitized by Google

Мы взялись за руки и нѣсколько минутъ стояли, смотрясь другъ другу въ глаза, какъ влюбленные.

— Ну, очень радъ. И радъ не столько за тебя, сколько за Паскудскъ!—сказалъ я, наконецъ.—Теперь тебѣ надобно только великими образцами напитаться. Надѣюсь, однакожъ, что ты будешь искать этихъ образцовъ не въ ближайшихъ своихъ предмѣстникахъ?

— Jamais!

— Но въ древности бывали помпадуры, достойные подражанія. Я самъ зналъ одного, который, въ теченіе семи лѣтъ помпадурства, два новыхъ шрифта для губернской типографіи пріобрѣлъ!

— Mon cher! я ужъ думалъ объ этомъ! Но все это частности... положимъ, полезныя... а все-таки частности! Увы! въ исторіи нашихъ помпадурствъ нѣтъ образцовъ, которыми мы могли бы руководиться! Даже въ самыхъ лучшихъ помпадурахъ творчество имѣетъ характеръ случайности. Это не зиждители, а заплатныхъ дѣлъ мастера. Одинъ сѣетъ картофель, а о путяхъ сообщенія не думаетъ; другой обсаживаетъ дороги березками, а не думаетъ о томъ, что дороги тогда только полезны, когда есть что̀ возить по нимъ. Читая лѣтопись этихъ дѣяній, нельзя не отдавать имъ справедливости, но, въ то же время, нельзя не чувствовать, что все это опыты, дѣлавшіеся, такъ сказать, ощупью. Никто не смотритъ вглубь, никто не видитъ корня. Многіе, напримѣръ, прославились тѣмъ, что взыскали цѣлую массу недоимокъ...

— Взыскали массу недоимокъ! Какъ ты, однакожъ, легко объ этомъ говоришь!

— Да, но прежде нежели удивляться этому подвигу, спроси себя: что̀ такое недоимки и откуда онѣ? Недоимки и благоустроенное хозяйство—развѣ это понятія совмѣстимыя? Развѣ слово «недоимки» можетъ быть допущено въ сколько-нибудь приличномъ административномъ лексиконѣ! Россія—и недоимки! Это безконечная карта, на неизмѣри-

Digitized by Google

момъ пространствѣ которой человѣкъ на каждомъ шагу попираетъ неисчерпаемыя богатства—и какой-нибудь милліонъ, два милліона, три милліона недоимокъ! Quelle misère! Какое горькое, оскорбительное сопоставленіе!

Я зналъ, что это основной тезисъ чухломской школы. Развитіе творческихъ силъ народа съ цѣлью столь безпрепятственнаго взысканія податей и сборовъ, которое исключало бы самое понятіе о «недоимкѣ»; изысканіе новыхъ источниковъ производительности, въ видахъ воспособленія государственному казначейству, и, наконецъ, упраздненіе военныхъ экзекуцій, какъ средства, не всегда достигающаго цѣли и, при томъ, сопряженнаго съ издержками для казны — вотъ вся сущность чухломской конституціи. Но никогда я не слыхалъ ее высказанною съ такою безповоротною опредѣленностью!

— Если бъ начальство могло слышать тебя, Serge, какъ бы оно порадовалось!—сказалъ я

— Все это я ужъ объяснилъ тому слѣдуетъ. И что всего удивительнѣе, всѣ слушали меня какъ будто я разсказываю какія-то чудеса!

— Какъ же не чудеса! Помилуй! Жизнь безъ недоимокъ! отсутствіе экзекуцій! новые источники! Какихъ еще больше чудесъ!

— Никакихъ чудесъ нѣтъ. Нужно только терпѣніе... и, конечно, немного умѣнья...

— Avec beaucoup de patience et... знаю! Но вѣдь, говорятъ, ты въ имѣніи своемъ, дѣйствительно, устроилъ что-то необыкновенное?

— Ничего необыкновеннаго. Никакихъ чудесъ. Я работалъ, и былъ такъ счастливъ, что нѣкоторые изъ моихъ опытовъ дали результаты... поразительные! Вотъ и все.

— Напримѣръ, помѣсь налима и леща... parlez-moi de ça!

— Ну, да, это такъ. Это опытъ удачный. Но самъ по себѣ онъ не имѣетъ еще большого значенія. Онъ важенъ... онъ дѣйствительно важенъ... но лишь въ связи съ другими

Digitized by Google

подобными же опытами, долженствующими дать совершенно новыя основанія нашей сельской жизни. Рыбоводство, скотоводство, свиноводство, садоводство — tout se lie, tout s'enchaîne dans ce monde! А моя система — это именно цѣлый міръ!

— Рыбоводство, скотоводство... и тутъ же рядомъ, такъ сказать, во главѣ всего... помпадурство! Какъ ты соединишь это? Какимъ образомъ устроишь ты такъ, чтобъ помпадурство не препятствовало скотоводству, и наоборотъ?

— Ничего нѣтъ проще. Стòитъ только сказать самому себѣ: надо дѣлать совершенно противоположное тому, чтò дѣлаютъ всѣ прочіе помпадуры, — и результаты получатся громадные. Пойми меня, душа моя. Большинство помпадуровъ главною цѣлью своей дѣятельности поставило такъ-называемую внутреннюю политику. Они ничего другого не признаютъ, кромѣ войны, ничѣмъ другимъ не занимаются, кромѣ пререканій съ обывателями. Вслѣдствіе этого они предпринимаютъ болѣе или менѣе отдаленные походы, производятъ экзекуціи, расточаютъ, разгоняютъ и въ довершеніе всего безпокоятъ начальство донесеніями. Понятно, что при такихъ условіяхъ скотоводство не можетъ процвѣтать. Я же, напротивъ того, прежде всего говорю себѣ: никакой внутренней политики нѣтъ и не должно быть! Все это вздоръ, потому что не существуетъ даже предмета, противъ котораго эта политика могла бы быть направлена.

— Ну, это ты, кажется, ужъ черезъ край хватилъ!

— Напротивъ того, и если ты послѣдуешь за мной въ развитіи моей мысли, ты, конечно, согласишься со мной. Итакъ, raisonnons. Обозрѣвая à vol d'oiseau населеніе какого бы то ни было края, чтò мы видимъ? Во-первыхъ, мы видимъ сотни, тысячи, сотни тысячъ, милліоны, цѣлое море мужиковъ. Спрашиваю тебя: если я буду истреблять, посредствомъ внутренней политики, мужиковъ—кто будетъ платить подати? кто будетъ производить то, безъ чего я,

Digitized by Google

какъ человѣкъ извѣстныхъ привычекъ, не могу обойтись? кто, наконецъ, доставитъ матеріалъ для цѣлой статистической рубрики подъ названіемъ: «движеніе народонаселенія»? Но этого мало: скажу тебѣ по секрету, что нашъ мужикъ даже не боится внутренней политики, потому просто, что не понимаетъ ея. Какъ ты его ни донимай, онъ, все-таки, будетъ думать, что это не «внутренняя политика», а просто Божеское попущеніе, въ родѣ мора, голода, наводненія, съ тою лишь разницею, что на этотъ разъ воплощеніемъ этого попущенія является помпадуръ. Нужно ли, чтобъ онъ понималъ, что̀ такое внутренняя политика?—на этотъ счетъ мнѣнія могутъ быть различны; но я, съ одной стороны, говорю прямо: берегитесь, господа! потому что какъ только мужикъ пойметъ, что̀ такое внутренняя политика—n,i=ni, c'est fini!

— Гм!.. да... пожалуй, что это и такъ. Сказываютъ, и шахъ персидскій тоже такое мнѣніе высказалъ. Говорятъ, что когда его въ Парижѣ спросили, какая страна ему больше понравилась, то онъ отвѣтилъ: «Moi... Russie... politique jamais!.. hourra toujours... et puis айда!» И такъ это, сказываютъ, Макъ-Магоншѣ понравилось, что она тутъ же выразилась: «и у насъ, говоритъ, ваше величество, къ будущему пріѣзду вашему то же будетъ!»

— Ну, вотъ видишь ли! Но продолжаю. Во-вторыхъ, среди моря мужиковъ, я вижу небольшую группу дворянъ и еще меньшую группу купцовъ. Если я направлю внутреннюю политику противъ дворянъ—кто же будетъ исправлять должность опоры? съ кѣмъ буду я проводить время, играть въ ералашъ, танцовать на балахъ? Ежели я расточу купцовъ — у кого я буду ѣсть пироги? Остается, сталобыть, только одно четвертое сословіе, которое могло бы быть предметомъ внутренней политики, — это сословіе нигилистовъ.

— Итакъ, ты совершенно отвергаешь внутреннюю политику?

Digitized by Google

— Да, совершенно. Это исходный пунктъ моей программы. Изсушать и уничтожать только болота, а прочее все оплодотворять. Это, коли хочешь, тоже своего рода внутренняя политика, но политика созидающая, а не расточающая. Затѣмъ я приступаю ко второй половинѣ моей программы и начинаю съ того, что приготовляю почву, необходимую для будущаго сѣянія, то-есть устраняю вредные элементы, которые могутъ представлять неожиданныя препятствія для моего дѣла. Такихъ элементовъ я, главнѣйшимъ образомъ, усматриваю три: пьянство, крестьянскіе семейные раздѣлы и общинное владѣніе землей. Вотъ три гидры, которыя мнѣ предстоитъ побѣдить. Прежде всего, разумѣется — пьянство, какъ противникъ, пользующійся особенной популярностью. Но ты позволишь мнѣ вмѣсто дальнѣйшихъ объясненій прочитать уже заготовленный мною по этому предмету циркуляръ.

Быстрицынъ порылся въ карманѣ своего мундира и вытащилъ изъ него бумажку, которую онъ, очевидно, показывалъ ужъ не мнѣ первому.

«Въ виду постоянно развивающагося пьянства, я считаю долгомъ изложить вамъ мой взглядъ на сей важный предметъ,—началъ онъ.—Но прежде всего я чувствую потребность надлежащимъ образомъ установить точку зрѣнія, на которой вы должны стоять при чтеніи настоящаго циркуляра. Я отнюдь не намѣренъ настаивать на полномъ изъятіи водки изъ народнаго употребленія. Кромѣ того, что это задача мнѣ непосильная, я очень хорошо понимаю, что въ нашемъ суровомъ климатѣ совершенно обойтись безъ водки столь же трудно, какъ, напримѣръ, жителю пламенной Италіи трудно обойтись безъ макаронъ и безъ живительныхъ лучей солнца, а обитателю болѣе умѣренной полосы, нѣмцу — безъ кружки пива и колбасы. Водка полезна во многихъ случаяхъ — я это знаю. Во-первыхъ, при согрѣтіи окоченѣвшихъ на холодѣ членовъ; во-вторыхъ, при угощеніи друга; въ-третьихъ, — при болѣзняхъ.

Digitized by Google

Кто не знаетъ цѣлительныхъ свойствъ рижскаго бальзама и водокъ, на манеръ онаго выдѣлываемыхъ? Кому не извѣстны водки: полынная, желудочная, анисовая, перцовая и, наконецъ, архіерейскій настой?! Рюмка, выпитая передъ обѣдомъ, помогаетъ пищеваренію; точно такъ же рюмка и даже двѣ, выпитыя въ обществѣ хорошихъ знакомыхъ, ободряютъ духъ человѣка, дѣлаютъ его наклоннымъ къ дружеству и къ веселому изліянію чувствъ. Общежитіе безъ водки немыслимо. И, конечно, тотъ можетъ почесть себя истинно счастливымъ, кто знаетъ, на какой рюмкѣ ему остановиться, или, лучше сказать, кто рядомъ прозорливыхъ надъ собой наблюденій сумѣлъ въ точности опредѣлить, послѣ какой счетомъ рюмки онъ становится пьянъ. Но, къ сожалѣнію, свойственная человѣку самонадѣянность не всякому дозволяетъ достигнуть сего желательнаго для преуспѣянія народной нравственности результата.

«Вотъ объ этой-то послѣдней, *пьяной*, рюмкѣ и намѣренъ я бесѣдовать съ вами.

«Гдѣ, въ какомъ притонѣ, въ какомъ товариществѣ человѣкъ находитъ сію пагубную для него рюмку? Дома онъ не найдетъ ея, ибо здѣсь его остановитъ заботливая рука жены, умоляющіе взоры воспитанныхъ въ страхѣ Божіемъ дѣтей и, наконецъ, благожелательный совѣтъ друга. Въ гостяхъ онъ тоже не найдетъ ея, ибо тутъ его остановитъ простое чувство приличія. Очевидно, стало-быть, что онъ найдетъ ее въ такомъ убѣжищѣ, за порогомъ котораго оставляется не только чувство приличія, но и воспоминаніе о семейномъ очагѣ и его радостяхъ. Это мрачное убѣжище — долженъ ли я называть его? — это кабакъ! Здѣсь отецъ семейства, выпивъ пагубную рюмку, потребуетъ еще пагубнѣйшей, и затѣмъ, заложивъ сперва сапоги, потомъ шубу, незамѣтно утратитъ уваженіе къ самому себѣ. Здѣсь мать семейства, выведенная изъ терпѣнія безобразнымъ видомъ упившагося мужа, начинаетъ собственноручно расправляться съ нимъ въ виду плачущихъ и недоумѣваю-

Digitized by Google

щихъ дѣтей. Здѣсь едва вышедшій изъ колыбели ребенокъ уже притворяется пьянымъ и ломается въ угоду развратной толпѣ.

«Вотъ мрачная картина пьянства и тѣхъ безобразныхъ вертеповъ, въ которыхъ оно производится. Надѣюсь, что ея достаточно, чтобъ возбудить въ людяхъ благонамѣренныхъ отвращеніе и даже тошноту. А потому, и имѣя въ виду, что пьянство, сверхъ всего вышеизложеннаго, есть главная причина недоимокъ»...

— Ну, тамъ — какъ обыкновенно: слѣдить, наблюдать, увѣщевать и т. д. Ну, какъ по-твоему? убѣдительно?

— Превосходно! Особливо объ этой рюмкѣ... Я, братъ, самъ это на себѣ испыталъ! Пьешь-пьешь иногда — и все ничего; и вдругъ — эта рюмка! Такъ вотъ словно и скòситъ тебя! Только я, признаться, думаю, что не въ одномъ кабакѣ можно эту рюмку найти. Вотъ я, напримѣръ, въ кабакѣ не бывалъ, а эту рюмку знаю!

— Еще бы! а я-то?! Но вѣдь мы... на насъ вѣдь недоимокъ нѣтъ; да и время у насъ свободное — кому до насъ надобность! Ну, а мужикъ — c'est autre chose!

— Да, братъ, мужикъ — это точно, что autre chose. Ему нельзя эту рюмку знать, потому что, кромѣ того, что рюмка сама по себѣ денегъ стòитъ, она еще и расчеты его всѣ запутываетъ. Ему, напримѣръ, чѣмъ-свѣтъ встать надо, рожь на базаръ везти, а у него голова трещитъ. Ему санишки изладить нужно, а у него руки дрожатъ, онъ вмѣсто полоза-то — по рукѣ себя топоромъ тяпнулъ!.. Да, мужикъ — это именно autre chose! За нимъ еще какъ за ребенкомъ ходить надобно, чтобъ онъ, значитъ, въ непрестанныхъ физическихъ трудахъ находился... тогда, и только тогда, онъ объ одной рюмкѣ забудетъ!

— Вотъ это-то именно я и желаю внушить своимъ подчиненнымъ!

— И прекрасно. Ну-съ, а теперь далѣе.

— Далѣе я поведу войну съ семейными раздѣлами и

Digitized by Google

общиннымъ владѣніемъ. Циркуляры по этимъ предметамъ еще неготовы, но они у меня ужъ здѣсь (онъ ткнулъ себя указательнымъ пальцемъ въ лобъ). Теперь же я могу сказать тебѣ только одно: въ моей системѣ это явленія еще болѣе вредныя, нежели пьянство; а потому я буду преслѣдовать ихъ съ бо̀льшею энергіей, нежели даже та, о которой ты получилъ понятіе изъ сейчасъ прочитаннаго мной документа.

Въ его голосѣ звучало такое искреннее убѣжденіе, такая несомнѣнная рѣшимость, что мнѣ невольно пришло на мысль: да, если этотъ человѣкъ не попадетъ подъ судъ, то онъ покажетъ, гдѣ раки зимуютъ!

— Послушай, однакожъ, мой другъ, вѣдь все это: и семейные раздѣлы, и община, и круговая порука — все это находится подъ защитой закона! Стало-быть, ты хочешь сдѣлаться паскудскимъ законодателемъ? Но безопасно ли это?

— Pas de malsaines théories! restons dans la pratique! Практика въ этомъ случаѣ — самый лучшій отвѣтъ. Начнемъ хоть съ тебя. Ты, вотъ, сидишь теперь у себя въ квартирѣ, и ужъ, конечно, чувствуешь себя подъ защитой закона. И вдругъ — фюить! — et vous êtes à mille verstes de votre chez-soi, de vos habitudes, de vos amis, de la civilisation... que sais-je enfin! Вѣдь это возможно, спрашиваю я тебя?

— Конечно, оно не невозможно, но...

— Никакихъ «но»! фюить — и больше ничего! Теперь спрашиваю тебя: ежели я, какъ помпадуръ, имѣю возможность обойти законъ ради какого-то «фюить», то неужели же я поцеремонюсь сдѣлать то же самое, имѣя въ виду совершить нѣчто дѣйствительно полезное и плодотворное?

— Да, это такъ. То-есть, коли хочешь, оно и не «такъ», но ужъ если допустить въ принципѣ, что можно дѣлать все, что̀ хочешь, то лучше свиней разводить, нежели вращать зрачками. Итакъ, это рѣшено. Ты исполнилъ первую половину своей программы, ты разорилъ кабаки, поло-

Digitized by Google

жилъ предѣлъ семейнымъ раздѣламъ, упразднилъ общину... затѣмъ?

— Затѣмъ начинается собственно положительная часть моего предпріятія. Оплодотвореніе, орошеніе, разведеніе улучшенныхъ породъ скота, указаніе лучшихъ способовъ воздѣлыванія земли и проч. Тутъ я ужъ какъ у себя дома.

— То-есть, какъ въ своемъ собственномъ чухломскомъ хозяйствѣ?

— Да, это будетъ продоженіемъ моего чухломскаго хозяйства. Но ты не можешь себѣ представить, какіе поразительные результаты я иногда получалъ! Вотъ тебѣ одинъ примѣръ изъ множества: въ 1869 году я пріобрѣлъ себѣ ютландскаго борова и ютландскую свинью — какъ ты думаешь, сколько у меня въ настоящую минуту свиней?

— Любопытно!

— Слушай же. Въ 1870 году свинья, въ два раза, принесла мнѣ двадцать поросятъ; въ числѣ ихъ пять боровковъ, изъ которыхъ я трехъ съѣлъ...

— Вкусные?

— Масло. Нѣжность, манность, таяніе... rien de plus exquis! У васъ, въ Петербургѣ, не имѣютъ объ этомъ ни малѣйшаго понятія! Осталось пятнадцать свинокъ и два боровка. Въ 1871 году та же свинья дала еще двадцать поросятъ, изъ которыхъ семь боровковъ; пять я съѣлъ. Въ 1872 году у меня было на-лицо, кромѣ родичей, двадцать восемь свинокъ и четыре боровка. Въ 1872 году весь первый приплодъ былъ пущенъ на племя; старую свинью откормили и зарѣзали на ветчину; съ старымъ боровомъ слѣдовало бы поступить такъ же, но жаль стало: какъ производитель, онъ неоцѣнимъ. Я оставилъ его, comme qui dirait, для усиленія департамента, какъ оставляютъ старыхъ, опытныхъ чиновниковъ. Пятнадцать молодыхъ свиней, подобно матери своей, поросились по два раза и принесли... триста поросятъ! Изъ нихъ я съѣлъ тридцать пять боровковъ. Къ 1873 году числилось: пятнадцать свиней

Digitized by Google

приплода 1870 года и тринадцать — приплода 1871 года и четыре борова (стараго борова зарѣзали) — все это было пущено на племя. Сверхъ того, на скотномъ дворѣ бѣгало двѣсти тридцать свинокъ и тридцать пять боровковъ. Въ 1873 году результатъ полученъ неслыханный: двадцать восемь свиней принесли... шестьсотъ поросятъ! Изъ нихъ продано и зарѣзано: двадцать свиней и двѣсти поросятъ. Къ 1874 году числилось на-лицо: четыреста поросятъ и, сверхъ того, двѣсти тридцать восемь свиней и тридцать одинъ боровъ, которые всѣ пущены на племя. Что будетъ въ 1874 году — не знаю!

— Душа моя! — испугался я: — но вѣдь такимъ образомъ можно весь шаръ земной покрыть свиньями!

— И можно бы, если бъ этому не препятствовалъ ножъ и человѣческая плотоядность! Но представь себѣ этотъ результатъ въ примѣненіи къ народному хозяйству! Представь себѣ его какъ одно изъ многочисленныхъ административныхъ средствъ, находящихся въ моихъ рукахъ... Какой могущественный рычагъ!

Онъ умолкъ, но лицо его говорило краснорѣчивѣе словъ. Все оно сіяло мягкимъ, благожелательнымъ сіяніемъ, все было озарено мыслью: это по части свиней; затѣмъ пойдутъ коровы, овцы, лошади, куры, гуси, утки! Я, съ своей стороны, тоже молчалъ, потому что мною всецѣло овладѣла мысль; сколько-то будетъ свиней у Быстрицына въ 1900 году? Съ какимъ свинымъ багажемъ онъ закончитъ XIX-е и вступитъ въ XX-е столѣтіе нашей эры?

— И какой навозъ, — продолжалъ онъ вдохновенно: — почти солдатскій! Вѣдь это осуществленіе той мечты, которая не даетъ спать истинному хозяину!

— Итакъ, ты начнешь свою дѣятельность въ Паскудскѣ съ разведенія свиней?

— Желалъ бы; но, къ сожалѣнію, долженъ сознаться, что эта мѣра слишкомъ радикальная. Ça prête trop au calembour. Поэтому я начну съ племенныхъ быковъ. На

Digitized by Google

первый разъ я брошу въ обращеніе по одному на каждую волость: это немного, но ты увидишь, какія они надѣлаютъ чудеса! Да, мой другъ! Міръ экономическій — это міръ чудесъ по преимуществу. Пусти въ народное обращеніе какого-нибудь симентальскаго быка — и черезъ десять лѣтъ ты не узнаешь мѣстности. Природа, люди — все будетъ другое. На мѣсто болотъ — цвѣтущіе луга, на мѣсто обнаженныхъ полей — обильныя пажити...

— Изумительно!

— Говорю тебѣ: это цѣлый міръ волшебствъ!

— Но на чьи же деньги пріобрѣтешь ты симентальскихъ быковъ?

— Га! Это ужъ они сами! Мой долгъ подать совѣтъ и наблюсти, чтобъ онъ былъ выполненъ, а деньги — это они сами.

— Разумѣется! Твой долгъ — указать, ихъ долгъ — исполнить!

— Добровольно, mon cher, добровольно! Моя система не требуетъ принужденій! Я являюсь на сходъ лично и объясняю...

— Ты! помпадуръ! на сходѣ... и лично!

— Да, душа моя, лично! Я забываю все это мишурное величіе и на время представляю себѣ, что я — простой, добрый деревенскій староста. Итакъ, я являюсь на сходъ и объясняю. Затѣмъ, ежели я вижу, что меня недостаточно поняли, я поручаю продолжать дѣло разъясненія исправнику. И вотъ, когда исправникъ объяснитъ окончательно — тогда, по его указанію, составляется приговоръ и прикладываются печати... И новая хозяйственная эра началась!

— Прелесть! Мнѣ остается удивляться только одному: какъ это до сихъ поръ тебя проглядѣли! Какъ дозволили тебѣ хоть одну лишнюю минуту прозябать въ Чухломѣ!

Въ отвѣтъ на это Быстрицынъ усмѣхнулся и посмотрѣлъ на меня такъ мило и такъ любовно, что я не удержался и сбнялъ его. Обнявшись, мы долго ходили по комнатамъ

Digitized by Google

моей квартиры и все мечтали. Мечтали о всеобщемъ возрожденіи, о золотомъ вѣкѣ, о «курицѣ въ супѣ» Генриха IV, и, кажется, дошли даже до того, что по секрету шепнули другъ другу фразу: à chacun selon ses besoins.

— А начальство? развивалъ ли ты передъ нимъ свои мысли?—спросилъ я, когда мы вдоволь намечтались.

— Въ восхищеніи!

— Ну, и слава Богу!

. . . . . .

Словомъ сказать, я такъ пріятно провелъ время, какъ будто присутствовалъ на первомъ представленіи «La Belle Hélène». Согласитесь, что для первой недѣли великаго поста это очень и очень недурно!

Но другъ мой Глумовъ сумѣлъ-таки разрушить мое очарованіе.

По обыкновенію, онъ вошелъ ко мнѣ мрачный. Мимоходомъ пожалъ мнѣ руку, бросилъ на столъ картузъ, усѣлся на диванъ и угрюмо закурилъ папиросу.

— А у меня сейчасъ Быстрицынъ былъ, — сказалъ я: — онъ въ Паскудскъ помпадуромъ ѣдетъ!

— Скатертью дорога!

— Послушай! Вѣдь ты знаешь, что онъ послѣдователь или, лучше сказать, основатель той чухломской школы помпадуровъ-зиждителей, которая...

— Знаю.

— Ну, такъ онъ разсказывалъ мнѣ свой планъ дѣйствій. Ахъ, это очень серьезно, очень, очень серьезно, что̀ онъ задумалъ!

— Напримѣръ?

— Вообрази себѣ, прежде всего онъ хочетъ уничтожить пьянство; потомъ онъ положитъ предѣлъ крестьянскимъ семейнымъ раздѣламъ и, наконецъ, упразднитъ сельскую общину... Словомъ сказать, онъ предполагаетъ дѣйствовать à la Pierre le Grand... Изумительно, не правда ли?

Digitized by Google

— То-есть, упразднять и уничтожать à la Pierre le Grand; а что же онъ, вмѣсто всего этого, à la Pierre le Grand заведетъ?

— Полеводство, птицеводство, скотоводство... mais tout un système! Все это они въ Чухломѣ надумали. Вообрази, онъ въ 1869 году пріобрѣлъ для себя ютландскаго борова и ютландскую свинью, и какъ ты думаешь, сколько у него теперь свиней?

— Почемъ мнѣ знать!

— Въ 1874 году его свиное стадо заключало въ себѣ двѣсти тридцать восемь свиней, тридцать одного борова и четыреста поросятъ. Это въ пять лѣтъ — отъ одной пары родичей! И замѣть, что стадо было бы вдвое многочисленнѣе, если бъ онъ отчасти самъ не ѣлъ, а отчасти не продавалъ лишнихъ поросятъ. Каковъ результатъ!

— Ничего, результатъ важнецкій... хоть бы Коробочкѣ! Только вѣдь Коробочка à la Pierre le Grand не дѣйствовала, съ сводомъ законовъ не воевала, общинъ не упраздняла, а плодила и прикапливала, не выходя изъ той сферы, которая вполнѣ соотвѣтствовала ея разумѣнію!

Удивительный человѣкъ этотъ Глумовъ! Такое иногда сопоставленіе вклеитъ, что просто всякую нить разговора потеряешь съ нимъ. Вотъ хоть бы теперь: ему о Pierre le Grand говоришь, а онъ, ни съ того, ни съ сего, Коробочку приплелъ. И это онъ называетъ «вводить предметъ диспута въ его естественныя границы»! Сколько разъ убѣждалъ я его оставить эту манеру, которая не столько убѣждаетъ, сколько злитъ — и все не въ прокъ.

«Мнѣ, говоритъ, дѣла нѣтъ до того, что дуракъ обижается, когда вещи по именамъ называютъ! Да и какой прокъ отъ лганья? Вотъ навозъ испоконъ вѣка принято называть «золотомъ», а развѣ отъ этого онъ сдѣлался дѣйствительнымъ золотомъ?» И замѣтьте, это — человѣкъ служащій, то-есть докладывающій, представляющій на усмотрѣніе, дающій объясненія, получающій чины и кресты, и т. д. Какъ онъ

Digitized by Google

справляется тамъ съ своими сопоставленіями? Правда, онъ иногда говаривалъ мнѣ: «на службѣ, братъ, я всѣ пять чувствъ теряю»,—но все-таки какъ-то подозрительно! Какъ ни зажимай носъ, а очутишься съ начальствомъ лицомъ къ лицу — волей-неволей обонять придется!

— Ну, съ какой стати ты Коробочку привелъ? — упрекнулъ я его. — Я сказалъ, что Быстрицынъ намѣревается дѣйствовать à la Pierre le Grand... Положимъ, что я употребилъ выраженіе несвойственное, даже преувеличенное, но все-таки...

— Нимало не преувеличенное. У насъ нынче куда ни обернись — все Пьеръ-ле-Граны! дешевле не берутъ и не отдаютъ. Любой помпадуръ ни о чемъ иномъ не думаетъ, кромѣ того, какъ бы руку на что-нибуть наложить или какой-нибудь монументъ на воздухъ взорвать. И все а-ля Пьеръ-ле-Гранъ. Летитъ, братецъ, онъ туда, въ «свое мѣсто», словно буря, «тьма отъ чела, съ посвиста пыль», летитъ и все одну думу думаетъ: разорю! на законъ наступлю! А-ля Пьеръ-ле-Гранъ, значитъ. А загляни-ка ты ему въ душу: для какой такой, молъ, причины, ты, милый человѣкъ, на законъ наступить хочешь? — анъ у него тамъ ничего нѣтъ, кромѣ «фюить» или шального «проекта всероссійскаго возрожденія, посредствомъ распространенія улучшенныхъ породъ поросятъ»!

— Душа моя! у тебя натура художественная, и потому ты слишкомъ охотно преувеличиваешь! Ты даже самъ не замѣчаешь этого, а, право, преувеличиваешь! Къ чему это странное уподобленіе бурѣ? Къ чему эти выраженія: «разорю! на законъ наступлю»? И это — въ примѣненіи къ Быстрицыну! Къ Быстрицыну, который, не далѣе какъ полчаса тому назадъ, клялся мнѣ, что вся его система держится на убѣжденіи и добровольномъ соглашеніи! Къ Быстрицыну, который лично — понимаешь! онъ, помпадуръ, и *лично!* — намѣренъ посѣщать крестьянскіе сходы! Гдѣ же тутъ «разорю»?

Digitized by Google

— Опомнись! Да вѣдь ты сейчасъ же самъ говорилъ, что онъ сельскую общину упразднить хочетъ, что онъ намѣренъ семейные раздѣлы прекратить!?

— Да, но согласись, что, съ экономической точки зрѣнія, это вѣдь вещи дѣйствительно вредныя; что при существованіи ихъ человѣкъ, который намѣревается положить начало новой сельскохозяйственной эрѣ, не можетъ же не чувствовать себя связаннымъ по рукамъ и ногамъ!

Фраза эта вылилась у меня совершенно нечаянно, но, признаюсь, очень мнѣ понравилась. Я даже вознамѣрился, пользуясь симъ случаемъ, прочесть Глумову краткую экономическую предику, въ которой изъяснить, что съ одной стороны несомнѣнно доказано, а съ другой стороны опытъ народовъ свидѣтельствуетъ... Но, къ удивленію моему, Глумовъ не только не увлекся моимъ краснорѣчіемъ, но даже разсердился. Онъ вскочилъ съ дивана и нѣкоторое время не говорилъ, а только разѣвалъ ротъ, какъ человѣкъ, находящійся подъ впечатлѣніемъ сильнѣйшаго гнѣва.

— Да кто же тебѣ сказалъ! — разразился онъ, наконецъ, но, къ удовольствію моему, тотчасъ же сдержалъ себя, и уже спокойнымъ, хотя все же строгимъ голосомъ продолжалъ:—Слушай! дѣло не въ томъ, вредны или полезны тѣ явленія, которыя Быстрицынъ намѣревается сокрушить, въ видахъ безпрепятственнаго разведенія поросятъ, а въ томъ, имѣетъ ли онъ право дѣйствовать à la Pierre le Grand относительно того, что̀ находится подъ защитой дѣйствующаго закона?

— Представь себѣ, я вѣдь самъ сдѣлалъ ему именно это возраженіе!

— Ну?

— И знаешь, что̀ онъ отвѣтилъ мнѣ? Онъ отвѣтилъ: «если можно обойти законъ для того, чтобы безпрепятственно произносить «фюить», то неужели же нельзя его обойти въ видахъ возрожденія?» И я вынужденъ былъ согласиться съ нимъ!

Digitized by Google

— И ты «вынужденъ былъ согласиться съ нимъ»! — передразнивалъ меня Глумовъ.

— Да, потому что если можно дѣлать все, что̀ хочешь, то, конечно, лучше дѣлать что-нибудь полезное, нежели вредное!

Я такъ искусно игралъ силлогизмомъ: «полезная вещь полезна; Быстрицынъ задумалъ вещь полезную; слѣдовательно задуманное имъ полезно», что Глумовъ даже вытаращилъ глаза. Однако, онъ и на этотъ разъ сдержалъ себя.

— Ну, хорошо,—сказалъ онъ:—ну, Быстрицынъ упразднитъ общину и разведетъ поросятъ.

— Не однихъ поросятъ! Это только одинъ примѣръ изъ множества! Тутъ цѣлая система: скотоводство, птицеводство, пчеловодство, табаководство...

— И даже хрѣноводство, горчицеводство... пусть такъ. Допускаю даже, что все пойдетъ у него отлично. Но представь себѣ теперь слѣдующее: сосѣдъ Быстрицына, Петенька Толстолобовъ, тоже пожелаетъ быть реформаторомъ а-ля Пьеръ-ле-Гранъ. Видитъ онъ, что штука эта идетъ на рынкѣ бойко и думаетъ: семъ-ка, я удеру штуку, прекращу празднованіе воскресныхъ дней, а вмѣсто того заведу клоповодство!

— И опять-таки преувеличеніе! Клоповодство! Преувеличеніе, душа моя, а не возраженіе!

— Хорошо; уступаю и въ этомъ. Ну, не клоповодствомъ займется Толстолобовъ, а устройствомъ... положимъ, хоть фаланстеровъ. Вѣдь Толстолобовъ — парень рѣшительный: ему всякая штука въ голову можетъ придти! А на него глядя, и Ѳеденька Кротиковъ возопіетъ: а нутко я насчетъ собственности пройдусь! И тутъ же, не говоря худого слова, декретируетъ: жить всѣмъ, какъ во времена апостольскія живали! Какъ ты думаешь, ладно такъ-то будетъ?

Увы! я даже не могъ отвѣтить на вопросъ Глумова. Я страдалъ. Я такъ жаждалъ «отрадныхъ явленій», я такъ твердо былъ увѣренъ въ томъ, что не дальше, какъ черезъ

Digitized by Google

два-три мѣсяца прочту въ «нашей уважаемой газетѣ» корреспонденцію изъ Паскудска, въ которой будетъ изображено: «Съ нѣкотораго времени нашъ край поистинѣ сдѣлался ареной отрадныхъ явленій. Давно ли со всѣхъ сторонъ стекались мірскіе приговоры объ уничтоженіи кабаковъ, какъ развратителей нашего добраго, простодушнаго народа,—и вотъ снова отовсюду притекаютъ новые приговоры, изъ коихъ явствуетъ, что сельская община въ сознаніи самихъ крестьянъ является единственнымъ препятствіемъ къ пышному и всестороннему развитію нашей производительности!» Да, я ждалъ всего, я надѣялся, я предвкушалъ! И вдругъ—картина! Клоповодство, фаланстеры, возвращеніе апостольскихъ временъ! И что̀ всего грустнѣе—я не могъ даже сказать Глумову: ты преувеличиваешь! ты говоришь неправду! Увы! я слишкомъ хорошо̀ зналъ Толстолобова, чтобы позволить себѣ подобное обличеніе. Да, онъ ни передъ чѣмъ не остановится, этотъ жестоковыйный человѣкъ! Онъ покроетъ міръ фаланстерами, онъ разрѣжетъ грошъ на милліонъ равныхъ частей, онъ засѣетъ всѣ поля персидской ромашкой! И при этомъ будетъ, какъ вихрь, летать изъ края въ край, возглашая: га-га-га, го-го-го! Сколько онъ перековеркаетъ, сколько людей перекалѣчитъ, сколько добра погадитъ, покамѣстъ самъ, наконецъ, попадетъ подъ судъ! А вмѣсто него другой придетъ и начнетъ перековерканное расковеркивать и опять возглашать: га-га-га, го-го-го! Вѣдь были же картофельныя войны, были попытки фаланстеровъ въ формѣ военныхъ поселеній, были импровизированные, декораціонные селенія, дороги, города? Что̀ осталось отъ этихъ явленій! И что̀ стоило ихъ коверканье и расковерканье!

— А я бы на твоемъ мѣстѣ,—продолжалъ, между тѣмъ, Глумовъ,—обратился къ Быстрицыну съ слѣдующею рѣчью: Быстрицынъ! ты безспорно хорошій и одушевленный добрыми намѣреніями человѣкъ, но ты берешься за такое дѣло, которое ни въ какомъ случаѣ тебѣ не принадлежитъ.

Digitized by Google

Хороша ли сельская община, или дурна, препятствуетъ ли она развитію производительности, или не препятствуетъ— это вопросъ спорный, рѣшеніе котораго (и въ особенности рѣшеніе практическое) вовсе до тебя не относится. Предоставь это рѣшеніе тѣмъ, кто прямо заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ; самъ же не мудрствуй, не смущай умовъ и на законъ не наступай! Помни, что ты—помпадуръ, и что твое дѣло не созидать, а слѣдить за цѣлостью созданнаго. Созданы, напримѣръ, гласные суды—ты, какъ левъ, стремись на защиту ихъ! Созданы земства—смотри, чтобы даже вѣтеръ не смѣлъ вѣнуть на нихъ! Тогда ты будешь почтенъ и даже при жизни удостоишься монумента. Творчество же оставь и затѣмъ—гряди съ миромъ.

— Но что же, наконецъ, дѣлать?—воскликнулъ я съ тоскою.—Что дѣлать, ежели, съ одной стороны, для административнаго творчества нѣтъ арены, ежели, съ другой стороны, суды препятствуютъ, земства препятствуютъ, начальники отдѣльныхъ частей препятствуютъ, и ежели, за всѣмъ тѣмъ, помпадуръ обладаетъ энергіей, которую надобно же какъ-нибудь помѣстить?.. Гдѣ же исходъ?

— А ежели человѣкъ ужъ черезъ край изобилуетъ энергіей, то существуетъ прелестное слово: «фюить», которое даже самаго жестоковыйнаго человѣка по горло удовлетворить можетъ!

— Фюить! помилуй! Да это, наконецъ, постыдно!

— Постыдно, даже глупо, но до извѣстной степени отвѣчаетъ потребностямъ минуты. Во-первыхъ, нечего больше говорить. Во-вторыхъ, это звукъ, который, какъ я уже сказалъ, представляетъ очень удобное помѣщеніе для энергіи. Въ-третьихъ, это звукъ краткій и потому затрогивающій только единичныя явленія. Тогда какъ пресловутое зиждительство разомъ коверкаетъ цѣлый жизненный строй...

Digitized by Google

XI.—Единственный.

УТОПІЯ.

Это былъ несомнѣнно самый простодушный помпадуръ въ цѣломъ мірѣ.

Природа создала его въ одну изъ тѣхъ минутъ благодатной тишины, когда изъ материнскаго ея лона на всѣхъ льется миръ и благоволеніе. Въ эти краткія мгновенія во множествѣ рождаются на свѣтъ люди не весьма прозорливые, но скромные и добрые; рождаются и, къ сожалѣнію, во множествѣ же и умираютъ... Но умныя муниципіи подстерегаютъ уцѣлѣвшихъ и, по достиженіи ими законнаго возраста, ходатайствуютъ о нихъ передъ начальствомъ. И современемъ пользуются плодами своей прозорливости, то-есть бываютъ счастливы.

Увы! съ каждымъ днемъ подобныя минуты становятся все болѣе и болѣе рѣдкими. Нынче и природа дѣлается словно озлобленною, и все творитъ помпадуровъ неумныхъ, но злыхъ. Злые и неумные, они мечутся изъ угла въ уголъ и въ безумной рѣзвости скачутъ по доламъ и по горамъ, воздымая прахъ земли и наполняя имъ вселенную. Съ чего рѣзвятся? надъ кѣмъ и надъ чѣмъ празднуютъ побѣду?

Но этотъ помпадуръ, даже среди необыкновенныхъ, былъ самый необыкновенный. Начальственнаго любомудрія не было въ немъ нисколько. Во время прогулокъ, когда прохожіе снимали передъ нимъ шапки, онъ краснѣлъ; когда же усматривалъ, что часовой на тюремной гауптвахтѣ, завидѣвъ его, готовится дернуть за звонокъ, то мысленно желалъ провалиться сквозь землю и немедленно сворачивалъ куда-нибудь въ сторону.

— Не люблю я этихъ выбѣганій!—говорилъ онъ.—Прибѣгутъ, какъ шальные, выпучатъ глаза, ружьями кидать начнутъ—что̀ хорошаго!

Даже съ квартальными онъ дозволялъ себѣ быть просто-

Digitized by Google

душнымъ. Не допускалъ, чтобы квартальный ожесточалъ обывателя, не скорбѣлъ, когда и обыватель забывалъ о квартальномъ.

— Квартальный,—говорилъ онъ,—*всенепремѣнно* долженъ быть сытъ, одѣтъ и обутъ; обыватель же все сіе воленъ исполнить по мѣрѣ-возможности. Ежели онъ и не очень сытъ, то съ него не взыщется!

Ни наукъ, ни искусствъ онъ не зналъ; но если попадалась подъ руку книжка съ картинками, то разсматривалъ ее съ удовольствіемъ. Въ особенности нравилась ему повѣсть о похожденіяхъ Робинзона Крузое на необитаемомъ островѣ (къ счастью, изданная съ картинками).

— Эту книгу,—выражался онъ,—всякій русскій человѣкъ въ настоящее время у себя на столѣ безсмѣнно держать долженъ. Потому, кто можетъ зараньше опредѣлить, на какой онъ островъ попасть можетъ? И сколько, теперича, есть въ нашемъ отечествѣ городовъ, гдѣ ни хлѣба испечь не умѣютъ, ни супу сварить не изъ чего! А ежели кто эту книгу основательно знаетъ, тотъ самъ все сіе и испечетъ, и сваритъ, а по времени, быть-можетъ, даже и другихъ къ употребленію подлинной пищи приспособитъ!

Въ администраціи онъ былъ философъ, и былъ убѣжденъ, что самая лучшая администрація заключается въ отсутствіи таковой.

— Ежели я живу смирно и лишняго не выдумываю,— внушалъ онъ своему письмоводителю,—то и всѣ прочіе будутъ смирно жить. Ежели же я буду выдумывать, а тѣмъ паче писать, то непремѣнно что-нибудь выдумаю: либо утѣсненіе, либо просто глупость. А тогда и прочіе начнутъ выдумывать, и выйдетъ у насъ смятеніе, то-есть кавардакъ.

Этого мало: онъ даже полагалъ (и, быть-можетъ, не безъ основанія), что въ каждой занумерованной и писанной на бланкѣ бумагѣ непремѣнно заключается чья-нибудь погибель, а потому принялъ себѣ за правило изъ десяти подаваемыхъ ему къ подписи бумагъ подписывать только одну.

Digitized by Google

— Вы ко мнѣ съ бумагами какъ можно рѣже ходите,— говорилъ онъ письмоводителю:—потому что я не разорять пріѣхалъ, а созидать-съ. Погубить человѣка не трудно-съ. Черкнулъ: «Помпадуръ 4-й», и нѣтъ его. Только я совсѣмъ не того хочу. Я и самъ хочу быть живъ, и другимъ того же желаю. Чтобъ всѣ были живы: и я, и вы, и прочіе-съ! А ежели вамъ невтерпёжъ бумаги писать, то можете для своего удовольствія строчить сколько угодно, я же подписывать не согласенъ.

Иногда онъ развивалъ свои административныя теоріи очень подробно.

— Всякій,—говорилъ онъ,—кого ни спросите, что̀ онъ больше любитъ, будни или праздникъ,—навѣрное отвѣтитъ: праздникъ. Почему-съ? А потому, государь мой, что въ праздникъ начальники бездѣйствуютъ, а слѣдовательно нѣтъ ни бунтовъ, ни соотвѣтствующихъ имъ экзекуцій. Я же хочу, чтобъ у меня всякій день праздникъ былъ, а чтобы будни, въ которые бунты бываютъ, даже изъ памяти у всѣхъ истребились!

Или:

— До сихъ поръ такъ было, что обыватель тогда только считалъ себя благополучнымъ, когда начальникъ находился въ отсутствіи. Сіи дни праздновали и, въ ознаменованіе общей радости, ѣли пироги. Почему, спрашиваю я васъ, все сіе именно такъ происходило? А потому, государь мой, что съ отъѣздомъ начальника наставала тишина. Никто не скакалъ, не кричалъ, не спѣшилъ, а слѣдовательно и не сквернословилъ-съ. Я же хочу, чтобы на будущее время у меня такъ было: если я даже присутствую, пускай всякій полагаетъ, что я нахожусь въ отсутствіи!

Но что̀ болѣе всего привлекало къ нему сердца — это административная стыдливость, доходившая до того, что онъ не могъ произнести слово «сѣчь», чтобъ не сгорѣть при этомъ со стыда.

Когда онъ прибылъ въ городъ, то прежде всего, раз-

Digitized by Google

умѣется, пожелалъ ознакомиться съ дѣлами. Письмоводитель сразу вынесъ ему цѣлый ворохъ. Но когда онъ развернулъ одно изъ нихъ, то первая попавшаяся ему на глаза фраза была слѣдующая:

«... когда же начали ихъ сѣчь...»

Онъ покраснѣлъ и поспѣшно обратился къ другому дѣлу. Но тамъ тоже было написано:

«... а потому начали ихъ сѣчь вновь...»

Тогда онъ покраснѣлъ еще больше, и съ этой минуты рѣшился разъ навсегда никакихъ дѣлъ не читать.

— Всѣ дѣла въ такомъ родѣ?—застѣнчиво обратился онъ къ письмоводителю.

— Послабленій не допускается-съ.

— Какая, однакожъ, печальная необходимость!—задумчиво воскликнулъ онъ, и затѣмъ шопотомъ продолжалъ:— И часто бываютъ у васъ революціи?

— Одна въ годъ—это какъ калачъ испечь, а то такъ и двѣ.

— Грустно! И зачѣмъ это люди дѣлаютъ революціи—не постигаю! Не лучше ли жить смирно, аккуратно и быть счастливыми... безъ революцій?

— Осмѣлюсь доложить, это все умники-съ. А глядя на нихъ, и дураки заимствуются-съ.

Помпадуръ задумался.

— А знаете ли, — сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія:—какая мнѣ вдругъ мысль въ голову пришла?

— Не могу знать-съ.

— Что революцій собственно никакихъ нѣтъ и не бывало-съ!

Письмоводитель даже глаза выпучилъ: до того неумѣстною показалась ему подобная выходка со стороны человѣка, называющаго себя помпадуромъ.

— Какъ это возможно-съ?—бормоталъ онъ.—Всѣ квартальные въ одинъ голосъ доносятъ-съ!

Но помпадуръ уже не слушалъ возраженій и, ходя въ волненіи по комнатѣ, убѣжденнымъ голосомъ говорилъ:

Digitized by Google

— Да-съ; нѣтъ революцій, и не бывало! Вы думаете, что̀ было во Франціи въ 1789 году? революція-съ? Отнюдь-съ! Просто-на̀-просто умные люди объ умныхъ предметахъ промежду себя разговоръ хотѣли имѣть, а господамъ французскимъ квартальнымъ показалось, что какія-то революціи затѣваются-съ!

Эта мысль была для него какъ бы откровеніемъ. Заручившись ею, онъ вдругъ совершенно ясно созналъ все, что̀ дотолѣ лишь смутно мелькало на днѣ его доброй души.

— Да-съ, — продолжалъ онъ развивать свой взглядъ: — если бъ господа квартальные поостереглись, многихъ бы непріятностей можно было избѣжать! Да и что̀ за радость отыскивать революціи—не постигаю! Если бъ даже доподлинно таковыя въ зародышѣ существовали, зачѣмъ оныя преждевременно пробуждать и накликать-съ? Не лучше ли тихимъ манеромъ это дѣло обдѣлать, чтобы оно, такъ сказать, изморомъ изныло, чѣмъ во всеуслышаніе объявлять: вотъ, молъ, мы каковы! каждый годъ по революціи дѣлаемъ! А ежели ужъ нельзя это паскудство скрыть, то все же предварительно увѣщевать, а не сѣчь господъ революціонеровъ надлежитъ!

— Пытали этакъ-то...—скептически замѣтилъ письмоводитель.

— Нѣтъ, вы поймите меня! Я подлинно желаю, чтобъ всѣ были живы! Вы говорите: во всемъ виноваты «умники». Хорошо-съ. Но ежели мы теперича всѣхъ «умниковъ» изведемъ, то какъ вы полагаете, великъ ли мы авантажъ получимъ, ежели съ одними дураками останемся? Вамъ, государь мой, конечно, оно неизвѣстно, но я по собственному опыту эту штуку отлично знаю! Однажды, доложу вамъ, въ походѣ мнѣ три дня пришлось глазъ-на-глазъ съ дуракомъ просидѣть, такъ я чуть рукъ на себя не наложилъ! Такъ-то-съ.

Письмоводитель нѣсколько разъ разѣвалъ ротъ для возраженій, но тщетно. *Онъ* ходилъ по комнатѣ и твердилъ

Digitized by Google

свое: «не вѣрю! ничему я этому не вѣрю». Наконецъ, остановился и твердымъ голосомъ произнесъ:

— Не только въ революціи, я даже въ чорта не вѣрю. И вотъ по какому случаю. Однажды, будучи въ кадетскомъ корпусѣ—разумѣется, съ голоду—пожелалъ я продать чорту душу, чтобы у меня каждый день булокъ вволю было. И что же-съ? Вышелъ я ночью во дворъ-съ и кричу: «чортъ! явись!» Анъ вмѣсто чорта-то явился вахтеръ, заарестовалъ меня, и я въ то время чуть-чуть не подвергся исключенію-съ. Вотъ оно, легковѣріе-то, къ чему ведетъ!

— Оно точно-съ,—отвѣчалъ письмоводитель, но какъ-то вяло, какъ будто ему до смерти хотѣлось спать: — многіе нынче въ чорта не вѣруютъ!

— И знаете ли что̀ еще?—продолжалъ *онъ*, горячась все больше:—всѣ эти розсказни объ революціяхъ напоминаютъ мнѣ исторію съ жидомъ, у котораго въ носу свистѣло. Идетъ онъ по лѣсу и весь даже въ поту отъ страха: все кажется, что кругомъ разбойники пересвистываются! И только ужъ когда онъ вдоволь надрожался, вдругъ его словно обухомъ по головѣ: «а вѣдь это у меня въ носу».. Такъ-то-съ.

И дѣйствительно, какъ ни старались квартальные измѣнить его взглядъ на дѣла внутренней политики, онъ оставался непоколебимъ и на всѣ предостереженія неизмѣнно давалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Нѣтъ революцій-съ, нѣтъ и никогда не бывало-съ!

Мало того: даже арестовалъ квартальнаго Перепелкина, когда тотъ, весь блѣдный и почти ополоумѣвшій отъ страха, прибѣжалъ объявить, что въ сосѣдней рощѣ снигири затѣяли бунтъ.

— Это вы, милостивый государь, бунтъ затѣваете,—сказалъ онъ ему:—а не снигири-съ! Снигирь—птица небольшая и къ ученію склонная-съ—зачѣмъ ей бунтовать? Застрѣлить ее недолго-съ; только кто же тогда въ нашихъ

Digitized by Google

рощахъ свистѣть будетъ-съ? Извольте, государь мой, снять сапоги и сѣсть подъ арестъ-съ!

И что же вышло? Сначала, дѣйствительно, обывателямъ казалось нѣсколько страннымъ, что выискался такой помпадуръ, который не вѣритъ въ бунты, но мало-по-малу и они начали освоиваться съ этимъ взглядомъ. Прошелъ годъ, прошелъ другой; снигири свистали и щебетали во всѣхъ рощахъ, а революцій все не было.

— А мы думали, что это-то самая революція и есть,— толковали межъ собой обыватели:—поди жъ ты!

Онъ же, ласковый и простодушный, ходилъ по улицамъ, и не только никого не ловилъ, но, напротивъ того, радовался, что всякій при какомъ-нибудь дѣлѣ находится, а онъ одинъ ничего не дѣлаетъ и тѣмъ цѣлому городу счастье приноситъ.

Однакожъ, было одно напоминаніе, которое угнетало его, и это напоминаніе заключалось въ словѣ: помпадуръ.

Среди разнообразія помпадурскихъ прерогативъ онъ въ особенности боялся одной: предстоящаго ему выбора помпадурши. Въ безчисленномъ множествѣ помпадуршъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ исторія, онъ не зналъ ни одной, которая довела бы своего помпадура до добра. Въ сознаніи своего помпадурства, онъ, еще будучи въ кадетскомъ корпусѣ, до малѣйшей подробности изучилъ литературу этого вопроса, и убѣдился, что въ концѣ помпадурскихъ любовныхъ предпріятій никогда ничего не стояло, кромѣ погибели. И что всего важнѣе—погибель была такъ сладка, что помпадуры сами влеклись къ ней и утопали въ морѣ утѣхъ, нимало не заботясь о своевременномъ выполненіи получаемыхъ отъ начальства предписаній. Опутанные любовными сѣтями, помпадуры, несомнѣнно бодрые, дѣлались въ самое короткое время неузнаваемыми. Тѣлодвиженія ихъ утрачивали развязность, глаза становились тусклыми и неспособными проникать въ сердца подчиненныхъ; языкъ

Digitized by Google

отказывался отъ произнесенія укорительныхъ выраженій; даръ сердцевѣдѣнія пропадалъ совершенно. Все это онъ понималъ—и за всѣмъ тѣмъ чувствовалъ, что надъ нимъ тяготѣетъ фатумъ, котораго онъ ни предотвратить, ни отдалить не въ силахъ.

Искушенія, которыя преслѣдовали его съ самой минуты пріѣзда въ городъ, придавали еще болѣе цѣны его борьбѣ. Еще не успѣлъ онъ какъ слѣдуетъ ознакомиться съ мѣстнымъ обществомъ, какъ уже стало ясно, что усилія всѣхъ первѣйшихъ въ городѣ дамъ направлены къ тому, чтобъ какъ можно скорѣе пробудить въ немъ инстинктъ помпадурства. Узнавали, какія онъ любитъ плечи, какой ростъ, цвѣтъ волосъ, походку. Нѣкоторыя выхваляли при этомъ добродушіе своихъ мужей и давали понять, что съ этой стороны никакихъ опасеній не можетъ существовать. Но онъ какъ-то загадочно относился ко всѣмъ этимъ заискиваніямъ и обольщеніямъ.

— Всякая походка хороша-съ, ежели ее украшаетъ добродѣтель,—отвѣчалъ онъ на ухаживанья, а ежели замѣчалъ, что и затѣмъ какая-нибудь предпріимчивая предсѣдательша или начальница отдѣльной части продолжаетъ дѣйствовать наступательно, то вѣжливо шаркалъ ножкой и уходилъ прочь.

Очевидно, что у него былъ свой планъ, осуществленіе котораго онъ отложилъ до тѣхъ поръ, пока фатумъ окончательно не пристигнетъ его. Планъ этотъ заключался въ томъ, чтобы, не уклоняясь отъ выполненія помпадурскаго назначенія, устроить это дѣло такъ, чтобы оно, по крайней мѣрѣ, не сопровождалось пушечною пальбою.

Прежде всего, вниманіе его, разумѣется, остановилось на такъ-называемой благородной интригѣ. Но, разсмотрѣвъ этотъ проектъ со всѣхъ сторонъ, онъ долженъ былъ сознаться, что осуществленіе его сопряжено со множествомъ случайностей, которыя положительно могутъ замутить административную ясность его души. Что высокопоставленная

Digitized by Google

помпадурша отличается бо̀льшею нѣжностью и бѣлизною кожи и вообще смотритъ какъ-то сытѣе, нежели помпадурша изъ низкаго званія — это было для него ясно. Но этимъ и ограничивались всѣ преимущества, а затѣмъ открывался цѣлый рядъ такихъ неудобствъ, которыя не выкупались ни роскошью бюста, ни тонкостью прикрывающаго его батиста.

— Удовольствіе отъ этихъ кружевницъ все то же-съ, только крику больше,—отвѣчалъ онъ услужливымъ людямъ, соблазнявшимъ его картиною помпадурши, утопающей въ батистѣ и кружевахъ. Затѣмъ онъ уже не возвращался болѣе къ этому плану.

Надлежало сыскать другую комбинацію, и онъ дѣятельно занялся этимъ. Самою лучшею казалась, конечно, такая, при которой мягкое тѣло соединялось бы съ простодушіемъ. Счастливое соединеніе этихъ качествъ можно было найти или въ средѣ упитаннаго и взлелѣяннаго пуховиками купечества, или въ средѣ мѣщанства, занимающагося содержаніемъ постоялыхъ дворовъ, харчевенъ и кабаковъ. Но тутъ же встрѣчались серьезныя препятствія, которыя невозможно было пройти безъ вниманія. Во-первыхъ, онъ предвидѣлъ, что мѣстная аристократія никакъ не проститъ ему связи съ мѣщанкой. Во-вторыхъ, онъ задумывался и надъ тѣмъ, какъ посмотритъ на подобную связь начальство. Конечно, съ точки зрѣнія государственной, лучше, если помпадуръ выбираетъ себѣ помпадуршу изъ низкаго званія, ибо это содѣйствуетъ сліянію сословій. Но не всякій начальникъ способенъ возвыситься до государственной точки зрѣнія; бо̀льшая же часть дѣйствуетъ просто, безъ высшихъ точекъ зрѣнія, смотря по тому, какая система помпадурства, батистовая или затрапезная, господствуетъ въ данную минуту.

Однимъ словомъ, какъ онъ ни углублялся, ни взвѣшивалъ, все было мракъ и сомнѣніе въ этомъ вопросѣ. Ни уставовъ, ни регламентовъ—ничего. Одно оставалось яснымъ

Digitized by Google

и несомнѣннымъ: что онъ помпадуръ и что не-помпадурствовать ему невозможно.

А судьба уже бодрствовала за него, и на сей разъ бодрствовала совершенно правильно, ибо помогала добродѣтельнѣйшему изъ всѣхъ въ мірѣ помпадуровъ выйти съ честью изъ затрудненія.

Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе трогательное и наивное, какъ исторія его сближенія съ *нею*.

Шелъ онъ однажды по городу и, по обыкновенію, никого не ловилъ. И вдругъ видитъ: стоитъ у дверей кабака баба и грызетъ подсолнухи. Баба была какъ всѣ вообще бабы, выросшія въ холѣ подъ сѣнію постоялаго двора или за прилавкомъ кабака: широкая, толстомясая, большеглазая, съ круглымъ лицомъ и такъ-называемыми сахарными грудями. Однакожъ, онъ тотчасъ же сообразилъ, что если эту бабу въ хорошія руки, то она *вся* сдѣлается сахарная. Но такъ какъ дѣло было днемъ, то сейчасъ приступить онъ не рѣшился, а только посѣменилъ ножками, чтобъ дать бабѣ понять.

По наступленіи вечера, онъ снова пошелъ по тому же направленію и увидѣлъ, что баба опять стоитъ у дверей, очевидно уже не случайно. Она была примыта, приглажена, скалила зубы и не безъ лукавства смотрѣла на него своими выпученными глазами.

«Сахарная будетъ!» — молвилъ онъ про себя и, подойдя къ бабѣ, спросилъ отрывисто: — Вы чьихъ-съ?

— Была мужняя, теперь вдова стала, — отвѣтила она, заалѣвшись.

— Кабакъ — вашъ-съ?

— Съ батюшкой хозяйствуемъ.

— Меня знаете-съ?

— Своихъ начальниковъ да не знать!

Онъ нѣкоторое время стоялъ и, видимо, хотѣлъ что-то сказать; быть-можетъ, онъ даже думалъ сейчасъ же предложить ей раздѣлить съ нимъ бремя власти. Но вмѣсто того

Digitized by Google

только разѣвалъ ротъ и тянулся корпусомъ впередъ. Она тоже молчала и, повернувъ въ сторону рдѣющее лицо, потихоньку смѣялась. Вдругъ онъ взглянулъ впередъ и увидѣлъ, что изъ-за угла сосѣдняго дома высовывается голова частнаго пристава и съ любопытствомъ слѣдитъ за его движеніями. Какъ ужаленный, онъ круто повернулъ налѣво кругомъ и быстрыми шагами сталъ удаляться назадъ.

Цѣлый тотъ вечеръ онъ тосковалъ и болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствовалъ себя помпадуромъ. Чтобы разсѣять себя, пѣлъ сигналы, повторялъ одиночное ученіе, но и это не помогало. Наконецъ, усѣлся у окна противъ мѣсяца и началъ млѣть. Но въ эту минуту явился частный приставъ и разрушилъ очарованіе, доложивъ, что пойманъ съ поличнымъ мошенникъ. Надо было видѣть, какъ онъ вскипѣлъ противъ этого ретиваго чиновника, уже двукратно нарушившаго млѣніе души его.

— Восцà у васъ, милостивый государь!—кричалъ онъ.— Сколько разъ говорено вамъ: оставьте! Оставьте, милостивый государь, русскимъ языкомъ повторяю я вамъ!

Но по уходѣ пристава тоска обуяла еще пуще. Цѣлую ночь метался онъ въ огнѣ, и ежели забывался на короткое время, то для того только, чтобъ и во снѣ увидѣть, что онъ помпадуръ. Наконецъ, истощивъ всѣ силы въ борьбѣ съ безсонницей, онъ покинулъ одинокое ложе и принялся за чтеніе «Робинзона Крузое». Но и тутъ его тотчасъ же поразила мысль: чтò было бы съ нимъ, если бы онъ, вмѣсто Робинзона, очутился на необитаемомъ островѣ? Какимъ образомъ исполнилъ бы онъ свое назначеніе?

Ни спать, ни читать не представлялось никакой возможности...

— Сахарная! — вскричалъ онъ въ какомъ-то дикомъ изступленіи и тотчасъ же собрался бѣжать.

Было раннее утро; заря едва занялась; городъ спалъ; пустынныя улицы смотрѣли мертво. Ни единаго звука,

Digitized by Google

кромѣ нерѣшительнаго чириканья кое-гдѣ просыпающихся воробьевъ; ни единаго живого существа, кромѣ боязливо озирающихся котовъ, возвращающихся по домамъ послѣ ночныхъ похожденій (какъ онъ завидовалъ имъ!). Даже собаки — и тѣ спали у воротъ, свернувшись калачикомъ и вздрагивая подъ вліяніемъ утренняго холода. Надъ городомъ вился туманъ; тротуары были влажны; деревья въ садахъ заснули, словно повитыя волшебной дремой.

Онъ шелъ и чувствовалъ, что онъ помпадуръ. Это чувство ласкало, нѣжило, манило его. Ни письмоводителя, ни квартальнаго, ни приставовъ — ничего не существовало для него въ эту минуту. Несмотря на утренній полусумракъ, воздухъ казался проникнутымъ лучами; несмотря на глубокое безмолвіе, природа казалась изнемогающею подъ бременемъ какого-то кипучаго и нетерпѣливо-просящагося наружу ликованія. Онъ зналъ, что онъ помпадуръ, и зналъ, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Грудь его саднило; блаженство катилось по всѣмъ его жиламъ.

И вдругъ его обожгло. Изъ-за перваго же угла, словно изъ-подъ земли, выросъ квартальный и, гордый сознаніемъ исполненнаго долга, дѣлалъ рукою подъ козырекъ. Въ испугѣ онъ взглянулъ впередъ; тамъ, въ перспективѣ, виднѣлся цѣлый лѣсъ квартальныхъ, которые, казалось, только и ждали момента, чтобъ вытянуться и сдѣлать подъ козырекъ. Онъ понялъ, что и на сей разъ его назначеніе, какъ помпадура, не будетъ выполнено.

На другой день онъ собралъ квартальныхъ и сказалъ имъ:

— Я желаю, господа, чтобъ вы не безпокоили себя по ночамъ.

Но квартальные не поняли и гаркали, что имъ не въ тягость, а въ сласть, и т. п.

— Я желаю, господа, чтобъ вы не безпокоили себя по ночамъ! — все еще кротко, но уже вразумительнѣе повторилъ онъ.

Digitized by Google

Но квартальные продолжали гаркать. Тогда онъ понялъ, что тутъ существуетъ недоразумѣніе, и твердымъ голосомъ произнесъ:

— Русскимъ языкомъ вамъ, прохвосты, говорю: не смѣть меня подстерегать по ночамъ!

Квартальные поняли.

Благодаря этой мѣрѣ, «они» свидѣлись. Озираясь и крадучись, пробрался онъ на зарѣ въ Разъѣзжую слободку, гдѣ стоялъ *ея* домикъ. Квартальные притворились спящими. Будочники, завидѣвъ его приближеніе, исчезали въ подворотни сосѣднихъ домовъ. *Она* стояла у открытаго окна... *она!* Широкая, дородная, бѣлая, вся сахарная! Она ждала.

— Вы-съ? — спросилъ онъ полу-дерзновеннымъ, полуиспуганнымъ голосомъ.

Стыдясь, она закрыла лицо рукавомъ, но слышно было, какъ уста ея шептали: «ахъ! великія наши согрѣшенія!»

— Желаете ли вы, сударыня, жить со мною внѣ онаго, но все равно какъ бы въ ономъ? — спросилъ онъ ее твердымъ голосомъ.

Она слегка дрогнула, но все еще перемогала себя.

— Слушай-ко, — сказала она, не то кокетничая, не то маскируя свое смущеніе: — я вамъ лучше загадку загану. *Взгляну я въ окошко, стоитъ рѣпы лукошко,*—что, по-вашему, будетъ?

— Рѣпа-съ! — отвѣчалъ онъ, и даже хихикнулъ отъ переполнявшаго его умиленія.

— Анъ звѣзды!

— Звѣзды-съ? — изумился онъ.

Послѣдовала минута молчанія; оба тяжело и порывисто дышали, а онъ даже чуть-чуть сопѣлъ. Она прервала томительное безмолвіе.

— Вѣдь ты, поди, для лакомства? — сказала она чуть слышно.

Онъ замычалъ.

— Ежели для одного лакомства будешь любить, — про-

Digitized by Google

должала она, — и въ томъ я вамъ запрещаю! Извольте безъ труда оставить!

Онъ замычалъ вторично.

— И что̀ ты во мнѣ, въ бабѣ, лестнаго для себя нашелъ?! — вдругъ вскрикнула она, простирая руки.

Она сама не знала, за что̀ онъ ее полюбилъ.

— За что̀ ты меня любишь? — говорила она ему: — что̀ ты во мнѣ, бабѣ, лестнаго для себя нашелъ? Ни я по-французскому, ни я принять, ни поговорить! Вотъ развѣ тѣло у меня бѣлое...

— За тѣло-съ и за простоту-съ, — отвѣчалъ онъ, спѣша успокоить ея сомнѣнія.

И точно: простоты она была необыкновенной. Даже квартальнымъ — и тѣмъ жаловалась:

— За что̀ онъ меня полюбилъ? Жила я, баба заугольная, въ сору да въ навозѣ копалась — анъ, нѣтъ! и тутъ онъ до меня проникъ! и тутъ меня, простую бабу, сыскалъ!

Квартальные почтительно вздрагивали и отвѣчали:

— За простоту-съ. Сами они ужъ оченно просты. Та̀къ просты, та̀къ просты!

Насталъ какой-то волшебный рай, въ которомъ царствовало безпримѣрное блаженство. Прежде онъ нерѣдко бывалъ подверженъ приливамъ крови къ головѣ, но теперь и эту болѣзнь какъ рукой сняло. Вся фигура его приняла бодрый и дѣятельный видъ, совершенно, впрочемъ, лишенный характера суетливости, а выражавшій одно внутреннее довольство. Когда онъ шелъ по улицѣ, привѣтливый взглядъ его, казалось, каждому говорилъ: живи! И каждый жилъ, ибо зналъ, что начальствомъ ему во-истину жить дозволено.

День проходилъ такъ быстро, что иногда онъ ропталъ, зачѣмъ сутки заключаютъ въ себѣ только двадцать четыре часа. Утромъ, вставши рано, онъ отправлялся въ Разъ-

Digitized by Google

ѣзжую слободку и уже дорогой начиналъ млѣть. Домикъ, служившій цѣлью его посѣщеній, принялъ веселый и чистенькій видъ. Кабака не осталось и слѣдовъ; стѣны были обиты тесомъ и выкрашены свѣтло-сѣрою краскою; на окнахъ висѣли бѣлыя занавѣски и стояли горшки съ неатѣйливыми растеніями. Внутри все было тоже выскоблено, звычищено и вымыто. Ни мухи, ни таракана; прохлада и тишина. Только съ другой половины, изъ стряпущей, доносился стукъ ножей и звяканіе ухватовъ и сковородъ, но это даже усугубляло очарованіе. Запахъ мяты и липоваго цвѣта былъ господствующимъ; къ нему, по временамъ, когда отворялась дверь, примѣшивался запахъ жареныхъ пироговъ, но и онъ не омрачалъ картины блаженства, но прибавлялъ ей еще больше цѣны. Даже куры, которыя кудахтали на дворѣ, и тѣ, казалось, не спроста кудахтали, а во свидѣтельство исполненія желаній.

Вся раскраснѣвшаяся отъ стряпни, она выбѣгала къ нему навстрѣчу; и онъ не находилъ ни въ этой краснотѣ, ни въ капляхъ пота, выступавшихъ на лицѣ ея, ничего противнаго законамъ изящнаго. Онъ зналъ, что она обливалась потомъ и выбивалась изъ силъ единственно ради него. По приходѣ его она прежде всего начинала допытываться, за что онъ ее, бабу, любитъ; онъ же, съ своей стороны, кротко и обстоятельно объяснялъ ей причину, и въ этомъ несложномъ разговорѣ мгновенія летѣли за мгновеніями; затѣмъ она начинала обнаруживать безпокойство и какимъ-то просительнымъ голосомъ спрашивала:

— Пирожка хочешь?

— А съ чѣмъ у васъ нынче пироги? — въ свою очередь, спрашивалъ онъ, дѣлая видъ, какъ будто не всякая начинка, приготовленная ея руками, можетъ быть ему по вкусу.

— Съ легкимъ нынче; капустки искали, да не нашли...

— Что жъ, и съ легкимъ хорошо... можно!.

Появлялась цѣлая сковорода шипящихъ пироговъ, кото-

Digitized by Google

рые исчезали одинъ за другимъ, а мгновенія летѣли себѣ да летѣли. Потомъ она принималась опять допытываться, за что онъ ее, бабу, любитъ — и опять летѣли мгновенія. Иногда къ бесѣдѣ присоединялся старикъ, отецъ ея, но отъ него большой пользы не было, потому что, какъ только закрыли его кабакъ, онъ тотчасъ же отъ горести ослѣпъ и оглохъ.

Тѣмъ не менѣе, «слѣпенькій батюшка» все еще жаждалъ дѣятельности и, пользуясь ея офиціознымъ положеніемъ, безпрерывно къ ней приставалъ. Однажды она даже попробовала завести объ этомъ разговоръ съ *нимъ*.

— Хоть бы ты въ базарные смотрители его произвелъ,— сказала она: — а то онъ совсѣмъ отъ ѣды отбился — все пьетъ!

— Не просите-съ, — сказалъ онъ твердо: — ибо я для того собственно съ вами знакомство свелъ, дабы казенный интересъ соблюсти! Какой онъ смотритель-съ! Онъ сейчасъ же первымъ дѣломъ всю провизію съ базара къ себѣ притащитъ-съ! Послѣдствіемъ же сего явятся недоимщики-съ. Станутъ говорить: оттого мы податей не платимъ, что помпадуршинъ отецъ имѣніе наше грабитъ. Въ какомъ я тогда положеніи буду? Недоимщиковъ сѣчь — неправильно-съ; родителя вашего казнить — пріятно ли для васъ будетъ?

— Голубчикъ! да вѣдь онъ слѣпенькій, куда ему за провизіей гнаться! Ему бы жалованье-то получать!

— Это ничего, что слѣпенькій: услышитъ, чѣмъ пахнетъ — прозритъ-съ! А хоть бы и насчетъ жалованья — вы думаете, жалованье-то съ неба падаетъ?

— Ну его!

— Нѣтъ-съ, оно не съ неба-съ, а все съ тѣхъ же сходитъ, которые вотъ поросятами да индѣйками насъ кормятъ-съ! Я это, въ кадетскомъ корпусѣ обучаясь, очень твердо узналъ-съ!

Но размолвки подобнаго рода происходили рѣдко и тот-

Digitized by Google

часъ же прекращались, ибо какъ онъ только начиналъ обнаруживать величіе души, она перемѣняла разговоръ и начинала допытываться, за что̀ онъ ее, бабу, любитъ. Тогда вновь начиналось подробное разсмотрѣніе этого вопроса, и всѣ недоумѣнія прекращались сами собою.

Среди отдохновеній онъ нерѣдко вступалъ съ нею и въ административные разговоры, всегда въ полной увѣренности, что воззрѣнія ея вполнѣ соотвѣтствуютъ его собственнымъ воззрѣніямъ.

— Вчера ко мнѣ вора привели, — говорилъ онъ: — да я его отпустилъ-съ.

— И Христосъ съ нимъ! — отвѣчала она.

— Я такъ на этотъ счетъ разсуждаю, что все это они дѣлаютъ съ голоду-съ.

— А то съ чего же! Безъ нужды да воровать! Тутъ стыда не оберешься! Я вотъ давно ужъ хочу тебя спросить: отчего между благородными меньше воровства, нежели, напримѣръ, между нашимъ братомъ, простымъ народомъ?

Оттого, что у благороднаго болѣе благородныхъ чувствъ. Стыдится-съ. А тоже и между благородными бываетъ воровство, только, по обширности своей, не имѣетъ презрительнаго вида.

Ахъ, грѣхи наши тяжкіе! —вздыхала она.

Да-съ; я насчетъ этого еще въ кадетскомъ корпусѣ такую мысль получилъ: кто хочетъ по совѣсти жить, тотъ долженъ такъ это дѣло устроить, чтобъ не было совсѣмъ надобности воровать! И тогда все будетъ въ порядкѣ: квартальнымъ будетъ легко, и сѣчь не за что, и обыватели почувствуютъ себя въ безопасности-съ!

— Голубчикъ ты мой!—говорила она, смотря съ умиленіемъ ему въ глаза.

— Да-съ, я давно ужъ такъ думаю, и надѣюсь, что усилія мои не останутся безплодными. Главное въ этомъ дѣлѣ— имѣть въ виду, что воръ есть человѣкъ. Я самъ однажды

Digitized by Google

такимъ манеромъ въ кадетскомъ корпусѣ булку у товарища уворовалъ... Что же-съ!

— И за что̀ ты меня, простую бабу, полюбилъ!

Этимъ восклицаніемъ окончательно заключалось утреннее отдохновеніе. Онъ припоминалъ, что его ждутъ «дѣла», и съ облегченнымъ сердцемъ выходилъ на улицу.

Дѣятельность обывателей, управлявшихся около домовъ своихъ, веселила его. Когда онъ встрѣчался съ человѣкомъ, имѣющимъ угрюмый видъ, онъ не наскакивалъ на него съ восклицаніемъ: «что̀ волкомъ-то смотришь?» — но думалъ про себя: «вотъ человѣкъ, у котораго, должно-быть, на сердцѣ горе лежитъ!» Когда слышалъ, что обыватель предается звонкому и раскатистому смѣху, то также не обращался къ нему съ вопросомъ: «чего, каналья, пасть-то разинулъ?» — но думалъ: «вотъ милый человѣкъ, съ которымъ бы я охотно посмѣялся, если бы не былъ помпадуромъ!» Результатомъ такого образа дѣйствій было то, что обыватели начали смѣяться и плакать по своему усмотрѣнію, отнюдь не опасаясь, чтобы въ томъ или другомъ случаѣ было усмотрѣно что-либо похожее на непризнаніе властей.

Онъ любилъ, чтобъ квартальные были дѣятельны, но требовалъ, чтобъ дѣятельность эта доказывала только отсутствіе бездѣятельности. Когда онъ видѣлъ, что квартальный вдругъ куда-то поспѣшно побѣжитъ, потомъ остановится, понюхаетъ и, ничего не предпринявъ, тотчасъ же опять побѣжитъ назадъ — сердце его наполнялось радостью. Но и за всѣмъ тѣмъ не проходило минуты, чтобъ онъ не кричалъ имъ вслѣдъ:

— Тише! тише! не заѣзжать!

Сначала квартальнымъ было трудно воздерживаться отъ заѣзжаній, ибо они были убѣждены, что заѣзжаніе представляетъ своего рода упрощеніе формъ и обрядовъ дѣлопроизводства; но такъ какъ они были легковѣрны (исключительно, впрочемъ, въ сношеніяхъ съ начальствомъ), то

Digitized by Google

ему не стоило почти никакого труда увѣрить ихъ, что «незаѣзжаніе» составляетъ форму дѣлопроизводства еще болѣе упрощенную, нежели даже «заѣзжаніе».

— Исторія, господа, никогда не останавливается, но непрерывно идетъ впередъ, — сказалъ онъ имъ. — Сначала люди жили въ дикости и не имѣли никакого дѣлопроизводства, а потому каждый заѣзжалъ каждому по мѣрѣ возможности. Потомъ это бросили, ибо исторія прослѣдовала впередъ-съ. Явились подьячіе, стрикулисты, кляузники, которые, отмѣнивъ заѣзжаніе, стали язвить посредствомъ проторей и убытковъ. Но для многихъ и это было неудобно, ибо время проходило въ волокитѣ, а при томъ же и исторія вновь прослѣдовала впередъ-съ. Тогда опять прибѣгли къ «заѣзжанію», какъ къ формѣ, оставляющей для заѣзжающихъ наиболѣе досуга; и такъ какъ общество постепенно разрасталось, то представилась необходимость раздѣлить его членовъ на заѣзжателей и заѣзжаемыхъ. Такъ ли я, господа, говорю?

— Такъ точно-съ! истинная правда-съ! — кричали въ отвѣтъ квартальные, причемъ нѣкоторые, однакожъ, вздыхали.

— Ну-съ, а теперь я вамъ объясню, почему и эта послѣдняя форма дѣлопроизводства оказывается нынѣ уже неудовлетворительною. Когда вы заѣзжали, милостивые государи, вамъ казалось, что вы совершали судъ скорый — это такъ. Но все же вы тратили на это не мало времени и, кромѣ того, испытывали неудовольствіе при видѣ побитыхъ носовъ. Затѣмъ вы горячились, выходили изъ себя и мало-по-малу истощали свое здоровье. Я зналъ многихъ курьеровъ, которые буквально усѣяли дороги ямщичьими зубами, но какихъ всходовъ они отъ этого посѣва ожидали—это до сихъ поръ не открыто. Попробуйте теперича не заѣзжать совсѣмъ, и вы увидите, что свободнаго времени останется у васъ больше, жалованье вы будете получать все то же, обыватель же немедленно пріобрѣтетъ

Digitized by Google

сытый видъ и, слѣдовательно, также получитъ средство удѣлять по силѣ-возможности. И вы, и обыватели — всѣ будутъ въ выгодѣ-съ!

И дѣйствительно, предсказаніе это исполнилось съ буквальною точностью: не только обыватели, но сами квартальные пріобрѣли сытый видъ и впослѣдствіи даже удивлялись, какъ имъ не приходила въ голову столь простая и ясная мысль, что лучшій способъ для пріобрѣтенія сытаго вида заключается именно въ воздержаніи отъ заѣзжаній. Какъ только это средство пущено во внутреннюю политику, какъ руководящее, то жиръ самъ собою нагуливается, покуда не сформируется совершенно лоснящійся отъ сытости человѣкъ.

Среди этихъ хлопотъ не забывалъ онъ и своего письмоводителя, особливо ежели послѣдній черезчуръ ужъ приставалъ къ нему съ заготовленными проектами донесеній и отношеній.

— Доселѣ я подписывалъ изъ десяти бумагъ одну, — говорилъ онъ ему: — теперь же рѣшился такъ: не подписывать ни одной! Пускай всѣ объ нашемъ городѣ позабудутъ-съ — только тогда мы благополучно почивать будемъ-съ.

И, видя выраженіе унынія на лицѣ письмоводителя, прибавлялъ:

— А жалованье вы будете получать попрежнему-съ.

Такимъ образомъ наступало время обѣда, когда онъ обыкновенно возвращался домой. Къ обѣду приглашался письмоводитель и тотъ изъ квартальныхъ, который, на основаніи достовѣрныхъ фактовъ, могъ доказать, что онъ въ теченіе всего предшествующаго дня подлинно никого не обидѣлъ и никому не заѣзжалъ. Пища подавалась жирная и сдобная, и онъ ѣлъ охотно, но вина остерегался и пилъ только квасъ.

— Вино — такая вещь, господа, — говорилъ онъ: — что мало выпить его невозможно, а много выпьешь — еще

Digitized by Google

больше захочется. А выпивши—особливо если кто въ помпадурскомъ званіи состоитъ—непремѣнно кого-нибудь обидишь. А потому я не пью, хотя другимъ препятствовать не желаю: пусть кушаютъ на здоровье!

Послѣ обѣда, по краткомъ отдохновеніи, онъ отправлялся въ рощу и слушалъ щебечущихъ снигирей. Онъ не только не боялся ихъ, но всячески старался приручить. И точно: какъ только онъ появлялся въ рощѣ, они стаями слетались къ нему, садились на плечи и на голову и клевали изъ рукъ моченый бѣлый хлѣбъ.

— Ахъ вы, бунтовщики мои, — говорилъ онъ какъ-то жалостливо:—между собой-то вы, милые, мирно ли живете?

Затѣмъ опять возвращался въ городъ, повторяя по пути квартальнымъ:

— Тише! тише! не заѣзжайте!

Наступалъ вечеръ; на землю спускались сумерки; въ домахъ зажигались огни. Выслушавъ перечень добрыхъ дѣлъ, совершенныхъ въ теченіе дня квартальными надзирателями, онъ отправлялся въ клубъ, гдѣ приглашалъ предводителя идти съ нимъ по стезѣ добродѣтели. Предводитель подавался туго, но такъ какъ поставленныя ему на видъ выгоды были до того ясны, что могли убѣдить даже малаго ребенка, то и онъ, наконецъ, уступилъ.

— Вы возьмите, какая это пріятность,—говорилъ *онъ*:—ежели вы теперича мужичку рубль простите, онъ навѣрное вамъ на три рубля сработаетъ, да, кромѣ того, свою любовь задаромъ вамъ подаритъ!

— Это что̀ говорить!—колебался предводитель:—благодарности въ нихъ пропасть—это вѣрно!

— А тамъ, смотришь, индюшечка-съ, курочка-съ, яичекъ десяточекъ: самъ не съѣстъ—все вамъ-съ!

— Это такъ! — повторялъ предводитель уже утвердительно, и тотчасъ же шелъ на базаръ и давалъ мужику рубль. Но такъ какъ онъ былъ даже простодушнѣе самого помпадура, то тутъ же прибавлялъ: — Ты смотри, я тебѣ

Digitized by Google

рубль подарилъ, а ты мнѣ на три сработай, да сверхъ того люби!

Однимъ словомъ, не только между купцами и мѣщанами, но даже въ клубѣ сумѣлъ *онъ* поселить миръ и любовь, и при томъ безъ всякихъ мѣръ строгости, съ помощью одного неизреченнаго своего простодушія.

Позднѣе, когда городъ уже стихалъ совершенно, онъ вновь отправлялся въ Разъѣзжую слободку; но такъ какъ квартальные спали во-истину, то никто не слышалъ, какъ изъ открытаго окна веселенькаго домика вылетало восклицаніе:

— И за что̀ ты меня, бабу, любишь?!.

Дни проходили за днями; городъ былъ забытъ. Начальство, не получая ни жалобъ, ни рапортовъ, ни вопросовъ, сначала заключило, что въ городѣ все обстоитъ благополучно, но потомъ, мало-по-малу, совершенно выпустило его изъ вида, такъ что даже не помѣстило въ списокъ населенныхъ мѣстъ, доставляемыхъ въ Академію Наукъ для календаря.

Помпадуръ торжествовалъ; помпадурша сдѣлалась поперекъ себя шире, но все еще не утратила плѣнительности. Въ теченіе десяти лѣтъ не случилось ни одного возстанія; снигири постепенно старѣлись и плодили другихъ снигирей; но и эти, подобно родителямъ, порхали лишь съ вѣтки на вѣтку, услаждая обывательскій слухъ своимъ щебетаньемъ и отнюдь не думая о революціяхъ; обыватели отъѣлись, квартальные отъѣлись, предводитель просто задыхался отъ жира. Одно было у всѣхъ на умѣ: за̀живо поставить помпадуру монументъ.

И вдругъ все это блаженство рушилось въ одну минуту, благодаря ничтожнѣйшему обстоятельству.

Помпадуръ совершилъ не все. Онъ позабылъ отвести отъ города пролегавшій черезъ него проѣзжій трактъ.

Въ одно прекрасное утро на стогнахъ города показался

Digitized by Google

легкомысленнаго вида человѣкъ, который, со стеклышкомъ въ глазу, гулялъ по городу, заходилъ въ лавки, нюхалъ, прицѣнивался, разспрашивалъ. Хотя основательные купцы на всѣ его вопросы давали одинъ отвѣтъ: «проваливай!», но такъ какъ онъ и затѣмъ не унимался, то сочтено было за нужное предупредить объ этомъ странномъ обстоятельствѣ квартальныхъ. Квартальные, въ свою очередь, бросились къ градоначальнику.

— Открыли-съ! насъ открыли!—кричали они впопыхахъ.

Онъ поблѣднѣлъ, однакоже, не потерялъ надежды спасти дѣло рукъ своихъ. Поспѣшно надѣлъ онъ на себя мундиръ, прицѣпилъ шпагу и отправился на базаръ отыскивать напугавшаго всѣхъ незнакомца.

— Кто вы таковы-съ? и не угодно ли пожаловать мнѣ вашъ видъ? — спросилъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

Незнакомецъ молча подалъ свою подорожную. Въ подорожной значилось: «NN, экспертъ отъ наукъ, отправляется по Россіи для изслѣдованія богатствъ, скрывающихся въ нѣдрахъ земли».

— Странно, что вашего города даже на географическихъ картахъ не значится!—замѣтилъ экспертъ отъ наукъ, пока *онъ* разсматривалъ подорожную.

— Ничего страннаго нѣтъ-съ! Сей городъ до настоящей минуты былъ самъ по себѣ столь благополученъ, что не было надобности ему о себѣ объявлять-съ!—отвѣчалъ онъ съ горечью и затѣмъ, не входя въ дальнѣйшія объясненія, повернулъ назадъ и пошелъ по направленію къ Разъѣзжей слободкѣ.

Происшествіе это въ свое время надѣлало очень много шуму, ибо въ нашъ просвѣщенный вѣкъ утерять изъ виду цѣлый городъ съ самостоятельною цивилизаціей и съ громадными богатствами въ нѣдрахъ земли — дѣло не шуточное. Прислана была слѣдственная комиссія, которая горячо принялась за дѣло и прежде всего изумилась край-

Digitized by Google

пему изобилію совершенно сытыхъ и при томъ ручныхъ снигирей. Долго она старалась проникнуть въ тайну этого изобилія, но не добилась никакого другого результата, кромѣ того, который заранѣе былъ формулированъ самимъ помпадуромъ, а именно, что снигирь есть птица скромная и къ ученію склонная.

Другіе результаты, обнаруженные изслѣдованіемъ, были еще поразительнѣе. Оказалось:

1) что въ городѣ, въ теченіе десяти лѣтъ, не произошло ни одной революціи, тогда какъ до того времени не проходило ни одного года безъ возмущенія;

2) что въ продолженіе того же времени не было ни одного случая воровства;

3) что квартальные надзиратели сыты;

4) что обыватели сыты;

5) что въ теченіе послѣднихъ лѣтъ обыватели обнаружили склонность къ сооруженію монументовъ;

6) что слухъ о богатствахъ, скрывающихся якобы въ нѣдрахъ земли, есть не болѣе какъ выдумка, пущенная экспертомъ отъ наукъ въ видахъ легчайшаго полученія изъ казны прогонныхъ денегъ; въ городѣ же никто изъ жителей никакимъ укрывательствомъ никогда не занимался;

7) что всѣмъ симъ городъ обязанъ своему градоначальнику, Помпадуру 4-му.

Разсмотрѣвши дѣло и убѣдившись въ справедливости всего вышеизложеннаго, начальство не только не отрѣшило добраго помпадура отъ должности, но даже опубликовало его поступки и поставило ихъ въ примѣръ прочимъ. «Да вѣдомо будетъ всѣмъ и каждому,—сказано было въ изданномъ по сему случаю документѣ, — что лучше одного помпадура добраго, нежели семь тысячъ злыхъ имѣть», на основаніи того общепризнаннаго правила, что даже малый каменный домъ все-таки лучше, нежели большая каменная болѣзнь.

Digitized by Google

Что же касается собственно до города, то ему немедленно присланъ былъ отъ казенной палаты окладной листъ.

XII.—Мнѣнія знатныхъ иностранцевъ о ПОМПАДУРАХЪ.

Заканчивая свои разсказы о «помпадурахъ»—разсказы, къ сожалѣнію, не исчерпывающіе и сотой доли помпадурской дѣятельности, я считаю, что будетъ умѣстно познакомить читателей съ тѣми впечатлѣніями, которыя производили мои герои на нѣкоторыхъ знатныхъ иностранцевъ, въ разное время посѣщавшихъ Россію.

Подобнаго рода свидѣтельствъ у меня подъ руками очень много; но я приведу здѣсь только четыре отрывка, наиболѣе подходящіе къ нашимъ литературнымъ условіямъ. Между прочимъ, я имѣю очень рѣдкую книгу, подъ названіемъ: «Путеводитель по русскимъ съѣзжимъ домамъ», соч. австрійскаго серба Глупчича-Ядрилича, пріѣзжавшаго вмѣстѣ съ прочими братьями-славянами, въ 1870 году, въ Россію, но не попавшаго ни въ Петербургъ, ни въ Москву, потому что соломенный помпадуръ подъ личною своею отвѣтственностью посадилъ его на все время торжествъ на съѣзжую. Сочиненіе это проливаетъ яркій свѣтъ не только на внутреннюю, но и на внѣшнюю политику помпадуровъ, и переводъ его послужилъ бы немалымъ украшеніемъ для нашей небогатой литературы, но, къ величайшему сожалѣнію, я не могъ привести изъ него даже самомалѣйшаго отрывка, потому что книга эта безусловно запрещена цензурой... Этого примѣра, я полагаю, совершенно достаточно для читателя, чтобы понять, почему я былъ такъ умѣренъ въ моихъ выдержкахъ.

Затѣмъ, обращаясь къ издаваемымъ нынѣ отрывкамъ, я считаю долгомъ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Digitized by Google

Какъ и во всѣхъ сочиненіяхъ иностранцевъ о Россіи, насъ прежде всего поражаетъ въ нихъ какое-то неисправимое легковѣріе. Такъ, напримѣръ, князь де-ля-Кассонадъ очень серьезно разсказываетъ, что нѣкоторые помпадуры смѣшивали императора Сулука съ королевою Помарѐ, а другой путешественникъ, Шенапанъ, увѣряетъ, будто въ Россіи преподается особенная наука, подъ названіемъ: «Zwon popéta razdawaïss». Ясно, что оба эти лица были жертвою мистификаціи со стороны своихъ амфитріоновъ-помпадуровъ, которые, по прискорбному русскому обычаю, нашли для себя забавнымъ разсказывать иностранцамъ разныя небылицы о своемъ отечествѣ.

Сверхъ того, по обыкновенію всѣхъ иностранцевъ, цитируемые мною авторы очень часто впадаютъ въ преувеличенія и выказываютъ при этомъ колоссальнѣйшее невѣжество...

Я не счелъ, однакожъ, нужнымъ останавливаться на этихъ недостаткахъ, ибо для насъ, русскихъ, самыя преувеличенія иностранцевъ очень поучительны. Читая разсказываемыя про насъ небылицы, мы, во-первыхъ, выносимъ убѣжденіе, что иностранцы—народъ легкомысленный и что, слѣдовательно, въ случаѣ столкновенія, съ ними очень не трудно будетъ справиться. Во-вторыхъ, мы получаемъ увѣренность, что перьями ихъ руководитъ дурное чувство зависти, не прощающее Россіи той глубокой тишины, среди которой происходитъ ея постепенное обновленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, представляли ли когда-либо лѣтописи Лаишева, Пошехонья, Сапожка и др. что-нибудь подобное тому, что происходило недавно въ заштатномъ городѣ Висбаденѣ по случаю возвышенія цѣнъ на пиво? Нѣтъ, ничего подобнаго не было, да и не могло быть, потому что и пошехонцы, и лаишевцы слишкомъ хорошо понимаютъ, что цѣны Богъ строитъ, и подъ сѣнію этой пословицы постепенно обновляются. Висбаденцы же ничего этого не знаютъ, а потому нечего удивляться, что для нихъ всѣ пути къ

Digitized by Google

обновленію закрыты. Ибо какое можетъ быть «обновленіе», когда на улицахъ идетъ шумъ и гвалтъ, за которымъ ни одной пословицы даже разслышать нельзя?

Иностранцы сознаютъ это преимущество лаишевцевъ и болебеевцевъ и завидуютъ. Они понимаютъ, что̀ означаетъ эта тишина и чѣмъ она пахнетъ для висбаденскихъ нарушителей спокойствія, если пошехонцамъ вздумается вразумлять ихъ.

Но встрѣчается въ этихъ невѣжественныхъ разсказахъ и нѣчто такое, надъ чѣмъ можно серьезно задуматься.

Завидуя нашей тишинѣ, иностранцы не безъ ядовитости указываютъ, что мы сами какъ бы тяготимся ею. Что у насъ, среди глубокаго мира, отъ времени до времени трубятъ рога и происходятъ такъ-называемыя усмиренія (répression de la tranquillité). Мало того, нѣкоторые даже прямо утверждаютъ, будто у насъ существуетъ особенное сословіе помпадуровъ, котораго назначеніе въ томъ именно и заключается, чтобы нарушать общественную тишину и сѣять раздоры съ цѣлью успѣшнаго ихъ подавленія. Не безъ ироніи говорятъ они о недостаточной развитости нашихъ помпадуровъ и о происходящей отселѣ безпорядочной, судорожной дѣятельности ихъ. Дѣятельность эту они сравниваютъ съ безцѣльнымъ мельканіемъ въ пустомъ пространствѣ—мельканіемъ, которое на первый взглядъ можетъ показаться смѣшнымъ, но которое, при безпрестанномъ повтореніи, дѣлается почти обременительнымъ...

Повторяю: все это въ высшей степени преувеличено и до безконечности невѣжественно; но даже сквозь эти смѣшныя преувеличенія сквозитъ какой-то намекъ на реальность, которымъ не излишне воспользоваться. Всякому, напримѣръ, извѣстно, что главное побужденіе, руководящее помпадурскими дѣйствіями, составляетъ чрезмѣрная ревность къ охраненію присвоенныхъ помпадурамъ правъ и преимуществъ (прерогативъ). Въ сущности, побужденіе это, конечно, очень похвально, но надо сознаться, что, тѣмъ не

Digitized by Google

менѣе, оно нимало не способствуетъ ни возникновенію новыхъ плодотворныхъ жизненныхъ явленій, ни производству новыхъ цѣнностей. Поэтому было бы не только не вредно, но даже полезно, чтобы на практикѣ эта ревность проявлялась лишь въ той мѣрѣ, въ какой она не служитъ помѣхой мирнымъ гражданамъ въ ихъ мирныхъ занятіяхъ. Если человѣкъ исключительною задачею своей жизненной дѣятельности поставляетъ огражденіе своихъ правъ (какъ, напримѣръ, права принимать по праздникамъ поздравленія, права идти въ первой парѣ, когда балъ открывается польскимъ, и т. д.), то результатомъ его усилій можетъ быть только огражденіе правъ, и ничего больше. Положимъ, это будетъ дѣятельность, въ своемъ родѣ, почтенная, но все-таки никакого оплодотворенія изъ нея произойти не можетъ. А помпадуры этимъ именно и грѣшатъ. Ограждая свои права, они забываютъ, что у нихъ есть и обязанности, изъ коихъ главнѣйшая — не отвлекать обывателей слишкомъ усиленными поздравленіями отъ другихъ занятій, которыя тоже могутъ быть названы небезполезными.

А грѣшатъ они потому, что не знаютъ наукъ. Я, конечно, далекъ отъ того, чтобы вмѣстѣ съ мосьё Шенапаномъ утверждать, будто въ нашихъ кадетскихъ корпусахъ преподается только одна наука «Zwon popéta rasdawaïss», но все-таки позволяю себѣ думать, что на воспитаніе помпадуровъ не обращено должнаго вниманія. Дюссо, Борель, Минерашки, театръ Берга—все это школа слишкомъ недостаточная! Если бъ они знали, напримѣръ, исторію, то помнили бы анекдотъ о персидскомъ царѣ, который, ограждая свои права, высѣкъ море, но и за всѣмъ тѣмъ не могъ побѣдить горсти храбрыхъ грековъ. Если бъ они знали статистику и политическую экономію, то поняли бы, что обывательская спина не всегда служитъ вѣрнымъ обезпеченіемъ для наполненія казны кредитными билетами. Если бъ имъ не чужда была юриспруденція, то они знали бы, что излишнее огражденіе собственныхъ личныхъ правъ

Digitized by Google

всегда ведетъ къ нарушенію правъ другихъ; это же последнее, въ свою очередь, влечетъ за собою если не непремѣнное возстановленіе нарушеннаго права, то, по крайней мѣрѣ, позывъ къ такому возстановленію. А за этимъ обыкновенно слѣдуетъ скандалъ, а иногда и наказаніе нарушителя по всей строгости законовъ.

Да, какъ это ни тяжело, но надо сознаться, что, даже для взысканія недоимокъ, науки—не безполезная вещь. Онѣ учатъ человѣка, что жизнь пережить—не поле перейти; онѣ заставляютъ его вникать въ смыслъ его поступковъ и даютъ ему нѣкоторыя хорошія привычки. Вотъ чего недостаетъ помпадурамъ и вотъ почему они считаютъ, что у нихъ нѣтъ никакихъ другихъ административныхъ задачъ, кромѣ огражденія присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ. Будучи удалены отъ наукъ, они не могутъ понять, что нѣкоторая сумма знанія гораздо надежнѣе оградила бы эти права, нежели странное и далеко не всѣхъ настигающее слово: «фюить!»

Недостатокъ знаній порождаетъ чрезмѣрную требовательность; чрезмѣрная требовательность, въ свою очередь, порождаетъ подозрительность. Извѣстно, напримѣръ, съ какою охотою употребляютъ помпадуры такія слова, какъ «посягать», «подкапываться», «потрясать» и т. д., представляя высшему начальству, будто слова эти составляютъ обыденный лексиконъ наровчатскихъ, лукояновскихъ и другихъ обывателей. А между тѣмъ въ этихъ увѣреніяхъ заключается самая вопіющая неправда. Я, по крайней мѣрѣ, искренно убѣжденъ, что никто даже не помышляетъ о томъ, чтобы оспаривать помпадурскія права, и что вся бѣда тутъ въ томъ, что не всякій можетъ эти права уловить. Отсюда—безконечное и довольно тягостное для обѣихъ сторонъ qui-pro-quo. Чаще всего помпадуръ и самъ хорошенько не знаетъ, въ чемъ состоятъ его требованія; но это незнаніе, вмѣсто того, чтобъ ограничить его, дѣлаетъ еще болѣе ненасытнымъ. Столь же часто бываетъ, что обыватель и го-

Digitized by Google

товъ бы, съ своей стороны, сдѣлать всякое удовольствіе, но, не зная, въ чемъ это послѣднее заключается, попадаетъ въ-просакъ, то-есть поздравляетъ тогда, когда не нужно поздравлять, и наоборотъ. А изъ этого происходитъ то, что одинъ невѣдомо что̀ предъявляетъ, а другой невѣдомо на что̀ посягаетъ. Явное недоразумѣніе, которое опять-таки будетъ устранено лишь тогда, когда наука прольетъ свой свѣтъ на запутанныя отношенія, существующія между помпадурами и обывателями, и сумѣетъ регламентировать ихъ.

Итакъ, въ отзывахъ иностранцевъ есть извѣстная доля правды. Но правда эта не должна огорчать насъ. Мы слишкомъ сильны, мы пользуемся слишкомъ несомнѣнною внутреннею тишиной, чтобы впадать въ малодушіе передъ лицомъ правды. Мы спокойно можемъ выслушать самую горькую истину, нимало не измѣняя присущему намъ сознанію нашихъ доблестей.

При томъ же мы знаемъ, что у насъ есть испытанное средство помпадуровъ. Это средство: повышенія, перемѣщенія и увольненія, которыя очень достаточно гарантируютъ насъ.

Оговорившись такимъ образомъ, перехожу къ самымъ «мнѣніямъ» иностранцевъ. Мнѣнія эти переведены мною прямо съ подлинниковъ и при томъ съ самою буквальною точностью. Разсказъ же татарина Хабибулы Науматулловича о пребываніи въ Россіи іомудскаго принца (такъ какъ существованіе племени іомудовъ не подлежитъ сомнѣнію, то я полагаю, что долженъ быть и іомудскій принцъ) напечатанъ мною съ оставленіемъ слога и подлинныхъ выраженій разсказчика.

«Impression de voyage et d'art», par le prince de la Cassonade, ancien Grand Veneur de S. M. l'Empereur Soulouque I, actuellement, grâce aux vicissitudes de la fortune, garçon en chef au Café Riche à Paris. Paris. Ledentu édi-

Digitized by Google

teur. 18**. Deux forts Vols. («Путевыя и художественныя впечатлѣнія», соч. князя де-ля-Кассонадъ, бывшаго оберъ-егермейстера Е. В. Императора Сулука I, а нынѣ, благодаря превратностямъ судебъ, главнаго гарсона въ кафе Ришъ въ Парижѣ).

«Когда я былъ командированъ моимъ всемилостивѣйшимъ государемъ и повелителемъ во Францію и Испанію для изученія способовъ дѣлать государственные перевороты, и въ Россію—для изученія способовъ взысканія недоимокъ, я встрѣтился въ этой послѣдней съ особенной корпораціей, которой подобной нѣтъ, кажется, въ цѣломъ мірѣ и которая чрезвычайно меня заинтересовала. Я говорю о помпадурахъ.

«Каждый изъ здѣшнихъ городовъ имѣетъ своего главнаго помпадура, которому подчинено нѣсколько второстепенныхъ помпадуровъ, у которыхъ, въ свою очередь, стоитъ подъ начальствомъ безчисленное множество помпадуровъ третьестепенныхъ, а сіи послѣдніе уже имѣютъ въ своемъ непосредственномъ завѣдываніи массу обывателей или чернь (la vile populace). Всѣ они составляютъ такъ-называемую бюрократическую армію и различаются между собою лишь болѣе или менѣе густымъ шитьемъ на воротникахъ и рукавахъ. Такъ какъ было бы тяжело и затруднительно изслѣдовать нравы всѣхъ этихъ разновидностей, то я, главнымъ образомъ, сосредоточилъ свое вниманіе на главныхъ помпадурахъ, потому что они представляютъ собой прототипъ, по которому можно безъ труда сдѣлать заключеніе и о прочихъ.

«Главные помпадуры избираются преимущественно изъ молодыхъ людей, наиболѣе способныхъ къ тѣлеснымъ упражненіямъ. На образованіе и умственное развитіе ихъ большого вниманія не обращается, такъ какъ предполагается, что эти лица ничѣмъ заниматься не обязаны, а должны только руководить. При этомъ имѣется, кажется, въ виду еще и та мысль, что науки вообще имѣютъ растлѣвающее

Digitized by Google

вліяніе, и что, слѣдовательно, онѣ всего менѣе могутъ быть у мѣста тамъ, гдѣ требуются лишь свѣжесть и непреоборимость. И дѣйствительно, главные помпадуры живутъ въ столь безнадежномъ отъ наукъ отдаленіи, что нѣкоторые изъ нихъ не шутя смѣшивали моего всемилостивѣйшаго повелителя Сулука I съ королевою Помарé, а сію послѣднюю—съ извѣстной парижской лореткой того же имени. Признаюсь, эти смѣшенія причиняли мнѣ не мало огорченій, и я не разъ вынуждался объявлять очень категорически, что повтореніе чего-либо подобнаго можетъ имѣть послѣдствіемъ серьезный casus belli.

«Преимущественное назначеніе главныхъ помпадуровъ заключается въ томъ, чтобы *препятствовать*. Несмотря, однакожъ, на мои усилія разъяснить себѣ, противъ чего собственно должна быть устремлена эта тормозящая сила,— я ничего обстоятельнаго по сему предмету добиться не могъ. На всѣ мои вопросы я слышалъ одинъ отвѣтъ: mais comment ne comprenez-vous pas ça? Изъ чего и вынужденъ былъ заключить, что, вѣроятно, Россія есть такая страна, которая лишь по наружности пользуется тишиною, но на самомъ дѣлѣ наполнена горючими веществами. Иначе какая же была бы надобность въ цѣлой корпораціи людей, которыхъ спеціальное назначеніе заключается въ принятіи прекратительныхъ мѣръ безъ всякихъ къ тому поводовъ?

«Такъ, напримѣръ, я съ любопытствомъ наблюдалъ однажды, какъ одинъ чрезвычайно вышитый помпадуръ усмирялъ другого менѣе вышитаго за то, что сей послѣдній не поздравилъ перваго съ праздникомъ. Клянусь, никогда королева Помарѐ (а кто же не знаетъ, до какой степени она неизящна въ своихъ выраженіяхъ?) не обращалась къ своему кучеру съ подобнымъ потокомъ высокоукоризненныхъ словъ! Когда же я позволилъ себѣ усомниться, чтобы обстоятельство столь неважное способно было возбудить столь сильный гнѣвъ, то расшитый помпадуръ взглянулъ на меня съ такимъ страннымъ видомъ, что я поспѣ-

Digitized by Google

шилъ раскланяться, дабы не вышло изъ этого чего дурного для меня или для моего всемилостивѣйшаго повелителя. Въ другое время другой помпадуръ откровенно мнѣ сознавался, что онъ только и дѣлаетъ, что усмиряетъ бунты, причемъ назвалъ мнѣ и имена главныхъ бунтовщиковъ: предсѣдателей окружного суда и мѣстной земской управы. А такъ какъ, не далѣе какъ за день передъ тѣмъ, я имѣлъ случай съ обоими бунтовщиками играть въ ералашъ и при этомъ не замѣтилъ въ ихъ образѣ мыслей ничего вреднаго, то и не преминулъ возразить негодующему помпадуру, что, по мнѣнію моему, оба названныя лица ведутъ себя скромно и усмиренія не заслуживаютъ. Но онъ, не желая ничего слушать, отвѣтилъ мнѣ, что все это—интрига, и что онъ, помпадуръ, не успокоится, покуда не раскроетъ въ подробности всѣ нити и корни оной. Я могъ бы разсказать здѣсь множество другихъ примѣровъ подобной же загадочной страсти къ усмиреніямъ, но полагаю, что и этихъ двухъ вполнѣ достаточно, тѣмъ болѣе, что причина этой усмирительной болѣзни и до-днесь остается для меня неразъясненною, а слѣдовательно, сколько бы я ни плодилъ фактовъ, въ основаніи ихъ все-таки будетъ лежать таинственное: mais comment ne comprenez-vous pas ça?—и ничего болѣе.

«Всю сумму своихъ административныхъ воздѣйствій помпадуры сумѣли сконцентрировать въ одномъ крошечномъ словѣ: «фюить!» и, кажется, это единственное слово, которое они умѣютъ произносить съ надлежащею ясностью. Все прочее принимаетъ въ ихъ устахъ форму невнятнаго бормотанія, изъ котораго трудно извлечь что-либо поучительное. Я тщетно усиливался доказывать, что слово «фюить», несмотря на удобства, доставляемыя его краткостью, все-таки никакихъ разрѣшеній не заключаетъ; въ отвѣтъ на мои доказательства я повсюду слышалъ одно: pour nous autres, c'est encore assez bon. Это, конечно, заставляло меня умолкать, ибо ежели люди сами признаютъ себя

Digitized by Google

вполнѣ обозпеченными словомъ «фюить», то мнѣ, иностранцу (а тѣмъ болѣе имѣющему дипломатическое порученіе), разувѣрять ихъ въ томъ не приходится.

«Вообще у нихъ есть фаталистическая наклонность обратить міръ въ пустыню и совершенное непониманіе тѣхъ послѣдствій, которыя можетъ повлечь за собою подобное административное мѣропріятіе. Наклонность эту я готовъ бы назвать человѣконенавистничествомъ, если бъ не имѣлъ безчисленныхъ доказательствъ, что въ основаніи всѣхъ дѣйствій и помысловъ помпадурскихъ лежитъ не жестокость въ собственномъ смыслѣ этого слова, а безграничное легкомысліе. Такъ, напримѣръ, когда я объяснилъ одному изъ нихъ, что для нихъ же будетъ хуже, ежели міръ обратится въ пустыню, ибо некого будетъ усмирять и даже некому будетъ готовить имъ кушанье, то онъ съ невѣроятнымъ апломбомъ отвѣтилъ мнѣ: «тѣмъ лучше! мы будемъ ѣздить другъ къ другу и играть въ карты, а обѣдать будемъ ходить въ рестораны!» И я опять вынужденъ былъ замолчать, ибо какая же возможность поколебать эту непреоборимую вѣру въ какое-то провиденціальное назначеніе помпадуровъ, которая ни передъ чѣмъ не останавливается и никакихъ невозможностей не признаетъ!

«Вмѣстѣ съ невѣжественностью и легкомысленною страстью къ разрушенію, помпадуры въ значительной мѣрѣ соединяютъ и сластолюбіе. Обаяніе власти привлекаетъ къ нимъ сердца не весьма разборчивыхъ провинціальныхъ женщинъ, а корыстолюбіе мужей-чиновниковъ заставляетъ ихъ смотрѣть сквозь пальцы на продѣлки преступныхъ ихъ женъ. Тѣмъ не менѣе, я напрасно ожидалъ утонченности въ обращеніи помпадуровъ съ женщинами. Хотя всѣ они очень бѣгло говорятъ по-французски (впрочемъ, и тутъ больше въ ходу какой-то безсмысленный жаргонъ парижскихъ кафешантановъ, смѣшанный съ неменѣе безсмысленнымъ жаргономъ кокотокъ), но французская вѣжливость столь же чужда имъ, какъ и любому изъ парижскихъ cochers de

Digitized by Google

fiacre. Неоднократно, приглашенный на вечера, на которыхъ присутствовали особенно преданная помпадурамъ молодёжь и роскошнѣйшія женщины города, я ничего не видалъ, кромѣ безстыдныхъ жестовъ, которые даже меня, бывшаго оберъ-егермейстера моего всемилостивѣйшаго императора Сулука I, заставляли краснѣть. Въ этомъ заключалась вся веселость, вся аттическая соль этихъ вечеровъ. Я никогда не забуду, какъ одна изъ этихъ дамъ (замѣчательно, впрочемъ, красивая) распѣвала французскую пѣсенку: «et j'frotte et j'frotte—et allez donc!», сопровождая свое пѣніе такими оживленными тѣлодвиженіями, которымъ позавидовала бы любая chanteuse de cabaret. Помпадуръ сидѣлъ тутъ же и не только не унималъ безстыдницу, но даже хмурилъ брови всякій разъ, какъ она ослабѣвала. Въ другомъ городѣ другой помпадуръ повелъ меня въ купальную, въ стѣнѣ которой было очень искусно продѣлано отверстіе въ сосѣднее женское отдѣленіе, и заставилъ меня смотрѣть. Грѣшный человѣкъ, я посмотрѣлъ съ удовольствіемъ, но потомъ все-таки не могъ воздержаться отъ вопроса: какое же отношеніе все это можетъ имѣть къ администраціи?

«Въ заключеніе я долженъ сказать, что это—корпорація очень загадочная. Я не отрицаю въ помпадурахъ нѣкоторой дозы отваги, свидѣтельствующей о величіи души, но, къ сожалѣнію, долженъ сказать, что отвага эта растрачивается на такія дѣла, безъ которыхъ легко можно было бы обойтись. Таковы, напримѣръ: выбиваніе зубовъ у ямщиковъ во время ѣзды на почтовыхъ и проч. Съ грустнымъ чувствомъ оставилъ я эту страну, убѣдившись, что даже относительно взысканія недоимокъ она не представляетъ ничего новаго и поучительнаго для нашего любезнаго отечества.

«Но когда я, по долгу совѣсти, доложилъ о всемъ вышеизложенномъ моему всемилостивѣйшему императору и повелителю Сулуку I, то, къ величайшему моему огорченію

Digitized by Google

и удивленію, услышалъ отъ него: «дуракъ! да намъ именно это-то и нужно!» Съ тѣхъ поръ мнѣ была объявлена немилость за непониманіе истинныхъ интересовъ моего повелителя, а потомъ начались и преслѣдованія, которыя разрѣшились изгнаніемъ изъ отечества. Нынѣ я состою въ качествѣ garçon en chef въ café Riche въ Парижѣ. Но, впрочемъ, не теряю надежды на Бога и Его всещедрую милость ко мнѣ. Ибо опала моя есть лишь плодъ недоразумѣнія; я же во всякое время готовъ и опять занять прежній свой постъ при моемъ всемилостивѣйшемъ повелителѣ, и даже, если ему будетъ угодно, устроить въ любезномъ отечествѣ точь-въ-точь такую же корпорацію помпадуровъ, какую я видѣлъ въ Россіи».

«Une triste histoire. Souvenirs d'un voyage dans les steppes du Nord», par Onésime Chenapan, ancien agent provocateur ayant servi sous les ordres de monseigneur Maupas, préfet de police. 1853. Paris. Librairie nouvelle. 1 vol. («Грустная исторія. Воспоминанія о путешествіи въ сѣверныя степи». Соч. Онисимъ Шенапанъ, бывшій политическій сыщикъ, служившій подъ начальствомъ монсеньёра Мопа́, префекта полиціи).

«Берусь за перо, чтобы разсказать, какимъ образомъ одинъ необдуманный шагъ можетъ испортить всю человѣческую жизнь, уничтожить всѣ ея плоды, добытые цѣною долгихъ униженій, повергнуть въ прахъ всѣ надежды на дальнѣйшее повышеніе въ избранной спеціальности и даже отнять у человѣка лучшее его право въ этомъ мірѣ—право называться вѣрнымъ сыномъ святой римско-католической церкви!

«Всѣ это сдѣлалъ надо мной одинъ праздный человѣкъ, назвавшій себя помпадуромъ, сдѣлалъ просто, естественно, безъ малѣйшихъ колебаній, не оставивъ въ моемъ сердцѣ ни малѣйшей надежды получить какое-либо вознагражденіе за причиненный мнѣ ущербъ!

Digitized by Google

«Юноша! ты, который читаешь эти омытыя слезами строки, внимательнѣе вдумайся въ ихъ содержаніе, и ежели когда-нибудь въ Closerie de lilas или въ иномъ подобномъ мѣстѣ тебѣ случится встрѣтиться съ человѣкомъ, именующимъ себя помпадуромъ,—бѣги его! Ибо имя этому человѣку: жестокосердіе и легкомысліе!

. . . . . .

«Въ 1852 году, вскорѣ послѣ извѣстнаго декабрьскаго переворота, случай свелъ меня съ княземъ де-ла-Клюква (le prince de la Klioukwa), человѣкомъ еще молодымъ, хотя нѣсколько поношеннымъ (quelque peu taré), въ которомъ я по внѣшнему его виду и веселымъ манерамъ никогда не позволилъ бы себѣ предположить сановника. Оказалось, однако, что онъ былъ таковымъ.

«Встрѣча произошла въ одномъ изъ парижскихъ cafés chantans, которые я посѣщалъ по обязанностямъ службы, такъ какъ въ этихъ веселыхъ мѣстахъ преимущественно ютились заблуждающіеся молодые люди, не выказывавшіе безусловнаго довѣрія къ перемѣнѣ, происшедшей 2-го декабря. Тутъ же можно было найти и множество иностранцевъ, изучавшихъ Парижъ съ точки зрѣнія милой бездѣлицы.

«Разговоръ нашъ начался по поводу пѣсенки: «Ah! j'ai un pied qui r'mue», которая тогда только-что пошла въ ходъ и которую мастерски выполняла m-lle Rivière. Оказалось, что мой сосѣдъ (мы за однимъ столомъ, не торопясь, попивали наши petits verres) не только тонкій цѣнитель жанра, но и самъ очень мило исполняетъ капитальныя пьесы каскаднаго репертуара. Не могу сказать, почему, но, къ моему несчастію, я почувствовалъ какое-то слѣпое, безотчетное влеченіе къ этому человѣку, и послѣ бесѣды, продолжавшейся не больше четверти часа, откровенно сознался ему, что я agent provocateur, пользующійся особеннымъ довѣріемъ монсеньёра Мопа. И, къ удивленію моему, онъ не только не бросился меня бить (какъ это почти всегда

Digitized by Google

дѣлаютъ заблуждающіеся молодые люди), но даже протянулъ мнѣ обѣ руки и, въ свою очередь, объявилъ, что онъ русскій и занимаетъ въ своемъ отечествѣ рангъ помпадура.

«— Я объясню вамъ впослѣдствіи,—сказалъ онъ при видѣ недоразумѣнія, выразившагося въ моемъ лицѣ:—въ чемъ заключаются аттрибуты и предѣлы власти помпадурскаго ранга; теперь же могу сказать вамъ одно: никакая другая встрѣча не могла бы меня такъ обрадовать, какъ встрѣча съ вами. Я именно искалъ познакомиться съ хорошимъ, вполнѣ надежнымъ agent provocateur. Скажите: выгодно ваше ремесло?

«— Monseigneur, — отвѣчалъ я:—я получаю въ годъ 1,500 франковъ постояннаго жалованья и, сверхъ того, въ видѣ поощренія, особую плату за каждый доносъ.

«— Однакожъ... это недурно!

«— Если бъ я получалъ плату построчно, хотя бы наравнѣ съ составителями газетныхъ entrefilets—это было бы, дѣйствительно, недурно: но въ томъ-то и дѣло, monseigneur, что я получаю мою плату поштучно.

«— Но, вѣроятно, къ Рождеству или къ Пасхѣ являются на выручку какіе-нибудь остаточки?

«— Никакъ нѣтъ, monseigneur. Всѣми остаточками безраздѣльно пользуются monseigneur Maupas и всемилостивѣйшій мой повелитель и императоръ Наполеонъ III. Единственнымъ подспорьемъ къ объясненному выше содержанію служитъ особенная сумма, назначаемая на случай увѣчій и смертнаго боя, очень нерѣдкихъ въ томъ положеніи, въ которомъ я нахожусь. 2-го декабря я буквально представлялъ собою сочащуюся кровью массу мяса, такъ что въ одинъ этотъ день заработалъ болѣе тысячи франковъ!

«— Тысячу франковъ... mais c'est très joli!

«— Но у меня есть престарѣлая мать, monseigneur, у меня есть дѣвица-сестра, которую я тщетно стараюсь пристроить!

«— Oh! quant à cela... чортъ ихъ подери!

Digitized by Google

«Это восклицаніе было очень знаменательно и должно бы предостеречь меня. Но Провидѣнію угодно было потемнить мой разсудокъ, вѣроятно для того, чтобы не помѣшать мнѣ испить до дна чашу уготованныхъ мнѣ истязаній, орудіемъ которыхъ явился этотъ ужасный человѣкъ.

«— Ну-съ, а теперь скажите мнѣ: случалось ли вамъ когда-нибудь—по обязанностямъ службы, s'entend—распечатывать чужія письма?—продолжалъ онъ послѣ минутнаго перерыва, послѣдовавшаго за его восклицаніемъ.

«— Очень часто, excellence!

«— Поймите мою мысль. Прежде, когда письма запечатывались простымъ сургучемъ, когда конверты не заклеивались по швамъ—это, конечно, было легко. Достаточно было тоненькой деревянной спички, чтобъ навертѣть на нее письмо и вынуть его изъ конверта. Но теперь, когда конвертъ представляетъ массу почти непроницаемую... какимъ образомъ поступить? Я неоднократно пробовалъ употреблять въ дѣло слюну, но, признаюсь, усилія мои ни разу не были увѣнчаны успѣхомъ. Получатели писемъ догадывались и роптали.

«— А между тѣмъ нѣтъ ничего проще, excellence. Здѣсь мы поступаемъ въ этихъ случаяхъ слѣдующимъ образомъ: беремъ письмо, приближаемъ его къ кипящей водѣ и держимъ надъ паромъ конвертъ тою его стороною, на которой имѣются заклеенные швы, до тѣхъ поръ, пока клей не распустится. Тогда мы вскрываемъ конвертъ, вынимаемъ письмо, прочитываемъ его и помѣщаемъ въ конвертъ обратно. И никакихъ слѣдовъ нескромности не бываетъ.

«— Такъ просто—и я не зналъ! Да, французы во всемъ насъ опередили! Великодушная нація! какъ жаль, что революціи такъ часто потрясаютъ тебя! Et moi, qui, à mes risques et périls, me consumais à dépenser ma salive! Quelle dérision!

«— Но развѣ распечатываніе чужихъ писемъ входитъ въ ваши аттрибуты, monseigneur?

Digitized by Google

«— Въ мои аттрибуты входитъ все, что̀ касается внутренней политики, а въ особенности распечатываніе частныхъ писемъ и взысканіе недоимокъ (extorsion des nédoïmkas, une espèce de peine corporelle, en vigueur en Russie, surtout dans le cas où le paysan, par suite d'une mauvaise recolte, n'a pas de quoi payer les impôts). Знаете ли вы, однакожъ, мой новый другъ, что вы вывели меня изъ очень-очень большого затрудненія?

«Онъ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку и былъ такъ великодушенъ, что пригласилъ меня ужинать въ café Anglais, гдѣ мы почти до утра самымъ пріятнымъ образомъ провели время. Въ заключеніе онъ очень любезно предложилъ мнѣ сопутствовать ему въ его родныя степи, гдѣ, по словамъ его, представлялась для меня очень выгодная карьера.

«— Вы поѣдете со мной и на мой счетъ,—говорилъ онъ мнѣ: — жалованье ваше будетъ простираться до четырехъ сотъ франковъ въ мѣсяцъ; сверхъ того, вы будете жить у меня и отъ меня же получать столъ, дрова и свѣчи. Обязанности же ваши отнынѣ слѣдующія: научить меня всѣмъ секретамъ вашего ремесла и разузнавать все, что̀ говорится про меня въ городѣ. А чтобы легче достичь этой цѣли, вы должны будете посѣщать общество и клубы и тамъ притворно фрондировать противъ меня... Понимаете?

«Я былъ изумленъ и обрадованъ. O, ma pauvre mère! o, ma soeur, dont la jeunesse se consume dans la vaine attente d'un mari!..

«Но, несмотря на охватившее меня волненіе, я все-таки замѣтилъ нѣкоторую несообразность въ его предложеніи, которую и поспѣшилъ разъяснить.

«— Позволю себѣ одно почтительное замѣчаніе, monseigneur,—сказалъ я.—Вы изволили сказать, что я буду жить у васъ въ домѣ, и въ то же время предписываете мнѣ фрондировать противъ васъ. Хотя я и понимаю, что это послѣднее средство можетъ быть употреблено съ несомнѣнною пользой, въ видахъ направленія общественнаго мнѣнія, но,

Digitized by Google

мнѣ кажется, не лучше ли въ такомъ случаѣ будетъ, если я поселюсь не у васъ, а на особенной квартирѣ—просто въ качествѣ знатнаго иностранца, живущаго своими доходами?

«— Это ничего, — отвѣтилъ онъ мнѣ съ очаровательной улыбкой.—Вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь этимъ! У насъ въ степяхъ въ этомъ отношеніи такой обычай: гдѣ ѣдятъ, тамъ и мерзятъ, у кого живутъ, того и ругаютъ...

. . . . . .

«Я рѣшился.

«Разставаясь съ тобой, о, моя возлюбленная Франція, я чувствовалъ, какъ сердце мое разрывается на куски!

«О, ma mère!

«О, ma pauvre soeur chérie!

«Но я сказалъ себѣ: oh! ma belle France! если только степь не поглотитъ меня, то я сколочу маленькій капиталецъ и заведу въ Парижѣ контору бракоразводныхъ и бракосводныхъ дѣлъ. И тогда ничто и никогда уже не разъединитъ насъ, о, дорогая, о, несравненная отчизна моя!

«Въ ожиданіи этой вожделѣнной минуты, я рѣшилъ все мое жалованье отдавать моей бѣдной матери. Самъ же предположилъ жить насчетъ постороннихъ доходовъ, въ которыхъ, при нѣкоторомъ съ моей стороны умѣньи и изобрѣтательности, несомнѣнно не будетъ у меня недостатка...

. . . . . .

«Дорогой, князь былъ очень предупредителенъ. Онъ постоянно сажалъ меня за одинъ столъ съ собою и кормилъ только хорошими кушаньями. Нѣсколько разъ онъ порывался подробно объяснить мнѣ, въ чемъ состоятъ аттрибуты помпадурства; но, признаюсь, этими объясненіями онъ возбуждалъ во мнѣ лишь живѣйшее изумленіе. Изумленіе это усугублялось еще тѣмъ, что во время объясненій лицо его принимало такое двусмысленное выраженіе, что я никогда не могъ разобрать, серьезно ли онъ говоритъ, или лжетъ.

«— Званіе помпадура, — говорилъ онъ мнѣ,—почти ненужное; но именно эта-то ненужность и придаетъ ему то

Digitized by Google

пикантное значеніе, которое оно имѣетъ у насъ. Оно не нужно, и между тѣмъ оно есть... Вы меня понимаете?

«— Не совсѣмъ, monseigneur!

«— Постараюсь высказаться яснѣе. У помпадура нѣтъ никакого спеціальнаго дѣла («лучше сказать, никакого дѣла», поправился онъ); онъ ничего не производитъ, ничѣмъ непосредственно не управляетъ и ничего не рѣшаетъ. Но у него есть внутренняя политика и досугъ. Первая даетъ ему право вмѣшиваться въ дѣла другихъ; второй — позволяетъ разнообразить это право до безконечности. Надѣюсь, что теперь вы меня понимаете?

«— Извините, excellence, но я такъ мало посвященъ въ пружины степной политики (la politique des steppes), что многаго не могу уразумѣть. Такъ, напримѣръ: для чего вы *вмѣшиваетесь* въ дѣла другихъ? Вѣдь эти «другіе» суть служители того же бюрократическаго принципа, котораго представителемъ являетесь и вы? Ибо насколько я понимаю конституцію степей...

«— Прежде всего—у насъ вовсе нѣтъ конституціи. Наши степи вольны... какъ степи или какъ тотъ вихрь, который гуляетъ по нимъ изъ одного конца въ другой. Кто можетъ удержать вихрь? спрашиваю я васъ. Какая конституція можетъ настигнуть его? — прервалъ онъ меня такъ строго, что я нѣсколько смѣшался и счелъ за нужное извиниться.

«— Я не такъ выразился, monseigneur,—сказалъ я:—я употребилъ слово «конституція» не въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы удостоили принять его. По мнѣнію людей науки, всякое государство, однажды *конституированное*, уже тѣмъ самымъ заявляетъ, что оно имѣетъ свою *конституцію*... Затѣмъ, разумѣется, можетъ быть конетитуція вредная, но можетъ быть и полезная...

«— Все это прекрасно-съ, но я прошу васъ не употреблять въ нашихъ разговорахъ ненавистнаго мнѣ слова «конституція»... никогда! Entendez-vous: jamais! Et maintenant que vous êtes averti, continuons.

Digitized by Google

«Итакъ, я сказалъ, что для меня непонятно, какое значеніе можетъ имѣть вмѣшательство однихъ бюрократовъ въ занятія другихъ бюрократовъ.

«Я готовъ былъ прибавить: «Быть-можетъ, вы дѣлитесь? Тогда — я понимаю? О, comme je comprends cela, monseigneur!» Но, не будучи еще на совершенно короткой ногѣ съ моимъ высокопоставленнымъ другомъ, воздержался отъ этого замѣчанія. Однакожъ, онъ, повидимому, понялъ мою тайную мысль, потому что покраснѣлъ какъ вареный ракъ и взволнованнымъ голосомъ воскликнулъ:

«— Я протестую всѣми силами души моей! Слышите: протестую!

«— Но, въ такомъ случаѣ я, право, не понимаю, въ чемъ же состоитъ цѣль этого безпрерывнаго вмѣшательства?

«— Вы глупы, Chenapan! (Да, онъ сказалъ мнѣ это, несмотря на то, что въ то время былъ еще очень учтивъ относительно меня). Вы не хотите понять, что чѣмъ больше съ моей стороны вмѣшательства, тѣмъ болѣе я получаю правъ на вниманіе моего начальства. Если я усмирю въ годъ одну революцію — это хорошо; но если я усмирю въ годъ двѣ революціи—это ужъ отлично! И вы, который находитесь на службѣ у величайшаго изъ усмирителей революцій—вы не понимаете этого!

«— Я понимаю, я даже очень хорошо понимаю это, monseigneur! Но, признаюсь, я полагалъ, что положеніе вашего отечества...

«— Всѣ отечества находятся въ одномъ положеніи для человѣка, который желаетъ обратить на себя вниманіе начальства—vous m'entendez? Но это еще не все! Я имѣю и личное самолюбіе... sacrebleu! У меня есть внутренняя политика, у меня есть прерогативы! Я хочу проводить мой взглядъ... sapristi! Я желаю, чтобъ съ этими взглядами сообразовались, а не противодѣйствовали имъ! Это мое право... это, наконецъ, мой капризъ! Вы возлагаете на меня отвѣтственность... вы требуете отъ меня et cesi, et cela... по-

Digitized by Google

звольте же и мнѣ имѣть свой капризъ! Надѣюсь, что это не какая-нибудь чудовищная претензія съ моей стороны?

«— Но законъ, monseigneur? Какимъ образомъ примирить капризъ съ закономъ?

«— La loi! parlez-moi de ça! nous en avons quinze volumes, mon cher!

«На этомъ нашъ разговоръ пресѣкся. Какъ ни нова была для меня административная теорія, выразившаяся въ послѣднемъ восклицаніи моего собесѣдника, но, признаюсь откровенно, отвага, съ которою онъ выразился о законѣ, понравилась мнѣ. Хотя monseigneur Maupas нерѣдко говаривалъ мнѣ: «по нуждѣ, mon cher, и закону премѣна бываетъ», но онъ говорилъ это потихоньку, какъ бы боясь, чтобы кто-нибудь не услышалъ. И вдругъ — эта ясность, эта смѣлость, этотъ полетъ... какъ было не плѣниться ими! Казаки вообще отважны и склонны видѣть непріятеля даже тамъ, гдѣ мы, люди старой цивилизаціи, видимъ лишь покровительство и гарантію. Эти люди совсѣмъ свѣжіе, не имѣющіе ни одного изъ предразсудковъ, которые обременяютъ жизнь западнаго человѣка. Съ самою веселою непринужденностью смотрятъ они на такъ-называемыя нравственныя обязательства, но зато никто не можетъ сравниться съ ними относительно тѣлесныхъ упражненій, а за столомъ, за бутылкой вина, съ женщинами—это рѣшительно непобѣдимѣйшіе борцы (jouteurs) въ цѣломъ мірѣ. Я, напримѣръ, ни разу не видалъ моего амфитріона пьянымъ, хотя количество истребленныхъ имъ, въ моихъ глазахъ, напитковъ, поистинѣ, едва вѣроятно. Ни разу не сложилъ онъ оружія передъ непріятелемъ, и все дѣйствіе, оказываемое на него виномъ, ограничивалось перемѣною цвѣта лица и нѣсколько бо̀льшимъ одушевленіемъ, съ которымъ онъ начиналъ лгать (blaguer).

«Тѣмъ не менѣе, я долженъ сознаться, что значеніе, которое имѣютъ помпадуры въ русскомъ обществѣ, продолжало казаться для меня неяснымъ. Я не могъ себѣ пред-

Digitized by Google

ставить, чтобы могла существовать гдѣ-нибудь такая административная каста, которой роль заключалась бы въ томъ, чтобы мѣшать (я считаю слово «вмѣшиваться» слишкомъ серьезнымъ для такого занятія), и которая на напоминаніе о законѣ отвѣчала бы: sapristi! nous en avons quinze volumes! Сомнѣнія мои я, впрочемъ, относилъ не къ собственной своей непонятливости, а скорѣе къ неумѣнію князя ясно формулировать свою мысль. Онъ самъ, какъ видно, не сознавалъ, въ чемъ состоитъ его административная роль, и это будетъ совершенно понятно, если мы вспомнимъ, что въ Россіи до сихъ поръ (писано въ 1853 году) разсадниками администраціи считаются кадетскіе корпуса. Въ этихъ заведеніяхъ молодымъ людямъ пространно преподаютъ одну только науку, называемую «Zwon popéta razdawaïss» (самъ князь былъ очень веселъ, когда передалъ мнѣ это длинное названіе, и я увѣренъ, что ни въ какой другой странѣ Европы науки съ подобнымъ названіемъ не найдется); прочія же науки, безъ которыхъ ни въ одномъ человѣческомъ обществѣ нельзя обойтись, проходятся болѣе нежели кратко. Поэтому нѣтъ ничего мудренаго, что лица, получившія такое воспитаніе, оказываются неспособными выражать свои мысли связно и послѣдовательно, а отдѣлываются одними ничего не стоящими восклицаніями, въ родѣ: «sapristi», «ventre de biche», «parlez-moi de ça» и т. д.

«Только тогда, когда негостепріимная степь уже приняла насъ въ свои суровыя объятія, то-есть по прибытіи на мѣсто, я могъ хотя отчасти уразумѣть, что̀ хотѣлъ выразить мой высокопоставленный амфитріонъ, говоря о своихъ прерогативахъ.

«Покуда мы еще не въѣхали въ предѣлы того края, въ которомъ помпадурствовалъ князь де-ла-Клюква, поведеніе его было довольно умѣренно. Онъ билъ ямщиковъ съ снисходительностью, о которой я могу отозваться лишь съ величайшею похвалою (я не говорю уже о поведеніи его за границей, гдѣ онъ былъ весь — утонченная вѣжливость).

Digitized by Google

Но едва онъ завидѣлъ пограничный столбъ, указывавшій начало его владѣній, какъ тотчасъ же вынулъ изъ ноженъ свою саблю, перекрестился и, обращаясь къ ямщику, испустилъ крикъ, имѣвшій зловѣщее значеніе. Мы понеслись стрѣлою и какъ сумасшедшіе скакали всѣ пятнадцать верстъ, остававшихся до станціи. Но ему казалось, что его все еще недостаточно скоро везутъ, потому что онъ черезъ каждыя пять минутъ поощрялъ ямщика полновѣсными ударами сабли. Я никогда не видалъ человѣка до такой степени разсерженнаго, хотя причины его гнѣва не понималъ. Признаться, я сильно боялся, чтобъ во время этой бѣшеной скачки у нашего экипажа не переломилась ось, ибо мы несомнѣнно погибли бы, если бы это случилось. Но уговорить его не торопить ямщика было невозможно, потому что безумная ѣзда по дорогамъ есть одна изъ прерогативъ, за которую помпадуры особенно страстно держатся.

«— Я научу ихъ, какъ ѣздить... каналій!—твердилъ онъ, обращаясь ко мнѣ и какъ бы наслаждаясь страхомъ, который должна была выражать моя физіономія.

«И дѣйствительно, мы проѣхали нѣсколько болѣе двухсотъ верстъ въ теченіе двѣнадцати часовъ, и, несмотря на эту неслыханную быстроту, онъ приказывалъ на станціяхъ сѣчь ямщиковъ, говоря мнѣ:

«— C'est notre manière de leur donner le pourboire!

«Пріѣхавши въ главный городъ края, мы остановились въ большомъ казенномъ домѣ, въ которомъ мы буквально терялись какъ въ пустынѣ (князь не имѣлъ семейства). Было раннее утро, и мнѣ смертельно хотѣлось спать, но онъ непремѣнно желалъ, чтобы немедленно произошло офиціальное представленіе, и потому разослалъ во всѣ концы гонцовъ съ извѣстіемъ о своемъ прибытіи. Черезъ два часа залы дома уже были наполнены трепещущими чиновниками.

«Хотя и въ нашей прекрасной Франціи прерогативы играютъ немаловажную роль, но, клянусь, я никогда не

Digitized by Google

могъ себѣ представить что-либо подобное тому, что̀ я увидѣлъ здѣсь. У насъ слово «негодяй» (vaurien, polisson... и, къ несчастью, chenapan) есть высшая степень порицанія, которую можетъ заслужить провинившійся подчиненный отъ разсерженнаго начальника; здѣсь же, независимо отъ обильно расточаемыхъ личныхъ оскорбленій, принято еще за правило пріобщать къ нимъ родственниковъ оскорбляемаго въ восходящей степени. Князь былъ красенъ какъ ракъ и перебѣгалъ отъ одного подчиненнаго къ другому, источая цѣлые потоки дурной брани. Въ особенности же доставалось отъ него одному хромому маіору, котораго онъ иронически рекомендовалъ мнѣ: «вотъ мой Мопà». Я думалъ, не замышлялъ ли этотъ несчастный человѣкъ похитить, въ отсутствіе князя, его власть (что̀, конечно, оправдывало бы его гнѣвъ); но оказалось, что ничего подобнаго не бывало. Я до сихъ поръ не могу объяснить себѣ, что̀ мотивировало тѣ прискорбныя сцены, которыхъ я былъ свидѣтелемъ въ это памятное для меня утро. Хотя же князь и объяснилъ ихъ желаніемъ оградить свои прерогативы, но и эта причина казалась недостаточною, ибо никто, повидимому, на эти прерогативы не посягалъ. Словомъ сказать, офиціальное представленіе кончилось къ полнѣйшему торжеству моего высокопоставленнаго амфитріона, который ходилъ по комнатамъ, выгнувъ шею, какъ конь, и гордо празднуя безъ труда одержанную побѣду.

«Только за обѣдомъ я успѣлъ нѣсколько опомниться. Было довольно весело, ибо здѣсь присутствовало нѣсколько фаворитовъ князя, молодыхъ людей, безспорно очень образованныхъ. Одинъ изъ нихъ, недавно возвратившійся изъ Петербурга, очень удачно представилъ, какъ m-lle Page *) на своихъ soirées intimes поетъ: «Un soire à la barrière». Пѣсенка эта, хотя далеко не новая и почти исчезнувшая изъ моей памяти, доставила мнѣ живѣйшее удовольствіе.

*) Извѣстная въ то время актриса французскаго театра въ Петербургѣ.—*Авт.*

Digitized by Google

«Вечеромъ того же дня князь представилъ меня дамѣ своего сердца, которую онъ, незадолго передъ тѣмъ, отнялъ у одного изъ здѣшнихъ муниципальныхъ совѣтниковъ *). Роскошнѣйшая эта женщина произвела на меня глубокое впечатлѣніе, которое еще болѣе усилилось, когда нога моя почувствовала подъ столомъ давленіе ея ножки. Мужъ ея былъ тутъ же и очень смѣшилъ насъ своими шутками надъ обманутыми мужьями, изъ числа которыхъ онъ простодушно не исключалъ и самого себя. Нѣкоторыя изъ этихъ шутокъ, подъ личиною наивности, заключали въ себѣ настолько язвительности, что помпадуръ сердился и краснѣлъ. Но морганатическая его подруга, повидимому, уже привыкла къ подобнымъ сценамъ и присутствовала при нихъ совершенно какъ постороннее лицо.

«Веселый нашъ ужинъ приближался къ концу, какъ вдругъ прибѣжали доложить, что въ концѣ города вспыхнулъ пожаръ.

«— Ну, вотъ и прекрасно, — обратился ко мнѣ помпадуръ:—vous allez me voir à l'œuvre!

«Но я, признаюсь, былъ далеко не радъ, когда увидѣлъ (это было въ первый разъ со времени нашего знакомства), что князь совсѣмъ пьянъ. Близость ли любимой особы подѣйствовала на него возбуждающимъ образомъ, или это былъ непосредственный результатъ опьяненія властью — какъ бы то ни было, но онъ едва держался на ногахъ. Оказалось, однако, что и это послужило ему на пользу. Обыкновенно ни одинъ пожаръ не обходился безъ того, чтобы онъ кого-нибудь не прибилъ; теперь же онъ все время проспалъ и проснулся уже тогда, когда пламя было совершенно потушено.

«При возвращеніи съ пожара домой онъ такъ непріятно поразилъ меня, что сердце мое впервые болѣзненно сжа-

*) Очевидно, это ошибка: муниципальныхъ совѣтниковъ никогда въ Россіи не бывало.—*Авт.*

Digitized by Google

лось, какъ бы подъ вліяніемъ какого-то темнаго предчувствія.

«— Ну-съ, господинъ Шенапанъ (онъ даже не скрывалъ, что дѣлаетъ изъ моей фамиліи очень обидную для меня игру словъ), понравилось *тебѣ* у меня? — обратился онъ ко мнѣ.

«Какъ ни больно кольнула меня эта предумышленная игра словъ, а равно и безцеремонное *ты*, обращенное ко мнѣ, человѣку совершенно посторонняго вѣдомства, однако я чувствовалъ, что надобно покориться.

«— Я болѣе нежели очарованъ, monseigneur! — отвѣтилъ я.

«— Гм!.. желалъ бы я посмотрѣть, какъ бы ты не былъ очарованъ... прохвостъ (prakhvost)!

«Сказавши это, онъ такъ странно засмѣялся, что я тотчасъ же понялъ, что я нахожусь не въ гостяхъ, а въ плѣну.

«O, ma France bien aimée! O, ma mère!

. . . . . .

«Князь очень скоро научился у меня всѣмъ секретамъ ремесла; но по мѣрѣ того, какъ онъ тверже становился на ноги, я больше и больше падалъ въ его глазахъ. Первые два мѣсяца онъ очень аккуратно уплатилъ мое жалованье, но на третій мѣсяцъ прямо объявилъ мнѣ, что я и весь не стою двухъ су. Когда же я началъ умолять его, ссылаясь на престарѣлую мать и дѣвицу-сестру, у которой единственное сокровище на землѣ—ея добродѣтель, то онъ не только не внялъ голосу великодушія, но даже позволилъ себѣ нѣсколько двусмысленностей насчетъ добродѣтели моей доброй, бѣдной сестры.

«Въ ожиданіи, что Богъ просвѣтитъ его сердце, я долженъ былъ удовлетвориться тѣмъ, что мнѣ давали даромъ столъ и квартиру. Но и тутъ дѣло не обошлось безъ важныхъ оскорбленій. У меня отняли мою прежнюю постель и замѣнили ее чѣмъ-то такимъ, чему на нашемъ прекрас-

Digitized by Google

номъ языкѣ нѣтъ имени. За столомъ надо мной постоянно издѣвались, принявъ, такъ сказать, за правило называть меня прохвостомъ. Къ несчастью, я имѣлъ неосторожность проговориться, что меня бивали въ Парижѣ при исполненіи обязанностей, и этою ненужною откровенностью я самъ, такъ сказать, приготовилъ безконечную канву для разнообразнѣйшихъ и неприличнѣйшихъ шутокъ, съ которыми эти неизобрѣтательные сами по себѣ люди обращались ко мнѣ. Сверхъ того, меня каждый разъ непремѣнно оставляли безъ какого-нибудь блюда (обыкновенно, съ самою утонченною жестокостью, выбиралось то блюдо, которое я больше всего любилъ), и когда я жаловался на голодъ, то меня безъ церемоній отсылали въ людскую. Но всего прискорбнѣе для меня было то, что при мнѣ оскорбляли моего всемилостивѣйшаго повелителя и императора Наполеона III, а въ его лицѣ и мою прекрасную, дорогую Францію. Такъ, напримѣръ, спрашивали меня, правда ли, что Наполеонъ (они нарочно произносили это имя: Napoléoschkas—уменьшительное презрительное) торговалъ въ Лондонѣ гусями, или, правда ли, что онъ вмѣстѣ съ Морни содержалъ въ Нью-Іоркѣ домъ терпимости? и т. д. И всѣ эти легкомысленныя шуточки дѣлались въ то время, когда уже стоялъ на очереди грозный восточный вопросъ...

«Такъ продолжалось до осени. Наступали холода, а въ моей комнатѣ не вставляли двойныхъ рамъ и не приказали топить ее. Я никогда не принадлежалъ къ числу строптивыхъ, но при первомъ жестокомъ уколѣ холода и моя самоотверженность дрогнула. Тутъ только я убѣдился, что надежда на то, что Богъ просвѣтитъ сердце моего высокопоставленнаго амфитріона, есть надежда въ высшей степени легкомысленная и несбыточная. Скрѣпя сердце, я рѣшилъ оставить негостепріимныя степи, и явился къ князю съ просьбой снабдить меня хотя такою суммой, которая была нужна, чтобы достигнуть береговъ Сены.

«— Я уже не настаиваю на выдачѣ мнѣ должнаго, mon-

Digitized by Google

seigneur, — сказалъ я: — на выдачѣ того, что̀ я заработалъ вдали отъ дорогой родины, питаясь горькимъ хлѣбомъ чужбины...

«— И хорошо дѣлаешь, что не настаиваешь... chenapan!—замѣтилъ онъ холодно.

«— Я прошу только одной милости: снабдить меня достаточной суммой, которая позволила бы мнѣ возвратиться на родину и обнять мою дорогую мать!

«— Хорошо, я подумаю... chenapan!

«Дни проходили за днями; мою комнату продолжали не топить, а онъ все думалъ. Я достигъ въ это время до послѣдней степени прострацiи и никому не жаловался, но глаза мои сами собой плакали. Будь въ моемъ положенiи послѣдняя собака—и та способна была бы возбудить сожалѣнiе... Но *онъ* молчалъ!

«Впослѣдствiи я узналъ, что подобныя дѣйствiя на русскомъ языкѣ называются «шутками»... Но если таковы ихъ *шутки*, то каковы же должны быть ихъ жестокости!

«Наконецъ, онъ призвалъ меня къ себѣ.

«— Хорошо,—сказалъ онъ мнѣ:—я дамъ тебѣ четыреста франковъ, но ты получишь ихъ отъ меня только въ томъ случаѣ, если перейдешь въ православную вѣру.

«Я съ удивленiемъ взглянулъ ему въ глаза, но въ этихъ глазахъ ничего не выражалось, кромѣ непреклонности, не допускающей никакихъ возраженiй.

«Я не помню, какъ былъ совершонъ обрядъ... Я даже не увѣренъ, былъ ли это *обрядъ*, и не исполнялъ ли роль попа переодѣтый чиновникъ особыхъ порученiй...

«Справедливость требуетъ, однакожъ, сказать, что по окончанiи церемонiи онъ поступилъ со мною какъ grand seigneur, т. е. не только отпустилъ условленную сумму сполна, но подарилъ мнѣ прекрасную, почти неношенную пару платья и приказалъ везти меня безъ прогоновъ до границъ слѣдующаго помпадурства. Надежда не обманула меня: Богъ хотя поздно, но просвѣтилъ его сердце!

Digitized by Google

«Черезъ двѣнадцать дней я былъ уже на берегахъ Сены и, вновь благосклонно принятый монсеньёромъ Мопà на службу, разгуливалъ по бульварамъ, весело напѣвая:

Les lois de la France,
Votre excellence!
Mourir, mourir,
Toujours mourir!

«O; ma France!
«O, ma mère!»

«La question d'Orient. Le plus sûr moyen d'en venir à bout». Par un Observateur Impartial. Leipzig, 1857. («Восточной вопросъ. Вѣрнѣйшій способъ покончить съ нимъ». Соч. Безпристрастнаго Наблюдателя. Лейпцигъ, 1857 *).

«Хочу разсказать, какъ одинъ мой пріятель вздумалъ надо мной пошутить, и какъ шутка его ему же во вредъ обратилась.

«На дняхъ пріѣзжаетъ ко мнѣ изъ Петербурга К***, бывшій цѣловальникъ, а нынѣ откупщикъ и публицистъ. Обрадовались; сѣли, сидимъ. Зашла рѣчь о нынѣшнихъ дѣлахъ. Чтò и кàкъ. Многое похвалили, иному удивились, о прочемъ прошли молчаніемъ. Затѣмъ перешли къ братьямъ-славянамъ, а по дорогѣ и «больного человѣка» задѣли. Рѣшили, что надо пустить кровь. Переговоривъ обо всемъ, вижу, что уже три часа, время обѣдать, а онъ все сидитъ.

«— Разскажи, говоритъ, какъ ты къ черногорскому князю ѣздилъ!

«Разсказалъ.

«— А не разскажешь ли, какъ ты съ Палацкимъ познакомился?

---

*) Подозрѣваютъ, что подъ псевдонимомъ «Безпристрастный Наблюдатель» скрывается одинъ знаменитый московскій археологъ и чревовѣщатель. Но такъ какъ подобное предположеніе ничѣмъ не доказано, то и этого автора я нашелся вынужденнымъ помѣстить въ число знатныхъ иностранцевъ. — *Авт.*

Digitized by Google

«Разсказалъ.

«— Такъ ты говоришь, что «больному человѣку» кровь пустить надо?

«— Непремѣнно полагаю.

«— А нельзя ли какъ-нибудь другимъ манеромъ его разорить?

«— Нельзя. Водки онъ не пьетъ.

«Бьетъ три съ половиной, а онъ все сидитъ. Зашла рѣчь о предсказаніяхъ и предзнаменованіяхъ.

«— Снилось мнѣ сегодня ночью, что я въ гостяхъ обѣдаю!—вдругъ говоритъ К***.

«Или, другими словами, прямо навязывается ко мнѣ на обѣдъ. Въ величайшемъ смущеніи смотрю на него, тщусь разгадать: какія еще новыя шутки онъ со мной предпринять выдумаетъ? Ибо, какъ человѣкъ богатый, онъ можетъ предпринять многое такое, что̀ другому и въ голову не придетъ. Однако, дѣлать нечего; слѣдуя законамъ московскаго хлѣбосольства, рѣшаюсь покориться своей участи.

«— Дома, говорю, у меня ничего не готовлено, а вотъ въ Новотроицкій, коли хочешь...

«Сказалъ это и испугался.

«— Въ Новотроицкій, такъ въ Новотроицкій, — говоритъ. — Только, чуръ, на твой счетъ. Мнѣ, братъ, сегодня такая блажь въ голову пришла: непремѣнно на твой счетъ обѣдать хочу.

«Дѣлать нечего, поѣхали.

«Выпили по рюмкѣ очищеннаго и съѣли по небольшому кусочку ветчины. Мало. А между тѣмъ, по непомѣрной нынѣшней дороговизнѣ, вижу, что уже за одно это придется заплатить не менѣе пятнадцати копеекъ съ брата.

«Тогда я счелъ, что съ моей стороны долгъ гостепріимства̀ уже исполненъ, и что засимъ я имѣю даже право разсчитывать, что и онъ свой долгъ выполнитъ, то-есть распорядится насчетъ обѣда. Ничуть не бывало. Уже разсказалъ я ему и о томъ, какъ я у Ганки обѣдалъ, и о

Digitized by Google

томъ, какъ едва не отобѣдалъ у Гоголя, а онъ все смѣется и никакихъ распоряженій не дѣлаетъ. Тогда, дабы уничтожить въ душѣ его всякія сомнѣнія, я позвалъ полового и спросилъ у него счетъ.

«— А обѣдать-то какъ же? — спросилъ меня К***.

«— Я, съ своей стороны, сытёхонекъ! — отвѣтилъ я, едва, впрочемъ, скрывая терзавшій меня голодъ.

«Тогда онъ, весело расхохотавшись, сказалъ:

«— Ну, братъ, вижу, что тебя не побѣдишь! Вѣришь ли, всю дорогу, изъ Петербурга ѣхавши, я твердилъ себѣ: не все мнѣ его кормить! пообѣдаю когда-нибудь и я на его счетъ! Вотъ-те и пообѣдалъ!

«Затѣмъ, когда недоразумѣніе между нами кончилось, засѣли мы за столъ, причемъ я, изъ предосторожности, завѣсилъ себѣ грудь салфеткою.

«Подавали: селянку московскую изъ свѣжей осетрины— прекрасную; котлеты телячьи паровыя — превосходныя; жаренаго поросенка съ кашей — отмѣннѣйшаго.

«Зная исправность моего желудка, я ѣлъ съ такимъ расчетомъ, чтобъ быть сытымъ на три дня впередъ.

«Наѣвшись, стали опять бесѣдовать о томъ, какъ бы «больного человѣка» подкузьмить, ибо хотя К*** и откупщикъ, но такъ какъ многіе ученые его гостепріимствомъ во всякое время пользуются, то и онъ между ними пріобрѣлъ нѣкоторый въ политическихъ дѣлахъ глазомѣръ.

«Прикладывали и такъ, и этакъ. Флотовъ нѣтъ—передъ флотами. Денегъ нѣтъ—передъ деньгами. Все будетъ, коли люди будутъ; вотъ людей нѣтъ — это такъ.

«Сидимъ. Повѣсили головы.

«Однакожъ, когда выпили нѣсколько здравицъ, то постепенно явились и люди.

«— Какъ людей нѣтъ! кто говоритъ, что людей нѣтъ! да вотъ его пошлите! его! Гаврилу! Да! — кипятился К***, указывая на служившаго намъ полового.

«И затѣмъ, разгорячаясь по мѣрѣ каждой выпитой здра-

Digitized by Google

вицы, онъ въ особенности началъ рекомендовать мнѣ нѣкоего N—скаго помпадура, Петра Толстолобова, какъ человѣка, которому даже и передъ Гаврилой предпочтеніе отдать можно.

«— Это такой человѣкъ! — кричалъ онъ: — такой человѣкъ! Географіи не знаетъ, ариѳметики не знаетъ, а кровь хоть кому угодно пуститъ! Самородокъ!

«— Поди, онъ, чай, и въ Стамбулъ-то доѣхать не сумѣетъ! — усомнился я.

«— Не сумѣетъ — это вѣрно!

«Задумались. Стали прикидывать, сколько у насъ самородковъ въ нѣдрахъ земли скрывается: наукъ не знаютъ, а кровь пустить могутъ!

«— Одна бѣда — какими способами его въ Стамбулъ водворить! Флотовъ нѣтъ, денегъ нѣтъ!—восклицаетъ К***.

«— Чудакъ ты, братецъ, самъ же сейчасъ говорилъ, что флотовъ нѣтъ — передъ флотами!

«— Кто говорилъ, что флотовъ нѣтъ? Я, что ли, говорилъ, что флотовъ нѣтъ! Никогда! Я говорилъ...

«Выпили еще здравицу и послали Палацкому телеграмму въ Прагу. Заснули.

«Въ 12 ночи проснулись.

«— Я, — говоритъ К***: — удивительнѣйшій сонъ видѣлъ!

«И разсказалъ мнѣ, что во снѣ ему представилось, будто бы Толстолобовъ ужъ водворенъ въ Стамбулѣ и пускаетъ «больному человѣку» кровь.

«— И такъ, братецъ, онъ ловко...

«Но я, будучи трезвъ, отвѣтилъ на это·

«— Не всегда сны сбываются, другъ мой! Вотъ ты вчера видѣлъ во снѣ, что въ гостяхъ у меня обѣдаешь, а между тѣмъ кто изъ насъ у кого въ гостяхъ отобѣдалъ? По сему можешь судить и о прочемъ.

«Сказавши это, я вышелъ изъ трактира; онъ же остался

Digitized by Google

въ трактирѣ, дабы на досугѣ обдумать истину, скрывавшуюся въ словахъ моихъ.

«Имѣяй уши слышати — да слышитъ!»

«Какъ мы везли Ямуцки прынцъ Иззединъ-Музаферъ-Мирза въ Россію». Писалъ съ натуры прынцовъ воспитатель Хабибулла Науматулловичъ, бывшій служитель въ атель Бельвю (въ С.-Питимбурхи, на Невскимъ, противъ кіятра. Съ двухъ до семи обѣды по 1 р. и по 2 р. и по картѣ: ужины, завтраки) *). Изданіе Общества покровительства животнымъ.

«Въ пятницу, на масляной, только-что успѣли мы отслужить господамъ, прибѣжалъ въ нашъ атель Ахметка и говоритъ: — Хабибулла! можешь учить прынца разумъ? — Я говорю: могу. — Айда̀, говоритъ, въ Касимовъ, бери плакатъ и ѣзжай въ Ямудію!

«Ѣзжалъ Касимовъ, биралъ плакатъ — айда̀ въ Ямудію!

«Ѣзжалъ тамошній сталица. Чудно̀й городъ, весь изъ песку. Сичасъ къ прынцу.

«— Иззединъ-Музаферъ-Мирза! — говорю: — хозяинъ атель Бельвю (на самымъ Невскимъ, противъ кіятра, обѣды по 1 р. и 2 р. и по картѣ; ужины, завтраки) прислалъ мине тибе разумъ учить — айда̀ въ Питембурхъ!

«— Какой такой Питембурхъ? — говоритъ.

«Смѣшно мнѣ стало.

«— Балшой ты ишакъ выросъ, а Питембургъ не знаешь!

«Согласился.

«— Айда̀, — говоритъ: — тольки учи мине разумъ, Хабибулла! пажалста учи!

«Стали сбираться. Чимоданъ — нѣтъ; сакваяжъ — нѣтъ! Бида!

---

*) Какой странный воспитатель для молодого іомудскаго принца! — можетъ замѣтить читатель. Совершенно согласенъ съ справедливостью этого замѣчанія, но измѣнить ничего не могу.—*Авт.*

Digitized by Google

«— Есть ли, — говорю, — по крайности, орденъ у тебя? Наши господа ордена любятъ.

«— Есть, — говоритъ, — орденъ ишакъ. Самъ дѣлалъ.

«— Бери больше, — говорю.

«Ѣхали-ѣхали; плыли-плыли. Страсть!

«Пескамъ ѣхали, полямъ ѣхали, лѣсамъ, горамъ ѣхали. Морямъ плыли, заливамъ-праливамъ плыли, рѣкамъ плыли, озерамъ не плыли...

«Одначе пріѣхали.

«— Какой такой страна? — спрашивалъ прынцъ.

«— Балшой ты ишакъ выросъ, а такой дурацкой вещь спрашиваешь. Не страна, а Рассея, говорю.

«— Учи мине разумъ, Хабибулла! пожалста учи!

«Ѣзжали одинъ городъ — одинъ помпадуръ стричалъ.

«— Какой такой человѣкъ? — говоритъ прынцъ.

«— Помпадуръ, — говоритъ.

«— Бери орденъ ишакъ и термалама на халатъ!

«Ишакъ бралъ, термалама бралъ, плечомъ цѣловалъ, ружьемъ стрѣлилъ... бида!..

«Другой городъ ѣзжали — другой помпадуръ стричалъ.

«— Бери орденъ ишакъ и термалама на халатъ!

«Ишакъ бралъ, термалама бралъ, плечомъ цѣловалъ, ружьемъ стрѣлилъ!

«Сто верстъ ѣзжали, тысячу верстъ ѣзжали—вездѣ помпадуръ стричали. Народъ нѣтъ, помпадуръ есть.

«— Хорошо здѣсь, — говоритъ прынцъ: — народъ не видать, помпадуръ видать — чисто!

«Въ Маршанскъ на машини ѣзжали — машина какъ свиснетъ! Страсть! Забоялси нашъ Иззединъ-Музаферъ-Мирза, за животъ взялси.

«— Умрешь здѣсь, — говорилъ: — айда домой, въ Ямудію!

«Досадно мнѣ, ай-ай, какъ досадно стало!

«— Балшой, — говорю, — ты ишакъ выросъ, а до мѣста потерпѣть не можешь!

Digitized by Google

«Слышать не хочетъ — шабашъ!

«— Айда́ домой! Риформа дома дѣлать хочу!

«Одну тольки станцію на машини ѣзжали — айда́ назадъ въ Ямудію!

«Ѣхали-ѣхали; плыли-плыли.

«Одинъ городъ ѣзжали — одинъ помпадуръ стричалъ; другой городъ ѣзжали — другой помпадуръ стричалъ.

«Ишакъ давалъ, термалама не давалъ. Жалко стало.

«— Ай-ай, хорошо здѣсь! — говорилъ прынцъ: — народъ нѣтъ, помпадуръ есть — чисто! Айда́ домой риформа дѣлать.

«Домой ѣзжалъ, риформа начиналъ.

«Народъ гонялъ, помпадуръ сажалъ, риформа кончалъ».

1873 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

НЕВИННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I. — Гегемоніевъ.

Молодой коллежскій регистраторъ Потанчиковъ получилъ мѣсто станового пристава. Произошло это радостное въ лѣтописяхъ русской администраціи событіе слѣдующимъ необычайнымъ образомъ.

Однажды, одѣвшись чистенько, явился онъ на дежурство къ его превосходительству, генералу Зубатову. Генералъ, кромѣ другихъ добродѣтелей имѣвшій даръ съ перваго взгляда угадывать людей, угадалъ и Потанчикова. Проходя мимо юнаго коллежскаго регистратора, онъ окинулъ его быстрымъ и проницательнымъ взоромъ, и тутъ же вполголоса сказалъ сопровождавшему его вице-губернатору:

— А какъ вы думаете... этотъ молодой человѣкъ... вѣдь изъ него можетъ выйти молодецъ-становой?

— Мо... мо... — промычалъ-было вице-губернаторъ, желая, вѣроятно, высказать, что Потанчиковъ молодъ, но на первомъ же слогѣ запнулся, вспомнивъ, что ему отъ начальства строго-нà-строго было наказано всего болѣе о томъ пещись, чтобъ съ губернаторомъ жить въ ладу.

— А стань-ко, любезный, ближе къ свѣту,—продолжалъ его превосходительство, обращаясь къ Потанчикову.

Потанчиковъ повиновался. Генералъ, заложивъ руки за спину, снова окинулъ его испытующимъ взглядомъ, и, произведя довольно подробный наружный осмотръ, видимо остался доволенъ своею способностью угадывать людей.

— Гм!.. да, въ этомъ прокъ будетъ! — проговорилъ

Digitized by Google

онъ. — Я, знаете, всю эту реформу въ исполненіе привесть хочу... чтобъ этихъ законопротивныхъ физіономій у меня не было... А ты желаешь въ становые, мой милый?

Потанчиковъ сначала помертвѣлъ, потомъ застыдился, потомъ опять помертвѣлъ. Горло у него пополамъ перехватило, и одна нога, неизвѣстно отчего, начала присѣдать.

— Ну, хорошо, хорошо... вижу! — сказалъ генералъ, любуясь смущеніемъ молодого человѣка, и, обращаясь къ вице-губернатору, прибавилъ: — Такъ потрудитесь сдѣлать распоряженіе.

Въ этотъ же достопамятный день, вечеромъ, новоиспеченный становой соорудилъ въ трактирѣ такую попойку, послѣ которой выборные люди отъ всѣхъ отдѣленій губернскаго правленія слонялись цѣлую недѣлю, словно влюбленные.

Тутъ были всѣ, отъ которыхъ болѣе или менѣе зависѣли будущія судьбы Потанчикова. Былъ и несокрушимый въ пунштахъ Псалмопѣвцевъ, и цѣломудренный Матѳій Скорбященскій, были Подгоняйчиковъ и Трясучкинъ, было двое Воскресенскихъ, трое Богоявленскихъ и проч.

— Просто, братъ, волшебная панорама! — ораторствовалъ Потанчиковъ, повѣствуя объ утреннемъ происшествіи: — показываетъ, это, показываетъ... Какъ только пережилъ!

— Да, братъ, изъ простыхъ рыбарей! — благодушно замѣтилъ Матѳій Скорбященскій.

— Ужъ и не говори! Думалъ жизнь, по обычаю предковъ, въ званіи писца скончать...

— А теперь вотъ будешь вселенную перомъ уловлять! — прервалъ, вздохнувъ, одинъ изъ Богоявленскихъ.

— Нѣтъ, это что̀, это все пустое! — скороговоркой вступился Трясучкинъ. — А ты возьми, станище-то, станище-то какой: сплавы, братъ, конокрады, раскольники... Вотъ ты что̀ вообрази!

— Да, при умѣ статьи хорошія! — отозвался Псалмопѣвцевъ.

Digitized by Google

— Ты больше натискомъ... натискомъ больше дѣйствуй.

— Да въ губернію чаще навѣдывайся...

— Да ребятишекъ нашихъ не забывай...

— Ты, братъ, не оскорбись, коли иной разъ по моему столу тебѣ замѣчаніе будетъ... Я, братъ, тебѣ другъ — ты это знай! — изъяснялся Скорбященскій.

— Безъ замѣчанія иной разъ нельзя...

— Безъ замѣчаній какъ же можно!

— Иной разъ, братъ, самъ губернаторъ тово... да что тутъ говорить, отстоимъ!

— Такъ ты больше натискомъ... натискомъ больше дѣйствуй!—повторилъ Трясучкинъ.

— А по-моему, такъ прежде всего къ Зиновею Захарычу сходить слѣдуетъ,—отозвался Псалмопѣвцевъ.

— Сходи, братъ, не человѣкъ, а душа!

— Сходить, отчего не сходить, сходить можно! — отвѣчалъ Потанчиковъ, улыбаясь всѣмъ лицомъ отъ полноты внутренняго счастья.

— Нѣтъ, ты не говори: «сходить можно!» — наставительно замѣтилъ Псалмопѣвцевъ:—потому ты еще не понимаешь! Ты думаешь, въ чемъ существо веществъ состоитъ? Напримѣръ, назовемъ хоть часы, или вотъ стаканъ... Ты развѣ понимаешь?

— Да, братъ, именно надо у Зиновея Захарыча поучиться; надо!

— Или возьмемъ примѣромъ хоть то: развѣ ты можешь угадать, какое тебя впереди поношеніе ожидаетъ? Спрашиваю тебя, можешь ли угадать?

— Да я, Разумникъ Семенычъ, схожу-съ... я, Разумникъ Семенычъ, еще пуштику прикажу-съ...

— Можно. А Зиновей Захарычъ всему тебя научитъ и весь тебѣ кругъ дѣйствія совершитъ. Такъ ты къ нему сходи, да не легковѣрно, а со страхомъ и трепетомъ приступи! Вспомни ты это мое слово: въ отчаянности утѣшеніе найдешь, преткновенія разсѣешь и побѣдишь, въ дѣ-

Digitized by Google

лахъ откровеніе получишь, коли заповѣдь его твердо хранить будешь!

— —

Вѣрный данному слову, Потанчиковъ дѣйствительно отправился на другой день къ Зиновею Захарычу.

Зиновей Захарычъ былъ выгнанный изъ службы подьячій, видомъ худенькій, маленькій, весь изъѣденный желчью. Встарину величали его весельчакомъ, и онъ дѣйствительно былъ всегда веселъ, но веселъ по-своему, съ какимъ-то мрачнымъ оттѣнкомъ, какъ будто радовался и увеселялся собственно тѣмъ, что удачно лишилъ жизни своего ближняго. Вся фигура его была каверзна и безобразна и до такой степени представляла собой образецъ ломаной линіи, что, при распространившихся въ послѣднее время понятіяхъ о линіи кривой, онъ не могъ быть терпимъ на службѣ даже въ земскомъ судѣ, гдѣ, какъ извѣстно, находится самое мѣсторожденіе ломаной линіи. Поэтому Зиновей Захарычъ долженъ былъ кончить земное свое странствіе, подобно фіалкѣ, въ тѣни того широковѣтвистаго древа, которое въ просторѣчіи именуется кляузой и ябедой.

— Отъ тебя любезный, и на подчиненныхъ уныніе! — сказалъ ему генералъ Зубатовъ, первый изъ русскихъ администраторовъ, который серьезно потребовалъ, чтобъ чиновники имѣли манеру благородную и видъ, при исполненіи обязанностей, безстрастный. — Нѣтъ, ты подай, непремѣнно подай въ отставку!

Но общественное мнѣніе рѣшительно приняло сторону Гегемоніева. Разсказывали истинныя происшествія о томъ, какъ гнуснаго вида офицеры оказывались впослѣдствіи прекрасными полковыми командирами и даже геніальными военачальниками. Говорили о премудрости Провидѣнія, которое одному даетъ въ удѣлъ красоту, другому богатство, третьему острый умъ, а четвертому ничего. Прорицали, что никакое несправедливое дѣйствіе не останется безъ возмездія въ будущемъ, и вообще на генерала негодовали,

Digitized by Google

а Гегемоніева восхваляли. А все-таки Зиновей Захарычъ долженъ былъ повиноваться персту указующему...

Но въ особенности неслись къ Гегемоніеву сердца канцелярпстовъ всѣхъ возможныхъ родовъ и видовъ. Они любили, въ часы досуга, внимать разсказамъ этого новаго Улисса и выслушивали ихъ въ веселіи сердца своего. И слава, которою пользовался Зиновей Захарычъ въ этомъ отношеніи, была вполнѣ имъ заслужена. Никто, конечно, не могъ подать столь благого совѣта, никто не могъ такъ утѣшить, обнадежить и умудрить, какъ дѣлалъ это Гегемоніевъ. Гонимые судьбой возвращались отъ него бодрыми, недугующіе—исцѣленными, печальные — радостными, слѣпые—прозрѣвшими, безнадежные—утѣшенными и просвѣтленными.

На бѣду Потанчикова, хозяйка квартиры, въ которой жилъ Гегемоніевъ, объявила ему, что Зиновей Захарычъ со вчерашняго дня слегъ въ постель и въ настоящую минуту находится чуть ли не при смерти.

— Въ подпитіи, конечно-съ? — робко замѣтилъ Потанчиковъ.

Но хозяйка положительно завѣрила, что баринъ цѣлыя сутки маковой росинки въ ротъ не бралъ и умираетъ безъ всякой аллегоріи. Потанчиковъ уже хотѣлъ удалиться, какъ изъ сосѣдней комнаты послышался дребезжащій голосъ самого Гегемоніева, призывавшій хозяйку.

— Пожалуйте!—сказала она, возвращаясь чрезъ минуту къ Потанчикову.

— Больны, Зиновей Захарычъ?—спросилъ Потанчиковъ, садясь у изголовья Гегемоніева.

— Да... перепустилъ, видно... на именинахъ третьяго дня у Разумника Семеныча былъ... ну, и поплясалъ тоже...

— Это пройдетъ, Зиновей Захарычъ; отъ радости худо не бываетъ-съ.

— Да, въ наше время, это точно, что люди отъ веселья не хварывали, а нынче, братъ, и радость-то словно не

Digitized by Google

на пользу: вездѣ ровно тѐмнеть какая обстоитъ... Ты зачѣмъ?

— А вотъ-съ становымъ на всю жизнь осчастливили... желательно было бы отъ васъ позаимствоваться-съ...

— Спасибо, спасибо тебѣ, что меня, старика, вспомнилъ Это точно, что я напутствовать могу, потому я произошелъ... я много, братъ, въ жизни произошелъ! Плохо вотъ только мнѣ; даже словно душитъ въ груди... однако, ничего, попробую...

«— Вертоградъ этотъ, — началъ Гегемоніевъ, по времe намъ прерывая разсказъ свой удушливымъ кашлемъ: — вертоградъ, о которомъ мы будемъ бесѣдовать, весьма необыкновенный. Въ самое короткое время, съ небольшимъ въ какихъ-нибудь сто лѣтъ, разросся, пріумножился и изукрасился онъ преестественно.

«Говоришь ты мнѣ: «становымъ на всю жизнь осчастливленъ», а знаешь ли, что̀ есть «становой»? Думаешь ты, можетъ-быть, что становой есть Потанчиковъ, есть Овчинниковъ, есть Преображенскій? А я тебѣ скажу, что все это одна только видимость, что и Потанчиковъ, и Овчинниковъ тутъ только на прикладъ даны, въ существѣ же веществъ становой есть, ни мало, ни много, невещественныхъ отношеній вещественное изображеніе... Шутка!

«Скажу я тебѣ по этому самому случаю аллегорію.

«Въ младыхъ моихъ лѣтахъ, хаживалъ я, сударь, въ школу, и немало-таки розгачей и мученическихъ вѣнцовъ, просвѣщенія ради, принялъ. И сказывали намъ тогда, какъ въ старые годы отцы наши варяговъ изъ-за моря призывали, и какъ варяги порядокъ у насъ производили, и не обошлось тутъ безъ того, чтобъ гости хозяевъ легонько не постегали.

«И всему этому я, по невинности своей, въ ту пору вѣрилъ, и все это вышла, однакожъ, одна новѣйшаго произведенія аллегорія. Разберемъ это дѣло по пунктамъ.

Digitized by Google

«Ну, скажи ты мнѣ на милость, зачѣмъ было отцамъ нашимъ изъ-за моря варяговъ призывать, когда у насъ и свои завсегда на-лицо? И скажи ты мнѣ еще, какимъ бы родомъ эти варяги, если бы это не была аллегорія, могли и доселѣ все въ томъ же видѣ остаться, безъ всякихъ въ нравахъ и обычаяхъ перемѣнъ? Это пунктъ первый.

«Второй пунктъ: «земля наша велика и обильна»... Если бы это не былъ вымыселъ, развѣ могъ бы лѣтописецъ такимъ образомъ выразиться? Развѣ не было ему извѣстно, что за тысячу-то лѣтъ всю матушку Русь на одну ладонку посадить, а другою прикрыть было можно? Что жъ это значитъ? Не то ли, что нѣкто, взирая на нынѣшнее пространство Россіи, увлекся восторженностью своей до того, что даже забылъ, что пишетъ о временахъ давно прошедшихъ? Ясно?

«Третій пунктъ: «а порядку въ ней нѣтъ»... Что̀ сей сонъ значитъ? А значитъ это, что вообще порядку нѣтъ и не можетъ быть, пока три брата въ надлежащую ясность дѣла не приведутъ. Стало-быть: «приходите княжить и володѣть нами»... Ну, и пришли. Пришли, сударь, три брата: первый-то братъ капитанъ-исправникъ, второй-то братъ стряпчій, а третій братецъ, маленькій да востренькій,—самъ мусье окружной!

«Они же бояхусь звѣринаго ихъ обычая и нрава»... Это значитъ, что точно спервоначалу было имъ будто робостно, а послѣ, однако, ничего: сжились да начали володѣть и взаправду!

«Ну-съ, сударь мой, пришли, значитъ, три брата, а какъ земля наша велика и обильна, то и выходитъ, что имъ втроемъ управиться въ этомъ изобиліи стало совсѣмъ неспособно. И пошли у нихъ братцы меньшіе, примѣрно хоть ты или я: чѣмъ больше порядку, тѣмъ больше братцевъ, и до того, сударь, дошло, что, кромѣ порядка, ничего у хозяевъ-то и не осталось. Гдѣ было жито — тамъ порядокъ; гдѣ худоба всякая была — тамъ порядокъ; гдѣ даже

Digitized by Google

рощицы росли—и тамъ завелся порядокъ. И стало, сударь мой, хозяевамъ куда какъ радостно: земля, говоритъ, наша хоть и не изобильна, да порядокъ въ ней есть... Резонъ!

«Вотъ и выходитъ, что вся эта исторія одно инословіе изображаетъ, и если примѣрно тебя опредѣляютъ теперь въ становые, то ты такъ и знай, что ты тотъ самый Труворъ и есть, о которомъ сказано, что для порядку призванъ.

«А порядокъ что̀ такое? А порядокъ есть такое всѣхъ частей вертограда сего соотвѣтствіе, въ силу котораго всякому дѣйству человѣческому свой небуйственный ходъ заранѣе опредѣляется. А небуйственность что̀? А небуйственность есть такое качество, въ силу котораго ты, человѣкъ простой, шагу безъ того сдѣлать не можешь, чтобъ *перметте* не сказать. Въ этомъ-то *перметте* и заключается вся сущность и сила, такъ какъ оно простираетъ свое домогательство ко всѣмъ дѣйствіямъ человѣческимъ безъ изъятія. И такъ какъ обладатели его мы, три брата: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, то и выходитъ, что жизнь человѣческая вся въ нашихъ рукахъ совершается.

«Въ былыя времена, когда я къ служебнымъ сладостямъ еще пріобщенъ былъ, дѣйствовали мы на этомъ полѣ очень удачно. Главное тутъ—воображеніе имѣть, чтобъ оно тебѣ на всякій часъ пищу для дѣйствія доставляло. Воображаю я, напримѣръ, что ты фальшивую монету дѣлаешь; воображаю я это не потому, чтобъ ты въ самомъ дѣлѣ монету дѣлалъ, а просто потому, что воображеніе у меня есть и никто для него предѣла не заказалъ. Хорошо. Вотъ беру я бѣлый листъ бумаги и изображаю на немъ такое: «По дошедшимъ слухамъ, имѣется подозрѣніе, что такой-то Потанчиковъ занимается якобы дѣланіемъ фальшивой монеты. Подтверждаются эти слухи частью необыкновеннымъ образомъ жизни, который ведетъ Потанчиковъ (ибо въ домѣ его по ночамъ весьма часто усматривается выходящій какъ бы изъ подполья тусклый свѣтъ), частью чрезвычайнымъ

Digitized by Google

появленіемъ въ сей мѣстности фальшивыхъ денегъ, преимущественно же тѣмъ, что жена Потанчикова, будучи такого-то числа на базарѣ, купила бѣличій салопъ, причемъ похвалялась, говоря: скоро и не такой еще куплю! А потому и т. д.» Все это, сударь мой, это я себѣ вообразилъ, и никакого огня, ни фальшивыхъ денегъ не бывало. Однако тебѣ, Потанчикову, отъ этого не легче. Призываю я меньшого своего братца, который хоть и весь въ меня, а считается будто твоимъ депутатомъ, и идемъ мы вмѣстѣ къ тебѣ съ обыскомъ. Супруга у тебя стонетъ, ребятушки вѣваютъ, собаки на дворѣ воютъ... ну, и одаряешь ты, сударь, насъ по силѣ-возможности: только, молъ, отвяжитесь, ради Христа!

«Ты, дружище, пойми это, что въ тебѣ и начало, и средина, и конецъ человѣческаго существованія заключается. Ты, сударь, истинную вѣру охраняешь, ты уваженіе къ властямъ посѣваешь, ты здравіе, благоденствіе и продовольствіе всюду распространяешь, ты отъ глада и града, отъ труса и наводненія, отъ моря и повѣтрія сирыхъ и безпомощныхъ освобождаешь! И все ты одинъ, становой приставъ Никаноръ Перегриновъ Потанчиковъ, у котораго подъ началомъ единый писецъ состоитъ да десятка два-три сотскихъ! Мало того: потребуется начальству птицу Финикъ сыскать—ты и птицу сыщешь; потребуется статистику сочинить—ты и статистику сочинишь. Ты всѣми добродѣтелями и науками отъ Бога награжденъ долженъ быть; ты и хозяинъ добрый, и сыщикъ злохитрый, и химикъ изрядный, и статистикъ урожденный! А такъ какъ ты всего этого, по ограниченности природы человѣческой, исполнить не въ силахъ и такъ какъ про эту твою ограниченность и начальству, яко изъ человѣковъ же состоящему, не безызвѣстно, то какое изъ сего прямое слѣдствіе истекать должно? А то слѣдствіе, что ты если не дѣло дѣлать, такъ, по крайности, выгоды свои долженъ соблюсти!

«Это тебѣ философія, а вотъ и практика. Прежде всего

Digitized by Google

помнить ты долженъ, что всякая статья должна, по силѣ-возможности, сокъ дать, чтобъ жажду твою утолить и гладнаго тебя накормить. По началу оно будто робостно, а по времени въ такой вкусъ и азартъ войдешь, что словно вотъ соловей: поешь и самъ себя даже не чувствуешь... Пробовалъ я тоже и зарокъ на себя класть: буду, молъ, сидѣть смирно, — такъ нѣтъ, никогда больше двухъ сутокъ воздержаться не могъ! Потому, во-первыхъ, что я своему тѣлу развѣ врагъ? А во-вторыхъ, и потому, что есть, сударь, въ нашемъ ремеслѣ притягательная сила, противъ которой, хоть будь ты семи пядей во лбу, не устоишь! И томитъ тебя, и душитъ, и подымаетъ всего... покуда свой натуральный кругъ дѣйствія не совершишь!

«Одно нашего брата губитъ—это питіе безмѣрное. Залѣзешь-это въ трущобу, театровъ нѣтъ, баловъ не имѣется, и пошелъ курить! Слоняешься иной разъ по дорогамъ и въ слякоть, и въ стыть; и въ глаза-то тебѣ хлещетъ, и сквозь-то тебя пронимаетъ, — ну, и воскликнешь: жажду! Иной разъ сутки цѣлыя слова путемъ не вымолвишь; все или молчишь, или ругаешься — ничего для души нѣтъ!.. Другіе, женившись, думаютъ себя соблюсти, такъ слушай ты меня: не вѣрь тѣмъ, кто тебя этимъ предметомъ соблазнять будетъ! Нашъ братъ, опричникъ, на все долженъ быть готовъ: и въ болотѣ увязнуть, и отъ меча погибнуть, и отъ пламени огненнаго сгорѣть. Стало-быть, зачѣмъ тутъ жена? Затѣмъ развѣ, чтобъ руки тебѣ связать да трусостью сердце твое обуять? Ты пойми это, что въ нашемъ ремеслѣ ты осторожностью да выжиданіемъ ничего не возьмешь; а ты коли хочешь пользу имѣть, такъ жестъ у тебя долженъ быть вольный, широкій, чтобъ и вдоль забиралъ, и поперекъ захватывалъ, да и вглубь, и ввысь и рвалъ и металъ... Зачѣмъ тутъ жена?

«А все-таки надо правду сказать: хоть ты бойся, хоть не бойся, а какъ придется концы съ концами сводить— въ результатѣ все ничего и очень мало выходитъ... Вотъ

Digitized by Google

и я, напримѣръ... я ли, кажется, не поревновалъ, а все подъ старость голову приклонить негдѣ! Хоть и сказалъ въ ту пору его превосходительство, хлопнувши меня по животу, что тутъ, молъ, все курочки да гусочки хапанные сидятъ, а вѣдь, коли по совѣсти-то сказать, какія же это курочки? Наши, братъ, курочки русскія: худенькія, маленькія да жиденькія—въ силу ими насытиться. Вотъ тѣхъ бы индюшекъ попробовать, которыя къ его превосходительству на столъ отъ откупщика подаются, ну, тогда точно: вышли бы мы и тѣломъ побѣлѣе, и ростомъ поавантажнѣе... Такъ вотъ и смекай ты, какъ въ свѣтѣ жить, безпечальну быть!

«Однако, сытымъ быть можно. Главное, мнѣніе надо въ себѣ побѣдить, кичливость плотскую смиренномудрію духовному покорить, а пуще всего подъ судъ не попадать, потому что въ уголовную хоть и однажды попадешь, однако послѣ того всю жизнь будешь счастливъ, все равно какъ бы на затылкѣ тебѣ кожу вырѣзали, или на лбу клеймо напечатали. А нашъ братъ какъ дорвется до теплаго мѣстечка, такъ не то чтобъ смѣлостью, а больше озорствомъ дѣйствуетъ: я-ста да мы-ста,—ну, и разбросаетъ все зря: того ему не надо, то̀ для него презрительно... А ты, коли хочешь невредимымъ быть, все бери, ничѣмъ не брезгай, да не плюй въ бороду-то, не плюй, а пуще ее погладь, потому что и жизнь-то твоя вся въ бородѣ заключается.

«И еще: его сивушество іерусалимскаго князя Полугарова паче звѣздъ уважай. Помни: онъ по всей землѣ, всѣхъ кабаковъ, выставокъ всерадостный обладатель и повелитель... кто жъ ему равенъ?

«Итакъ, сударь, ты отъ меня напутствованъ. Иди же ты съ миромъ и не сомнѣвайся.... А меня оставь... потому что я умирать хочу!»

Digitized by Google

II.—Зубатовъ.

Генералъ Зубатовъ, Богъ ему судья, не очень-таки долюбливалъ меня. «У васъ, говоритъ бывало, слишкомъ голова горяча, милостивый государь,—вы діалектикѣ, милостивый государь, предаетесь!.. Служба требуетъ дѣла, а не соображеній, милостивый государь!.. Она требуетъ фактовъ, фактовъ и фактовъ!»

И все этакъ строгимъ манеромъ.

И держалъ онъ меня, по случаю діалектики, въ великомъ загонѣ; пройти, бывало, по улицѣ совѣстно; словно и заборы-то улыбаются и шепчутъ тебѣ вслѣдъ: діалектикъ, діалектикъ, діалектикъ!

А подъ діалектикомъ разумѣлъ Семенъ Семенычъ отчасти такого человѣка, который перомъ побаловать любитъ, отчасти такого, который на какой-нибудь офиціальный вопросъ осмѣливается откликнуться: «не могу знать», а отчасти и такого, который не бѣжитъ сломя голову на всякій рожонъ, на который ему указываютъ.

Къ балующимъ перомъ Семенъ Семенычъ адресовался обыкновенно слѣдующимъ образомъ:

— Что̀ вы мнѣ, милостивый государь, тамъ разсказываете? Какія вы тамъ нашли еще препятствія? Развѣ вамъ велѣно вникать въ препятствія? Развѣ васъ объ этомъ спрашиваютъ? Я, милостивый государь, тридцать пять лѣтъ служу, и благодареніе Богу, никогда никакихъ препятствій не видалъ!

— Помилуйте, ваше превосходительство, вѣдь это все равно, что на камнѣ рожь сѣять...

— Ну, что же-съ... и посѣемъ-съ!..

— Да вѣдь рожь-то не выростетъ!

— Выростетъ-съ, а не выростетъ, такъ будемъ камень сѣчь-съ!

— А она и отъ этого не выростетъ!

Digitized by Google

— И опять будемъ сѣчь-съ! Намъ до этого дѣла нѣтъ, что̀ можно и что̀ нельзя... а мы будемъ сѣчь-съ!

Къ «немогузнайкамъ» Семенъ Семенычъ обращался такъ:

— Что вы мнѣ тамъ доносите и два, и три? Вы должны сказать мнѣ прямо: или два, или три... Служба не терпитъ этой неопредѣленности...

— Осмѣлюсь доложить вашему превосходительству, что...

— Знаю я это, милостивый государь, очень знаю... Но вѣдь мнѣ нужны не «или» ваши, а настоящая цифра, потому что я эту цифру долженъ въ вѣдомости показать, и итогъ... да, и итогъ, сударь, подвесть!.. Въ какую же силу я ваше «или» тутъ сосчитаю?..

Но всего болѣе антипатиченъ былъ для него третій сортъ діалектиковъ.

— Я вамъ приказалъ, сударь... почему вы не исполнили?—говорилъ онъ имъ, принимая самые суровые тоны.

— Такъ и такъ, ваше превосходительство, я былъ на мѣстѣ и убѣдился, что указываемый вами рожонъ совсѣмъ не рожонъ...

— А развѣ объ этомъ васъ спрашивали? а знаете ли вы, милостивый государь, что за подобныя разсужденія въ военное время разстрѣливаютъ?

И такъ далѣе, въ томъ же тонѣ и духѣ. Однимъ словомъ, генералъ любилъ, чтобъ чиновникъ смотрѣлъ у него весело, не разсуждалъ и тѣмъ менѣе противорѣчилъ, не сомнѣвался, не провидѣлъ и на ногу былъ легокъ.

И вдругъ, въ одно прекрасное утро, онъ задумался. Долго онъ думалъ и сначала, повидимому, скорбѣлъ и вздыхалъ, но, наконецъ, пріятная улыбка озарила уста его.

— А что жъ,—сказалъ онъ:—въ самомъ дѣлѣ! Надо же и имъ дать вздохнуть... трудненько оно будетъ... правда... а впрочемъ, что за вздоръ—не боги же горшки обжигали!

Въ этотъ же день я былъ приглашенъ къ его превосходительству и удивленъ слѣдующею рѣчью:

— Вотъ, любезный другъ,—сказалъ онъ мнѣ ласково:—

Digitized by Google

оказывается теперь, что мы съ вами до сихъ поръ спали, то-есть не то чтобъ совсѣмъ спали, а такъ, знаете, скользили по поверхности... составляли тамъ вѣдомости... наблюдали, чтобъ входящія и исходящія не были закапаны... Выходитъ, что все это было ненужно... Д-да!

— Д-да!—повторилъ я въ изумленіи.

— Выходитъ, что отъ этого у насъ и торговля не развивается... и фабрикъ нѣтъ... и богатство народное... тово...

Я видѣлъ по его лицу, какъ всѣ эти непривычныя выраженія мучительно зарождались въ его головѣ и еще мучительнѣе сходили съ языка.

— Выходитъ, намъ надо тепереча заняться настоящимъ дѣломъ,—сказалъ онъ рѣшительно.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

— Да; теперь это нужно... теперь вотъ и Европа на насъ посматриваетъ... ну, да и время совсѣмъ не то! Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, какъ подумаешь, что̀ значитъ время-то!

Генералъ улыбнулся и началъ загонять ногою въ уголъ валявшуюся на полу бумажку.

— Вотъ хоть бы вчера,—продолжалъ онъ:—вѣдь какъ казалось все гладко, все прекрасно... плыли мы, можно сказать, по океану и воды даже подъ собой не слышали... а нынче...

— Отчего же, однако, вашему превосходительству кажется, что нынче все измѣнилось?

— Да нѣтъ! неужто жъ вы этого не чувствуете? Вѣдь пора же, пора намъ, наконецъ, сбросить съ себя это скиѳство!.. Надо же и намъ когда-нибудь стать въ уровень съ Европой... Вѣдь этакъ мы того дождемся, что насъ помѣстятъ въ число пастушескихъ народовъ!.. И дождались бы!

Глаза Семена Семеныча сверкнули гнѣвомъ.

— Развѣ ваше превосходительство получили какія-нибудь извѣстія изъ Петербурга?—спросилъ я робко.

— Нѣтъ, вы меня не понимаете! Я просто убѣдился, что не можетъ это такъ оставаться, и потому на первый

Digitized by Google

разъ призывалъ ужъ нынче частнаго пристава Рогулю и сказалъ ему, чтобъ онъ отнюдь не смѣлъ волю рукамъ давать... потому что вѣдь это, наконецъ, нельзя же: все въ рыло да въ рыло!

При этихъ словахъ я вспомнилъ, что дѣйствительно Рогуля еще утромъ пріѣзжалъ ко мнѣ весь встревоженный и объявилъ, что его превосходительство находится въ восторженномъ состояніи.

— А что?—спросилъ я.

— Да помилуйте,—отвѣчалъ онъ:—чуть-свѣтъ меня поднялъ... Я думалъ, что какое-нибудь упущеніе или пожаръ... скачу, и что же-съ? «Я, говоритъ, за тѣмъ тебя призвалъ, чтобъ напомнить, чтобъ ты не дрался, а дѣйствовалъ кротостью и собственнымъ примѣромъ; если жъ ты будешь драться, такъ я тебя, подлеца, самого такимъ образомъ откатаю, что ты три дня садиться не будешь»... Посудите сами, ваше высокоблагородіе!

Въ ту минуту я не разобралъ хорошенько этого обстоятельства и даже утѣшилъ Рогулю, что, должно-быть, его превосходительству во снѣ что-нибудь нехорошее привидѣлось; но теперь... теперь я самъ начиналъ догадываться, что тутъ дѣйствительно есть какой-то пунктикъ, который не далѣе какъ въ прошедшую ночь зародился въ головѣ его превосходительства, но къ утру выросъ и распространился вширь съ погибельною быстротой.

— Я и прежде всегда утверждалъ,—ораторствовалъ, между тѣмъ, его превосходительство:—что не нужно слишкомъ натягивать струны... потому что, вы понимаете, мы, наконецъ, отупѣли съ этимъ натягиваніемъ.

Семенъ Семенычъ взглянулъ на меня, какъ бы вызывая на размышленія; но я стоялъ сконфуженный и подавленный; мой носъ инстинктивно нюхалъ въ воздухѣ, глаза сами собой устремлялись на барометръ, какъ бы ища опоры для объясненія этой внезапной перемѣны.

Digitized by Google

— Такъ вы, пожалуйста, займитесь,—продолжалъ генералъ:—надо намъ... тово... идти рядомъ съ вѣкомъ...

— Что же прикажете, ваше превосходительство?

— Ну, да вы меня понимаете... я бы хотѣлъ, чтобъ этакъ тово... новенькое что-нибудь... Знаете ли что?—прибавилъ онъ весело, какъ бы озаренный внезапной мыслью:—устроимте-ка здѣсь биржу!

— То-есть, какъ же биржу?

— Ну, да, биржу... какъ въ Петербургѣ или вотъ въ Москвѣ... Теперь у насъ все это въ младенчествѣ... они всѣ сдѣлки свои въ трактирѣ за парой чая дѣлаютъ... Ну, а если мы заведемъ биржу, торговля-то, знаете ли, какъ двинется впередъ!..

— А если купцы на биржу не станутъ ходить?

— Надобно, mon cher, на первое время сдѣлать для нихъ обязательнымъ, чтобъ ходили... потому что иначе какія же могутъ быть у насъ усовершенствованія?

— Это точно, ваше превосходительство!

— Ну, такъ вы, стало-быть, займетесь этимъ? Кстати! Анна Ивановна жалуется мнѣ, что васъ давно не видать у насъ... такъ приходите сегодня обѣдать... запросто!

Само собою разумѣется, что я не позабылъ о приглашеніи, и ровно въ три часа былъ въ гостиной Зубатовыхъ.

Но, къ величайшему моему удивленію, я нашелъ Анну Ивановну въ столь же восторженномъ настроеніи духа, какъ и Семена Семеныча. Въ то время, какъ я вошелъ въ гостиную, она вела оживленную бесѣду съ товарищемъ предсѣдателя уголовной палаты Семіоновичемъ.

— Согласитесь, однакожъ, со мной, что тутъ еще многое остается сдѣлать,—говорила она.—Мсьё Щедринъ! вы, я надѣюсь, поддержите меня...

— Но позвольте, Анна Ивановна,—вступился Семіоновичъ:—вы напрасно думаете, что я принадлежу къ числу отсталыхъ. Я полагаю, что намъ слѣдуетъ только объясниться, и всѣ недоразумѣнія устранятся сами собою...

Digitized by Google

— C'est inoui ce que nous avons souffert!—продолжала Анна Ивановна, обращаясь ко мнѣ.—Изумительно даже, какъ могли мы дышать!

«Кроткая Annette! что съ тобой сдѣлалось! что съ тобой сдѣлалось!—подумалъ я, переходя отъ изумленія къ совершенному остолбенѣнію.—Ты, которая до сихъ поръ позволяла себѣ думать только о наслажденіяхъ предстоящей минуты, ты, которая смотрѣла на жизнь какъ на рядъ милыхъ и граціозныхъ сценъ, въ родѣ пословицъ Альфреда Мюссе, ты ожесточена, ты говоришь о какой-то духотѣ, о какихъ-то прошедшихъ страданіяхъ... Боже!»

— Вотъ это-то именно и есть единственный пунктъ, насчетъ котораго я нѣсколько расхожусь съ вами, Анна Ивановна,—возразилъ, между тѣмъ, Семіоновичъ.—Я нахожу, что страданіе—самая лучшая школа жизни... Не даромъ великій поэтъ сказалъ:

Но не хочу, о, други! умирать,
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать...

Стало-быть, страданіе не совсѣмъ-то дурная вещь... стало-быть, въ страданіи возможно даже своего рода наслажденіе, которое высоко цѣнится знатоками!..

— Не знаю; быть-можетъ, я не принадлежу къ числу знатоковъ, но, признаюсь вамъ, я не охотница до страданія... Мнѣ кажется такъ пріятно, такъ легко, когда меня никто не безпокоитъ, si l'on me laisse jouir en paix de mon existence... n'est-ce pas, мсьё Щедринъ?

— Нѣтъ сомнѣнія, что жить спокойно гораздо пріятнѣе, нежели пользоваться тревогами,—отвѣчалъ я.

— Но я и не утверждаю, что страданіе должно быть нормальнымъ состояніемъ человѣка, — возразилъ Семіоновичъ.—Я говорю только, что страданіе—школа, и надѣюсь, что самое это слово доказываетъ, что здѣсь идетъ о немъ рѣчь, какъ о мѣрѣ, про которую говоритъ поэтъ:

Вѣдь въ наши дни спасительно страданье...

— Я надѣюсь, что мы съ честью выйдемъ изъ этой

Digitized by Google

школы,—сказала Анна Ивановна:—хотя, признаюсь вамъ, въ первый разъ это будетъ ужасно трудно... nous sommes encore si peu habitués de jouir des bienfaits de la civilisation... Я сегодня утромъ говорила съ мужемъ: это ужасъ, сколько надобно сдѣлать... il faut faire ceci et cela... Вездѣ, куда ни обернитесь, вездѣ надобно снова начинать...

— Да, это такъ,—отвѣчалъ Семіоновичъ задумчиво.—Не знаю... я какъ-то опасаюсь... мнѣ кажется... que nous n'avons pas assez de forces... que nous succombrons à la tâche, en un mot!

— О, это опасеніе совершенно напрасное! Puisque au fond le peuple russe est avant tout un grand peuple... C'est une justice, que l'Europe entière se plait à lui rendre...

— А! здравствуйте! О чемъ это вы такъ горячо тутъ спорите?—прервалъ Семенъ Семенычъ, входя въ это время въ гостиную и подавая поочередно всѣмъ намъ руку, чего прежде никогда съ нимъ не случалось.

— Продолженіе давешняго разговора, ваше превосходительство,—отвѣчалъ я.

— А! это любопытно!

— Вотъ мсьё Семіоновичъ находитъ, что мы недостаточно созрѣли,—отозвалась Анна Ивановна.

— То-есть, для чего?—спросилъ генералъ.

Анна Ивановна затруднилась; она была вполнѣ увѣрена, qu'il s'agit d'une très bonne chose, но какъ называется эта chose—не знала. А впрочемъ, что̀ мудренаго: можетъ-быть, такъ она и называется... chose! Семіоновичъ, однакожъ, вывелъ ее изъ затрудненія.

— Мы не поняли другъ друга, Анна Ивановна!—сказалъ онъ нѣсколько обиженнымъ тономъ.—Мое воспитаніе... мое прошедшее, наконецъ... все это достаточно говоритъ въ мою пользу... Повѣрьте, я не принадлежу къ числу отсталыхъ!

— Ну, да, ну, да!—сказалъ Семенъ Семенычъ: — нынче ужъ оно и не ко времени!

Digitized by Google

— Я говорю только, что наше перерожденіе достанется намъ не безъ труда!

— О, насчетъ этого я совершенно съ вами согласенъ... Я, напримѣръ, придумалъ теперь одну штучку. Конечно, это будетъ очень полезно... однако и за всѣмъ тѣмъ не могу поручиться, чтобъ она принялась такъ, какъ было бы желательно!

— Позволено ли будетъ узнать, ваше превосходительство, въ чемъ заключается ваше намѣреніе?—спросилъ Семіоновичъ.

— Такъ... я хочу... биржу здѣсь устроить!—отвѣчалъ генералъ съ тою поспѣшностью и вмѣстѣ усиліемъ, которыми всегда сопровождается желаніе высказаться какъ-нибудь понебрежнѣе. При этомъ онъ, неизвѣстно отъ какихъ причинъ, застыдился и покраснѣлъ.

— Vous n'avez pas l'idée, comme ils nous trompent, ces marchands!—вступилась Анна Ивановна.—А тогда мы будемъ все на биржѣ покупать.

— Ты мнѣ, мамаша, на биржѣ новую курточку купишь! — пролепеталъ маленькій сынокъ Анны Ивановны, прислушавшись къ разговору.

— Извините меня, Анна Ивановна,—замѣтилъ Семіоновичъ, пользуясь случаемъ, чтобъ отмстить генеральшѣ за предположеніе о его отсталости:—но мнѣ кажется, что вы не совсѣмъ вѣрно смотрите на значеніе биржи...

— Ну, да, ну, да, — сказалъ генералъ, снисходительно улыбаясь:—эти дамы только и думаютъ что о нарядахъ... Онѣ даже на переворотъ готовы смотрѣть съ точки зрѣнія тряпокъ... Ха-ха!

— А впрочемъ, мысль Анны Ивановны объ устроеніи такого магазина, который представлялъ бы всѣ ручательства относительно добросовѣстности и дешевизны, тоже весьма счастливая мысль,—возразилъ Семіоновичъ, спѣша на помощь подломившейся на льду либерализма генеральшѣ и такимъ образомъ умѣряя язвительность великодушіемъ.

Digitized by Google

— Mais... n'est-ce pas! — сказала Анна Ивановна, отдыхая.

Извѣстіе, что готово кушать, прекратило на время разговоръ, но за обѣдомъ онъ возобновился съ новою силою. И генералъ, и генеральша такъ увлекательно доказывали необходимость оставить рутину и идти новыми, неизвѣданными доселѣ путями, что даже суровый Семіоновичъ согласился qu'au fait il y a quelque chose à faire. Я и самъ чувствовалъ, что въ воздухѣ была разлита какая-то непривычная теплота, что по временамъ моего обонянія касались живительные ароматы, что кровь съ усиленною быстротой приливала къ головѣ и сердцу...

Но не могу не сознаться, что все это происходило какъ будто во снѣ и что самые звуки говорившихъ кругомъ меня голосовъ ложились въ мой слухъ какъ-то смутно, неопредѣленно.

— Прежде всего надо позаботиться о торговлѣ, — говорилъ генералъ: — потому что торговля — это нервъ...

— Да... и желѣзныя дороги, — сказалъ Семіоновичъ: — вотъ гдѣ для насъ предметъ первой важности! Пространство насъ одолѣваетъ, ваше превосходительство, наша собственная карта насъ давитъ!

— Ну, съ этимъ какъ-нибудь справимся, съ Божьей помощью!—разсудилъ генералъ.

— Однакожъ... это ужасно... сколько приходится сдѣлать! —задумчиво продолжалъ Семіоновичъ, внезапно всѣмъ тѣломъ вздрогнувъ.

— Еще бы!—замѣтила генеральша.

— Вы забыли еще о грамотности,—отозвался генералъ и, обращаясь ко мнѣ, присовокупилъ: — Кстати, чтобъ не забыть! не худо бы намъ съ вами и насчетъ этого что-нибудь... знаете, въ такомъ же родѣ...

— Позвольте, однакожъ, ваше превосходительство, — возразилъ Семіоновичъ:—мнѣ кажется, что грамотность... я

Digitized by Google

думаю, что для этого у насъ еще почва недостаточно, такъ сказать, взрыхлена?

— Да, признаюсь вамъ, я и самъ такъ думалъ прежде... но теперь... я скорѣе склоняюсь въ пользу того мнѣнія, что тутъ совсѣмъ никакой почвы не надобно.

— Однакожъ, ваше превосходительство, спеціалисты на основаніи достовѣрныхъ фактовъ утверждаютъ, что на пятьсотъ грамотѣевъ двѣсти непремѣнно оказываются негодяями... Какъ хотите, а эта пропорція...

— Мамаша! я не хочу учиться... я не хочу сдѣлаться негодяйкой!—неожиданно закричалъ сынокъ Семена Семеныча.

— Полно, душечка, это о мужичкахъ говорятъ! — утѣшала его Анна Ивановна.

— Коли хотите, и я въ душѣ съ вами согласенъ,—продолжалъ, между тѣмъ, Семенъ Семенычъ:—но...

Генералъ развелъ руками, какъ будто хотѣлъ сказать: que voulez-vous que je fasse!

Много и еще было говорено разныхъ умныхъ рѣчей, и всякій разъ, когда кому-либо изъ собесѣдниковъ приходила счастливая мысль, генералъ обращался ко мнѣ и говорилъ: «Кстати, чтобъ не забыть! Не мѣшаетъ и на это обратить серьезное вниманіе!»

Читателю, быть-можетъ, страннымъ и невѣроподобнымъ покажется, что бо̀льшая часть моихъ героевъ словно во снѣ или въ туманѣ дѣйствуютъ. Въ справедливости этого замѣчанія долженъ сознаться я и самъ; но что̀ же мнѣ дѣлать, если таково вообще свойство всѣхъ умирающихъ людей? Отъ умирающаго нельзя требовать ни послѣдовательности въ сужденіяхъ, ни даже совершенно округленныхъ періодовъ для выраженія послѣднихъ; всѣ ихъ мысли, всѣ ихъ чувства представляются въ видѣ какихъ-то клочковъ, въ видѣ ничѣмъ не связанныхъ отрывковъ, въ которыхъ мысль и чувство являются въ состояніи почти эмбріоническомъ. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать здѣсь, что міръ полонъ

Digitized by Google

такого рода умирающихъ; между ними очень мало злыхъ и очень много недальновидныхъ. Вообще я убѣжденъ, что на свѣтѣ злые люди встрѣчаются лишь случайно; въ существѣ, они тѣ же добряки, только кожу у нихъ судьба-индѣйка стянула, рыло перекосила и губы помазала желчью. Да и то, по бо̀льшей части, отъ своей собственной глупости люди дѣлаются злыми, потому что умный человѣкъ сразу пойметъ, что злиться не изъ чего да и не расчетъ. Что же касается до недальновидныхъ людей, то это точно, что ходятъ въ народѣ слухи, будто ихъ не мало по бѣлу свѣту шатается; однако, не могу скрыть, что я очень рѣдко встрѣчалъ такихъ, которые бы откровенно признавали себя дураками. Напротивъ того, обыкновенно случается такъ, что, напримѣръ, Петръ Иванычъ, встрѣтивши друга своего, Ивана Петровича, и поговоривъ съ нимъ немного, уже восклицаетъ мысленно: «Господи! да какъ же глупъ Иванъ Петровичъ!.. Неужто онъ этого не знаетъ!» А Иванъ Петровичъ въ это самое время, въ свою очередь, тоже мысленно восклицаетъ: «Господи! да какъ же глупъ Петръ Иванычъ... Неужто онъ этого не знаетъ!» И выходитъ тутъ въ нѣкоторомъ смыслѣ таинственно-духовный маскарадъ. Но, прося у читателя извиненія за такое отступленіе, спѣшу продолжать разсказъ мой.

На другой день я получилъ отъ Семена Семеныча записку. Очевидно, мысль о новомъ характерѣ, который должна была принять его дѣятельность, до такой степени жгла его, что онъ не могъ выносить даже малѣйшую медленность въ этомъ отношеніи. Казалось, онъ въ одну минуту хотѣлъ облагодѣтельствовать всѣхъ и каждаго и преисполнить край плодами цивилизаціи. Въ запискѣ было изображено:

«Виды и предположенія:

«1) Биржа. Правильность торговли. Огромные запросы и такъ далѣе. Развить.

«2) Грамотность. Смягченіе нравовъ. Уменьшеніе пре-

Digitized by Google

ступленій. Облегченіе обязанностей полиціи и т. д. Развить.

«3) Пути сообщенія, *а буде можно, то и желѣзныя дороги.* Сколько среднимъ числомъ провозится ежегодно товаровъ до Н. пристани? Развить.

«4) Фабрики и заводы. Польза отъ нихъ. Средства къ достиженію сего: поощренія и награды. (Извѣстно, что русскіе купцы и т. д.). Развить.

«Весьма обяжете, ежели все сіе исполните въ возможнс непродолжительномъ времени».

Прочитавъ эту записку, я струсилъ. Съ одной стороны, меня, конечно, соблазняла красивая сторона предпріятія; съ другой—я не могъ не испугаться его огромности. Но напрасны были мои опасенія. Генералъ былъ такъ добросовѣстенъ, что счелъ необходимымъ, предварительно принятія рѣшительныхъ мѣръ относительно развитія торговли и промышленности, посовѣтоваться объ этомъ съ почетнѣйшими лицами торгующаго сословія. Эта добросовѣстность испортила, однакожъ, все дѣло. При первомъ намекѣ на возможность учрежденія биржи, купцы попадали въ обморокъ, несмотря на то, что всѣ они были тѣлосложенія необыкновенно крѣпкаго и съ честью выдерживали самые побои.

— Что-о?—сказалъ Семенъ Семенычъ грозно. — Сталобыть, вы сопротивляться задумали?

— Помилуйте, ваша милость, ужъ очень это будетъ для насъ обидно,—отвѣчалъ одинъ изъ купцовъ, прежде всѣхъ очнувшійся.—Нельзя ли замѣсто биржи-то просто чѣмъ-нина-есть обложить насъ на общеполезное устройство?

— Что-о? ты что за выскочка? и какъ ты смѣешь за всѣхъ говорить?.. Николай Иванычъ, запишите его фамилію!

Между торговцами воцарилось молчаніе; передняя шеренга держала руки по швамъ.

— Такъ вотъ, друзья мои, — продолжалъ Семенъ Семенычъ: — вы слышали мои слова, знаете мои желанія...

Digitized by Google

остается, слѣдовательно, изыскать средства къ приведенію ихъ въ исполненіе... Конечно, нѣкоторые изъ васъ, какъ видно, еще не понимаютъ намѣреній, которыя клонятся единственно къ вашей же пользѣ, но само собой разумѣется, что это не должно останавливать ни меня въ моихъ предположеніяхъ, ни васъ въ содѣйствіи къ выполненію ихъ.

Сказавъ это, Семенъ Семенычъ удалился, и долгъ справедливости заставляетъ меня сказать, что онъ не только не дрался въ этомъ случаѣ, но даже и за бороду никого не вытрясъ.

Но дѣло не удалось. Купцы, оставленные на произволъ судебъ, безъ кормила и весла, объявили, что для нихъ затѣя Семена Семеныча слишкомъ обидна, чтобъ они рѣшились сами на себя руку наложить.

— Ну, что, какъ наше дѣло?—спросилъ меня генералъ, когда я, послѣ продолжительнаго совѣщанія съ обществомъ, явился къ нему съ отчетомъ.

— Не соглашаются, ваше превосходительство!

— Гм!..

Глубоко опечаленный генералъ сталъ лицомъ къ окну и долго безмолвствовалъ. По временамъ, до слуха моего долетали звуки, несомнѣнно доказывавшіе, что его превосходительство барабанилъ въ это время пальцами по стеклу.

— Напрасно, ваше превосходительство, совѣщались съ ними,—сказалъ я, сгарая желаніемъ утѣшить Семена Семеныча:—эти вещи надо дѣлать секретно отъ нихъ, такъ, чтобъ они не опомнились...

Семенъ Семенычъ повернулся ко мнѣ и съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку.

— Вы правы,—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Они, ваше превосходительство, своей пользы понимать не могутъ, — продолжалъ я, увлекаясь преданностью къ особѣ моего начальника.

— Вы правы,—повторилъ генералъ.

— Такого рода предположенія всего удобнѣе приводить въ исполненіе посредствомъ полиціи,—снова началъ я.

Digitized by Google

— Вы правы... да, къ несчастію, вы совершенно правы!

— Если они не понимаютъ своихъ выгодъ, то весьма естественно, что нужно дѣлать имъ добро противъ ихъ желанія...

— Это совершенно справедливо... но... Къ сожалѣнію, я долженъ сказать вамъ, mon cher, что время нынче такое... велѣно все кротостью да благоразумными мѣрами распорядительности... Ахъ, другъ мой, ремесло администратора становится слишкомъ тяжело, и если бы я не любилъ мое отечество (Семенъ Семенычъ махнулъ рукой)... давно бы пора на покой старыя кости сложить!..

— Прикажете продолжать настаивать?—спросилъ я.

— Нѣтъ, ужъ зачѣмъ... оставимте ихъ въ покоѣ... пусть дѣлаютъ какъ знаютъ!.. Горько, Николай Иванычъ!

Разговоръ на этотъ разъ прекратился, но не прекратилась благонамѣренная дѣятельность Семена Семеныча. Проекты слѣдовали за проектами, и въ нашей маленькой канцеляріи закипѣла непривычная и небывалая дотолѣ жизнь.

Но—увы!—ни проектъ о распространеніи грамотности, ни проектъ о путяхъ сообщенія—ничто не удавалось, несмотря на таинственность и тишину, среди которыхъ они вырабатывались. Проекты эти похожи были на тѣ объявленія о новоизобрѣтенныхъ средствахъ противъ моли и клоповъ, которыя (т.-е. средства) такъ удачно дѣйствуютъ на бумагѣ, въ дѣйствительности же безсильны убить самаго тощаго и изможденнаго клопа.

Семенъ Семенычъ сдѣлался скученъ. Уныло ходилъ онъ цѣлые дни по кабинету, заложивъ руки за спину и грустно покачивая головой. Съ ужасомъ сознавалъ онъ, что мѣсяцъ тому назадъ онъ былъ совершенно бодръ и дѣятеленъ, былъ распорядителенъ и исполнителенъ въ одно и то же время, однимъ словомъ, способенъ и достоинъ, а теперь... теперь, когда наступило, повидимому, «благораствореніе воздуховъ и изобиліе плодовъ земныхъ», онъ

Digitized by Google

вдругъ, безъ всякой видимой причины, оказывается чуть-чуть не злостнымъ банкротомъ... Ужасно! Все, что̀ онъ ни придумаетъ, звучитъ пусто, словно лукошко, у котораго вышибли дно; все, за что̀ онъ ни возьмется, отзывается мертвечиной. И ему внезапно стало такъ тошно и несносно жить на свѣтѣ, что не мила казалась Анна Ивановна, не радовалъ милый сынокъ Сережа, а меня не могъ онъ даже видѣть безъ нѣкотораго озлобленія, потому что я являлся хотя и неумышленнымъ, но, тѣмъ не менѣе, горькимъ и постояннымъ свидѣтелемъ его неудачъ.

Однажды утромъ я получилъ отъ Анны Ивановны приглашеніе пожаловать къ ней какъ можно скорѣе. Я засталъ ее заплаканною и разстроенною.

— Вы не знаете, какое насъ постигло несчастіе,—сказала она:—Simon! бѣдный Simon!

— Что̀ такое, Анна Ивановна? — спросилъ я встревоженный.

— Ah, mais voyez plutôt vous-même, cher Николай Иванычъ!

Съ этимъ словомъ она отворила дверь въ кабинетъ Семена Семеныча, и странное зрѣлище представилось глазамъ нашимъ. Семенъ Семенычъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и чертилъ на бумагѣ чудовищный пароходъ; волосы его были растрепаны, въ глазахъ блуждалъ дикій огонь.

Я тотчасъ же понялъ ужасную истину: нѣтъ сомнѣнія... генералъ лишился разсудка!

— А! — воскликнулъ онъ, увидѣвъ меня: — ну, теперь, кажется, они не отвертятся отъ меня... Я все обдумалъ!

— Simon! успокойся, другъ мой!—убѣждала Анна Ивановна.

Семенъ Семенычъ сдѣлалъ рукой движеніе, какъ будто хотѣлъ отогнать докучную муху.

— Я надѣюсь, что начальство оцѣнитъ труды мои, — сказалъ онъ съ какой-то блаженной улыбкой: — скоро будетъ Святая, и тогда...

Digitized by Google

Онъ показалъ на лѣвую сторону груди.

— Это несомнѣнно, ваше превосходительство; въ настоящее время вамъ больше всего нуженъ отдыхъ,—замѣтилъ я.

— Убѣдите, убѣдите его, Николай Иванычъ! — умоляла Анна Ивановна:—Simon! тебѣ слѣдуетъ почивать!

Генералъ снова сдѣлалъ движеніе рукой.

— А не правда ли, что я много на свою долю потрудился?—сказалъ онъ.—Вы, Николай Иванычъ, видѣли, вы можете засвидѣтельствовать передъ всѣми, что я именно былъ неусыпенъ!

Анна Ивановна всхлипывала; Семенъ Семенычъ, глядя на нее, тоже не выдержалъ и залился цѣлымъ потокомъ слезъ. Положеніе мое было весьма тяжко.

— Друзья мои!—сказалъ генералъ, рыдая: - я умираю! Я умираю, потому что много трудился! Если бъ я меньше заботился, а больше гулялъ, меньше вникалъ и больше кушалъ, я остался бы живъ!

III.—Пріѣздъ ревизора.

I.

Въ 18** году, декабря 9 числа, статскій совѣтникъ Фурначевъ получилъ изъ Петербурга, отъ благопріятеля своего, столоначальника NN департамента, письмо слѣдующаго содержанія:

«Милостивый Государь!

«Семенъ Семенычъ!

«Поспѣшаю почтеннѣйше извѣстить васъ, что въ непродолжительномъ времени имѣетъ быть къ вамъ на губернію статскій совѣтникъ Максимъ Ѳедоровичъ Голынцевъ. Будетъ у васъ подъ предлогомъ освидѣтельствованія богоугодныхъ заведеній, въ дѣйствительности же для доскональныхъ разузнаній о нравственномъ состояніи служа-

Digitized by Google

щихъ въ вашей губерніи чиновниковъ. Качества Максима Ѳедоровича таковы: словоохотливъ и добросердеченъ; любитъ женскій полъ и тонкое вино; выпивши, откровененъ и шутливъ безъ мѣры; въ особенности уважаетъ людей, которые говорятъ по-французски, хотя бы то были даже молокососы; въ карты играетъ, но насчетъ рукъ и такъ далѣе—ни-ни! За симъ, ввѣряя себя и свое семейство вашему неоставленію, прошу васъ принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи уважающаго васъ

Филиппа Вертявкина.

«PS. Милостивой государынѣ Настасьѣ Ивановнѣ отъ меня, отъ жены и отъ всѣхъ дѣтей нижайшее почтеніе.

«NB. Еще любитъ Г., чтобъ его называли «вашимъ превосходительствомъ». Чуть не забылъ».

— Однако, это скверно! — говоритъ статскій совѣтникъ Фурначевъ, прочитавши письмо. — Что̀ бы такое значило: «насчетъ рукъ ни-ни?» Вѣдь это выходитъ, что онъ... ни-ни!

Семенъ Семенычъ въ волненіи ходитъ по комнатѣ и, наконецъ, кричитъ въ дверь:

— Настасья Ивановна! Настасья Ивановна!

Входитъ Настасья Ивановна, облаченная въ глубокій неглиже.

Глаза ея нѣсколько опухли и вообще выраженіе лица сердито, потому что она только-что часокъ-другой соснула. Семенъ Семенычъ посмотрѣлъ на ея измятое лицо и съ досадою плюнулъ.

— Опять ты спала!—сказалъ онъ, глядя на нее съ глубокимъ омерзѣніемъ. — Хоть бы ты въ зеркало, сударыня, посмотрѣла, на что̀ ты сдѣлалась похожа! И откуда только сонъ у тебя берется!

— Если вы только за тѣмъ меня позвали, чтобъ ругаться, такъ напрасно трудились!

Настасья Ивановна хочетъ удалиться.

— Да постой, постой же, сударыня! Получилъ я сего-

Digitized by Google

дня письмо... ѣдетъ къ намъ ревизоръ... и, какъ видно, неблагонамѣренный... потому что тово... ни-ни...

Семенъ Семенычъ топчется на мѣстѣ и не знаетъ, какъ выразиться. Онъ убѣжденъ, что ревизоръ человѣкъ неблагонамѣренный, но почему-то не умѣетъ сформулировать основаній, на которыхъ зиждется это убѣжденіе.

— Такъ вы тово... попріодѣньтесь немного! — продолжаетъ онъ, совсѣмъ спутавшись.

— Вотъ какъ вы испугались, что ужъ и Богъ знаетъ что̀ говорите!—замѣчаетъ Настасья Ивановна, читая письмо Вертявкина. — Точно ужъ и пріѣхалъ вашъ ревизоръ! Однако, я по всему вижу, что онъ долженъ быть очень милый человѣкъ, этотъ ревизоръ, потому что любитъ дамское общество...

— Да, только не наше съ вами... Эй, человѣкъ, лошадь!

Семенъ Семенычъ отправляется къ генералу Голубовицкому и застаетъ его въ большомъ безпокойствѣ. До свѣдѣнія его превосходительства дошло, что одинъ изъ важнѣйшихъ въ городѣ чиновниковъ, будучи на собственномъ своемъ сговорѣ, происходившемъ по случаю предстоящаго бракосочетанія его съ дочерью потомственнаго гражданина Хрептюгина, внезапно вскочилъ изъ-за стола и началъ бить стекла въ окнахъ бѣломраморнаго зала нареченнаго тестя.

— Ты это что̀, ваше высокородіе, дѣлаешь? — спросилъ его изумленный хозяинъ.—«А вотъ я такимъ манеромъ всѣхъ противляющихся мнѣ сокрушаю!» — отвѣчалъ женихъ, и съ этими словами вышелъ изъ дома.

Встревоженный генералъ большими шагами ходитъ по комнатѣ. Онъ справедливо разсуждаетъ, что если высшіе сановники, эти, такъ сказать, административные дупель-шнепы, въ порывахъ горячности допускаютъ себя до подобнаго малодушества, то какимъ же образомъ должны поступать зуйки, поручейники, кулички и прочая мелкая болотная дичь?

Digitized by Google

— А мы еще какъ радовались за Павла Тимоѳеича, что они такую прекрасную партію дѣлаютъ!—замѣчаетъ стоящій въ углу маленькій чиновничекъ, занимающій должность довѣреннаго лица при особѣ его превосходительства.

— Что жъ, пьянъ, что ли, онъ былъ?

— Должно-быть, не безъ того-съ, ваше превосходительство; они, смѣю вамъ доложить, довольно-таки этому привержены... только все больше въ одиночествѣ занимаются-съ и велятъ себя въ этихъ случаяхъ запирать... Ну, а тутъ и при народѣ случилось...

Генералъ продолжаетъ ходить и волноваться.

— И еще случай есть, ваше превосходительство,—робко говоритъ чиновникъ.

— Ну, что̀ тамъ еще?

— Въ Песчанолѣсьѣ стряпчій съ городничимъ-съ... тоже на именинахъ дѣло было-съ...

— Нельзя ли докладывать скорѣе, безъ мазанья!

— И стряпчій городничему животъ укусилъ-съ! — оканчиваетъ скороговоркой чиновникъ.

— Господинъ Фурначевъ пріѣхали,—докладываетъ лакей.

— Ну, этого зачѣмъ еще чортъ принесъ! — восклицаетъ взволнованный генералъ.—Просить!

Семенъ Семенычъ входитъ и улыбается. Съ одной стороны, онъ очень радъ видѣть его превосходительство въ добромъ здоровьѣ; съ другой стороны—ему весьма прискорбно, что имѣетъ сообщить извѣстіе, котораго послѣдствій никто, даже самый проницательный человѣкъ, предугадать не въ силахъ.

— Да что̀ же такое? Неужто еще кто-нибудь подрался?— спрашиваетъ генералъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство, но наша губернія... впрочемъ, можетъ-быть, это и къ лучшему-съ...

— Да говорите же! что вы душу-то мнѣ тянете!

— Ревизоръ, ваше превосходительство, ревизоръ къ намъ въ скоромъ времени прибыть долженъ!

Digitized by Google

При словѣ «ревизоръ» съ генераломъ едва не дѣлается дурно.

— Кто сказалъ «ревизоръ»? какой ревизоръ? откуда ревизоръ?—спрашиваетъ онъ, вдругъ весь вспыхнувъ и уже застегивая машинально пальто на всѣ пуговицы.

— Успокойтесь, ваше превосходительство,—продолжаетъ Семенъ Семенычъ:—ревизоръ, сказываютъ, охотникъ больше до дамскаго общества...

— Гм!.. отъ кого же вы получили это извѣстіе?

— Есть въ Петербургѣ одинъ облагодѣтельствованный мною столоначальникъ-съ...

— Это непріятно! это тѣмъ болѣе непріятно, что тутъ же разомъ случились двѣ пасквильныя исторіи... Скажите, пожалуйста, вы были у Хрептюгина въ то время, какъ Павелъ Тимоѳеичъ стекла билъ?

— Какъ же-съ, я былъ въ числѣ приглашенныхъ...

— Что̀ же такое съ нимъ сдѣлалось? Вотъ чего я понять не могу!

— Съ Павломъ Тимоѳеичемъ это нерѣдко бываетъ, ваше превосходительство, только онъ до сихъ поръ умѣлъ это скрыть-съ. Сидѣли мы цѣлый вечеръ, и все какъ будто ничего; и онъ тоже тутъ былъ — ну, и тоже ничего-съ... Только за ужиномъ, — должно-быть, не присмотрѣли за нимъ,—вотъ онъ сначала хереску-съ, потомъ мадерцы-съ, да вдругъ и всталъ изъ-за стола: «музыканты! комаринскую!» говоритъ. Я, видѣвши, что онъ ужъ внѣ себя, подозвалъ Хрептюгина и говорю ему: «вѣдь Павла-то Тимоѳеича надобно убрать!» Не успѣлъ я это сказать, какъ ужъ и пошелъ по залѣ набатъ-съ... Впрочемъ, это еще, ваше превосходительство, уладится: Павелъ Тимоѳеичъ ужъ объяснился съ нареченнымъ тестемъ...

— Ну, а слышали вы другую исторію—это еще почище будетъ: въ Песчанолѣсьѣ стряпчій городничему животъ прокусилъ!

— Ахъ, страмъ какой!

Digitized by Google

— Разскажи-ка, братецъ, разскажи!—обращается генералъ къ довѣренному чиновнику.—Нечего сказать, хорошъ сюрпризъ для ревизора будетъ!

— Были они,—начинаетъ чиновникъ,—на именинномъ вечерѣ; только и началъ стряпчій хвастаться: «я, говоритъ, здѣсь все могу сдѣлать!» Ну, городничему это будто обидно показалось; онъ возьми да и ударь стряпчаго по лицу: «что-то, молъ, ты противъ этого сдѣлаешь!» А стряпчій, какъ ростомъ противъ городничаго не вышелъ, вцѣпился ему зубами въ животъ-съ...

— Ахъ, страмъ какой!—повторяетъ господинъ Фурначевъ.

— И вотъ, послѣ этого милости просимъ тутъ пользу какую-нибудь для края принести!—говоритъ генералъ, разводя руками.

II.

Вѣсть объ ожидаемомъ пріѣздѣ ревизора мгновенно разнеслась по городу. У тѣхъ изъ чиновниковъ, у которыхъ всякое душевное волненіе выражается трясеніемъ поджилокъ, таковое совершилось благополучно. Городъ оживился, но это оживленіе было какое-то бездушное, похожее на ту суету, которая начинается во всякомъ губернскомъ городѣ съ утра каждаго высокоторжественнаго праздника и продолжается ни болѣе, ни менѣе, какъ до извѣстнаго, судьбой опредѣленнаго срока. Петръ Борисычъ Лепехинъ, охотникъ поиграть въ двухкопеечный преферансъ, внезапно вспомнилъ, что высшее начальство непоощрительно смотритъ на такое невинное препровожденіе времени и призадумался. Онъ почелъ долгомъ немедленно справиться объ этомъ въ Сводѣ Законовъ, и хотя ничего похожаго на угрозу тамъ не нашелъ, но на всякій случай, пришедши вечеромъ въ клубъ, не только самъ не торопился составить партію, но даже отказался наотрѣзъ отъ карточки, которую предлагалъ ему Порфирій Петровичъ.

Digitized by Google

Ѳедоръ Герасимычъ Крестовоздвиженскій, пришедши въ присутствіе, потребовалъ немедленно къ себѣ какія-то четыре дѣла («знаете: тѣ дѣла, по которымъ...») и, обнюхавши ихъ, вдругъ пришелъ въ восторженность, замахалъ руками и закричалъ: «завтра же! сегодня же! катать ихъ! подъ судъ ихъ!»

Иванъ Павлычъ Вологжанинъ неутомимо началъ разъѣзжать по всѣмъ знакомымъ и собирать полезныя свѣдѣнія о житьѣ-бытьѣ крутогорскихъ обывателей, дабы, въ случаѣ надобности, приподнесть этотъ букетъ господину ревизору и чрезъ то заявить свою дѣятельность и преданность.

Въ будку, которая съ самой постройки своей никогда не видала будочника и оставлена была безъ стеколъ, поставили перваго и вставили послѣднія.

Пожарныхъ лошадей выкормили какъ индѣекъ Ивана Ивановича *).

Словомъ, всякій готовился къ принятію ревизора по-своему. Только частный приставъ Рогуля оказалъ при этомъ твердость духа, достойную лучшей участи. Когда ему сказали, что будетъ, дескать, ревизоръ, и не мѣшало бы, по этому случаю, поболѣе бодрствовать и поменьше спать, то онъ только поковырялъ въ носу, испилъ квасу, до котораго былъ большой охотникъ, и молвилъ:

— Знаемъ мы этихъ ревизоровъ! Не первый годъ на свѣтѣ живемъ!

Но самая хлопотливая и трудная часть дѣятельности выпала на долю генеральши Голубовицкой. Она кстати вспомнила, что бѣдные города Крутогорска что-то давно не получали никакого пособія, и что такое благодѣтельное дѣло всего приличнѣе могло быть устроено въ глазахъ ревизора. Поэтому на совѣтѣ, составленномъ изъ лицъ приближенныхъ и извѣстныхъ своею преданностью, было рѣ-

*) См. «Вечера на хуторѣ» Гоголя: «Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька» и т. д.

Digitized by Google

шено: немедленно устроить благородный спектакль, а если окажется возможнымъ, то и живыя картины.

— Помилуйте, Дарья Михайловна, какія же могутъ быть у насъ живыя картины? Вы посмотрите на нашихъ дамъ!— возражаетъ старинный нашъ знакомый, Леонидъ Сергѣичъ Разбитной *).

Но Дарья Михайловна, которая имѣетъ весьма развитой станъ и вообще удачно сложена, настаиваетъ на необходимости живыхъ картинъ. Выборъ останавливается на четырехъ картинахъ: «Рахиль, утоляющая жажду Іакова», «Любимая одалиска», «Молодой грекъ съ ружьемъ», «Донъ-Жуанъ и Гайдé».

— Я могу взять на себя фигуру Іакова!—говоритъ молодой товарищъ предсѣдателя уголовной палаты, Семіоновичъ, и поспѣшно прибавляетъ:—А если угодно, то и Донъ-Жуана...

Дарья Михайловна въ недоумѣніи. Семіоновичъ, безъ сомнѣнія, очень достойный молодой человѣкъ и отлично знаетъ уголовные законы, но, во-первыхъ, онъ имѣетъ привычку постоянно издавать носомъ какой-то непріятный свистъ, а во-вторыхъ, и фигура у него какая-то странная, угловатая... очень будетъ нехорошо! Дарьѣ Михайловнѣ хотѣлось бы отдать эти двѣ фигуры учителю гимназіи Линкину, который имѣетъ и всѣ нужныя для того качества и къ которому она чувствуетъ родъ тихой дружбы.

— Вы, мсьё Семіоновичъ, будете слишкомъ утомлены спектаклемъ,—говорила она.

— Это ничего,—отвѣчалъ Семіоновичъ:—я работаю скоро и легко...

— Ну, Гайдé, Одалиска и Рахиль—объ этихъ фигурахъ нечего и говорить! — вступается кругленькій помѣщикъ Загржембовичъ:—эти фигуры по праву принадлежатъ Дарьѣ Михайловнѣ; но кому отдать Ламбро?

*) О Разбитномъ можно справиться въ «Губернскихъ очеркахъ», ч. 3-я: *Просители*.

Digitized by Google

— Архиваріусу губернскаго правленія!—предлагаетъ Разбитной.

— Вы всегда съ вашими шутками, мсьё Разбитной!—говоритъ Дарья Михайловна.—Messieurs, кто желаетъ взять на себя Ламбро?

— Я бы охотно ее взялъ, — вступается Семіоновичъ,—но у меня Донъ-Жуанъ!

— Такъ вы Донъ-Жуана уступите... хоть мсьё Линкину!

— Признаюсь вамъ, для меня положеніе Донъ-Жуана больше симпатично... тутъ есть страсть, есть жизнь.

— Зато Ламбро можетъ одѣться въ красный плащъ,—замѣчаетъ весьма основательно Разбитной,—и тутъ можетъ быть великолѣпное effet de lumière.

— Итакъ, Донъ-Жуанъ—мсьё Линкинъ, Ламбро—мсьё Семіоновичъ,—говоритъ Загржембовичъ:—но здѣсь возникаетъ вопросъ, на счетъ какихъ суммъ сдѣлать костюмъ для Донъ-Жуана, потому что мсьё Линкинъ не имѣетъ даже достаточно бѣлья, чтобы ежедневно пользоваться чистою рубашкою?

— Можно какъ-нибудь изъ благотворительныхъ суммъ,—отвѣчаетъ Дарья Михайловна.

— Да кстати бы ужъ и рубашку ему чистую сшить,—прибавляетъ Разбитной, которому досадно, что Донъ-Жуаномъ будетъ не онъ, а Линкинъ.

— Вы опять съ вашими шутками!—сухо замѣчаетъ Дарья Михайловна.

— Ну-съ, хорошо-съ; эта статья устроена; теперь кто же будетъ «Молодой грекъ съ ружьемъ»?

Молодого грека должна взять на себя особа женскаго пола—это несомнѣнно; ружье можно достать изъ гарнизоннаго батальона—съ этой стороны тоже нѣтъ препятствія. Но кто же изъ крутогорскихъ дамъ согласится изобразить фигуру, которая, въ нѣкоторомъ смыслѣ, дѣлаетъ ущербъ общественной нравственности? Первое благо, которымъ дол-

Digitized by Google

женъ обладать Молодой грекъ, заключается въ большомъ и остромъ носѣ—кто изъ дамъ таковымъ обладаетъ? Судили-судили, и наконецъ гласъ народный указалъ на коллежскую ассесоршу Катерину Осиповну Неміолковскую, которая, имѣя точь-въ-точь требуемый носъ, охотно согласится облачиться и въ противоестественный мужской костюмъ. Постановлено: отправить завтрашній день къ Катеринѣ Осиповнѣ депутацію и усерднѣйше просить ее пожертвовать собой на пользу общую.

— Стало-быть, живыя картины улажены... Что же касается до спектакля, messieurs, — говоритъ Дарья Михайловна:—то онъ будетъ составленъ изъ слѣдующихъ пьесъ:

ВЪ ЛЮДЯХЪ АНГЕЛЪ НЕ ЖЕНА,

ДОМА СЪ МУЖЕМЪ САТАНА.

КОМЕДІЯ ВЪ 3-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Г. Славскій . . .	Мечиславъ Владиславовичъ Семіоновичъ.
Г-жа Славская . .	Аглаида Алексѣевна Размановская.
Г-жа Трефкина . .	Анфиса Петровна Луковицына.
Г-жа Небосклонова.	Анна Семеновна Симіасъ.
Размазня	Ѳедоръ Ѳедоровичъ Шомполовъ (самородный комикъ, процвѣтающій въ палатѣ государственныхъ имуществъ въ должности помощника чего-то или кого-то).
Прындикъ	Леонидъ Сергѣичъ Разбитной.
Лакей 1-й	Экзекуторъ губернскаго правленія Стуколкинъ.
Лакей 2-й	

ЧИНОВНИКЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ 1-МЪ ДѢЙСТВІИ.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Княгиня	Дарья Михайловна Голубовицкая.
Полковникъ . . .	Леонидъ Сергѣичъ Разбитной.

Digitized by Google

Мисхоринъ . . . Семенъ Семеновичъ Липкинъ.
Надимовъ . . . . Мечиславъ Владиславовичъ Семіоновичъ.
Дробникинъ . . . Өедоръ Өедоровичъ Шомполовъ.

— Кажется, messieurs, такимъ образомъ будетъ хорошо?—прибавляетъ Дарья Михайловна, прочитавъ списокъ ролей.

Всѣ находятъ, что отлично.

— Теперь, господа,—вступается Семіоновичъ:—необходимо выбрать намъ режиссера. Я предлагаю возложить эту обязанность на Алоизія Целестиныча Загржембовича.

— Аксіосъ!—возглашаютъ преданные.

Алоизій Целестинычъ кланяется и благодаритъ за довѣріе. Онъ даетъ слово, что употребитъ всѣ усилія, чтобъ оправдать столь лестное порученіе.

— Алоизій Целестинычъ!—говоритъ Разбитной:—вы не забудьте, что для Шомполова необходимо, чтобъ на репетиціяхъ былъ ерофеичъ и колбаса.

Всѣ берутся за шляпы и намѣреваются разойтись.

— Господа! господа! — возглашаетъ Загржембовичъ:—какъ режиссеръ, я долженъ васъ остановить, потому что не рѣшенъ еще одинъ важный пунктъ: кто будетъ суфлеромъ?

— Мамаса! — говоритъ старшій сынокъ Дарьи Михайловны: я хочу бы суфьёемъ.

— Нѣтъ, душечка, ты будешь казачкомъ.

— Я узъ бый казачкомъ, я хочу быть суфьёемъ!

— Ну, полно, душечка, ты будешь шоколадъ подавать!

— Я, господа, предлагаю выбрать суфлера изъ учениковъ гимназіи: имъ часто приходится суфлировать другъ другу!

— Великолѣпная мысль! вы золотой человѣкъ, Алоизій Целестинычъ!

— L'incident est vidé!—восклицаетъ Разбитной.

Всѣ уходятъ, и Семіоновичъ, заранѣе предвкушая доставшуюся ему роль и искрививши судорожно ротъ, декла-

Digitized by Google

мируетъ на лѣстницѣ: «и къ горю моего званія, я долженъ сказать, что я и обижаться не вправѣ, пока у насъ будутъ взяточники». Въ швейцарской онъ уже полонъ негодованія: «надо крикнуть на всю Россію,—провозглашаетъ онъ:— что пришла пора, и она дѣйствительно пришла, — искоренить зло съ корнями», и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ рукою жестъ, какъ будто дѣйствительно копается ею въ землѣ.

По всему видно, что Семіоновичу пришлась очень кстати роль Надимова. Онъ человѣкъ молодой и горячій, и потому надѣется помѣстить въ этой роли, какъ въ ломбардѣ, весь внутренній жаръ, безпредметно накипѣвшій въ его груди.

Что касается до Разбитного, то онъ хотя тоже не совсѣмъ равнодушенъ къ ожидающимъ его впереди сценическимъ тревогамъ, но выражаетъ свои чувства нѣсколько иначе, а именно: на каждой площадкѣ лѣстницы производитъ по одному въ высшей степени козлообразному антраша и отправляется откушать рюмку водки къ доброй знакомой своей, Вѣрѣ Готлибовнѣ Пройминой.

III.

Наступилъ, наконецъ, и день первой репетиціи. Въ провинціи благородные спектакли всегда составляютъ эпоху и на долгое время оставляютъ за собой отрадныя воспоминанія. Особливо любятъ ихъ дамы, для которыхъ эпоха спектакля какъ-то фаталистически совпадаетъ съ порою возрожденія и любви. Статистическія изслѣдованія съ послѣднею очевидностью доказываютъ, что потребность въ благородныхъ спектакляхъ обнаруживается преимущественно послѣ десятаго декабря, то-есть въ то время, когда солнце, какъ извѣстно, поворачивается на лѣто. Хотя на дворѣ и гвоздятъ еще крещенскіе морозы, но въ теплыхъ гостиныхъ уже чувствуются запахи весны; появляются цвѣточки на окнахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ расцвѣтать и сердца. И вотъ, мало-по-малу, въ четырехъ закопченыхъ стѣнахъ провинціальнаго театра полагается первоначальная

Digitized by Google

закваска той интимной, крохотной драмы, которая потомъ исчерпываетъ собою весь провинціальный карнавалъ. Сценическое искусство служитъ здѣсь только предлогомъ или, лучше сказать, кулисами, за которыми развиваются домашнія интриги, устраиваются свиданія, разыгрываются сцены ревности и т. д. Съ одной стороны, мечутся въ глаза лица совершенно счастливыя и довольныя; съ другой, печально выступаютъ впередъ ипохондрики, снѣдаемые завистью и злобой при взглядѣ на чужое счастье; съ одной стороны, слышится тотъ мягкій, какъ будто дѣтскій смѣхъ, который самое счастье озаряетъ еще новымъ и болѣе яркимъ свѣтомъ, и рядомъ съ нимъ раздаются болѣзненные вздохи, сосредоточенно вылетающіе изъ груди какого-нибудь отвергнутаго трезора. Здѣсь же, какъ будто бы для того, чтобъ лучше оттѣнить картину, явится передъ вами какой-нибудь Шомполовъ, который смотритъ на предстоящій спекталь какъ на подвигъ всей своей жизни, и добродушная физіономія режиссера, который обыкновенно избирается изъ такъ-называемыхъ «мышиныхъ жеребчиковъ», обладающихъ любовнымъ жаромъ въ самой умѣренной степени, и потому способныхъ сохранять постоянный нейтралитетъ. Иногда картина разнообразится наѣздомъ слишкомъ ревнивыхъ мужей, желающихъ собственными глазами удостовѣриться, въ какомъ положеніи находится супружеская вѣрность; но и это какъ-то не огорчаетъ, а, напротивъ того, умиляетъ, потому что если ужъ признавать силу солнечнаго поворота на лѣто, то это признаніе должно быть равносильно и для мужей, и для женъ. Впрочемъ, наѣзды подобнаго рода весьма рѣдки, потому что провинціальные мужья — народъ вообще добродушный и, при объявленіи имъ о нарядѣ ихъ женъ для предстоящаго спектакля, высказываютъ досаду свою отрывисто и невинно головой. «Ну, пошла пильня въ ходъ! — говорятъ они.— Семь безъ козырей! Порфирій Петровичъ—вы что?»

Часы бьютъ семь, и Шомполовъ достаточно ужъ увлажилъ свои внутренности изъ графинчика, содержащаго въ

Digitized by Google

себѣ настойку, извѣстную подъ именемъ ерофеича. Онъ ходитъ по сценѣ и груститъ, что̀ случается съ нимъ всегда, когда Ерошка-маляръ намалюетъ баканомъ на липѣ его итальянскій пейзажъ съ надписью: «изверженіе Везувія». Отъ нечего-дѣлать, онъ обращается къ сторожу.

— Меня, братъ Михеичъ, здѣсь понимать не могутъ!— говоритъ онъ уныло. —Здѣсь и люди-то, братъ, не люди, а такъ, какія-то сирены, только навыворотъ: хвостъ человѣчій, а станъ рыбій... Ну, скажи ты самъ: какой же я комикъ: и сложеніе, и голосъ—все во мнѣ трагическое!.. Тутъ пахнетъ убійствомъ, братъ, злодѣяніями—вотъ что̀!

Михеичъ слушаетъ и искоса посматриваетъ на водку.

— Что, видно, водочки захотѣлось? Ну, выпьемъ, братъ, выпьемъ... я добрый!.. Намеднись вотъ заставили меня Падчерицына играть... теперь Дробинкина! А Надимова небось не дали, а дали его Семіоновичу—онъ, дескать, товарищъ предсѣдателя! Гдѣ жъ тутъ справедливость, Михеичъ? ну, какой я Падчерицынъ?

— Мое, сударь, дѣло занавѣсъ опустить, или вотъ садъ на мѣсто поставить,—отвѣчаетъ Михеичъ.

— Что жъ это, наконецъ, будетъ! вѣдь я, наконецъ, къ публикѣ прибѣгну!.. я актеръ, я настоящій актеръ!.. Такъ вотъ нѣтъ же, Михеичъ! не могу, братъ, я къ публикѣ прибѣгнуть, руки у меня связаны: жена, братъ, шестеро дѣтей! Откажись я играть, такъ завтра и отъ должности, пожалуй, отрѣшатъ... Вотъ что̀ горько-то!

Входятъ Загржембовичъ и Разбитной. Послѣдній въ весьма пріятномъ расположеніи духа скачетъ вдругъ обѣими ногами на лѣстницу и мурлыкаетъ куплетцы изъ роли Прындика.

— Алоизій Целестинычъ! — обращается Шомполовъ къ Загржембовичу: — вы справедливый человѣкъ! За что они меня обидѣли? За что мнѣ Размазню дали, а Надимова отдали Семіоновичу?

— Вы пьяны, Шомполовъ,—замѣчаетъ Разбитной, живописно раскидываясь на диванѣ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, я не пьянъ, Леонидъ Сергѣичъ! Я выпилъ, потому что обиженъ, а я не пьянъ! Нѣтъ, я далеко не пьянъ... Я хочу сказать, что я актеръ, настоящій актеръ, а не затычка!

— Ха-ха! «затычка»! Нѣтъ, это безподобно: mais vous êtes impayable, mon cher Chompoloff!

— Кто меня затычкой зоветъ?—кричитъ Шомполовъ, уже забывъ, что онъ самъ наградилъ себя этимъ прозвищемъ.— Кто надо мной смѣяться смѣетъ?

— Ха-ха! impayable! impayable!

— Кто меня затычкой зоветъ? — продолжаетъ Шомполовъ.—Не хочу я играть Размазню... Я Гамлетъ, я Чацкій, я Надимовъ, а не Размазня!

Пріѣздъ Дарьи Михайловны и Аглаиды Алексѣевны Размановской полагаетъ конецъ спору.

— Ah, vous voilà, messieurs! — говоритъ Дарья Михайловна и вмѣстѣ съ тѣмъ ищетъ чего-то глазами.

— Мсьё Линкина еще нѣтъ!—въ упоръ отвѣчаетъ Разбитной, и отвѣчаетъ съ ехидствомъ, потому что между нимъ и Линкинымъ есть яблоко раздора, и это яблоко — сама Дарья Михайловна.

Разбитной вообще считается «l'enfant chéri des dames», и потому очень оскорбляется, если кто-нибудь осмѣливается предпочитать ему другого.

— Мсьё Разбитной! вы должны сегодняшній вечеръ занимать меня—это такъ слѣдуетъ по пьесѣ!—говоритъ Аглаида Алексѣевна, садясь возлѣ Разбитного.

— Вотъ Шомполовъ говоритъ, что ему водки не даютъ!— начинаетъ «занимать» Разбитной.

— Фи, мсьё Шомполовъ, вы опять съ вашею противною водкой! Какъ это вы ее пьете!

— Помилуйте, Леонидъ Сергѣичъ, когда же я жаловался?

— Все равно; по вашему лицу видно, что вы грустите.

— А знаете что̀, мсьё Разбитной,—прерываетъ Аглаида Алексѣевна: я одинъ разъ—разумѣется, украдкой отъ ma-

Digitized by Google

man — попробовала выпить этой гадкой водки... и если бы вы знали, что̀ со мной было!.. Вы, впрочемъ, не проболтайтесь... это секретъ!

Входятъ: Катерина Осиповна Неміолковская (она же и Грекъ съ ружьемъ), сопровождаемая Линкинымъ.

— Вы всегда опаздываете, мсьё Линкинъ, — сухо замѣчаетъ Дарья Михайловна.

Но Линкинъ въ ту же минуту пристраивается къ Дарьѣ Михайловнѣ, и лицо ея проясняется.

— Начинать, господа, начинать! — кричитъ Загржембовичъ, хлопая въ ладоши.

— Господа! у насъ въ палатѣ сегодня вечернее засѣданіе было! извините, что опоздалъ! — кричитъ Семіоновичъ, влетая сломя голову.

Пріѣзжаетъ и Анфиса Петровна Луковицына съ дочерью своей, по мужѣ Симіасъ, дамой, обладающей лицомъ аквамариноваго цвѣта. Прибытіе ихъ проходитъ, однакожъ, незамѣченнымъ.

На сцену выступаетъ Аглаида Алексѣевна и ужасно махаетъ руками, желая показать этимъ, что она обрываетъ звонки.

Разбитной, пользуясь этимъ случаемъ, въ одно мгновеніе ока направляется въ тотъ темный уголокъ, въ которомъ расположилась Дарья Михайловна съ Линкинымъ.

— Сердце женщины—это цѣлая бездна! Вы странный человѣкъ, Линкинъ: вы хотите постигнуть то, что̀ само себя иногда постигнуть не въ состояніи!—томно говоритъ Дарья Михайловна.

Линкинъ слушаетъ молча; онъ знаетъ, что Дарья Михайловна любитъ не только поговорить, но даже насладиться звуками своего собственнаго голоса, и потому не смѣетъ прерывать очаровательницу.

— Читали ли вы Гётевы «Wahlverwandtschaften»?—продолжаетъ Дарья Михайловна.

— Читалъ-съ.

Digitized by Google

— Помните ли вы ту минуту, когда Шарлоттѣ дѣлается вдругъ такъ совѣстно?.. Ну, я ручаюсь, что вы не поняли этого!

— Я, признаюсь, не замѣтилъ этого мѣста.

— И не удивительно, что вы не замѣтили. Такую тонкую, почти неуловимую черту можетъ понять только женщина... Сегодня, кажется, вечеръ у Балтазаровыхъ?—продолжаетъ Дарья Михайловна, замѣтивъ приближеніе Разбитного.

— Кажется,—отвѣчаетъ Линкинъ.

— Вы съ ними знакомы?

— Нѣтъ.

Разбитной, хотя и достигъ своей цѣли, прервавъ интимный разговоръ, но чувствуетъ себя самого внезапно поглупѣвшимъ и не находитъ въ головѣ ни одного путнаго слова. Онъ топчется на одномъ мѣстѣ, то краснѣетъ, то блѣднѣетъ, нѣсколько разъ сряду разѣваетъ ротъ, чтобъ сказать что-нибудь острое, и не можетъ.

— Вамъ, кажется, начинать скоро, Дарья Михайловна,— говоритъ онъ, наконецъ, не безъ усилій.

Въ эту минуту на сценѣ раздается потрясающій вопль. Оказывается, что Шомполовъ ущипнулъ очень больно мадамъ Симіасъ.

— Господа! къ сожалѣнію, репетиція не можетъ продолжаться!—возглашаетъ Загржембовичъ:—мсьё Шомполовъ не совсѣмъ здоровъ.

— Кто нездоровъ? Какъ нездоровъ?—вступается Шомполовъ.—Она меня оскорбила! она сказала мнѣ, что я пьянъ!

— Господа! репетиція кончилась!

IV.

Между тѣмъ статскій совѣтникъ Голынцевъ уже приближался къ Крутогорску. Ѣхалъ онъ довольно медленно, потому что на всякой станціи собиралъ подъ рукою, отъ станціонныхъ писарей и ямщиковъ, свѣдѣнія о генералѣ Голу-

Digitized by Google

бовицкомъ. Свѣдѣнія оказывались, впрочемъ, весьма удовлетворительныя.

— Извѣстно, генералъ-съ! — отвѣчали писаря въ одно слово, будто сговорившись.—На то они и начальники, чтобъ взыскивать!

«Гм!.. стало-быть, строгъ и распорядителенъ — это хорошо!»—подумалъ Голынцевъ.

— Шибко ужъ оченно ѣздятъ,—отвѣчали, въ свою очередь, ямщики.

«Гм!.. стало-быть, дѣятеленъ—это похвально!»—зарубилъ себѣ на носъ Голынцевъ.

Наконецъ, декабря 20 числа 18** года, въ восемь часовъ пополудни, возокъ Максима Ѳедорыча въѣхалъ въ Крутогорскъ. На заставѣ встрѣтилъ его полиціймейстеръ.

— Ва... вашему пре-е-восходительству...

— Вы, должно-быть, озябли?—прервалъ Максимъ Ѳедорычъ, видя, что полиціймейстеръ, вмѣсто того, чтобъ рапортовать, только щелкаетъ зубами. — Вы можете простудиться, мой любезный!

Возокъ помчался на отводную квартиру, а полиціймейстеръ съ своей стороны поспѣшилъ доложить генералу, что Максимъ Ѳедорычъ не человѣкъ, а ангелъ.

Максимъ Ѳедорычъ, пріѣхавъ на квартиру, спросилъ самоваръ и позвалъ къ себѣ хозяина, потому что и тутъ, несмотря на утомленіе, первою его мыслью было не спать лечь, а, напротивъ того, узнать что-нибудь подъ руковъ. Вообще, онъ понималъ свою обязанность весьма серьезно и зналъ, что осторожность въ полицейскомъ чиновникѣ есть мать всѣхъ добродѣтелей. Хозяинъ явился въ кругломъ фракѣ и оказался весьма милымъ негоціантомъ, чему Голынцевъ очень пріятно изумился и выразилъ при этомъ надежду, что и въ прочихъ городахъ Россіи современемъ купцы послѣдуютъ примѣру этихъ aimables Kroutogoriens.

— Ну, скажите, что̀ вашъ добрый генералъ? — началъ испытывать Максимъ Ѳедорычъ стороною.

Digitized by Google

— Слава Богу-съ, ваше превосходительство!

«Ваше превосходительство» подѣйствовало на Максима Ѳедорыча успокоительно.

«Mais ils sont tres bien élevés ici!» — подумалъ онъ и вслухъ прибавилъ:—Да, да! онъ у васъ такой дѣятельный!

— Попеченіе большое имѣютъ, ваше превосходительство!

— Ну, и генеральша тоже, она вѣдь милая?

— Дарья Михайловна-съ?.. Смѣю доложить вашему превосходительству, что такихъ дамъ по нашему мѣсту-съ... наше мѣсто, сами изволите знать какое, ваше превосходительство!

— Гм!.. это хорошо! Ну, и веселятся у васъ: бываютъ собранія, театры, балы?

— Какъ же-съ, ваше превосходительство, благороднымъ манеромъ тоже собираются-съ... въ карты поиграть-съ, или въ клубѣ-съ... все больше Дарья Михайловна попеченіе имѣютъ...

— Это хорошо! Я такъ скажу, что это одинъ изъ главныхъ рычаговъ администраціи, чтобъ всѣмъ было весело! Если всѣмъ весело, значитъ всѣ довольны — это ясно, какъ дважды-два! Къ сожалѣнію, не всѣ администраторы обращаютъ на этотъ предметъ должное вниманіе!

— Ужъ что же хорошаго будетъ, ваше превосходительство, какъ всѣ, насупившись, по угламъ сидѣть будутъ.

— Ну, да, ну, да, очень радъ, очень радъ познакомиться съ такимъ милымъ и образованнымъ негоціантомъ.

Максимъ Ѳедорычъ замѣтилъ, однако, что ужъ довольно поздно, и потому рѣшился отдохнуть. Но прежде чѣмъ отойти ко сну — до такой степени серьезенъ былъ его взглядъ на служебныя обязанности — онъ вынулъ свою записную книжку, въ которой уже были начертаны слова: «строгъ, но справедливъ», «дѣятеленъ, распорядителенъ», и собственноручно сдѣлалъ въ ней слѣдующую отмѣтку: «общежителенъ и заботится о соединеніи общества, въ чемъ

Digitized by Google

не мало ему помогаетъ любезная его супруга, о которой существуютъ въ губерніи самые лестные отзывы».

V.

На другой день у генерала Голубовицкаго былъ обѣдъ. За обѣдомъ присутствовали: Змѣищевъ, Фурначевъ, Порфирьевъ, Крестовоздвиженскій и прочіе сильные міра; кушали также и нѣкоторые молодые люди, но исключительно изъ числа тѣхъ, отъ которыхъ ничѣмъ не пахнетъ, а именно: Разбитной, Семіоновичъ и Загржембовичъ. Изъ дамъ присутствовала одна хозяйка дома.

Еще наканунѣ Степанъ Степанычъ призвалъ къ себѣ повара и имѣлъ съ нимъ серьезное объясненіе.

— Завтра у меня гость обѣдать будетъ, ты пойми это!— сказалъ онъ повару.

— Это понять можно, ваше превосходительство; не въ первый разъ столы готовимъ!

— Ну, что̀ же ты сдѣлаешь?

— Горячее супъ съ кнелью изготовить можно.

— Господи! просто, братецъ, воображенія у тебя никакого нѣтъ!..

— А то можно и уху сварить.

— Супъ съ кнелью да уха, только и словъ! Ну, чортъ съ тобой, дѣлай что̀ хочешь!

Тѣмъ и кончилось совѣщаніе, но обѣдъ все-таки вышелъ хорошій. Подавали супъ съ кнелью (поваръ поставилъ-таки на своемъ), на холодное котлеты и ветчину съ горошкомъ, на соусъ фрикасе изъ мозговъ и мелкой дичи, въ которую воткнуты были оловянныя стрѣлы, потомъ пуншъ глясé, на жаркое индѣйку и въ заключеніе малиновое желе, въ видѣ развалинъ Колизея, внутри которыхъ горѣла стеариновая свѣчка, производя весьма пріятный эффектъ для глазъ.

Максимъ Ѳедорычъ, какъ дамскій поклонникъ, садится

Digitized by Google

поближе къ Дарьѣ Михайловнѣ и между ними завязывается очень живой разговоръ.

— И вы не скучаете? — спрашиваетъ Максимъ Ѳедорычъ.

— Иногда... а впрочемъ, нѣтъ! Я такъ всегда занята, что некогда и подумать о скукѣ!

— Ахъ, да, я и забылъ, что у васъ есть дѣти... chers petits anges! ils sont bien heureux d'avoir une mère comme vous, madame!

— Mais... oui! je les aime...

Дарья Михайловна треплетъ старшаго сына по щечкѣ.

— Ей, Максимъ Ѳедорычъ, скучать некогда: она даже и теперь устраиваетъ благородный спектакль, — отзывается съ другого конца генералъ, внимательно слѣдящій за всѣми движеніями Голынцева.

— Vraiment? mais savez-vous, мнѣ ужасно покровительствуетъ счастіе... я безъ ума отъ спектаклей, особенно отъ благородныхъ... и я васъ заранѣе предупреждаю, что вы найдете во мнѣ самаго строгаго критика.

— Мы таки частенько здѣсь веселимся, — снова вступается генералъ.

— Это хорошо! Удовольствія, а особливо невинныя... это, я вамъ скажу, даже полезно: это нравы очищаетъ, не даетъ, знаете, имъ зачерствѣть...

— Это несомнѣнно!

— А позволено ли будетъ узнать, si ce n'est pas une indiscrétion toutefois, какія пьесы будутъ играть?

— «Чиновника», — отвѣчаетъ Дарья Михайловна.

— Ah! c'est sérieux! c'est très sérieux! Только, я вамъ скажу, тутъ надо актеру... par ce que c'est très sérieux!

Дарья Михайловна рекомендуетъ Семіоновича.

— Вы, конечно, поняли эту роль? — спрашиваетъ его Максимъ Ѳедорычъ. — Вы извините меня, что я дѣлаю такой вопросъ: дѣло въ томъ, что это вѣдь очень серьезно!

Семіоновичъ вертитъ головою въ знакъ согласія.

Digitized by Google

— Я видѣлъ въ этой роли первоклассныхъ нашихъ актеровъ, и признаюсь, не совсѣмъ удовлетворенъ ими. Нѣтъ, знаете, этого жару, этого негодованія... ну, и манеры не тѣ... Вы вѣдь вообразите, что Надимовъ старинный дворянинъ, que c'est un homme de bonne famille, и вдругъ этотъ человѣкъ рѣшился не только принести себя въ жертву отечеству, но и разорвать всякую связь съ «стариннымъ русскимъ развратомъ»... Mais il est presque révolutionnaire, cet homme!

— Я именно такъ и понялъ это, ваше превосходительство! — отвѣчаетъ Семіоновичъ.

— Да, тутъ надо много, очень много жару, чтобъ передать эту роль... О княгинѣ я не спрашиваю: эта роль по всѣмъ правамъ должна принадлежать вамъ, — обращается Голынцевъ къ Дарьѣ Михайловнѣ.

— А еще будутъ играть комедію, гдѣ Аглинька звонки рветъ! — перебиваетъ старшій сынъ Голубовицкихъ.

— А я буду сакалядъ подавать, — продолжаетъ младшій сынъ.

— «Сакалядъ», душечка? Oh, le charmant enfant!.. Я понимаю, что вы не должны, не можете скучать, Дарья Михайловна!

Дарья Михайловна треплетъ по щечкѣ и младшаго сына.

— Мамаша, Сеничка хочетъ въ Аглинькинъ шоколадъ песку насыпать, — докладываетъ старшій сынъ.

— Фи, душечка!

— Oh, le charmant enfant... quel âge a-t-il, madame?

— Sept ans.

— Mais savez-vous, madame, qu'il est très développé pour son âge? Тебѣ, душечка, куда хочется: въ военную или штатскую?

— Я хочу въ кьясномъ мундирѣ ходить!

Всѣ смѣются и съ нѣжностью смотрятъ на маленькаго пичугу, который уже желаетъ краснаго мундира.

— Нынѣшнее молодое поколѣніе удивительно какъ

Digitized by Google

быстро развивается! — замѣчаетъ Голынцевъ. — Я увѣренъ, что Надимову всего какихъ-нибудь шестнадцать лѣтъ, въ то время, когда онъ вступаетъ на сцену... Notez bien cela, — прибавляетъ Голынцевъ, обращаясь къ Семіоновичу.

— Извините меня, ваше превосходительство, — возражаетъ Семіоновичъ: — но Надимовъ передъ этимъ путешествовалъ, былъ на Нилѣ...

— Это такъ, но развѣ онъ не могъ путешествовать съ своими родителями или съ гувернеромъ?

— Путешествовать — такъ, но быть на Нилѣ — согласитесь сами, что это довольно трудно!

— Можетъ-быть, можетъ-быть... Au fond, vous êtes peut-être, dans le vrai... но, все-таки, вопросъ заключается въ томъ, что молодые люди нынче чрезвычайно какъ быстро развиваются... qu'en pensez-vous, madame?

— Mais... je pense que oui...

— Я, впрочемъ, отнюдь не противъ этого... Конечно, опытность, l'expérience n'est pas à dédaigner, et nous autres, vieux galopins, nous en savons quelque chose...

— Опытность великая вещь, ваше превосходительство, — замѣчаетъ генералъ, который по временамъ тоже не прочь преждевременно произвести Максима Ѳедорыча въ слѣдующій чинъ.

Порфирій Петровичъ покрякиваетъ въ знакъ сочувствія.

— Я противъ этого не спорю, ваше превосходительство: есть вещи, противъ которыхъ нельзя спорить, потому что онѣ освящены исторіей... Но все-таки жаръ, энергія... все это такія вещи, которыхъ намъ съ вами недостаетъ... mais n'est-ce pas, madame?

Дарья Михайловна очень мило улыбается; присутствующіе также смѣются, и даже довольно шумно, но, тѣмъ не менѣе, благовоспитанно и добродушно, какъ будто хотятъ сказать генералу: «а что, попались, ваше превосходительство!» Генералъ самъ признаетъ себя побѣжденнымъ и

Digitized by Google

ставитъ себя въ уровень съ общимъ веселымъ настроеніемъ общества.

— Зачѣмъ же вы, однакожъ, себя включаете въ число стариковъ? — очень любезно замѣчаетъ Дарья Михайловна Голынцеву.

— Vous êtes bien aimable, madame, — отвѣчаетъ Максимъ Ѳедорычъ:—но—увы!—я долженъ сознаться, что время мое прошло!

— Должно-быть, тоже изволили развиваться быстро? — шутливо замѣчаетъ генералъ.

— А что̀ вы думаете? Вѣдь это правда! Въ бывалые годы я тоже недурно проводилъ время... mais que voulez-vous! la jeunesse — c'est comme les vagues de l'océan: cela s'en va et ne se retourne plus!

Въ это время желе съ стеариновою свѣчкой отвлекаетъ общее вниманіе. Максимъ Ѳедорычъ съ любопытствомъ слѣдитъ за блюдомъ, пока обносятъ имъ всѣхъ гостей, и въ заключеніе находитъ que c'est joli. Встаютъ изъ-за стола и отправляются въ гостиную, гдѣ опять возобновляется живой и интересный разговоръ.

— Я никакъ не ожидалъ, чтобъ въ такомъ отдаленномъ городкѣ можно было такъ пріятно проводить время... Vraiment! — замѣчаетъ Максимъ Ѳедорычъ.

— Если бы вашему превосходительству угодно было удостоить меня посѣщеніемъ сегодня вечеромъ на чашку чаю... — говоритъ Порфирій Петровичъ, подходя къ Голынцеву и переминаясь съ ноги на ногу.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ... Вы меня извините, что я не былъ у васъ съ визитомъ...

— Помилуйте, ваше превосходительство!..

И Порфирій Петровичъ, сдѣлавъ полуоборотъ на одномъ каблучкѣ, кашлянувъ и нѣсколько покраснѣвъ, удаляется.

— Et demain, nous allons en piquenique; j'espère, que vous en serez?—спрашиваетъ Дарья Михайловна.

Digitized by Google

— Madame, vous pouvez disposer de mon temps et de ma personne selon votre bon vouloir...

— Въ такомъ случаѣ, я сама за вами заѣду, — любезно продолжаетъ генеральша.

— Ah, madame! vous êtes d'une bonté!

Наконецъ, всѣ начинаютъ чувствовать нѣкоторое обремененіе желудка и мало-по-малу раскланиваются съ хозяевами. Голынцевъ замѣчаетъ это и также спѣшитъ отретироваться.

Всѣ очень довольны.

— Ахъ, какой пріятный человѣкъ! — говоритъ Порфирій Петровичъ, обращаясь къ Крестовоздвиженскому.

— Просто именно добрѣйшій человѣкъ, — отвѣчаетъ Крестовоздвиженскій и внезапно начинаетъ размахивать руками, какъ человѣкъ, который не въ состояніи овладѣть своими чувствами.

Семіоновичъ уходитъ, обдумывая замѣчанія Голынцева по поводу роли Надимова, и рѣшается припустить еще болѣе жару въ выраженіи того спасительнаго негодованія, которымъ проникнута эта роль. Леонидъ Сергѣичъ Разбитной выражаетъ свое удовольствіе тѣмъ, что скачетъ съ одной ступеньки на другую обѣими ногами вдругъ, и на одной ступенькѣ говоритъ: «pique», а на другой: «nique».

VI.

На другой день, часу въ третьемъ пополудни, огромный поѣздъ останавливается передъ домомъ, въ которомъ имѣетъ резиденцію Максимъ Ѳедорычъ. Впереди всего поѣзда ѣдетъ полиціймейстеръ на лихой тройкѣ, подобранной волосъ въ волосъ изъ числа пожарныхъ лошадей. За полиціймейстеромъ слѣдуютъ четвероместныя сани, въ которыхъ обрѣтаются генералъ и генеральша Голубовицкіе и двое дѣтей. Тутъ же садится и Максимъ Ѳедорычъ.

Поѣздъ трогается; ямщикамъ приказано быть веселыми, вслѣдствіе чего они поютъ пѣсни и помахиваютъ кнутами.

Digitized by Google

Максимъ Ѳедорычъ замѣчаетъ, что такого рода загородныя поѣздки, кромѣ того, что представляютъ много удовольствія, весьма полезны для здоровья.

— Et regardez, comme c'est joli! — обращается онъ къ Дарьѣ Михайловнѣ, указывая на длинную вереницу саней, растянувшуюся на полверсты. — Какъ это напоминаетъ запоздалыхъ путниковъ, которые спѣшатъ на ночлегъ!

И дѣйствительно, картина очень милая, потому что день ясный, и лучи солнца, упадая на бѣлую снѣговую равнину, обливаютъ ее сверкающимъ, почти нестерпимымъ блескомъ; сани быстро скользятъ по едва пробитой дорогѣ, а пристяжныя лошади, взрывая копытами снѣгъ, одѣваютъ экипажи серебристымъ облакомъ пыли, что̀ также очень недурно.

— У насъ удивительно-здоровый климатъ, — говоритъ генералъ:—повѣрите ли, ваше превосходительство, странно сказать, а даже въ простомъ народѣ никогда никакихъ болѣзней не происходитъ!

— Да? Стало-быть, состояніе народнаго здоровья можно назвать удовлетворительнымъ?

— Больше чѣмъ удовлетворительнымъ!

— Ну, а народная нравственность?

— Насчетъ народной нравственности тоже могу сказать, что довольно удовлетворительна... Конечно, бываютъ тамъ между ними... Ну, да это домашними средствами!

— Гм!.. это хорошо, это очень утѣшительно, что народная нравственность въ удовлетворительномъ состояніи... Потому что народъ, ваше превосходительство... это его, можно сказать, единственная забота, чтобъ быть нравственнымъ... Если ужъ и въ народѣ нѣтъ нравственности, что̀ же такое будетъ?

— Это справедливо, ваше превосходительство... въ этомъ отношеніи, я могу сказать... я очень счастливъ... Народъ здѣсь очень нравственъ! Одно только обстоятельство меня огорчаетъ: ябедниковъ здѣсь очень много.

Digitized by Google

— Д-да?

— Точно такъ-съ. Я, конечно, не сталъ бы жаловаться вамъ на это, если бы не имѣлъ удовольствія такъ близко познакомиться съ вами и не убѣдился вполнѣ, что вы не заподозрите меня... Но теперь могу сказать прямо: да, ябедничество слишкомъ укоренилось здѣсь!

— Скажите пожалуйста!.. Но чѣмъ же вы объясните такое явленіе? Вѣроятно, оно откуда-нибудь занесено сюда, потому что не можетъ же быть, чтобъ здѣсь были какія-нибудь причины жаловаться... Вездѣ, гдѣ я былъ, передо мной проходили все лица совершенно довольныя.

— Изъ Новгорода, Максимъ Ѳедорычъ, изъ Новгорода... Повѣрьте, что это все старая новгородская кляуза дѣйствуетъ!..

— Гм!.. стало-быть, здѣшній народъ стоитъ на довольно высокой степени развитія? — замѣчаетъ Голынцевъ, вспомнивъ о Мареѣ Посадницѣ.

— О, да! съ этой стороны я могу почесть себя совершенно счастливымъ! Я могу сказать, что имѣю дѣло съ людьми развитыми, и если бы не ябедничество...

— Однакожъ, надо бы принять мѣры противъ распространенія этого зла, ваше превосходительство... Я, съ своей стороны, готовъ содѣйствовать!

— Я, съ своей стороны, полагаю, ваше превосходительство, что для уничтоженія этого зла необходимо между народомъ распространить «истинное просвѣщеніе»...

— То-есть, какъ это истинное просвѣщеніе... грамотность, хотите вы сказать?

— О, нѣтъ, упаси Боже! Грамотность-то именно и распространяетъ у насъ ябедниковъ...

— Гм!.. да! я понимаю васъ! Вы хотите сказать, что если бы не было грамотныхъ, то некому было бы просьбы писать? Такъ, кажется?

— Точно такъ, ваше превосходительство!

— А что вы думаете: вѣдь въ этомъ много правды! Не-

Digitized by Google

сомнѣнно, что, тогда административная машина упростилась бы чрезвычайно... Ну, и сокращеніе переписки... Однако, мнѣ весьма бы любопытно было знать, что вы разумѣете подъ «истиннымъ просвѣщеніемъ»?

Генералъ задумывается; онъ хочетъ выразиться какъ-нибудь аллегорически, упомянуть про невинность души, про довѣрчивость, про веселое и безгорестное выраженіе физіономіи и другіе несомнѣнные признаки «истиннаго просвѣщенія», но такъ какъ въ ораторскомъ искусствѣ онъ никогда не имѣлъ случая упражняться (потому что и вообще въ Россіи искусство это находится въ младенчествѣ), то весьма естественно, что мысли его путаются, и въ головѣ его поднимается такой сумбуръ, для приведенія котораго въ порядокъ необходимо было бы учредить цѣлое временное отдѣленіе съ тремя столами, изъ коихъ одинъ завѣдывалъ бы невинностью души, другой—довѣрчивостью и т. д. Дарья Михайловна замѣчаетъ это и спѣшитъ выручить супруга своего изъ бѣды.

— Ah, messieurs, vous aurez encore tout le temps de causer affaire!—замѣчаетъ она, очаровательно улыбаясь.

— Это правда. Мы, ваше превосходительство, были очень неучтивы передъ Дарьей Михайловной!—говоритъ Максимъ Ѳедорычъ, и потомъ снова прибавляетъ, указывая на поѣздъ:—Mais regardez, comme c'est joli!

Однако, виднѣется уже и цѣль поѣздки: одноэтажный сѣренькій домикъ, въ которомъ устроено все нужное для принятія гостей. Неподалеку отъ дома генеральскую тройку обгоняютъ сани, въ которыхъ сидятъ Загржембовичъ, Семіоновичъ и Разбитной, т. е. сокъ крутогорской молодежи. Разбитной возсѣдаетъ на облучкѣ, и въ то время какъ тройка равняется съ санями Дарьи Михайловны, онъ старается держать себя какъ можно лише и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается смотрѣть по сторонамъ и разговариваетъ съ своими спутниками, чтобъ показать, что онъ лихой и все ему нипочемъ.

Digitized by Google

Въ небольшой залѣ уже накрытъ столъ и батальонная музыка играетъ весьма усердно. Хотя это дѣло обыкновенное и всѣмъ давно извѣстно, что батальонъ, вмѣстѣ съ кузницей и швальной, непремѣнно обладаетъ и полнымъ бальнымъ оркестромъ музыки, но Максимъ Ѳедорычъ считаетъ долгомъ пріятно изумиться.

— Да у васъ тутъ цѣлый оркестръ!—говоритъ онъ Дарьѣ Михайловнѣ.—Mais... c'est très joli!

За обѣдомъ начинается тотъ же милый, летучій разговоръ, котораго образчики приведены въ предыдущей главѣ, съ тою разницею, что теперь онъ непринужденнѣе и вслѣдствіе этого еще милѣе. Дарья Михайловна ни на шагъ не отпускаетъ отъ себя дорогого гостя. За общимъ шумомъ и говоромъ между ними заводится интимная бесѣда, въ которой Дарья Михайловна открываетъ Максиму Ѳедорычу всѣ тайныя сокровища своего ума и сердца. Бесѣда, разумѣется, ведется на томъ миломъ французскомъ діалектѣ, о которомъ наши провинціальныя барыни такъ справедливо выражаются: «этотъ душка французскій языкъ».

— Если кто хочетъ найти доступъ къ сердцу женщины, тотъ долженъ постучаться въ двери ея воображенія, — утверждаетъ Максимъ Ѳедорычъ.

— Вы думаете?

— Я совершенно въ этомъ увѣренъ... Кто произноситъ при мнѣ слово «воображеніе», тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ произноситъ и слово «женщина», и наоборотъ...

— А я думаю, что на бѣдныхъ женщинъ клевещутъ, говоря, что у нихъ воображеніе развито насчетъ сердца... Возьмите, напримѣръ, чувство матери!

— О, чувство матери — это такъ! C'est sublime, il n'y a rien à dire! Но я не о немъ и говорю... Мы возьмемъ женщину, свободную отъ всякихъ такого рода отношеній, женщину, созданную, такъ сказать, для того, чтобъ только любить... madame Beauséant *), напримѣръ?

*) Героиня романовъ Бальзака.

Digitized by Google

— Но я вамъ могу указать противъ этого на Марту, на Лукрецію Флоріани *)...

— И все-таки я утверждаю, что всѣ эти героини именно потому и оказались слабы сердцемъ, что въ нихъ слишкомъ развито было воображеніе.

Дарья Михайловна задумывается.

— Нѣтъ, вы не знаете женщинъ! — говоритъ она положительно.

— Oh, mais je vous demande pardon, madame!..

— Нѣтъ, потому что вы отнимаете у женщины ея лучшее сокровище—сердце!.. А впрочемъ, я и забыла, что вы мужчина...

— А все-таки главное въ женщинѣ — это ея воображеніе...

— Вы странный человѣкъ, мсьё Голынцевъ: вы хотите увѣрить меня, что постигнули женщину... то-есть постигли то, что̀ само себя иногда постигнуть не въ состояніи...

— Oh, quant à cela, vous avez parfaitement raison, madame!

— Читали ли вы Гётевы «Wahlverwandtschaften»?

— О, какъ же!

— Помните ли вы тамъ одно мѣсто... ту минуту, когда Шарлотта, отдаваясь своему мужу, вдругъ чувствуетъ... Скажите: сердце ли это, или воображеніе?

Максимъ Ѳедорычъ безмолвствуетъ, потому что, признаться сказать, онъ въ первый разъ слышитъ о Шарлоттѣ, да сверхъ того и вопросъ Дарьи Михайловны слишкомъ ужъ отзывается метафизикой.

— Вы потому ошибаетесь въ женщинѣ, — продолжаетъ Дарья Михайловна томно: — что ищете чувства въ одномъ ея сердцѣ... Но вѣдь оно вездѣ, это чувство, оно во всемъ ея существѣ!

Максимъ Ѳедорычъ рѣшительно побѣжденъ.

— О, если вы берете вопросъ съ этой точки зрѣнія, —

*) Героини романовъ Ж. Санда.

Digitized by Google

говоритъ онъ: — то, конечно, противъ этого я ничего не имѣю сказать.

Такимъ образомъ побѣда остается за Дарьей Михайловной, но, какъ женщина умная, она очень хорошо понимаетъ, что одолжена своимъ торжествомъ не столько самой себѣ, сколько великодушію своего противника.

Послѣ обѣда время проводится очень пріятно; въ залѣ устраиваются танцы, въ сосѣдней комнатѣ раскладываются карточные столы. Слѣдовательно, и юность, увѣнчанная розами, и маститая старость, украшенная благолѣпными сѣдинами, равно находятъ удовлетвореніе своимъ законнымъ потребностямъ.

Максимъ Ѳедорычъ играетъ въ карты легко и чрезвычайно пріятно. Онъ не кряхтитъ, не подмигиваетъ, не говоритъ: «тэкъ-съ», и вообще не выказываетъ никакихъ признаковъ душевнаго волненія. Партію его составляютъ: генералъ Голубовицкій, Порфирій Петровичъ Порфирьевъ и Семенъ Семеновичъ Фурначевъ. Занятіе картами не мѣшаетъ Максиму Ѳедорычу вести вмѣстѣ съ тѣмъ весьма пріятный и оживленный разговоръ; во время сдачи онъ постоянно находитъ какую-нибудь новую тему и развиваетъ ее со свойственнымъ ему увлеченіемъ. Такъ, напримѣръ, онъ находитъ, что Англія сдѣлала въ послѣднее время на промышленномъ поприщѣ гигантскіе успѣхи, а что во Франціи, напротивъ того, l'ère des révolutions n'est pas close...

— Ахъ, какой пріятный человѣкъ!—замѣчаетъ Порфирій Петровичъ, когда Голынцевъ оставляетъ на минуту своихъ партнеровъ, чтобы посмотрѣть на танцующихъ.

— И, кажется, много начитанъ!—прибавляетъ отъ себя Семенъ Семенычъ.

Но вотъ начинается мазурка, и Максимъ Ѳедорычъ, по необходимости, долженъ кончить игру, потому что дамы единодушно сговорились выбирать его для фигуръ. Само собою разумѣется, что Максимъ Ѳедорычъ въ восторгѣ;

Digitized by Google

онъ забываетъ почтенный свой возрастъ и рѣзвится какъ дитя: хлопаетъ въ ладоши во время шэновъ и рондовъ, придумываетъ новыя фигуры и съ необыкновенною граціею ловитъ платки, которые бросаются, впрочемъ, дамами именно въ сторону, гдѣ находится Голынцевъ.

Однимъ словомъ, день проходитъ незамѣтно и весело. Во время сборовъ въ обратный путь, Максимъ Ѳедорычъ очень суетится и хлопочетъ. Онъ лично наблюдаетъ, чтобъ дамы закутывались теплѣе, и до тѣхъ поръ не успокаивается, покуда не убѣждается, что попечительныя его настоянія возымѣли надлежащее дѣйствіе.

VII.

Я не стану говорить объ обѣдахъ и вечеринкахъ, данныхъ по случаю пріѣзда Максима Ѳедорыча сильными міра сего; пройду даже молчаніемъ и великолѣпный балъ, устроенный въ залѣ клуба... Во все время своего пребыванія въ Крутогорскѣ Максимъ Ѳедорычъ былъ положительно разрываемъ на части, и за всѣмъ тѣмъ не только не показывалъ ни малѣйшаго утомленія или упадка душевныхъ силъ, но, напротивъ того, въ каждомъ новомъ празднествѣ какъ бы почерпалъ новыя силы для совершенія дальнѣйшихъ подвиговъ на этомъ блестящемъ поприщѣ.

Перломъ всѣхъ этихъ увеселеній остался все-таки благородный спектакль, на которомъ я и намѣренъ остановить вниманіе читателя. Максимъ Ѳедорычъ самъ неусыпно слѣдилъ за ходомъ репетицій, вразумлялъ актеровъ, понуждалъ лѣнивыхъ, обуздывалъ слишкомъ ретивыхъ и даже убѣдилъ Шомполова въ томъ, что водка и искусство — двѣ вещи разныя, которыя легко могутъ обойтись другъ безъ друга.

Прежде всего шла пьеса: «Въ людяхъ ангелъ» и проч., и всѣ единогласно сознались, что лучшаго исполненія желать было невозможно. Аглаида Алексѣевна Размановская играла рѣшительно comme une actrice consommée! Хотя въ особенности много неподдѣльнаго чувства было выра-

Digitized by Google

жено въ послѣдней сценѣ примиренія, но и на балѣ у Размазни дѣло шло нисколько не хуже, если даже не лучше. Отлично также изобразила госпожа Симіасъ перезрѣлую дѣвицу Небосклонову, а пропѣтый ею куплетъ о Пушкинѣ произвелъ фуроръ. Но Разбитной, по общему сознанію, превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Онъ какъ-то сюсюкалъ, безпрестанно вкладывалъ въ глаза стеклышко и во всемъ поступалъ именно такъ, какъ долженъ былъ поступать настоящій Прындикъ. Одинъ Семіоновичъ былъ неудовлетворителенъ. Онъ никакъ не могъ понять, что Славскій — дипломатъ, который подъ конецъ пьесы даже получаетъ назначеніе въ Константинополь, и велъ себя рѣшительно какъ товарищъ предсѣдателя. Даже Фурначевъ понялъ, что тутъ что-то не такъ, и сообщилъ свое заключеніе Порфирію Петровичу, который, однакожъ, не отвѣчалъ ни да, ни нѣтъ, а выразился только, что «съ насъ и этого будетъ!»

Начались и живыя картины. Максимъ Ѳедорычъ лично осмотрѣлъ Гайдé и нашелъ, что Дарья Михайловна была magnifique. Шомполовъ, бывшій въ это время за кулисами, увѣрялъ даже, будто Максимъ Ѳедорычъ прикоснулся губами къ обнаженному плечу Гайдѐ и при этомъ какъ-то странно всѣмъ тѣломъ дрогнулъ. Впрочемъ, надо сказать правду, и было отъ чего дрогнуть. Когда открылась картина и представилась глазамъ зрителей эта роскошная женщина, съ какой-то страстной нѣгой раскинувшаяся на турецкомъ диванѣ, взятомъ на подержаніе у совѣтника палаты государственныхъ имуществъ, то вся толпа зрителей дико завопила: таково было потрясающее дѣйствіе обнаженнаго плеча Гайдé. Напрасно насупливался мрачный Ламбро, напрасно порывался впередъ миловидный Донъ-Жуанъ — публика не замѣчала ихъ полезныхъ усилій и всѣми чувствами стремилась къ Гайдѐ, къ одной Гайдѐ.

Вторая картина была также прелестна. Нѣсколько пріятныхъ молодыхъ дамъ и дѣвицъ, un essaim de jeunes beau-

Digitized by Google

tés, въ костюмахъ одалискъ, и посреди нихъ Дарья Михайловна, съ гитарой въ рукахъ, произвели эффектъ поразительный.

Третью картину спасла рѣшительно Дарья Михайловна, потому что Семіоновичъ (Іаковъ) не только ей не содѣйствовалъ, но даже совершенно неожиданно свиснулъ, разрушивъ вдругъ все очарованіе.

Грекъ съ ружьемъ прошелъ благополучно.

Но само собой разумѣется, что главный интересъ все-таки сосредоточивался на «Чиновникѣ». Въ публикѣ ходили насчетъ этой пьесы разные несообразные слухи. Многіе увѣряли, что будетъ всенародно представленъ становой приставъ, снимающій съ просителя даже исподнее платье; но другіе утверждали, что будетъ, напротивъ того, представленъ становой приставъ, снимающій рубашку съ самого себя и отдающій ее просителю. Послѣднее мнѣніе имѣло за себя всѣ преимущества со стороны благонамѣренности и правдоподобія, и потому весьма естественно, что въ общемъ направленіи оно оправдалось и на дѣлѣ. Максимъ Ѳедорычъ сильно струсилъ. Онъ видѣлъ, что Семіоновичъ не такъ понялъ свою роль.

— Mais veuillez comprendre, mon cher,—говорилъ онъ:— вѣдь Надимовъ человѣкъ новый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и старый... то-есть, вотъ видите ли... душа у него новая, а тѣло, то-есть оболочка... старая!.. Здѣсь-то, въ этомъ безвыходномъ столкновеніи, и источникъ всей катастрофы... Vous comprenez?

Но Семіоновичъ не понималъ; онъ, напротивъ того, утверждалъ, что у Надимова душа старая, а тѣло новое... и что въ этомъ-то именно и заключается не катастрофа, а поучительная и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоивающая цѣль пьесы: это, молъ, ничего, что ты тамъ языкомъ-то озорничаешь, мысли-то у тебя все-таки тѣ же, что̀ и у насъ грѣшныхъ.

Digitized by Google

Максимъ Ѳедорычъ былъ въ отчаяніи и не скрывалъ даже чувствъ своихъ.

— Все идетъ отлично,—говорилъ онъ въ партерѣ окружавшимъ его губернскимъ аристократамъ:—но Надимовъ... признаюсь вамъ, я опасаюсь, я сильно опасаюсь за Надимова... Какая жалость!

И дѣйствительно, вмѣсто того, чтобъ представить человѣка по наружности холоднаго, насквозь проникнутаго безподобнѣйшимъ comme il faut и только въ глубинѣ души горящаго огнемъ безкорыстія, человѣка, собирающагося высказать свою тоску по безкорыстію на всю Россію, однакожъ, по чувству врожденной ему стыдливости, высказывающаго ее только княгинѣ, Мисхорину, полковнику и Дробинкину, Семіоновичъ выходилъ изъ себя, дралъ свои волосы и въ одномъ мѣстѣ дошелъ до того, что прибилъ себя по щекамъ. Даже крутогорская публика какъ-то странно охнула при такомъ явномъ нарушеніи законовъ естественныхъ и человѣческихъ, а Порфирій Петровичъ весь сгорѣлъ отъ стыда.

Наконецъ, представленіе кончилось. Слово «joli» слышалось во всѣхъ углахъ—только канцелярскіе чиновники, обитатели горнихъ и страшные зоилы, остались не совсѣмъ довольны, да и то потому, что ихъ завѣрили, что будетъ непремѣнно представленъ становой, да и не какой-нибудь другой становой, а именно второго стана Полорѣцкаго уѣзда—Благоволенскій.

На другой день въ губернскихъ вѣдомостяхъ была напечатана въ видѣ письма къ редактору слѣдующая статья:

«Позвольте и мнѣ, скромному обитателю нашего мирнаго города, поговорить о прекрасномъ торжествѣ, котораго мы были свидѣтелями. Извѣстно вамъ, милостивый государь, какое благодѣтельное вліяніе имѣютъ зрѣлища (а въ особенности благородныя) на нравственность народную. Съ одной стороны, примѣромъ наказаннаго порока смягчая преступныя наклонности, зрѣлища, съ другой стороны, не-

Digitized by Google

сомнѣнно возвышаютъ въ человѣчествѣ эстетическое чувство; эстетическое же чувство, въ свою очередь, пройдя сквозь горнило нравственности, возвышаетъ сію послѣднюю, и черезъ то ставитъ ее на ту ступень, гдѣ она дѣлается основою всякаго благоустроеннаго гражданскаго общества. Съ этой точки зрѣнія намѣренъ я обозрѣть критически вчерашнее торжество.

«Первое, что̀ представляется при этомъ моему умственному взору,—это цѣль, которой служили благородные жрецы искусства. Не одна слеза будетъ отерта, не одинъ вздохъ благодарности вознесется, въ видѣ теплой молитвы, за благородныхъ благотворителей... Одинъ французскій ученый сказалъ, что дама, которая покупаетъ шаль, подаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ милостыню бѣдному... Святая и глубокая истина! И наши добрые крутогорцы вполнѣ ее поняли. Но не стану больше распространяться объ этомъ предметѣ; я знаю, что скромность, и даже нѣкоторая стыдливость, есть нераздѣльная принадлежность всякаго благотворительнаго дѣянія, и потому... умолкну.

«Но не могу умолчать о благотворной мысли, присутствовавшей при выборѣ пьесъ. Въ настоящее время, когда умственное око Россіи должно быть обращено, по преимуществу, внутрь ея самой, наши добрые крутогорцы вполнѣ доказали, что они стоятъ въ уровень съ обстоятельствами. Выборъ такой пьесы, какъ «Чиновникъ», положительно доказываетъ это. Мы сами были свидѣтелями потрясающаго дѣйствія этой пьесы, которое, въ соединеніи съ истинно-пластической игрой исполнявшаго роль Надимова члена благороднаго крутогорскаго общества, останется навсегда незабвеннымъ на страницахъ нашей лѣтописи. Да! мы можемъ смѣло давать на нашей сценѣ «Чиновника»! мы можемъ безъ горечи выслушивать страстныя и благонамѣренныя филиппики г. Надимова! Эти укоры, эти филиппики не до насъ относятся! Благодареніе Богу, мы уже поняли свой долгъ относительно любезнаго нашего оте-

Digitized by Google

чества и, положа руку на сердце, можемъ сказать: г. Надимовъ! въ вашихъ словахъ заключается горькая правда, но этой правдѣ нѣтъ мѣста въ Крутогорской губерніи!

«Скажу нѣсколько словъ и объ исполненіи, но, не желая оскорбить прекрасное чувство скромности, которымъ одушевлены наши благородные благотворители, вынужденъ умолчать о многомъ, что̀ накипѣло на днѣ благодарной души. Прежде всего, долженъ я упомянуть о трудахъ ея превосходительства Дарьи Михайловны, по мысли и наставленіямъ которой было устроено настоящее торжество. Затѣмъ всѣ исполнители, принявшіе участіе въ дѣлѣ благотворенія, были безукоризненны. Какъ хороша была княгиня! Какъ увлекательно-наивна была Славская! Какъ... но нѣтъ, я чувствую, что перо мое начинаетъ переходить само собою за предѣлы той скромности, о которой я говорилъ... Итакъ, умолкну!

«Мужайтесь, благородные труженики! боритесь съ препятствіями и преодолѣвайте ихъ! Не смотрите на то, что на пути вашемъ иногда растутъ не розы, а терніи — таковъ ужъ удѣлъ всѣхъ дѣйствій человѣческихъ! Помните всегда, что за вашими невинными занятіями стоятъ толпы иныхъ тружениковъ, которые посылаютъ къ небу горячія мольбы о ниспосланіи вамъ сугубыхъ силъ на новые подвиги!»

Сочинитель этой статьи, коллежскій секретарь Пѣснопѣвцевъ, удостоился въ тотъ же день чести быть приглашеннымъ къ обѣденному столу его превосходительства Семена Семеныча.

VIII

Наконецъ, въ одно прекрасное утро, Максимъ Ѳедорычъ спохватился, что пора ужъ ѣхать, тѣмъ болѣе, что репертуаръ увеселеній начиналъ истощаться. Онъ собралъ свои воспоминанія, посовѣтовался съ записною книжкой и нашелъ, что матеріаловъ для будущаго донесенія предоста-

Digitized by Google

точно. О генералѣ Голубовицкомъ и преимущественно о генеральшѣ предположилъ онъ высказаться съ особенною теплотою. Въ пользу ихъ можно, пожалуй, даже пожертвовать двумя-тремя субъектами, чтобъ лучше и явственнѣе оттѣнить картину. Само собою разумѣется, что нельзя же всѣхъ чиновниковъ найти добродѣтельными; это невозможно, во-первыхъ, потому, что сама природа въ своихъ проявленіяхъ разнообразна до безконечности; а во-вторыхъ, потому, что и начальство не повѣритъ этой эпидеміи добродѣтели и, чего добраго, заподозритъ еще способности ревизора. Поэтому выбраны были въ жертву такъ-называемые прекекатели и безпокойные, которыхъ и оказалось двое: совѣтникъ губернскаго правленія Евфратскій и членъ приказа Семибашенный. Евфратскій жилъ весьма уединенно, ни къ кому не ѣздилъ, и вслѣдствіе того былъ заподозрѣнъ въ вольнодумствѣ и въ намѣреніи возстановить въ Россіи патріаршеское достоинство, о чемъ будто бы онъ и выражался стороною тамъ-то и тогда-то. Семибашенный же хотя и не мечталъ о возстановленіи патріаршескаго достоинства, но, взамѣнъ того, неоднократно предъявлялъ пагубную наклонность къ исламизму и даже публично называлъ турокъ счастливчиками, приводя въ основаніе такого мнѣнія лишь грубыя поползновенія своей чувственности. Само собою разумѣется, что такія лица не заслуживали ни малѣйшаго снисхожденія.

Прощаніе было очень трогательно. На обѣдѣ, данномъ по этому случаю генераломъ Голубовицкимъ, было сказано много теплыхъ словъ и выпито не мало тостовъ за здоровье дорогого гостя.

— Скажу вамъ откровенно, — выразился при этомъ генералъ, съ чувствомъ пожимая руку Максима Ѳедорыча: — я давно, очень давно не имѣлъ такого пріятнаго гостя!

— Позвольте и мнѣ, въ свою очередь, удостовѣрить ваше превосходительство, что давно, очень давно я не имѣлъ такихъ пріятныхъ минутъ, какія провелъ здѣсь, въ вашемъ

Digitized by Google

любезномъ обществѣ, — отвѣчалъ Максимъ Ѳедорычъ взволнованный.

— Mais revenez nous voir, — любезно сказала Дарья Михайловна.

— Impossible, madame! Мы, люди службы, люди дѣятельности, не всегда можемъ слѣдовать влеченіямъ сердца...

Всѣ присутствовавшіе были растроганы. Когда же, послѣ обѣда, наступилъ часъ разставанія, и Максимъ Ѳедорычъ долго, въ какомъ-то безмолвіи, держалъ въ своихъ рукахъ руку Дарьи Михайловны, то его превосходительство Семенъ Семенычъ не могъ долѣе выдержать. Онъ какъ-то восторженно замахалъ руками и бросился обнимать Голынцева, а Семіоновичъ, стоя въ это время въ сторонѣ, шопотомъ декламировалъ:

When we two parted
In silence und tears...

Вечеромъ, часу въ десятомъ, ровно черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ въ Крутогорскъ, Максимъ Ѳедорычъ уже выѣзжалъ за заставу этого города. Частный приставъ Рогуля, сопровождавшій его превосходительство до городской черты, пожелалъ ему счастливаго пути и тутъ же, обратившись къ будочнику, сказалъ:

— Ну, вотъ и ревизоръ! что̀ жъ что ревизоръ! Нѣтъ, кабы вотъ Павла Трофимыча Перегоренскаго къ ревизіи допустили — этотъ, надо думать, обревизировалъ бы!

Въ эту же ночь послалъ Богъ снѣжку, который въ какихъ-нибудь два часа закрылъ самый слѣдъ повозки Максима Ѳедорыча.

Digitized by Google

IV.—Утро у Хрептюгина.

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Иванъ Онуфричъ Хрептюгинъ, 55 лѣтъ, негоціантъ.

Дмитрій Иванычъ, иначе Démétrius, сынъ его, 20 лѣтъ, служитъ при губернаторѣ.

Статскій совѣтникъ Семенъ Семенычъ Фурначевъ, 50 лѣтъ, имѣетъ къ Хрептюгину начальственныя отношенія.

Маіоръ Станиславъ Ѳадденчъ Понжперховскій, 40 лѣтъ, ремесломъ проходимецъ.

Иванъ Петровичъ Доброзраковъ, отставной штабъ-лѣкарь, 55 лѣтъ.

Леонидъ Сергѣичъ Разбитной, чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ, молодой человѣкъ.

Отставной подпоручикъ Живновскій, 50 лѣтъ.

Титулярная совѣтница Степанида Карповна Гнусова, 45 лѣтъ, экономка Хрептюгиныхъ.

Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ.

СЦЕНА I.

Театръ представляетъ богато-убранную гостиную въ домѣ Хрептюгина. Въ серединѣ и направо отъ зрителя двери. На столѣ передъ диваномъ поставлена закуска и водка.

Гнусова *(пожилая женщина, одѣтая въ черное шелковое платье; на плечахъ у нея желтая шаль, на головѣ чепецъ; при открытіи занавѣса она занимается приготовленіемъ закуски).*

Шутка сказать, скоро одиннадцатый часъ, а онъ еще дрыхнетъ! и не убьетъ же Богъ громомъ этакаго аспида! По естеству-то, ему бы теперь на босу ногу бѣгать да печки затоплять, анъ онъ, вотъ, валяется... Да и спать вѣдь не спитъ, а именно валяется, потому, дескать, что въ Питерѣ благородные люди такимъ манеромъ дѣлаютъ. *(Задумывается).* Вотъ я и благородная, и мужъ титулярнымъ совѣтникомъ былъ... такъ хоть бы за столъ съ собой посадили — и того нѣтъ!

Digitized by Google

СЦЕНА II.

Гнусова и **Понжперховскій** (*видный мужчина, въ военномъ сюртукѣ; усы нафабрены и тщательно завиты, волосы на головѣ приглажены; вертлявъ и занятъ собой; говоритъ съ сильнымъ акцентомъ*).

Понжперховскій. Иванъ Онуфричъ не вставали?

Гнусова. Гдѣ же ему встать, батюшка!

Понжперховскій. Это лучше-съ; я, признаюсь вамъ, даже не люблю, когда вашъ Онуфричъ передъ глазами торчитъ... Поговорить можно и безъ него, выпить и закусить тоже-съ...

Гнусова. Конечно, сударь!

Понжперховскій. Я вамъ доложу, почтеннѣйшая Степанида Карповна, что на этихъ людей нужно смотрѣть съ философической точки зрѣнія... Вотъ я, напримѣръ: люблю и въ карточки перекинуть, и хорошую сигару выкурить, и пообѣдать изящно, и побесѣдовать... все это у Хрептюгина я нахожу-съ. Слѣдственно, что жъ мнѣ за дѣло до того, что онъ еще вчерашняго числа не-вѣсть въ какой родословной записанъ былъ? Возьмемъ хоть бы теперь: закуска, я вижу, на столѣ приготовлена, водка есть... ну, и ваша пріятная бесѣда тоже-съ... За ваше здоровье, Степанида Карповна! *(Пьетъ и закусываетъ.)*

Гнусова. На здоровье, сударь. Оно точно, вы люди наѣзжіе... вамъ оно ничего, какъ онъ колобродитъ, да и колобродить-то при васъ онъ еще не больно осмѣлится...

Понжперховскій. Это всеконечно-съ... потому что мы иногда можемъ и до лица коснуться...

Гнусова. А каково-то намъ, грѣшнымъ? Бѣднякъ, сударь, что̀ муха: гдѣ заборъ, тамъ дворъ; гдѣ щель, тамъ постель! Намеднись вотъ чуть со двора меня не согналъ: «хочу, говоритъ, чтобъ у меня нѣмка въ экономкахъ была!» Ну, разсудите вы сами, Станиславъ Ѳаддеичъ, хуже, что ли, я нѣмки-то!

Digitized by Google

Понжперховскій. Сс!... да онъ долженъ былъ бы радоваться, что ему дворянка служитъ!

Гнусова. То же и я говорю... Насилу ужъ его Аксинья Ивановна уняла.

Понжперховскій. Д-да-съ... такъ вотъ видите: стало-быть, Аксинья-то Ивановна добрая!

Гнусова. И, сударь, не говорите! тоже озорница выросла!

Понжперховскій. Это можно измѣнить-съ... Будетъ не только шелковая, а даже бархатная: на это манера есть-съ... А вы исполнили порученьице-то, моя почтенная?

Гнусова. Говорила, сударь... только она все чтой-то мнется... сначала было-подалась, а потомъ и опять на попятную.

Понжперховскій. Да что же такое-съ?

Гнусова. Да говоритъ, что ты больно по гостямъ шататься любишь, а я, говоритъ, желаю, чтобъ мужъ у меня безсмѣнно при мнѣ сидѣлъ...

Понжперховскій. Ну, скажите, пожалуйста! Вѣдь вотъ жадность какая! Да вы бы внушили ей, моя почтеннѣйшая, что и безъ того ей ужъ пòдъ-тридцать!

Гнусова. Говорила я, такъ она все свое: папаша, говоритъ, коли захочетъ, такъ для брака и изъ Петербурга генералы пріѣдутъ!

Понжперховскій. Д-да... а какъ хотите, это вѣдь правда, что дрянная-то кровь, какъ ты тамъ ее ни перегоняй сквозь кубъ, а все скажется... Мнѣ не ея-съ, а вотъ приложеній-то жалко!

Гнусова. Чтò и говорить, сударь!

СЦЕНА III.

Тѣ же и Доброзраковъ *(роста большого и нѣсколько при этомъ сутуловатъ; смотритъ угрюмо; въ военномъ сюртукѣ).*

Доброзраковъ *(становясь въ дверяхъ).* Пану полковнику здравія желаемъ! Чи добрже мàешь, пане?

Digitized by Google

Понжперховскій. Что̀ намъ дѣлается, докторъ! Отъ насъ вамъ пожива плохая.

Доброзраковъ. Ну, это еще бабушка на̀-двое сказала... объ этомъ будетъ у насъ въ то время разговоръ, какъ ноги, дружище, протягивать станешь! *(Устремляетъ взоръ на водку.)* А! и водка на столѣ; это добрже! А ну, полковникъ, испытаемъ-ка цѣлебныя свойства этой жидкости! Мнѣ, я вамъ скажу, что-то сегодня нездоровится: стара стала, слаба стала... потуда и живъ, покуда внутрй водкой сполоснешь! Да и та нынче измѣнять стала *(Пьетъ.)* Было, было и наше времечко! Выпьешь, бывало, сколько подымешь, а нынче... сколько глазомъ окинешь! *(Всѣ смѣются.)*

Понжперховскій. А что̀ вы думаете, докторъ: можетъ-быть, отъ этого-то всполаскиванія оно и не дѣйствуетъ. Вотъ въ нашихъ сторонахъ помѣщикъ былъ, тоже занимался этимъ, такъ, повѣрите ли, внутренности-то у него даже выгорѣли всѣ — такъ и скончался-съ!

Доброзраковъ. Вздоръ, сударь! *(Ударяетъ себя по животу.)* Эта печка такого сорта, что какъ ее ни топи — все къ дальнѣйшей топкѣ достойна и способна... Я вотъ шестой десятокъ на свѣтѣ живу, и могу сказать — бывала-таки у насъ топка... да, изрядная! А все хоть сейчасъ въ походъ готовъ!.. *(Гнусовой.)* Иванъ Онуфричъ всталъ?

Гнусова. Никакъ нѣтъ еще, Иванъ Петровичъ, какъ можно!

Доброзраковъ. То-есть, онъ и проснулся, пожалуй, да тотъ еще часъ, видно, не пробилъ, въ который дуракамъ просыпаться прилично... Э-э-эхъ! то-то вотъ и есть: мужика сколько ни вари, все сыростью пахнетъ! Издали-то онъ ни то, ни сё, а что ближе, то гаже!

Гнусова *(иронически).* Ну, какъ, сударь! Извѣстно, возвысилъ Богъ куликовъ родъ — какъ же и не покуражиться ему!

Доброзраковъ. Люблю за то, что по крайней мѣрѣ, не говоря худого слова, ноги на столъ задралъ! Повторимъ,

Digitized by Google

полковникъ. *(Подноситъ Понжперховскому рюмку; оба пьютъ.)*

Понжперховскій. Это вы истинную правду, докторъ, сказали: человѣкъ, покуда въ дикомъ состояніи находится — ничего... даже можно сказать, что это именно почтенный человѣкъ-съ! Но коль скоро повезла ему фортуна или успѣлъ онъ, такъ сказать, надуть себѣ подобнаго, то это именно даже удивительно, какой вдругъ переворотъ въ немъ бываетъ!

Доброзраковъ. Какой тутъ переворотъ! Первымъ долгомъ— ноги на столъ... Этотъ переворотъ и хавронья сдѣлать можетъ!

Понжперховскій. Правда, докторъ! Я самъ иногда, глядя на него, думаю, зачѣмъ онъ, напримѣръ, бороду брѣетъ?

Доброзраковъ. Съ бородой-то, по-моему, еще лучше. Борода глазамъ замѣна: кто бы плюнулъ въ глаза — плюнетъ въ бороду! *(Всѣ смѣются.)*

Понжперховскій. Или, напримѣръ, зачѣмъ ему такой домъ? Онъ еще не знаетъ, какъ и ходить-то по паркету... Кабы этакія средства да человѣку образованному, сколько бы можно добра тутъ сдѣлать!

Доброзраковъ. Нѣтъ, вы лучше скажите, зачѣмъ ему годовой врачъ? Вотъ вы что скажите! Вѣдь у него, кромѣ прыщей на носу, и болѣзней-то никакихъ не бываетъ!

Гнусова *(иронически).* Чтой-то ужъ и не бываетъ! Вы, Иванъ Петровичъ, ужъ, кажется, не въ мѣру его конфузите!

Доброзраковъ *(смотритъ на часы).* Однако, надо ему сказать, что пора бы и перестать валяться-то... Ужъ и султанъ турецкій давно, поди, всталъ?

СЦЕНА IV.

Тѣ же и Дмитрій Иванычъ *(вбѣгаетъ стремительно; одѣтъ франтомъ и завитъ).*

Дмитрій Иванычъ. Гдѣ папаша? гдѣ папаша? Двѣнадцатый часъ, а онъ тамъ проклажается! Вы-то чего жъ смотрите, Степанида Карповна!

Digitized by Google

Гнусова (*оскорбляясь*). Помилуйте, Дмитрій Иванычъ, я вѣдь дама... развѣ могу я въ опочивальню къ вашему папашѣ входить?

Дмитрій Иванычъ (*останавливаясь въ изумленіи передъ Гнусовой*). Дама?!.. А кто же вамъ сказалъ, что вы дама?

Гнусова. Все же, чай, не мужчина, сударь!

Дмитрій Иванычъ. Такъ вы говорите: «женщина», а то «дама»!

Доброзраковъ. Да что жъ такое случилось, Дмитрій Иванычъ?

Дмитрій Иванычъ (*размахивая руками*). Князь... князь... желаетъ узнать о папашиномъ здоровьи... Поняли, что ли? (*Гнусова, всплеснувъ руками, стремительно убѣгаетъ*).

Доброзраковъ (*начиная застегиваться*). Ахъ ты, Господи! самъ его сіятельство ѣдетъ!

Дмитрій Иванычъ. Кто вамъ говоритъ про его сіятельство! Поѣдетъ къ вамъ его сіятельство! Будетъ съ васъ и того, если и Леонида Сергѣича пришлетъ!

Доброзраковъ (*разстегиваясь*). А! Разбитной! Ну, при этомъ и въ рубашкѣ быть предостаточно!

Дмитрій Иванычъ. Вы, докторъ, кажется, забываетесь! Вы не понимаете, въ какомъ домѣ находитесь!

Доброзраковъ (*озираясь кругомъ*). А въ какомъ?—въ каменномъ!.. Ну, да полноте, Дмитрій Иванычъ, я вѣдь это такъ, шутки ради.. Извѣстно ужъ, Леонидъ Сергѣичъ—особа не простая... гдѣ жъ намъ противъ нихъ! Я вамъ такъ даже скажу, что я и купаться-то бы передъ нимъ въ одной рубашкѣ не осмѣлился, а такъ бы вотъ въ мундирѣ и полѣзъ въ воду...

Дмитрій Иванычъ. Вы все съ своими шутками!

Доброзраковъ. Старикъ вѣдь я, Дмитрій Иванычъ,—кому же и пошутить-то!

Понжперховскій. А мнѣ, видно, уйти покудова... не люблю я этого Разбитного!

Доброзраковъ. Что такъ?

Понжперховскій. Гордишка-съ!

Digitized by Google

СЦЕНА V.

Дмитрій Иванычъ и Доброзраковъ.

Дмитрій Иванычъ. Ну, скажите, докторъ, зачѣмъ, напримѣръ, этотъ выходецъ сюда таскается?

Доброзраковъ. А такъ вотъ, просто потому, что есть умокъ сладенько поѣсть... Вы ужъ очень строги, Дмитрій Иванычъ.

Дмитрій Иванычъ. Нѣтъ, я не строгъ, докторъ, я только желаю, чтобъ въ этомъ домѣ чистый воздухъ былъ... Понимаете? Знаете ли, какъ у меня здѣсь наболѣло, докторъ? (*Указываетъ на сердце*). Вѣдь на улицу выйти нельзя: свинья тамъ въ грязи валяется, такъ и та, чего добраго, тебѣ родственница!

Доброзраковъ. Да, это зрѣлище, тово... нельзя сказать, чтобъ пейзажъ живописенъ былъ!

Дмитрій Иванычъ. Нѣтъ, вы войдите въ мое положеніе, докторъ! Намеднись, вотъ, иду я въ хорошей компаніи мимо рядовъ; ну, и княжна тутъ... Только откуда ни возьмись—бабушкинъ братъ, весь въ кубовой краскѣ выпачканъ: «а это, говоритъ, кажется, нашъ Митюха съ барами-то ходитъ!» Вы поймите, что̀ я тутъ долженъ былъ вытерпѣть!

Доброзраковъ. А вы бы, Дмитрій Иванычъ, дѣдушку-то подъ салазки! Знаете, и пословица гласитъ: Еремѣя потчуютъ умѣя, за̀-воротъ да въ три шеи! Ну, и вы бы такъ-съ!

Дмитрій Иванычъ. Вы все шутите, докторъ, а мнѣ ужъ не до шутокъ, право! (*Подходитъ къ закускѣ*). Господи! даже закуски порядочной подать не могутъ: грибы, да рыжики, да ветчина! Эй, кто тутъ есть! (*Является горничная.*) Да позови ты лакея, варвары вы этакіе! Вѣдь ты и при гостяхъ, пожалуй, сюда вломишься! Возьми подносъ, да вели приготовить закуску — генеральскую, слышишь? (*Горничная беретъ подносъ и уходитъ. За дверьми слышенъ шорохъ*). А! да вотъ, кажется, и папаша идетъ!

Доброзраковъ (*вполголоса*). Раздайся грязь, навозъ ползетъ!

Digitized by Google

СЦЕНА VI.

Тѣ же и Хрептюгинъ (*въ пестрыхъ брюкахъ и коротенькомъ сюртукѣ; на шеѣ повязанъ неглиже желтый батистовый платочекъ; въ рукахъ трубка, изъ которой онъ полегоньку покуриваетъ; ходитъ съ маленькимъ развальцемъ и шаркаетъ ногами*).

Хрептюгинъ. А! Démétrius! видно, его сіятельство стосковался по насъ? Леонидъ Сергѣичъ, что ли, изволитъ жаловать? Ну, что жъ, милости просимъ! Приготовленій не дѣлаемъ, а за́просто—милости просимъ!

Доброзраковъ. Что̀ вамъ, Иванъ Онуфричъ? Разумѣется, вы люди сильные, вамъ не въ диковинку высокихъ гостей принимать!

Хрептюгинъ. Какіе, братецъ, это гости! Между нами, просто шавера! Вотъ въ Петербургѣ... это точно... тамъ я на своемъ мѣстѣ...

Доброзраковъ. Что и говорить! Я вотъ насчетъ здоровья узнать пріѣхалъ...

Хрептюгинъ. Да что, братецъ! ни шатко, ни валко, ни на сторону! Желудокъ все... чуть, знаешь, съѣшь что-нибудь этакое... не совсѣмъ легкое... просто, братецъ, дѣло дрянь выходитъ!

Доброзраковъ. Да вы бы поберегли себя. Вѣдь ваше здоровье не то, что, напримѣръ, наше. Мы и помремъ, такъ никто не замѣтитъ: все равно что муха померла; ну, а вы совсѣмъ другое дѣло...

Хрептюгинъ. Знаю, братецъ, знаю, да что̀ прикажешь дѣлать? Съ волками жить, по-волчьи выть—иногда и перепустишь!.. Démétrius! ты бы, дружокъ, закуску велѣлъ приготовить; скажи Гнусовой, что тамъ, на третьей полкѣ, жестянка непочатая стоитъ.

Дмитрій Иванычъ. Я ужъ сказалъ... Да что это у васъ, рара, съ утра до вечера точно кабакъ! Только и дѣлаютъ, что водку пьютъ... Вѣдь это свинство!

Digitized by Google

Доброзраковъ. Ахъ, Дмитрій Иванычъ! да вѣдь папенька вамъ сказывали, что съ волками жить, по-волчьи выть... ну, и водка, стало-быть, поставлена тутъ правильно!

СЦЕНА VII.

Тѣ же и Живновскій (*входитъ изъ среднихъ дверей*).

Живновскій. Благодѣтелю Ивану Онуфричу нижайше кланяюсь! Дмитрій Иванычъ! Иванъ Петровичъ!

Хрептюгинъ. Откуда Богъ принесъ?

Живновскій. Все хлопоталъ-съ... Кто что̀, а я все на пользу общую-съ... На вчерашнемъ пожарищѣ былъ-съ.

Хрептюгинъ. Потухъ, что ли?

Живновскій. Дымится, благодѣтель, дымится! По этому-то случаю я и былъ. Распорядиться, знаете, некому! Полиціймейстеришка дрянь, пожарные тоже-съ,—вотъ и пришлось за нихъ работать! Всю ночь провозились, да и утро такъ между пальцевъ ушло!

Доброзраковъ. Ишь тебя нелегкая носитъ; точно тебѣ тысячи за это даютъ!

Живновскій. Помилуйте, Иванъ Петровичъ! вѣдь человѣчество погибаетъ!

Доброзраковъ. А я такъ думаю, что пожаръ-то тебѣ замѣсто праздника?

Живновскій. Нельзя же-съ! (*Озираясь.*) А водочка-то, видно, «ау» сказала?

Доброзраковъ. Ау, братъ!

Живновскій. Эхма! а не худо бы послѣ трудовъ выпить!

Хрептюгинъ. Ну, и подождешь—не умрешь. Разсказывай, кого же ты на пожарищѣ видѣлъ?

Живновскій. Сама княжна Анна Львовна тамъ была, и съ Леонидомъ Сергѣичемъ... Пожелали тоже о подробностяхъ узнать,—ну, я имъ все это въ живой картинѣ представилъ... Вдова, говорю, пятеро дѣтей... все это, знаете, въ необходимомъ лишь, по ночному времени, ношебномъ платьѣ.

Digitized by Google

Да, не дай Богъ никому,—вотъ я какъ скажу! Бывалъ я, конечно, въ передѣлахъ: и тонулъ-съ, и со второго этажа прыгивалъ... ну, а отъ огня Богъ избавилъ! А впрочемъ, Леонидъ-то Сергѣичъ къ вамъ вѣдь ѣдетъ.

Хрептюгинъ. Развѣ говорили что-нибудь?

Живновскій. Говорили, благодѣтель, какъ не говорить! Какъ я, знаете, пересказалъ имъ все это, такъ княжна тутъ же къ Леониду Сергѣичу обратились: иль фо, говорятъ, Khreptioughine.

Дмитрій Иванычъ *(озабоченно)*. Деньги при васъ, папаша?

Хребтюгинъ. Небось, вотъ у него *(показываетъ на Живновскаго)* взаймы попрошу... Ха-ха! А какъ ты думаешь, Иванъ Петровичъ, четвертной довольно!

Дмитрій Иванычъ. Что̀ вы, что̀ вы, папаша! да Леонидъ Сергѣичъ и не возьметъ! Нѣтъ, ужъ жертвовать такъ жертвовать—меньше сторублевой нельзя!

Хрептюгинъ. Ну, можно и сторублевую... Конечно, и то сказать: у нихъ только и надежды, что на меня!

Доброзраковъ. Что̀ и говорить, Иванъ Онуфричъ: на насъ, грѣшныхъ, какая же надежда! Мы люди простые: живемъ богато, со двора покато, чего ни хватись, за всѣмъ въ люди покатись!

Хрептюгинъ. Только, братецъ ты мой, одолѣли ужъ они меня очень—даже словно вотъ мухи: и въ глаза, и въ носъ, и въ уши такъ и лѣзутъ! Намеднись вотъ на пріютъ: отъ князя полиція пріѣзжала,—нельзя, говоритъ, меньше тысячи; черезъ часъ мѣста, предсѣдатель чиновника присылаетъ—ну, пятьсотъ; потомъ управляющій... Какъ-то оно ужъ и надоѣло, братецъ!

Доброзраковъ. За то честь большая, Иванъ Онуфричъ!

Хрептюгинъ. Ну, конечно...

Живновскій. Ужъ тамъ честь ли, не честь ли, а отдать все-таки придется... Такъ по-моему ужъ лучше честью...

Хрептюгинъ *(величественно)*. Ну, ты что еще!

Дмитрій Иванычъ. Я удивляюсь, папаша, какъ вы гово-

Digitized by Google

рите о такихъ пустякахъ... это все прежнее сквалыжничество въ васъ дѣйствуетъ! А вы вспомните, что князь въ надворные совѣтники васъ представилъ!

Хрептюгинъ. Ну, конечно... А впрочемъ, мы здѣсь промежду себя, такъ я вамъ могу по секрету сказать, что этотъ господинъ надворный совѣтникъ ужъ давно меня измаялъ! Можетъ и желудокъ-то отъ этого безпокойства разстроился!

Живновскій. Это сущая правда, Иванъ Онуфричъ! Всякое огорченіе прежде всего на желудокъ кидается.

Хрептюгинъ (*Доброзракову*). Да, братъ, могу сказать, что я эти пожертвованія именно знаю! Еще княжòй предмѣстникъ эту исторію-то поднялъ: «пожертвуй да пожертвуй на общеполезное устройство!» Ну, и пожертвовалъ: въ саду бесѣдокъ на мои денежки настроили, рѣшетку чугунную вывели... ну, и прислали въ ту пору признательность...

Живновскій. Поди, чай, какъ сердцу-то прискорбно было!

Хрептюгинъ. Я къ его превосходительству: такъ, молъ, и такъ, говорю, что жъ это за мода! А онъ мнѣ: «ну, говоритъ, видно еще жертвовать приходится,—давай, говоритъ, пловучій мостъ черезъ рѣку строить!» Дѣлать нече, позатянулся ужъ я въ это болото маленько, сталъ и мостъ строить!.. Ну, и прислали медаль... И что жъ бы ты, сударь, думалъ: мнѣ же его превосходительство по этому случаю пиръ задать велѣлъ!

Дмитрій Иванычъ. Ахъ, папаша! право, васъ даже тошно слушать, чтò вы говорите!

Доброзраковъ. А что, Иванъ Онуфричъ, вѣдь коли по правдѣ-то сказать, въ ту пору и медаль-то для васъ, чай, куда лестно было получить: вѣдь вы тогда только-только развѣ не въ мужикахъ были!

Живновскій. Правильно.

Хрептюгинъ (*смущаясь, Живновскому*). Ну, ты чего еще!

Дмитрій Иванычъ (*смотря въ окно*). Ѣдетъ, ѣдетъ. Ахъ ты, Господи! А эта безтолковая Степанида Карповна и закуски не даетъ! Голова кругомъ идетъ!

Digitized by Google

СЦЕНА VIII.

Тѣ же и Разбитной (*входитъ гордо и даже съ нѣкоторою осмотрительностью*).

Разбитной. Здравствуйте, Иванъ Онуфричъ, здравствуйте! Ну, какъ ваше здоровье? (*Жметъ ему руку*).

Хрептюгинъ (*развязно*). Милости просимъ, Леонидъ Сергѣичъ... Слава Богу-съ... Очень благодаренъ его сіятельству.

Разбитной. Да, я отъ князя. Князь сегодня всталъ въ очень веселомъ расположеніи духа... Ночью, знаете, пожаръ этотъ былъ, и это очень старика развлекло. Князь поручилъ мнѣ освѣдомиться о вашемъ здоровьи, любезнѣйшій Иванъ Онуфричъ,—право! Сегодня, знаете, кушаетъ онъ чай и говоритъ мнѣ: «а не худо бы, mon cher, тебѣ провѣдать, какъ поживаетъ мой добрый Иванъ Онуфричъ».

Хрептюгинъ. Премного благодарны его сіятельству... Démétrius!

Дмитрій Ивановичъ. Сейчасъ, папаша! (*Выходитъ на короткое время и потомъ возвращается.*)

Разбитной. Онъ очень часто о васъ вспоминаетъ—такой, право, памятливый старикашка! Я вамъ скажу, что если бы этому человѣку руки развязать, онъ, я не знаю, что̀ бы надѣлалъ!

Хрептюгинъ. Попеченіе имѣютъ большое; я сколько начальниковъ зналъ, а такихъ заботливыхъ именно не бывало у насъ!

Доброзраковъ. Взглядъ просвѣщенный, Иванъ Онуфричъ!

Разбитной. Д-да; онъ вѣдь у насъ въ молодости либераломъ былъ, какъ же! И теперь еще любитъ объ этомъ времени вспоминать: «я, говоритъ, mon cher, смолоду-то сорвиголова былъ!» Преуморительный старикашка. (*Входитъ лакей во фракѣ съ подносомъ, на которомъ поставлены разныя закуски; въ дверяхъ показывается Гнусова; въ теченіе всей сцены она стоитъ за дверьми и по временамъ выглядываетъ*).

Digitized by Google

Хрептюгинъ. Милости просимъ, Леонидъ Сергѣичъ, закусить!

Разбитной. Э... я охотно съѣмъ этого страсбургскаго пирога. *(Подходитъ къ столу и ѣстъ.)* Да вы гастрономъ, почтеннѣйшій Иванъ Онуфричъ!

Хрептюгинъ. Ужъ куда намъ, Леонидъ Сергѣичъ!.. Вотъ здоровье мое все плохо... все, знаете, желудокъ! Иной разъ и готовъ бы просить его сіятельство сдѣлать мнѣ честь хлѣба-соли откушать...

Дмитрій Иванычъ. А что̀, въ самомъ дѣлѣ, папаша! Князь къ намъ такъ милостивъ, что съ нашей стороны даже свинство, что мы не покажемъ ему нашей признательности.

Хрептюгинъ. Если его сіятельству угодно, то я завсегда готовъ... Для насъ, Леонидъ Сергѣичъ, это большого счета не составляетъ.

Разбитной. Хорошо-съ... я скажу князю: онъ, вѣроятно, назначитъ вамъ день, когда вы можете принять его. Однако, пирогъ этотъ такъ хорошъ, что я рѣшаюсь съѣсть еще кусочекъ... Ma foi, tant pis pour le diner du prince! А вы, докторъ?

Доброзраковъ. А вотъ сейчасъ-съ. Мы, признаться, ко всѣмъ этимъ тонкостямъ не привыкли; по-нашему, этакъ колбасы кусокъ, чтобъ, знаете, жевать было что̀.

Разбитной. Вы добрый, докторъ!

Доброзраковъ (*наливаетъ рюмку водки, кланяется*). За здоровье его сіятельства, князя Льва Михайлыча!

Живновскій. А мнѣ, видно, безъ потчиванья выпить! *(Подходитъ къ столу.)*

Хрептюгинъ *(Доброзракову).* Что̀ ты, что̀ ты, Иванъ Петровичъ! кто жъ пьетъ здоровье водкой... Démétrius, что жъ?

Дмитрій Иванычъ. Сейчасъ, папаша! *(Убѣгаетъ.)*

Разбитной *(вслѣдъ ему).* Mais dites, mon cher, qu'on donne des verres et que le champagne soit frappé! *(Хрептюгину.)* Мы вашего сына таки вышколимъ, Иванъ Онуфричъ. *(Лакей вноситъ подносъ съ стаканами и бутылку шампанскаго;*

Digitized by Google

Дмитрій Иванычъ наливаетъ всѣмъ, кромѣ Живновскаго.) За здоровье его сіятельства, князя Льва Михайлыча! *(Выпиваетъ.)*

Дмитрій Иванычъ. Ура! *(Выпиваетъ.)*

Доброзраковъ. Желаю здравствовать! *(Выпиваетъ).*

Живновскій. Что жъ, и мнѣ, видно, выпить! Я, признаться, не охотникъ до винограднаго! Ну, ужъ для его сіятельства! *(Наливаетъ самъ себѣ стаканъ и пьетъ.)*

Хрептюгинъ. Сто лѣтъ жить да богатѣть! Вотъ это я вино люблю, Леонидъ Сергѣичъ, потому что оно вино легкое... тонкое...

Разбитной. Господа! я требую слова!

Дмитрій Иванычъ. Шш!.. *(Всѣ умолкаютъ.)*

Разбитной. Господа! мнѣ пріятно будетъ засвидѣтельствовать передъ княземъ о тѣхъ чувствахъ искренней преданности, которыя я нашелъ въ васъ. Повѣрьте, господа, что для сердца начальника дороже всякихъ почестей, дороже всѣхъ богатствъ сердечное расположеніе подчиненныхъ. Нѣтъ сомнѣнія—и исторія намъ доказываетъ это съ послѣднею очевидностью,—что всѣ сильныя государства до тѣхъ поръ держались, покуда въ сердцахъ подчиненныхъ жили чувства любви и преданности. Какъ скоро эти истинныя, основныя начала благоустроенныхъ обществъ исчезали, самыя общества переставали быть благоустроенными. Я говорю это, господа, здѣсь, въ этомъ домѣ, потому что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ слова мои не могутъ имѣть такого смысла. Здѣсь я вижу почтеннаго отца семейства, жертвующаго всею жизнью на пользу общую *(указываетъ на Хрептюгина)*, вижу старыхъ воиновъ, принявшихъ грудью не одинъ ударъ во имя любви къ отечеству *(указываетъ на Доброзракова и Живновскаго; послѣдній крутитъ усы)*, и, наконецъ, вижу юношу, полнаго надеждъ и вѣры въ будущее... И всѣ эти лица: и маститая старость, и увѣнчанная розами юность соединяются въ одномъ общемъ чувствѣ преданности къ любимому начальнику... Господа! мнѣ

Digitized by Google

пріятно отъ лица князя изъявить вамъ полную его признательность! Господа! я пью за здоровье любезнѣйшаго нашего хозяина! *(Подходитъ съ стаканомъ къ Хрептюгину и жметъ ему руку.)* Иванъ Онуфричъ! да продлитъ Богъ вашъ вѣкъ для того, чтобъ вы могли на долгія времена слѣдовать влеченію вашего добраго сердца и отирать слезы сирыхъ, лишенныхъ крова... *(Выпиваетъ.)*

Дмитрій Иванычъ. Ура! *(Пьетъ.)*

Доброзраковъ (*въ сторону*). Ловко подпустилъ!..

Живновскій (*въ сторону*). А по-русски это значитъ: пермете... ле бурсъ *(показываетъ руками)*. Молодецъ!

Хрептюгинъ. Очень, очень вамъ благодаренъ, Леонидъ Сергѣичъ! утѣшили вы меня... Именно это правда, что на пользу общую! Вчера былъ пожаръ, Леонидъ Сергѣичъ, остались тамъ вдовы... смѣю просить васъ принять отъ трудовъ моихъ двѣсти рублей на общественное устройство! *(Вынимаетъ изъ бумажника деньги и отдаетъ Разбитному.)*

Живновскій. Молодецъ Иванъ Онуфричъ!

Хрептюгинъ. Мало жертвовать, Леонидъ Сергѣичъ, не стòитъ-съ, такъ, по крайности, пущай хоть Богу за насъ помолятъ! А деньги что-съ—деньги дѣло наживное-съ!

Живновскій. Разумѣется, благодѣтель, разумѣется... Вотъ въ вино вассервейнцу малую толику подпустите — анъ пожертвованіе-то въ тотъ же карманъ и возвратится.

Хрептюгинъ. Я, Леонидъ Сергѣичъ, люблю благодѣтельствовать... Я коли деньги имѣю, такъ желаю, чтобъ всякій, можно сказать, отъ лозы виноградной вкусилъ!

Разбитной (*кладя деньги въ карманъ*). Повѣрьте, Иванъ Онуфричъ, князь сумѣетъ оцѣнить...

СЦЕНА IX.

Тѣ же и Фурначевъ.

Фурначевъ (*останавливается въ дверяхъ и говоритъ за кулисы*). Скажи, братецъ, моему кучеру, чтобъ онъ ѣхалъ домой и доложилъ Настасьѣ Ивановнѣ, что я прибылъ въ

Digitized by Google

домъ Ивана Онуфрича благополучно. Да сейчасъ же чтобъ и воротился... Иванъ Онуфричъ! Леонидъ Сергѣичъ! Докторъ! *(Жметъ; всѣмъ руки, кромѣ Живновскаго.)* Вы, господа, кажется, съ утра за дѣломъ!..

Доброзраковъ. По благотворительной части, Семенъ Семенычъ!

Живновскій. Призираемъ этакъ вдовъ и сиротъ-съ... А больше насчетъ вдовъ-съ...

Хрептюгинъ. Да не угодно ли присѣсть вашему высокородію! *(Суетится около Фурначева.)*

Фурначевъ. Не трудитесь, любезный, я сяду самъ!.. Такъ вы, господа, по благотворительной части? Что жъ, это хорошо! всякій изъ насъ долженъ удѣлять отъ избытковъ своихъ!

Разбитной. Скажите, пожалуйста, Семенъ Семенычъ, вы не были сегодня у князя?

Фурначевъ. Не былъ, Леонидъ Сергѣичъ, не былъ, потому что не имѣлъ чести быть приглашеннымъ.

Разбитной. Странно! а онъ хотѣлъ васъ просить!.. Знаете, вчера былъ пожаръ, погорѣла вдова съ дѣтьми... что-то много ихъ тамъ... княжна очень интересуется положеніемъ этихъ сиротъ.

Фурначевъ. Это нашъ долгъ, Леонидъ Сергѣичъ, отирать слезы вдовыхъ и сиротъ; это, можно сказать, наша священная обязанность... Я не о себѣ это говорю, Леонидъ Сергѣичъ, потому что у меня правая рука не знаетъ, что дѣлаетъ лѣвая, а вообще... *(Вносятъ стаканы съ шампанскимъ.)*

Разбитной. Такъ вы заѣзжайте къ князю; ему будетъ очень пріятно. *(Вертитъ стаканъ и намѣревается пить безъ тоста.)*

Хрептюгинъ. Нѣтъ, Леонидъ Сергѣичъ, позвольте! *(Беретъ стаканъ.)* Господа! за здоровье Леонида Сергѣича! *(Доброзраковъ дѣлаетъ Хрептюгину знаки, указывая на Фурначева; Хрептюгинъ спохватывается, подбѣгаетъ къ Фурна-*

Digitized by Google

чеву и говоритъ вполголоса.) Извините, ваше высокородіе, обмолвился... мы ваше здоровье послѣ-съ... на прохладѣ выпьемъ.

Фурначевъ *(тоже вполголоса).* Что̀ разъ уже сдѣлано, того воротить нельзя, любезный! Все воротить можно, а сдѣланное воротить невозможно.

Разбитной. Господа! я не нахожу словъ выразить всю мою признательность! Почтенный хозяинъ, предложившій этотъ тостъ, почтилъ не меня самого, а въ лицѣ моемъ упорный трудъ и непоколебимое безкорыстіе на высокомъ поприщѣ общественнаго служенія. Господа! не подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, но подъ вліяніемъ благотворныхъ движеній моего сердца говорю я: девизомъ нашимъ долженъ быть трудъ скромный, но упорный трудъ, никѣмъ не замѣчаемый, но честный трудъ, сегодня оканчивающійся, а завтра снова начинающійся. Господа! настала для насъ пора обратить наше умственное око внутрь насъ самихъ, ознакомиться съ нашими собственными язвами и изыскать средства къ уврачеванію ихъ. Не блестящая эта участь, я не розами, но терніями усыпанъ путь безвѣстнаго труженика, въ потѣ лица воздѣлывающаго землю, плодами которой воспользуются потомки! Но благословимъ его скромный, невидный трудъ, пошлемъ ему во слѣдъ самыя искреннія пожеланія нашего сердца... Вспомнимъ, что только они могутъ освѣтить лучомъ радости безотрадную пустыню, предъ нимъ разстилающуюся,—вспомнимъ это и не пожалѣемъ ни добрыхъ словъ, ни теплаго участія, ни одобреній... Я сказалъ господа! *(Пьетъ.)*

Дмитрій Иванычъ. Ура! (*Пьетъ.*)

Фурначевъ *(жметъ Разбитному руку).* Вы благородный человѣкъ, Леонидъ Сергѣичъ! *(Отпиваетъ немного и ставитъ стаканъ.)*

Живновскій (*въ сторону*). И чортъ его знаетъ, гдѣ онъ говорить научился!

Digitized by Google

Хрептюгинъ *(Фурначеву)*. Сдѣлайте ваше одолженіе, ваше высокородіе, опростайте стаканчикъ-то!

Фурначевъ. Не могу, Иванъ Онуфричъ, не могу. Здоровья я пожелалъ Леониду Сергѣичу отъ глубины души, а пить не могу. Утромъ, знаете, натура не принимаетъ.

Разбитной. Господа! я не могу больше! Сердце мое совершенно переполнено... Будьте увѣрены, мой любезнѣйшій Иванъ Онуфричъ, что я со всею подробностью передамъ князю тѣ пріятныя впечатлѣнія, которыя доставило мнѣ утро, проведенное у васъ... Прощайте, господа! *(Уходитъ. Дмитрій Иванычъ провожаетъ его за двери.)*

СЦЕНА X.

Тѣ же, кромѣ Разбитного.

Фурначевъ *(Хрептюгину)*. А за что же ты, любезный, меня обидѣлъ?

Хрептюгинъ. Помилуйте, ваше высокородіе, извините!

Фурначевъ. Нѣтъ, ты скажи: кто статскій совѣтникъ и кто титулярный совѣтникъ?

Живновскій *(въ сторону)*. Да, братъ, далъ ты маху, Хрептюга!

Хрептюгинъ. Да ужъ помилуйте, ваше высокородіе! Языкъ просто сдуру, по теченію рѣчи, сказалъ.

Фурначевъ. А языкъ надо сдерживать... на то, братецъ, голова человѣку дана, чтобъ языкъ сдерживать!

Доброзраковъ. Это правда, Семенъ Семенычъ! Только я вамъ именно доложу, что Иванъ Онуфричъ сневѣжничалъ больше отъ необразованности... не привыкъ еще, знаете, въ хорошемъ обществѣ жить... все ему и кажется, что кругомъ-то свиньи!

Живновскій *(въ сторону)*. Заступился!

Хрептюгинъ *(насильственно улыбаясь)*. Все шутитъ... ахъ, Иванъ Петровичъ, Иванъ Петровичъ! *(Фурначеву.)* Мы вашему высокородію за нашу провинность послѣ трикраты послужимъ!

Digitized by Google

Фурначевъ. То-то «послужимъ»! Ты смотри же, этого слова не забудь!

Дмитрій Иванычъ *(возвращаясь).* Нѣтъ, каково говоритъ-то Леонидъ Сергѣичъ, каково говоритъ! А еще удивляются, что княжна имъ интересуется! Да я вамъ скажу: будь я женщиной, да начни онъ меня убѣждать, такъ я и Богъ знаетъ чего бы ни сдѣлалъ.

Фурначевъ (*съ разстановкой*). Мягко стелетъ, но жестко спать.

Живновскій. Это правильно!

Фурначевъ. Въ головѣ-то у него вѣтеръ ходитъ! Ему, конечно, еще незнакома наука жизни, а вѣдь куда корни ученія горьки!

Хрептюгинъ. Истинная правда, ваше высокородіе, истинная правда!

Фурначевъ. Тоже приглашаетъ къ пожертвованію! А почемъ онъ знаетъ: можетъ-быть, тотъ, котораго онъ, по легковѣрности своей, считаетъ Лазаремъ богатымъ, и есть тотъ самый убогій Лазарь, о которомъ въ Писаніи сказано! *(Краснѣетъ и на секунду умолкаетъ.)* Въ чужомъ карманѣ денегъ никто не считалъ... Про то только Владыко Небесный можетъ знать, что̀ у кого есть и чего нѣтъ! А если и подлинно деньги есть, такъ онѣ, быть-можетъ, чрезъ великій жизненный искусъ пріобрѣтены! (*Умолкаетъ. Наступаетъ нѣсколько минутъ тягостнаго безмолвія, въ продолженіе котораго Живновскій выпиваетъ двѣ рюмки водки.*)

Хрептюгинъ (*осторожно возобновляя разговоръ*). Что̀ новаго въ городу дѣлается, ваше высокородіе?

Фурначевъ. По палатѣ у насъ, слава Богу, благополучно. Вчерашняго числа совершился заподрядъ... Слава Всевышнему, благополучно!

Хрептюгинъ. По чемъ же за ведро-съ?

Фурначевъ. По пятидесяти пяти копеекъ. Цѣна настоящая.

Живновскій. Ну, и на нищую братію, чай, пришлось... Это правильно!

Digitized by Google

Хрептюгинъ. Молчи, сударь, молчи! Ваше высокородіе, прикажите его съ лѣстницы спустить!

Фурначевъ. Оставь!

Хрептюгинъ *(Живновскому)*. Ничтожный ты человѣкъ! Вотъ какъ его высокородіе про тебя разумѣетъ!

Фурначевъ. Оставь! *(Вновь наступаетъ нѣсколько секундъ молчанія, въ продолженіе которыхъ Фурначевъ величественно барабанитъ объ ручку дивана, а Хрептюгинъ нѣсколько разъ порывается возобновить разговоръ, но не можетъ.)*

Хрептюгинъ *(рѣшительно)*. Не прикажете ли холодненькаго, ваше высокородіе?

Фурначевъ. Не нужно!

Хребтюгинъ. Или изъ закусокъ чего-нибудь?

Фурначевъ. Это... можно.

СЦЕНА XI.

Тѣ же и Лакей.

Лакей *(подавая Хрептюгину письмо)*. Съ почты-съ.

Хрептюгинъ *(разсматривая письмо)* Отъ кого бы? А! отъ Антоніонаки! (*Къ Фурначеву.*) Позволите, ваше высокородіе?

Фурначевъ. Можешь.

Доброзраковъ. Ишь вѣдь и знакомые-то у него какіе: все *аки* да *ндросы!*

Живновскій. Питейная часть-съ... греки, римляне, финикіяне... вавилонъ-съ! *(Фурначевъ снисходительно смѣется.)*

Хрептюгинъ *(читаетъ)*. «Спѣшу увѣдомить тебя, любезный другъ Иванъ Онуфричъ, что дѣло о твоемъ чинѣ приняло самую непріятную турнюру. Извѣстный тебѣ и облагодѣтельствованный тобой столоначальникъ оказался величайшимъ вертопрахомъ, ибо не только не употребилъ врученныхъ тобою денегъ по назначенію, но, напротивъ того, истратилъ ихъ всѣ сполна на покупку картинъ непристойнаго содержанія»... (*Останавливается совершенно расте-*

Digitized by Google

рянный.) Гм!.. да... эта штука... могу сказать... ловкая, чортъ побери! *(Усмѣхается и вздрагиваетъ.)*

Дмитрій Иванычъ (*подбѣгая къ отцу*). Ну, что жъ за бѣда! надо еще жертвовать — вотъ и все! Есть отъ чего приходить въ отчаяніе!

Живновскій. Правильно! это значитъ только, что карьеръ нужно сызнова начинать!

Доброзраковъ. Можетъ, вы не доложили сколько-нибудь, Иванъ Онуфричъ?

Хрептюгинъ (*въ раздумьи*). Нѣтъ, да что жъ это такое? Жизни, что ли, они меня хотятъ лишить? (*Къ Фурначеву.*) Ваше высокородіе!..

Фурначевъ. Жаль мнѣ тебя, Иванъ Онуфричъ! Пострадалъ, братъ, ты... это именно, что пострадалъ! Однако, ты еще въ томъ можешь утѣшеніе для себя сыскать, что совѣсть у тебя спокойна... А много ли, скажи ты мнѣ, найдешь ты на свѣтѣ людей, которые съ чистымъ сердцемъ могутъ взирать на своего ближняго? Ты вотъ что въ соображеніе, другъ мой, возьми... и утѣшься!

Живновскій. Позвольте, благодѣтель, я стишки вамъ на этотъ случай скажу... я вѣдь въ молодыхъ-то лѣтахъ на всѣ руки былъ, даже и стихи сочинялъ... (*Припоминаетъ*). Какъ бишь? «Не унывай»... «Не унывай»... «Не унывай»... Эхъ, позабылъ, канальство! Ну, да все равно... главное-то «не унывай»... стало-быть, и вамъ унывать не слѣдуетъ.

Хрептюгинъ (*тоскливо*). Господи! денегъ-то что̀ изведено!

(*Занавѣсъ опускается.*)

V. — Для дѣтскаго возраста.

Вечеръ. Юный поэтъ Кобыльниковъ (онъ же и столоначальникъ губернскаго правленія) корпитъ надъ мелко-исписаннымъ листомъ бумаги въ убогой своей квартирѣ и съ неслыханнымъ озлобленіемъ грызетъ перо и кусаетъ ногти. Уже седьмой часъ; еще часъ — и квартира совѣтника Ло-

Digitized by Google

патникова озарится веселыми огнями рождественской елки; еще часъ — и *она* выйдетъ въ залу, въ коротенькомъ бѣленькомъ платьицѣ (увы! ей еще только пятнадцать лѣтъ!), выйдетъ свѣженькая и улыбающаяся, выйдетъ вся благоухающая ароматомъ невинности.

— А что, мсьё Кобыльниковъ, вы исполнили свое обѣщаніе? — спроситъ она его.

При этой мысли Кобыльниковъ вскочилъ со стула, какъ ужаленный, и схватилъ себя за голову. Онъ начиналъ сознавать, что заложилъ слишкомъ большой фундаментъ своему стихотворенію. Ужъ двѣ строфы, каждая въ восемь стиховъ, готовы и переписаны, но, судя по развитію, которое принимала основная мысль, нельзя было даже приблизительно предвидѣть, какой будетъ исходъ ея. Онъ уже принесъ достаточную дань восторговъ возникающимъ красотамъ молодой дѣвочки; упомянулъ и о платьицѣ, и о шейкѣ лилейной, и о щекахъ «словно персикъ пушистыхъ»...

И о томъ, о чемъ хотѣлъ бы,
Да не смѣю говорить...

Теперь онъ задалъ себѣ вопросъ: кому суждено обладать всѣми этими сокровищами — старцу ли безсильному, или поэту чернокудрому? Ужъ онъ начерталъ два первыхъ стиха:

О, скажи жъ, чей мощный образъ
Эту грудь воспламенитъ?
Эти перси...

Но тутъ воображеніе окончательно отказывалось служить. Риѳма на «образъ» рѣшительно не приходила; то-есть, коли хотите, и приходило кое-что въ голову, но все какая-то чушь: «вобразъ», «нобразъ» — чортъ знаетъ, какая дребедень!

— Нѣтъ, да каково же! каково же! — вопіялъ онъ въ отчаяніи: — каково это съ перваго же раза подлецомъ себя выставить!

Digitized by Google

А время, между тѣмъ, равнодушно смотрѣло на его горесть и подвигало да подвигало впередъ часовую стрѣлку. Кобыльниковъ тоскливо взглянулъ на часы и увидѣлъ, что до семи остается только пять минутъ.

— Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ не поѣду! — воскликнулъ онъ, бросаясь въ изнеможеніи на стулъ. — Лучше одинъ просижу, лучше безъ ужина останусь, нежели подлецомъ себя выставлю!

«Нобразъ!»—насмѣшливо шептало, между тѣмъ, воображеніе.

— Фуй, мерзость! и прилѣзутъ же въ голову такія пошлости, что ни складу, ни ладу нѣтъ!

Кобыльниковъ плюнулъ съ досады.

— Ни за что не поѣду! — повторилъ онъ, но вслѣдъ за этимъ ни съ того, ни съ сего раздумался.

Молодость вдругъ заговорила въ немъ ласкающими голосами. Передъ глазами его рисуется залитая свѣтомъ зала; посреди ея стоитъ елка, вся изукрашенная разными лентами и фольгой; елка, которой вѣтви гнутся подъ бременемъ пастилы и другихъ соблазнительныхъ сластей. А вонъ и бѣленькое платьице, вонъ и головка, обрамленная темными кудрями! Господи! что за грація въ очертаніяхъ этой головки! что за свѣжесть, что за сокровища въ этой едва-едва начинающей развиваться груди! И что за веселые звуки пролетаютъ по комнатѣ, когда эта милая дѣвочка засмѣется! Точно вотъ солнышко выглянетъ изъ-за хмурыхъ тучъ, и все вдругъ кругомъ улыбнется: и рѣчка, которая до тѣхъ поръ лѣниво катила сѣрыя волны, и ближняя лужайка, скрывавшая свой цвѣтной коверъ отъ дождей и холодовъ угрюмаго ненастья, и статскій совѣтникъ Поплавковъ, который сидитъ за карточнымъ столомъ и двадцатый разъ сряду озлобленно произноситъ: «пасъ!» Вотъ она пошла танцовать — и все-то выходитъ у нея не такъ, какъ у другихъ. Посмотрите, напримѣръ, или, лучше сказать, прислушайтесь, какъ танцуютъ Настя Поплавкова,

Digitized by Google

Нюта Смущенская! «Конь бѣжитъ, земля дрожитъ!» А она! Неслышно, почти незримо летаетъ она по крашеному полу, нимало не задѣвая крошечными ножками за землю и вся какъ будто уносясь и исчезая вверхъ!

Но, кромѣ того, и ужинъ не лишенъ своей прелести. Уже накрывается длинный столъ въ задней комнатѣ, и хотя руки двороваго офиціанта Андрея не совсѣмъ чисты, но, судя по хлѣбосольнымъ привычкамъ хозяина, нельзя сомнѣваться, что на столѣ будетъ и свѣжая осетрина, и жирный зажаренный лещъ, и все, однимъ словомъ, что̀ приличествуетъ кануну такого великаго праздника, какъ Рождество Христово.

— И надо же быть такому несчастію! — разсуждаетъ самъ съ собою Кобыльниковъ, но разсуждаетъ какъ-то вяло, безъ прежнихъ порывовъ. Вообще видно, что картины, которыя нарисовало ему воображеніе, произвели замѣтное разслабленіе во всемъ его организмѣ.

Въ это время часы прошипѣли семь. Кобыльниковъ машинально всталъ со стула и направился къ платяному шкапу.

«Нобразъ! нобразъ!» — шепнулъ вдругъ враждебный голосъ и остановилъ его на половинѣ дороги.

Съ минуту еще длилась борьба его съ самимъ собою, но, наконецъ, молодость взяла-таки свое. Кобыльниковъ поспѣшно нятянулъ на себя фракъ и, взглянувши на переписанныя двѣ строфы, покусился-было попытать счастья, нельзя ли сбыть ихъ съ рукъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были, но, по внимательномъ прочтеніи, стихотвореніе показалось ему еще болѣе недостаточнымъ, нежели когда-либо. Съ досадою отшвырнулъ онъ его отъ себя и выбѣжалъ изъ квартиры.

На дворѣ стояла ночь, та слѣпая, досадная ночь, которая можетъ случиться только въ далекомъ, провинціальномъ городкѣ, гдѣ откупщикъ еще не доведенъ кроткими мѣрами до сознанія своей обязанности жертвовать доста-

Digitized by Google

точное количество спирта для освѣщенія улицъ. Злой и рѣзкій вѣтеръ несся по улицѣ, поднимая и крутя въ воздухѣ цѣлые столбы снѣжной пыли, и взвизгивалъ, и завывалъ, ударяясь объ углы домовъ. Хорошо, что Кобыльникову предстояло пройти не болѣе тридцати шаговъ, а не то пришлось бы ему, бѣдному, воротиться въ квартиру и опять сѣсть за сочиненіе распроклятыхъ стиховъ.

«Нобразъ!» — взвизгнулъ вдругъ вѣтеръ въ самыя уши поэта.

— Фу, ты, чортъ! — пробормоталъ Кобыльниковъ и, плотнѣе завернувшись въ шинель, съ усиліемъ началъ карабкаться впередъ, утопая въ сугробахъ снѣга, заваливших тротуаръ.

Но вотъ ужъ брезжитъ свѣтъ сквозь снѣжный туманъ; сначала онъ мелькаетъ въ видѣ крошечнаго круга, но мало-по-малу кругъ разрастается, и освѣщенныя окна совѣтничьей квартиры представляются взору во всемъ ихъ заманчивомъ великолѣпіи. Издрогшій и измученный, врывается Кобыльниковъ въ переднюю желаннаго дома и долгое время поправляетъ потерпѣвшія отъ снѣга части своего туалета.

— А! молодой человѣкъ! милости просимъ! — встрѣчаетъ его хозяинъ дома, Иванъ Кузьмичъ Лопатниковъ. — Ну, что, одолѣли Капустниковское дѣло?

— Кончилъ-съ, — отвѣчаетъ Кобыльниковъ и мысленно говоритъ самому себѣ: «что, если бъ ты зналъ, что я, вмѣсто Капустниковскаго дѣла, цѣлые три часа корпѣлъ надъ сочиненіемъ стиховъ?»

— То-то, а не то насъ съ вами новый генералъ совсѣмъ съѣстъ!

Но, разговаривая съ хозяиномъ, Кобыльниковъ улучаетъ, однакожъ, минуту, чтобъ бросить взглядъ въ сторону, и съ удовольствіемъ примѣчаетъ, что точно такой же взглядъ выглядываетъ изъ-за ёлки и на него. Онъ спѣшитъ оставить гостепріимнаго хозяина и всѣми силами души

Digitized by Google

устремляется туда, откуда блеснулъ ему теплый лучъ привѣта и дѣтской привязанности.

Читатель! не знаю, живали ли вы въ провинціи, но я, который благоденствовалъ въ Вяткѣ и процвѣталъ въ Перми, жуировалъ жизнью въ Рязани и наслаждался душевнымъ спокойствіемъ въ Твери, я смѣю васъ удостовѣрить, что воспоминанія о видѣнныхъ мною елкахъ навсегда останутся самыми свѣтлыми воспоминаніями пройденной жизни! Во-первыхъ, какая-то умиротворяющая, праздничная струя носится въ это время въ воздухѣ, какая-то свѣтлая, радостная мысль просится въ душу при видѣ этихъ зажженныхъ свѣчей, этихъ полныхъ, румяныхъ лицъ, при звукахъ этого говора и смѣха; а во-вторыхъ, что за прелестныя созданія эти дѣти, какъ пытливо озираются ихъ умненькіе глазки, и какъ мало похожи они на своихъ отцовъ, тутъ же предстоящихъ и съ томленіемъ выжидающихъ момента, когда можно засѣсть за зеленый столъ или пріударить по питейной части! Иной родитель расползся поперекъ себя толще, лицо у него на кругъ швейцарскаго сыру похоже, даже носа словно совсѣмъ нѣтъ, а сынокъ у него, смотришь, шустренькій, черномазенькій, глазки такъ и прыгаютъ, а носикъ римскій, тоненькій, словно выточенный; иной родитель похожъ на артиста, черноволосый, худощавый, блѣдный и вообще, что называется, интересный jeune homme, а сынокъ у него похожъ на губернатора, который, въ свою очередь, похожъ на копну. Вотъ и поди ты! Смотришь, бывало, на этихъ улыбающихся, кудрявыхъ дѣтей, смотришь и думаешь: неужели Ваня будетъ когда-нибудь совѣтникомъ питейнаго отдѣленія? неужели эта рѣзвая, быстроглазая Ляля будетъ когда-нибудь вице-губернаторшей? И подумавши, взгрустнешь потихоньку.

Коля, мой другъ! не отплясывай такъ бойко казачка, ибо ты не будешь совѣтникомъ питейнаго отдѣленія! Скоро придетъ бука и всѣхъ совѣтниковъ оставитъ безъ пирожнаго!

Digitized by Google

Ляля, милый мой ребенокъ! Не скругляй такъ своихъ маленькихъ ручекъ, не склоняй такъ кокетливо головушку на правую сторонушку, не мани такъ мило Митю Прорѣхина, ибо Митя не будетъ вице-губернаторомъ! Скоро придетъ бука и всѣхъ вице-губернаторовъ упразднитъ за ненадобностью!

— Принесли? — спрашиваетъ, между тѣмъ, Наденька у Кобыльникова, который, пунцовый какъ вишня, стоитъ передъ нею, переминая въ рукахъ шляпу.

— Я-съ, Надежда Ивановна... я-съ... я началъ, но еще не окончилъ,—заикается Кобыльниковъ.

— А я такъ думаю, что вы только похвастались, что умѣете стихи писать!

И Наденька порхнула отъ него, какъ птичка.

— Я, Надежда Ивановна, много ужъ написалъ, — умолялъ вслѣдъ ей Кобыльниковъ.

Но Наденька была уже далеко и щебетала, окруженная своими подругами.

— Ахъ, дай поскорѣе!—умоляла Нюта Смущенская.

— Mesdames! мы уйдемъ читать въ спальную! — говорила Настя Поплавкова.

— Нечего читать, онъ только похвастался! онъ совсѣмъ и не умѣетъ писать стихи!—отвѣчала Наденька голосомъ, которому она усиливалась сообщить равнодушный тонъ, въ которомъ слышалась, однакожъ, досада.—Mesdames, мы его не будемъ принимать сегодня въ наше общество!

Въ это время Кобыльниковъ приблизился.

— Наденька!—сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ.

Наденька вскинула головку и взглянула на него такъ гордо, что бѣдный поэтъ внезапно почувствовалъ себя глупымъ.

— Вотъ еще новости! — сказала Наденька и при томъ такъ громко, что Кобыльниковъ осмотрѣлся во всѣ стороны и не на шутку струсилъ, чтобъ восклицанія этого не услышалъ папа̀ Лопатниковъ.

Digitized by Google

Послѣ того вся юная компанія порхнула въ другую комнату, оставивъ Кобыльникова окончательно убитымъ.

— Какой онъ, однакожъ, жалкій! — замѣтила при этомъ Нюта Смущенская.

— Вотъ еще, жалкій! Хвастунъ — и больше ничего! — хладнокровно отвѣтила жестокосердая Наденька.

Кобыльниковъ стоялъ словно обданный холодной водой. На душѣ у него было смутно и пусто, и какъ на смѣхъ еще подвернулись тутъ два скверные и глупые стиха:

Ничто меня не утѣшаетъ,
Ничто меня не веселитъ...

которые такъ и жужжали, словно неотвязный комаръ, въ ушахъ его.

«Что за проклятый вечеръ! Сначала эта риѳма подлѣйшая, а теперь вотъ и еще какая-то мерзость лѣзетъ!» — подумалъ Кобыльниковъ и даже сгорѣлъ весь отъ стыда.

А вечеръ, между тѣмъ, шелъ своимъ чередомъ.

Папà Лопатниковъ безъ трехъ обремизилъ статскаго совѣтника Поплавкова, несчастіе котораго до такой степени поразило присутствующихъ, что всѣ, даже играющіе, какъ-то сжались и притихли, какъ бы свидѣтельствуя этимъ скорбнымъ молчаніемъ о своемъ сочувствіи къ великому горю угнетеннаго многочисленнымъ семействомъ мужа. Поплавковъ сидѣлъ красный какъ ракъ и какъ бы не понималъ, чтò вокругъ него происходитъ; даже ремиза не ставилъ, а безсознательно чертилъ пальцемъ по столу какую-то необыкновенную цифру. Супруга же его, заглянувъ въ комнату играющихъ, тотчасъ повернула налѣво кругомъ и сказала во всеуслышаніе:

— А мой дуракъ только и дѣла, что проигрываетъ!

Дѣти шумѣли и волновались: Митя Прорѣхинъ доказательно убѣждалъ Васю Затиркина отдать ему свою долю орѣховъ, приводя въ основаніе такой резонъ, что у того, кто кушаетъ много лакомства, дѣлаются современемъ соломенныя ножки. Маня Кулагина упрашивала братца Сашу

Digitized by Google

представить, какъ у нихъ на дворѣ индѣйскіе пѣтухи кричатъ: «здравія желаемъ, ваше благородіе!» Сеня Порубинъ, мальчикъ горбатенькій и злющій, какъ бы провидя, что̀ происходитъ въ душѣ Кобыльникова, подбѣгалъ къ нему и начиналъ задирать насчетъ отношеній его къ Наденькѣ, причемъ позволялъ себѣ даже темные намеки относительно какихъ-то интимностей, будто бы существовавшихъ между Наденькой и первоклассникомъ-гимназистомъ Прохоровымъ, который въ это самое время забился въ уголъ и видимо наслаждался, ковыряя въ носу. И Кобыльниковъ никакъ не могъ поймать Порубина, чтобъ надрать ему хорошенько уши, потому что скверный чертенокъ, произведя ехидство, ускользалъ изъ рукъ его какъ змѣя.

Наденька то и дѣло порхала по комнатѣ и, какъ нарочно, смѣялась и болтала съ особеннымъ увлеченіемъ именно въ то время, когда проходила мимо огорченнаго поэта. Злую мысль внушилъ Кобыльникову Сеня Порубинъ.

— Еще бы не быть веселой, когда душка-Прохоровъ здѣсь! — процѣдилъ онъ сквозь зубы въ одну изъ минутъ когда Наденька была близко него.

Наденька вспыхнула и какъ будто оступилась.

— Вы это что̀ говорите?—спросила она, останавливаясь передъ нимъ.

— Ничего; я говорю, что не мудрено, что нѣкоторымъ людямъ весело: душка-Прохоровъ здѣсь!—глупѣйшимъ образомъ настаивалъ Кобыльниковъ, поигрывая ключикомъ отъ часовъ.

— Я надѣюсь, однако, что отъ этой минуты между нами все кончено? — сказала Наденька и тотчасъ же удалилась.

— Это какъ вамъ угодно-съ,—говорилъ вслѣдъ Кобыльниковъ. — Конечно, со мной разстаться что̀ же значитъ, когда есть въ запасѣ душка-Прохоровъ!

Обида эта глубоко уязвила крошечное сердце Наденьки, тѣмъ болѣе уязвила, что въ упрекѣ Кобыльникова была

Digitized by Google

нѣкоторая доля правды. Дѣйствительно, былъ короткій промежутокъ времени, но очень, впрочемъ, короткій, когда Наденька увлекалась Прохоровымъ. Слишкомъ рано развитой ребенокъ, она уже мечтала о чемъ-то; она украшала Прохорова различными достоинствами и добродѣтелями, которыя создавало ея дѣтское воображеніе; она любила уединяться съ нимъ и съ большою важностью говорила ему: «теперь, Прохоровъ, потолкуемте о вашемъ будущемъ!»

Но Прохоровъ любилъ только ковырять въ носу и говорилъ съ увлеченіемъ единственно о лакомствахъ, потому что въ душѣ былъ великій и страстный обжора. Увлеченіе Наденьки скоро прошло; она была даже убѣждена, что никто ничего не замѣтилъ... и вдругъ! Наденька бѣгала около елки, суетилась и болтала безъ умолку, но сердце ея работало. Среди начатой фразы, она вдругъ почувствовала, что нѣчто тѣснитъ ея грудь, что нѣчто жгучее подступаетъ къ ея глазамъ. Она вырвалась изъ толпы и убѣжала во внутреннія комнаты.

Кобыльниковъ все это видѣлъ, но ничего не понялъ. Онъ видѣлъ, что Наденька весела, и понялъ только то, что у Наденьки, должно-быть, башмачокъ развязался, если она такъ стремительно убѣжала.

А Наденька, между тѣмъ, уткнувшись въ подушку, обливала ее горячими слезами. И чѣмъ обильнѣе лились эти слезы, тѣмъ мягче и легче становилась самая обида, вызвавшая ихъ, тѣмъ назойливѣе смотрѣлось въ душу иное чувство, чувство, которое, въ одно и то же время, и заставляло ныть ея бѣдное сердце, и проливало въ него цѣлые потоки радости и успокоенія.

— Гадкій Кобыльниковъ! — сказала она съ послѣднимъ всхлипываніемъ. — Бѣдный Митенька! — повторила она вслѣдъ затѣмъ, сладко задумавшись.

Елка, между тѣмъ, догорѣла; по данному знаку, дѣти кинулись на нее всей толпою и тотчасъ же повалили на

Digitized by Google

землю; произошло всеобщее замѣшательство; слышался визгъ, смѣшанный съ кликами торжества; Сеня Порубинъ, несмотря на свою хилость и многочисленные изъяны, какъ-то такъ изловчился, что успѣлъ запихать въ свои карманы чуть не половину гостинцевъ. Прохоровъ тоже полѣзъ-было на фуражировку вмѣстѣ съ прочими, но ему не удалось достать ни одной палочки пастилы, потому что дѣти подкатывались ему подъ ноги и рѣшительно не давали приняться за дѣло какъ слѣдуетъ; да къ тому же и няня маленькихъ Поплавковыхъ безъ церемоніи поймала его за руку и вывела изъ толпы, сказавъ при этомъ строго: «стыдись, сударь! такой большой выросъ, а съ дѣтьми баловаться хочешь! Еще Машенькѣ ручку отдавишь!»

Какъ было бы совѣстно Наденькѣ, если бы она видѣла эту сцену!

Но о ней вспомнили только тогда, когда елки уже не существовало. Папà Лопатниковъ серьезно обезпокоился и собрался-было на поискъ за своею дѣвочкой, какъ она появилась сама въ дверяхъ залы.

Наденька была нѣсколько блѣдна, но на вопросъ папаши: «не болитъ ли головка?» отвѣчала: «не болитъ», а на вопросъ: «не болитъ ли животикъ?» отвѣчала: «ахъ, чтò вы, папаша!» и, вся вспыхнувши, спрятала свое личико на отцовской груди.

— Что же съ тобой, душенька?—допрашивалъ папаша.

— Ахъ, папаша, какой вы! — отвѣчала Наденька и порхнула отъ него въ сторону.

Во время этого допроса у Кобыльникова какъ-то все выше и выше поднималось сердце, и вдругъ сдѣлалось для него ясно, что онъ прескверную штуку сыгралъ, сказавши Наденькѣ такую пошлость. Со злобою, почти съ ненавистью взглянулъ онъ на Сеню Порубина и началъ-было показывать золоченый орѣхъ, чтобъ подманить его къ себѣ; но Сеня словно провидѣлъ, чтò дѣлается въ душѣ его, и,

Digitized by Google

самъ показывая ему цѣлую кучу золоченыхъ орѣховъ, только смѣялся, а съ мѣста не трогался.

«Ну, чортъ съ тобой! когда-нибудь послѣ раздѣлаемся!»— подумалъ Кобыльниковъ, и въ ту же самую минуту какъ бы инстинктивно взглянулъ въ ту сторону, гдѣ была Наденька.

Оттуда глядѣли на него два сѣрыхъ глаза, и глядѣли съ тѣмъ же безграничнымъ простодушіемъ, съ тою же беззавѣтною нѣжностью, съ какою они привѣтствовали его изъ-за елки въ минуту прихода. Точно приросли къ нему эти глубокіе, большіе глаза, точно не въ силахъ были они смотрѣть никуда въ другую сторону. Кобыльникову почуялось, словно кровь брызнула у него изъ сердца и вотъ источается капля по каплѣ и наполняетъ грудь его. Горячо и бодро вдругъ стало ему.

— Посмотрите-ка, Надька-то! — шептала змѣище - Поплавкова горынчищу-Порубиной: — глазъ не можетъ отъ этого молокососа отвести, словно съѣсть его хочетъ!

— Влюблена, Анна Петровна, какъ кошка влюблена!— отвѣчала maman Порубина и какъ-то злобно дрогнула при этомъ плечами.

— Удивляюсь, однако, чего этотъ старый дуралей смотритъ!

— А чѣмъ же онъ не партія? Для безприданницы и этакой хоть куда!

— Ну, да все же...

— Вы что же ко мнѣ не идете? — спрашивала, между тѣмъ, Наденька Кобыльникова тѣмъ полушопотомъ, въ который невольно переходитъ голосъ, когда идетъ рѣчь о дѣлѣ, затрогивающемъ всѣ живыя струны существа.

Кобыльниковъ не отвѣчалъ; онъ просто-на̀-просто задыхался.

— Вы что ко мнѣ не идете?—повторила Наденька.

Онъ продолжалъ молчать, хотя сердце въ немъ умирало отъ жажды высказаться. Онъ чувствовалъ, что если вымолвитъ хоть одно слово, то не въ силахъ будетъ выдер-

Digitized by Google

жать. Можетъ-быть, онъ бросится къ Наденькѣ и стиснетъ въ своихъ рукахъ это доброе, любящее созданіе; можетъ-быть, онъ не бросится, но зальется слезами и зарыдаетъ...

— Вы отчего мнѣ руки не даете?—настаивала Наденька.

— Наденька!—вырвалось изъ груди Кобыльникова.

— Вы зачѣмъ глупости говорите?

— Голубчикъ!—простоналъ Кобыльниковъ.

— А когда будутъ стихи?

Кобыльниковъ ужъ совсѣмъ-было собрался отвѣчать, что стихи не миѳъ, что стихи почти совсѣмъ готовы, что не только одно стихотвореніе, но десять, двадцать, сто стихотвореній готовъ онъ настрочить на прославленіе своей милой, безцѣнной Наденьки, какъ вдругъ скверный мальчишка Порубинъ испортилъ все дѣло.

— Вобразъ! — пискнулъ онъ, едва-едва не проскакивая между ногъ Кобыльникова.

Кобыльникову показалось, что самъ злой духъ говоритъ устами мальчишки.

— Ты почему знаешь? — сказалъ онъ, рванувшись въ погоню за мальчикомъ и поймавъ-таки его.—Нѣтъ, ты говори, почему ты знаешь?

— Мамаша, меня Кобыльниковъ деретъ!—завизжалъ во всю мочь Сеня.

При этомъ восклицаніи Кобыльниковъ невольно выпустилъ изъ рукъ свою добычу и даже началъ гладить Сеню по головѣ.

— Нѐчего, нѐчего гладить по головѣ! — шипѣлъ юный змѣенышъ. — Мамаша! онъ меня деретъ за то, что я его поймалъ съ Наденькой!

Началось слѣдствіе.

— Позвольте узнать, Дмитрій Николаичъ, что̀ вамъ сдѣлало невинное дитя?—допрашивала Кобыльникова оскорбленная maman Порубина.

— Вашъ сынъ мнѣ сказалъ дерзость! — отвѣчалъ совершенно растерявшійся Кобыльниковъ.

Digitized by Google

— Мамаша! Я ничего ему не говорилъ!—съ своей стороны жаловался Сеня, искусно всхлипывая.

— Вашъ сынъ сказалъ мнѣ: «вобразъ»!—внезапно брякнулъ Кобыльниковъ.

— «Вобразъ»! Что̀ такое «вобразъ»? и чѣмъ же это слово для васъ обидно?

Говоря это, maman Порубина сомнительно покачивала головой и разводила руками.

— Ну, да! вобразъ, нобразъ, собразъ, побразъ!—дразнилъ обозлившійся Сеня, приплясывая передъ Кобыльниковымъ.

— Изволите видѣть?—сказалъ Кобыльниковъ.

— Вижу! все вижу! Стыдно вамъ, молодой человѣкъ! Сеня! отойди прочь отъ нихъ и не смѣй никогда съ ними разговаривать!

Порубина величественно удалилась, уводя за руку Сеню и безпрестанно оглядываясь, какъ бы въ опасеніи, что за ней бѣжитъ по пятамъ сама чума.

Кобыльникову сдѣлалось скверно; онъ вдругъ почувствовалъ, что не только скромпрометировалъ Наденьку, но и самъ сдѣлался смѣшнымъ въ ея глазахъ. Сколько онъ сдѣлалъ въ этотъ вечеръ глупостей! Онъ сдѣлалъ ихъ три: во-первыхъ, увлекся нелѣпой риѳмой, которая помѣшала ему кончить стихи, между тѣмъ какъ можно было бы одинъ стихъ и нериѳмованный вставить (самые лучшіе поэты это дѣлаютъ); во-вторыхъ, сказалъ Наденькѣ какую-то пошлость насчетъ ея отношеній къ Прохорову; въ-третьихъ, связался съ пакостнѣйшимъ мальчишкой, который навѣрно произведетъ скандалъ на весь городъ. Кобыльникову показалось, что всѣ глаза обращены на него, что всѣ лица проникнуты строгостью, и что даже служитель Андрей намѣривается взять въ руки метлу, чтобъ вымести ею изъ честнаго дома гнуснаго соблазнителя пятнадцатилѣтнихъ дѣвицъ. Кобыльникова бросило въ жаръ; чтобъ оправиться отъ своего смущенія, онъ поспѣшилъ юркнуть въ хозяйскій кабинетъ.

Digitized by Google

Тамъ за нѣсколькими столами шла игра. Игралъ въ ералашъ предсѣдатель казенной палаты съ губернскимъ прокуроромъ противъ совѣтника казенной палаты и батальоннаго командира. Предсѣдатель казенной палаты былъ не въ духѣ; къ нему пришло двѣнадцать пикъ безъ туза и двойка червей; онъ сходилъ съ двойки пикъ — тузъ оказался у партнера, который, однако, отвѣчать не могъ.

— Сижу на капиталахъ! — жаловался предсѣдатель.— Вѣдь это все франки, все франки!

Прокуроръ былъ смущенъ: онъ понялъ игру и старался только угадать, какая же у предсѣдателя тринадцатая карта. Предсѣдатель, какъ бы провидя его думу, поспѣшилъ разсѣять всѣ сомнѣнія и откровенно показалъ свою двойку червей, убѣждая только, чтобъ прокуроръ игралъ скорѣе.

Напротивъ того, къ совѣтнику валило: во всемъ у него была и игра, и поддержка, но самое счастіе не радовало его, ибо онъ чувствовалъ, что оно огорчаетъ его начальника. Поэтому онъ всячески старался оправдаться; разбирая карты, пожималъ плечами, какъ бы говоря: «вѣдь лѣзетъ же такое дурацкое счастье!» Дѣлая ходъ, не клалъ карту на столъ, а какъ-то презрительно швырялъ ее, какъ бы говоря: «вотъ и еще сукинъ сынъ тузъ!» Но предсѣдатель не принималъ ничего въ уваженіе, а напротивъ того — взъѣлся на своего подчиненнаго.

— Вы зачѣмъ же игру-то свою раскрываете?—пристал онъ къ нему.

Совѣтникъ сдѣлалъ ренонсъ.

— У васъ трефъ нѣтъ?—строго спросилъ батальонный командиръ.

— Нѣтъ-съ... есть-съ,—заикался совѣтникъ.

«И солгать-то не умѣлъ!»—подумалъ предсѣдатель.

А Кобыльниковъ смотрѣлъ на играющихъ и все думалъ, какъ бы чѣмъ-нибудь такимъ увѣнчать этотъ вечеръ, чтобъ за одинъ разъ искупить всѣ три глупости. Ему вдругъ

Digitized by Google

сдѣлалось хорошо и весело; ему представилась большая, освѣщенная комната; посреди комнаты стоитъ Наденька въ бѣломъ тарлатановомъ платьицѣ, а подлѣ Наденьки стоитъ онъ; у нихъ въ рукахъ бокалы съ шампанскимъ; къ нимъ подходятъ гости, тоже съ бокалами въ рукахъ, и поздравляютъ.

— Иванъ Дементьичъ! — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, подходя, подъ вліяніемъ этихъ радужныхъ мечтаній, къ хозяину дома:— позвольте мнѣ нѣсколько словъ вамъ наединѣ сказать-съ...

Иванъ Дементьичъ посмотрѣлъ на него съ неудовольствіемъ, потому что это неожиданное вмѣшательство отвлекало его отъ игры. Однако, видя, что Кобыльниковъ весь дрожалъ, онъ встревожился.

— Что̀ такое еще? Ужъ не затерялъ ли Капустниковскаго дѣла?—спросилъ онъ.

— Мнѣ-съ... наединѣ!—повторилъ Кобыльниковъ.

Иванъ Доментьичъ отошелъ съ нимъ въ сторону.

— Ну?—сказалъ онъ.

— Мнѣ-съ... я желаю...—заикался Кобыльниковъ, къ которому вдругъ возвратилась вся его робость.

— Да говори же, любезный, не мни!—съ досадой торопилъ Иванъ Дементьичъ.

— Я прошу руки Надежды Ивановны! — скороговоркой проговорилъ Кобыльниковъ.

Иванъ Дементьичъ повернулъ жениха къ свѣту и на одно мгновеніе посмотрѣлъ на него съ любопытствомъ. Потомъ тотчасъ же пошелъ на старое мѣсто, предварительно отмахнувшись, какъ будто хотѣлъ согнать сѣвшую на носъ муху. Кобыльниковъ остолбенѣлъ и разставилъ не только руки, но и ноги; въ глазахъ у него позеленѣло, комната ходила кругомъ. Онъ понималъ только одно: что эта глупость была четвертая и при томъ самая крупная. Вдругъ онъ почувствовалъ, что промежъ ногъ у него что-то копошится: то былъ Сеня Порубинъ.

Digitized by Google

— Анъ, это четвертая!—дразнился скверный мальчишка, очевидно схватывая на-лету интимную мысль, терзавшую бѣднаго Кобыльникова.

Кобыльниковъ даже не слыхалъ; онъ былъ уничтоженъ и опозоренъ, хотя папа̀ Лапотниковъ, возвратясь на мѣсто, точно такъ же равнодушно объявилъ семь въ червяхъ, какъ бы ничего и не случилось. А Порубинъ, между тѣмъ, все подплясываетъ да поддразниваетъ: «анъ, четвертая!» Кобыльниковъ крадется по стѣнкѣ, чтобъ какъ-нибудь незамѣтнымъ образомъ улизнуть въ переднюю. Сеня Порубинъ замѣчаетъ это и распускаетъ слухъ, что у бѣглеца животъ болитъ. Кобыльниковъ слышитъ эту клевету и останавливается; онъ бодро стоитъ у стѣны и бравируетъ; но, несмотря на это, уничтожить дѣйствіе клеветы уже невозможно. Между дѣвицами ходитъ шопотъ: «бѣдняжка!» Наденька краснѣетъ и отворачивается; очевидно, ей стыдно и больно до слезъ.

«Собразъ!»—подсказываетъ проклятая память, и Кобыльниковъ, словно ужаленный, бросается вонъ изъ комнаты, производя своимъ бѣгствомъ игривое шушуканье между дѣвицами . . . . . .

. . . . . .

И вотъ опять Кобыльниковъ сидитъ въ одинокой своей квартирѣ, сидитъ и горько плачетъ! Передъ нимъ лежитъ Капустниковское дѣло, а слезы такъ и текутъ на бумагу; передъ нимъ: *проситъ купецъ Капустниковъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты*,—а у него глаза заволокло туманомъ, у него сердце рвется, бѣдное, на части!

Сквозь эти слезы, сквозь эти рыданія сердца, ему мелькаетъ свѣтлый образъ милой дѣвочки, ему чудится ея свѣжее дыханье, ему слышится біеніе ея маленькаго сердца...

— Митенька?—говоритъ она, вся застыдившись и склоняя на его плечо свою кудрявую головку.

— Mesdames,—шепчутъ кругомъ дѣвицы:—mesdames! у Кобыльникова животъ болитъ!

Digitized by Google

Кобыльниковъ вскакиваетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ, схватывая себя за голову и вообще дѣлая всѣ жесты, какіе приличны человѣку, пришедшему въ отчаяніе.

«Вобразъ!»—кричитъ вдругъ неотвязчивая память.

Кобыльниковъ закусываетъ себѣ въ кровь губу отъ злости: онъ опять садится къ столу и опять принимается за Капустниковское дѣло, въ надеждѣ заглушить въ себѣ воспоминанія вечера.

А за перегородкой возятся хозяева-мѣщане. Они тоже—по всему видно—воротились изъ гостей и собираются спать. Слышны вздохи, слышно выниманіе ящиковъ изъ комодовъ, слышенъ шелестъ какой-то, который всегда сопровождаетъ раздѣваніе и укладываніе. Наконецъ, все стихло.

— Дура ты или нѣтъ?—допрашиваетъ хозяинъ свою хозяйку:—дура ты или нѣтъ?

— Ты проспись, пьяница! Ты опомнись, какой завтра праздникъ-то!—усовѣщиваетъ хозяйка.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи: дура ты или нѣтъ?—настаиваетъ хозяинъ.

За перегородкой слышится потрясающее зѣванье. Голова Кобыльникова мало-по-малу склоняется и наконецъ совсѣмъ упадаетъ на Капустниковское дѣло. Ему снится елка, ему снится, что онъ стоитъ посреди освѣщенной залы и что рядомъ съ нимъ, вмѣсто Наденьки, стоитъ купецъ Капустниковъ. *и проситъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты...*

VI.—Миша и Ваня.

Забытая исторія.

Въ передней сидятъ два мальчика, Ваня и Миша, и ждутъ барыню изъ гостей. Скоро полночь, а барыня все не ѣдетъ; сальный огарокъ оплылъ и нагорѣлъ; тусклый и мелькающій свѣтъ его освѣщаетъ только лица двухъ собесѣдниковъ, да столъ, передъ которымъ они сидятъ; вверху и по угламъ темно. Въ домѣ тихо, словно въ гробу; гор-

Digitized by Google

ничныя дѣвки давно ужъ поужинали, воротились изъ кухни и улеглись спать, гдѣ попало, наказавши мальчикамъ разбудить ихъ, какъ только пріѣдетъ барыня. Въ окна, по временамъ, показывается что-то бѣлое: мелькнетъ-мелькнетъ и опять скроется; это сыплетъ снѣгъ, но мальчики думаютъ, что выглядываетъ голова мертвеца, и вздрагиваютъ.

Ваня мальчикъ крѣпкій, быстрый, черноволосый и черноглазый; онъ увѣряетъ Мишу, что ничего не боится, что однажды онъ видѣлъ настоящаго, заправскаго мертвеца— и того не струсилъ.

— Я ничего не боюсь,—говоритъ онъ, невольно, впрочемъ, блѣднѣя, когда морозъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, стукнетъ въ стѣны барскаго дома:—мнѣ только скучно, да и то съ тобой ничего!

— А ну, какъ мы сгоримъ?—робко спрашиваетъ Миша.

— Сгорѣть мы не можемъ,—отвѣчаетъ Ваня такимъ увѣреннымъ тономъ, что Миша тотчасъ же успокаивается.

Миша, въ противоположность Ванѣ, мальчикъ слабенькій, нервный, бѣленькій, съ бѣлокурою головкой и большими синими глазами. Онъ часто посматриваетъ на потолокъ и, увидѣвши, какой тамъ сгустился мракъ, вздрагиваетъ и пожимается.

Въ ту минуту, какъ мы съ ними знакомимся, они ведутъ оживленный, но нѣсколько странный разговоръ.

— Холоднымъ-то ножомъ, чай, больно? — спрашиваетъ Миша, пристально глядя Ванѣ въ глаза.

— Это только разъ больно, а потомъ ничего!—отвѣчаетъ Ваня и покровительственно гладитъ Мишу по головѣ.

— А помнишь, какъ поваръ Михей рѣзался! Тоже сначала все хвастался: зарѣжусь да зарѣжусь! а какъ полыснулъ ножомъ-то по горлу да какъ потекла кровь-то...

— Ну, что жъ что поваръ Михей! Михейка и вышелъ дуракъ! Потомъ, небось, вылѣчился, а для чего вылѣчился? все одно наказали дурака; а мы ужъ такъ полыснемъ, чтобъ не вылѣчиться!

Digitized by Google

— Ты ножи-то приготовилъ ли, Ваня?

— Когда не приготовилъ! еще съ утра выточилъ! Только ты у меня смотри, чуръ, не отступаться!

Миша вздохнулъ потихоньку; глаза его остановились на нагорѣвшей свѣчкѣ.

— Что̀, развѣ снять со свѣчки... въ послѣдній разъ!— сказалъ онъ слегка взволнованнымъ голосомъ.

— Что̀ съ нея снимать-то? А я тебѣ вотъ что̀ скажу, Мишутка: коли мы это теперича сдѣлаемъ, такъ безпремѣнно въ рай попадемъ, потому теперь мы маленькіе и грѣховъ у насъ нѣтъ! А замѣсто насъ попадетъ въ адъ Катерина Аѳанасьевна!

— А Ивану Васильичу будетъ за насъ что-нибудь?

— Ну, Ивану Васильичу, можетъ, и проститъ Богъ, потому онъ не самъ собою дѣйствуетъ!

— Катерину-то Аѳанасьевну, стало-быть, мучить будутъ?

— Еще какъ, братъ, мучить-то, не роди ты, мать-земля! Первымъ дѣломъ на желѣзный крюкъ за ребро повѣсятъ, вторымъ дѣломъ заставятъ голыми ногами по горячей плитѣ ходить, потомъ сковороду раскаленную языкомъ лизать, потомъ желѣзными кнутьями по голой спинѣ бить... да столько, братъ, мученіевъ, что̀ и сказать страсти!

— А вѣдь она не стерпитъ, Катерина-то Аѳанасьевна?

— Что̀ ей, чорту экому, сдѣлается! стерпитъ! Да тамъ, братъ, Мишутка, на это не посмотрятъ! Тамъ, братъ, терпи! а не можешь терпѣть—все-таки терпи!

Разговоръ на минуту смолкъ. Вдругъ на улицѣ завыла собака, завыла жалобно и тоскливо, какъ умѣютъ выть только собаки.

— Ишь ты, это Трезорка покойника почуялъ!—сказалъ Миша измѣнившимся голосомъ.

— Ну, что жъ что почуялъ! Извѣстно, почуялъ! А ты, небось, ужъ и трусу спраздновалъ!

— Нѣтъ, Ваня, я не боюсь, я такъ только... я только думаю, отчего это собака всегда покойника чувствуетъ?

Digitized by Google

— А оттого, что собака—другъ человѣка! Вотъ лошадь тоже другъ человѣка, только она понятія не имѣетъ, а собака—она все понимаетъ, оттого и покойника чувствуетъ!

— А что, Ваня, кабы утопнуть? — спросилъ вдругъ Миша.

— Чудакъ ты, Мишутка! Ты мнѣ разскажи сперва, какая нынче вода? Ты скажи, лѣто нынче, что ли?

— Да, нынче вода холодная... чай, въ воду-то бултыхнешься, такъ и не стерпишь!

— Вотъ то-то же и есть! Утопнуть-то — надо въ пролубь лѣзти, да еще барахтаться станешь, вылѣзешь, пожалуй; что̀ однихъ мученіевъ тутъ примешь—поймп ты! А съ ножомъ ловко! ножомъ какъ полыснулъ себя разъ—тутъ тебѣ и конецъ! Разумѣется, надо крѣпче!

— И бить никто больше не будетъ!—прошепталъ Миша.

— И бить не будетъ! Возьмутъ твою душу ангелы и понесутъ къ престолу Божьему!

— А Богъ—ничего?

— А Богъ—спроситъ: зачѣмъ вы, рабы Божіи, предѣла не дождались? зачѣмъ, скажетъ, вы смертную му̀ку безо времени приняли? А мы Ему все и скажемъ!

— Мы все скажемъ, какъ насъ Катерина Аѳанасьевна мучила, какъ намъ жить тошнёхонько стало, какъ насъ день-деньской все били... все-то били, все-то тиранили!

Миша потупился; накипѣвшія на сердцѣ слезы горячимъ ключомъ хлынули изъ глазъ. И текли эти слезы, текли свободно, безъ усилій, безъ гримасъ, какъ течетъ созрѣвшій источникъ изъ переполненной груди земли-матери. Ваня сталъ утѣшать расплакавшагося.

— А мы ловко ее завтра надуемъ, Катерину-то Аѳанасьевну,—сказалъ онъ:—завтра гости у нея за столомъ соберутся, анъ служить-то будетъ и некому!

Миша вздохнулъ въ отвѣтъ.

— Я и ножи-то всѣ попряталъ,—продолжалъ Ваня:—и ѣсть-то нечѣмъ будетъ.

Digitized by Google

А Миша все-таки никакъ не могъ уняться; Ваня все возможное дѣлалъ, чтобъ какъ-нибудь развлечь его; сначала со свѣчи снялъ, потомъ глянулъ въ окно и сказалъ: «а сиверъ-то, сиверъ-то какой разыгрался! Ишь ты! ишь ты!»; наконецъ тоненькимъ голоскомъ запѣлъ: «ахъ вы, ночки, ночки наши темныя!» — но Миша не только продолжалъ плакать, но при звукахъ пѣсни еще болѣе растужился.

— Нюня ты!—сказалъ Ваня съ нетерпѣніемъ.

Въ залѣ загудѣли часы. Заслышавши эти шипящіе звуки, Миша вздрогнулъ, въ послѣдній разъ глубоко вздохнулъ и пересталъ плакать.

— Скоро барыня пріѣдетъ,—робко сказалъ онъ, насчитавши двѣнадцать часовъ.

— Дожидайся—скоро!—отвѣчаетъ Ваня.—Эхъ, теперь бы вотъ соснуть лихо!

— Нѣтъ, ужъ ты не спи, Ваня, Христа-ради!

— Небось, боишься?

— Боюсь!—признался Миша и весь съёжился

— Ну, дуракъ и есть! Сколько разъ я тебѣ говорилъ, что тамъ ничего нѣтъ!—поучалъ Ваня, указывая на двери, которыя вели въ неосвѣщенный коридоръ. — Хочешь, я сейчасъ туда пойду?

Однако, угрозы своей не исполнилъ. Водворилось молчаніе, а съ нимъ вмѣстѣ водворилась и тишина, тоскливая, надрывающая сердце тишина... Мальчики пристально вглядывались въ трепещущее пламя свѣчи; Ваня водилъ по столу большимъ пальцемъ, нажимая его, отчего палецъ сначала двигался плотно, а потомъ начиналъ подпрыгивать. На дворѣ опять завыла собака.

— Ишь ее! ишь ее!—вымолвилъ Ваня и вслѣдъ затѣмъ прибавилъ:—А что, Миша, гдѣ-то теперь Оля?

Оля была сестра Миши. Это была хорошенькая, бѣлокурая и бѣленькая дѣвушка, очень похожая на своего брата; ей было осьмнадцать лѣтъ. Съ полгода тому назадъ она неизвѣстно куда пропала, и разсказовъ объ этомъ вне-

Digitized by Google

запномъ исчезновеніи ходило между дворней множество. Говорили, что она отъ дурного житья скрылась, но говорили также, что и отъ стыда. Достовѣрно было то, что однимъ утромъ она пошла на рѣчку стирать и не возвращалась; на берегу была найдена корзина съ невыстираннымъ бѣльемъ, но ни одежды прачки, ни даже тѣла ея нигдѣ найдено не было. Достовѣрно также, что за два дня передъ тѣмъ она была острижена и что по этому случаю плакала, рвалась и убивалась. Барыня клялась и надсаживала себѣ грудь, завѣряя, что поганка Ольгушка утопилась не отъ дурного обращенія, а для того, чтобъ скрыть свой стыдъ. Тѣмъ не менѣе, на всемъ этомъ происшествіи лежала какая-то горькая тайна, и неизвѣстно было даже, дѣйствительно ли утопилась Ольга, или только бѣжала. При слѣдствіи нѣкоторые дворовые люди показали-было, что житье Ольги было «нехорошее»; но исправникъ, производившій слѣдствіе (такъ какъ происшествіе случилось въ подгородной деревнѣ Катерины Аѳанасьевны), ничему этому не повѣрилъ.

— Ну, вы это все врете! вы говорите правду, а не врите! — сказалъ онъ показателямъ и тутъ же приказалъ пригласить Катерину Аѳанасьевну.

Катерина Аѳанасьевна ахала и ссылалась на то, что у нея людей говядиной кормятъ. Позвали людей и спросили, дѣйствительно ли ихъ кормятъ говядиной; отвѣтъ былъ, что кормятъ. Исправникъ подумалъ, посопѣлъ и записалъ: «помѣщики содержатъ людей хорошо и даже говядиной кормятъ».

— Что же вы, бестіи, врали? — обратился онъ къ дворовымъ.

Дворовые стояли блѣдные и переминаясь съ ноги на ногу; у нѣкоторыхъ искусаны были до крови губы. Катерина Аѳанасьевна замѣтила эту нераскаянность и сочла справедливымъ упасть въ обморокъ. Исправникъ бросился утѣшать ее, уславъ оторопѣвшаго Ивана Васильевича за

Digitized by Google

спиртомъ. Результатомъ всего этого было краткое, но сильное объявленіе, написанное рукою самого исправника. Оно гласило:

«Утромъ 24 сего іюня изъ сельца Полянокъ неизвѣстно куда скрылась принадлежащая отставному штабсъ-ротмистру Ивану Васильевичу Балящеву дѣвка Ольга Никандрова. Примѣтами та дѣвка: роста высокаго, бѣлокура, волосы стрижены, лицомъ бѣла, глаза синіе, носъ и ротъ умѣренные, особая примѣта: надъ лѣвой ноздрей небольшое родимое пятнышко; есть подозрѣніе въ беременности. Унесла съ собой данное ей помѣщикомъ пестрядинное платье, въ которое и была въ тотъ день одѣта. Полицейскія начальства, въ вѣдомствѣ коихъ та бѣглая дѣвка окажется, благоволятъ препроводить оную въ р—ій земскій судъ, для отдачи по принадлежности».

Тѣмъ это дѣло и закончилось. Катерина Аѳанасьевна на нѣкоторое время присмирѣла, но мѣсяца черезъ два совсѣмъ забыла о происшествіи и начала жуировать жизнью попрежнему.

Катерина Аѳанасьевна была глубоко развращенная женщина, но не знаю, имѣю ли я право называть ее злою. По крайней мѣрѣ, весь городъ къ ней ѣздилъ, и цѣлый день въ ея домѣ было, что называется, разливанное море; весь городъ зналъ, какіе она *фарсы* выдѣлываетъ надъ Машками и Ольгушками, и тѣмъ не менѣе никто не рѣшался отозваться объ этихъ фарсахъ не только строго, но даже и уклончиво. Напротивъ того, ее всѣ любили, потому что въ своемъ кругу она была барыня веселая и даже добрая, многимъ изъ своихъ друзей дѣлала разныя одолженія и всѣхъ равно отлично принимала и кормила.

— Сегодня у Катерины Аѳанасьевны за обѣдомъ, въ супѣ, таракана подали, — говорили про нее въ городѣ: — что жъ бы вы думали? Она преспокойно-себѣ позвала повара и приказала ему таракана съѣсть!

— Лихая баба!

Digitized by Google

— Бѣдовая!

Нѣкоторые, конечно, дѣлали изрѣдка предположеніе, «какъ бы, дескать, не попасться Катеринѣ Аѳанасьевнѣ за эти *фарсы*», но очевидно, что въ этомъ случаѣ сомнѣніе заползало совсѣмъ не по поводу самыхъ *фарсовъ*, а по поводу глагола «попасться». Самые же фарсы служили какъ бы осёлкомъ для обнаруженія своего рода остроумія, котораго кровавости никто не замѣчалъ, своего рода изобрѣтательности, которой ехидства никто не подозрѣвалъ.

— Сенька, поди, лизни печку!—говорили Сенькѣ.

Сенька лизалъ печку и обжигалъ языкъ; онъ возвращался весь красный, лицо его какъ-то неестественно напыживалось, изъ глазъ выжимались слезы.

— Ну, дуракъ, еще ревѣть вздумалъ!—говорили одни.

— Рожа-то, рожа-то какая!—восклицали другіе.

И затѣмъ слѣдовалъ взрывъ общаго, веселаго хохота.

Хохотъ—и больше ничего...

Не ясно ли, что все это безъ злорадства дѣлалось, что при этомъ главный расчетъ совсѣмъ не въ томъ состоялъ, чтобъ причинить Сенькѣ мучительную боль, а въ томъ, чтобъ посмотрѣть, какую Сенька рожу уморительную скорчитъ, какъ онъ напыжится... Самые кроткіе люди молчали, когда Сеньку посылали лизать пылающую печь; самые кроткіе люди не могли слегка не фыркнуть, когда Сенька возвращался, по совершеніи своего подвига, весь красный и пыхтящій... Они молчали и фыркали не потому, чтобъ одобряли подобнаго рода увеселенія, но просто потому, что такое ужъ время юмористическое было.

Теперь все это какой-то тяжкій и страшный кошмаръ; это кошмаръ, отъ котораго освободило Россію прекрасное, великодушное слово царя-освободителя... Да, оно одно. Ибо кто же можетъ ручаться, не лизалъ ли бы — безъ этого слова—Сенька горячую печку и до сей минуты? Не ходила ли бы дѣвка Ольга Никандрова и до сей минуты стриженная и оплеванная гостями своей барыни? Гдѣ гарантіи

Digitized by Google

противнаго? Въ нравахъ, что ли? Но развѣ не извѣстно, что славяне имѣютъ нравъ веселый, легкій и мало углубляющійся? Въ слезахъ, что ли? Но развѣ не извѣстно, что слезы, которыя при этомъ капаютъ, капаютъ внутрь, капаютъ кровавыми каплями на сердце и все накипаютъ, все накипаютъ тамъ, покуда не перекипятъ совершенно?

Никогда не бываетъ зло такъ сильно, какъ въ то время, когда оно не чувствуется, когда оно, такъ сказать, разлито въ воздухѣ. — «Что это за зло? — говорятъ тогда добросовѣстные изслѣдователи, которые имѣютъ привычку разсматривать предметы не съ одной, а со всѣхъ сторонъ: — это не зло, а просто порядокъ вещей!» — И на этомъ успокаиваются.

Кто же можетъ утверждать, что такому порядку вещей не суждено было продлиться и еще на многія лѣта, если бы сильная воля не вызвала насъ изъ тьмы кроваваго добродушія и бездны ехидной веселости?

Повторяю: это былъ тяжкій и страшный кошмаръ, въ которомъ и давящіе, и давимые были равно ужасны.

Напоминаніе о сестрѣ подѣйствовало на Мишу болѣзненно. Онъ вдругъ, словно подъ тяжестью какой, пригнулся; блѣдное его личико сдѣлалось бѣлѣе полотна и на необсохшихъ еще глазахъ опять сверкнуло слезообильное облако.

— А вѣдь она барынѣ являлась! — продолжалъ Ваня.

— Врешь ты! — всхлипывалъ Миша чуть слышно.

— Являлась — это вѣрно! Ключница Матрена сказывала, что барыня-то, словно мертвая, изъ спальни въ ту пору выскочила, ни кровинки въ лицѣ нѣтъ!

— Врешь ты, она жива! — настаивалъ Миша, совершенно захлебываясь слезами.

— Ну, братъ, нѣтъ, это погоди! Она утопла — это ужъ какъ дважды-два! Изъ-за чего жъ бы ей тогда барынѣ являться, кабы она не утопла!

— Врешь ты! врешь все! — кричалъ Миша, съ которымъ чуть не сдѣлалась истерика.

Digitized by Google

— Ну, и опять-таки ты дуракъ! Изъ-за чего ты нюни-то распустилъ! Извѣстно, намъ одинъ конецъ!

Миша смолкъ; онъ, повидимому, что-то припоминалъ. Припоминалъ онъ, какъ Оля, проходя мимо него, наскоро трепала его по щекѣ и приговаривала: «дурашка ты мой!»— припоминалъ онъ, какъ Оля однажды надѣвала на него чистенькую новенькую рубашечку и сказала при этомъ: «ну, носи теперь на здоровье, Мишутка ты мой!»—припоминалъ онъ, какъ однажды Оля выбѣжала въ лакейскую вся блѣдная и изъ глазъ ея ручьями текли слезы; припоминалъ онъ голосъ, молившій о пощадѣ, голосъ искаженный, вымученный, кричавшій: «матушка, Катерина Аѳанасьевна, не буду! батюшка, Иванъ Васильичъ, не буду!»— припоминалъ онъ, какъ упала изъ-подъ ножницъ длинная русая коса Оленькина, какъ Оля билась и рвалась...

«Ахъ, не надо! не рѣжьте!»—раздавался въ ушахъ Миши знакомый молящій голосъ, раздавался съ такою ясностью и отчетливостью, что онъ вдругъ повѣрилъ... Онъ повѣрилъ, что Оля умерла дѣйствительно, и что это она, именно она является къ барынѣ и мучитъ ее по ночамъ. Ему показалось даже, что она и теперь съ ними, что она зоветъ его.

— Оля-то здѣсь вѣдь! — сказалъ онъ испуганнымъ голосомъ.

— Ну, вотъ это ты ужъ врешь! — отвѣчалъ Ваня, и между тѣмъ самъ вздрогнулъ и инстинктивно озирался кругомъ.

— Ей-Богу здѣсь!—настаивалъ Миша.

— Дуракъ ты! говорятъ тебѣ, нѣтъ никого! И изъ-за чего ей являться-то къ намъ? Ты пойми, зачѣмъ покойникъ является? Покойникъ является затѣмъ, чтобъ мучить; а насъ за что мучить она будетъ? Мы вѣдь Олю не трогали, Оля была добрая... да, она добрая была дѣвка!

— Оля была добрая! — машинально повторилъ Миша и ласково взглянулъ на своего товарища.

Digitized by Google

— Постой ка, я по угламъ посмотрю!—продолжалъ Ваня, какъ будто съ единственною цѣлью успокоить Мишу; но очевидно было, что онъ и самого себя не прочь былъ успокоить.

Ваня всталъ съ лавки и сначала посмотрѣлъ подъ столъ; потомъ обошелъ всю комнату и въ углахъ даже пошарилъ по стѣнѣ; потомъ заглянулъ въ дверь, ведущую въ коридоръ. Никакого видѣнья нигдѣ не оказалось.

— Ну, вотъ, и нѣтъ ничего! — сказалъ онъ, усаживаясь на старое мѣсто.

— Оля была добрая!—задумчиво повторилъ Миша.

— За доброту-то и въ дворнѣ ее всѣ любили! Помнишь, Степка какъ убивался, какъ она пропала-то? Степка-то, говорятъ, жениться на ней хотѣлъ!

— Стало, его за это въ ту пору въ часть посылали?

— За это, за самое... Степка-то барынѣ говоритъ: «лучше, говоритъ, Катерина Аѳанасьевна, вы меня теперича въ солдаты отдайте, а служить, говоритъ, я вамъ не желаю!»

— Ишь ты!

— А барыня говоритъ: «нѣтъ, говоритъ, Степушка, въ солдаты я тебя не отдамъ, а вотъ въ пастухахъ ты у меня сгніешь!» И гніетъ!

— И для чего только это она его въ солдаты не отдала!

— А потому, братецъ, такой у ней нравъ!

— А вѣдь въ солдатахъ, Ваня, хорошо?

— Ну... кто жъ его знаетъ! Однако, все лучше, нечѣмъ у насъ; у насъ ужъ какая жизнь!

Миша опять задумался; онъ хотѣлъ сказать Ванѣ, что лучше было бы въ солдаты пойти, чѣмъ... но на этомъ мысль его оборвалась; очевидно, онъ боялся разсердить Ваню и выставить себя въ глазахъ его трусомъ.

— А знаешь ли что̀, Мишутка? — вдругъ спросилъ Ваня.

Digitized by Google

— Что тебѣ?

— Пойдемъ-ка мы, обойдемъ комнаты... посмотримъ!

Мишѣ тотчасъ же мелькнуло: въ послѣдній разъ!

— Пойдемъ, Ваня!—сказалъ онъ.

Ваня снялъ со свѣчи и пошелъ впередъ.

— Вотъ это, братъ, зала!—сказалъ онъ, когда пришли въ первую комнату.

— Зала!—повторилъ за нимъ Миша.

— Кланяйся, братъ, теперь на всѣ четыре стороны!—наставлялъ Ваня.

Миша поклонился на всѣ четыре стороны; Ваня исполнилъ вмѣстѣ съ нимъ то же самое.

Такимъ образомъ обошли они всѣ комнаты и вездѣ простились; дошли, наконецъ, до крайней комнаты, гдѣ стояла широкая двуспальная кровать.

— Ишь ихъ!—сказалъ Ваня, и не только не поклонился на всѣ четыре стороны, но плюнулъ.

— Знаешь ли что,—продолжалъ онъ:—зажжемъ-ка теперь лиминацію! Вѣдь колдовка-то еще, чай, долго не пріѣдетъ!

— Зажжемъ! —согласился Миша, и на лицѣ его сверкнула дѣтски-радостная улыбка.

По всему видно было, что натура Миши была натура нѣжная, женственная, артистическая; онъ любилъ, когда въ комнатѣ бывало свѣтло и свѣжо, и, напротивъ того, куксился въ мракѣ и спертомъ воздухѣ передней. По всему видно также, что Ваня зналъ про это свойство Миши и желалъ чѣмъ-нибудь угодить ему.

Зажгли иллюминацію дѣйствительно блестящую; Миша пожелалъ быть хозяиномъ, Ваня изъявилъ согласіе быть гостемъ. Но едва успѣли хозяинъ и гость усѣсться съ ногами на диванъ, едва успѣлъ хозяинъ предложить своему гостю обычный вопросъ о здоровьѣ, какъ въ передней раздался сильнѣйшій трезвонъ. Хозяинъ и гость бросились тушить свѣчи, но впопыхахъ дѣло не спорилось; раздался еще трезвонъ, болѣе сильный и болѣе нетерпѣливый.

Digitized by Google

Наконецъ, свѣчи кое-какъ затушили и бросились въ переднюю. Черезъ дверь еще Ваня слышалъ, какъ барыня сердиться изволили.

— Это все мальчишки-мерзавцы!—говорила она въ величайшемъ гнѣвѣ.—Вотъ ужо погоди!

— Успокойся, душенька, — уговаривалъ Иванъ Васильичъ:—можетъ-быть, это братецъ Никаноръ Аѳанасьичъ пріѣхалъ!

Въ это время Ваня отперъ наружную дверь.

— Братецъ Никаноръ Аѳанасьичъ здѣсь?—былъ первый вопросъ барыни.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Кто же свѣчи въ залѣ зажигалъ?

— Никто не зажигалъ-съ.

— Мерзавецъ!

Сильный ударъ свалилъ Ваню съ ногъ.

— Кто зажигалъ свѣчи въ залѣ? — накинулась барыня на Мишу, который стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— Никакъ нѣтъ-съ,—едва-едва прошепталъ Миша.

— Долго ли вы мучить-то насъ будете?—какимъ-то неестественнымъ голосомъ закричалъ Ваня, вскочивъ съ полу, и не успѣлъ никто моргнуть глазомъ, какъ онъ уже впился ногтями въ ротъ и носъ Катерины Аѳанасьевны.

Катеринѣ Аѳанасьевнѣ сдѣлалось дурно; Ваню насилу отняли отъ нея, потому что онъ словно замеръ и закоченѣлъ весь. Катерину Аѳанасьевну повели подъ-руки въ спальню, причемъ Иванъ Васильичъ приговаривалъ: «и какъ это тебѣ, матушка, не стыдно безпокоить себя изъ-за этихъ хамовъ!» Ваню тоже увели на кухню; онъ не плакалъ, а только кричалъ; очевидно, что все существо его было глубоко и рѣшительно потрясено, что онъ не обладалъ собою, и этотъ рѣзкій неестественный крикъ вылеталъ изъ его груди помимо его воли. Вся дворня страшно переполошилась и сбѣжалась кругомъ Вани; начали его от-

Digitized by Google

тирать и насилу уняли. Когда крики унялись, Ваня мгновенно и крѣпко заснулъ.

Потому ли, что Катерина Аѳанасьевна дѣйствительно заболѣла, или потому, что дворовые доложили объ изступленіи, въ которомъ находился Ваня, но распоряженія насчетъ мальчиковъ въ ту ночь, никакого сдѣлано не было. Сказано было только держать обоихъ въ кухнѣ. Миша легъ подлѣ Вани, но долго не могъ сомкнуть глазъ; завтрашній день представлялся его возбужденному воображенію со всѣми подробностями, со всѣми ужасающими истязаніями. Мерещились ему пуки розогъ, мерещилась ему Катерина Аѳанасьевна; лицо ея словно пылало, на головѣ словно змѣи вились, разѣвая рты, и высовывались оттуда огненныя жала. Ваня по временамъ стоналъ; дворовые кругомъ безмятежно спали; Мишѣ сдѣлалось страшно...

«Ахъ, не надо! ахъ, не рѣжьте!» — раздавалось у него въ ушахъ, и образъ сестры носился передъ его глазами какъ живой, но не въ затрапезномъ, истасканномъ платьѣ, а весь бѣлый, прозрачный, весь словно озаренный чудеснымъ блескомъ...

Наконецъ, часовъ около трехъ онъ заснулъ.

Въ четыре часа Ваня разбудилъ его. Долго смотрѣлъ на него Миша изумленными, слипающимися глазами, долго не могъ понять, гдѣ онъ и что съ нимъ...

— Пора!—шепталъ Ваня.

Миша вздрогнулъ, но все еще не понималъ.

— Вставай!—настаивалъ Ваня.

Миша машинально всталъ и машинально же одѣлся. Они вышли въ сѣни; холодный воздухъ охватилъ ихъ со всѣхъ сторонъ и нѣсколько отрезвилъ Мишу. Въ рукахъ у Вани были ножницы; онъ проворно скинулъ съ себя казакинъ и началъ рѣзать его на куски.

— Не доставайся никому!—шепталъ онъ какъ-то злобно и сосредоточенно.

Digitized by Google

Потомъ онъ снялъ съ себя сапоги и проткнулъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ головки.

Миша смотрѣлъ на это, и вдругъ въ немъ вспыхнула какая-то страстная жажда жизни. Онъ ухватилъ себя обѣими ручонками за горло, началъ метаться и заплакалъ.

— Нюня! ступай спать!—произнесъ Ваня.

— Нѣтъ, нѣтъ!—заикался Миша:—нѣтъ, нѣтъ!.. я пойду! я, право, пойду!

— Что жъ ты ревешь? развѣ вчера не видѣлъ?

Они вышли на дворъ и перелѣзли черезъ заборъ. Улица была пуста, и непробудная тишина царствовала по всему городу. Дворовая собака Трезорка бросилась-было къ нимъ съ ласковымъ визгомъ, но Ваня показалъ ей кулакъ, вслѣдствіе чего она вильнула раза два хвостомъ и юркнула въ свою конуру. Утро было не столько холодное, сколько сырое и туманное; словно облако какое-то висѣло надъ улицей, словно мгла, наполненная иглистыми атомами, застилала воздухъ. Ваня былъ въ одной рубашкѣ; ему сдѣлалось холодно.

— Ну, братъ, — сказалъ онъ: — это я напрасно... Напрасно, значитъ, я теперича казакинъ свой изрѣзалъ!

Миша не отвѣчалъ ему: вообще онъ дѣйствовалъ какъ-то страдательно, словно горѣла, и упорно горѣла, въ немъ непорванная струя жизни, но не знала, какъ ей высказаться, какъ прорваться наружу.

И вотъ передъ ними оврагъ; въ этомъ оврагѣ условились они исполнить свое намѣреніе: Ваня разсчитывалъ, что тамъ никто имъ не помѣшаетъ, никто не можетъ придти скоро на помощь.

Ваня спустился и пошелъ впередъ; онъ былъ бодръ, а между тѣмъ манящіе, сладкіе голоса жизни говорили и въ немъ; онъ смѣялся, а между тѣмъ въ груди его закипала какая-то страстная жажда; онъ шелъ и точилъ другъ объ друга ножи; но звукъ, который отъ этого происходилъ, былъ какой-то невеселый, отрывистый звукъ; онъ чувство-

Digitized by Google

валъ, что внутри его все горитъ, а между тѣмъ блѣдное, исхудалое тѣло ходенемъ ходило отъ проницающей сырости и холода... Миша шелъ за нимъ слѣдомъ и попрежнему былъ въ какомъ-то забытьи.

На свѣту, будочникъ, спокойно спавшій въ своей будкѣ, былъ разбуженъ проѣзжими мужиками. Мужики слышали стонъ въ оврагѣ и почтительно докладывали о томъ дремлющему блюстителю общественной тишины.

— Батюшки! помогите!—прозвенѣло въ эту самую минуту въ воздухѣ.

Спустились въ оврагъ и нашли двухъ мальчишекъ, изъ которыхъ одинъ былъ одѣтъ въ казакинѣ, другой—въ одной рубашкѣ. Ваня былъ бездыханенъ, но Миша еще былъ живъ. Невѣрная, трепещущая рука въ нѣсколько пріемовъ полоснула ножомъ по горлу, но робко и нерѣшительно.

Жажда жизни сказалась и восторжествовала.

VII.—Нашъ дружескій хламъ.

Когда мы, губернскіе аристократы, собираемся другъ у друга по вечерамъ, какого рода можетъ быть у насъ между собою бесѣда? Перемываемъ ли мы косточки своихъ ближнихъ, бесѣдуемъ ли о существѣ лежащихъ на насъ обязанностей, сообщаемъ ли другъ другу о нашихъ служебныхъ и сердечныхъ bonnes fortunes, о томъ, напримѣръ, что сегодня утромъ былъ у насъ подрядчикъ Скопищевъ, а завтра мы ждемъ заводчика Бѣлугина, и проч., и проч.?

На всѣ эти вопросы я съ гордостью могу отвѣчать, что обыденная, будничная жизнь не составляетъ и не можетъ составлять достойной канвы для нашихъ салонныхъ разговоровъ. Утромъ, запершись въ своихъ жилыхъ комнатахъ, мы можемъ, à la rigueur, переворачивать наше грязное бѣлье, бесѣдовать съ нашими секретарями и принимать различнаго рода антрепренеровъ; но съ той минуты, какъ

Digitized by Google

мы покидаемъ жилыя комнаты и являемся въ наши салоны, всѣ эти неопрятности мгновенно исчезаютъ, подобно тому, какъ исчезаютъ клопы и другія насѣкомыя, гонимыя свѣтомъ дня. Какъ люди благовоспитанные, мы являемся въ наши салоны не иначе, какъ во фракахъ, и очень хорошо понимаемъ, что, находясь въ обществѣ, не имѣемъ права тревожить чье-либо обоняніе эманаціями нашего задняго двора.

Да и какой интересъ могло бы представлять для насъ это переворачиванье домашняго хлама, когда намъ до такой степени извѣстны и переизвѣстны всѣ наши маленькія дѣлишки, наши карманныя скорби и любостяжательныя радости, что мы, какъ древніе авгуры, взглянуть другъ на друга безъ того не можемъ, чтобъ не расхохотаться?

Если я, напримѣръ, встрѣчаю на улицѣ его превосходительство Ивана Ѳомича и вижу, что въ очахъ его плаваетъ маслянистая влага, а самъ онъ, при встрѣчѣ со мной, покрывается пурпуромъ стыдливости и смотритъ на меня съ какимъ-то дѣтскимъ простодушіемъ, какъ будто хочетъ сказать: «посмотри, какъ я невиненъ! и посмотри, какъ хороша природа и какъ легка жизнь для чистыхъ сердцемъ!»—то я положительно знаю, что и этотъ пурпуръ, и эта ясность души происходятъ совсѣмъ не отъ того, что его превосходительство былъ на секретномъ любовномъ свиданіи, а оттого, что въ томъ заведеніи, въ которомъ онъ состоитъ аристократомъ, происходили сего числа торги. И по степени влажности глазъ, и по бо̀льшей или мѐньшей невинности ихъ выраженія и безошибочно заключаю о степени успѣшности торговъ... Къ чему, скажите на милость, были бы тутъ вопросы, въ родѣ: «какъ поживаете, каково прижимаете?» Къ чему тутъ ласки, коварства и увѣренія, если я опредѣлительно вижу, что сей человѣкъ счастливъ, что душа его полна музыки и что весь онъ погруженъ въ какія-то сладкія, неземныя созерцанія? И дѣйствительно,

Digitized by Google

встрѣчи наши происходятъ въ молчаніи; онъ посмотритъ на меня ласково и признательно, я взгляну на него симпатически; онъ скажетъ: «гм!» и я скажу: «гм!»... и мы расходимся каждый по своему дѣлу.

Или, напримѣръ, когда я вижу другого аристократа, генерала Голубчикова, пробирающагося, часовъ въ шесть пополудни, бочкомъ по темному переулку, и робко при этомъ озирающагося, то положительно могу сказать, что генералъ пробирается не къ кому другому, а именно къ привилегированной бабкѣ Шарлоттѣ Ивановнѣ. Хотя же его превосходительство, замѣтивъ меня, и начинаетъ помахивать тросточкой, дѣлая видъ, что онъ гуляетъ, но я отнюдь не отважусь предложить ему пройтись вмѣстѣ со мною, потому что твердо знаю, что такого рода предложеніе въ конецъ уязвить его пылающее сердце. Руководясь этою мыслью, я прикасаюсь слегка къ полямъ моей шляпы и говорю: «гм!». Генерàлъ, который въ другое время тоже отвѣтилъ бы мнѣ à la militaire, въ настоящемъ случаѣ считаетъ неизлишнимъ снять съ головы своей шляпу совершенно (не погуби, дескать), и тоже говоритъ: «гм!»... и мы расходимся. А между тѣмъ дорóгой воображеніе уже рисуетъ передо мной образы. Съ одной стороны я вижу маленькаго генералика, совершенно пропадающаго въ объятіяхъ дебелой привилегированной бабки, а съ другой стороны—величественную и не менѣе дебелую генеральшу, спокойно предающуюся дома послѣобѣденному сну и вовсе не подозрѣвающую, что ея крошечный Юпитерикъ нашелъ въ захолустьи какую-то вольнаго поведенія Іо и воспитываетъ ее въ явный ущербъ своей Юнонѣ.

И еще, напримѣръ, если я вижу въ восемь часовъ утра извѣстнаго подрядчика Скопищева, стучащагося въ двери дома, занимаемаго капитаномъ Малаховичемъ, то отнюдь не думаю, что Скопищевъ очутился здѣсь ни-свѣтъ-ни-заря затѣмъ только, чтобъ узнать о здоровьи супруги и дѣтей пана Малаховича, но съ полною достовѣрностью заключаю,

Digitized by Google

что ранній визитъ этотъ имѣетъ тѣсную связь съ постройкой земляной дамбы въ городѣ ***. При этомъ въ умѣ моемъ естественно возникаетъ вопросъ: «если отъ пятнадцати тысячъ отдѣлить двадцать процентовъ, то какая составится изъ этого сумма?» И въ это самое время, поравнявшись съ капитанскою квартирой, я усматриваю въ одномъ изъ оконъ толстенькую фигуру, къ чему-то канальски прислушивающуюся. Замѣтивъ меня, капитанъ нѣсколько краснѣетъ (вѣроятно, оттого, что я увидѣлъ его въ утреннемъ неглиже), произноситъ: «гм!» и поспѣшно удаляется отъ окна.

— То-то «гм!»—произношу и я въ свою очередь, и продолжаю идти своею дорогой.

Скажите на милость: къ чему же было намъ бесѣдовать о томъ, для уразумѣнія чего достаточно одного движенія губъ, одной мимолетной искры въ глазахъ, одного помаванія головы?

И дѣйствительно, канвою для нашихъ разговоровъ служатъ предметы несравненно болѣе возвышенные. Надо вамъ сказать, благосклонный читатель, что хотя мы и называемся «губернскими аристократами», но, къ великому прискорбію, аристократичность наша довольно сомнительная. Мы, что называется, аристократы съ подлинцою. Отечествомъ большей части изъ насъ служили четвертые этажи тѣхъ поражающихъ опрятностью казенныхъ зданій, которыя во множествѣ украшаютъ Петербургъ и въ которыхъ благополучно процвѣтаютъ всѣхъ возможныхъ видовъ и цвѣтовъ экзекуторы и экспедиторы. Тамъ мы увидѣли свѣтъ, тамъ возрасли и воспитались, и если самъ Петербургъ способенъ производить только чиновниковъ и болотныя испаренія, то можно себѣ вообразить, на производство какого рода издѣлій способны упомянутые выше четвертые этажи? И дѣйствительно, мы вполнѣ прошли всю суровую школу безгласности и смиреномудрія; мы были по очереди и секретарями, и приказчиками у имѣющихъ власть людей,

Digitized by Google

и поставщиками духовъ, собачекъ и румянъ у ихъ женъ, и забавою у ихъ гостей. Мы безмѣрно радовались и безобразію нашихъ носовъ, и геморроидальному цвѣту нашихъ лицъ, потому что все это составляло предметъ забавы и увеселенія для нашихъ благодѣтелей и вмѣстѣ съ тѣмъ заключало въ себѣ источникъ нашего будущаго благополучія — нашу фортуну и нашу карьеру! Наконецъ, послѣ долгихъ лѣтъ терпѣнія и томныхъ искательствъ, мы получили дипломы на званіе губернскихъ аристократовъ, съ правомъ володѣть сколько душѣ угодно. По началу свѣжій воздухъ провинціи сшибъ-было насъ съ ногъ; однако, свыкшись съ малолѣтства со всякаго рода огнепостоянностями, мы устояли и здѣсь, и мало того, что устояли, но даже озаботились устроить вокругъ себя ту самую атмосферу, которая всечасно напоминаетъ нашимъ носамъ переднія нашихъ благодѣтелей. Очевидно, что при такомъ направленіи умовъ всѣ наши симпатіи, всѣ вздохи и порыванія должны стремиться къ нему, къ этому милому Петербургу, гдѣ проведена была наша золотушная молодость и гдѣ у каждаго изъ насъ имѣется, по крайней мѣрѣ, по двадцати пяти штукъ пріятельски-знакомыхъ начальниковъ отдѣленія.

Дни прихода петербургской почты бываютъ въ нашемъ обществѣ днями какой-то тревожной и вмѣстѣ съ тѣмъ восторженной дѣятельности. Это и понятно, потому что въ эти дни мы получаемъ письма отъ нашихъ пріятелей-начальниковъ отдѣленія. Мы поспѣшаемъ другъ къ другу, чтобъ подѣлиться свѣжими вѣстями, и вотъ образуется между нами живая и интимная бесѣда.

— Ну, что, ваше превосходительство, — спрашиваю я у генерала Голубчикова:—получили что-нибудь изъ столицы?

— Какъ же-съ, какъ же-съ, ваше превосходительство! — отвѣчаетъ генералъ, потирая руки:—графъ Петръ Васильевичъ не оставляетъ-таки меня безъ пріятныхъ извѣстій о себѣ...

Digitized by Google

— Такъ вы получили письмо отъ самого графа?—спрашиваю я, нѣсколько подзадоренный.

— Мм... да,—отвѣчаетъ генералъ такимъ тономъ, какъ будто ему на все наплевать:—графъ частенько-таки изволитъ переписываться со мной!

— Мм... да,—произношу я и въ свою очередь, не желая уступить генералу Голубчикову, еще съ бо̀льшимъ равнодушіемъ прибавляю:—а я такъ получилъ письмо отъ князя Николая Андреича... Каждую почту пишетъ! даже надоѣлъ старикъ!

И если при этомъ я положительно убѣжденъ, что генералъ Голубчиковъ совралъ постыднѣйшимъ образомъ, то генералъ, съ своей стороны, столь же положительно убѣжденъ, что и я совралъ не менѣе постыдно, что̀ не мѣшаетъ намъ, однако, остаться совершенно довольными нашимъ разговоромъ.

— Скажите, пожалуйста! — удивляется въ другомъ углу его превосходительство Иванъ Ѳомичъ, слушающій чтеніе какого-то письма.

— «... внушили себѣ, будто на лбу ихнемъ фиговое дерево произрастаетъ, и никто сей горькой мысли изъ ума ихъ сіятельства изгнать не можетъ», — раздается звучный голосъ статскаго совѣтника Генералова, читающаго вслухъ упомянутое письмо.

— Да правда ли это? Отъ кого вы получили это письмо?—сыплются съ разныхъ сторонъ вопросы.

— Отъ экзе... отъ директора, — скороговоркой поправляется статскій совѣтникъ Генераловъ, поспѣшно пряча письмо въ карманъ.

— А крѣпкій былъ старикъ!—говоритъ генералъ Голубчиковъ, котораго, какъ неслужащаго подъ начальствомъ таинственнаго «ихъ сіятельства», описанное выше происшествіе интересуетъ только съ психической точки зрѣнія.

— Н-да... крѣпкій...—въ раздумьи и словно машинально повторяетъ недавно опредѣленный молодой предсѣдатель

Digitized by Google

Курилкинъ, при чтеніи письма какъ будто струсившій и поблѣднѣвшій.

— Я съ княземъ еще въ то время познакомился,—ораторствуетъ генералъ Голубчиковъ: — когда столоначальникомъ въ департаментѣ служилъ. И представьте себѣ, какой однажды со мной случай былъ...

— Н-да, случай!.. — повторяетъ Курилкинъ, у котораго уже помутились взоры отъ полученнаго извѣстія.

— Вы какъ будто нездоровы, Иванъ Павлычъ? — обращается съ участіемъ къ Курилкину Иванъ Ѳомичъ.

— Нѣтъ... я ничего, — скороговоркой отвѣчаетъ Курилкинъ:—au fait, что̀ мнѣ князь?

— «Что̀ онъ Гекубѣ, что̀ она ему?» — раздается сзади шопотъ титулярнаго совѣтника Корепанова, принимаемаго, несмотря на свой чинъ, въ нашемъ маленькомъ аристократическомъ кружкѣ за comme il faut, но, къ сожалѣнію, разыгрывающаго непріятную роль какого-то губернскаго Мефистофеля.

— Да-съ, такъ вотъ какой у насъ съ княземъ случай былъ,—продолжаетъ генералъ Голубчиковъ:—вхожу я однажды въ пріемную къ князю, только вижу—сидитъ дежурный чиновникъ, а лицо незнакомое. Признаюсь, я еще въ то время подумалъ: «что̀ это за чиновникъ такой? какъ будто бы дежурный, а лицо незнакомое?» Ну-съ, хорошо, подхожу я къ этому чиновнику и говорю: «доложите ихъ сіятельству, что явился такой-то». — «Не принимаютъ, говоритъ, ихъ сіятельство нездоровы». Ну, а я съ графомъ былъ всегда въ короткихъ отношеніяхъ, слѣдственно для меня слово «не принимаютъ» не существовало... Вотъ и пришла мнѣ въ голову мысль: дай-ка, думаю, подтруню надъ молодымъ человѣкомъ, и, знаете, пресерьезно этакъ говорю ему: «жаль, говорю, очень жаль, что не принимаютъ».—«Да-съ, говоритъ, не принимаютъ». Только, можете себѣ представить, въ это самое время распахивается дверь кабинета и

Digitized by Google

выходитъ оттуда камердинеръ князя, Павелъ Дороѳеичъ... Знаете Павла Дороѳеича?

— Знаемъ, знаемъ! Павла Дороѳеича цѣлый Петербургъ знаетъ!—кричимъ мы какъ-то особенно радостно.

— А изъ-за Павла Дороѳеича выглядываетъ и самъ князь. «А, говоритъ, это ты, Гаврилъ Петровичъ! а меня, братъ, сегодня «прохлады» совсѣмъ замучили (онъ «это» прохладами называлъ), такъ я не велѣлъ никого принимать... Ну, а тебя можно!..» Только, можете себѣ представить, какую изумленную физіономію скорчилъ при этомъ дежурный чиновникъ!

— Да, интересный случай! — замѣчаетъ статскій совѣтникъ Генераловъ, сладко вздыхая.

— Случай съ запахомъ,—перебиваетъ Корепановъ.

— Предобрый старикъ! — говоритъ его превосходительство Иванъ Ѳомичъ, поспѣшая заглушить своимъ голосомъ непріятную замѣтку Корепанова.

— Добрый, именно добрый! — не смущаясь, продолжаетъ генералъ Голубчиковъ: — и какое довѣріе ко мнѣ имѣлъ, такъ это даже непостижимо! Бывало, сидимъ мы съ-глазуна-глазъ: я бумаги докладываю, онъ слушаетъ. «А что, Гаврилъ Петровичъ, вдругъ скажетъ, прикажи-ка, братъ, мнѣ трубку подать!» Ну, я, разумѣется, сейчасъ брошусь: самъ все это сдѣлаю, самъ набью, самъ бумажку зажгу, самъ подамъ... И что̀ жъ вы думаете, господа, даже никакой я въ это время робости не чувствовалъ:—точно вотъ со своимъ братомъ, начальникомъ отдѣленія, бесѣдуешь! Онъ трубочку покуриваетъ, а я бумаги продолжаю докладывать... Просто какъ будто ничего не бывало!

— Жаль, очень жаль будетъ, если этакаго человѣка лишится отечество!—говоритъ Иванъ Ѳомичъ.

— Н-да... отечество! — повторяетъ Курилкинъ, повидимому возвратившійся къ прежнему раздумью.

— А еще говорятъ, что вельможи всѣ горды да неприступны!—продолжаетъ Иванъ Ѳомичъ.—Ничуть не бывало!

Digitized by Google

— Это говорятъ тѣ, ваше превосходительство, — весьма основательно замѣчаетъ генералъ Голубчиковъ: — которые настоящихъ-то вельможъ и въ глаза не видали. А вотъ какъ мы съ вами и въ халатикѣ съ ними посиживали, трубочки покуривали, такъ дѣйствительно можемъ удостовѣрить, что вся разница между вельможей и обыкновеннымъ человѣкомъ только въ томъ состоитъ, что у вельможи въ обхожденіи ароматъ какой-то есть...

— «Прохлады»!—ворчитъ сквозь зубы Корепановъ.

— Нашъ князь, — вступается статскій совѣтникъ Генераловъ: — такъ тотъ больше все лѣвой рукой дѣйствуетъ. И на стулъ лѣвой рукой указываетъ, и подаетъ все лѣвую руку.

— А что̀ вы думаете?—говоритъ генералъ Голубчиковъ:— вѣдь это именно правда, что у вельможъ лѣвая рука всегда какъ-то болѣе развита!

— Я полагаю, что въ этомъ свой расчетъ есть, — глубокомысленно замѣчаетъ Иванъ Ѳомичъ.

— То-есть не столько расчетъ, сколько грація,—возражаетъ Голубчиковъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство: не грація, а именно расчетъ-съ.

— Нѣтъ... зачѣмъ же непремѣнно «расчетъ»! Я, напротивъ того, положительно убѣжденъ, что грація, — говоритъ Голубчиковъ, задѣтый за живое настойчивостью Ивана Ѳомича.

— А я, *напротивъ того, положительно убѣжденъ*, что расчетъ, и имѣю на это доказательства.

— Это очень любопытно!

— И именно я полагаю, что всякій вельможа хочетъ этимъ дать понять, что правая рука у него занята государственными соображеніями.

— Ну-съ... а лѣвая рука тутъ зачѣмъ-съ?

— А лѣвая рука, какъ свободная отъ занятій, предлагается посѣтителямъ-съ...

Digitized by Google

— Ну-съ... а дальше что-съ?

— Ну-съ, а дальше то же самое!

— Та-а-къ-съ!

Съ прискорбіемъ мы замѣчаемъ, что генералы наши не прочь посчитаться другъ съ другомъ. Извѣстно намъ, что между ними издревле существуетъ худо скрытая вражда, основаніемъ которой служитъ взаимное соперничество по части знакомства съ вельможами. Поэтому, хотя мы и питаемъ надежды на деликатность генерала Голубчикова, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуемъ, что еще одна маленькая капелька, и генеральское сердце безвозвратно преисполнится скорбью. Дѣйствительно, онъ взираетъ на Ивана Ѳомича съ кроткимъ, но горестнымъ изумленіемъ; Иванъ же Ѳомичъ не только не тронутъ этимъ, но, напротивъ того, устроилъ руки свои фертомъ, и въ этомъ положеніи какъ будто посмѣивается надъ всѣми громами и молніями. Положеніе дѣлается до такой степени натянутымъ, что статскій совѣтникъ Генералоцъ считаетъ своею обязанностью немедленно вмѣшаться въ это дѣло.

— Я думаю, ваше превосходительство, — обращается онъ къ генералу Голубчикову: — что и въ самой граціи можетъ быть расчетъ, точно такъ же, какъ въ расчетѣ можетъ быть грація...

— Дѣло возможное! — отвѣчаетъ генералъ холодно, явно показывая, что онъ старый воробей, котораго никакими компромиссами не надуешь.

Разговоръ снова заминается, и всѣ мы чувствуемъ себя нѣсколько сконфуженными. Холодность генерала свинцовой тучей легла на наше общество, и нѣтъ, кажется, столь сильнаго солнечнаго луча, который могъ бы съ успѣхомъ разбить эту тучу. Мы всѣ знаемъ, что Голубчиковъ преамбиціозный старикъ, и что едва ли онъ не единственный изъ нашихъ аристократовъ, о которомъ мы съ увѣренностью можемъ сказать, что онъ въ одинъ платокъ съ вельможами сморкается. Всѣ мы, прочіе, въ этихъ случаяхъ болѣе или

Digitized by Google

менѣе прилыгаемъ, и если увѣряемъ иногда, что при такихъ-то обстоятельствахъ такой-то князь сказалъ намъ «ты» и назвалъ «любезнѣйшимъ», то этому можно вѣрить и не вѣрить. Но генералъ Голубчиковъ дѣйствительно вполнѣ чистъ въ этомъ отношеніи, и если ужъ скажетъ, напримѣръ, что однажды въ его присутствіи князь Петръ Алексѣичъ учинилъ декольтѐ, то никто не имѣетъ повода усомниться, что это именно такъ и было. «И для чего бы Ивану Ѳомичу не уступить! — думаемъ мы, внутренно соболѣзнуя о происшедшемъ. — Съ одной стороны, Ивану Ѳомичу слѣдовало бы сдѣлать небольшую уступочку, а съ другой, и генералу не мѣшало бы взглянуть на дѣло посиисходительнѣе... и все было бы ладно, все было бы смирно, и мирно, и очень хорошо — такъ-то! А то вотъ дернула нелегкая — ахти-хти-хти!» Но покуда мы только разсуждаемъ, статскій совѣтникъ Генераловъ уже принимаетъ дѣйствительныя мѣры къ замиренію враждующихъ сторонъ. Онъ прежде всего начинаетъ заигрывать съ генераломъ Голубчиковымъ, какъ наиболѣе неподатливымъ.

— Не получили ли чего-нибудь отъ графа насчетъ «этого» (крестьянскаго) дѣла, ваше превосходительство? — спрашиваетъ онъ.

— Получилъ-съ, — упорствуетъ генералъ въ холодности.

— Ваше превосходительство всегда самыя вѣрныя свѣдѣнія имѣть изволите, — не менѣе упорно продолжаетъ заигрывать Генераловъ.

— Самъ по себѣ я никакихъ свѣдѣній не имѣю, но конечно... довѣріе его сіятельства... однимъ словомъ, могу-таки въ нѣкоторыхъ дѣлахъ посодѣйствовать...

— Какъ же-съ, какъ же-съ, ваше превосходительство! Вѣдь вы съ графомъ-то даже нѣсколько «свои»?

— Даже и не нѣсколько, — отвѣчаетъ генералъ, постепенно смягчаясь: — потому что моя Анна Ѳедоровна положительнымъ образомъ приходится внучатной племянницей

Digitized by Google

Прасковьѣ Ивановнѣ, а Прасковья Ивановна, какъ вамъ извѣстно...

— Да, если кто заслужить у графа желаетъ, такъ это именно что стòитъ только къ Прасковьѣ Ивановнѣ дорогу найти! — восклицаемъ мы хоромъ.

— И представьте, что я открылъ это родство совершенно случайно! Однажды прихожу къ Прасковьѣ Ивановнѣ по хозяйственнымъ ея дѣламъ, а ей вдругъ и приди на мысль спросить меня: «а чтò, говоритъ, ты женатъ или холостой?» — Женатъ, говорю, ваше сіятельство, на Грѣховой.— «Ахъ, говоритъ, да вѣдь жена-то твоя мнѣ внучатной племянницей приходится!» Начали мы тутъ разбирать да распутывать — анъ и открылось! А не приди ей на мысль спросить меня — такъ бы оно и осталось подъ спудомъ...

Хотя мы неоднократно уже слышали этотъ анекдотъ, но считаемъ долгомъ и на сей разъ выслушать его съ полнымъ благоговѣніемъ. Вообще, ничто такъ не услаждаетъ нашихъ досуговъ, какъ разборъ родства и свойства сильныхъ міра сего. Повидимому, это весьма мало до насъ касается, потому что собственно наши родственники суть экзекуторы и экспедиторы, но таково уже свойство людей происхожденія благороднаго, что они постоянно стремятся къ сферамъ возвышеннымъ, низменности же предоставляютъ низкому классу. Не радостно ли, напримѣръ, услышать, что графъ Алексѣй Николаичъ выдаетъ дочь свою замужъ за сына князя Льва Семеныча? Не интересно ли при этомъ сообразить, что за молодою княгинею дано въ приданое столько-то тысячъ душъ, да у молодого князя съ своей стороны столько-то тысячъ? Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, а въ нашемъ городѣ и въ нашемъ обществѣ всякая новая семейная радость нашихъ вельможъ поистинѣ составляетъ семейную радость каждаго изъ насъ.

— Да, господа, геральдика важная вещь!—продолжаетъ, между тѣмъ, Голубчиковъ: — и нельзя не сожалѣть, что въ

Digitized by Google

нашемъ отечествѣ наука эта находится еще въ младенческомъ состояніи...

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ напоминаній, Иванъ Ѳомичъ, который доселѣ пребывалъ въ закоснѣлости, дѣлаетъ первый шагъ, чтобъ окончательно смягчить неудовольствіе генерала Голубчикова.

— И благопріятныя извѣстія изволили получить, ваше превосходительство? — вопрошаетъ онъ заискивающимъ голосомъ.

— Самыя благопріятныя-съ.

— То-есть, въ какомъ же родѣ?

— Въ самомъ благонадежномъ-съ. Короче сказать: опасеній никакихъ имѣть не слѣдуетъ.

Генералъ окидываетъ насъ торжествующимъ окомъ. Мы всѣ легко и весело вздрагиваемъ; нѣкоторые изъ насъ произносятъ: «слава Богу!» и крестятся.

И не оттого совсѣмъ мы крестимся, чтобъ отъ «этого» дѣла былъ для насъ ущербъ или посрамленіе, а оттого единственно, что спокойствіе и порядокъ любимъ. Сами по себѣ мы не землевладѣльцы, и хотя у насъ имѣются нѣкоторыя благопріобрѣтенныя маетности, но онѣ заключаются преимущественно въ ломбардныхъ билетахъ, которые мы спѣшимъ въ настоящее время промѣнивать на пятипроцентные. Итакъ, не корысть и не холодный эгоизмъ руководятъ нашими дѣйствіями и побужденіями, а собственно, такъ сказать, патріотизмъ. Сей послѣдній въ различныхъ людяхъ производитъ различныя дѣйствія. Иныхъ побуждаетъ онъ лѣзть на стѣну, иныхъ стулья ломать... насъ же побуждаетъ стоять смирно. Согласитесь, что и это своего рода дѣйствіе. Мы до такой степени любимъ наше отечество въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало и существуетъ издревле (au naturel), что не смѣемъ даже вообразить себѣ, чтобъ могли потребоваться въ фигурѣ его какія-нибудь измѣненія. Конечно, мы не хуже другихъ понимаемъ, что нельзя иногда безъ того, чтобъ фестончикъ

Digitized by Google

какой-нибудь не поправить... ну, тамъ помощника, что ли, къ становому прикинуть, или даже и цѣлый департаментякъ, для пользы общей, сочинить — слова нѣтъ! Но все это такъ, чтобъ величія-то древняго не нарушить, чтобъ гармонію-то прежнюю соблюсти, чтобъ всякое дыханіе Бога хвалило, чтобъ и травка — и та радовалась!

Такой образъ мыслей, по мнѣнію моему, есть самый благонадежный и основанный на истинномъ пониманіи вещей. Чтобъ сдѣлать мысль мою осязательнѣе, прибѣгну къ сравненію. Благоразумно ли было бы съ моей стороны, если бы я, напримѣръ, заявилъ желаніе, чтобъ у генерала Голубчикова былъ римскій носъ? Нѣтъ, неблагоразумно. Во-первыхъ, потому, что онъ и нынѣ состоящимъ у него на лицѣ учтиво вздернутымъ башмачкомъ приводитъ въ трепетъ сердца всѣхъ повивальныхъ бабокъ, а во-вторыхъ, потому, что мѣсторожденіе римскихъ носовъ — Римъ, а не Россія (самое названіе достаточно о томъ свидѣтельствуетъ). Другой вопросъ: благоразумно ли было бы, если бы я пожелалъ, чтобъ на скотномъ дворѣ пахло фіалкой, а не навозомъ? Нѣтъ, неблагоразумно, ибо запахъ фіалки приличествуетъ гостинымъ, а не скотнымъ дворамъ. Примѣровъ подобнаго рода безумныхъ желаній можно привести множество, но и приведенныхъ двухъ, кажется, вполнѣ достаточно, чтобъ убѣдить всѣхъ и каждаго, что въ иныхъ случаяхъ желаніе нововведеній и какихъ-то тамъ перемѣнъ совершенно равносильно тому, какъ бы кто настаивалъ, чтобъ у отечества нашего выросъ римскій носъ.

— Итакъ, это дѣльце въ архивъ можно сдать? — говоритъ Иванъ Ѳомичъ, весело потирая руки.

— Какъ видно-съ.

— Да-съ; это, что называется...

— Всегда должно было ожидать.

— А вѣдь сначала-то оно было-пошло... тово...

— Да, бойко, бойко было-пошло.

— Политика — и больше ничего!

Digitized by Google

— Конечно, политика! Да оно и натурально, — продолжаетъ ораторствовать Голубчиковъ: — мы только тѣмъ и крѣпки, господа, что никогда никакихъ вредныхъ нововведеній не принимали, а жили, съ помощью Божіей, какъ завѣщали намъ предки.

— Однако, Петръ Великій, ваше превосходительство?.. — учтиво замѣчаетъ Генераловъ.

— Ну, что жъ... хоть и Петръ Великій! Бороды сбрить приказать изволилъ — и больше ничего!

— Регулярное войско завелъ-съ! — дикимъ голосомъ отзывается изъ отдаленнаго угла батальонный командиръ, который упорно молчалъ, покуда, по его мнѣнію, разговоръ касался гражданской части.

— Ужъ Петръ Михайловичъ не можетъ утерпѣть безъ того, чтобъ за свою часть не заступиться! — говоритъ Иванъ Ѳомичъ, ласково подмигивая.

— Въ гражданскую часть не вступаюсь-съ, а своего дѣла не упущу-съ! — какъ-то особенно исправно скандуетъ командиръ, какъ будто получаетъ за это благодарность по корпусу.

— Ну, что жъ!.. хоть бы и регулярное войско! — не смущается Голубчиковъ: — это только для спокойствія — и больше ничего! Однако, никакихъ этакихъ машинъ, или, напримѣръ, чтобъ Иванъ назывался Матвѣемъ, а Матвѣй Сидоромъ (какъ нынче) — ничего этого не бывало!

— А нынче это бываетъ? — любознательно спрашиваетъ Корепановъ.

— Бываетъ-съ, — холодно отвѣчаетъ Голубчиковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что размышленія и соображенія насчетъ величественнаго хода нашей исторіи могли бы завлечь насъ довольно далеко, но появленіе милой хозяйки дома весьма естественно прерываетъ тонкую нить нашихъ историческихъ разысканій. Анна Ѳедоровна издревле пользуется репутаціей любезности и неотразимой очаровательности. Еще въ Казани, въ домѣ своихъ родителей, она уже умѣла

Digitized by Google

быть самою пріятною и самою занимательною изо всѣхъ туземныхъ дѣвицъ, несмотря на то, что въ этомъ городѣ, при помощи разныхъ учебныхъ заведеній, уровень любезности вообще стоитъ довольно высоко. Потомъ, принявъ къ себѣ въ компанію генерала Голубчикова, Анна Ѳедоровна сдѣлала съ нимъ не столько артистическое, сколько полезное путешествіе по Россіи, успѣла очаровать Пермь, оставила отрадное впечатлѣніе въ Рязани и овладѣла всѣми сердцами въ Симбирскѣ. Въ настоящее время она предсѣдательствуетъ въ нашемъ городѣ, и предсѣдательствуетъ съ тѣмъ тактомъ, который ясно свидѣтельствуетъ, что, и не выходя изъ министерства финансовъ, женщина можетъ оставаться обворожительною. Хотя она является въ нашемъ (мужскомъ) обществѣ на минуту, тѣмъ не менѣе, ни одного изъ насъ не оставитъ безъ того, чтобы не подарить какою-нибудь любезностью, доказывая тѣмъ осязательно, что для умной женщины минута имѣетъ не шестьдесятъ секундъ, а столько, сколько ей захочется. Мнѣ сказывали (не знаю, въ какой степени это достовѣрно), что она даже секретаря своей палаты не оставляетъ безъ вопроса о здоровьи жены и дѣтей его, въ то время, когда этотъ достойный мужъ, посидѣвъ съ утреннимъ визитомъ въ кабинетѣ его превосходительства, съ пустыми руками и красный какъ ракъ перебѣгаетъ черезъ залъ въ прихожую.

— Вы, конечно, серьезными дѣлами заняты, messieurs?— обращается она, окидывая всѣхъ насъ ласковымъ взоромъ.

— Нѣтъ, тряпками!—любезно отзывается генералъ, который между дамами нашего общества пользуется репутаціей милаго гроньяра.

— Однако, мужчины имѣютъ о бѣдныхъ женщинахъ самое обидное понятіе, какъ будто мы только и можемъ быть заняты, что тряпками... — говоритъ генеральша, слегка вздыхая.

И затѣмъ, сдѣлавъ каждому изъ насъ пріятный вопросъ («la santé de madame est toujours bonne?» или: «а у вашего Колечки уже прорѣзались зубки, Иванъ Ѳомичъ?»),

Digitized by Google

она удаляется, увлекши за собой во внутренніе покои Корепанова, который, какъ человѣкъ молодой и холостой, можетъ, конечно, принести больше удовольствія ея demoiselles, нежели намъ.

Послѣ этого изъ внутреннихъ покоевъ къ намъ высылается превосходно сервированный чай, съ превкусными сдобными булками, причемъ генералъ весьма привѣтливо замѣчаетъ: «вотъ это такъ дамское дѣло... хозяйничать... чай разливать»...

— А вѣдь русскій народъ именно добрый народъ! — говоритъ Иванъ Ѳомичъ, который, какъ любитель отечественной старины (онъ въ свое время, служа въ департаментѣ, цѣлый архивъ въ порядокъ привелъ), сгораетъ нетерпѣніемъ навести разговоръ на прежнюю тему.

— Кроткій народъ! — подтверждаетъ генералъ Голубчиковъ.

— И терпѣливъ-съ! — отзывается командиръ.

— Н-да; этакой народъ стòитъ того, чтобъ о немъ позаботиться! — говоритъ генералъ, и въ глаза его внезапно закрадывается какое-то удивительное блаженство, чуть-чуть лишь подернутое меланхоліей, какъ будто онъ въ ту же минуту радъ-радёхонекъ былъ бы озаботиться, но это не отъ него зависитъ.

— Въ нынѣшнемъ году всѣ пайки простилъ-съ! — вмѣшивается командиръ.

— Всѣ? — спрашиваетъ Голубчиковъ, въ конецъ побѣжденный такимъ великодушіемъ.

— Рѣшительно всѣ-съ!

— Какая, однакожъ, похвальная черта!

— Желательно было бы, знаете, изучить его, — предлагаетъ Иванъ Ѳомичъ.

— То-есть, въ какомъ же это смыслѣ?

— Ну, тамъ... нужды... желанія...

— Гм!.. я, однакожъ, не думаю, чтобъ это могло принести ожидаемую пользу...

Digitized by Google

— Почему же, ваше превосходительство?

— А потому, ваше превосходительство, что тутъ нѣтъ именно того, что̀ мы, люди образованные, привыкли разумѣть подъ именемъ нуждъ и желаній.

— Согласитесь, однакожъ, что нужды и желанія могутъ рождаться не только сами по себѣ, но и посредствомъ возбужденія, ваше превосходительство! Оставьте, напримѣръ, меня въ покоѣ—ну, я, конечно, не буду имѣть ни нуждъ, ни желаній, а предпиши-ка мнѣ кто-нибудь: «ты, любезный, обязанъ имѣть нужды и ощущать желанія»... повѣрьте, ваше превосходительство, что тѣ и другія явятся непремѣнно!

— Все это очень можетъ быть, но позвольте одинъ нескромный вопросъ: лучше ли будетъ?

— Если, ваше превосходительство, изволите разсматривать вопросъ съ этой точки зрѣнія...

— Не видимъ ли мы примѣровъ, что желанія только отравляютъ жизнь человѣка?

— Этого, конечно, нельзя отрицать-съ...

— Не встрѣчаемъ ли мы на каждомъ шагу, что тѣ люди самые счастливые, у которыхъ желанія ограничены, а нужды не выходятъ изъ предѣловъ благоразумія?

— Это всеконечно-съ...

— Слѣдовательно, ваше превосходительство, на это дѣло надо взглянуть не съ одной, а съ различныхъ точекъ зрѣнія...

Иванъ Ѳомичъ соглашается безусловно, и разговоръ, повидимому, истощается. Сознаюсь откровенно, мы недовольны этимъ. Ужъ давно заглядываемся мы на зеленые столы, разставленные въ залѣ, а искренній пріятель мой, Никита Ѳедорычъ Птицынъ (званіемъ помѣщикъ), еще полчаса тому назадъ, предварительно толкнувъ меня въ бокъ, сказалъ мнѣ по секрету: «что̀ за чушь несутъ наши генералы! давно бы пора за дѣло, а потомъ и водку пить!» И хотя я въ то время старался замять такой странный

Digitized by Google

разговоръ, но внутренно—не смѣю въ томъ не покаяться!—не могъ не пожелать, чтобъ Иванъ Ѳомичъ какъ можно скорѣе согласился съ генераломъ и чтобъ всѣ эти серьезныя дѣла были отложены.

Но и на этотъ разъ надеждамъ нашимъ не суждено сбыться, потому что едва лишь генералъ открываетъ ротъ, чтобъ сказать: «а не пора ли, господа, и за дѣло?» какъ двери съ шумомъ отворяются и въ комнату влетаетъ генералъ Рылоновъ (въ сущности, онъ не генералъ, но мы его въ шутку такъ прозвали), запыхавшійся и озабоченный.

— Слышали, ваше превосходительство?—обращается онъ къ хозяину дома.—Шалимовъ въ трубу вылетѣлъ!

— Съѣлъ Забулдыгинъ!—восклицаемъ мы хоромъ.

— Скажите, пожалуйста! — отдѣляется голосъ Голубчикова.—И такъ-таки безъ всякихъ онёровъ?

— Безо всего-съ; даже никуда не причисленъ-съ.

— Что называется, умеръ безъ покаянія!—справедливо замѣчаетъ Иванъ Ѳомичъ.

Пѣхотный командиръ дико гогочетъ. Голубчиковъ долго не можетъ придти въ себя отъ удивленія и время отъ времени повторяетъ: «скажите, пожалуйста!»

— А вѣдь нельзя сказать, чтобъ глупый человѣкъ былъ!—говоритъ Генераловъ.

— Ничего особеннаго,—возражаетъ Рылоновъ.

— Все около свѣчки леталъ!

— А главное, тò забавно, что свѣчку-то нашу сальную за солнце принималъ...

— Анъ, и обжогъ крылышки!

— Ахъ, господа, господа! Какъ знать, чего не знаешь! Какъ солнышка-то нѣтъ, такъ и сальную свѣчку поневолѣ за солнце примешь!—говоритъ Голубчиковъ, впадая, по случаю превратности судебъ, въ сугубую сантиментальность.

— Все, знаете, какого-то смысла искалъ...

Digitized by Google

— Даже въ нашей канцелярской работѣ...

— Смѣшно слушать!

— Всѣхъ столоначальниковъ съ ногъ смоталъ!

— И что̀, напримѣръ, за расчетъ былъ ссориться съ Забулдыгинымъ, — продолжаетъ Голубчиковъ: — рѣшительно не могу понять! Я самъ вотъ, какъ видите, не разъ ему говорилъ: «да плюньте вы на него, Николай Иванычъ!» Такъ нѣтъ, куда тебѣ. «Плюнуть-то, говоритъ, я на него, пожалуй, плюну, только вѣдь и растереть потомъ надо, ваше превосходительство!»

— Анъ, вотъ и растирай теперь!

— Грани теперь въ Питерѣ мостовую, покуда приличное мѣсто отыщешь...

— Это какъ по-нашему говорится: cherche!—замѣчаетъ командиръ.

— А плюнулъ бы, такъ и все бы ладно!

— Оно, конечно, ваше превосходительство, что лучше плюнуть, но вѣдь, съ другой стороны, и сердце иногда болитъ!—возражаетъ статскій совѣтникъ Генераловъ.

— И ой-ой, еще какъ болитъ! — развиваетъ Иванъ Ѳомичъ.

— И все-таки плюнуть! — упорствуетъ Голубчиковъ. — Да помилуйте, господа, что жъ это за ребячество! Ну, вы представьте себѣ, напримѣръ, меня: ну, иду я по улицѣ и встрѣчаю на пути своемъ неприличную кучу... Неужели я стану огрызаться на нее за то, что она на пути моемъ легла? Нѣтъ, я плюну на нее и, плюнувши, осторожно обойду.

— Нѣтъ-съ, ваше превосходительство, я насчетъ этого не могу пристать къ вашему мнѣнію,—возражаетъ Иванъ Ѳомичъ. — Конечно, на кучу, такъ сказать, неодушевленную и, слѣдовательно, не своимъ произволомъ накиданную, сердиться смѣшно, но въ оврагъ ее свалить все-таки слѣдуетъ-съ.

— А если оврагъ ужъ заваленъ?

Digitized by Google

— И, ваше превосходительство! въ губернскомъ городѣ чтобъ не нашлось мѣста для нечистотъ! Да это Боже упаси!

— А я все-таки продолжаю утверждать, что слѣдуетъ плюнуть и больше ничего!

— Нѣтъ, вы мнѣ объясните, за что они передрались?— спрашиваетъ Генераловъ.

— Да вѣрно ли это?

— Ты, генералъ, не совралъ ли?

— Вѣдь ты, ваше превосходительство, здоровъ врать-то!

— Помилуйте-съ, сейчасъ изъ клуба-съ; Забулдыгинъ самъ всѣмъ разсказываетъ!

— Чай, шампанское на радостяхъ лакаетъ?

— Не безъ того-съ.

— Ну, значитъ, крупно наябедничалъ!

— А жаль молодого человѣка. Еще намеднись говорилъ я ему: «плюньте, Николай Иванычъ!» Такъ нѣтъ же!

Для объясненія этой сцены, считаю не излишнимъ сказать нѣсколько словъ о Шалимовѣ и Забулдыгинѣ.

Шалимова мы вообще не любили. Человѣкъ этотъ, будучи поставленъ природою въ равныя къ намъ отношенія, постоянно предъявлялъ наклонности странныя и даже отчасти подлыя. Дружелюбный съ низшимъ сортомъ людей, онъ былъ самонадѣянъ и даже заносчивъ съ равными и высшими. Къ красотамъ природы былъ равнодушенъ, а къ человѣческимъ слабостямъ предосудительно строгъ. Глумился надъ пристрастіемъ генерала Голубчикова къ женскому полу, хотя всякій благомыслящій гражданинъ долженъ понимать, что человѣкъ его лѣтъ (т.-е. преклонныхъ) и при томъ имѣющій хорошія средства, не можетъ безъ сего обойтись. Дѣйствія Забулдыгина порицалъ открыто и (что̀ всего важнѣе) позволялъ себѣ разныя колкости насчетъ его дѣйствительно несоотвѣтствующаго своему назначенію носа. Вообще же видѣлъ предметы какъ бы наизнанку и походилъ на человѣка, который, не воздвиг-

Digitized by Google

нувъ еще новаго зданія, желаетъ подкопаться подъ старое. Желаніе тѣмъ болѣе пагубное, что въ послѣднее время уже неоднократно являлись примѣры исполненія его. Слѣдовательно, удаленіе такого человѣка должно было не огорчить, но обрадовать насъ. И думаю, что принесенное Рылоновымъ извѣстіе произвело именно подобнаго рода дѣйствіе; хотя же генералъ Голубчиковъ и заявилъ при этомъ нѣкоторое сожалѣніе, но должно полагать, что это сдѣлано имъ единственно по чувству христіанскаго человѣколюбія.

Что же касается Забулдыгина, то человѣкъ этотъ представляетъ нѣкоторый психическій ребусъ, доселѣ остающійся неразгаданнымъ. Повидимому, и въ мнѣніяхъ о природѣ вещей онъ съ нами не разнствуетъ, и на откупа смотритъ съ разумной точки зрѣнія, и въ гражданскихъ доблестяхъ никому не уступитъ; тѣмъ не менѣе, есть въ немъ нѣчто такое, что̀ заставляетъ насъ избѣгать искреннихъ къ нему отношеній. Это «нѣчто» есть странный нѣкій административный лай, который, какъ бы независимо отъ него самого, природою въ него вложенъ. Иной разъ онъ видимо приласкать человѣка хочетъ, но вдругъ какъ бы чѣмъ-либо поперхнется и, вмѣсто ласки, подниметъ столь озлобленный лай, что даже вчужѣ слышать больно. Такіе люди бываютъ. Иной даже свой собственный носъ въ зеркалѣ увидитъ и тутъ уже думаетъ: «а славно было бы, кабы этотъ поганый носъ откусить или отрѣзать!» Но если онъ о своемъ носѣ такъ помышляетъ, то какъ мало долженъ пещись о носахъ, ему не принадлежащихъ! Очевидно, сіи послѣдніе не могутъ озабочивать его нисколько. Многіе полагаютъ, что озлобленіе Забулдыгина происходитъ частью отъ причинъ гастрическихъ (пьянства и обжорства), частью же отъ огорченія, ибо, надо сказать правду, Забулдыгинъ не мало-таки потасовокъ въ жизни претерпѣлъ. Но намъ отъ этого не легче, потому что лай Забулдыгина не только на Шалимова съ компаніей, но и на

Digitized by Google

всѣхъ насъ безъ различія простирается, хотя съ нашей стороны, кромѣ уваженія къ отеческимъ преданіямъ и соблюденія издревле установленныхъ въ палатахъ обрядовъ, ничего противоестественнаго или пасквильнаго не допускается. А потому, въ семъ отношеніи, поступки Забулдыгина я ни съ чѣмъ другимъ сравнить не умѣю, кромѣ злобы ограниченной отъ природы шавки, лающей на собственный свой хвостъ, въ которомъ, отъ ея же неопрятности, завелись различныя насѣкомыя.

Пора, однакожъ, кончить съ Шалимовымъ и Забулдыгинымъ, воспоминаніе о которыхъ отравляетъ пріятные часы нашего существованія. Уже давно ждутъ насъ гостепріимные зеленые столы, и генералъ Голубчиковъ съ любезной улыбкой останавливается передъ каждымъ изъ насъ, предлагая по карточкѣ. Въ продолженіе послѣдующихъ двухъ часовъ со всѣхъ сторонъ раздаются лишь веселые возгласы, и могу сказать смѣло, что даже проигрышъ денегъ, обыкновенно располагающій человѣка къ скорби и унынію, не нарушаетъ общаго пріятнаго настроенія духа.

Въ особенности отличается пѣхотный командиръ, который за картами хочетъ вознаградить себя за нѣсколько часовъ тягостнаго молчанія, наложеннаго имъ на себя въ продолженіе вечера.

— Греческій человѣкъ Трефандосъ!—восклицаетъ онъ, выходя съ трефъ.

Мы всѣ хохочемъ, хотя Трефандосъ этотъ является на сцену аккуратно каждый разъ, какъ мы садимся играть въ карты, а это случается едва ли не всякій вечеръ.

— Фики!—продолжаетъ командиръ, выходя изъ пиковой масти.

— Ой, да перестань же, пострѣлъ!—говоритъ генералъ Голубчиковъ, покатываясь со смѣху.—Вѣдь этакъ я всю игру съ тобой перепутаю.

Такимъ образомъ мы пріятно проводимъ остальную часть вечера, вплоть до самаго ужина.

Digitized by Google

Кто что ни говори, а карты для служащаго человѣка вещь совершенно необходимая. День-то-деньской слоняясь по правленіямъ да по палатамъ, поневолѣ умаешься и захочешь отдохнуть. А какое отдохновеніе можетъ быть приличнѣе картъ для служащаго человѣка? Вино пить—непристойно; книжки читать—скучно, да и пишутъ нынче все какія-то безнравственности; разговоромъ постоянно заниматься—и нельзя, да и матерію не скоро отыщешь; съ дамами любезничать—для этого въ наши лѣта просторъ требуется; на молодыхъ утѣшаться—утѣшенья-то мало видишь, а все больше озорство одно... Словомъ сказать, вездѣ какъ будто пустыни. А карты—святое дѣло. За картами и время скорѣе уходитъ, и сердцу волю даешь, да и не проболтаешься. Иной разъ и чешется языкъ что-нибудь лишнее сказать, анъ тутъ десять безъ козырей сосѣду придетъ — ну, и промолчишь поневолѣ. Нѣтъ, карты именно благодѣтельная для общества вещь—это я не одинъ скажу.

Но вотъ и ужинъ. Кушанья подаются не роскошныя, но сытныя и здоровыя. Подкрѣпивши себя рюмкой водки, мы весело садимся за столъ и съ новою силой возобновляемъ прерванную преферансомъ бесѣду. Вспоминается милое старое время, вспоминаются молодые годы и сопровождавшія ихъ канцелярскія проказы, вспоминаются добрые начальники, охранители нашей юности и благодѣтели нашей старости, и быстро летятъ часы и минуты подъ наплывомъ этихъ веселыхъ воспоминаній!

Такъ проводимъ мы свободные отъ служебныхъ занятій часы, и могу сказать по совѣсти, что наступающій затѣмъ сумракъ ночи не вызываетъ за собой никакихъ видѣній, которыя могли бы возмутить нашъ душевный покой. И въ самомъ дѣлѣ, перелистывая книгу моей жизни (книгу для многихъ столь горькую), я нахожу въ ней лишь слѣдующее:

Такого-то числа, всталъ, умылся, помолился Богу, былъ въ палатѣ, гдѣ пользовался правами и преимуществами, предоставленными мнѣ закономъ и древними обычаями ро-

Digitized by Google

дины; обѣдалъ, послѣ обѣда отдыхалъ, вечеръ же провелъ въ безобидныхъ для ближняго разговорахъ и увеселеніяхъ.

Такого-то числа, всталъ, умылся, помолился Богу, былъ въ палатѣ и т. д., т.-е. одно и то же ровно столько разъ, сколько, по благости Провидѣнія, суждено будетъ прожить мнѣ дней въ земной сей юдоли.

VIII.—Деревенская тишь.

Утро. Кондратій Трифонычъ Сидоровъ спалъ ночь скверно и въ величайшей тоскѣ слоняется по опустѣлымъ комнатамъ деревенскаго своего дома. Комнатъ цѣлый длинный рядъ, и слоняться есть гдѣ; нѣкогда онъ гордился этимъ рядомъ залъ, гостиныхъ, диванныхъ и проч., и даже называлъ его анфиладою, произнося *н* нѣсколько въ носъ; теперь онъ относится къ анфиладѣ иронически и, принимая гостей, говоритъ просто: «а вотъ и сараи мои!»

На дворѣ зима и стужа; въ комнатахъ свѣжо, окна слегка запушило снѣгомъ, видъ изъ этихъ оконъ неудовлетворительный: земля покрыта бѣлой пеленою, рѣчка скована, людскія избы занесло сугробами, деревня представляется издали какою-то безобразною кучею почернѣвшей соломы... Бѣло, голо и скучно!

Походитъ-походитъ Кондратій Трифонычъ и остановится. Иногда потретъ себѣ ладонью по животу и слегка постонетъ; иногда подойдетъ къ окну и побарабанитъ въ стекло. Вонъ по дорогѣ ѣдутъ въ одиночку сани, въ саняхъ завалился мужикъ; проѣзжаетъ мимо барскаго дома и шапки не ломаетъ.

«Ладно!»—думаетъ Кондратій Трифонычъ.

И опять начинаетъ ходить по своимъ «сараямъ», и опять остановится. Посмотритъ на сапоги, просторно ли они сидятъ на ногѣ, вытянетъ ногу, чтобъ удостовѣриться, крѣпко ли штрипки пришиты и не морщатъ ли брюки.

— Ванька, квасу!—кричитъ Кондратій Трифонычъ.

Digitized by Google

Ванька бѣжитъ изъ лакейской и подаетъ на подносѣ стаканъ съ пѣнящимся квасомъ. Но Кондратію Трифонычу кажется, что онъ не подаетъ, а суетъ.

— Что̀ ты суешь? что̀ ты мнѣ суешь?—вскидывается онъ на Ваньку.

— Ничего я не сую!—отвѣчаетъ Ванька.

«Ладно!»—думаетъ Кондратій Трифонычъ.

И опять начинается ходьба. Кондратій Трифонычъ останавливается передъ стѣнными часами и пристально смотритъ на циферблатъ; по срединѣ циферблата крупными буквами изображено: London, а внизу болѣе мелкимъ: Nossoff à Moscou. Все это онъ сто разъ видѣлъ, надъ всѣмъ этимъ сто разъ острилъ, но онъ все-таки смотритъ, какъ будто хочетъ выжать изъ надписи какую-то новую, неслыханную еще остроту. Часы стучатъ мѣрно и однообразно: тикъ-такъ, тикъ-такъ; Кондратій Трифонычъ вторитъ имъ: «тикё-такё, тикё-такё», притопывая въ тактъ ногою. Наконецъ, и это прискучиваетъ; онъ снова подходитъ къ окну и начинаетъ вглядываться въ деревню. Оттуда не слышно ни единаго звука; только сѣрые дымки вьются надъ хижинами добрыхъ поселянъ. Кондратію Трифонычу, неизвѣстно съ чего, приходитъ на мысль слово «антагонизмъ», и онъ начинаетъ пѣть: «антагонизмъ! антагонизмъ!» выговаривая букву *н* въ носъ. Все это заканчивается свистомъ, на который опять вбѣгаетъ Ванька.

— Ты что̀ на меня глаза вытаращилъ?—напускается на него Кондратій Трифонычъ.

— Ничего я не вытаращилъ!—отвѣчаетъ Ванька.

— Ладно! — говоритъ Кондратій Трифонычъ:—пошелъ, позови Агашку!

Черезъ минуту является Ванька и докладываетъ, что Агашка не идетъ.

— Почему жъ она не идетъ?

— Говоритъ: «не пойду!»

— Только и говоритъ?

Digitized by Google

— Только и говоритъ!

— Ладно!

Въ головѣ Кондратія Трифоныча зрѣетъ мысль: онъ рѣшается все терпѣть, все выносить до пріѣзда станового. Поэтому, хотя внутри у него и кипитъ, но онъ этого не выражаетъ; онъ даже никому не возражаетъ, только думаетъ про себя: «ладно!» и помалчиваетъ... до пріѣзда станового.

Не дальше какъ вчера на ночь Ванька снималъ съ него сапоги и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, прыснулъ.

— Ты чему, шельма, смѣешься? — полюбопытствовалъ Кондратій Трифонычъ.

— Ничего я не смѣюсь!—отвѣчалъ Ванька.

— Этакая бестія! смѣется, да тутъ же въ глаза еще запирается!

— Чего мнѣ запираться? Кабы смѣялся, такъ бы и сказалъ, что смѣялся!—упорствовалъ Ванька.

— Ладно!

Съ этихъ поръ въ немъ засѣла мысль, съ этихъ поръ онъ рѣшился терпѣть. Одно только смущаетъ его: всѣ свои грубости Ванька производитъ наединѣ, то-есть тогда, когда находится съ Кондратьемъ Трифонычемъ съ-глазу-на-глазъ. Выйдетъ Кондратій Трифонычъ на улицу—Ванька бѣжитъ впереди, снѣгъ разгребаетъ, спрашиваетъ, не озябли ли ножки; придетъ къ Кондратію Трифонычу староста—Ванька то и дѣло просовываетъ въ дверь свою голову и спрашиваетъ, не угодно ли квасу.

— Услуга-парень!—замѣчаетъ староста.

— Гм!.. да... услуга!—бормочетъ Кондратій Трифонычъ и обдумываетъ какой-то планъ.

Онъ считаетъ обиды, понесенныя имъ отъ Ваньки, и думаетъ, какъ бы такимъ образомъ его уличить, чтобъ и отвертѣться было нельзя. Намеднись, напримѣръ, Ванька, подавая барину чаю, скорчилъ рожу; если бы можно было устроить, чтобъ эта рожа такъ и застыла до пріѣзда станового, тогда было бы неоспоримо, что Ванька грубилъ.

Digitized by Google

Въ другой разъ, на вопросъ барина, какова на дворѣ погода, Ванька отвѣчалъ: «сиверко-съ», но отвѣчалъ это такимъ тономъ, что если бы можно было, чтобъ тонъ этотъ застылъ въ воздухѣ до пріѣзда станового, то, конечно, никто бы не усомнился, что Ванька грубилъ. И еще разъ, когда баринъ однажды дѣлалъ Ванькѣ репримандъ по поводу черачительно вычищенныхъ сапоговъ, то Ванька, ничего не отвѣчая, отставилъ ногу; если бы можно было, чтобъ онъ такъ и застылъ въ этой позѣ до пріѣзда станового, тогда, разумѣется...

— Нѣтъ, хитеръ, бестія, ничего съ нимъ не подѣлаешь! — восклицаетъ Кондратій Трифонычъ, и ходитъ, и ходитъ по своимъ «сараямъ», ходитъ до того, что и полъ-то словно жалуется и стонетъ подъ ногами его: да сядь же ты, ради Христа!

Онъ уже давно замѣтилъ, что между нимъ и Ванькой поселилась какая-то холодность, какая-то натянутость отношеній. Услышавши, что объ этомъ предметѣ весьма подробно объясняется въ книжкѣ, называемой «Русскій Вѣстникъ», онъ съѣздилъ къ сосѣду, взялъ у него книжку и узналъ, что подобная натянутость отношеній называется «сословнымъ антагонизмомъ».

— Ну, а дальше что?—допрашивалъ Кондратій Трифонычъ; но книжка говорила только, что объ этомъ предметѣ подробнѣе объясняется въ другой такой же книжкѣ.

— Оно, конечно,—разсуждалъ по этому поводу Кондратій Трифонычъ:—оно конечно... Ванька сапоги чиститъ, а я ихъ надѣваю; Ванька печки топитъ, а я около нихъ грѣюсь... Ну, да, это оно!

И съ тѣхъ поръ словцо «антагонизмъ» до такой степени врѣзалось въ его память, что онъ не только положилъ его на музыку, но даже употребляетъ для выраженія всякаго рода чувствъ и мыслей.

И ходитъ Кондратій Трифонычъ по своимъ опустѣлымъ «сараямъ», ходитъ и останавливается, ходитъ и мечтаетъ.

Digitized by Google

Мало-по-малу мысль его оставляетъ Ваньку-подлеца и обращается къ другимъ предметамъ. Онъ думаетъ о томъ, что вдругъ будущимъ лѣтомъ во всѣхъ окрестныхъ имѣніяхъ засуха, а у него у одного все дожди, все дожди; что окрестные помѣщики не соберутъ и на сѣмена, а онъ все самъ-десятъ, все самъ-десятъ. Онъ думаетъ о томъ, что кругомъ все тихо, а у него въ имѣніи вдругъ землетрясеніе, слышится подземный шумъ, люди въ смятеніи, животныя въ ужасѣ... Вдругъ — вв!.. зз!.. жж!.. и — о, радость! — на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ у него росъ паршивый кустарникъ, въ одну минуту вырастаетъ высокій и частый лѣсъ, за который ему съ перваго слова даютъ по двѣсти рублей за десятину. Онъ думаетъ о томъ, что мужики его расторговались, что они помнятъ его благодѣянія и подносятъ ему соболью шубу въ пятнадцать тысячъ рублей серебромъ. Онъ думаетъ о томъ, что въ Москвѣ сгорѣло все сѣно, сгорѣли всѣ дрова и неизвѣстно куда дѣвался весь хлѣбъ, что у него, напротивъ того, вслѣдствіе собственной благоразумной экономіи, а также вслѣдствіе различныхъ поощреній природы, всего этого накопилось множество, что онъ возитъ и продаетъ, возитъ и продаетъ... Онъ думаетъ о томъ, что вышло повелѣніе ни у кого ничего не покупать, кромѣ какъ у него, Сидорова, за то, что онъ, Сидоровъ, въ какую-то достопамятную годину пожертвовалъ изъ крестьянскаго запаснаго магазина столько-то четвертей, да потомъ еще столько-то четвертей, и тѣмъ показалъ ревность безпримѣрную и чувствительность подражанія достойную... Онъ думаетъ о томъ, что въ домѣ его собрались окрестные помѣщики и что онъ имъ толкуетъ о превосходствѣ вольнонаемнаго труда надъ крѣпостнымъ. «Конечно, господа,— говоритъ онъ имъ,—въ настоящее время помѣщикъ не можетъ получать дохода, сидя на мѣстѣ сложа руки, какъ это бывало прежде; конечно, онъ прежде всего долженъ употребить свой личный трудъ, свою личную, такъ сказать, распорядительность»...

Digitized by Google

Но вотъ мысли его, отъ усиленной работы, начинаютъ мѣшаться. Передъ глазами его, отъ безпрерывнаго коловратнаго движенія, показываются зеленые круги; бѣлая колокольня, стоящая передъ барскимъ домомъ, начинаетъ словно подплясывать; дворовая баба, проходящая по двору, словно не идетъ, а на одномъ мѣстѣ пошатывается и что-то у ней подъ фартукомъ, что-то у ней подъ фартукомъ...

— Ѣсть, что ли, мнѣ хочется?—спрашиваетъ самъ себя Кондратій Трифонычъ и съ злобою замѣчаетъ, что часовая стрѣлка показываетъ только десять.

— А вѣдь у ней подъ фартукомъ что-то есть,—продолжаетъ онъ, но не даетъ своимъ предположеніямъ дальнѣйшаго развитія, а только прибавляетъ: — Ладно!

Надоѣло ходить, надоѣло мыслить... Кондратій Трифонычъ садится на диванъ и примѣчаетъ, что пыль со стола не сметена. Въ былое время, т.-е. до «антагонизма», онъ вскипѣлъ бы при видѣ такого безпорядка, онъ кликнулъ бы Ваньку и тутъ же задалъ бы ему трёпку. Теперь этотъ безпорядокъ приноситъ ему болѣе удовольствія, нежели огорченія, ибо онъ видитъ въ немъ улику.

— Ванька!—кричитъ Кондратій Трифонычъ, и въ голосѣ его слышится уже торжество побѣды:—это что̀?

— Столъ-съ,—отвѣчаетъ Ванька съ самымъ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

— А на столѣ что̀?

— Пыль-съ.

— Ну?

Ванька молчитъ.

— Ладно! — говоритъ Кондратій Трифонычъ и черезъ минуту имѣетъ удовольствіе слышать, какъ Ванька хихикаетъ съ кѣмъ-то въ передней.

Кондратій Трифонычъ снова предается мечтаніямъ. Онъ мечтаетъ о томъ, какъ было бы хорошо, если бы онъ былъ живописцемъ; тогда онъ срисовалъ бы нахальную Ванькину рожу въ тотъ моментъ, когда отвѣчаетъ: «пыль-съ»,

Digitized by Google

и представилъ бы эту картинку становому. Но съ другой стороны, гдѣ же ручательство, что становой не приметъ этой картинки за вымышленное произведеніе собственной его, Кондратія Трифоныча, фантазіи? гдѣ свидѣтели, которые подтверждали бы, что Ванька, отвѣчая: «пыль-съ», имѣлъ именно такое, а не иное выраженіе лица?

— О, чортъ побери! Эти приказные вѣчно съ своими канцелярскими заковычками! — восклицаетъ Кондратій Трифонычъ и начинаетъ выискивать мечтаній болѣе практическихъ.

Онъ мечтаетъ о томъ, какъ было бы хорошо, если бы становой вдругъ, въ эту самую минуту, выросъ изъ земли такъ, чтобъ Ванька не опомнился и никакъ не успѣлъ стереть пыль со стола. Представляетъ онъ себѣ изумленную, ополоумѣвшую морду Ваньки и невольно и сладко хихикаетъ.

— «Пыль-съ»,—дразнитъ онъ Ваньку, почти подплясывая на мѣстѣ.

— Это что?—грозно спрашиваетъ Ваньку воображаемый становой.

— «Пыль-съ»,—опять дразнится Кондратій Трифонычъ и опять подплясываетъ на мѣстѣ.

Становой, наконецъ, убѣждается; онъ приказываетъ срубить цѣлую березу и вручаетъ ее десятскимъ. Ваньку уводятъ... На другое утро Ванька является шелковый; цѣлый день все что-то чиститъ и стираетъ, цѣлый день мететъ полъ и оправляетъ баринову постель, цѣлый день ставитъ самовары и мѣшаетъ въ печкахъ дрова...

Но, съ другой стороны (о, чортъ возьми!), гдѣ же ручательство, что становой именно велитъ березу срубить? Гдѣ ручальство, что онъ не отвѣтитъ Кондратью Трифонычу, что онъ и самъ могъ бы стереть пыль со стола?

— О, чортъ побери! Эти приказные вѣчно съ своими канцелярскими заковычками!—восклицаетъ Кондратій Трифонычъ и начинаетъ выискивать мечтаній еще болѣе практическихъ.

Digitized by Google

Онъ мечтаетъ, что никакихъ заковычекъ больше нѣтъ, что онъ призываетъ станового (который нарочно тутъ и стоитъ, чтобъ заковычекъ не было) и говоритъ ему:—«Ванька мнѣ мину сдѣлалъ!»

— Сейчасъ-съ, — говоритъ становой и летитъ во весь духъ распорядиться.

Потомъ онъ опять призываетъ станового и говоритъ ему:—«Ванька пыли со стола не стеръ!»

— Сейчасъ-съ, — говоритъ становой и летитъ распорядиться.

Но вотъ и опять мысли мѣшаются, опять образуются зеленые круги, опять подплясываетъ бѣлая длинная колокольня. Надоѣло сидѣть, надоѣло мыслить...

— Чортъ знаетъ, ѣсть, что ли, мнѣ хочется?—опять спрашиваетъ себя Кондратій Трифонычъ и съ тоскою взглядываетъ на часы. Тоска обращается въ ненависть, потому что часовая стрѣлка показываетъ половину одиннадцатаго.

— За поповымъ братомъ, что ли, спосылать?—разсуждаетъ самъ съ собой Кондратій Трифонычъ, и тутъ же рѣшаетъ, что спосылать необходимо.

Кондратій Трифонычъ малый не злой и даже покладистый для своихъ домочадцевъ, но съ нѣкотораго времени нравъ у него страннымъ образомъ перемѣнился. Ванька, съ свойственною ему легкомысленностью, отзывался объ этой перемѣнѣ, что Кондратій Трифонычъ спятилъ; ключница Мавра выражалась скромнѣе и говорила, что баринъ задумывается, что на него находитъ. Какъ бы то ни было, но перемѣна существовала и произошла едва ли не въ ту самую минуту, какъ онъ прочиталъ, что есть на свѣтѣ какой-то сословный антагонизмъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ онъ вообразилъ себѣ, что онъ—одна сторона, а Ванька—другая сторона, и что они должны бороться. Ванька представлялъ собою интересы всѣхъ чистящихъ сапоги и топящихъ печки Кондратій Трифонычъ—интересы всѣхъ носящихъ сапоги и грѣющихся около истопленныхъ печей. Ясно, что стороны

Digitized by Google

эти не могутъ понимать другъ друга и что изъ этого долженъ произойти антагонизмъ. И вотъ онъ борется утромъ, борется за обѣдомъ, борется до поздней ночи. Но Ванька не понимаетъ, что̀ такое антагонизмъ, и очевидно уклоняется отъ борьбы. Онъ исправляетъ свои обязанности попрежнему, то-есть попрежнему не стираетъ пыли со столовъ, попрежнему забываетъ закрыть трубы въ печахъ, а Кондратій Трифонычъ видитъ во всемъ грубыя мины, злостныя позы à la неглиже́ съ отвагой, и старается Ваньку изобличить. Изъ этого выходитъ, что Ванька, какъ только забьется въ переднюю, первымъ дѣломъ начинаетъ хихикать и представляетъ, какъ баринъ къ нему пристаетъ. Кондратій Трифонычъ слышитъ это и говоритъ: «ишь, шельма, смѣется!» а того никакъ понять не хочетъ, что Ванька даже и не подозрѣваетъ, что ему, Кондратію Трифонычу, хочется борьбы. И такимъ образомъ, умаявшись къ вечеру, оба засыпаютъ. Кондратій Трифонычъ видитъ во снѣ, что онъ сдѣлался медвѣдемъ, что онъ смялъ Ваньку подъ себя и торжествуетъ; Ванька видитъ во снѣ, что онъ третьи сутки все чиститъ одинъ и тотъ же сапогъ и никакъ-таки вычистить не можетъ.

— Что̀ за чудо!—кричитъ онъ во снѣ и, какъ оглашенный, вскакиваетъ съ одра своего.

— Ишь вѣдь, каналья, даже во снѣ не оставляетъ въ покоѣ!—думаетъ въ это время Кондратій Трифонычъ, пробужденный неестественнымъ крикомъ Ваньки.

И такимъ образомъ проходятъ дни за днями. Выигрываетъ отъ этого положительно одинъ Кондратій Трифонычъ, потому что такое препровожденіе времени, по крайней мѣрѣ, наполняетъ пустые дни его. Съ тѣхъ поръ, какъ завелось «превосходство вольнонаемнаго труда надъ обязательнымъ», съ тѣхъ поръ, какъ, съ другой стороны, опекунскій совѣтъ закрылъ гостепріимныя свои двери, глуповскія веси уныли и запустѣли. Заниматься рѣшительно нечѣмъ да и не для чего: все равно ничего не выйдетъ. Гово-

Digitized by Google

рять, будто это отъ того происходитъ, что кредиту нѣтъ и что Сидоровымъ подняться нечѣмъ; можетъ-быть, жалоба эта и справедлива, однако, до Сидоровыхъ ни въ какомъ случаѣ относиться не можетъ. Недостатокъ кредита не губитъ, а спасаетъ ихъ, потому что, будь у нихъ деньги, они накупили бы себѣ собакъ, а не то чтобъ что-нибудь для души полезное сдѣлать. А то еще подниматься! Повторяю: веси пріуныли и запустѣли, въ весяхъ дѣлать нечего, потому что, все равно, ничего не выйдетъ. Тò, чтò оживляло ихъ въ бывалыя времена, какъ-то: взаимные банкеты и угощенія, а также распоряженія на конюшнѣ, тò въ настоящее время не можетъ уже имѣть мѣста: первые— по причинѣ недостатка кредита, вторыя — потому что не дозволены. Какимъ же образомъ убить, какъ издержать распроклятые дни свои? Поневолѣ ухватишься за антагонизмъ, хотя въ сущности никакого антагонизма нѣтъ и не бывало, а было и есть одно: «вы наши кормильцы, а мы ваши дѣти!» Вотъ и Кондратій Трифонычъ ухватился за антагонизмъ, и хотя онъ не сознается въ этомъ, но все-таки жизнь его съ тѣхъ поръ потекла какъ-то полнѣе. По крайней мѣрѣ, теперь у него есть политическій интересъ, есть политическій врагъ, Ванька, противъ котораго онъ направляетъ всю дѣятельноотъ своихъ умственныхъ способностей. Смотришь, анъ день-то и канулъ незамѣтнымъ образомъ въ вѣчность, а тамъ и другой наступилъ, и другой канулъ...

Но вотъ и батюшкинъ братъ пришелъ; Кондратій Трифонычъ слышитъ, какъ онъ сморкается и откашливается въ передней, и въ нетерпѣніи ворчитъ:

— О, чтобъ!.. сморкаться еще выдумалъ!..

Батюшкинъ братъ — человѣкъ маленькій, рыхленькій; онъ уже лѣтъ семь какъ состоитъ въ ожиданіи вакансіи, но по какому-то несчастному случаю мѣста не получаетъ; лицо имѣетъ благостное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и угрожающее, какъ будто оно говоритъ: «а вотъ погоди, скажу я

Digitized by Google

тебѣ ужо проповѣдь!» Ходитъ батюшкинъ братъ словно лебедь плыветъ, рукой дѣйствуетъ размашисто, говоритъ размазисто. Носъ у него, вслѣдствіе внезапнаго перехода со стужи въ тепло, влаженъ; на усахъ висятъ ледяныя сосульки.

— Скука, отче! — говоритъ Кондратій Трифонычъ послѣ взаимныхъ привѣтствій.

— Можно молитвою развлечься,—отвѣчаетъ батюшкинъ братъ, и при этомъ лицо его осклабляется.

— Ну, васъ!

Молчатъ.

— Сидѣлъ-сидѣлъ, молчалъ-молчалъ, — начинаетъ Кондратій Трифонычъ: — инда дурость взяла! Чортъ знаетъ, чего не передумалъ! Хоть бы ты, что ли, отче, паству-то вразумилъ!

— Развѣ предосудительное что замѣтить изволили? — отвѣчаетъ батюшкинъ братъ, и лицо его выражаетъ жалость, смѣшанную съ испугомъ.

— Да что! грубятъ-себѣ поголовно, да и шабашъ!

— Непохвально!

— Просто житья отъ хамовъ нѣтъ!

— Въ комъ же вы наиболѣе такое настроеніе замѣчать изволили, Кондратій Трифонычъ?

— Во всѣхъ! Отъ мала до велика — всѣ грубятъ! Да какъ еще грубить-то выучились! Ни слова тебѣ не говоритъ — а грубитъ! служитъ тебѣ, каналья, стаканъ воды подаетъ — а грубитъ!

Батюшкинъ братъ тоскливо помоталъ головой и крякнулъ.

— И во многихъ такое настроеніе замѣчаете? — брякнулъ онъ, позабывъ, что повторяетъ свой прежній вопросъ.

— Да говорятъ же тебѣ: во всѣхъ! во всѣхъ! Ну, слышишь ли ты: во всѣхъ! во всѣхъ!

Батюшкинъ братъ слегка привскакнулъ и откинулся назадъ, какъ будто обжогся. Опять молчатъ.

Digitized by Google

— Что жъ это за скука такая! — начинаетъ Кондратій Трифонычъ. — Закуску, что ли, велѣть подать?

— Во благовременіи и пища невредительна бываетъ.

— А не во благовременіи какъ?

Батюшкинъ братъ опять привскакиваетъ и откидывается назадъ.

— Ну, и сиди не ѣвши: зачѣмъ пустяки говоришь!

Молчатъ.

— Не люблю я, когда ты пустяки мелешь!

Молчатъ.

— И кого ты этими пустяками удивить хочешь?

Батюшкинъ братъ краснѣетъ. Кондратій Трифонычъ тяжко вздыхаетъ и произноситъ:

— Охъ, скука-то, скука-то какая!

— Время неблагопотребное,—рискуетъ батюшкинъ братъ, но тутъ же обнаруживаетъ безпокойство, потому что Кондратій Трифонычъ смотритъ на него сурово.

— И откуда ты этакимъ глупымъ словамъ выучился! Говорилъ бы просто: непотребное время! И не надѣло тебѣ языкъ-то ломать! — строго говоритъ Кондратій Трифонычъ.

Опять водворяется молчаніе, изрѣдка прерываемое глубокими вздохами Кондратія Трифоныча. Батюшкинъ братъ вынимаетъ платокъ изъ кармана и начинаетъ вытирать имъ между пальцевъ.

— Что это я все вздыхаю! что это я все вздыхаю! — произноситъ Кондратій Трифонычъ.

— О грѣсѣхъ... — началъ-было батюшкинъ братъ, но не окончилъ, а только пискнулъ.

— Тьфу ты!

Молчатъ.

— А ты слышалъ, что Скуракинъ на-дняхъ такого же вотъ, какъ ты, поповскаго брата высѣкъ? — спрашиваетъ внезапно Кондратій Трифонычъ.

— Сс... стало-быть, слѣдствіе наряжено?

Digitized by Google

— Да, братъ; тоже вотъ все говорилъ: «о грѣсѣхъ» да «благоутробно» — ну, и высѣкъ!

Всю эту исторію Кондратій Трифонычъ сейчасъ только-что выдумалъ и никакого поповскаго брата Скуракинъ не сѣкъ. Но ему такъ понравилась его выдумка, что онъ даже повеселѣлъ.

— Да, братъ, права наши еще не кончились! Вотъ вздумалъ высѣчь — и высѣкъ! Ищи на немъ!

— Однако, позвольте, Кондратій Трифонычъ, осмѣливаюсь я думать, что господинъ Скуракинъ поступилъ не по закону!

— Ну, по какому тамъ еще закону! Извѣстно, сѣкутъ не по закону, а по обычаю!

— Позвольте, Кондратій Трифонычъ, я все-таки осмѣливаюсь полагать, что господинъ Скуракинъ не имѣлъ никакого права!

— Высѣкъ — и все тутъ!

— Высѣчь недолго-съ.

— Ну, да... и долго, и недолго... а высѣкъ!

Батюшкинъ братъ крякнулъ; онъ видимо былъ обиженъ. Что жъ это такое въ самомъ дѣлѣ? И съ какой стати Кондратій Трифонычъ завелъ такую пустую матерію? И не заключаютъ ли слова его фигуры иносказанія?

— Стало-быть, этакъ всѣхъ высѣчь можно? — произнесъ онъ съ видимымъ волненіемъ.

— Всѣхъ!

— Стало-быть, и... — батюшкинъ братъ не договорилъ.

— Стало-быть, и...

Батюшкинъ братъ обидѣлся окончательно. Мало-по-малу онъ такъ разревновался, что даже всталъ и началъ прощаться.

— Ужъ я, Кондратій Трифонычъ, лучше въ другой разъ приду, когда улучится болѣе благопріятная минута, — сказалъ онъ.

— Ну, да постой! куда ты? Это вѣдь я пошутилъ.

Digitized by Google

— Неблагообразно шутить изволите!

— Фу, чортъ! опять ты съ своимъ благоутробіемъ! — Да говорятъ тебѣ: пошутилъ!

— Нѣтъ, Кондратій Трифонычъ!

— Слышь, говорятъ: пошутилъ!

— Нѣтъ-съ, Кондратій Трифонычъ!

— Ну, и ступай! ну, и пропадай! Только ты у меня смотри: ни всенощныхъ, ни молебновъ... ни-ни!

— И не надо-съ! Собственную же свою душу не соблюдете!

Батюшкинъ братъ ушелъ; въ передней опять послышалось откашливаніе и сморканіе; Кондратій Трифонычъ опять почувствовалъ приливъ тоски.

— Эй! воротить его! — крикнулъ онъ.

Ванька побѣжалъ, но воротился съ отвѣтомъ, что батюшкинъ братъ не идетъ...

— Сказать ему, что я умираю!

Батюшкинъ братъ воротился, но сталъ у самой двери.

— Что̀ вамъ, сударь, угодно?—спросилъ онъ съ достоинствомъ.

— Да садись же ты!

— Нѣтъ-съ, и дома посижу!

— Ну, да полно! Благопрости ты меня, поблагобесѣдуй ты со мной! Ну, видишь?

Батюшкинъ братъ колебался.

— А не то, давай почавкаемъ что-нибудь! А если и это не нравится, такъ поблаготрапезуемъ!

Батюшкинъ братъ плавными шагами приблизился къ стулу и сѣлъ. Но онъ все-таки еще не совсѣмъ оправился, потому что опять вынулъ изъ кармана платокъ и началъ вытирать имъ между пальцевъ.

Приносятъ водку; Кондратій Трифонычъ наливаетъ рюмку и подноситъ батюшкину брату; но въ ту минуту, когда батюшкинъ братъ ужъ почти касается рукою рюмки, Кондратій Трифонычъ дѣлаетъ быстрый маневръ и мгновенно

Digitized by Google

выпиваетъ водку самъ. Батюшкинъ братъ крякаетъ и опять косится на шапку. Однако, на этотъ разъ все устраивается благополучно.

— Я думаю на будущій годъ молотилку выписать, — говоритъ Кондратій Трифонычъ, а самъ въ то же время думаетъ: «кукишъ съ масломъ! на какія-то деньги ты выпишешь!»

— Это полезно, — отвѣчаетъ батюшкинъ братъ: — и крестьяне отъ васъ позаняться могутъ.

— Я и сѣноворошилку куплю, — упорствуетъ Кондратій Трифонычъ: — да вотъ еще сѣялка такая есть...

— Сс... — произноситъ батюшкинъ братъ.

Молчатъ. Выпили по другой.

— У меня имѣніе хорошее! — говоритъ Кондратій Трифонычъ.

Батюшкинъ братъ, неизвѣстно съ чего, вдругъ распростираетъ руки, какъ будто хочетъ обнять необъятное.

— Ну, да! Это надо сказать правду, что хорошее, нужно только руки приложить! — продолжаетъ Кондратій Трифонычъ. — Вотъ я съ будущаго года молоко въ Москву возить стану!

— Экипажцы, стало-быть, такіе сдѣлаете?

— Ну, да! Положимъ, напримѣръ, что корова даетъ... ну, хоть ведро въ день!

Батюшкинъ братъ крякаетъ и откидывается назадъ.

— Ну, да... ну, хоть ведро въ день! Положимъ, хоть по восьми гривенъ за ведро... сколько это будетъ?

Кондратій Трифонычъ задумывается и въ разсѣянности выпиваетъ третью рюмку. Батюшкинъ братъ съѣдаетъ грибокъ.

— Одного торфу сколько у меня! — вдругъ восклицаетъ Кондратій Трифонычъ.

— Стало-быть, торфомъ торговать будете? — спрашиваетъ батюшкинъ братъ и, приложивъ руку къ сердцу (дабы не распахнулась ряска), крадется къ столу, чтобъ отрѣзать кусочекъ ветчинки.

Digitized by Google

— Всѣмъ буду торговать: и молокомъ буду торговать, и торфъ буду продавать, и ягоды въ Москву буду возить! Нонче, братъ, глядѣть-то нечего! нонче, братъ, дворянскую-то спѣсь надо по-боку!

— Сс... — удивляется батюшкинъ братъ. — Стало-быть, изволите находить, что непредосудительно?

Вмѣсто отвѣта Кондратій Трифонычъ выпиваетъ четвертую и въ то же время указываетъ на графинъ батюшкину брату, который немедленно слѣдуетъ его примѣру.

— А позвольте узнать, — спрашиваетъ батюшкинъ братъ: — какъ же теперь купцы, мѣщане... стало-быть, имъ возбранено будетъ торговать?

— А мнѣ что за дѣло!

— Стало-быть, это ужъ не будетъ, чтобъ всякому, то-есть, званію предѣлъ былъ положенъ?

— Не будетъ, а что̀?

— Ничего-съ: конечно, по Писанію, оно не то, чтобъ... потому, есть купующіе, есть и куплю дѣющіе, есть воздѣлывающіе землю, есть и поядающіе...

— Ну, такъ что жъ?

— Ничего-съ... я къ примѣру-съ...

— И кого только ты этими глупостями удивить хочешь!

Молчатъ.

— А то вотъ еще искусственнымъ разведеніемъ рыбъ заняться можно! — вдругъ изобрѣтаетъ Кондратій Трифонычъ.

— Сс... стало-быть, всякую рыбицу у себя завести можно?

— Всякую!

— Сс... подумаешь, какую, однако, власть надъ собой человѣкъ взялъ!

— Да, братъ, власть!

— Только тверди и звѣздъ небесныхъ еще содѣлать не можетъ.

— А рыбу можетъ всякую!

Digitized by Google

— И небезвыгодно?

— Какое, къ чорту, безвыгодно! Ты пойми, сколько въ Москвѣ стерлядь-то стоитъ!

— Что жъ, это дѣло хорошее! Можетъ, и крестьяне около васъ позаймутся.

Молчатъ.

Кондратій Трифонычъ слегка зѣваетъ.

— Я нонче все буду самъ: лѣсъ рубить буду самъ, молоко въ Москву возить — самъ, торфъ продавать — самъ! — говоритъ онъ, приходя внезапно въ восторгъ.

— Доброе, сударь, дѣло! — отвѣчаетъ батюшкинъ братъ.

— Нонче, братъ, не то, что прежде! Нѣтъ, братъ, шалишь! Нонче вездѣ все самъ: и посмотри самъ, и свѣсь самъ, и съѣзди вездѣ самъ, и опять посмотри, и опять свѣсь!

Кондратій Трифонычъ, говоря это, суетится и тыкаетъ руками, какъ будто онъ въ самую эту минуту и смотритъ, и вѣситъ, и куда-то ѣдетъ.

— Это точно; и предки наши говаривали: «свой глазокъ-смотрокъ!»

— Предки-то наши говаривали, а сами одну навозницу соблюдали!

Батюшкинъ братъ снисходительно улыбается. Водворяется молчаніе.

— Хорошо бы машину какую-нибудь выдумать! — говоритъ Кондратій Трифонычъ.

— Про какую-такую машину говорить изволите?

— Ну, да какую-нибудь... чтобъ и жала, и косила, и лѣсъ бы рубила, и масло бы пахтала... и вездѣ бы одинъ приводъ дѣйствовалъ!

— Слышно, англичане много всякихъ машинъ выдумываютъ!

— Сидѣлъ бы я себѣ дома, да дѣлалъ бы, да дѣлалъ бы машины, а потомъ въ Москву продавать возилъ бы.

— Вотъ Богъ англичанамъ на этотъ счетъ большую остроту ума далъ! — настаиваетъ батюшкинъ братъ.

Digitized by Google

— А кашимъ не далъ!

— Зато нашъ народъ благочестіемъ и благоугодною къ церкви преданностью одарилъ!

— Ну, и опять тебѣ говорю: кого ты своими благоглупостями удивить хочешь?

Батюшкинъ братъ окончательно конфузится и закусываетъ губы. Напротивъ того, Кондратій Трифонычъ воспламеняется и постепенно входитъ въ хозяйственный азартъ. Онъ объясняетъ, что можно налима съ лещомъ совокупить и что изъ этого должна произойти рыба, у которой будутъ печенки и молоки налимьи, а тешка лещиная; онъ объясняетъ, что примѣры подобнаго совокупленія случались и въ природѣ: стерлядь совокупилась съ осетромъ и вышла рыба *шипъ*, которую онъ ѣлъ на обѣдѣ у губернатора.

— Не у теперешняго, — прибавляетъ онъ: — теперь у насъ какой-то гордишка, аристократишка какой-то, а вотъ у прежняго, у генерала Слабомыслова.

Онъ объясняетъ батюшкину брату, какую онъ машину выпишетъ: и дрова таскать будетъ, и пахать будетъ, и воду носить будетъ, и топить ее будетъ не дровами, а землей,—все землей!

— Работниковъ, братъ, мнѣ съ этой машиной совсѣмъ не надо!—прибавляетъ онъ.

Онъ объясняетъ, наконецъ, какихъ онъ коровъ изъ Англіи выпишетъ: костей у нихъ совсѣмъ нѣтъ, а все одно мясо да молоко, все молоко, все молоко!

Онъ объясняетъ, наконецъ, что выстроитъ новую колокольню, такую колокольню: одинъ этажъ каменный, другой деревянный, потомъ опять каменный и опять деревянный.

— Жертва Богу угодная!—замѣчаетъ батюшкинъ братъ:— жертва, сударь, все равно, что кадило благовонное!

— А ты думалъ какъ?

— Впрочемъ, колокольня у насъ еще постоитъ... вотъ насчетъ трапезы, Кондратій Трифонычъ!

Digitized by Google

— Ужъ ты молчи, я все сдѣлаю: и колокольню сломаю, и трапезу сломаю, я все сломаю! — объясняетъ Кондратій Трифонычъ.

И разговаривая такимъ манеромъ, выпиваетъ рюмку за рюмкой, рюмку за рюмкой!

Батюшкинъ братъ, въ свою очередь, выпиваетъ, и вслѣдствіе этого безпрестанно поправляетъ пальцами глаза, какъ будто хочетъ ихъ разодрать, чтобъ лучше видѣть. Въ то же время онъ радуется, что въ одно утро пріобрѣлъ столько разнообразныхъ свѣдѣній.

— Это вы благополезное дѣло затѣяли, Кондратій Трифонычъ!—говоритъ онъ.

— Тьфу ты!

Наконецъ, изолгавшись въ конецъ и, вѣроятно, найдя, что машины всѣ до одной изобрѣтены, коровы всѣ выписаны, Кондратій Трифонычъ впадаетъ въ истощеніе. Часы бьютъ два.

— Обѣдать! — кричитъ Кондратій Трифонычъ. — Ты со мной, что ли, отче?

— Ужъ очень занятно вы разсказываете, Кондратій Трифонычъ, послушалъ бы и еще-съ.

— Ну, а коли послушалъ бы, такъ оставайся!

Подаютъ обѣдать; но геній хозяйственной распорядительности уже отлетѣлъ отъ Кондратія Трифоныча. Онъ не то чтобъ спитъ, но слегка совѣетъ и только изрѣдка подмигиваетъ батюшкину брату на Ваньку (дескать, посмотри, какъ суетъ!), который, въ свою очередь, не стѣсняясь присутствіемъ этого послѣдняго, показываетъ барину сзади языкъ. Такимъ образомъ, антагонизмъ, о которомъ такъ много говоритъ Кондратій Трифонычъ, представляется батюшкину брату въ лицахъ на самомъ дѣйствіи.

— Ты для чего же рыжиковъ къ жаркому не подалъ?— невѣрнымъ, нѣсколько путающимся языкомъ допрашиваетъ Ваньку Кондратій Трифонычъ.

Digitized by Google

— А для того и не подалъ, что огурцы есть, — тоже путающимся языкомъ отвѣчаетъ Ванька.

— Ишь ты! дразнится, шельма! — замѣчаетъ Кондратій Трифонычъ и подмигиваетъ батюшкину брату, какъ бы приглашая его быть свидѣтелемъ Ванькиной грубости.

Наконецъ, и сумерки упали. Батюшкинъ братъ давно ушелъ; Кондратій Трифонычъ спитъ и даже во снѣ ничего не видитъ. Какъ повалился онъ на постель, такъ ему голову словно заложило чѣмъ. Въ передней вторитъ ему Ванька.

Въ шесть часовъ Кондратій Трифонычъ уже шагаетъ по своимъ сараямъ и проситъ квасу. Въ средней комнатѣ уныло мерцаетъ стеариновая свѣча; прочія комнаты окутаны мракомъ. Кондратій Трифонычъ шагаетъ и думаетъ, что̀ бы ему сдѣлать такое, чтобы...

— Чтобы что̀?—спрашиваетъ его внутренній голосъ.

— Господи, какая тоска! — восклицаетъ Кондратій Трифонычъ, не разрѣшая вопроса.

И опять ходитъ, и все о чемъ-то думаетъ, все чего-то ждетъ. Думаетъ о томъ, что завтра, быть-можетъ, будетъ снѣгъ, а быть-можетъ будетъ и вьюга; ждетъ, что къ Николину дню будутъ морозы.

— О, чортъ побери!—восклицаетъ онъ.

И опять ходитъ, и опять ждетъ—скоро ли чай подадутъ?.

— Ванька! да пошли ты, разбойникъ, Агашку ко мнѣ!— кричитъ онъ отчаяннымъ голосомъ.

Агашка на этотъ разъ является. Это дѣвушка кругленькая, полненькая, бѣлокуренькая, съ измятымъ, но весьма пріятнымъ личикомъ.

— Что вы, Агашенька, ко мнѣ не ходите? — спрашиваетъ ее Кондратій Трифонычъ, сѣменя кругомъ нея ножками, какъ дѣлаютъ влюбленные пѣтухи.

— Вы развѣ спрашивали меня?—отзывается Агашенька, повертываясь на своей оси по тому же направленію, по какому ходитъ Кондратій Трифонычъ.

Digitized by Google

— Я за вами десять разъ Ваньку посылалъ-съ!

— Ванька ни разу мнѣ не говорилъ!

— Этакой скотъ, подлецъ! А отчего же вы сами никогда ко мнѣ не зайдете-съ?

Агашенька не отвѣчаетъ; она слегка зардѣлась.

— Ну-съ, Агашенька-съ?

— Я, Кондратій Трифонычъ, я-съ... — начинаетъ Агашенька и никакъ не можетъ кончить.

— Ну-съ, что же вы-съ?

— Я-съ... позвольте мнѣ, Кондратій Трифонычъ, замужъ идти-съ! — скороговоркой произноситъ Агашенька и умолкаетъ, словно сама испугалась словъ своихъ. А щечки у нея такъ и пылаютъ, такъ и рдѣютъ отъ стыда и испуга!

Кондратій Трифонычъ озадаченъ; онъ думаетъ, какъ ему поступить, и, разумѣется, какъ всѣ люди, которыхъ самолюбіе неожиданно уязвлено, на первыхъ порахъ надумываетъ глупѣйшую штуку. Онъ какъ-то надувается и устраиваетъ оскорбленную мину; онъ поднимаетъ плечи и, отступя нѣсколько шаговъ назадъ, указываетъ Агашѣ руками на двери.

— Скатертью дорога-съ!—говоритъ онъ.—Ну, такъ что же-съ, и съ Богомъ-съ!

— Душенька! Кондратій Трифонычъ! Ей-Богу, я не могу! — говоритъ Агашенька и въ то же время стыдится и рдѣетъ, едва выговаривая отъ волненія слова.

— А коли не можете, такъ и съ Богомъ! — отвѣчаетъ Кондратій Трифонычъ, попрежнему глупымъ образомъ уставляя руки по направленію къ двери.

Агашенька закрываетъ лицо платкомъ и быстро выбѣгаетъ.

Кондратій Трифонычъ остается одинъ и опять принимается за ходьбу. Но онъ чувствуетъ, что у него начинаетъ щемить сердце; онъ чувствуетъ, что къ глазамъ что-то подступаетъ.

Digitized by Google

— Ладно, это ладно!—говоритъ онъ самому себѣ.

— Что «ладно»-то?—спрашиваетъ внутренній голосъ.

«Ну, чортъ съ нею! — думаетъ онъ: — поѣду въ Москву и найду себѣ... А вѣдь она, чай, за повара?»

И опять начинаетъ сосать сердце, и опять начинаетъ что-то подступать къ глазамъ.

— Ваня! позови Агашу! — говоритъ онъ словно измѣнившимся голосомъ, просовывая голову въ переднюю.

Черезъ минуту Ванька возвращается и докладываетъ, что Агашка не идетъ.

— Да ты поди, ты скажи ей, что я... такъ.

Ванька скрывается.

— Вы меня спрашивали, Кондратій Трифонычъ?—раздается въ темнотѣ знакомый голосъ.

— Вы за кого жъ замужъ выходите, Агашенька-съ? — спрашиваетъ Кондратій Трифонычъ.

— Я-съ... за повара... за Степана-съ!

— Гм!.. за Степана! А въ дѣвушкахъ остаться не хотите?

— Ужъ позвольте, Кондратій Трифонычъ!

— Ну, Богъ съ вами! Кто же у васъ посаженымъ отцомъ будетъ?

Агашенька перебираетъ пальцами концы большого платка, который накинутъ у нея на шею.

— Хочешь, я посаженымъ отцомъ буду?

— Ахъ, нѣтъ... нѣтъ... ужъ оставьте это, Кондратій Трифонычъ!

— Что жъ, и въ посаженые-то ужъ взять не хотите?

Агашенька видимо тяготится разговоромъ; она переминается съ ноги на ногу; ей хочется уйти. Кондратію Трифонычу кажется, что она неблагодарная.

— Ну, съ Богомъ! Что жъ... если я... если я... ну, и съ Богомъ!

Кондратій Трифонычъ давится и, чтобъ скрыть охватившее его волненіе, кашляетъ; но въ ту минуту, когда онъ поднимаетъ голову, Агаши ужъ нѣтъ...

Digitized by Google

— Хоть жить-то у меня останетесь ли? — кричитъ онъ вслѣдъ и, не получивши отвѣта, ворчитъ: — Ишь! даже отвѣта не даетъ! а вѣдь я два года еще право имѣю... Ладно!

Между тѣмъ на дворѣ разыгрывается вьюга; она несетъ снопы снѣга съ рѣки и укладываетъ ихъ буграми и грядками около барскаго дома; она наполняетъ воздухъ какою-то сумятицей и застилаетъ огоньки, которые свѣтятся въ людскихъ избахъ и въ тихую погоду бываютъ видны изъ господскаго дома; она визжитъ и воетъ; она стучится въ стѣны и въ окна, словно просится со стужи въ тепло.

— Нѣтъ тебѣ ни правой, ни лѣвой, нѣтъ тебѣ ни правой, ни лѣвой!—слышится Кондратію Трифонычу въ этомъ заунывномъ голошеніи вьюги.

Дѣлать рѣшительно нечего; что̀ было дѣла—все передѣлалъ, что̀ было мыслей — всѣ передумалъ. Часы тоскливо стучатъ: тикъ-такъ, тикъ-такъ, и Кондратій Трифонычъ чувствуетъ, какъ взмахи маятника, одинъ за другимъ, уносятъ его надежды. Онъ чувствуетъ, что съ каждой минутой все больше и больше дряхлѣетъ, что дерево жизни подточено, что листья одинъ за однимъ все надаютъ, все падаютъ...

— Что̀ жъ это онъ чаю, подлецъ, не даетъ! — вскрикиваетъ онъ какъ уязвленный, удостовѣрившись, что часовая стрѣлка стоитъ на половинѣ восьмого. — Ванька! чаю, чаю-то что жъ не даешь! Не сто̀ю я, что ли?

Ванька хочетъ уйти.

— Нѣтъ, ты мнѣ говори: не сто̀ю, что ли, я чаю, что ты меня до сихъ поръ моришь?

— Я думалъ, что не надо!—огрызается Ванька.

— Ты думалъ! онъ думалъ! милости просимъ! онъ думалъ! А ты знаешь ли, какъ вашего брата за думанье-то! Онъ думалъ!.. ты!.. ты!.. ахъ, ты! Ну, ступай... ладно!

Кондратій Трифонычъ опять пересчитываетъ свои обиды: тогда-то пыли не стеръ, тогда-то рожу состроилъ, тогда-то

Digitized by Google

прыснулъ въ самое лицо барину, тогда-то безъ чаю намѣревался оставить.

— Агашку взбаламутилъ,—говоритъ онъ, инстинктивно склоняя голову на бокъ, какъ будто сообщаетъ это по секрету становому на ухо.

Но вотъ и чай выпитъ; Кондратій Трифонычъ беретъ засаленныя карты и начинаетъ раскладывать гранъ-пасьянсъ. Онъ гадаетъ, уродится ли у него рожь самъ-десятъ—не выходитъ; онъ гадаетъ, останется ли Агаша жить у него—не выходитъ; онъ гадаетъ, избавится ли его имѣніе отъ продажи съ публичнаго торга—не выходитъ.

— Нѣтъ тебѣ ни правой, ни лѣвой, нѣтъ тебѣ ни правой, ни лѣвой!—злится на дворѣ вьюга.

. . . . . .

Кондратій Трифонычъ спитъ; въ комнатѣ жарко и душно; онъ разметался; одна рука свѣсилась съ кровати, другая легла на лѣвую сторону груди, какъ будто хочетъ сдержать учащенное біеніе сердца. Онъ видитъ во снѣ, что послѣдовало какое-то новое распоряженіе. Въ чемъ заключается это распоряженіе — сонъ не объясняетъ, но самое слово «распоряженіе» уже вызываетъ капли холоднаго пота на лицо Кондратія Трифоныча. Онъ стонетъ и захлебывается.

Поутру, часовъ въ восемь, чуть брезжится, а ужъ его будитъ Ванька.

— Что̀ такое? что̀ такое? — спрашиваетъ онъ, глядя на Ваньку мутными глазами.

— Становой пріѣхалъ!

— А!.. лладно!—произноситъ Кондратій Трифонычъ, и лицо его принимаетъ ироническое выраженіе, которое очень не нравится Ванькѣ.

— Имѣніе описывать пріѣхалъ-съ!—говоритъ Ванька въ самый упоръ, какъ бы желая сразу окатить Кондратія Трифоныча холодной водой.

Занавѣсъ опускается.

Digitized by Google

IX.—Святочный разсказъ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ чиновника.)

I.

Въ 18** году, и именно въ ночь на Рождество Христово, пришлось мнѣ ѣхать по большому коммерческому тракту, ведущему отъ города Срывнаго къ Усть-Дёминской пристани. «Завтра или, лучше сказать, даже сегодня—большой праздникъ,—думалъ я:—нѣтъ того человѣка въ цѣломъ православномъ мірѣ, который бы на этотъ день не успокоился и не предался всѣмъ отрадамъ семейнаго очага; нѣтъ той убогой хижины, которая не освѣтилась бы привѣтнымъ лучомъ радости; нѣтъ того нищаго, бездомнаго и увѣчнаго, который не испыталъ бы на себѣ благотворное дѣйство великаго праздника! Я одинъ, горькимъ насильствомъ судьбы, вынужденъ ѣхать въ эту зимнюю, морозную ночь, между тѣмъ какъ всѣ мысли такъ естественно и такъ неудержимо стремятся къ теплому углу, ѣхать Богъ вѣсть куда и Богъ вѣсть зачѣмъ, перестать жить и самому мѣшать жить другимъ?» Мысли эти неотступно осаждали мою голову и дѣлали положеніе мое, и безъ того непріятное, почти невыносимымъ. Всѣ воспоминанія дѣтства, съ ихъ безмятежными, озаренными мягкимъ свѣтомъ картинами, всѣ лучшіе часы и даже мгновенія моего прошлаго, какъ нарочно, возставали передо мной самыми симпатическими, ласкающими своими сторонами. «Какъ было тогда хорошо! — отзывался тихій голосъ гдѣ-то далеко, въ самой глубинѣ моей души,— и какъ, напротивъ того, все теперь непріятно и безучастно вокругъ!»

Кибитка, между тѣмъ, быстро катилась, однообразно и мѣрно постукивая передкомъ объ уступы, выбитые копытами возовыхъ лошадей. Дорога узенькою снѣговой лентой бѣжала все вдаль и вдаль; колокольцы, привязанные къ низенькой дугѣ коренника, будили оцѣпенѣвшую окрест-

Digitized by Google

ность то яснымъ и отчетливымъ звономъ, когда лошади бѣжали рысью, то какимъ-то безпорядочнымъ гуломъ, когда онѣ пускались вскачь; по временамъ этотъ звонъ и гулъ смѣшивался съ визгомъ полозьевъ, когда они врѣзывались въ полосу рыхлаго снѣга, нанесенную внезапнымъ вихремъ; по временамъ впереди кибитки поднималось и нѣсколько мгновеній стояло недвижно въ воздухѣ облако морозной пыли, застилая собой всю окрестность... Горы, рѣчки, овраги—все какъ будто замерло, все сдѣлалось безразличнымъ подъ пушистою пеленою снѣга.

«Зачѣмъ я ѣду? — безпрестанно повторялъ я самъ себѣ, пожимаясь отъ проникавшаго меня холода: — затѣмъ ли, чтобъ безполезно и произвольно впадать въ жизнь и спокойствіе себѣ подобныхъ? затѣмъ ли, чтобъ удовлетворить извѣстной потребности времени или общества? затѣмъ ли, наконецъ, чтобъ преслѣдовать свои личныя цѣли?»

И разныя странныя, противорѣчивыя мысли, одна за другой, отвѣчали мнѣ на этотъ вопросъ. То думалось, что вотъ пріѣду я въ указанную мнѣ мѣстность, пріючусь, съ горемъ пополамъ, въ курной избѣ, буду по цѣлымъ днямъ шататься, плутать въ непроходимыхъ лѣсахъ и искать... «Чего жъ искать, однакожъ?»—мелькнула вдругъ въ головѣ мысль, но, не останавливаясь на этомъ вопросѣ, продолжала прерванную работу. И вотъ я опять среди снѣговъ, среди сувоевъ, среди лѣсной чащи; я хлопочу, я выбиваюсь изъ силъ... и, наконецъ, мое усердіе, то усердіе, которое все превозмогаетъ, увѣнчивается полнымъ успѣхомъ, и я получаю возможность насладиться плодами моего трудолюбія... въ видѣ трехъ-четырехъ бабъ, полуглухихъ, полуслѣпыхъ, полубезногихъ, изъ которыхъ младшей не менѣе семидесяти лѣтъ!.. «Господи! а ну какъ да онѣ прослышали какъ-нибудь? — шепчетъ мнѣ тотъ же враждебный голосъ, который, очевидно, считаетъ обязанностью всѣ мои мечты отравлять сомнѣніями: — что̀ если Еванѳія... Е-ван-ѳі-я!.. куда-нибудь скрылась?» Но съ другой стороны... зачѣмъ мнѣ

Digitized by Google

Еванѳія? зачѣмъ мнѣ всѣ эти бабы? и кому онѣ нужны, кому отъ того убытокъ, что онѣ ушли куда-то въ глушь, сложить тамъ свои старыя кости? А все-таки хорошо бы, кабы Еванѳію на мѣстѣ застать!.. Привели бы ее ко мнѣ: «ага, голубушка, тебя-то мнѣ и нужно!»—сказалъ бы я. «Позвольте, ваше высокоблагородіе! — шепнулъ бы мнѣ въ это время становой приставъ (тотъ самый, который изловилъ Еванѳію, покуда я сидѣлъ въ курной избѣ и отъ скуки посвистывалъ): — позвольте-съ; я дозналъ, что въ такой-то мѣстности еще столько-то безногихъ старухъ секретно проживаетъ?»—О, Боже! да это просто подарокъ!— восклицаю я (не потому, чтобъ у меня было злое сердце, а просто потому, что я ужъ зарвался въ порывѣ усердія), и снова спѣшу, и задыхаюсь, и открываю... Господи! что̀ я открываю!.. Что жъ, однакожъ, изъ этого, къ какому результату ведутъ эти усилія? Къ тому ли, чтобъ перевернуть вверхъ дномъ жизнь десятка полуистлѣвшихъ старухъ?.. Нѣтъ, видно, въ самой мыслительной моей способности имѣется какой-нибудь порокъ, что я даже не могу найти приличнаго отвѣта на вопросъ, безъ того, чтобъ снова, дѣйствіемъ какого-то досаднаго волшебства, не возвратиться все къ тому же вопросу, изъ котораго первоначально вышелъ.

Между тѣмъ повозка начала все чаще и чаще постукивать передкомъ; полозья, по временамъ раскатываясь, скользили по обледенѣлому черепу дороги; все это составляло несомнѣнный признакъ жилья, и дѣйствительно, высунувшись изъ кибитки, я увидѣлъ, что мы въѣхали въ большое село.

— Вотъ и до мѣста доѣхали! — молвилъ ямщикъ, поворачиваясь ко мнѣ.

Заиндевѣвшая его борода и жалкій бѣлый понитокъ, составлявшій, вмѣстѣ съ дырявымъ и совершенно вытертымъ полушубкомъ, единственную его защиту отъ лютаго мороза, бросились мнѣ въ глаза. Странное ощущеніе испыталъ я

Digitized by Google

въ эту минуту! Хотя и обледенѣлыя бороды, и худые бѣлые понитки до того примелькались мнѣ во время моихъ частыхъ скитаній по дорогамъ, что я почти пересталъ обращать на нихъ вниманіе, но тутъ я совершенно невольнымъ и естественнымъ путемъ поставленъ былъ въ невозможность обойти ихъ.

«Какъ-то придется тебѣ встрѣтить Христовъ праздникъ!— подумалъ я, и тутъ же, по какому-то озорному сопряженію идей, прибавилъ:—а я вотъ ѣду въ теплой шубѣ, а не въ пониткѣ... ты сидишь на облучкѣ и безпрестанно вскакиваешь, чтобъ попугать кнутомъ переднюю лошадь, а я сижу-себѣ, развалившись, и занимаюсь мечтаніями... ты долженъ будешь, какъ пріѣдешь на станцію, прежде всего лошадей на морозѣ распречь, а я *велю* ввести себя прямо въ тепло, *велю* поставить самоваръ, *велю* напоить себя чаемъ, *велю* собрать походную кровать и засну сномъ невинныхъ»...

Въ селѣ было пусто; былъ шестой часъ утра, а въ это время, какъ извѣстно, по большимъ праздникамъ, идетъ уже обѣдня въ тѣхъ селахъ, гдѣ нѣтъ помѣщиковъ и гдѣ массу прихожанъ составляетъ сѣрый народъ. И дѣйствительно, хотя мы почти мгновенно промчались мимо церкви, но я успѣлъ, сквозь отворенную ея дверь, разсмотрѣть, что она полна народомъ, что глубина ея горитъ огнями по-праздничному и что густой паръ стоитъ надъ толпою, одѣвая туманомъ и богомольцевъ, и ярко освѣщенный иконостасъ.

Наконецъ, лошади остановились у просторной избы. Это была станція, но не почтовая, гдѣ, хоть съ грѣхомъ пополамъ, путешественникъ можетъ пріютить свою голову безъ опасенія быть ежеминутно встревоженнымъ шумомъ и говоромъ людей, хлопаніемъ дверей и незасыпающею дѣятельностью дня; это была простая изба, назначенная по отводу для отдыха проѣзжающихъ по казенной надобности чиновниковъ, покуда сбираютъ для нихъ свѣжихъ обывательскихъ лошадей. Сверхъ моего ожиданія, горница, въ которую меня ввели, оказалась просторною, теплою и даже

Digitized by Google

чистою; полъ и вдѣланныя по стѣнамъ лавки были наканунѣ выскоблены и вымыты; передъ образами весело теплилась лампадка; четыреугольный столъ, за которымъ обыкновенно трапезуютъ крестьяне, былъ накрытъ чистымъ бѣлымъ переборомъ, а въ ближайшемъ ко входу углу, около огромной русской печи, возилась баба-деньщица, очевидно спѣша окончить свою стряпню къ приходу семейныхъ отъ обѣдни. На одной изъ лавокъ, возлѣ передняго угла, сидѣлъ слѣпой и ветхій дѣдушка, въ родѣ тѣхъ, которыми почти фаталистически снабжается всякая сколько-нибудь многочисленная крестьянская семья, и держалъ въ рукѣ деревянную палку, которою задумчиво чертилъ по полу. Онъ дѣлалъ это дѣло съ необычайнымъ терпѣніемъ, какъ будто оно составляло послѣднюю задачу его жизни, и, нащупавъ палкою какую-нибудь неровность, сердился и ворчалъ.

Пріѣздъ мой не произвелъ, однакожъ, особеннаго впечатлѣнія, такъ какъ, по случаю отвода избы подъ станцію, хозяева ея скоро свыкаются съ общимъ видомъ чиновника, котораго появленіе составляетъ въ кругу ихъ фактъ почти ежедневный. Деньщица,—которая, по разсмотрѣніи, оказалась молодухой,—продолжала усердно дѣлать свое дѣло, а дѣдушка, попрежнему, водилъ палкой по полу и ворчалъ про себя. На палатяхъ возились и потягивались ребятишки.

— Далеко отсюда становой живетъ?—спросилъ я.

— Да верстъ, чай, съ восемь будетъ,—отвѣчала деньщица, дѣйствуя въ то же время ухватомъ, которымъ отправляла въ печь горшокъ съ похлебкой.

— А ты говори дѣло, а не «чай»!—вступился мой спутникъ и камердинеръ Гриша, во всякое другое время очень добрый малый, но теперь сильно озлобившійся вслѣдствіе мороза и другихъ дорожныхъ непріятностей.

— А вотъ мужики придутъ—они тебѣ дѣло и скажутъ... Ишь, больно строгъ: съ бабы спрашиваетъ!

— Эхъ ты! баба такъ баба и есть! — отозвался Гриша, но съ такимъ глубокимъ презрѣніемъ, что я сразу созналъ

Digitized by Google

глубокую разницу, существующую между привилегированнымъ поломъ и непривилегированнымъ.

— Никакъ кто пришелъ? Съ кѣмъ это ты, Татьяна, разговариваешь?—откликнулся дѣдушка.

— Становой далеко отсюда живетъ?—спросилъ я, обращаясь къ старику.

— Ась?

— Ишь ты! глухіе да глупые — вотъ и жди отъ нихъ толку!—злобно замѣтилъ Гриша.

— Баринъ пріѣхалъ... чиновникъ, дѣдушко! — кричала, между тѣмъ, Татьяна, наклонясь къ самому уху старика.— Спрашиваютъ, далече ли до станового будетъ?

— Да верстъ пятокъ-поболѣ будетъ, — прошамкалъ старикъ. — Выѣдешь ты, сударь, за околицу и поѣзжай все вправо... тамъ три сосенки такія будутъ... древнія, сударь, еще дѣдушко мой ихъ помнилъ—вò какія сосны!.. Отъ нихъ повертывай прямо направо, будетъ тебѣ тамъ озеро, и поѣзжай ты черезъ него все прямо, все прямо... Лѣтомъ-то, сударь, здѣся-ко не проѣдешь, а надо кругомъ; такъ въ ту-пору вмѣсто пяти-то верстъ и пятнадцать-поди будетъ!.. Ну, а за озеромъ прямо и представится тебѣ господинъ становой... Такъ-то.

— Такъ нельзя ли лошадей поскорѣй заложить? — спросилъ я.

— А у насъ и робятъ-то никого нѣтъ, всѣ въ церкву ушли,—отвѣчала молодуха.—Видно, ужъ тебѣ, баринъ, обождать придется!

— Дѣдушка! какъ бы лошадей заложить? — снова спросилъ я, наклоняясь къ дѣдушкѣ.

— А что жъ, сударь, для-че не заложить! кони нонѣ дома, мигомъ заложатъ! Татьяна, сбѣгай по мужа-то, скажи, молъ, чиновникъ наѣхалъ!

Но покуда Татьяна сбиралась, семейные ужъ возвратились изъ церкви и гурьбой ввалились въ избу. Прежде всѣхъ, какъ водится, влетѣлъ никѣмъ не прошенный клубъ

Digitized by Google

морознаго воздуха и мигомъ наполнилъ комнату бѣлесоватымъ туманомъ; за нимъ вошелъ старшій сынъ дѣдушки, мужичокъ лѣтъ пятидесяти слишкомъ, очень сановитой и бодрой наружности, одѣтый, по-праздничному, въ синюю сибирку.

— Съ праздникомъ, батюшка!—сказалъ онъ, помолившись напередъ образамъ:—Богъ милости прислалъ!

— Ну, слава Богу, слава Богу! — прошамкалъ старикъ, привставая съ лавки. — Вотъ и опять мы съ праздникомъ! Съ вами, что ли, некрутъ-то?

— Здѣсь, дѣдушко, будь здоровъ! — молвилъ, выступая впередъ, молодой парень.

Я вспомнилъ, что по случаю военныхъ обстоятельствъ объявленъ былъ въ то время чрезвычайный наборъ, и невольно полюбопытствовалъ взглянуть на рекрута. Физіономія его была чрезвычайно симпатична: хотя гладко выстриженные волосы нѣсколько портили его лицо, тѣмъ не менѣе, общее его выраженіе было весьма пріятно; то было одно изъ тѣхъ мягкихъ, полустыдливыхъ, полузастѣнчивыхъ выраженій, которыя составляютъ почти общую принадлежность нашего народнаго типа. Смирно стоялъ онъ передъ старикомъ-дѣдушкой въ своемъ коротенькомъ рекрутскомъ полушубкѣ, засунувъ руку за пазуху и слегка понуривъ голову; въ голубыхъ его глазахъ не видно было огня строптивости или затаеннаго чувства ропота; напротивъ того, вся его любящая, безпредѣльно кроткая душа свѣтилась въ этомъ задумчивомъ и разсѣянно-блуждавшемъ взорѣ, какъ бы свидѣтельствуя о его вѣчной и безпрекословной готовности идти всюду, куда укажетъ судьба.

— Ну, дай Богъ здоровья начальникамъ... отпустили тебя, Петруня... и насъ сдѣлали съ праздникомъ, — сказалъ старикъ.

Покуда старикъ говорилъ, сзади, у печки, послышались сначала вздохи, а потомъ и довольно громкія всхлипыванія. Петруня какъ-то болѣзненно весь сжался, услышавъ ихъ.

Digitized by Google

— Ну, вотъ, пошла баба голосить! уйми ты ее, Иванъ!— обратился старикъ къ старшему сыну. — Нéшто лучше бы было, кабы не отпустили сына-то!.. такъ ты бы радовалась, не-чѣмъ горевать!

— Такъ неужто жъ и пожалѣть нельзя! — отозвалась изъ угла баба. — Собирались нонѣ женить въ мясоѣдъ парня, анъ, замѣстъ-того, вонъ онъ куда угодилъ... и не чаяли!

Петруня, казалось, еще болѣе сжался при послѣднихъ словахъ матери.

— Ничего, съ Богомъ... не на грѣхъ идетъ! Чай, еще не сколько мученья-то принялъ, Петруня? — спросилъ дѣдушка.

— Мученьевъ, дѣдушко, нѣтъ, а вотъ унтеръ сказывалъ, что черезъ десять дёнъ въ походъ идти велѣно, — отвѣчалъ Петруня тихо и дрожащимъ голосомъ.

— Ну, что жъ, и въ походъ пойдешь, коли велѣно! Да ты слушай, голова! и я вѣдь молоденекъ бывалъ, тоже чуть-чуть въ некруты въ ту-пору не угодилъ... ужъ и что̀ хлопотъ-то у насѣ въ тѣ-поры съ батюшкой вышло!

— То-то «чуть-чуть»! — въ сердцахъ ворчала мать: — вотъ не сдали же! А тутъ какъ есть одинъ сынъ, да и тотъ не въ домъ, а изъ дому вонъ бѣжитъ!

— А кто жъ тебѣ не велѣлъ другого припасти! — сказалъ дѣдушка полушутливо, полудосадливо. — То-то вотъ баба: замѣстъ-того, чтобъ потѣшить сыночка о праздникѣ, а она еще пуще его въ разстрой приводитъ! Ты пойми, глупая, что онъ у тебя въ гостяхъ здѣсь! Вотъ ужо̀ вели коней въ саночки запречь... погуляй покуда, Петруня, съ робятками-то, погуляй, милой!

Иванъ, однако, не принималъ никакого участія въ разговорѣ. Онъ спокойно раздѣвался въ это время и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ обычныя распоряженія по дому. Но это равнодушіе было только кажущееся, а въ сущности онъ не менѣе жены печалился участью сына. Вообще, нашего

Digitized by Google

крестьянина трудно чѣмъ-нибудь расшевелить, удивить или душевно растрогать. Ежеминутно имѣя прямое отношеніе лишь къ самой незамысловатой и неизукрашенной дѣйствительности, ежеминутно встрѣчая лицомъ къ лицу свою насущную жизнь, которая часто представляетъ для него одну безконечную невзгоду и во всякомъ случаѣ многаго никогда ему не даетъ, онъ привыкаетъ смѣло смотрѣть въ глаза этой суровой мачихѣ, которая по временамъ еще осмѣливается заговаривать льстивыми голосами и называть себя родною матерью. Поэтому всякая потеря, всякая неудача, всякое безвременье составляютъ для крестьянина такой простой фактъ, передъ которымъ нечего и задумываться, а только слѣдуетъ терпѣливо и бодро снести. Даже смерть наиболѣе любимаго и почитаемаго лица не подавляетъ его и не производитъ особеннаго переполоха въ душѣ; мало того: я не одинъ разъ видалъ на своемъ вѣку умирающихъ крестьянъ, и всегда (кромѣ, впрочемъ, очень молодыхъ парней, которымъ труднѣе было разставаться съ жизнью) замѣчалъ въ нихъ какое-то твердое и вмѣстѣ съ тѣмъ почти младенческое спокойствіе, которое многіе, конечно, не затруднились бы назвать геройствомъ, если бы оно не выражалось столь просто и неизысканно. Всѣ страданія, всѣ душевныя тревоги крестьянинъ привыкъ сосредоточивать въ самомъ себѣ, и если изъ этого правила имѣются исключенія, то они составляютъ предметъ хотя добродушныхъ, но всегда общихъ насмѣшекъ. Такихъ людей называютъ нюнями, бабами, стрекозами, и никогда разсудливый мужикъ не станетъ говорить съ ними о дѣлѣ. Правда, дрогнетъ иногда у крестьянина голосъ, если обстоятельства уже слишкомъ круто повернутъ его, измѣнится и какъ будто перекосится на мигъ лицо, насупятся брови — и только; но жалоба, суетливость и безплодное аханье никогда не найдутъ мѣста въ его груди. Повторяю: невзгода представляется для крестьянина столь обычнымъ фактомъ, что онъ не только не обороняется отъ него, но даже и

Digitized by Google

не готовится къ принятію удара, ибо и безъ того всегда къ нему готовъ. Всю чувствительность, всѣ жалобы онъ, кажется, предоставилъ въ удѣлъ бабамъ, которыя и въ крестьянскомъ быту, какъ и вездѣ, по самой природѣ, болѣе склонны представлять себѣ жизнь въ розовомъ цвѣтѣ, и потому не такъ легко примиряются съ ея неудачами.

— Рекрутъ, что-ли, у васъ? — спросилъ я Ивана.

— Рекрутъ, сударь, сыномъ мнѣ-ка приходится.

— А велика ли у васъ семья?

— Семья, нечего Бога гнѣвить, большая; четверо насъ братовей, сударь, да дѣтки въ законъ еще не вышли... вотъ Петрунька одинъ и вышелъ.

— Тяжело, чай, разставаться-то?

Иванъ съ изумленіемъ взглянулъ на меня, и я, не безъ внутренней досады, долженъ былъ сознаться, что сдѣланный мною вопросъ совершенно праздный и ни къ чему не ведущій.

— Божья власть, сударь! — отвѣчалъ онъ и, обращаясь къ старику, прибавилъ: — Обѣдать, что ли, собирать, батюшка?

— Вели сбирать! Иванушко, цора! чай, и свѣтъ скоро будетъ!.. Да за конями-то пошли, что ли!

— Давно Васютку услалъ, приведутъ сейчасъ.

Петруня, между тѣмъ, незамѣтно скрылся за дверь. Несмотря на то, что изба была довольно просторная, воздухъ въ ней, отъ множества собравшагося народа, былъ до того спертъ, что непривычному трудно было дышать въ немъ. Кромѣ сыновей стараго дѣдушки съ ихъ женами, тутъ находилось цѣлое поколѣніе подростковъ и малолѣтковъ, которые немилосердно возились и болтали, пòходя пичкая себя хлѣбомъ и сдобными лепешками.

— Кто-то вотъ насъ кормить на старости лѣтъ будетъ? — промолвила, между тѣмъ, хозяйка Ивана, попрежнему стоя въ углу пригорюнившись.

— Чай, братовья тоже есть, семья не маленькая! — отвѣчалъ дѣдушка, съ трудомъ скрывая досаду.

Digitized by Google

— Да, дожидайся, пока они накормятъ... чай, по тѣхъ поръ ихъ и видѣли, поколь ты живъ.

— Не дѣло, Марья, говоришь! — замѣтилъ второй братъ Ивана.

— Ее не переслушаешь! — отозвался третій братъ.

Окончанія разговора я не дослушалъ, потому что не могъ долѣе выносить этого спертаго, насыщеннаго парами разныхъ похлебокъ воздуха, и вышелъ въ сѣнцы. Тамъ было совершенно темно. Глухо доносились до меня голоса ямщиковъ, суетившихся около повозки, и дребезжащее позвякиваніе колокольцовъ, накрѣпко привязанныхъ къ дугѣ, и еще какіе-то смутные звуки, которые непремѣнно услышишь на каждомъ крестьянскомъ дворѣ, гдѣ хозяинъ живетъ мало-мальски запасливо.

— Какъ же быть-то? — сказалъ неподалеку отъ меня милый и чрезвычайно мягкій женскій голосъ.

— Какъ быть! — повторилъ, повидимому, совершенно безсознательно другой голосъ, который я скоро призналъ за голосъ Петруни.

— Скоро, чай, и сряжаться станете? — снова началъ женскій голосъ послѣ непродолжительнаго молчанія.

Петруня не промолвилъ ни слова и только вздохнулъ.

— Портяночки-то у тебя теплыя есть ли? — вновь заговорилъ женскій голосъ.

— Есть.

— Ахъ, не близкая, чай, дорога!

Снова наступило молчаніе, въ продолженіе котораго я слышалъ только учащенные вздохи разговаривающихъ.

— Ужъ и какъ тяжко-то мнѣ, Петруня, кабы ты только зналъ! — сказалъ женскій голосъ.

— Чего тяжко, чай, замужъ выдешь! — молвилъ Петруня дрожащимъ голосомъ.

— А что̀ станешь дѣлать... и выду!

— То-то... чай, за стараго... за вдовца дѣтнаго...

Digitized by Google

— За стараго-то лучше бы... по крайности, хоть любить бы не стала, Петруня!

— А молодого, небось, полюбила бы!.. То-то вотъ вы: потоль у васъ и милъ, поколь въ глазахъ! — сказалъ Петруня, котораго загодя мучила ревность.

— Ой, ужъ не говори ты лучше!.. умерла бы я, нечѣмъ съ тобой разставаться—вотъ сколь мнѣ тебя жалко!

— А меня, небось, въ сраженіяхъ убьютъ, покуда ты здѣсь замужъ выходить будешь... дѣтей, чай, народишь!.. Вотъ унтеръ намеднись сказывалъ, что въ сраженьи какъ есть ни одинъ человѣкъ цѣлъ не будетъ—всѣхъ побьютъ!

Вмѣсто отвѣта, мнѣ послышались тихія, словно дѣтскія, всхлипыванія.

— Ну, что жъ, и пущай бьютъ!—продолжалъ Петруня, находя какое-то горькое удовольствіе въ страданіяхъ своей собесѣдницы.

Всхлипыванія послышались горче прежняго.

— Ахъ, пропадай моя голова... хочешь, сбѣгу, Мавруша?—внезапно спросилъ Петруня.

— Что̀ ты, что̀ ты, Петруня! что жъ это будетъ!—отвѣчала Мавруша голосомъ, въ которомъ слышался испугъ.

— Убѣгу да и все тутъ,—продолжалъ Петруня:—уйду въ лѣса къ старцамъ... Ищи, лови тогда!

— Стариковъ-то твоихъ, чай, въ ту-пору такъ и засудятъ!—робко замѣтила Мавруша.

Петруня молчалъ.

— Въ разоренье-поди приведутъ!—продолжала Мавруша, какъ бы разсуждая сама съ собой.

То же молчаніе.

— Нѣтъ, ты ужъ лучше не бѣгай, Петруня, какъ-нибудь, Богъ дастъ, и свидимся.

— То-то «свидимся»! замужъ, чай, хочется, а не «свидимся»! Ты бы напрямки такъ и говорила... а то «свидимся»! Такъ бѣжать, что ли?

Digitized by Google

— Куда жъ бѣжать? Коли для меня ты хочешь бѣжать, такъ я за тобой вѣдь бѣжать не могу!

Петруня заплакалъ.

— Петруня! желанный ты мой!—прошептала Мавруша.

Петруня заплакалъ пуще прежняго.

— Охъ, да хоть бы не плакалъ ты!—сказала Мавруша какимъ-то утомленнымъ, замученнымъ голосомъ.

— Вотъ каково дѣло, что и пособить нечѣмъ!—говорилъ Петруня, обрываясь почти на каждомъ словѣ.—Куда я теперь дѣнусь? Охъ, да подумай же ты, Мавруша, ка́къ бы намъ хорошо-то было!.. жили бы мы теперь съ тобой... и мясоѣдъ вотъ на дворѣ... И все-то вѣдь прахомъ пошло... точно ничего и не было! Намеднись вотъ унтеръ сказывалъ, верстъ тысячи за двѣ поведутъ... такъ когда же тутъ свидѣться!

— Петруня! гдѣ же ты запропалъ?—раздался сзади меня голосъ женщины.

— Здѣсь! обѣдать, что ли?—откликнулся Петруня.

— Обѣдать дѣдушко зоветъ.

— Сейчасъ. Прощай, Мавруша! нонѣ къ ночи надо опять въ городъ ѣхать... прощай! Можетъ, ужъ и не свидимся!

— Развѣ на село-то не пойдете съ партіей? Хошь бы посмотрѣла я на тебя!

— Нѣтъ, по почтовой пойдемъ; вотъ развѣ что: ужо̀ дѣдушка коней посулилъ... погуляемъ, что ли?

— Не пустятъ, Петруня,—тихо отвѣчала Мавруша:—а ужъ какъ бы не погулять! Старики-то нонѣ у меня больно зорки стали: поди, и теперь, чай, ищутъ меня!

— Ну, такъ инъ Богъ съ тобой! Прощай же, Мавруша!

Голоса стихли; но Петруня нѣсколько времени еще не приходилъ въ избу; минуты съ двѣ слышались мнѣ и глубокіе вздохи, и неясный шопотъ, прерываемый рыданіями, и стало мнѣ самому такъ обидно, тяжко и больно, какъ будто внезапно лишили меня всего, что̀ было дорого моему

Digitized by Google

сердцу. «Вотъ, думалъ я, простая, кажется, съ виду штука, а поди-ка переживи ее!» И должно сознаться, что до тѣхъ поръ никогда эта мысль не заходила мнѣ въ голову.

— Иди, что ли! — снова раздался сзади меня голосъ деньщицы.

— Иду, иду!—отвѣчалъ Петруня.—Прощай, Мавруша!—продолжалъ онъ какимъ-то гортаннымъ, задыхающимся голосомъ:—прощай же, касатка!

И вслѣдъ за тѣмъ онъ бѣгомъ вбѣжалъ на лѣстницу и направился быстрыми шагами въ избу.

Когда я, черезъ четверть часа, снова вошелъ въ избу, вся семья обѣдала, но общій ея видъ былъ нерадошенъ. Какое-то принужденіе носилось надъ ней, и хотя дѣдушка старался завести обычную бесѣду, но усилія его не имѣли успѣха. Иванъ молчалъ и смотрѣлъ угрюмо; Марья потихоньку всхлипывала; Петруня сидѣлъ съ заплаканными глазами и ничего не ѣлъ; прочіе члены семьи, хотя и менѣе заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, невольно слѣдовали, однакожъ, за общимъ настроеніемъ чувствъ; даже малолѣтки, обыкновенно столь неугомонные, какъ-то притихли и сжались. Однимъ словомъ, тутъ только и было праздничнаго, что кушанья, которыхъ было перемѣнъ шесть и которыя однообразно слѣдовали одно за другимъ, ни въ комъ не возбуждая веселья. Я тоже невольно задумался, глядя на эту семью... и о чемъ задумался?

«Что-то дѣлается,—думалъ я,—въ томъ далекомъ-далекомъ городѣ, который, какъ червь неусыпающій, никогда не знаетъ ни усталости, ни покоя? Радуются ли, нѣтъ ли тамъ Божьему празднику? и кто радуется? и какъ радуется? Не подпалъ ли тамъ праздникъ подъ общее тлетворное владычество простой обрядности, безъ всякаго внутренняго смысла? не сдѣлался ли онъ тамъ днемъ, къ которому надо особеннымъ образомъ искривить ротъ въ видѣ улыбки, къ которому надо накупить много конфектъ, много нарядовъ, въ который, по условному обычаю, слѣдуетъ призвать въ

Digitized by Google

гостиную дѣтей съ тѣмъ, чтобъ вдоволь натѣшиться ихъ благоприличными манерами и затѣмъ вновь отослать ихъ въ дѣтскую, считая всѣ обязанности въ отношеніи къ нимъ уже исполненными до слѣдующаго праздника? Сохранилъ ли тамъ праздникъ свое христіанское, братское значеніе, въ силу котораго сама собой обновляется душа человѣка, сами собой отверзаются его объятія, само собой раскрывается его сердце? Вѣдь праздникъ есть такая же потребность человѣческой жизни, какъ радость—потребность человѣческаго сердца: это потребность успокоенія и отдыха, потребность хоть на время сбросить съ себя тяжесть жизненныхъ узъ, съ тѣмъ, чтобъ безусловно предаться одному ликованію!»

И передо мной незамѣтно раскрылся знакомый рядъ картинъ, свидѣтелей моего прошедшаго, картинъ, въ которыхъ много было движенія, много суеты, много даже какихъ-то неясныхъ очертаній и смутныхъ намековъ на жизнь, радость и наслажденіе... Но была ли это радость дѣйствительная, было ли это то чистое наслажденіе, которое не оставляетъ послѣ себя въ сердцѣ никакого осадка горечи? Вотъ онъ, этотъ громадный городъ, въ которомъ воздухъ кажется спертымъ отъ множества людскихъ дыханій; вотъ онъ, городъ скорбей и никогда неудовлетворяемыхъ желаній; городъ желчныхъ честолюбій и ревнивыхъ, завистливыхъ надеждъ; городъ гнусно-искривленныхъ улыбокъ и заражающихъ воздухъ признательностей! Какъ волшебенъ онъ теперь при свѣтѣ своихъ милліоновъ огней, какая страшная струя смерти совершаетъ свой безконечный, разъѣдающій оборотъ среди этого вѣчнаго тумана, среди міазмовъ, безпощадно врывающихся со всѣхъ сторонъ! Сколько мученій, сколько никѣмъ незнаемыхъ и никѣмъ нераздѣленныхъ надеждъ, сколько горькихъ разочарованій, и вновь надеждъ, и вновь разочарованій!

«Господи! надо же было надъ Петруней такой бѣдѣ стрястись! Кабы не это, сидѣлъ бы онъ здѣсь беззаботный и

Digitized by Google

радостный; весело бесѣдовало бы теперь за трапезой честное потомство слѣпенькаго дѣдушки... И надо же было слѣпому случаю пройти безпощаднымъ своимъ плугомъ по этому прекрасному зеленому лугу, чтобъ взбуровить его ровную поверхность и исполосать ее черными, безобразными бороздами!»

Размышленія эти были прерваны докладомъ о томъ, что лошади готовы. Горько мнѣ было садиться одному въ сани, горько было разставаться съ людьми, особливо въ этотъ праздникъ, когда, и вслѣдствіе воспоминаній прошедшаго, и вслѣдствіе всего склада жизни, необходимость общества людей какъ-то особенно живо чувствуется. Казалось бы, что общаго между мной и этою случайно встрѣченною мною семьею, какое тайное звено можетъ соединить насъ другъ съ другомъ? И между тѣмъ я несомнѣнно сознавалъ присутствіе этой связи, я несомнѣнно ощущалъ, что въ сердцѣ моемъ таится невидимая, но горячая струя, которая, безъ вѣдома для меня самого, пріобщаетъ меня къ первоначальнымъ и вѣчно бьющимъ источникамъ народной жизни.

II.

На дворѣ было еще темно, хотя свѣтъ, очевидно, готовился уже вступить въ права свои; морозъ сдѣлался какъ будто еще лютѣе прежняго; крѣпкій верховой вѣтеръ сильно буровилъ здѣсь и тамъ снѣжную равнину и, поднявъ цѣлые столбы снѣга, направлялъ свой путь далѣе, съ тѣмъ, чтобъ опять черезъ минуту вернуться и, поднявъ новые снѣжные столбы, опять нестись куда-то далеко-далеко. Холодъ и вѣтеръ тѣмъ болѣе были для меня ощутительны, что я ѣхалъ въ открытыхъ саняхъ, потому что долженъ былъ, послѣ необходимыхъ объясненій съ становымъ приставомъ, опять вернуться на станцію, гдѣ, вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, я и заблагоразсудилъ оставить свою повозку.

Digitized by Google

Вотъ и тѣ три сосенки, о которыхъ толковалъ мнѣ старикъ; сквозь мутное облако частаго, тонкаго снѣга я видѣлъ только очертанія ихъ, но вѣроятно душа моя была слишкомъ особеннымъ образомъ настроена, что за плавнымъ покачиваніемъ широкихъ ихъ вершинъ мнѣ именно слышалось, будто онѣ жалуются и говорятъ о томъ, какъ надоѣла имъ эта долгая, почти безконечная жизнь, какъ устали онѣ отъ этихъ отовсюду вторгающихся вѣтровъ, которые безпрепятственно и безнаказанно оскорбляютъ ихъ, то обламывая самые крѣпкіе ихъ побѣги, то разбрасывая мохнатыя ихъ вѣтви въ какой-то тоскливой безпорядочности. Вотъ и озеро, которое подало мнѣ о себѣ вѣсть особенностью звука, издаваемаго копытами лошадей, и вѣшками, которыя часто натыканы здѣсь по обѣимъ сторонамъ дороги... Я глянулъ въ даль, и не знаю почему — тамъ, на самомъ концѣ ея, представился мнѣ становой приставъ, въ видѣ страшнаго, лохматаго чудовища, съ семью головами, съ длинными желѣзными когтями и долгимъ огненнымъ языкомъ. И такъ ясно и отчетливо мелькало передо мной это странное и, къ счастію, совершенно невѣроятное видѣніе, что мнѣ стало жутко, и я поспѣшилъ плотнѣе закутаться въ шубу, чтобъ не видать его кривляній.

Черезъ полчаса я въѣзжалъ въ огромное торговое село, въ которомъ было много домовъ совершенно городской постройки. Въ одномъ изъ нихъ помѣщалась квартира станового пристава, и я еще издали могъ налюбоваться на множество огней, которые, очевидно, были зажжены на дѣтской елкѣ. Огни горѣли весело и, проходя сквозь обледенѣлыя стекла оконъ, принимали самые измѣнчивые и разнообразные цвѣта.

Становой или, какъ его обыкновенно зовутъ крестьяне, «баринъ», былъ дома. Звали его Ермолаемъ Петровичемъ, по фамиліи Бондыревымъ; по наружности же былъ онъ мужчина дюжій, и вслѣдствіе того постоянно отдувался и

Digitized by Google

дышалъ тяжело, словно запаленная лошадь. Лицо его, пухлое и отеклое, было покрыто слоемъ жирнаго вещества, который придавалъ его кожѣ лоскъ почти зеркальный; огромная его лысина, по общему отзыву сослуживцевъ, имѣла свойство испускать изъ себя облако тумана въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: во время губернаторской ревизіи, когда, какъ извѣстно, сердечныя движенія въ уѣздномъ чиновникѣ дѣлаются особенно сильны и остры, и по выпитіи двадцать-пятой рюмки очищенной. Голосъ у него былъ сильный, густой басъ, сопровождаемый легкою хрипотой, и выходилъ изъ гортани какъ бы коломъ. Къ величайшему моему удивленію, это несоразмѣрное преобладаніе матеріи нимало не тяготило его; вообще онъ былъ на службѣ легокъ какъ пухъ, и когда исполненіе служебныхъ обязанностей требовало съ его стороны уже слишкомъ усиленной дѣятельности, то вся его досада проявлялась въ томъ только, что онъ пыхтѣлъ и ругался пуще обыкновеннаго. Впрочемъ, онъ былъ, въ сущности, малый добродушный, и когда принималъ благодарность, то всегда говорилъ спасибо, и этимъ весьма льстилъ самолюбію доброхотныхъ дателей.

— Милости просимъ побесѣдовать въ комнату, ваше высокоблагородіе! — сказалъ онъ, встрѣтивъ меня въ прихожей: — у меня нынче праздникъ, дѣтки вотъ развозились...

— А мнѣ надо бы скорѣе ѣхать, — отвѣчалъ я не совсѣмъ впопадъ, все еще находясь подъ вліяніемъ лохматаго чудовища.

— Что же такъ-съ? Часомъ раньше, часомъ позже—дѣло не волкъ, въ лѣсъ не уйдетъ-съ. Заодно ужъ у насъ покушаете, а послѣ обѣда и въ путь-съ. Мнѣ вѣдь тоже съ вами надо будетъ отправляться, такъ если сейчасъ же и ѣхать—не будетъ ли ужъ очень это обидно? Вѣдь праздникъ-съ...

Я остался, и отчасти былъ даже доволенъ этой задерж-

Digitized by Google

кой, потому что очень усталъ съ дороги. Въ комнатѣ, въ которую ввелъ меня Бондыревъ, было все его семейство и сверхъ того еще нѣсколько постороннихъ лицъ, съ которыми онъ, однакожъ, не заблагоразсудилъ меня познакомить. Онъ только указалъ мнѣ рукой на дѣтей, сказавъ: «а вотъ и потроха мои!» и затѣмъ насильственно усадилъ меня на диванъ. Изъ семейныхъ были тутъ: жена Ермолая Петровича, бабочка лѣтъ двадцати пяти, которая была бы недурна собой, если бы не такъ усердно мазалась свинцовыми бѣлилами и не носила столь туго накрахмаленныхъ юбокъ; мать ея, худенькая, повязанная платкомъ старуха съ фіолетовымъ носомъ, которую Бондыревъ, неизвѣстно почему, величалъ «вашимъ превосходительствомъ», и четверо дѣтей, которыя основательностью своего тѣлосложенія напоминали Ермолая Петровича, и чуть ли даже, подобно ему, не похрипывали.

— Не угодно ли чаю съ дороги?—спросила меня жена.

— Что̀ чай! вотъ мы его высокоблагородіе водочкой попросимъ, — отозвался Бондыревъ. — Я, ваше высокоблагородіе, этой китайской травы въ ротъ не беру — оттого и здоровъ-съ.

— Вы изъ «губерніи» изволите ѣхать? — обратилась ко мнѣ старуха-теща.

— Да, я недавно оттуда.

— Такъ-съ. А какъ, я думаю, тамъ теперича хорошо должно быть! Предсѣдательствующіе, по случаю праздника, въ соборѣ въ мундирахъ стоятъ... самъ генералъ, чай, насупившись...

— Ну, пошла, ваше превосходительство, огородъ городить!—замѣтилъ Бондыревъ.—Ну, скажите на милость, зачѣмъ генералу насупившись стоять! чай, для праздника-то Христова и имъ бровки свои пораздвинуть можно!

— Ахъ, батюшка мой! насупившись стоитъ по той причинѣ, что озабоченъ очень!.. Обуза вѣдь не маленькая!

— А по мнѣ, такъ всего лучше пѣвчіе... Это восхити-

Digitized by Google

тельно!—вступилась жена.—При слабости нервъ, даже слушать почти невозможно!

— Нѣтъ, вотъ на моей памяти бывали въ соборѣ пѣвчіе—такъ это именно, что всѣхъ въ слезы приводили! — перебила теща. — Ужъ на что былъ въ ту пору губернаторъ суровый человѣкъ, а и тотъ воздержаться никакъ не въ силахъ былъ! Особливо былъ тутъ одинъ чернова́тенькій: запоетъ, бывало, сначала тихонько-тихонько, а потомъ и переливается, и переливается... даже словно журчитъ весь! Авдотья Степановна, второго діакона жена, сказывала, что ему по два дня ѣсть ничего не давывали, чтобъ голосъ чище былъ!

— Вотъ распроклятая-то жизнь!—молвилъ Ермолай Петровичъ, подмигнувъ мнѣ лѣвымъ глазомъ, и потомъ, обращаясь къ тещѣ, прибавилъ:—А какъ посмотрю я на ваше превосходительство, такъ все-то у васъ однѣ глупости да малодушества на умѣ.

Но ея превосходительство, должно-быть, ужъ привыкла къ подобнымъ апострофамъ, потому что, нимало не конфузясь, продолжала:

— Ужъ я, бывало, такъ и не дышу, словно туманъ у меня въ глазахъ, какъ они-это выводить-то зачнутъ! Да, такой ужъ у меня характеръ: коли передъ глазами у меня что-нибудь божественное, такъ я, можно сказать, сама себя не помню... такъ это все тамъ и колышится!

Мадамъ Бондырева глубоко и сосредоточенно вздохнула.

— Да, въ деревнѣ ничего этого не увидишь! — сказала она.

— Гдѣ увидать! одни выходы у его превосходительства чего стоятъ! Всѣ чиновники, бывало, въ мундирахъ стоятъ, и каждому его превосходительство свой репримандъ сдѣлаетъ! И пойдутъ-это потомъ каждый день закуски да обѣды—однѣхъ свиней для колбасъ сколько въ батальонѣ, при солдатской кухнѣ, откармливали!

— Ну, это-то заведенье и доднесь, пожалуй, осталось—

Digitized by Google

скорбѣть объ этомъ нечего! —флегматически объяснилъ Ермолай Петровичъ.—А что, ваше высокоблагородіе, не угодно ли будетъ повторить отъ скуки? Водка у насъ, осмѣлюсь вамъ доложить, отличная: сразу, что называется, ожжетъ, а потомъ и пойдетъ ползкомъ по суставчикамъ... каждый изноетъ-съ!

— Вотъ у моего покойника,— снова обратилась ко мнѣ теща,—хорошую водку на столъ подавали. Онъ только и говоритъ, бывало: «лучше ничѣмъ меня откупщикъ не почти, а водкой почти!»

— Ну, это опять неосновательно, — замѣтилъ Бондыревъ: — пословица гласитъ: пей, да ума не пропей—стало-быть, зачѣмъ же я изъ-за водки другія статьи буду неглижировать?

— Да вѣдь и онъ, сударь, не неглижировалъ, а такъ только къ слову это говаривалъ. Онъ водку-то черезъ кубъ, для крѣпости, переганивалъ...

— Ну, а ваши какъ дѣла?—спросилъ я Бондырева.

— Слава Богу, ваше высокоблагородіе, слава Богу! дай Богъ здоровья добрымъ начальникамъ, милостями не оставляютъ... нынѣ вотъ подъ судъ отдали!

— Какъ такъ?

— Да просто-съ. Чтой-то ужъ, ваше высокоблагородіе, будто и не знаете? Чай, и вы тутъ ручку приложили!

— Въ первый разъ слышу.

— Что жъ-съ, и тутъ мудренаго нѣтъ! Извѣстно, не читать же вашимъ высокоблагородіямъ всего, что̀ подписывать изволите!

— Скажите, по крайней мѣрѣ, за что вы отданы подъ судъ?

— А неизвѣстно-съ. Оно, конечно, довольно тутъ на справку вывели, и жизнь-то, кажется, наизнанку всю выворотили... однѣхъ неисполнительностей штукъ до полсотни подыскали—даже подивился я, откуда весь этотъ соръ выгребли. Да-съ; тяжеленька-таки наша служба; губерн-

Digitized by Google

ское-то правленіе не то чтобъ, какъ мать, по-родительски тебѣ спустило, а пуще считаетъ тебя, какъ бы сказать, за подкидыша: ты, дескать, такой-сякой, все за̀-разъ сдѣлать долженъ!

— По пословицѣ, Ермолай Петровичъ, по пословицѣ! «Свекровь снохѣ говорила: сношенька, будетъ молоть; отдохни—потолки!»

Послѣднія слова произнесъ неизвѣстный мнѣ старикъ, стоявшій до сихъ поръ въ углу и не принимавшій никакого участія въ разговорѣ. По всему было видно, что этотъ новый собесѣдникъ принадлежалъ къ числу тѣхъ жалкихъ жертвъ провинціальнаго бюрократизма, которыя преждевременно утрачиваютъ душевныя свои силы, вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія водки, и затѣмъ на всю жизнь дѣлаются неспособными ни къ какому дѣлу или занятію, требующему умственныхъ соображеній. Онъ былъ одѣтъ въ вицмундиръ стариннаго покроя съ узенькими фалдочками и до такой степени порыжѣлый, что даже самый опытный глазъ не могъ бы угадать здѣсь признаковъ первобытнаго зеленаго цвѣта. Но всего замѣчательнѣе въ этомъ человѣкѣ былъ необыкновенный, грибовидный его носъ, на которомъ, какъ на палитрѣ, сочетались всевозможные цвѣта, начиная отъ чисто-тѣлеснаго и кончая самымъ темнымъ яхонтовымъ. Носъ этотъ, какъ послѣ оказалось, былъ источникомъ горькихъ несчастій и глубокихъ разочарованій для своего обладателя.

— Это жаль, однакожъ, — сказалъ я Бондыреву, ощущая невольное угрызеніе совѣсти при видѣ человѣка, котораго погибели я самъ нѣкоторымъ образомъ содѣйствовалъ.

— Ничего, ваше высокоблагородіе! мы въ уголовной-то словно въ банькѣ выпаримся... еще бодрѣй послѣ того будемъ!

— Это истинно такъ!—пояснилъ обладатель носа.

— А что, видно, и тебѣ горловину-то прочистить хочется?—обратился къ нему Бондыревъ.—Ваше высокобла-

Digitized by Google

городіе! позвольте представить: Егоръ Павлычъ Абессаломовъ, служитъ у меня въ вольнонаемныхъ; проку-то отъ него, признаться, мало, такъ больше вотъ для забавы, для домашнихъ-съ держу... Театровъ у насъ нѣтъ, такъ по крайности хоть онъ развлечетъ.

— Ну, ужъ, нашли какую замѣну! — презрительно процѣдила жена.

— А что жъ! по деревнѣ, лучше и быть не надо!—продолжалъ Ермолай Петровичъ. — Объ ину пору онъ насъ, ваше высокоблагородіе, до слезъ мимикой своей смѣшитъ!

— Если его высокоблагородію не гнусно, такъ я и теперь свое представленіе сдѣлать могу! — отрекомендовался Абессаломовъ, выпрямляясь какъ бы передъ наитіемъ вдохновенія.

— Прикажите, ваше высокоблагородіе! Не-чѣмъ такъ-то сидѣть, такъ хоть на диковинки наши посмотрите... Катай, Абессаломовъ.

— «Іюля пятаго числа»...—началъ Абессаломовъ.

— Нѣтъ, стой, не такъ разсказываешь!—прервалъ его Ермолай Петровичъ.—А ты коли охотишься разсказывать, такъ разсказывай дѣломъ: и въ позицію стань, и начало сдѣлай! Развозовъ! маршъ сюда и ты!

Послѣднія слова относились къ молодому человѣку, служившему письмоводителемъ у Бондырева. Какъ оказалось впослѣдствіи, онъ долженъ былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подавать Абессаломову реплику, чрезъ что представленію сообщалась особенная живость и вмѣстѣ съ тѣмъ усугублялся комизмъ. Очевидно, что кто-то (чуть ли даже не самъ Бондыревъ) съ любовью работалъ надъ этой потѣхой, чтобъ возвести ее отъ простого разсказа до степени драматической пьесы.

Абессаломовъ сталъ въ позицію, то-есть выдвинулъ впередъ одну ногу, правую руку отставилъ наотмашь и, выпрямившись всѣмъ корпусомъ, голову закинулъ назадъ. Всѣ присутствующіе улыбались, а нѣкоторые даже откровенно

Digitized by Google

фыркали, заранѣе предвкушая предстоящее имъ наслажденіе. Абессаломовъ началъ:

НЕВЫГОДНЫЙ НОСЪ.

(Интермедія въ лицахъ).

«Милостивые господа и госпожи! имѣю доложить вамъ о происшествіи, котораго удивительность равняется лишь его необыкновенности! (*Смѣхъ въ аудиторіи*).

«Источникомъ какъ сего происшествія, такъ и другихъ многихъ отъ него золъ текущихъ, есть сей самый носъ (*теребитъ себя за носъ*), который здѣ предстоитъ предъ вами! А въ чемъ сіе происшествіе, тому слѣдуютъ пункты. (*«Ишь ты! по пунктамъ!» раздается въ аудиторіи. Смѣхъ усиливается*).

«Іюля пятаго числа 18** года, въ девять часовъ утра, слѣдовалъ я, по издревле принятому еще предками нашими обычаю, на службу. Необходимо, однако, предварительно доложить вашимъ благородіямъ, что съ самаго съ Петра и Павла, неизвѣстно отъ какихъ причинъ, подвергнулся я необыкновенной тоскѣ. То-есть, тоска не тоска, а тянетъ-вотъ, тянетъ тебя цѣлый день, да и вся недолга. Даже жена удивлялась. «Чтой-то, говоритъ, душечка (она у меня въ пансіонѣ французскому языку обучалась, такъ нѣжное-то обращеніе знаетъ!), — чтой-то, говоритъ, душечка! на тебя даже смотрѣть словно тошно — ты бы хоть водочки выпилъ!» — Худо, говорю я, худо это, Прасковья Петровна; это большое несчастіе обозначаетъ!.. Однакожъ, выпилъ въ ту пору маленько водочки—оно и поотлегло.

«Вотъ только наступило это пятое число. Не успѣлъ я выйти на улицу, какъ идетъ мнѣ встрѣчу нѣкоторый озорникъ, идетъ и очи на меня пучитъ. «Вотъ, говоритъ, носъ! для двухъ росъ, а одному достался!» (*Взрывъ хохота въ аудиторіи*). Однако, я ничего, пошелъ своей дорогой и даже подумалъ про себя: «погоди, братъ! не больно прытко;

Digitized by Google

можетъ, у тебя и рыло-то все наизнанку выворотитъ». Не успѣлъ я это, государи мои, подумать, какъ встрѣчается со мной другой озорникъ. «А позвольте, говоритъ, милостивый государь! извѣстно ли вамъ, что у васъ на лицѣ состоитъ феноменъ?» И все это, знаете, съ усмѣшкой, и рожа-то у него поганымъ манеромъ отъ смѣху перекосилась... — Милостивый государь! — сказалъ я, начиная обижаться.—«Да нѣтъ, говоритъ, вы и сами не понимаете, какимъ обладаете сокровищемъ... да господа англичане милліонъ рублей вамъ дадутъ, ежели вы позволите имъ отрѣзать... вашъ носъ!»

«**Развозовъ.** А что жъ, это вѣдь правда: носъ-то у тебя именно феноменъ!

«**Абессаломовъ.** Отстань ты... дай говорить!.. Ну-съ, отвязался онъ отъ меня коё-какъ, и пришлось мнѣ послѣ того мимо резиденціи ихъ превосходительства идти. А ихъ превосходительство, какъ на грѣхъ, на ту пору чай на балконѣ кушали... Ну, занятіевъ у нихъ никакихъ тогда не случилось, смотрѣли, значитъ, больше по сторонамъ, да смотрѣвши и узрѣли меня, многогрѣшнаго. Вскипѣли. «Что это, говорятъ, за чиновникъ? Какой у него противный носъ!» Не спорю я... не прекословлю! Точно, что носъ мой въ присутственномъ мѣстѣ терпимъ быть не можетъ! Однако, терпѣли же меня двадцать пять лѣтъ, да и ихъ превосходительство, можетъ, отъ праздности только замѣтили... а вышло совсѣмъ наоборотъ-съ. Пересказали, должно-быть, эти слова мои завистники; только сижу я въ этотъ самый день въ присутствіи, приходитъ нашъ предсѣдательствующій, и часа черезъ два — что̀ бы вы думали, я слышу? (*съ разстановкой*)—что о моемъ, государи мои, увольненіи ужъ и постановленіе состоялось!

«**Развозовъ.** Однако, живо же они тебя обработали.

«**Абессаломовъ.** Спѣшнымъ журналомъ-съ. Даже закономъ предписанныхъ формъ не соблюли, потому что въ законахъ именно строжайше повелѣно никакихъ штрафовъ не

Digitized by Google

налагать, а кольми паче насильственному умертвію не предавать, не истребовавъ предварительно объясненія!

«**Развозовъ.** Въ чемъ же, однако, объясненія отъ тебя требовать?

«**Абессаломовъ.** Все же-съ! А если не въ чемъ мнѣ объясняться, такъ тѣмъ паче-съ! Вѣдь это обидно... я не одинъ... тутъ все потомство мое, можно сказать, изъ-за носа страждетъ! Въ законахъ именно сказано, чтобъ на лицо не взирать!

Развозовъ. Ты это оставь. Это не наша инстанція. Такъ даже скажу: если и напредки тебѣ на этотъ счетъ языкомъ побаловать захочется, такъ ты вспомни пословицу: *языкъ мой—врагъ мой*, и вспомнивши плюнь. Я тридцать пять лѣтъ служу (*Развозову было всего лѣтъ двадцать пять*), и то все кругомъ да около хожу, а въ центру ни въ жизнь еще не попадалъ!

«**Абессаломовъ.** Вотъ-съ, прихожу я послѣ того домой. Человѣкъ я дѣтный, жена у меня золотушная, такъ каждый годъ все либо дочку, либо сынка подаритъ...

«**Развозовъ.** И все, чай, съ такими же носами?

«**Абессаломовъ.** Какъ можно — сохрани Богъ! Старшенькая у меня дочь, Наташенька, совсѣмъ даже схожаго со мной ничего не имѣетъ... красавица!.. Такъ прихожу я-это домой! — Ну, говорю, жена! Богъ милости прислалъ! — «А что такъ?» — Да такъ, говорю, ѣздилъ въ пиръ Кирило, да подаренъ тамъ въ рыло... уволенъ, братъ, въ чистую! (*Общій хохотъ; Абессаломовъ, въ волненіи, не можетъ нѣкоторое время продолжать*). И вотъ-съ, стали мы послѣ того жить да поживать, да добра наживать; живемъ, нечего сказать, богато, со двора покато, за что ни хватись, за всѣмъ въ люди покатись; запасовъ всякихъ многое множество, а пуще всего всякаго нѣта запасено съ самаго съ лѣта. Жена скоро покойницей стала, бо для насъ время гладно настало, а дочекъ-красотокъ люди пріютили, бо родители имъ продовольствіе прекратили, а затѣмъ остаюсь,

Digitized by Google

безъ дальнѣйшихъ словъ, покорный вашъ слуга Егоръ Павловъ Абессаломовъ». (*Общія рукоплесканія; жена станового презрительно усмѣхается*).

Окончивъ представленіе, Абессаломовъ немедленно подошелъ къ подносу съ закуской и сряду выпилъ три рюмки водки; послѣ того онъ удалился въ уголъ и, сѣвъ на стулъ, почти мгновенно заснулъ.

— А что, ваше высокоблагородіе!—обратился ко мнѣ Бондыревъ: — вотъ вы и въ столицахъ изволили быть, а этакаго въ своемъ родѣ дарованія и тамъ, чай, со свѣчкой поищешь!

Но я не отвѣчалъ ни слова на этотъ вопросъ, потому что впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ страннымъ существомъ и его разсказомъ, было изъ самыхъ тяжелыхъ. Несмотря на грубо-комическій колоритъ разсказа, видно было, что весь тонъ его фальшивый, и что за нимъ слышится нѣчто до того похожее на страданіе, что невозможно и непозволительно было увлечься этою мнимою веселостью. Вообще, если Ермолай Петровичъ разсчитывалъ на то, чтобъ позабавить меня, то далеко не достигъ своей цѣли, и день мой былъ окончательно испорченъ этимъ представленіемъ. Я ѣхалъ сюда измученный моимъ одиночествомъ; все существо мое было настроено къ принятію тѣхъ благодатныхъ, свѣтлыхъ впечатлѣній, которыя, Богъ вѣсть почему, въ извѣстные дни и эпохи неотразимо и неизмѣнно носятся надъ душой, но странное «представленіе» мигомъ разрушило это свѣтлое, гармоническое настроеніе. Такъ иногда случается, что въ правильное и совершенно плавное теченіе жизни вдругъ врѣзывается обстоятельство въ полномъ смыслѣ слова ей постороннее, и врѣзывается съ такой силой, что не только заставляетъ принять себя, но и деспотически подчиняетъ себѣ весь строй этой жизни.

III.

Начинало уже смеркаться, когда мы пріѣхали на станцію. По селу, и тамъ, и сямъ, бродили группы подгуляв-

Digitized by Google

шихъ крестьянъ, а передъ станціоннымъ домомъ стояла даже цѣлая толпа народу.

— Вѣрно, что-нибудь случилось! — еще издали замѣтилъ мнѣ Бондыревъ, указывая на толпу.

И дѣйствительно, толпа, казалось, тревожно выжидала нашего пріѣзда. Едва успѣли мы выйти изъ саней, какъ все это вдругъ заговорило и безпорядочно замахало руками. Изъ избы долетали до насъ звуки того унылаго голошенья, услышавъ которое даже самый опытный наблюдатель не въ состояніи бываетъ опредѣлить, что̀ скрывается за этими взвизгиваньями и завываньями: искреннее ли чувство, или простой формализмъ.

— Что̀ случилось?—спросилъ Бондыревъ.

— Петруха... Петруха...—раздалось въ толпѣ.

Сердце мое болѣзненно дрогнуло.

— Племянникъ у насъ бѣжалъ, ваше благородіе!—отвѣчалъ, выступая впередъ, одинъ изъ сыновей дѣдушки.

— Рекрутъ, что ли?

— Рекрутъ, ваше благородіе.

— Ахъ, шельмы вы этакія! И снисхожденія-то вамъ сдѣлать нельзя!

— Имàютъ его, ваше благородіе! Самъ отецъ пошелъ,— робко проговорилъ дядя Петруни.

— Да, изымаютъ, держи карманъ! А не было ли у него на селѣ любезной?—спросилъ Бондыревъ, чутьемъ угадывая истину.

— Маврушка Савельева, чай, знаетъ! — молвилъ кто-то въ толпѣ.

— Что̀ ты, перекрестись! — почти завопилъ, протискиваясь сквозь толпу, сѣдой старикъ, должно-быть, отецъ Маврушки.—Ничѣмъ моя Маврушка тутотка непричастна, ваше благородіе.

— Ишь ты какое дѣло случилось! — снова началъ дядя Петруни. — Ничѣмъ мы, кажется, его не изобидѣли, а онъ вотъ что̀ съ нами сдѣлалъ.

Digitized by Google

— А вотъ мы это послѣ разберемъ! — отвѣчалъ Бондыревъ и, обращаясь къ толпѣ, промолвилъ: — Чтобъ былъ у меня рекрутъ найденъ! Всѣ маршъ въ лѣсъ искать!

И сказавъ это, величественнымъ шагомъ потекъ въ избу порасправить въ теплѣ свое бѣлое тѣло.

X.—Развеселое житье.

Разсказъ.

„Станетъ царь-государь меня спрашивати:
Ты скажи, дѣтинушка, крестьянской сынъ!
Ужъ ты съ кѣмъ воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?"

Бурлацкая пѣсня.

«Развеселое, братъ, это житье! Ни передъ тобой, ни надъ тобой, ни кругомъ, ни около никакого начальства нѣтъ; никто, значитъ, глаза тебѣ не мозолитъ, никто съ тебя не спрашиваетъ, а при случаѣ всякъ самъ же тебѣ отвѣтъ долженъ дать.

«Такъ скажу: коли нѣтъ у тебя роду-племени, или обидѣлъ-заѣлъ кто ни-на-есть, или сердце въ тебѣ стосковалося, — кинь ты жизнь эту нуждную, кинь заботу эту черную, поклонись ты лѣсу дремучему: «лѣсъ, молъ, государь, дремучій боръ! ты прими меня страннаго, ты прими безчастнаго-безталаннаго. Разутѣшь ты, государь, душу мою горькую, разнеси тоску мою по свѣту вольному! Чтобъ зналъ вольный свѣтъ, какова есть жизнь распрелютая, чтобъ вѣдали люди прохожіе-проѣзжіе, какъ сиротское сердце въ груди встосковалося, въ вольномъ воздухѣ душа разыгралася».

«Народу у насъ предовольно. И изъ Рязани, и изъ Казани, и изъ-подъ самаго Саратова, есть и казенные, есть и барскіе, однако больше барскіе... Бываютъ и кавалеры: эти больше отъ «зеленыхъ луговъ» въ лѣсу спасаются. Народъ все тёртый: и въ водѣ тонулъ, и въ огнѣ горѣлъ; стало-быть, какъ зачнетъ тебѣ сказы сказывать — заслушаешься. Иной, братецъ, головы два разъ лишался, а все

Digitized by Google

голова на плечахъ болтается; иной кавалеръ и за отечествіе ровно ужъ слишкомъ отличку показалъ, и въ парахъ претерпѣніе видѣлъ, а все въ живыхъ стоитъ. Никто какъ Богъ. Одинъ кавалеръ рапортовалъ: пуля ему въ самый лобъ треснула, разлетѣлась-это голова врозь, посинѣли руки-ноги, ну и языкъ тоже: буде вратъ, говоритъ... Что жъ, сударь? къ дохтуру—не помогъ; къ командиру—не помогъ; самъ брихадный былъ—не помогъ; а Смоленская помогла! Значитъ—сила!

«Такимъ родомъ живучи, на людяхъ и сиротство свое забываешь. Ну, и другое еще: свычка. Это значитъ: коли къ чему человѣкъ привыкнетъ, лучше съ жизнью ему разстаться, нежели привычку свою покинуть. Сказывалъ одинъ кавалеръ, что по времени и къ палкѣ привычку сдѣлать можно. Ну, это должно-быть ужъ слишнимъ, а съ хорошимъ житьемъ точно-что можно слюбиться.

«Да и хорошо вѣдь у насъ въ лѣсу бываетъ. Лѣтомъ, какъ сойдетъ-это снѣгъ, ровно все кругомъ тебя заговоритъ. Зацвѣтутъ-это цвѣты-цвѣтики, прилетитъ птичка-малиновочка, застучитъ дятелъ, закукуетъ кукушечка, муравьи въ землѣ закопошутся — и не вышелъ бы! Травка малая подъ сосной зябетъ,—и та словно родная тебѣ. А почнетъ этта лѣсъ гудѣть, особливо объ-ночь: и вѣтру не чуть, и верхи не больно чтобъ шаталися,—а гудётъ! Такъ гудётъ, что даже земля многіе десятки верстъ ровно стонетъ! Столь это хорошо, что даже сердце въ тебѣ взыграетъ!

«Бываютъ, однако, и напасти на насъ, а главная напасть—зима. Первое дѣло—работы совсѣмъ нѣтъ: стужа-то не свой братъ, не сядешь ждать на дорогѣ, какъ слезы изъ глазъ морозомъ вышибаетъ; второе дѣло—всякій въ ту-пору въ лѣсъ наѣзжаетъ: кому бревешко срубить, кому дровецъ надобно, — ну, и неспособно въ лѣсу жить. Значитъ, въ зимнее время все больше по чужимъ людямъ, аки Іуда, шманаемся: гдѣ хлѣбца подадутъ, а гдѣ и пирожка укусишь. Только чудной, право, нашъ народъ: хлѣбца тебѣ

Digitized by Google

Христовымъ именемъ подастъ, даже убоинкой объ ину-пору удовлетворитъ, а въ избу погрѣться не пуститъ: ни-ни, проваливай мимо! Такимъ родомъ, все по гумнамъ и имѣемъ ночлегъ. Иной разъ разнеможешься,—просто смерть! Спину словно перешибетъ, въ головѣ звенитъ, глаза затекутъ, ноги ровно бревна сдѣлаются,—а все ходи! Еще гдѣ до свѣту, запоютъ-это пѣтухи, потянешь носомъ дымокъ,—ну, и вставай, значитъ, покидай свое логово! А не уйдешь, такъ тебя, раба Божія, силой изъ-подъ соломы выволокутъ, да на сусѣднее поле и положатъ: отдыхай, молъ, тутъ, сколько тебѣ хочется! Звѣрь-народъ!

«Однако, братъ, штука это жизнь! Иной разъ даже тошнёхонько, и на свѣтъ бы не глядѣлъ, и руки бы на себя наложилъ—анъ нѣтъ, словно нарочно все такъ подстроится, чтобъ быть тебѣ живу,—живъ и есть. Ровно она сама къ себѣ пристаетъ, жизнь-то: живи, молъ, восчувствуй! Ну, и восчувствуешь: пойдешь это въ кабакъ, хватишь косушку разомъ, и простынетъ въ тебѣ зло, благо сердце у насъ отходчиво.

«Случилась однажды со мной оказія. Иду я по Доробину, а на дворѣ стала ночь; только иду я, идучи будто думаю; и холодно-то мнѣ, и голодно-то, и нѣтъ у меня роду-племени, нѣту батюшки, нѣту матушки, и все, знашь, какъ-то на фартуну свою жалуюсь, что ужъ оченно, значитъ, горько мнѣ привелось. Только вижу, у Мысея въ избѣ огонь горитъ. Полюбопытствовалъ я и гляжу въ окошко; ну, извѣстно, что въ избѣ дѣлается. Посередь горницы молодуха прядетъ, въ углу молодякъ за станомъ сидитъ, на земли робятки валяются, старый лапти на лавкѣ ковыряетъ... то-есть видалъ и перевидалъ я все это. Однако, тутъ, Богъ-е-знаетъ, что со мной сталось: растопилось это во мнѣ сердце, даже затрясся весь. Взошелъ въ избу: «Богъ въ помочь, говорю, господа хозяева! не пустите ли страннаго обогрѣться?

«— А ты отколь? — спрашиваетъ Мысей и смотритъ на

Digitized by Google

меня старикъ зорко. Ну, самъ, чай, знаешь, трудно ли тутъ соврать? Сказалъ, что изъ Гай либо изъ Лыкошева,— и дѣло съ концомъ! Анъ, вотъ-те Христосъ, не посмѣлъ солгать, языкъ даже не повернулся; стою да молчу.—Инъ, дай ему, Марьюшка, хлѣбца, Христа-ради! — говоритъ Мысей-то: — а ты, говоритъ, странный, ступай,—Богъ съ тобой!

«Ну, и пошелъ я; только всю эту ночь я промаялся. Горе, что ли, меня больно задавило, а это точно, что глазъ сомкнуть не могъ. Все это будто сквозь туманъ либо Мысей представляется, либо робятки малые, либо молодуха... и ровно рай у нихъ въ избѣ-то!

«Вторая наша напасть—полиція; однако, съ нею больше на деньгахъ дѣло имѣемъ.

«Вздумалъ этта становой насъ ловить, однако мамонѣ спраздновалъ. Вотъ какъ дѣло было. Призвалъ онъ къ себѣ отъ «Разбалуя» цѣловальника:—Ты, говоритъ, всему этому дѣлу голова: ты, стало-быть, и ловить долженъ.

«— Помилуйте, ваше благородіе!—говоритъ Михей Митричъ: — у насъ въ заведеніи, окромѣ какъ тихимъ манеромъ выпить, никакихъ другихъ дѣловъ не бываетъ; одно слово, говоритъ, монастырь... сосновый-съ!—Однако, становой на него затопалъ:—Знать, говоритъ, ничего не хочу!— Ну, Михей Митричъ за Батыгой: такъ и такъ, молъ, утекайте пока до бѣды. Затосковалъ Батыга, денно и нощно горькую пилъ, а изъ бѣды-таки выручилъ. Зарядивши себя такимъ родомъ, пошелъ онъ... какъ бы ты думалъ, куда? Къ самому, то-есть, къ становому!

«— Я, говоритъ, есть тотъ самый Батыга, объ которомъ ваше благородіе узнавать изволили... — Такъ становой-то даже обезпамятѣлъ весь отъ злости. Подлетѣлъ это къ нему, вцѣпился смаху въ бороду, и ну волочить. Даже говорить ничего не говоритъ, а только ротъ разѣваетъ да дышитъ. Только Батыга все претерпѣлъ, ни въ чемъ не перечилъ, а какъ увидѣлъ, однако, что его благородію маленько будто

Digitized by Google

полегчило, повелъ и онъ свою рѣчь.—А я, молъ, къ вашему благородію съ лаской, говоритъ. — Ну, и опять обезпамятѣлъ становой: — Сотскихъ!—кричитъ:—кандалы сюда!—И все-таки въ кандалы не заковалъ, а порѣшили наше дѣло промежъ себя полюбовно: отъ насъ ему въ мѣсяцъ пятьдесятъ цѣлковыхъ, а намъ воровать съ осторожностью.

«А по прочему по всему житье намъ хорошее.

«Попалъ я на эту линію постепенно. Человѣкъ я Божій, обшитъ кожей, попросту, по-русски сказать, дворовый господина Ивана Кондратьича Семерикова, на золотѣ не ѣдалъ, медовой сытой не запивалъ, ходилъ больше въ нанкѣ да въ пеструшкѣ, хлебалъ щи, а пилъ воду. На этомъ, братъ, коштѣ не разжирѣешь, а если и разжирѣешь, такъ, значитъ, не отъ себя и не отъ господъ, а никто какъ Богъ. Поступилъ я сперва-на̀-перво въ барскій домъ въ мальчишки. Должность эта небольшая: на погребъ за квасомъ слетай, въ обѣдъ за стуломъ съ тарелкой постой, ножи вычисти, тарелки перемой, да изъ чулка урокъ свяжи,—только и всего... Такъ-то я и росъ. Помню даже теперь, какъ, бывало, облизываешься, глядя на господъ, какъ они кушать изволятъ. Иной разъ такъ забудешься, что и ротъ по-ихнему разѣвать начнешь, — ну, и сѣчь сейчасъ, потому что ты лакей и, стало-быть, долженъ за стуломъ стоять смирно.

«Хоть баринъ у насъ и богатый, однако ихній тятенька, еще у всѣхъ дворовыхъ на памяти, въ ближнемъ кабакѣ Михѣй Митричемъ сидѣлъ... По этому самому случаю, а больше, можетъ, и для того, чтобъ себя передъ благородствомъ оправдать, Иванъ нашъ Кондратьичъ свою честь держалъ очень строго. Не то чтобъ къ кабаку, какъ къ истинному своему отечествію, льнуть, а все наровитъ, бывало, какъ бы въ большія хоромы вгрызться. А съ нашимъ братомъ—никакого и разговору не было.

«Наши дворовые были Иванъ Кондратьичемъ недовольны. Особливо обижался имъ буфетчикъ Петръ Филатовъ. Прежде-

Digitized by Google

то были мы, слышь ты, княжіе (Овчинина князя Сергѣй Ѳедорыча, можетъ, слыхалъ?). Ну, стало-быть, Петру-то Филатычу и точно-что будто обидненько было послѣ князя какой-нибудь, съ позволенія сказать, мрази служить.

«А пріятный для слуги господинъ какой долженъ быть? Тотъ господинъ для слуги пріятенъ, который его слушаетъ, который обиходъ съ нимъ имѣетъ и на совѣтъ слугу своего безпремѣнно зоветъ. Въ стары годы, сказываютъ, на этотъ счетъ просто было: господа съ слугами въ шашки игрывали и завсегда съ ними компанію важивали. Онъ же, Петръ Филатовъ, сказывалъ, что, бывало, господа другъ съ дружкой бесѣду ведутъ, а слуги у дверей сберутся да временемъ и свое словечко въ господскую рѣчь пустятъ. Ну, конечно, что этакъ-то будто лучше, а впрочемъ это не мое, а Петра Филатова разсужденіе, потому какъ я на это дѣло давно уже плюнулъ и ногой, братецъ ты мой, его растеръ.

«Пречудный былъ этотъ старикъ. Начнетъ, бывало, про князя разсказывать—что̀ твой соловей заливается,—и не заткнешь ничемъ; а вспомнитъ, что вотъ на старости лѣтъ Семерику служить привелось, а пойдетъ-это губами шамкать; даже весь посинѣетъ отъ злости. Такая ужъ, видно, линія на роду человѣку написана.

«На четырнадцатомъ году свезли меня въ Москву къ повару-французу въ ученье; жилъ я въ поваренкахъ четыре года и, хвастать нечего, свѣту большого изъ-за плиты не видалъ. Потомъ, однако, пустили господа по оброку, чтобъ еще больше, значитъ, въ наукѣ своей произойти.

«Про Москву та̀къ долженъ сказать: множество видѣлъ я городовъ, а супротивъ Москвы не сыщется. Въ Москвѣ всякій въ свое удовольствіе живетъ, господа въ гости другъ къ дружкѣ ѣздятъ, а простой народъ въ заведеніяхъ—блаженство! Возьмемъ, примѣрно, трактиры одни, чего тамъ нѣтъ? И чай, и водка, и закуски... и все, значитъ, тамъ. Машина «Вѣтерокъ» тебѣ сыграетъ, приказный отъ Иверскихъ воротъ въ-присядку отпляшетъ; въ одномъ углу ты-

UofM

Digitized by Google

сячныя дѣла промежъ себя рѣшатъ, въ другомъ просьбицу строчатъ, въ третьемъ обнимаются, въ четвертомъ слезы проливаютъ... Жизнь! Къ этакому-то житью какъ попривыкнешь, ни на что другое и не смотрѣлъ бы! Такъ тебя и тянетъ съ утра ранняго все въ трактиръ да въ трактиръ.

«Баринъ, къ которому я нанялся (а нанялся я къ нему въ лакеи, а не въ повара), очень меня полюбилъ; смирный, добрый былъ этотъ баринъ, не наругатель и не озорникъ, а къ простому народу особливо былъ жалостливъ. Служить онъ нигдѣ не служилъ и занимался, по своей охотѣ, все больше книжками, а по вечерамъ господа молодые къ нему собирались.

«Однакожъ, недолго я у него жилъ. Въ скорости этотъ баринъ незнамо куда запропалъ, да въ скорости же пришелъ и ко мнѣ отъ нашего бурмистра приказъ въ деревню явиться.

«Ужъ какъ мнѣ эта деревня тошна послѣ Москвы показалась—даже разсказать нельзя! Первое дѣло, призываетъ меня къ себѣ Семерикъ и приказываетъ при конюшнѣ находиться. Снялъ я свое платье московское, нарядился въ старый армякъ.

«Ну, армякъ, такъ армякъ,—и на томъ спасибо.

«Второе дѣло, содержаніе въ деревнѣ больно ужъ безобразное. Настанетъ, бывало, время обѣдать идти, такъ даже сердце въ тебѣ все воротитъ. Щи пустыя, молоко кислое,—только слава одна, что ѣшь, а настоящаго совсѣмъ нѣтъ.

«Однако, хоть и всячески я себя перемогалъ, а по времени не въ моготу стало. И сдѣлалось со мною тутъ словно чудо какое. Отъ думы, что ли, или оттого, что, въ Москвѣ живши, себя ужъ очень изнѣжилъ, только сталъ я мучиться да тосковать, даже ровно страхъ на меня отъ всѣхъ этихъ мученьевъ напалъ. «Господи! думаю, бывало, неужто жъ и взаправду мнѣ въ этой трущобѣ, какъ червю, гнить придется?» А сердце вотъ такъ и рветъ, такъ и ноетъ въ груди.

Digitized by Google

«Даже работать совсѣмъ пересталъ. Знаю я самъ, что худо это, что другіе, можетъ и лучше тебя, за тебя работаютъ, однако принужденія сдѣлать себѣ не въ силахъ. Ну, и дай Богъ нашимъ здоровья—пожалѣли меня, до барина этого не довели.

«Вотъ только одинъ разъ по вечеру господа наши въ гости уѣхали; пошелъ я во дворъ поглядѣть, какъ наши сѣнныя дѣвушки въ горѣлки бѣгаютъ. Только бѣгаютъ-это дѣвки, а во флигелѣ на крылечкѣ какая-то барыня на нихъ смотритъ. Ну, и наши всѣ тутъ въ кучу собрались; идетъ промежъ нихъ хохотъ да балагурство; увидѣли меня, на смѣхъ тоже подняли:—Что̀, пришелъ, или, молъ, смирился?—Анъ, нѣтъ, говоритъ Филатовъ, онъ къ Марьѣ Сергѣвнѣ на поклонъ явился!—Тутъ только я и узналъ, что эта барыня сама Марья Сергѣвна и есть.

«А Марья Сергѣвна у нашего барина въ родѣ какъ экономка жила. Была она просто-на̀-просто пастуха нашего дочь; только Семерикъ и въ паневѣ ее облюбовалъ, и по этому самому отца-то изъ пастуховъ въ дальнюю деревню въ старосты произвелъ, а ее въ горницу къ себѣ опредѣлилъ. Ну, взяли сердечную, вымыли, вычесали, въ платье нѣмецкое одѣли и къ Семерику представили; барыня наша, сказываютъ, много объ этомъ въ ту-пору стужалася.

«Однако, любопытно мнѣ стало поглядѣть на нее. Самъ знаешь, баринова сударка—стало-быть, сила. Коли не настоящее, значитъ, тебѣ начальство, такъ еще хуже того; какъ же тутъ утерпѣть, не посмотрѣть? Подошелъ я къ крылечку и гляжу на нее.

«И вотъ, братецъ ты мой, даже до сей минуты вспомнить я о ней не могу: такъ-это и закипитъ, задрожитъ все во мнѣ! Ровно подняло во мнѣ все нутро, ровно сердце въ груди даже заиграло, какъ взглянула она на меня! И нельзя даже сказать, чтобъ ужъ очень изъ себя пышна или красива была, а такой-это былъ у нея взглядъ мягкій да ласковый, что всякому около нея тепло и радошно стано-

Digitized by Google

вилося. Ну, и усмѣшечка эта на губахъ тихонькая... ровно вотъ зоренька утренняя сквозь облачка поигрываетъ.

«Много видѣлъ я барынь красивыхъ, и изъ нашего званія тоже хороши дѣвушки изъ себя бываютъ, а все-таки Маши другой не встрѣчалъ. Доброта въ ней большая была; а потому, можетъ, самому краса ея силу имѣла, что душа у ней на лицѣ всякому объявлялась. Такъ скажу: не знай я теперя, что давно она въ могилу пошла, жизни бы не пожалѣлъ, въ кабалу бы себя опять отдалъ, только бы на лицо ея насмотрѣться, только бы голоса ея милаго наслушаться!

«Ну, и она, увидѣвши меня будто въ первый разъ, тоже полюбопытствовала.

«— Не вы ли, говоритъ, новый поваръ, что̀ изъ Москвы онамеднись выслали?

«— Я, говорю.

«— Отчего жъ, говоритъ, вы въ такомъ платьѣ ходите?

«— А оттого, молъ, что на то есть барская воля.

«— Такъ вы барина попросили бы... онъ вѣдь только гордъ очень, а добрый!

«— Нѣтъ, говорю, я просить не буду, потому что впередъ знаю, что если стану съ бариномъ говоритъ, такъ ужъ это безпремѣнно, что ему нагрублю.

«— Что жъ такъ?

«— Да такъ, Марья Сергѣвна... за что̀, примѣрно, онъ меня платья моего лишилъ?

«— Вотъ вы какіе! пожили въ Москвѣ, да и стали ужъ слишкомъ спѣсивы! А вы бы глядя на другихъ дѣлали.

«Ну, я противъ этихъ ея словъ ничего сказать не рѣшился; стою да молчу.

«— А хорошее, говоритъ, въ Москвѣ житье?

«И сама, знаешь, тяжеленько этакъ вздыхаетъ.

«— И вездѣ, говорю, хорошо, гдѣ, то-есть, жить намъ мило.

«— А гдѣ, по-вашему, мило?—спрашиваетъ.

Digitized by Google

«— А тамъ, говорю, мило, гдѣ у насъ милый другъ находится...

«Сказалъ это, да и смотрю на нее, и даже чувствую, какъ меня всего знобитъ. И она со словъ моихъ словно зардѣлась вся, опустила это голòвоньку и задумалась.

«— Вамъ, можетъ, желательно, чтобъ я за васъ барина попросила, говоритъ.

«— Коли ваше желаніе на то есть, говорю, такъ отъ васъ я принять милость не откажусь.

«Больше въ тотъ вечеръ я съ ней не говорилъ. Только стало мнѣ съ той минуты словно легко и незаботно на свѣтѣ жить. Пошелъ я къ себѣ на сѣновалъ спать, и всю-то ночь вмѣсто спанья только пѣсни пропѣлъ.

«Да и ночь-то на ту-пору такая случилась: теплая да звѣздная, ровно даже горитъ-это наверху отъ множества звѣздъ! И все-это кругомъ тебя спитъ; только и слышишь, какъ лошадь около яслей на мякину фыркнула, или въ денникѣ жеребенокъ въ соломѣ съ-просоньевъ закопошился.

«На утрѣ позвали меня къ барину. Не могу о себѣ сказать, чтобъ изъ робкихъ былъ; однако, на ту-пору такъ сробѣлъ, что даже сердце во мнѣ упало. Баринъ принялъ меня въ лакейской предъ всѣми людьми и очень что-то грозно.

«— Ну, что, говоритъ, прочухался?

«Я молчу.

«— Что жъ ты не отвѣчаешь, звѣрь?

«Я опять молчу. Только слышу, что по-за-дверью ровно зашуршало чтò. Задрожалъ, затрясся я весь.

«— Виноватъ, говорю.

«— То-то, молъ, виноватъ!

«Ну, и простилъ онъ меня, въ кухню опредѣлить велѣлъ.

. . . . . .

«Стали мы послѣ этого чаще видаться, только больше все при людяхъ. Иной разъ и встрѣтишься гдѣ-нибудь

Digitized by Google

одинъ-на-одинъ, однако смѣшаешься, оробѣешь,—ну, ничего и не скажешь. Объ одномъ только и въ мысляхъ, бывало, держишь, какъ бы съ ней встрѣтиться, или бы шорохъ отъ платься ея услышать, или бы вотъ хоть издальки на нее полюбоваться. Ну, и она словно замѣтила, что усмѣшечка ея шибко мнѣ нравится: какъ ни пройдетъ мимо меня, всякій разъ безпремѣнно усмѣхнется... Такъ и протянулось наше дѣло до осени.

«По осени, такъ, около Введеньева дня, стали наши господа въ Москву сбираться. Пошелъ-это по дому трескъ да шумъ; возы съ поклажей сряжаютъ, экипажи дорожные излаживаютъ,—ну, какъ у большихъ господъ обыкновенно водится. Слышу я, что и Маша съ господами уѣзжаетъ, а мнѣ приказу ѣхать не объявляютъ. Сталъ я стороной отъ людей узнавать: кто говоритъ — Павлу-повару ѣхать, кто говоритъ — мнѣ ѣхать, а настоящаго нѣту. Времени, межъ тѣмъ, все меньше остается,—смерть, да и полно!

«Порѣшилъ я подъ конецъ, чтобъ мнѣ самому съ Машей объ этомъ переговорить. Выбралъ время, какъ ей изъ дому во флигель на ночь идти, сталъ и жду у крылечка. Только вижу, что вдали огонекъ забрезжилъ и прямо-таки къ флигелю бѣжитъ, словно вотъ искорка, откуда ни взялась, одна, сама собой въ воздухѣ летаетъ.

«— Вы, говорю, Марья Сергѣвна?

«Спервоначалу она было-испугалась, даже оступилась и упала, однако, голосу не дала. Я ее бережненько поднялъ, посадилъ на крылечко и фонарь затушилъ.

«— Вы, я говорю, не опасайтесь меня, Марья Сергѣвна!.. Я съ тѣмъ нарочно и пришелъ, чтобъ васъ видѣть. Мочи моей больше нѣтъ; все у меня сердце отъ тоски изорвалось!

«Подошелъ я поближе къ ней, взялъ ее за рученьку и слышу, что она словно листъ вся трясется.

«— Вы вотъ съ господами въ Москву сбираетесь, говорю, стало-быть, разставанье будетъ намъ долгое... По-

Digitized by Google

этому я такъ теперь о себѣ понимаю, что самый я безъ васъ буду несчастный человѣкъ, и, стало-быть, ничего мнѣ другого желать не надо, какъ только руки на себя наложить или въ лѣса отъ такихъ мученьевъ бѣжать...

«— Да вѣдь и вы, чай, съ нами въ Москву поѣдете? Чтой-то, ужъ и бѣжать собрались... словно и разуму своего вы лишились!

«— Нѣтъ, говорю, въ Москву я съ вами не поѣду; да и вы, коли меня жалѣете, барина отъ этого намѣренія отклоните. Потому, первое, что въ Москвѣ я надежды на себя не имѣю. А второе дѣло, мнѣ и здѣсь на ваше житье смотрѣть совсѣмъ непереносно стало.

«Какъ выговорилъ я ей это, она словно даже ручьемъ залилась.

«— Такъ, вотъ, говоритъ, чѣмъ вы меня попрекаете, точно сами не знаете, какова моя здѣсь жизнь!

«— Я, говорю, не съ тѣмъ это сказалъ, чтобъ васъ попрекать, а съ тѣмъ, что при моихъ къ вамъ чувствахъ смотрѣть мнѣ на эти дѣла не приходится.

«Только она еще пуще на это заплакала, а меня ровно тутъ духъ какой обуялъ! Бросился я къ ней, поднялъ-это ее къ себѣ на руки... И жалко-то мнѣ ее, и душу-то я бы за нее отдалъ, и злость, однако, за сердце словно вотъ клещами хватаетъ: пропадай, молъ, все, не доставайся она ни мнѣ, ни ему! Даже закоченѣлъ весь, даже не слышу ничего, мну да тираню ее, сердечную, въ рукахъ, будто задушить хочу... А она только потихоньку стонетъ, а рваться отъ меня не рвется.

«— Ваня! говоритъ, что̀ ты надо мною сдѣлать хочешь?

«Опамятовался я подъ конецъ, выпустилъ ее изъ рукъ. Тяжко мнѣ тутъ сдѣлалось, такъ тяжко, что и сказать нельзя. Смотрю-это на барскій дворъ, и самъ Богъ знаетъ что̀ думаю; смотрю тоже и на большую дорогу, и на лѣсъ дальній,—и все это будто перемѣшалось во мнѣ; точно не самъ я, а именно лукавый во мнѣ думаетъ.

Digitized by Google

«И такова была въ ней душа ангельская, что она не токмà-что тиранства моего не попомнила, а меня же, звѣря лютаго, утѣшать бросилась.

«— Ваня, говоритъ, голубчикъ ты мой! ахъ, да посмотри же, посмотри же ты на меня! пожалѣй ты меня! Легче бы мнѣ въ пропасть теперь сгинуть, чѣмъ сердце твое на себѣ видѣть!

«И вотъ, братецъ ты мой, хоть зима на дворѣ стояла: значитъ и тéмнеть, и сивиръ, и снѣгъ, однако, краше для меня эта ночь самой теплой лѣтней ночи показалась! Всѣ ети звѣзды, чтò на небѣ горятъ, словно въ сердцѣ у меня загорѣлися!

«На утро прикинулась къ ней горячка. Доложили объ этомъ барину и послали за дохтуромъ. Дохтуръ обозрилъ ее и сказалъ, что въ Москву ѣхать никакъ нельзя. Сокрушился Семерикъ; однако, такую къ Машѣ привычку взялъ, что даже поѣздку въ Москву хотѣлъ отложить. Только тутъ ихняя супруга, дай Богъ ей здоровья, за наше счастіе вступилася. Семерикъ говоритъ: «не поѣду!» Семеричиха кричитъ: «врешь, поѣдешь!» И опять Семерикъ свое долбитъ, а Семеричиха такъ на него и заливается: «и безъ того я отъ тебя не-вѣсть-что безобразіевъ терплю, чтобъ смѣлъ ты меня на всю жизнь въ деревню запереть!» Много у насъ тутъ сраму на весь домъ было. Однако, Семеричиха, какъ была генеральская дочь, одолѣла. Стали сбираться; вышелъ и мнѣ приказъ быть готовымъ.

«Ну, нѣтъ, думаю, это, видно, подождать придется! И удумалъ я тутъ штуку. Явился къ Семерику и, какъ ни воротило мнѣ сердце, палъ къ нему въ ноги взаправду.

«— Позвольте, говорю, въ деревнѣ остаться!

«— Это еще чтò за штуки?—говоритъ:—и какъ ты смѣлъ прямо на глаза мои показываться?

«— Я, говорю, по слабости моей, въ Москвѣ надежды на себя не имѣю, потому какъ тамъ и знакомство у насъ

Digitized by Google

большое, и случаевъ больше есть, а въ деревнѣ все одно, что въ монастырѣ...

«Понравилось это Семерику. А пуще всего тò пò-сердцу пришлось, что вотъ, молъ, лютаго звѣря въ смиреніе привелъ!

«— Ну, говоритъ, коли есть твое желаніе, чтобъ въ исправленіи своемъ укрѣпиться, такъ я препятствовать этому не могу... Взять въ Москву Павлушку!

«Уѣхали.

«Остались мы съ Машей въ домѣ почесть-что одни. Молодыхъ всѣхъ господа еще съ обозомъ въ Москву угнали, а въ деревнѣ оставили только стариковъ да конюховъ. Къ Машѣ старуху Матрену Ивановну приставили — золотая это была душа! Стало-быть, очень намъ было свободно! По началу она еще слабость въ себѣ чувствовала, а недѣльки черезъ двѣ и поправляться стала. А Семерикъ то и дѣло, что изъ Москвы гонца за гонцомъ шлетъ, да строго-нàстрого наказываетъ, чтобъ Машу къ нему въ самой скорой скорости выслать. Однако, нѣтъ.

«И словно рай промежъ насъ тогда поселился. По времени, даже смѣлость такая у насъ проявилась, что и людей совсѣмъ опасаться перестали. Заложишь, бывало, объвечеръ жеребца съ барской конюшни въ охотницкія саночки, укутаешь ее, голубушку, въ шубку, и пошелъ по полянкамъ гулять, — даже духъ занимается! А ночи-то, братъ, лунныя да морозныя, и снѣгомъ-то кругомъ тебя обдаетъ, и вѣтромъ-то жжетъ... Жизнь! У Маши, бывало, даже глазенки заискрятся, столь это хорошо!

«Ну, и домой тоже пріѣдешь, отогрѣвать ее станешь, на рукахъ, словно ребеночка, баюкаешь...

«Да, братъ,—какъ подумаешь да погадаешь, что все это жило да сплыло, да быльемъ поросло, и что всему этому житью Семерикъ на всякъ часъ поперекъ можетъ стать,— даже страхъ тебя какой-то беретъ!

«И скажи ты мнѣ на милость, отчего бы, напримѣръ,

Digitized by Google

мнѣ счастливымъ не быть? И отчего, напримѣръ, вздумалъ я разъ въ жизни радость свою имѣть, и тутъ вышло, что радость та не моя, а чужая? Отъ этой, братъ, думы и ушелъ я въ лѣса, чтобъ больше она меня не тревожила.

«Провѣдалъ, однако, прозналъ онъ—какъ ужъ, не знаю—про нашу любовь. Бурмистръ, что ли, ему отписалъ,—этого доказать не могу; только разъ пріѣзжаемъ мы вечеромъ съ поля, анъ въ барскомъ домѣ огни горятъ. Маша моя такъ и ахнула... Ну, и я тоже маленько будто посумнился.

«— Что, говорю, Машенька! гаркнуть развѣ, и поминай какъ звали?

«Только говорю я это, а самъ вижу, что она ни жива, ни мертва въ саночкахъ сидитъ. «Ну, думаю, плохо, значитъ, наше дѣло, — пришлось въ раздѣлку идти!»... Надѣялся-было я на первыхъ порахъ во флигелѣ ее схоронить, анъ и тотъ заперъ.

«Привели насъ къ Семерику... Ну... кончилось тѣмъ, что Машу черезъ два дня въ деревню за вдовца за дѣтнаго замужъ отдали, а меня приказали въ солдаты сдать...

«Въ эту ночь много я отъ холоду вытерпѣлъ, а пуще того отъ думы да отъ тоски сокрушился. То будто зима-зимская морозная передъ глазами носится, и полянки эти дальныя, и саночки малыя, и Маша, разлюбушка моя, тутъ... И словно свѣтъ голубой мнѣ въ глаза бьетъ, и въ этомъ свѣтѣ голубомъ она, моя голубушка, ровно въ воздухѣ, дрожитъ и колышится... Залило меня горе всего!

«Порѣшилъ я, однако, бѣжать. Не то чтобъ солдатства крѣпко боялся, а словно дѣло это для насъ необычное, да и съ Машей разстаться жалко; все думаешь: не закопаютъ же ее живую въ могилу,—авось можно свидѣться какъ-нибудь.

«Вотъ на другой день подняли меня ранымъ-ранёхонько. Вывели, всего обшарили. На дворѣ подвода стоитъ, и отдатчикъ съ подводчикомъ наготовѣ ожидаютъ. Пришли родные, пришла дворня вся: бабы воютъ да стонутъ, особливо матушка. Измаяли они меня.

Digitized by Google

«Привелось намъ мимо скотныхъ дворовъ ѣхать. Не утерпѣлъ я — и сталъ проситься, какъ бы Машу мнѣ повидать. Извѣстно, отдатчикъ, вмѣсто отвѣта, велѣлъ лошадь стегать; однако, я вскочилъ и зачалъ его за горло душить: — Мнѣ, говорю, за одно терпѣть, а тебѣ не быть живу, варвары вы этакіе! — Ну, испугался, пустилъ. Вошелъ я въ избу: избенка-эта темная да смрадная, словно хлѣвъ коровій.

«— Много лѣтъ здравствовать, Марья Сергѣвна! — говорю.

«Только услыхала она мой голосъ, бросилась-это ко мнѣ, уцѣпилась за полушубокъ... даже ровно замерла тутъ.

«— Погубилъ я тебя, Машенька, говорю, не будетъ мнѣ за это счастія въ сей землѣ!

«— Жить... нѣтъ... нѣтъ! — говоритъ, а сама такъ и дрожитъ, такъ и трясется вся, и въ лицѣ ни единой кровиночки нѣтъ.

«Сѣлъ я на лавку, положилъ ее на колѣни къ себѣ и сталъ это цѣловать да миловать. Только чую, будто слезы у меня горятъ, да и сердце въ груди ровно ширится. Ну, думаю, плакать, такъ плакать... въ остатній разъ! Плачу я это, даже духъ у меня отъ слезъ словно захлестываетъ... только и могу выговорить: Машенька! Машенька!.. ахъ, да каково жъ это больше не свидѣться! — А она даже и не отвѣчаетъ ничего; завернулась, голубка, подъ полушубокъ ко мнѣ, да только руками обѣими меня удерживаетъ... И сладко-то, и тоскливо-то мнѣ!

«Только, видно, дали во дворъ знать, что двоимъ со мной не сладить; прибѣжало еще человѣкъ съ пять на подмогу. Стали ее отымать отъ меня; ну, и она по началу ровно не поняла, что̀ съ ней дѣлается, даже взять себя допустила... Однако, какъ началъ я скотницѣ Аграфенѣ въ ноги кланяться, чтобъ она ее, сиротку, пригрѣла да приголубила, вдругъ она словно разразилася: взвизгнула-

Digitized by Google

это, застонала и зачала изъ ихъ рукъ рваться... даже я самъ поскорѣй изъ избы выбѣжалъ.

«Ѣду я дорогой да все думаю: «Уйду я отъ нихъ, безпремѣнно уйду!» Гляжу-это на поле дальнее; вонъ въ сторонѣ вихорикъ закружился, вонъ пеленку снѣжную взбуровилъ... уйду, молъ, отъ нихъ, безпремѣнно уйду! Вонъ мостикъ ветхонькій черезъ рѣчку лежитъ; по краямъ у рѣчки ледокъ, словно хрусталь чистый, скипѣлся, а середочка плещется, ровно живая журчитъ... уйду я отъ нихъ, безпремѣнно уйду!.. Вонъ лѣсокъ впереди засинѣлся: ишь ты, какой лѣсъ частый да береженый!.. вонъ и въ деревню въѣхали... пошли саночки по ступенямъ тукъ-тукъ... Ахъ, да уйду я отъ нихъ, безпремѣнно уйду!

«— Пусти, Потапъ! — говорю отдатчику.

«— Что ты, говоритъ, чай, я не о двухъ головахъ!

«— Пусти, Потапъ! въ могилу за тебя живой лягу, души не пожалѣю... пусти!

«Не пустилъ... Да уйду же я отъ тебя, безпремѣнно уйду!

«Пріѣхали мы на постоялый дворъ ночевать. Сѣли ужинать, а я все одно думаю: «уйду, да уйду». Положили они меня для вѣрности промежъ себя спать, даже полушубокъ съ меня сняли, да подъ головы себѣ сунули. Однако, я не сплю и все въ умѣ одно держу: «уйду, молъ, я отъ нихъ, безпремѣнно уйду!» Вотъ только слышу я—загудѣло мужичьё; были тутъ, кромѣ насъ, извозчики; наѣдятся они на ночь, такъ ровно начнетъ ихъ коробить во снѣ-то. Иной, знаешь, не своимъ голосомъ во снѣ зарычитъ, другой даже вскочитъ съ-просоньевъ, посидитъ-посидитъ словно полоумный, перекрестится, да и опять спать. Ну, и я попытать ихъ сначала хотѣлъ: вскочилъ что есть мочи, не шелохнется ли, молъ, кто?.. Однако никто голосу не далъ; только Потапъ съ-просоньевъ сталъ около себя шарить, да не на ту сторону, сердечный, попалъ и нащупалъ проѣзжаго извозчика. Только я ползкомъ да ползкомъ... чу! сверчокъ

Digitized by Google

за печкой затрещалъ... чу! вздохнулъ кто-то, — не Потапъ ли? Чу, кого-то словно душитъ во снѣ... И всего-то до двери пять шаговъ, а сколько я тутъ отъ одной думы измаялся, что лучше бы, кажется, пять верстъ на своихъ ногахъ сдѣлать... А все-таки доползъ подъ конецъ! Тутъ на лавкѣ чей-то полушубокъ порожній обозрилъ, и его про запасъ смахнулъ.

«Вышелъ я на задворки, и вѣришь ты? — кажется, не долго мученія мои тянули — и всего-то съ сутки! — а словно я тутъ впервой воздухомъ свѣжимъ дохнулъ! Даже ослабъ весь, и ноги подкашиваются, и грудь будто расшаталася... Вышелъ я на задворки; однако, какъ началъ дѣломъ смекать: «плохо, думаю, это я сдѣлалъ; такимъ манеромъ они меня какъ разъ по слѣду накроютъ; лучше на большую дорогу пойти». Вышелъ, да не думая, словно изъ лука стрѣла, пустился въ обратный бѣжать.

«Бѣжалъ я безъ отдыху версты съ три, даже грудь начало саднить. А ночь-то мѣсячная да свѣтлая, и поле кругомъ чистое да ровное, — версты за двѣ человѣка видно! Вижу я: коли дальше идти, первое дѣло — изъ силъ выбьюсь, а второе дѣло — хватиться могутъ, и кто жъ ихъ знаетъ, въ какую сторону ихъ лѣшій повернетъ! Показалась въ сторонѣ деревушечка, я и повернулъ въ проселокъ. Только она, распроклятая, точно дразнитъ меня: вотъ, кажется, рукой подать, такъ и вертится передъ глазами; однако, за ихними мужицкими вавилонами, добрыхъ я съ полчаса маялся, доколѣ дошелъ.

«Тутъ я впервой позналъ, что такое бѣглый человѣкъ значитъ. Пришелъ въ деревню, смотрю около себя, а куда идти — не смыслю. Словно ужъ судьба сама за меня промышляла да въ овинъ привела: зарылся я въ солому, да два дня оттоль и не выходилъ, — такъ не ѣвши и лежалъ... Послѣ сказывали мнѣ наши, что и въ этой деревнишкѣ меня отыскивали, однако, стало-быть, не постарались.

«Черезъ два дня вышелъ. Ну, прежде всего ѣсть до

Digitized by Google

смерти хочется. На дворѣ еще темнеть была, только кой-гдѣ огни въ избахъ виднѣлись: значитъ, исправная баба ужъ печку затопила. Подошелъ я къ одной избѣ, вышибъ кулакомъ подворотню, подлѣзъ скрозь нее и прямо въ избу къ бабѣ.

«— Подавай хлѣба! говорю.

«Только она — какъ была съ ухватомъ въ рукахъ, такъ тутъ на мѣстѣ и обмерла. Я къ столу; досталъ хлѣба, взялъ кстати и ножикъ.

«— Только ты пикни у меня, говорю; не нонѣ, такъ завтра — такъ дойму, что на вѣкъ языка лишишься!

«И точно, дай Богъ ей здоровья, — не пикнула.

«Наѣлся и опять въ солому залегъ — сумерекъ дожидаться. Теперь, думаю, хорошо: и сытъ, да и ножикъ при мнѣ есть. И все-то меня къ дому да къ дому тянетъ.

«Вотъ въ сумерки всталъ отъ своего логова и пошелъ-таки прямо въ деревню. Вижу еще издалеча, что въ кучерской у насъ свѣтъ горитъ. Не думавши долго, прямо туда.

«— Ребята! говорю, кто изъ васъ противъ меня измѣнщикомъ хочетъ быть?

«Только они сидятъ да помалчиваютъ, да промежъ себя переглядываются.

«— Если кто меня выдать хочетъ, говорю, такъ я тутъ весь; а не желаете выдать, такъ обогрѣйте да накормите меня!

«Никто, однако, противъ своего брата измѣнщикомъ быть не согласился. Тутъ я узналъ, что въ тотъ самый день Машу на деревню что-ни-на-есть за гадючаго мужика отдали замужъ; а Семерикъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сейчасъ послѣ свадьбы въ Москву укатилъ.

«Загорѣлось во мнѣ: хочу да хочу Машу видѣть! даже ѣсть не могу; такъ всего и поднимаетъ меня.

«Пошелъ на деревню; вижу — стоитъ на краю избенка развалившая; подошелъ къ окошку—думаю, нѣтъ ли гульбы

Digitized by Google

у нихъ? Однако, видно, бѣдность шибко мужика одолѣла, либо совѣсть на народѣ заврила, только не чуть въ избѣ никого, кромѣ хозяевъ. Горитъ-это посередь горницы лучина, и ровно чадъ да дымъ отъ нея идетъ, а свѣту почесть ничего-таки нѣтъ; въ углу на полу ребята въ-повалку спятъ... ну, одно слово, и голодно-то, и холодно-то въ этой избѣ, совсѣмъ, кажется, и жить-то нельзя. Одно мнѣ чудно показалось, что они ровно какъ вмѣстѣ жили,— сидятъ около свѣтца. Маша бѣльишко кой-какое дѣткамъ починиваетъ, а Трофимъ сапоги на продажу тачаетъ. Долго я такъ смотрѣлъ на нихъ, все думаю: взойти или не взойти? Однако Маша будто почуяла что: встала съ мѣста и слушаетъ; ну, и Трофимъ къ окошку побрелъ.

«— Это я, говорю, Трофимъ Петровичъ! я, молъ, бѣглый Иванъ! Пустишь, что ли?

«Услышавши меня, онъ по-началу даже отъ окна отшатнулся, однако вскорѣ опять поправился.

«— Пустить, что ли, Марьюшка? — спрашиваетъ.

«Только она ровно испугалася: побѣжала-это отъ свѣтца прочь и за печку спряталась.

«— Пусти, говорю, Петровичъ! Вотъ тебѣ Богъ, что только проститься хочу; одной минуты не пробуду больше!

«Взошелъ я въ избу, помолился Богу, сѣлъ на лавку

«— Богъ въ помочь! говорю.

«Только она вышла ко мнѣ, мертвая-размертвая. Однако идетъ твердо.

«— Прости меня, Иванушка, говоритъ.

«Я заплакалъ; сижу-это на лавкѣ и, словно баба, малодушествую. Господи! какъ мнѣ горько-то, горько-то въ тупору было! Словно темь кругомъ меня облегла, словно страхъ да ужасъ на меня напалъ, словно тянетъ, сосетъ все мнѣ сердце!

«— Прощай, Иванушка! — опять говоритъ она, а у самой слезиночка въ голосѣ дрожитъ.

«Вскочилъ я; хотѣлъ въ охапку ее схватить, однако

Digitized by Google

вижу — въ углу Трофимъ стоитъ и словно у него зубъ на зубъ не попадаетъ. И она тоже руки впередъ протянула, будто какъ застыдилася. Ну. думаю, стало-быть, нашему дѣлу и взаправду окончанье пришло!

«— Прощай, говорю, Маша! прощай и ты, Трофимъ!

«Молчатъ оба.

«— Видно, молъ, не свидѣться намъ?

«— Да, видно, не свидѣться! — молвилъ Трофимъ.

«Словно ожгло меня это слово.

«— Звѣрь ты! говорю.

«— Нѣтъ, говоритъ, не я звѣрь... Ты, говоритъ, рукой махнулъ да въ лѣса бѣжалъ, а ей весь вѣкъ со мной въ голодѣ да въ нуждѣ горе мыкать приходится... Такъ инъ лучше не замай ты насъ!

«Смотрю я на нее; все думаю: не скажется ли въ ней хоть на минуточку наше прежнее разлюбовное время-времечко?..

«Ну, и нѣтъ, какъ нѣтъ; стоитъ она какъ безъ чувствъ совсѣмъ, глазами въ землю смотритъ, только верхняя губа будто дрожитъ легонько.

«— Ну, говорю, инъ и взаправду, Маша, прощай! Однако, все-таки, на розстаняхъ, чай, поцѣловаться надо...

«... Такъ наше дѣло и кончилось. Вышелъ я отъ нихъ какъ безъ памяти. Отхваталъ я, братъ, въ эту ночь верстъ тридцать слишнимъ. Иду да иду впередъ, а куда иду — даже понятіе потерялъ. Снѣгъ мокрый глаза залѣпляетъ, вѣтеръ въ лицо дуетъ, ноги въ сугробахъ тонутъ, а я все иду, и все о чемъ-то думаю, хоть истинной думы и нѣтъ во мнѣ. Все это какъ во снѣ — отъ одного къ другому переходитъ: и Маша-то тутъ, и не ѣдалъ-то я, и сѣна вонъ стогъ въ полѣ стоитъ, и ночь-то была въ-пору холодная да темная. Останови да спроси: о чемъ, молъ, сейчасъ думалъ? — ни въ свѣтѣ отвѣта не дашь!

«Однако на утрѣ уморился, и понятіе это ко мнѣ изморомъ воротилось. Тутъ только догадался я, что замѣсто

Digitized by Google

того, чтобъ къ нашимъ на конный дворъ вернуться, я верстъ тридцать въ сторону шагнулъ. Ну, не судьба, значитъ!

«Вижу, навстрѣчу мнѣ мужичокъ съ дровами ѣдетъ. Мужичоночко этакой худенькой да мозглявенькой; «ну, на что такому мозглецу топоръ?» думаю. Подошелъ къ нему.

«— Продай, молъ, топоръ, дяденька!

«Онъ перепугался.

«— Христосъ, говоритъ, съ тобой. молодецъ! топоръ-отъ, чай, мой!

«— Извѣстно, говорю, что твой; только и для насъ онъ словно надобенъ!

«Ну, онъ столько учтивъ былъ, что больше со мной не разговаривалъ.

«Такимъ манеромъ прошло больше мѣсяца, что̀ я все дальше пробирался.

«Вѣришь ли, даже не обогрѣлся ни разу порядкомъ, ни разу путемъ не поѣлъ. Привычки-то къ ночному рукомеслу еще не было, да и шелъ я все глухимъ мѣстомъ да проселкомъ, — такъ и въ питейный-то зайти не съ чѣмъ. И страхъ тоже одолѣлъ, потому что зима для бѣглаго человѣка—самое некорыстное время; кругомъ - это суметы, ни бѣжать, ни схорониться некуда: того гляди — какъ зайца изымаютъ.

«Однако, около Благовѣщенія, словно потеплило, а въ деревняхъ въ это время на пригревѣ объ ину-пору даже жарко бываетъ. Тутъ, братецъ мой, только я восчувствовалъ, какова на свѣтѣ жизнь хороша есть. Сядешь, бывало, въ сторонкѣ около стожка; солнышко прямо въ лицо тебѣ поглядываетъ; вѣтерки, словно бархатные, кругомъ поигрываютъ; въ сторонѣ, чу! вода русло себѣ просасываетъ; наверху всякая птица кишнемъ-кишитъ, и не видать ея въ вышинѣ, а словно стонъ сверху внизъ стелется. Журчитъ-это, шумитъ все, точно и не одинъ ты въ свѣтѣ, точно за-

Digitized by Google

всегда кто-ни-на-есть съ тобой присутствуетъ... Самое развеселое это время!

«Тутъ и поживишка у меня порядочная случилась. Иду я разъ сумерками своимъ трактомъ и вижу, что посередь самой большой дороги кибитка стоитъ; лошади, пара, сзади привязаны, ямщика нѣтъ. Подхожу я къ кибиткѣ, слышу— разговоръ тамъ идетъ; одинъ сѣдокъ, должно-быть, заслышалъ меня, всталъ и смотритъ черезъ кибитку... Купецъ.

«— Много лѣтъ здравствовать, господа хозяева! говорю.

«Только онъ думаетъ, что меня, значитъ, ямщикъ помогать имъ прислалъ.

«— Скоро ли же ямщикъ-то вернется?—спрашиваетъ.

«Пошелъ я впередъ, будто кибитку осматриваю, а самъ примѣчаю, какъ бы за дѣло мнѣ половчѣй взяться. Вижу— впереди зажора, у кибитки одна оглобля напрочь отломлена; значитъ, ни взадъ, ни впередъ нѣтъ возможности.

— Да ты что̀ за человѣкъ?—спрашиваетъ купецъ.

«А другой его товарищъ, даже не видѣвши еще ничего, забился въ глубь, да только знай-стонетъ. Вижу я, что они ребята ласковые, и въ разговоръ съ ними взошелъ.

«— Вы, говорю, хозяева, просто, что ль, ѣдете?

«— Нѣтъ, говоритъ, безъ топора тоже не ѣздимъ.

«Ну, и топоръ показываетъ.

«—А коли есть топоръ, такъ дайте, значитъ, пять цѣлковыхъ,—и Богъ съ вами! А не то будемъ силу пробовать!

«Заартачился-было купецъ, да товарищъ его, спасибо, на выручку мнѣ подоспѣлъ. Застоналъ-это, заревѣлъ пуще прежняго: «отдай да отдай пять цѣлковыхъ!»

«Разсчитались.

«Пошелъ я послѣ того въ кабакъ, да тамъ и забылся. Объ ину-пору хорошо это бываетъ. Придетъ-это тошно да смутно такъ; назади некорыстно, да и вернуться туда ужъ нельзя, а впереди словно туманъ да темнеть виситъ... куда

Digitized by Google

идти? Думаешь, - думаешь, даже головой о стѣну шарахнешься. Косушка вина много тутъ помощи дѣлаетъ. Выпьешь одну — въ сердцѣ словно радуга просіяетъ; выпьешь другую—словно по морю по окіяну плывешь; выпьешь третью— ни земли, ни воды подъ тобой нѣтъ, да и люди — ровно точки въ глазахъ мерещатся...

«Въ кабакѣ я человѣка встрѣтилъ. Показалось мнѣ, что онъ на меня съ перваго раза слишкомъ зорко посмотрѣлъ, да и съ цѣловальникомъ словно перемигнулся. Вотъ, выпилъ я свою чарку и сѣлъ въ углу на лавку, будто какъ благодушествую, а у самого даже муравьи по-за-кожей заползали! Все, знаешь, по новости своей думаю, что на лазутчика попалъ. Тогда они промежъ себя разговоръ ведутъ съ цѣловальникомъ.

«—Худо, Савва Дементьичъ!—говоритъ человѣкъ:—развѣ вотъ лѣтомъ поправимся, а не то, видно, совсѣмъ отсель откочевывать придется.

«— Что жъ такъ?

«— Да ровно ужъ слишкомъ много порядковъ здѣсь завелось. Намеднись Сидорку на гумнѣ изловили, отпустить-то отпустили, да ужъ и выкупъ больно несообразный заломили. Надоѣло... Только бы товарищей такихъ подыскать, чтобъ и въ огонь, и въ воду охочи были идти, такъ, кажется, ни на минуту бы здѣсь не остался.

«— И Дарьюшку ниито не жалко?

«— Что̀ Дарьюшка! только связался я съ ней, а то давно бы намъ это дѣло покинуть надо! Намеднись-вотъ мужъ: «ты, говоритъ, меня въ окаянство ввелъ, ты меня воромъ сдѣлалъ, да и жену̀ теперь отнимаешь!» Какъ будто я задаромъ его воромъ-то сдѣлалъ! И что̀ еще, такъ-это остервенѣлъ, что ухватилъ ножъ да съ ножомъ зря впередъ и лѣзетъ. Даже смотрѣть на него глупо.

«Цѣловальникъ захохоталъ.

«— Однако надо правду-истину сказать, говоритъ, и ты въ его добрѣ ровно слишкомъ хозяйствуешь!

Digitized by Google

«— Чего хозяйствовать! Съ ней, братъ, всякій хозяйствовать можетъ, — была бы охота! Намеднись-вотъ офицеръ проѣзжій ночевать у нихъ остановился, такъ мнѣ даже тошно стало, какъ она передъ нимъ привередничала...

«— Такъ вотъ она какова!

«— Да ужъ такъ-то «такова», что опять-таки говорю: найдись у меня теперь товарищъ хорошій, чтобъ вмѣстѣ бѣжать отсель, ни на минуту бы даже не задумался.

«А самъ говоритъ это да на меня поглядываетъ. Однако, я молчу и все это думаю, что онъ меня испытать хочетъ. Долго ли, коротко ли они промежъ себя побесѣдовали, только онъ не утерпѣлъ, подошелъ ко мнѣ.

«— Да ты что, говоритъ, землякъ, въ землю глазами уткнулся да нюни распустилъ?

«— А такъ, молъ.

«— Что такать-то, а ты говори дѣло. Отколь бредешь?

«— Прохожій, молъ; шелъ да зашелъ,—и все тутъ!

«— Прохожій Иванъ стащилъ на селѣ кафтанъ, идетъ на большую дорогу за шубой... Такъ, что ли?

«— Хоть бы и такъ, тебѣ что за дѣло?

«— Больно ты, братъ, гордъ, либо трусливъ ужъ не въ мѣру. Тебя же жалѣючи спрашиваютъ.

«— Да ты самъ-то кто таковъ?

«— А я, говоритъ, человѣкъ небольшой, по прозванію сторожъ ночной; неподалечку бекетъ здѣсь содержимъ да проѣзжающихъ въ страхѣ Божіемъ держимъ!

«Цѣловальникъ засмѣялся.

«— Да и уму-разуму наставляемъ ихъ, потому какъ безъ нашей науки они безпремѣнно забылись бы... Вотъ еще онамеднись углицкіе купцы тутъ ѣхали; ну, я точно-что малую толику отъ нихъ попользовался; однако, за это и притчу имъ сказалъ: «Который, молъ, звѣрь всѣхъ звѣрей лютѣе?—левъ. Кто льва лютѣе?—человѣкъ; потому — человѣкъ человѣка погубляетъ, а левъ льва никогда. Кто человѣковъ лютѣе?—разбойникъ!.. Такъ вы, говорю, ваши здо-

Digitized by Google

ровья, въ этомъ мѣстѣ поздно ночью не ѣздите, потому— тутъ шалятъ»... Такъ хочешь, что ли, съ нами молодецъ?

«Посумнился я тутъ съ крошечку. Хоть и вижу, что кончанье для меня одно впереди, однако съ непривычки все будто робостно.

«— Что̀ задумался? Или, братъ, по пословицѣ: собака волка деретъ, и драть не умѣетъ, и отстать не смѣетъ? А ты, коли въ тебѣ живая душа есть, говори прямо: хочешь другомъ быть?

«— Ты бы ему поднесъ для куражу, Миронычъ,—говоритъ цѣловальникъ:—а то вишь онъ какъ отъ дороги осовѣлъ!

«Стали мы тутъ пить и бражничали такимъ родомъ дня съ три. На четвертый день такіе ли други-пріятели сдѣлались, словно вотъ вѣкъ только другъ о дружкѣ и сокрушалися. Такъ и рѣшилась судьба моя въ кабакѣ.

«Привелъ онъ меня къ своей любезной. Мужъ у нея тутотка на большой дорогѣ въѣзжій дворъ держалъ... такъ, небольно чтобъ очень корыстный. Мѣсто это самое глухое да непріятное; и стоялъ ихній дворъ, словно торчокъ, одинъ-одинёхонокъ; кругомъ верстъ на двѣнадцать лѣсъ дремучій, по дорогѣ песокъ по колѣни; ни воды, ни лужаечки нѣтъ,— такъ, дичь одна. Какъ ѣдетъ, бывало, кто по дорогѣ, такъ издалеча еще слышно, какъ по лѣсу словно щелканье пойдетъ. Стало-быть, польза отъ постояльцевъ была самая пустая; развѣ ужъ больно кто обночаетъ, или кони въ пескахъ шибко замаются, такъ къ Ѳедоту Карпову на часокъ завернетъ, а прочіе норовятъ, бывало, мимо поскорѣй проѣхать. Да и жили они какъ-то сумнительно; у другихъ хозяевъ и работникъ, и работница путные есть, а у нихъ и всего-то одна работница, да и та нѣмая да дурочка была. Ну, для проѣзжихъ господъ оно и неприглядно; который и остановится случаемъ, такъ все по сторонамъ озирается, не хотятъ ли, молъ, рѣзать его.

«А Ѳедотъ Карповъ самый изъ себя паренекъ мизир-

Digitized by Google

ный да нескладный былъ. Махонькой да тощой такой, борода-это клинушкомъ, глазки маленькіе да врозь разбѣгаются,—даже смотрѣть гнусно. И все-то, бывало, или на палатяхъ проклажается, либо въ окошко сонной глядитъ, а начнетъ-это работать, такъ и не глядѣлъ бы на него: только въ навозѣ, словно боровъ, копошится... А со всѣмъ этимъ такой жадай былъ, что какъ увидитъ монету—даже словно обезпамятѣетъ весь: этимъ только и держалъ его Корнѣй въ уздѣ.

«Зато на Дарьюшку точно-что можно залюбоваться было. И высокая-то, и полная-то, и глаза большіе на выкатѣ, а тѣло бѣлое да разбѣлое, словно вотъ пѣна молочная скипѣлася. Одно слово, отдай все да и мало. Пойдетъ-это по горницѣ или даже на мѣстѣ шевельнется,—такъ вся тебѣ кровь въ голову вдругъ и кинется... Пѣсни тоже пѣть мастерица была: что̀ хочетъ надъ тобой своимъ голосомъ сдѣлаетъ! И тоской-то тебя всего зальетъ, и удалью да молодечествомъ сердце разутѣшитъ,—словно вся человѣческая душа въ рукахъ у ней была. Жила, вишь, она прежде у одного молодого купчика, однако вышелъ ему срокъ жениться, — онъ и выдалъ ее за Ѳедота. Отъ него и пѣсни-то пѣть она выучилась.

«Пришли мы къ нимъ около полденъ; смотримъ, Дарьюшка у воротъ сидитъ, на солнышкѣ грѣется. Поздоровались.

«— Жить, что ли, у насъ будете?—спрашиваетъ Дарьюшка, а все на меня исподлобья посматриваетъ.

«— Да,—говоритъ Корнѣй:—покудова до тепла надобно будетъ прожить.

«— А послѣ куда?

«— А куда путь лежать будетъ... Вѣрнаго еще ничего сказать теперь не могу.

«Только она на эти его слова ровно усмѣхнулася; только такъ-то нехорошо да обидно, что разомъ мнѣ Корнѣевы слова вспомнились, которыя онъ цѣловальнику въ кабакѣ говорилъ.

Digitized by Google

«— Чего смѣешься? правду говорю, что остатніе дни у васъ здѣсь валандаюсь!—говоритъ Корнѣй.

«— Ну, и съ Богомъ! — отвѣчаетъ Дарьюшка, а сама все на меня да на меня поглядываетъ.

«Словно помертвѣлъ Корнѣй.

«— Ишь ты, подлая!—говоритъ.

«Однако, она ничего; сидитъ-себѣ, да знай полегоночку посмѣивается.

«— Такъ неужто жъ, молъ, мнѣ всѣмъ твоимъ прихотямъ подражать?—говоритъ.—Хочешь идти, такъ иди... плакать по тебѣ, что ли?

«— И уйду; только такъ я тебя на прощаньи приголублю, что вѣкъ ты меня не забудешь... Змѣя ты!

«Чудно̀ мнѣ это показалось. «Будь, думаю, я на Корнѣевомъ мѣстѣ, не посмотрѣлъ бы на косы твои русыя!» Однако онъ смолчалъ; только все у него нутро, словно у звѣря лѣсного, зарычало.

«Въ тотъ же вечеръ у нихъ съ Ѳедотомъ Карповымъ дѣло чуть не до убивства дошло, и все опять эта Дарьюшка на озорство завела.

«— Слышалъ, говоритъ, Ѳедотъ Карпычъ, что Корнѣй Миронычъ отъ насъ въ дальны стороны сбирается?

«Какъ сказала она это, Ѳедотъ Карповъ даже помертвѣлъ весь. Ну, и Корнѣй словно потупился. А она вмѣсто того, чтобъ смирять ихъ, только пуще другъ на дружку натравливаетъ.

«— Сказываютъ, какъ это тамъ хорошо да привольно, и рѣки-то, слышь, молочныя, и берега-то кисельные, и воруютъ-то всѣ безданно-безпошлинно... инъ и тебѣ за нимъ ужъ бѣжать, Ѳедотъ Карпычъ?

«Слушаетъ это Ѳедотъ, а у самого даже бороденка словно листъ трясется.

«— Правду. что ли, баба лаетъ?—говоритъ.

«Ну, солгать бы тутъ Корнѣю: пошутилъ, молъ, и вся недолга; однако, онъ или посовѣстился, или не нашелся

Digitized by Google

съ перваго разу: пробормоталъ что-то невнятно въ отвѣтъ и замолчалъ.

«— Анъ, врешь ты! — говоритъ Ѳедотъ. — Не посмѣешь отсель уйти!

«А самъ и заикается-то, и по столу-то кулакомъ бьетъ...

«— Али любъ тебѣ сталъ?—говоритъ Корнѣй.

«— Любъ не любъ, а у меня съ тобой счеты есть... Въ кабалу ты ко мнѣ шелъ!

«Ну, лѣзетъ на Корнѣя, да и шабашъ, даже на мѣстѣ словно скачетъ; и кулачишкомъ-то, и головой-то ему въ брюхо норовитъ... Удивленіе да и только!

«— Ты, говоритъ, женой у меня завладалъ; такъ задаромъ, что ли, я тебѣ ее отдалъ?

«— Ишь, тебя больно спрашивались...

«А Ѳедотъ все одно:

«— Издохнешь, говоритъ, мнѣ служивши! Убью я тебя и въ отвѣтѣ не буду!.. Потому—ты воръ... Да, говоритъ, воръ, воръ, воръ... разбойникъ ты!

«Корнѣй только знай рукой отмахивается, какъ онъ слишкомъ на него наскакивать начнетъ.

«А Дарьюшка, сдѣлавши свое дѣло, ушла за перегородочку, словно горя ей мало; только и слышно, какъ она тамъ позѣвываетъ да потягивается.

«— Часто этакъ-то у васъ бываетъ?—спрашиваю я ее.

«— А кто ихъ знаетъ! Каждый день все ссору да драку заводятъ... Что̀ на нихъ смотрѣть-то? Да неужто взаправду Корнѣй на чужую сторону сбирается?

«— Да, взаправду.

«— Куда?

«— А куда глаза глядятъ.

«— Ну, и Богъ съ нимъ!

«— Будто тебѣ его не жалко?

«Такъ она, братецъ мой, не то чтобъ поскучать или хоть бы задуматься—все же чужой человѣкъ передъ ней—даже засмѣялась въ отвѣтъ.

Digitized by Google

«— Ты, говоритъ, съ Корнѣемъ, что ли?

«— Съ Корнѣемъ.

«— Напрасно... кабы ты съ нами остался, и Ѳедотъ бы Карпычъ Корнѣя отпустилъ.

«Говоритъ это, да такъ-таки прямо въ глаза мнѣ и смотритъ.

«— А намеднись, говоритъ, офицеръ проѣзжій у насъ становился, такъ раза съ четыре ворочался: все бѣжать съ собою меня сманивалъ! И опять пріѣхать обѣщался...

«— А Корнѣй чего смотрѣлъ?

«— Что Корнѣй! Извѣстно, въ хлѣву злобствовалъ! Развѣ его въ горницу пущаютъ, когда пріѣзжіе господа есть?

«— Видно, ты-таки охоча гулять-то!

«— А для-че не гулять, когда гулять можно... весело гулять! Вотъ у меня баринъ былъ миленькій, — ужъ то-то мы съ нимъ погуливали!.. Хочешь, что ли, пѣсню тебѣ спою?

«Сняла со стѣны гитару, да словно разлилась тутъ вся:

«Ахъ, гдѣ, жена, была-была, гдѣ, сударыня, была?
Я была, сударь, была, у попа въ гостяхъ»...

«И поетъ-то, и плечьми-то подергиваетъ, и каблучками-то пристукиваетъ... всякая словно жилка въ ней вдругъ заговорила!

«А грудь-то бѣлая да полная, тяжеленько-это подъ гитарой мечется, ровно моченьки у ней нѣтъ, ровно истомило ее всю, измаяло! Такъ оно хорошо да сладко, что и Корнѣй съ Ѳедотомъ лаяться перестали, а у меня даже свѣтъ въ глазахъ помутился!.. Какъ легли мы послѣ того съ Корнѣемъ на сѣнницѣ спать, долго она мнѣ сквозь сонъ все мерещилась!

«Жили мы у нихъ съ мѣсяцъ-мѣста, ничего не дѣлавши; однако, я укрѣпился, противъ товарища подлецомъ сдѣлаться не хотѣлъ. Подивился я тутъ на Корнѣя! Ужъ на что, кажется, крѣпкій человѣкъ былъ, а передъ этимъ Ѳедоткой словно овца смирялся: что̀ хотѣли изъ него дѣлали.

Digitized by Google

Она, бывало, и за водой его посылаетъ, и кушанье стряпать велитъ—все справлялъ!

«По времени, и совсѣмъ тепло установилось. Сталъ Ѳедотъ Карповъ намъ докучать, что мы только руки склавши сидимъ да чужой хлѣбъ ѣдимъ. Началъ и я Корнѣю вспоминать, что не затѣмъ въ товарищи къ нему пошелъ, чтобъ у бабы подъ юбкой прятаться...

«Вотъ вышли мы со двора поздно вечеромъ, на самый Егорьевъ день. За десять верстъ отъ двора и мѣсто у насъ было такое назначено, чтобъ съ товарищами сойтись. Только идемъ мы опушкой, а у меня словно сердце въ груди изнываетъ: то, знаешь, робость непереносная всего обхватываетъ, то вдругъ такую въ себѣ силу и мочь почувствуешь, что, кажется, не шелъ, а летѣлъ бы впередъ да впередъ. И чего-чего тутъ не передумаешь: и стоны-то загодя тебѣ слышатся, и кровь будто передъ глазами проливается...

«И ничего-таки этого не бываетъ, и все, братецъ ты мой, это одинъ разговоръ! Настоящій разбойникъ никогда не убиваетъ; убиваетъ больше мелкій воришка, который съ предметомъ своимъ совладать не можетъ. А у насъ всякое дѣло миромъ кончается: одна часть тебѣ, другая часть намъ, — и ступай на всѣ на четыре стороны! Случается, правда, что бабы отъ страха пищатъ,—ну, и Христосъ съ ними, пускай пищатъ!

«Потому, какая для насъ корысть человѣка жизни лишать? Первое дѣло—грѣхъ занапрасно на душу возьмешь, а второе дѣло — слѣдъ безпремѣнно оставишь. Иной, свою часть вручивши, погорюетъ — да и броситъ дѣло такъ, потому дорожному человѣку съ полицейскими связываться тоже не приходится. Ну, а какъ убьешь-то его, онъ волей-неволей на тебя пожалуется; пойдутъ-это шарить да сыскивать, и хоть ничего настоящаго не найдутъ, однако на цѣлый мѣсяцъ все дѣло тебѣ перепакостятъ.

«Въ эту ночь мы барина остановили. Молоденькій такой

Digitized by Google

да нѣженькій, а трясется, сердечный, одинъ на телѣжечкѣ. Шибко онъ насъ испугался, даже смѣшался совсѣмъ.

«— Что жъ ты не везешь, каналья ты этакая!—кричитъ ямщику, а самъ почти плачетъ. Ну, денегъ у него мы не густо нашли, потому—домой на побывку налегкѣ ѣхать, а взяли у него чемоданишко, часы золотые да перстенекъ съ руки. Больно мнѣ его жалко было. И то говорилъ Корнѣю: — что̀, молъ, младость обижать? — Однако, онъ не послушалъ...

«Въ другую ночь видимъ — цѣлый рыдванъ по дорогѣ шестерикомъ ползетъ. Ну, такъ и мерещится мнѣ, что Семериковъ это рыдванъ.

«— Братцы, говорю, голубчики, никакъ это *мой* ѣдетъ!

«Однако, вышелъ не онъ, а баринъ какой-то большой. Растянулся-себѣ на подушкахъ барикъ любезный, спитъ во всю ивановскую, а у самого крестъ на манишкѣ болтается. Ну, мы его разбудили.

«— Ваше благородіе,—говоритъ Корнѣй:—извольте вставать, на станцію пріѣхали!

«Только онъ по-началу высоко̀ было-взялъ.

«— Какъ вы смѣете, говоритъ, да вы знаете ли, говоритъ, что я васъ ѣуда упеку, куда Макаръ телятъ не гоняетъ!..

«Потомъ, однакожъ, урезонился маленько... Много онъ намъ ласковыхъ словъ говорилъ: что и воровать-то стыдно, что и братья-то мы всѣ, что обижать намъ другъ дружку, стало-быть, не приходится; однако, какъ наше дѣло къ спѣху было, мы вслушаться въ его рѣчи настоящимъ манеромъ не могли, и такъ-таки въ-чистую его обобрали, что даже лошади послѣ того отъ легкости рысцой побѣжали.

«Стащили мы нашу добычу въ лѣсъ, въ самую трущобу, и хворостомъ тамъ ее завалили. Только въ лѣсу долго оставаться еще неспособно было. И по дорогѣ; и въ полѣ ужъ сухо, а въ лѣсу еще земля словно не весь паръ отдала. Приклонишься къ низу, даже видишь, какъ земля на глазахъ

Digitized by Google

твоихъ отходить начинаетъ, а въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ поглуше, словно вотъ легкая-легонькая пеленочка еще лежитъ,—ледокъ значитъ. А изъ-подо льду ужъ и травка зелененькая выбивается.

«Воротились мы на постоялый раннимъ утромъ, чуть еще солнышко показалось. Въ горницѣ, видно, еще спали; только нѣмая работница за ворота вышла, позѣвываетъ да на восходъ крестится: да и та, увидѣвши насъ, словно испугалась, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, въ ворота шарахнулась... Что̀ за чудо! Однако, Корнѣй, должно-быть, чутьемъ бѣду свою почуялъ и самъ за ней слѣдомъ ударился...

«Только я ужъ засталъ, какъ онъ Ѳедота допрашивалъ; Вижу, на немъ и званія лица нѣтъ, а Ѳедотъ стоитъ у стѣны въ одной рубашкѣ, волосы-это растрепаны, рожа немытая; стоитъ да подъ рукой его, ровно комаръ, топорщится.

«— Куда убѣгла? Сказывай!—говоритъ Корнѣй.

«И не то чтобъ шибко выкрикиваетъ, однако даже мнѣ отъ его голосу жутко стало.

«Ну, и Ѳедоткѣ, видно, не до разговоровъ пришлось: лепечетъ что-то про себя да руками разводитъ.

«— Продалъ ты, что ль, ее?—опять говоритъ Корнѣй.— Сказывай, сказывай же ты мнѣ, аспидъ ты этакой!

«Собралъ онъ его, братецъ ты мой, въ охапку и грянулъ объ полъ. Ужъ топталъ онъ, топталъ, ужъ возилъ онъ его по полу-то, возилъ!.. Давно и душонка-то его смрадная, чай, въ тартарары пошла, а онъ все сытости не чувствуетъ... Возьметъ-это, подниметъ его съ полу, и опять объ-земь—какъ шваркнетъ!

«Ну, подъ конецъ и самъ измаялся: грянулся-это на лавку, да какъ завопитъ да застонетъ, ажъ вчужѣ меня холодный потъ прошибъ!

«Часа черезъ два мы этотъ проклятый постоялый дворъ со всѣхъ четырехъ угловъ зажгли. Такъ и сгорѣлъ со

Digitized by Google

всѣми пожитками; даже нѣмая, по глупости свой, выбѣжать не успѣла...

«И пошли мы послѣ того во путь, во дороженьку, отреклись отъ міра прелестнаго, поклонилися бору дремучему, и живемъ, нече сказать, ни худо, ни красно, а хлѣбъ жуемъ не напрасно.

«Странствуемъ мы съ нимъ по русскому царству, православному государству, странствуемъ по горамъ, по доламъ, по лѣсамъ, по полямъ, по зеленымъ лузямъ, а больше около большой дороги держимся.

«Весело, братъ! это ужъ говорить нечего... т.-е. просто у насъ житье-пережитье!.. Однако, идешь-это иной разъ по опушечкѣ, и вдругъ на тебя дурость найдетъ... Растужишься-разгорюешься, и падешь гдѣ-нибудь подъ елочкой, тяжеленько вздыхаючи, горьки слезы роняючи, свою жизнь проклинаючи... И елочка-это словно тебя понимаетъ: такъ-то плавно да заунывно лапами своими надъ тобой помаваетъ: вздохни, молъ, замученный! вздохни, безталанный, безчастный! вздохни, сирота, сиротскій сынъ!

«Видѣлъ я сонъ: прихожу будто я въ градъ нѣкій, и прихожу не одинъ, а съ товарищами: такіе пріятели есть, сотскими прозываются. Подхожу-это къ палатамъ пространнымъ: съ четырехъ концовъ башни высятся, спереду стоятъ батюшки-солдатушки; стоятъ солдатушки, ружьемъ честь отдаютъ, за бѣлы руки меня принимаютъ, принимаючи разутѣшными рѣчами ублажаютъ: «ты войди, молъ, къ намъ, воръ-разбойничекъ! душегубчишка ты окаянненькій! Отдохни ты у насъ въ острогѣ каменномъ, за затворами крѣпкими желѣзными!»

«И еще видѣлъ я сонъ: стою я на мѣстѣ высокіимъ и къ столбу у меня крѣпко-на-крѣпко руки привязаны. Собралось тутъ народу видимо-невидимо; все на меня позѣвать-поглазѣть, на меня, на шельмецкаго-шельмеца, на разбойника!

Digitized by Google

«И молился я тутъ Спасову образу,
И на всѣ стороны низко кланялся:
Вы простите меня, люди Божіи,
Помолитеся за мои грѣхи,
За мои ли грѣхи тяжкіе!
Не успѣлъ я на народъ вòзрити,
Какъ отсѣкли мою буйну голову,
Что по самыя плечи могучія...

«Ну, этотъ сонъ нельзя сказать, чтобъ пригожъ былъ... Однако, не лучше ли намъ это бросить—позабыть...

«Ахъ, въ горѣ жить, некручинну быть!
А и горе-горе, гореваньице!
Ахъ, въ горѣ жить, некручинну быть,
Нагому ходить—не стыдитися!»

XI.—Послѣ обѣда въ гостяхъ.

Удивительное дѣло, какъ все это было пригнано, какая во всемъ сказывалась система и гармонія! Потомство рѣшительно не повѣритъ. Поговоримъ хоть о губернскомъ надзорѣ. Всякій согласится, что безъ надзора нельзя: во-первыхъ, обывателямъ некому будетъ жаловаться, во-вторыхъ—куда же дѣнутся всѣ эти лица, которымъ ввѣренъ надзоръ? въ-третьихъ... ну, да вообще какъ-то неловко безъ контроля! Чтò могли бы сказать о насъ иностранцы, если бы у насъ не было контроля? Могли бы сказать: у нихъ царствуетъ произволъ, потому контроля нѣтъ! Могли бы сказать: удивительно, какъ это люди живутъ въ такой странѣ, въ которой контроля нѣтъ! А теперь, какъ контроль есть, то иностранцы должны молчать, и ничего больше.

Главное дѣло, чтобъ контроль былъ безобидный и шелъ, такъ сказать, въ видѣ непрерывнаго перекрестнаго огня. Объяснимъ это примѣромъ. Если меня будетъ контролировать мужикъ, чтò можетъ изъ этого выйти? Разумѣется, ничего путнаго, потому что и онъ меня не понимаетъ, и я его не понимаю, и станемъ мы цѣлый день разгова-

Digitized by Google

ривать, я по-русски, онъ по-татарски. Совсѣмъ другое дѣло, когда сойдутся люди просвѣщенные и скажутъ другъ другу: ты надзирай за мной, а я буду надзирать за тобой. Ясно, что здѣсь не можетъ случиться не раздоровъ, ни недоумѣній; ясно, что просвѣщенные люди поймутъ другъ друга и будутъ объясняться единственно по-русски. Такимъ образомъ, подозрѣніе о произволѣ устраняется; обыватели на каждомъ шагу встрѣчаютъ лицо, которому могутъ принести жалобу; приличія соблюдены, всѣ довольны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и раздоровъ никакихъ...

Возьмемъ другой примѣръ, болѣе осязательный.

Нашъ почтенный начальникъ края постоянно находится подъ контролемъ весьма не легкимъ; за нимъ надзираетъ и губернскій штабъ-офицеръ, и губернскій прокуроръ, — а между тѣмъ спросите его по совѣсти, чувствуетъ ли онъ это? Нѣтъ, онъ не чувствуетъ, ибо, съ другой стороны, штабъ-офицеръ и прокуроръ находятся и подъ его контролемъ. Слѣдовательно, сойдутся вмѣстѣ, переговорятъ между собой ладкомъ, анъ, смотришь, и прекратятся разомъ всѣ недоумѣнія, смотришь—и пошли опять козырять, какъ ни въ чемъ не бывало.

Нашъ добрый и милый пріятель, Семенъ Михайлычъ Булановскій, былъ именно такого мнѣнія о контролѣ. Во-первыхъ, онъ вообще одобрялъ всю систему, а во-вторыхъ, хвалилъ въ особенности то, что контроль именно порученъ ему, а не кому другому. «Это—говаривалъ онъ — именно величественное зданіе, въ которомъ всякій находится при томъ кругѣ, гдѣ кому по способностямъ быть слѣдуетъ».

Я знаю, что въ послѣднее время развелось много неблагонамѣренныхъ людей, которые утверждаютъ, будто бы не предстоитъ никакой надобности ни въ штабъ-офицерахъ, ни въ прокурорахъ, ни даже... въ начальникахъ края! Для управленія обывателями, говорятъ они, достаточно однихъ законовъ! Конечно, если разсуждать съ точки зрѣнія теоретической, то нельзя не сознаться, что законы въ своемъ

Digitized by Google

родѣ тоже представляютъ величественное зданіе; но, съ другой стороны, бываютъ случаи, когда они говорить не могутъ и когда личное искусное вмѣшательство одно можетъ предотвратить величайшія бѣдствія. Въ особенности удобно и необременительно сіе средство въ дѣлахъ свойства, такъ сказать, домашняго (ибо въ нашемъ любезномъ отечествѣ еще встрѣчаются дѣла сего свойства). Приходитъ, напримѣръ, ко мнѣ жена и жалуется, что мужъ ея поступаетъ съ ней не какъ супругъ, а какъ человѣкъ посторонній. Что̀ сдѣлалъ бы законъ? Законъ, во-первыхъ, сказалъ бы: «сударыня, докажите!» Во-вторыхъ, если бы и послѣдовало доказательство, то законъ отвѣчалъ бы: «это, сударыня, не мое дѣло». Напротивъ того, что̀ сдѣлаю я? Во-первыхъ, я призову мужа и скажу ему: «какъ же тебѣ, любезный, не стыдно! Посмотри, какая у тебя жена хорошенькая!» Во-вторыхъ, если онъ этимъ не убѣдится, я пригрожу ему закономъ: «да, скажу, любезный, у насъ на этотъ счетъ и законъ есть!» А такъ какъ онъ законовъ не знаетъ, то и убѣдится навѣрное. Смотришь — анъ дѣло-то и покончено къ общему удовольствію! Другой примѣръ: приходитъ ко мнѣ работникъ и жалуется, что хозяинъ жалованья ему не платитъ. Натурально, я за хозяиномъ: «зачѣмъ ты, любезный другъ, денегъ не платишь?» Ну, онъ мнѣ: такъ и такъ. Отъ хозяина я опять къ работнику: «развѣ ты не можешь, любезный другъ, подождать?» Смотришь — анъ дѣло-то и покончено къ общему удовольствію!

Но важнѣе всего то, что мы, россіяне, отъ рожденія нашего питаемъ къ судамъ нелюбовь. Одаренные отъ природы воображеніемъ впечатлительнымъ и характеромъ живымъ, даже строптивымъ, мы требуемъ, чтобъ дѣла рѣшались немедленно, а желанія наши удовлетворялись безпрепятственно. Что̀ бы это такое было, если бы существовали одни суды и не существовало начальства? Страшно подумать, но предугадать не трудно. Во-первыхъ, обыватели пришли бы въ уныніе; во-вторыхъ, въ дѣлахъ произошелъ бы застой. Ре-

Digitized by Google

зультатъ же всего этого—хаосъ, среди котораго люди стремились бы не къ тому, чтобъ сдѣлать себѣ одолженіе, но къ тому, чтобъ поѣдать другъ друга.

Повторяю, нашъ милый Семенъ Михайлычъ вполнѣ раздѣлялъ эти убѣжденія. Онъ находилъ, что въ особенности полезенъ надзоръ негласный, который благодѣтельствуетъ, такъ сказать, въ тишинѣ уединенія. Въ такомъ видѣ, по мнѣнію его, онъ уподобляется Провидѣнію, всегда намъ соприсутствующему. Обиженный не имѣетъ основанія унывать, ибо знаетъ, что есть рука, которая защититъ его и покараетъ злодѣя. При такой увѣренности не можетъ не житься легко, ибо жизнь, такъ сказать, сама выноситъ обывателя на крылахъ своихъ. Въ этомъ же, быть-можетъ, заключается и дѣйствительная причина того, что въ государствахъ, гдѣ подобный контроль устроенъ, лица обывателей принимаютъ видъ откровенный и беззаботный, не говоря уже о томъ, какъ это пріятно начальству.

Вообще, Семенъ Михайлычъ чудный малый и слыветъ въ губерніи завиднымъ женихомъ. Онъ очень мило изъясняется по-французски, а благородной изысканности его манеръ удивляются всѣ помѣщики. Онъ нѣсколько сухощавъ и вообще сложенъ, если позволено такъ выразиться, меланхолически; при этомъ строенъ и имѣетъ черты лица не только выразительныя, но даже язвительныя. Правильности его носа еще не такъ давно удивлялась купеческая жена Барабошкина, а пристальнаго взгляда его сѣрыхъ глазъ не могъ вынести самъ губернскій предводитель дворянства, когда его, по поводу ущерба какому-то казенному интересу, велѣно было келейнымъ образомъ допросить. Но человѣкъ чистый и невинный могъ смотрѣть ему въ глаза смѣло и съ увѣренностью всегда встрѣтить въ нихъ теплое участіе. Ко всему этому (какъ бы въ довершеніе общаго очарованія), онъ употребляетъ какіе-то анаѳемскіе духи, которыми умащаетъ себѣ усы и тѣло и отъ которыхъ такъ и разитъ чѣмъ-то таинственнымъ.

Digitized by Google

Семенъ Михайлычъ человѣкъ холостой, но не прочь жениться. Если онъ до сихъ поръ не принесъ себя въ жертву гименею, то это произошло совсѣмъ не отъ того, чтобъ нашихъ дѣвицъ не плѣняла его обольстительная наружность, но отъ того, что онъ желаетъ сдѣлать партію во всѣхъ отношеніяхъ блестящую. Ему мало того, что дѣвица, на которую онъ обращаетъ свои взоры, пышка, ему надо, чтобъ и отецъ ея былъ пышка, т. е. снабженъ надлежащими капиталами. «Жена должна принести мужу деньги и протекцію», говоритъ онъ, и, совершенно довольный собой, мечетъ жгучіе взоры на сонмище тающихъ дѣвицъ.

Живетъ онъ просто, но мило, въ домѣ той самой купчихи Барабошкиной, которая такъ восхищалась правильностью его носа. Говорятъ, будто бы онъ не платитъ за квартиру, но если это и правда, то, во всякомъ случаѣ, онъ обдѣлываетъ свои дѣла такъ скромно, что никто уличить его ни въ чемъ не можетъ. Въ какое бы время вы ни зашли къ нему—всегда можете найти добрый привѣтъ, добрую сигару и добрый стаканъ вина.

Семенъ Михайлычъ очень пріятный собесѣдникъ; онъ проницательный политикъ и умѣренный, но глубокомысленный философъ. Трудно повѣрить, но при всѣхъ своихъ многочисленныхъ занятіяхъ онъ находитъ время даже слѣдить за теченіемъ планетъ и, руководствуясь Брюсовымъ календаремъ, охотно объясняетъ обычнымъ своимъ собесѣдникамъ тайное ихъ значеніе. Такъ, напримѣръ, не далѣе, какъ прошлой зимой, онъ по теченію планетъ очень вѣрно предсказалъ, что въ персидской странѣ произойдутъ козни тайныхъ враговъ, стремящихся огорчить любезное отечество, но что козни эти будутъ открыты нѣкоторымъ царедворцемъ Олоферномъ, который и посрамитъ кознедѣйцевъ. Все точно такъ и сбылось: черезъ двѣ недѣли мы уже читали въ газетахъ, что Олофернъ поймалъ и обличилъ злодѣевъ, которые были посажены въ мѣшокъ и ввержены въ море. Есть у него и библіотека, составленная исключительно изъ книгъ,

Digitized by Google

трактующихъ о разныхъ видахъ любви къ отечеству. По мнѣнію его, только такія книги и могутъ услаждать душу государственнаго человѣка, да еще сочиненія эротическаго содержанія; но сіи послѣднія должны быть читаемы съ умѣренностью и втайнѣ, дабы не породить соблазна въ народѣ, который, по простодушію своему, можетъ, чего добраго, принять преподанныя тамъ правила за руководство въ жизни.

Однимъ словомъ, такіе люди, какъ Семенъ Михайлычъ, составляютъ истинное украшеніе городовъ, въ которыхъ поселяются; а такъ какъ въ Россіи нѣтъ губернскаго города, въ которомъ не было бы своего Семена Михайлыча, то и оказывается, что всѣ они изукрашены въ этомъ отношеніи преестественно.

Имѣя въ виду впереди балъ у губернатора и потомъ ночную пирушку у откупщика, я зашелъ къ Семену Михайлычу, чтобы отвести душу въ умѣренно-либерально-политико-философской бесѣдѣ.

Я засталъ его за чтеніемъ новаго обширнаго трактата о любви къ отечеству; неподалеку, на случай отдохновенія, валялся новый романъ Поль-де-Кока.

Прежде всего мы, разумѣется, разговорились о различныхъ благодѣтельныхъ реформахъ, ожидающихъ наше любезное отечество, потомъ о дѣйствіи, которое онѣ оказываютъ на обывателей. Оказалось, что это дѣйствіе, покамѣстъ, ограничилось тѣмъ, что генералъ Голубчиковъ сошелъ съ ума въ ожиданіи уничтоженія откуповъ, да предсѣдатель уголовной палаты запилъ мертвую въ ожиданіи судебной реформы. Мы, разумѣется, погоревали.

— Удивляться тутъ нечему,—сказалъ мнѣ Семенъ Михайлычъ по поводу непріятнаго происшествія съ генераломъ Голубчиковымъ:—такая вѣсть можетъ поразить и болѣе крѣпкіе организмы.

— Какой, однако, ударъ для всего семейства!

Digitized by Google

Семенъ Михайлычъ только махнулъ рукой, какъ бы говоря: погоди, тò ли еще будетъ!

— Странно одно,—продолжалъ онъ:—какъ это Иванъ Николаичъ до сихъ поръ не приготовился! Посмотрите на меня: я ужъ давнымъ-давно ко всему готовъ!

— Что, развѣ получили что-нибудь?

— Не получилъ, но получу!

Семенъ Михайлычъ сказалъ это съ такимъ дрожаніемъ въ голосѣ, что я не сомнѣвался, что онъ получилъ нѣчто, но до поры до времени скрываетъ. Любопытство задѣло меня за живое.

— Вотъ вы говорите, что генералъ не приготовился,— сказалъ я, желая увлечь его въ откровенную бесѣду:— да помилуйте, какъ же тутъ и приготовиться-то! Вѣдь онъ еще нынче утромъ получилъ радостное для себя извѣстіе.

— И все-таки надо было приготовиться!

— Да какъ же это, однакожъ?

— Повѣрьте мнѣ, что ничего нѣтъ легче. Нужно только соображеніе и христіанское смиреніе!—возразилъ Семенъ Михайлычъ и, немного помолчавъ, прибавилъ:—Да, главное все-таки христіанское смиреніе, какъ тамъ кто ни говори!— Семенъ Михайлычъ, который курилъ въ это время трубку, сталъ дуть въ нее съ такою силой, что искры цѣлымъ облакомъ посыпались на коверъ.—Я былъ сегодня у обѣдни и молился,—продолжалъ онъ таинственнымъ голосомъ:— только, когда пропѣли херувимскую, я вдругъ почувствовалъ, какъ будто что-то кольнуло меня въ самое сердце... Я, знаете, впалъ въ забвеніе, стою и молюсь, стою и молюсь... Ахъ, чтò я видѣлъ въ эту сладкую минуту! ахъ, чтò я видѣлъ! Скажу одно: съ этого мгновенія бремя жизни скатилось съ души моей! съ этого мгновенія я... готовъ!

«Чортъ возьми! а вѣдь дѣло плохо, коль скоро Семену Михайлычу видѣнія являются!»—подумалъ я, невольно припомнивъ катастрофу, приключившуюся съ генераломъ Голубчиковымъ.

Digitized by Google

— И представьте себѣ, другъ мой, едва я возвратился изъ церкви, какъ мнѣ подаютъ письмо отъ одного петербургскаго пріятеля...

— И это письмо?..

— Вотъ, не угодно ли полюбоваться!

Онъ подалъ мнѣ дрожащей рукою письмо, въ которомъ я прочиталъ слѣдующее:

«Мы провалились, любезный другъ Simon, и ты можешь укладывать свои чемоданы, не опасаясь на этотъ разъ быть введеннымъ въ ошибку. На-дняхъ все покончено: насъ не будетъ! Мы должны перестать существовать, превратиться въ дымъ—мы и дѣла наши! Первою мыслью моею было, разумѣется, подумать о тебѣ, и знаешь ли, что̀ я придумалъ? На-дняхъ наши финансисты скомпоновали какой-то невинный проектъ по винной части: не удрать ли намъ съ тобой штуку, пристроившись по части хересовъ и розничной продажи сивухи? Говорятъ, такой состряпали проектецъ, что пальчики оближемъ; слѣдовательно, надежда есть. А я, къ тому же, коротко знакомъ съ самимъ его сивушествомъ княземъ цѣловальниковымъ, слѣдовательно и тутъ надежда есть! Вспомни, дружище, стишки:

«Надежда, кроткая посланница небесъ»...

и еще: «надежда утѣшаетъ царя на тронѣ»—дальше, хоть убей, не помню!—и валяй въ Питеръ! А не то и еще имѣется въ виду убѣжище: поговариваютъ, что учреждается серьезный надзоръ надъ пристанищами праздности и разврата, и что по этому случаю также потребуется много дѣятелей. Что жъ, можно махнуть и по части клубнички! Конечно, дѣятельность не очень почетная, но нашъ братъ, опричникъ, за толчкомъ не погонится: видали виды! Со мной, дружище, даже на-дняхъ случилось происшествіе въ этомъ родѣ... и т. д.

«Ожидающій тебя съ нетерпѣніемъ

«Никифоръ Малявка».

Digitized by Google

— Однако, вамъ еще не измѣнила надежда! сказалъ я, прочитавши письмо.

— Не измѣнила-то не измѣнила, а все-таки больно.

Семенъ Михайлычъ размахнулся и ударилъ чубукомъ объ стѣну.

— Больно, Николай Иванычъ! Больно въ особенности съ точки зрѣнія благороднаго человѣка!—сказалъ онъ, останавливаясь предо мною.—Поймите, вѣдь наша служба была самая благородная! Вѣдь мы были почти... масоны!

— Ссс...

— Да, масоны! Это я берусь доказать, хоть и знаю, что въ нашемъ отечествѣ масоны не допускаются. Но мы масоны очищенные, мы масоны, у которыхъ, кромѣ любви къ отечеству, ничего въ предметѣ не осталось!

— Да скажите мнѣ, ради Бога, полковникъ: что такое были эти масоны?

— Масоны были и будутъ существовать, покуда стоитъ міръ; масоны—это просто благонамѣренные люди, изъ которыхъ нѣкоторые заблуждаются, а нѣкоторые не заблуждаются!

— Гм!.. это конечно... всякой вещи бываетъ въ мірѣ по два сорта...

— Заблуждающіеся масоны имѣли между собой разные таинственные знаки, безъ дозволенія начальства называли другъ друга вымышленными именами: Никифора Петромъ, Петра Степаномъ, и тому подобное... Согласитесь, что въ государствѣ этого допустить невозможно?

— Да, оно конечно... какъ-то подозрительно...

— Ну, и вся эта принадлежность перешла отъ масоновъ къ намъ. Мы тѣ же масоны, но масоны очищенные.

— Если я васъ понялъ, любезный Семенъ Михайлычъ, то, стало-быть, цѣль этихъ масоновъ заключается въ томъ, чтобъ покровительствовать несчастнымъ.

— Совершенно такъ. Видишь, напримѣръ, утопающаго, ну, подойдешь, подашь ему руку—и онъ опять пошелъ-себѣ жить

Digitized by Google

да поживать. Или, напримѣръ, обыграли васъ въ карты; вы приходите, объясняете... Я съ своей стороны призываю лицо, воспользовавшееся вашею довѣрчивостью, и говорю ему: «отдай деньги, потому что иначе тебѣ можетъ быть худо!»

— Знаете ли что, Семенъ Михайлычъ? Чѣмъ больше думаешь, тѣмъ больше убѣждаешься, что такого рода учрежденіе—истинное благодѣяніе для человѣчества. Тихо, смирно, миролюбиво, безъ разговоровъ—сколько тутъ одного сокращенія переписки!

— Да еще то ли мы дѣлывали! Вѣдь на насъ, можно сказать, лежало благоденствіе и спокойствіе цѣлаго отечества—поймите это! Вѣдь, можно сказать, ни одной мысли въ головѣ не зарождалось безъ того, чтобъ эта мысль не была намъ предварительно извѣстна... Вѣдь это цѣлый романъ!

— На вашемъ мѣстѣ, Семенъ Михайлычъ, я непремѣнно писалъ бы свои мемуары.

— Я думалъ объ этомъ.

Семенъ Михайлычъ задумался и улыбнулся. Видно было, что надъ мыслями его пролетали воспоминанія, и что воспоминанія эти улыбались ему.

— Да, были дѣла!—сказалъ онъ, щипля свой надушенный усъ:—были дѣла!

Я зналъ отчасти эти дѣла. То были дѣла чудодѣйственной ловкости, то были дѣла нечаяннѣйшихъ сюрпризовъ и таинственнѣйшихъ похищеній. Семенъ Михайлычъ цѣлую жизнь все ловилъ и хваталъ и, наконецъ, доловился и дохватался до настоящаго скорбнаго положенія. Согласитесь, что это сразить хоть кого.

— Не то больно, — сказалъ онъ, — что жалованья тамъ какого-нибудь на время лишусь,—то больно, что практики-то этой не будетъ!

— Да, привычка—великое дѣло!

— Грудью, вотъ этою самою грудью жертвовалъ! И что жъ въ результатѣ?—абшидъ!

Digitized by Google

Семенъ Михайлычъ видимо впадалъ въ лиризмъ, потому что колотилъ себя въ грудь самымъ неестественнымъ образомъ.

— Что̀ мнѣ нужно? — декламировалъ онъ, ставъ въ позицію, какъ это обыкновенно дѣлаютъ благородные, но огорченные люди: — что̀ мнѣ нужно? Добрую сигару и стаканъ добраго вина!

«Добрую сигару я отдамъ пріятелю; стаканъ вина раздѣлю съ нимъ же!

«Теперь у меня нѣтъ ни того, ни другого! Послѣднюю сигару я выкурилъ вчера; послѣдній стаканъ вина выпилъ каналья-денщикъ сегодня, въ то время, какъ я молился Богу!

«Новыхъ я купить не въ состояніи. Я не знаю даже, буду ли въ состояніи сшить себѣ новые сапоги!

«Это горько! это неблагодарно!»

— Яшка!—прибавилъ онъ совершенно неожиданно, кликая деньщика:—ступай, подлецъ, къ Барабошкиной и спроси, не осталось ли у ней хоть одной бутылки моего любимаго вина?

Послѣдній возгласъ оживилъ меня нѣсколько. Нѣтъ ничего несноснѣе, какъ присутствовать при посторонней горести. Конечно, эта горесть не могла назваться и для меня совсѣмъ постороннею: ибо и я, наравнѣ съ другими, могъ погибнуть въ стремнинѣ политическаго переворота, но всетаки я страшныхъ писемъ еще не получалъ, слѣдовательно гибель моя представлялась еще отдаленною, и мысль о ней не портила еще моего аппетита въ такой степени, въ какой портила аппетитъ другихъ моихъ сотрудниковъ по вертограду администраціи. Однимъ словомъ, отъ этихъ унылыхъ стоновъ мною начинало уже овладѣвать нетерпѣніе, и я имѣлъ основаніе думать, что появленіе бутылки вина хоть нѣсколько измѣнитъ направленіе разговора.

— Тутъ была цѣлая система,—приставалъ, между тѣмъ, Семенъ Михайлычъ:—система, могу сказать, строго сообра-

Digitized by Google

женная во всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ. Мы связаны между собой вотъ какъ!

Семенъ Михайлычъ соединилъ обѣ руки и просунулъ пальцы одной изъ нихъ между пальцевъ другой.

— Спрашиваю я васъ теперь: можно ли оставаться безъ системы?—добивался онъ.

— Знаете ли что? — отвѣчалъ я, какъ бы озаренный свыше вдохновеніемъ: — вѣдь я думаю, что безъ системы оставаться рѣшительно никакъ невозможно!

— Стало-быть, можно, коли оно такъ есть: взгляните и судите!—иронически замѣтилъ онъ.

Такого рода разговоры обыкновенно продолжаются до безконечности. Источникомъ имъ служатъ раны человѣческаго сердца, а раны эти, какъ извѣстно, сочатся до тѣхъ поръ, покуда не изсочатъ изъ себя всего гноя обидъ и оскорбленій, въ нихъ накопившихся. Нашъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ подлеца-Яшки, который доложилъ, что купчиха Барабошкина съ дерзостью отозвалась, что у нея никакой бутылки вина для полковника нѣтъ и не было.

— Вотъ видите, даже Барабошкина—и та отвѣчаетъ!—сказалъ мой амфитріонъ, окончательно сраженный.—Подлая! пронюхала, должно-быть!

Семенъ Михайлычъ неистово зашагалъ по комнатѣ.

— Любопытно, любопытно это будетъ, какъ-то они безъ насъ обойдутся! Повѣрите ли, Николай Иванычъ, когда мнѣ въ первый разъ сказали, что насъ не будетъ,—я думалъ, что это насмѣшка; я даже не далекъ былъ отъ мысли, что насмѣшка эта прямо относится къ высшему начальству...

— Да, оно похоже на то.

— Нѣтъ-съ, это была не насмѣшка. Намеднись пріѣзжаю я въ Москву, являюсь къ своему старику, и первое слово, которое отъ него слышу: «а мы, братъ, съ тобой въ трубу вылетѣли!»—Кто же теперь слѣдить будетъ?—спра-

Digitized by Google

шиваю я его: — кто слѣдить будетъ, ваше превосходительство?—И знаете, стою этакъ передъ нимъ, весь внѣ себя отъ изумленія. Только что̀ жъ бы, вы думали, онъ мнѣ въ отвѣтъ? «Я, братецъ, говоритъ, въ пенсію все свое содержаніе получаю, такъ мнѣ до этого дѣла нѣтъ!!!» Такъ-то вотъ, ни въ комъ, просто ни въ комъ сочувствія нѣтъ!

— Скажите на милость!

— А намеднись, вотъ, у Пеструшкиныхъ на балѣ, мальчишка Шалимовскій, гимназистъ, подходитъ ко мнѣ, мерзавецъ, и говоритъ: «а вы, говоритъ, знаете, Семенъ Михайлычъ, что васъ уничтожаютъ?» Спрашиваю я васъ, каково мнѣ эти плюхи-то ѣсть?

— Даже мальчишки, и тѣ!

— Да въ мальчишкахъ-то и сила вся! Откровенно скажу, что если бы не мальчишки, мы и до сихъ поръ благоденствовали бы! Это они своимъ тявканьемъ, это отъ нихъ все загорѣлось. Господи! жили-жили, и вдругъ напасть!

— Да и старики-то, Семенъ Михайлычъ, хороши!

— И мальчишки, и старики, и Барабошка, и весь міръ заодно!

— Однакожъ, вѣдь вамъ недавно мундиръ перемѣнили: повидимому, это должно бы поощрить!

— Да, и перемѣнили, и поощрили! Ну, да, и перемѣнили, и поощрили! Что жъ, и поощрили!

— Какъ же это однако?

— Вотъ видите, Николай Иванычъ, я цѣлый мѣсяцъ объ этомъ знаю... Вы понимаете, что̀ у меня должно *тутъ* происходить!

Онъ указалъ на грудь.

— Все это время я думалъ... все думалъ...

— И что же?

— Я просто пришелъ къ заключенію, что все это не болѣе, какъ страшный сонъ!

— Тсс...

Digitized by Google

— Да, это страшный сонъ, потому что этого не можетъ быть!

— Однако, вы имѣете письма?

— Имѣю дѣйствительно, но въ то же время питаю увѣренность... что мы возродимся!

— То-есть, какъ же это?.. Вы думаете, значитъ, что вамъ опять дадутъ новый мундиръ!

— Да нѣтъ, не то, не въ мундирѣ тутъ сила: духъ времени не таковъ! Но что мы возродимся — это вѣрно. Потому, ненатурально! Опять-таки спрашиваю я васъ, возможно ли существовать безъ системы?

— Нѣтъ, я положительно убѣжденъ, что безъ системы и одного дня пробыть невозможно.

— Ну, а какого же тутъ чорта систему выдумавшь! Слѣдовательно, мы возродимся: въ мундирахъ ли, безъ мундировъ ли, но мы возродимся — это вѣрно! Конечно, сначала все это будетъ какъ будто подъ пепломъ, а потомъ оно потеплится-потеплится да и воспрянетъ настоящимъ манеромъ!

— Да вы-то? вы-то? что̀ съ вами будетъ?

— Что̀ обо мнѣ говорить! Я... я могу найти для себя убѣжище въ одномъ изъ новыхъ учрежденій, о которомъ пишетъ Малявка... Но это все равно! Главное все-таки въ томъ, что мы возродимся!

Семенъ Михайлычъ былъ великъ: я понялъ это и позавидовалъ ему. Мнѣ думалось о томъ, какъ сладко и велико должно быть гражданское чувство, въ силу котораго человѣкъ забываетъ о себѣ, чтобъ всѣмъ существомъ своимъ устремиться къ одному предмету — любезному отечеству!

Мы разстались утѣшенные и облегченные. Всю дорогу я твердилъ себѣ:

— Мы возродимся, ибо безъ системы существовать нельзя!

Digitized by Google

XII. — Запутанное дѣло.

Случай.

I.

«Будь ласковъ съ старшими, невысокомѣренъ съ подчиненными, не прекословь, не спорь, смиряйся—и будешь ты вознесенъ премного: ибо ласковое теля двѣ матки сосетъ».

Такого рода напутственный завѣтъ былъ произнесенъ Самойломъ Петровичемъ Мичулинымъ двадцатилѣтнему его дѣтищу, отправлявшемуся изъ дому родительскаго на службу въ Петербургъ.

Самойло Петровичъ, бѣдный мелкопомѣстный дворянинъ, въ простотѣ души своей былъ совершенно увѣренъ, что, снабженный подобными практическими наставленіями, Ваничка его, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ принятъ въ столицѣ съ распростертыми объятіями. На всякій случай, старикъ, однакожъ, кромѣ душеспасительнаго слова, вручилъ сыну тысячу рублей денегъ, съ приличнымъ наставленіемъ носить ихъ всегда при себѣ, не мотать, не мытарствовать, а тратить себѣ помаленьку.

«Дитя оно молодое,—думалъ добродѣтельный старикъ:— и повеселиться, и пожуировать жизнью захочетъ—Богъ съ нимъ! Да при томъ же и объятія-то... кто его знаетъ! прижимистъ, сухосердъ нынче сталъ человѣкъ».

И вотъ уже около года живетъ юноша въ Петербургѣ; около года онъ добронравенъ, не прекословитъ, смиряется и на практикѣ во всей подробности осуществляетъ отцовскій кодексъ житейской мудрости — и не только двухъ, но и одной матки не сосетъ ласковое теля!

А между тѣмъ онъ ли не уклонялся, онъ ли не угождалъ, онъ ли не нагибался! Кротче сердцемъ, смиреннѣе душою, кажется, въ цѣломъ мірѣ нельзя было сыскать человѣка! И все-таки отъ всей фигуры фортуны видѣлъ онъ одинъ только задъ... Пренепріятное дѣло!

Digitized by Google

Сунулся-было Иванъ Самойлычъ къ нужному человѣку мѣстечка попросить, да нужный человѣкъ наотрѣзъ сказалъ, что мѣста всѣ заняты; сунулся онъ-было и по коммерческой части, въ контору купеческую, а тамъ все цифры да цифры, въ глазахъ рябитъ, голову ломитъ; пробовалъ-было и стихи писать — да остроумія нѣтъ! Отъ природы ли голова его была такъ скупо устроена, или обстоятельства кой-какія ее сплюснули и стиснули, но оказывалось, что одна только сфера дѣятельности и была для него возможною—сфера механическаго переписыванія, перебѣливанія, да и тамъ ужъ народъ кишмя-кишитъ, яблоку упасть некуда, все занято, все отдано и всякій зубами за свое держится...

Словомъ, вся жизнь господина Мичулина, съ самаго его въѣзда въ Петербургъ, была рядомъ мучительныхъ попытокъ и исканій, и все безъ результата... А отцовскія деньги все уходили да уходили, а желудокъ просилъ ѣсть попрежнему, да и кровь-то еще молода и тепла въ жилахъ... Просто, ни на что не похоже!

Поникнувъ головою, тихимъ шагомъ возвращался Иванъ Самойлычъ домой послѣ одной изъ ежедневныхъ и неудачныхъ своихъ экспедицій.

Дѣло шло ужъ къ десяти часамъ вечера. Печальное и непріятное зрѣлище представляетъ Петербургъ въ десять часовъ вечера и при томъ осенью, глубокою, темною осенью. Разумѣется, если смотрѣть на міръ съ точки зрѣнія кареты, запряженной рьяною четверкою лошадей, съ быстротою молніи мчащихъ его по гладкой, какъ паркетъ, мостовой Невскаго проспекта, то и дождливый осенній вечеръ можетъ имѣть не только сносную, но даже привлекательную физіономію.

Въ самомъ дѣлѣ, и туманъ, который, какъ удушливое бремя, давитъ городъ своею свинцовою тяжестью, и маленькая, острая жидкость — не то дождь, не то снѣгъ,— докучливо и рѣзко дребезжащая въ запертыя окна кареты,

Digitized by Google

и вѣтеръ, который жалобно стонетъ и завываетъ, тщетно силясь вторгнуться въ щегольской экипажъ, чтобъ оскорбить нескромнымъ дуновеніемъ своимъ полныя и самодовольно лоснящіяся щеки сидящаго въ немъ сытаго господина, и гусиныя лапки зажженнаго газа, тамъ и сямъ прорывающіяся сквозь густой слой дождя и тумана, и звонкое, но, тѣмъ не менѣе, какъ смутное эхо долетающее «пади» зоркаго, какъ кошка, форейтора—все это, вмѣстѣ взятое, даетъ городу какую-то поэтически-улетучивающуюся физіономію, какой-то обманчивый колоритъ, дѣлая всѣ окружающіе предметы подобными тѣмъ страннымъ, безразличнымъ существамъ, которыя такъ часто забавляли насъ въ дни нашей юности въ заманчивыхъ картинахъ волшебнаго фонаря.

И покачивается-себѣ сытый господинъ, самодовольно развалившійся на мягкихъ подушкахъ, и сладко жмуритъ глаза, одолѣваемый неопредѣленною, но, тѣмъ не менѣе, мягкою дремотою, необыкновенно вкрадчивымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необыкновенно сладкимъ полузабытьемъ... И напоминаетъ ему оно, это волшебное полузабытье, то блаженное состояніе, которое каждый изъ насъ болѣе или менѣе ощущалъ въ дѣтствѣ, слушая долгимъ зимнимъ вечеромъ безконечно-однообразные и между тѣмъ никогда не утомляющіе, давнымъ-давно прослушанные и между тѣмъ всегда возбуждающіе судорожное любопытство разсказы старой няни о Бабѣ-Ягѣ-костяной-ногѣ, объ избушкѣ на курьихъ ножкахъ и т. п.

Притаились дѣти вокругъ стола въ узкой и низенькой дѣтской; молчатъ они и не пошевельнутся; нѣтъ улыбки на розовыхъ губахъ ихъ; не слышно свѣжаго, звучнаго смѣха, за минуту передъ тѣмъ оглашавшаго комнату; всѣ мускулы на этихъ полныхъ жизни личикахъ выразили какое-то напряженное вниманіе; тусклый и трепещущій свѣтъ разливаетъ кругомъ давно-забытая и страшно-нагорѣвшая свѣтильня сальной свѣчи; обычно-тихо и мѣрно дрожитъ древній голосъ древней няни, повторяющей старую сказку

Digitized by Google

о Змѣѣ-Горынычѣ... Люблю я это морщинистое лицо старой няни, люблю ея желтыя, костлявыя руки, люблю ея увѣренность, будто она дѣйствительно вяжетъ чулокъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ только спускаетъ одну петлю за другою; люблю ея воодушевленіе, ея сочувствіе къ высокой добродѣтели Полкана-богатыря, Бовы-королевича; люблю ея движеніе, когда она, внезапно помолодѣвъ и озаренная какою-то юною силою, стучитъ дряхлымъ кулакомъ по столу, приговаривая: «дернетъ Полканъ-богатырь за руку—рука прочь, схватитъ за голову—голова прочь»...

И сжимается дѣтское сердце страхомъ великимъ, и сочувствуетъ Ильѣ-Муромцу, слѣдитъ за борьбой его съ страшнымъ Соловьемъ-разбойникомъ, и робко вглядываются зоркіе глазки въ темный уголъ комнаты, высматривая, нѣтъ ли тамъ Бабы-Яги, не затаился ли гдѣ-нибудь ехидный Змѣй-Горынычъ, и весело смѣются и хлопаютъ дѣти въ ладоши, когда няня неопровержимыми доводами доказываетъ имъ, что Змѣй-Горынычъ давно околѣлъ и издохъ, гадина, стараніями добродѣтельныхъ витязей... И сладко засыпаютъ они, рѣзвыя дѣти, и самыя розовыя мечты убаюкиваютъ юныя воображенія ихъ, точно такъ же, какъ убаюкиваютъ онѣ и того господина, который сквозь туманъ и вѣтеръ ѣдетъ-себѣ въ уютной каретѣ своей, между прочимъ, твердо увѣренный, что ни туманъ, ни вѣтеръ не огорчатъ пухлыхъ и благовоспитанныхъ щекъ его.

Но не въ каретѣ ѣхалъ, а шелъ-себѣ скромно пѣшкомъ Иванъ Самойлычъ, и потому весьма естественно, что петербургскій осенній вечеръ утрачивалъ въ его глазахъ свой благонамѣренный характеръ. Холодный и рѣзкій вѣтеръ, дувшій ему въ самое лицо, не навѣвалъ на него сладостной дремоты, не убаюкивалъ его воспоминаніями дѣтства, а жалобно и тоскливо стоналъ около него, нагло набрасывалъ ему на глаза капюшонъ его шинели и съ видимымъ недоброжелательствомъ насвистывалъ въ уши одинъ и тотъ же знакомый припѣвъ: «озябъ, бѣдный человѣкъ! хорошо

Digitized by Google

бы бѣдному человѣку у огня, да въ теплой комнатѣ! да нѣтъ у него ни огня, ни теплой комнаты! озябъ, озя-ябъ, бѣдный человѣкъ!»

Конечно, и въ ступающемъ по грязи человѣчествѣ рождались кой-какія мысли по поводу дождя, вѣтра, слякоти и другихъ непріятностей; но это были скорѣе мысли черныя и неблагонамѣренныя, вращавшіяся бо̀льшею частью около того пункта, что есть, дескать, въ мірѣ, и даже въ самомъ Петербургѣ, люди сытые, которые ѣдутъ теперь въ каретахъ, которые сидятъ-себѣ покойно въ театрахъ или просто до̀ма, одинъ-на-одинъ съ нѣжною подругою; но что этотъ господинъ, ѣдущій въ каретѣ, мигающій изъ креселъ смазливенькой и затѣйливо поднимающей ножку актрисѣ, сидящій одинъ-на-одинъ съ миловидной подругой и прочая—вовсе не оно, странствующее во мракѣ грязи и невѣжества человѣчество, а совсѣмъ иной, совершенно ему незнакомый господинъ...

«Что же за доля моя горькая! — думалъ Иванъ Самойлычъ, всходя по грязной и темной лѣстницѣ въ четвертый этажъ:—ни въ чемъ-то мнѣ счастія нѣтъ... Право, лучше бы не ѣхать сюда, оставаться бы въ деревнѣ! А то и голодно-то, и холодно»...

Въ дверяхъ его встрѣтила хозяйка квартиры, Шарлотта Готлибовна Гётлихъ, у которой онъ нанималъ весьма маленькую комнату съ подслѣповатымъ окномъ, выходившимъ на самую помойную яму. Шарлотта Готлибовна взглянула на него недовѣрчиво и покачала головой; въ первой комнатѣ раздавались шумные голоса собравшихся нахлѣбниковъ; голоса эти непріятно поразили слухъ Ивана Самойлыча. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ какъ-то задумчивъ, сдѣлался мизантропомъ, убѣгалъ всякой компаніи и вообще велъ себя довольно странно.

И нынче, какъ всегда, пробрался онъ потихоньку въ свою комнату, молча выпилъ поданный ему стаканъ чая, безсознательно выкурилъ обычную трубку вакштафа и на-

Digitized by Google

чалъ думать... На этотъ разъ мыслей оказалось нестерпимомного, и все такія чудныя, одна другой страннѣе.

Въ сущности, дѣло было чрезвычайно просто и немногосложно. Обстоятельства Ивана Самойлыча были такъ плохи, такъ плохи, что, просто, хоть въ воду. Россія—государство обширное, обильное и богатое, да человѣкъ-то глупъ, мретъ-себѣ съ голоду въ обильномъ государствѣ!

А тутъ, кромѣ безденежья, еще и другія горести завязались и окончательно сбили съ толку героя нашего. Припоминая все, что̀ сдѣлалъ онъ, со времени отбытія изъ дома родительскаго, въ обезпеченіе своего голоднаго желудка, господинъ Мичулинъ впервые усомнился, дѣйствительно ли поступалъ онъ въ этомъ дѣлѣ какъ слѣдуетъ, и не обманывалъ ли себя насчетъ покорности, уклоненія, добронравія и другихъ полезныхъ добродѣтелей.

Впервые, какъ будто бы сквозь сонъ, мелькнуло у него въ мозгу, что отцовскій кодексъ житейской мудрости требовалъ безотлагательнаго и радикальнаго исправленія, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ скорѣе нуженъ наскокъ и напоръ, нежели безмолвное склоненіе головы.

Но малый-то онъ былъ по преимуществу скромный и безотвѣтный, да при томъ же и оробѣлъ ужасно. Пріѣхалъ онъ въ Петербургъ изъ провинціи; жизнь казалась въ розовомъ цвѣтѣ; люди смотрѣли умильно и добродѣтельно, скидали другъ передъ другомъ шляпы чрезвычайно учтиво, жали другъ другу руки съ большимъ чувствомъ... И вдругъ оказалось, что люди-то они все-таки себѣ-на-умѣ, такіе люди, что въ ротъ пальца имъ не клади! Ну, куда же тутъ соваться съ системою смиренномудрія, терпѣнія и любви!

И куда ни обернется онъ, за что̀ ни схватится—все вокругъ него глядитъ какъ будто самостоятельно. Шелъ онъ, напримѣръ, давеча по Невскому — навстрѣчу начальникъ отдѣленія идетъ, и крестъ на шеѣ, и видъ такой привлекательный... А вѣдь еще молодой человѣкъ! Конечно, онъ ужъ и полноватъ, и съ брюшкомъ, а все-таки молодой че-

Digitized by Google

ловѣкъ. Вотъ и онъ тоже молодой человѣкъ, а не начальникъ отдѣленія... Что̀ за притча такая!

Встрѣтилъ онъ также щегольскія дрожки; лошади отличныя, пристяжная такъ и подкидываетъ, въ дрожкахъ ѣдетъ господинъ съ орлинымъ носомъ и проницательными глазами смотритъ на міръ, какъ будто взоромъ хочетъ провертѣть дыру во вселенной.

— Смотрите-ка, — говорятъ кругомъ: — это В*** ѣдетъ! Пройдоха, кулакъ, бестія! А вѣдь что за голь, что за голь-то была! Просто, съ позволенія сказать, въ одной рубашкѣ хаживалъ.

И между тѣмъ В*** еще молодой человѣкъ, да вѣдь и онъ, Мичулинъ, молодой человѣкъ, а не ѣздитъ же въ щегольскихъ дрожкахъ!

А вонъ и еще молодой человѣкъ,—этотъ даже совсѣмъ розовый молодой человѣкъ, а вѣдь на немъ одно пальто рублей шестьсотъ стóитъ; онъ и веселъ, и безпеченъ, всѣ движенія его живы и непринужденны, смѣхъ его звонокъ и свободенъ, глаза бодры и свѣтлы, на щекахъ здоровье ключомъ бьетъ. Актриса ли мимо проѣдетъ—улыбнется ему, да и онъ актрисѣ улыбнется; важный человѣкъ встрѣтится—руку ему жметъ, шутитъ съ нимъ, смѣется!..

— Этотъ молодой человѣкъ—князь С***,—говорятъ всѣ кругомъ... Да вѣдь и Иванъ Самойлычъ молодой человѣкъ, а онъ ужъ и хилъ, и желтъ, и согнутъ, да и актриса ему не улыбается...

Да ужъ что̀ тутъ далеко ходить, въ отвлеченности пускаться! Въ одинаковой съ нимъ сферѣ, подлѣ него, всѣ нахлѣбники пользуются хоть какою-нибудь ролью, какимъ-нибудь значеніемъ, однимъ словомъ, дѣйствуютъ какъ люди взрослые и самостоятельные... Иванъ Макарычъ Пережига, напримѣръ, былъ нѣкогда мирнымъ деревенскимъ жителемъ и затравилъ на своемъ вѣку не одну сотню зайцевъ. Конечно, и зайцы, и деревня—все это было ужъ очень давно; конечно, въ настоящую минуту Иванъ Макарычъ пользо-

Digitized by Google

вался нѣсколько двусмысленною репутаціей насчетъ способовъ жизни, да вѣдь въ этомъ виновна ужъ собственная его блудная натура, да при томъ хоть какъ-нибудь, а доставалъ-таки онъ себѣ кусокъ хлѣба. Жилъ тутъ же и Вольфгангъ Антонычъ Беобахтеръ, философіи кандидатъ; этотъ служилъ, а въ свободное отъ занятій время игралъ на гитарѣ различныя бравурныя аріи. Вмѣстѣ съ нимъ проживалъ еще Алексисъ Звонскій, чрезвычайно свѣдущій и ученый молодой человѣкъ; этотъ писалъ стихи, ставилъ фельетонъ въ газету. Наконецъ, рядомъ съ Иваномъ Самойлычемъ обитала Наденька Ручкина: и она была дѣвица свѣдущая, хотя только по своей части...

Мысль эта давно ужъ воромъ кралась въ сердце Ивана Самойлыча, и вдругъ зависть, глубокая, но безсильная и робкая, закипѣла въ груди его. Всѣ, рѣшительно всѣ оказывались съ хлѣбомъ, всѣ при мѣстѣ, всѣ увѣрены въ своемъ завтра; одинъ онъ былъ будто лишній на свѣтѣ; никто его не хочетъ, никто въ немъ не нуждается.

— Да что же я въ самомъ дѣлѣ такое?—говорилъ онъ, прогуливаясь мелкимъ шагомъ по комнатѣ.—Отчего же на меня, именно на меня, обрушиваются всѣ несчастія? отчего другіе живутъ, другіе дышутъ, а я и жить, и дышать не смѣю? Какая же моя роль, какое мое назначеніе?..

— Жизнь—лотерея!—началъ-было по привычкѣ отцовскій кодексъ житейской мудрости:—смиряйся и терпи!

— Оно такъ,—подзыкалъ, между тѣмъ, какой-то недоброжелательный голосъ:—да почему же она лотерея, почему жъ бы не быть ей просто жизнью?

Иванъ Самойлычъ задумался.

«Вѣдь хоть бы этотъ князь,—думалъ онъ:—вотъ, онъ и счастливъ, и веселъ... Отчего жъ именно онъ, а не я? Отчего бы не мнѣ уродиться княземъ?»

И мысли все росли и росли и принимали самыя странныя формы.

— Да что же я, что же я такое?—повторялъ онъ, съ

Digitized by Google

безсильною злобой ломая себѣ руки.—Вѣдь годенъ же я на что-нибудь, есть же гдѣ-нибудь для меня мѣсто! Гдѣ жъ это мѣсто, гдѣ оно?

Такъ вотъ какая странная струна задребезжала вдругъ въ сердцѣ Ивана Самойлыча, и задребезжала такъ назойливо и бойко, что онъ уже и самъ, по обычной своей робости, не радъ былъ, что вызвалъ ее.

И всѣ предметы вокругъ него смотрѣли какъ-то подозрительно и странно, принимали такую настойчивую, вопрошающую физіономію, какъ будто тащили его за воротникъ, душили за горло и, приставивъ къ его лбу холодное дуло пистолета, сиплымъ басомъ допрашивали его: отвѣчай же намъ, что же ты въ самомъ дѣлѣ такое?!

Блѣдный, испуганный, упалъ онъ на кресло, закрылъ руками лицо и горько заплакалъ...

Въ головѣ его внезапно отчетливо нарисовался деревенскій его домъ, родитель въ вязанной изъ шерсти ермолкѣ, мать, вѣчно болѣющая зубами и съ вѣчно подвязанною щекою, отецъ-дьяконъ съ дьяконицею, отецъ-іерей съ попадьею... Какъ все тамъ просто, какъ дышитъ все деревенскою, буколическою тишиною, какъ зоветъ все къ отдохновенію и успокоенію!.. И зачѣмъ было оставлять все это? Зачѣмъ было мѣнять извѣстное, полное самыхъ пріятныхъ и вкусныхъ ощущеній, на неизвѣстное, чреватое горестями, огорченіями и другимъ дрязгомъ? Зачѣмъ было соваться съ кротостью и смиреніемъ туда, гдѣ нужны дерзость и упрямое преслѣдованіе цѣли?

А между тѣмъ въ сосѣдней комнатѣ раздался знакомый Ивану Самойлычу голосокъ, напѣвавшій извѣстную арію изъ «Русалки»:

Прійди въ чертогъ ко мнѣ златой,
Прійди, о, князь мой дорогой!..

Голосокъ былъ небольшой, но необыкновенно мягкій и свѣжій. Господинъ Мичулинъ невольно началъ прислушиваться къ пѣнію и задумался... И думалъ онъ много и

Digitized by Google

сладко думалъ, потому что въ знакомомъ маленькомъ голосѣ было что-то юное, какъ будто дающее крылья его утомленному воображенію.

Странное дѣйствіе производятъ на насъ иногда самыя ничтожныя, повидимому, явленія! Часто самаго пустого обстоятельства, просто звуковъ какой-нибудь нелѣпой шарманки или голоса разносчика, тоскливо и протяжно вопіющаго: «игрушки дѣтскія, игрушки продать!» достаточно для того, чтобъ разстроить всю умственную систему какого-нибудь важнаго господина, разбить въ прахъ всѣ эти штуки и экивоки, которые на пагубу человѣчества въ головѣ его строятся...

Такъ точно было и съ пѣсенкой, вылетавшей изъ сосѣдней комнаты. Пѣсенка была самая простая, лилась-себѣ ровно и безъ претензій, и вдругъ поразила слуховой органъ Ивана Самойлыча, и, сама не зная какъ, совершенно разстроила всѣ его соображенія о смыслѣ и значеніи жизни, о конечныхъ причинахъ, и такъ далѣе. И сталъ-было господинъ Мичулинъ самъ подпѣвать и звать къ себѣ дрожащимъ голосомъ дорогого князя, сталъ бить ногою тактъ и улыбаться и покачивать головой... Но вотъ тихо-тихо замеръ послѣдній звукъ пѣсенки, еще разъ, и ужъ въ послѣдній разъ, стукнула въ тактъ нога Ивана Самойлыча, еще разъ ускоренно стукнуло его сердце, и вдругъ ничего не стало слышно, и прежняя темнота опустилась на его душу, прежній холодъ охватилъ сердце...

Потому что не онъ, а другой былъ тотъ дорогой князь, котораго звала пѣсенка въ золотые чертоги; потому что ему наотрѣзъ было сказано, «что ужъ чему не быть, такъ ужъ не бывать, и безпокоиться о томъ не извольте»...

Съ горя, чтобъ хоть сколько-нибудь разсѣять печальныя мысли свои, рѣшился онъ отправиться въ общую комнату.

II.

Тамъ, въ облакахъ табачнаго дыма, бесѣдовала вся обычная компанія Шарлотты Готлибовны.

Digitized by Google

На первомъ планѣ плотно сидѣлъ Иванъ Макарычъ Пережига. Онъ былъ въ венгеркѣ весьма лихого покроя и въ настоящую минуту курилъ табакъ изъ саженнаго черешневаго чубука. Исторія господина Пережиги весьма проста. Жилъ онъ нѣкогда въ малороссійской своей деревнѣ, травилъ зайцевъ, и вдругъ—кто его знаетъ!—запилъ ли онъ, проигрался ли въ пухъ, или просто другія какія-нибудь независящія обстоятельства приключились—только въ одно прекрасное утро и зайцы, и деревня какъ-то исчезли, и онъ принужденъ былъ отправиться искать счастія въ Петербургъ. Малый былъ онъ видный, сильный и плотный, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, и потому не остался долго безъ занятія... Вообще, съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился у Шарлотты Готлибовны, благодарная нѣмка стала какъ-то благопріятнѣе смотрѣть на міръ, чаще улыбалась и несравненно больше послабленій и льготъ оказывала нахлѣбникамъ.

Жизнь Иванъ Макарычъ велъ беззаботную и веселую. Вставалъ онъ рано; утромъ ходилъ обыкновенно въ ближайшій трактиръ, выпивалъ рюмку горьчайшей, сыгрывалъ, не переставая, партій двадцать въ бильярдъ, къ которому съ малолѣтства питалъ весьма нѣжную страсть; иногда онъ давалъ и десять, и пятнадцать впередъ, иногда ему давали впередъ пятнадцать и десять...

Доканавъ такимъ образомъ утро, онъ уходилъ домой обѣдать, а вечеромъ обыкновенно передавалъ слушателямъ эпизоды изъ своего безвозвратно минувшаго благоденствія; разсказывалъ разные любопытные случаи, бывшіе съ нимъ во времена его ожесточенныхъ войнъ противъ волковъ, зайцевъ и другихъ животныхъ, которыхъ онъ называлъ общимъ, но нѣсколько темнымъ именемъ «скотовъ» и «подлецовъ».

Изъ этого видно, что жизнь Ивана Макарыча какъ нельзя лучше содѣйствовала его растительнымъ и воспроизводительнымъ силамъ.

Digitized by Google

Характеръ имѣлъ онъ отъ природы веселый, но не лишенный легкаго сардоническаго оттѣнка. Онъ охотно любилъ подшутить надъ учеными и не пропускалъ никогда случая сказать бѣлокурому Алексису, который въ наукахъ, что называется, собаку съѣлъ и читалъ-таки на своемъ вѣку и Бруно Бауера, и Фейербаха:

— Ну, а что, Бинбахеръ-то все на своемъ стоитъ? все говоритъ, что того-то нѣтъ... главнаго-то, набольшаго-то и нѣтъ? Бестія, бестія этотъ Бинбахеръ! Ужъ эти мнѣ нѣмцы!.. Вотъ тутъ они, тутъ у меня сидятъ!

Иванъ Макарычъ ударяетъ себя при этомъ плашмя ладонью по горлу, желая этимъ выразить, что зарѣзали, дескать, его нѣмцы, и не безъ лукавства посматривалъ на Шарлотту Готлибовну, которая и краснѣла, и улыбалась въ одно и то же время, и съ дѣтски-наивнымъ простодушіемъ отвѣчала:

— О, ви очень любезни кавалиръ, Иванъ Макарвичъ!

Но при этомъ оставалось покрытымъ непроницаемою тайной, кого именно разумѣлъ господинъ Пережига подъ неблагозвучнымъ именемъ Бинбахера—Фейербаха или Бруно Бауера.

По лѣвую сторону отъ Пережиги рисовалась сама хозяйка квартиры. Это была длинная, прямая и тощая фигура, какъ будто бы сейчасъ проглотившая аршинъ. Движенія благородной нѣмки отличались какою-то особенною апатичностью и дубоватостью, непріятно поражавшею взоръ. Какъ будто всѣ ея мысли, весь ея организмъ устремились въ одну сторону — къ любезному ея другу, Ивану Макарычу. Она съ нѣмымъ подобострастіемъ смотрѣла ему въ глаза, съ самодовольною улыбкою прислушивалась къ звукамъ его богатырскаго голоса, какъ будто хотѣла всѣмъ и каждому на стѣнѣ зарубить, что это, дескать, все мое; все, что вы тутъ ни видите — принадлежитъ мнѣ, мнѣ безъ раздѣла.

Лицо ея было худощаво и покрыто красными пятнами;

Digitized by Google

глаза маленькіе, выражавшіе какое-то ненасытное нахальство; углы губъ опущены и желудокъ выдавался несоразмѣрно впередъ.

Едва раскрылъ Иванъ Макарычъ ротъ, чтобъ сказать слово, какъ и она, въ свою очередь, спѣшила показать рядъ острыхъ и кривыхъ зубовъ, и начинала улыбаться, смотрѣла ему томно въ глаза и, по окончаніи его рѣчи, гордо окидывала взоромъ все общество.

По всему было видно, что она оставалась совершенно довольна своей судьбою и въ особенности не могла достаточно нахвалиться Пережигою.

Кромѣ хозяйки и Пережиги, въ комнатѣ находились еще два лица: кандидатъ философіи Вольфгангъ Антонычъ Беобахтеръ и недоросль изъ дворянъ Алексисъ Звонскій.

Беобахтеръ, маленькій и приземистый, быстрыми, но мелкими шагами ходилъ по комнатѣ, бормоталъ себѣ подъ носъ какія-то заклинанія, и при этомъ безпрестанно дѣлалъ рукою самое крошечное движеніе сверху внизъ, твердо намѣреваясь изобразить имъ паденіе какой-то фантастической и чудовищно-колоссальной карательной машины.

Алексисъ, вытянутый и сухой, сидѣлъ около стола и, устремивъ влажные глаза въ потолокъ, обрѣтался въ совершенномъ оптимизмѣ. Молодой человѣкъ размышлялъ въ эту минуту о любви къ человѣчеству и по этому случаю сильно облизывалъ себѣ губы, какъ будто послѣ вкуснаго жирнаго обѣда.

По обыкновенію, дѣло шло о вещахъ, вызывающихъ на размышленіе, и таинственный Бинбахеръ оказывался совершеннымъ подлецомъ.

— Я вамъ говорю, все они врутъ, бестіи!—кричалъ Пережига:—ужъ какъ же тутъ безъ «него» обойдешься! Это въ ихней землѣ — ну, тамъ точно... тамъ оно можно! А у насъ... да вы только сообразите, вы только подумайте!

— О, какъ это правда, о какъ это очень правда!—воскликнула Шарлотта Готлибовна, подобострастно глядя въ

Digitized by Google

самое лицо своему другу и такъ близко наклонившись къ нему, какъ будто хотѣла положить ему въ ротъ длинный и сухой носъ свой.

Господинъ Беобахтеръ самымъ мягкимъ теноромъ поспѣшилъ объявить, что, несмотря на это, онъ «все-таки надѣется», и тутъ же почелъ за долгъ съ необычайной граціей отмахнуть голову какому-то фантастическому, но, тѣмъ не менѣе, закоренѣлому врагу преобразованій,—преобразованій таинственныхъ, но уже заранѣе во всей подробности нарисовавшихся въ его воображеніи.

— Вы матеріалистъ, Иванъ Макарычъ!—отозвался Алексисъ:—вы не понимаете, какая сладость заключается въ словѣ «надежда»! Безъ надежды холодно, сухо, безотрадно! Однимъ словомъ, безъ надежды нѣтъ любви—вотъ искреннее убѣжденіе моего сердца!

Надо сказать разъ навсегда, что Алексисъ въ стихахъ своихъ постоянно изображалъ груди, вспаханныя страданіемъ, чела, взбороненныя горькою мыслью, и щеки, вскопанныя тоскою, но о чемъ были эти «страданіе, горе и тоска»—тайна эта была глубоко скрыта во мракѣ его мозгового вещества.

— Пожалуй-себѣ надѣйся! Вотъ и онъ надѣется, — прервалъ Пережига, указывая на Ивана Самойлыча:—да вѣдь яйцо выѣденное развѣ получить!

Всѣ взоры обратились на Мичулина. Онъ стоялъ у печки блѣдный и задумчивый, какъ будто бы самъ глубоко чувствовалъ свое ничтожество. Сначала и онъ сталъ-было прислушиваться къ общему разговору, хотѣлъ-было и свое словечко какъ-нибудь ввернуть; но разговоръ былъ сухой и ученый, да при томъ же къ нему и не обращался никто, какъ будто всѣ молчаливо соглашались между собой, что для ученаго разговора онъ не годится.

— Ну, что, какъ дѣлишки?—обратился къ нему Иванъ Макарычъ.

Digitized by Google

Мичулинъ не отвѣчалъ, но еще унылѣе прежняго окинулъ взоромъ компанію.

— Говорилъ я тебѣ, душа ты горькая,—продолжалъ Пережига:—говорилъ тебѣ: поѣзжай въ деревню! ужъ гдѣ тебѣ тутъ! Сирота-сиротой выглядишь, а туда же лѣзешь!

Шарлотта Готлибовна никакъ не упустила случая, чтобъ тутъ же не удивиться высокой справедливости замѣчаній своего любезнаго друга, а Беобахтеръ все сильнѣе и сильнѣе наяривалъ ручонкою завѣтное движеніе сверху внизъ.

— А по-моему, вы очень хорошо сдѣлали, что остались здѣсь,—сказалъ онъ, быстро остановившись передъ Мичулинымъ и пристально смотря ему въ глаза.

Постоявъ съ полминуты, онъ приложилъ палецъ къ губамъ и самымъ вкрадчивымъ теноромъ продолжалъ:

— Вѣдь въ наши дни спасительно страданіе!

— Страданіе есть удѣлъ человѣка на землѣ, — началъ было Алексисъ:—страдать и любить...

Беобахтеръ сдѣлалъ отрицательный жестъ головою, давая тѣмъ знать, что Алексисъ совершенно не въ ту сторону перетолковывалъ слова его.

— Страданіе тѣмъ пріятно,—говорилъ онъ такимъ равнодушнымъ тономъ, какъ будто дѣло шло о чрезвычайно вкусномъ обѣдѣ:—тѣмъ пріятно, что вотъ, какъ тутъ прихлопнетъ, да тамъ притиснетъ, да въ другомъ мѣстѣ, тогда...

И онъ съ особеннымъ наслажденіемъ напиралъ на слова «прихлопнетъ» и «притиснетъ».

— Нѣтъ, я съ тобой никакъ не могу согласиться,—возразилъ Алексисъ, вовсе не стараясь доискиваться, что̀ будетъ послѣ таинственнаго «тогда».

Иванъ Самойлычъ рѣшительно не зналъ, къ чьей партіи ему пристать: къ Беобахтеру ли, доказывавшему несомнѣнную полезность страданія, къ Алексису ли, тоже прописывавшему страданіе какъ лѣкарство отъ всего, но по какому-то странному обстоятельству никакъ не соглашавшемуся съ кандидатомъ философіи, или, наконецъ, къ Пере-

Digitized by Google

жигѣ, увѣрявшему по чести, что все это вздоръ, а вотъ, дескать, у него спросите, такъ онъ знаетъ.

— Любовь хорошо, отчего жъ и не любовь?—говорилъ, между тѣмъ, Беобахтеръ, какъ будто бы обращаясь единственно къ Ивану Самойлычу, а на самомъ дѣлѣ видимо желая уязвить Алексиса:—да любовь послѣ, а прежде-то... Вы меня понимаете? — продолжалъ онъ, еще пристальнѣе смотря въ глаза Ивану Самойлычу.

— Догадываюсь,—отвѣчалъ робко Мичулинъ.

— Отчего же *послѣ* любовь? — приставалъ Алексисъ.— И теперь любовь, и потомъ любовь! Зачѣмъ этотъ ригоризмъ!

И умолкъ, какъ будто бы словомъ «ригоризмъ» онъ насквозь проткнулъ своего противника.

Иванъ Самойлычъ, между тѣмъ, собрался съ мыслями и замѣтилъ компаніи, что, конечно, можетъ-быть, любовь и страданіе—вещи полезныя и спасительныя, да обстоятельства-то его изъ рукъ вонъ плохи, имъ-то какъ помочь? Страданіе, дескать, хлѣба не даетъ, любовь тоже не кормитъ... Такъ нельзя ли ужъ что-нибудь такое придумать, что̀ бы онъ могъ примѣнить къ дѣлу.

На это Беобахтеръ забормоталъ что-то объ индивидуализмѣ; говорилъ, что думать о себѣ подло; что если онъ и погибнетъ, то это ничего не значитъ, и даже въ нѣкоторомъ отношеніи принесетъ несомнѣнную пользу для будущаго, какъ реактивъ.

— Да, какъ ррреактивъ! — повторилъ онъ, метая изъ крошечныхъ глазъ молніи.

Вообще, кандидатъ философіи въ этомъ случаѣ совершенно не пощадилъ личности Ивана Самойлыча; но такъ какъ Алексисъ остался такимъ объясненіемъ совершенно доволенъ, то Беобахтеръ счелъ за нужное тутъ же присовокупить, что все-таки любовь *потомъ*, а прежде...

— Да что ты ихъ слушаешь!—вступился Иванъ Макарычъ. — Нѣтъ, видно, вы и Бинбахера-то только такъ говорите, что читали! По-моему, ты просто ступай въ де-

Digitized by Google

ревню, да храпи себѣ на боку! Право, славное будетъ житье! Такъ, что ли?

Иванъ Самойлычъ робко усмѣхнулся; его самого ужъ давно ласкала эта лакомая перспектива.

— А то, братъ, пропадешь, ей-Богу, пропадешь!—продолжалъ Пережига:—или запьешь съ горя—ужъ я знаю!

Послѣдовало нѣсколько минутъ молчанія.

— Оно, конечно, водка,—снова началъ Пережига:—отчего бы и не выпить: и въ глазахъ свѣтлѣе, и на людей веселѣе смотрѣть, да и горя не чувствуешь... Да вѣдь она водка-то, воръ! она познаніе есть зла и добра!

Мичулинъ стоялъ у печки блѣднѣе прежняго; Беобахтеръ искоса поглядывалъ на него, какъ Бертрамъ на Роберта, и весьма затѣйливо улыбался; Алексисъ не слушалъ: онъ закатилъ глаза подъ лобъ и бесѣдовалъ съ человѣчествомъ.

— Вотъ и у насъ въ трактиръ отставной чиновникъ ходитъ,—продолжалъ Пережига:—весь трясется, такой оборванный да ощипанный, и глаза гноятся, и руки дрожатъ: кажется, въ чемъ душа держится, а все пристаетъ: поднеси, дескать, Емелѣ водочки... Да хоть бы польза какая была, а то отъ водки-то только коробитъ его да жжетъ...

Снова минута напряженнаго молчанія.

— А вотъ вѣдь и чиновникъ былъ, въ службѣ служилъ, мундиръ носилъ, да и не Емелей, а Даниломъ Александрычемъ прозывался, а ужъ Емелей-то это такъ, послѣ, трактирные прозвали! Да вотъ выгнанъ былъ изъ казеннаго мѣста, выгналъ его хозяинъ за неплатежъ на улицу—ну, онъ съ горя рюмочку, потомъ другую, а тамъ и пошелъ... Познаніе есть зла и добра!

Послѣдовало опять нѣсколько секундъ тягостнаго молчанія.

— А впрочемъ, по мнѣ, какъ знаешь!—продолжалъ Пережига, обращаясь къ Мичулину.—Оно, конечно, коли хочешь, онъ и счастливъ: дали ему водки — онъ и забылъ, что въ разодранныхъ сапогахъ ходитъ... Право, такъ!

Digitized by Google

И внезапно, по какому-то непостижимому сцѣпленію идей, на Пережигу напалъ припадокъ сантиментальности, и онъ сталъ восторгаться тѣмъ, что̀ за минуту выставлялъ въ глазахъ Ивана Самойлыча какъ вещь, которой должно всячески остерегаться. Шарлотта Готлибовна тоже круто перемѣнила образъ мыслей и заранѣе глубоко вздохнула.

— Да еще какъ счастливъ-то, — говорилъ Иванъ Макарычъ: — пуще князя всякаго счастливъ! подитка ты, чай, какіе ему сны видятся! не надо ему ни дворцовъ, ни палатъ! Вотъ она, школа жизни-то, вотъ! А то что̀ вы тутъ съ Бинбахеромъ! въ Сибирь его, Бинбахера, на каторгу его!

Долго еще Иванъ Макарычъ не могъ успокоить своего филантропическаго потока, долго сидѣлъ онъ, покачивая головой и приговаривая: «право, не надобно ему ни дворцовъ, ни бархату; каждая слеза его»...

Наконецъ, всѣ какъ будто бы притихли. Беобахтеръ попрежнему граціозно двигалъ рукою сверху внизъ, но уже скорѣе безсознательно, нежели съ намѣреніемъ; Алексисъ еще болѣе облизывалъ себѣ губы, бесѣдуя съ человѣчествомъ; Иванъ Самойлычъ конфузился и выводилъ кой-какія заключенія изъ видѣннаго и слышаннаго.

Въ это время часы уныло зазвенѣли одиннадцать. Но и часы били на этотъ разъ какъ-то особенно злонамѣренно. Ивану Самойлычу показалось, будто каждое біеніе часового колокольчика заключало въ себѣ глубокій смыслъ и съ упрекомъ говорило ему: «каждая дуга, которую описываетъ маятникъ, означаетъ канувшую въ вѣчность минуту твоей жизни... Да жизнь-то эту на что̀ ты употребилъ, и что̀ такое все существованіе твое?»

Отчего же прежде никогда не говорилъ ему этого бой часовъ? отчего прежде окружавшіе его предметы не смотрѣли на него съ такимъ вопросительнымъ, испытующимъ видомъ?

И едва начиналъ онъ въ умѣ своемъ развивать движеніе руки Беобахтера, какъ въ мозгу его зарождалась дру-

Digitized by Google

гая мысль, совершенно въ pendant къ этому движенію— мысль страшная, давно не дававшая ему покоя, и которая была не что иное, какъ извѣстное уже читателю изъ первой главы: «Кто ты таковъ? Какая твоя роль? Жизнь—лотерея» и проч.

И потомъ все это исчезало, и на сцену являлся полусгнившій, дрожащій старикъ и, указывая на водку, говорилъ: «познаніе есть зла и добра».

— Да вѣдь и не Емеля былъ онъ совсѣмъ, а, слышь ты, Данило Александрычъ, и служилъ нѣкогда, и молодъ былъ нѣкогда, да вотъ выгнали же его изъ службы — и сталъ онъ Емелей, по милости добрыхъ людей.

Съ ужасомъ и содроганіемъ вспоминалъ Иванъ Самойлычъ этотъ странный анекдотъ; въ головѣ его вдругъ пробѣжала мысль: «а ну, какъ и я Емеля?» да тутъ же и примерзла къ мозгу — до такой степени эта мысль испугала его...

Въ такомъ именно настроеніи духа подошелъ онъ къ своей комнатѣ, какъ вдругъ за сосѣднею дверью, ведшей въ уединенное жилище дѣвицы Ручкиной, послышался шорохъ. Сердце его забилось; чудная пѣсенка назойливѣе прежняго зазвучала въ ушахъ, и все звала, все звала... дорогого князя...

«Идти, или не идти?»—думалъ Иванъ Самойлычъ.

А между тѣмъ ужъ стучался.

— Кто тамъ?—раздался за дверью знакомый свѣженькій голосокъ.

— Это я... вы не почиваете, Надежда Николаевна?

— Нѣтъ, не сплю... войдите.

Иванъ Самойлычъ вошелъ; передъ нимъ стояло маленькое, уютное существо, но до того живое и вертлявое, что въ одно и то же время видѣлось во всѣхъ углахъ комнаты; существо розовое и свѣжее, облеченное только большимъ подъ кашемиръ платкомъ, плохо скрывавшимъ пріятную нѣжность ея формъ и безпрестанно распахивавшимся

Digitized by Google

по причинѣ неимовѣрной живости движеній маленькаго существа.

«У, какая игривая!»—была первая и совершенно естественная мысль Ивана Самойлыча, но мысль, подобно молніи, промелькнувшая минутно и скрывшаяся, какъ въ тучѣ, въ мозговомъ лабиринтѣ своего владѣльца.

— Что это вы сегодня такъ долго засидѣлись, Иванъ Самойлычъ?—отозвалось, между тѣмъ, маленькое существо, переходя отъ одного комода къ другому, отъ стола къ кровати, подбирая съ полу разныя ниточки, бумажки и все прибирая къ сторонкѣ, чтобы ничего не пропало втунѣ, потому что впередъ на черный день пригодится.

— Да я такъ-съ... я насчетъ того-съ...—бормоталъ сконфуженный Мичулинъ.

— То-есть, какъ же насчетъ того? Ужъ опять не насчетъ ли прежняго? И-и-и не думайте, Иванъ Самойлычъ!

Мичулинъ молчалъ, хоть внутренно и скорбѣлъ, быть-можетъ, о томъ, что ему даже и думать было запрещено.

— А я въ театрѣ была... сегодня «Уголино» давали... до страсти люблю трагедіи... А вы?

Иванъ Самойлычъ съ любовью смотрѣлъ на Наденьку и какъ будто бы соображалъ, какимъ образомъ это крошечное, совершенно водевильное тѣльце могло до такой степени пристраститься къ трагедіи.

— Господинъ Каратыгинъ игралъ... ужъ я плакала-плакала... И какой видный мужчина! Я до смерти люблю плакать...

Господинъ Мичулинъ даже хихикнулъ отъ умиленія.

— Такъ вы весело провели вечеръ? — спросилъ онъ, а глаза его, между тѣмъ, все сильнѣе и сильнѣе разгорались.

— Очень весело! Я вамъ говорю, я ужасти какъ плакала... особливо, когда эта душка Вероника...

— Съ вами былъ кто-нибудь?

— Да, кавалеръ... онъ, видите, былъ прежде мой же-

Digitized by Google

нихъ, когда я еще у родителей жила... сватался за меня... Такой тоже видный изъ себя мужчина, яблокъ намъ купилъ... Да я все плакала, мнѣ не до яблокъ было...

Мичулинъ вздохнулъ.

— Что̀ вы сегодня такіе скучные?—спросила Наденька.

— Да я такъ-съ...—отвѣчалъ онъ, снова запинаясь: — я ничего-съ...

Но Наденька все-таки поняла, въ чемъ дѣло; она тотчасъ же, по свойственной ей подозрительности, догадалась, что все это по тому дѣлу, по прежнему.

— Нѣтъ, нѣтъ, и не думайте, Иванъ Самойлычъ!—сказала она, волнуясь и махая руками.—Никогда, ни въ жизнь свою не получите!.. Ужъ я что̀ сказала, такъ ужъ сказала, мое слово свято: и не думайте!

И попрежнему съ невозмутимымъ равнодушіемъ маленькая женщина подбирала съ полу бумажки, перевѣшивала съ одной вѣшалки на другую разныя платья и юбки, безъ всякой, впрочемъ, совершенно надобности, а единственно изъ удовлетворенія живости и бойкости характера.

— Гм! въ жизнь!.. А что̀ такое *жизнь*? — соображалъ, между тѣмъ, господинъ Мичулинъ. — Вотъ въ томъ-то и штука, Надежда Николаевна, что̀ такое *жизнь*?.. Не есть ли это обманъ, мечтаніе пустое?

Наденька на минуту перестала суетиться и въ изумленіи остановилась посреди комнаты.

Передъ нею стоялъ все тотъ же ординарный господинъ Мичулинъ, котораго она аккуратно видала каждое утро и каждый вечеръ; все такъ же геморoидаленъ былъ цвѣтъ его испещреннаго рябинами лица, только на губахъ едва замѣтно играла не лишенная ѣдкости и самодовольствія улыбка, какъ будто бы говорила эта улыбка: «а что̀, задалъ я тебѣ, голубушка, загвоздку; на-тка, поди, раскуси ее!»

— То-есть, какъ же обманъ?—въ свою очередь, робко и нерѣшительно спросила Наденька, думая, что Иванъ Са-

Digitized by Google

мойлычъ потому, *вѣроятно*, заговорилъ объ обманахъ, что самъ намѣренъ употребить въ отношеніи къ ней какое-нибудь злостное ухищреніе.

— Да такъ-съ, обманъ, просто обманъ! Посудите сами: вѣдь если бы я въ самомъ дѣлѣ жилъ, я бы занималъ какое-нибудь мѣсто, игралъ бы какую-нибудь роль!

Наденька ужъ совершенно разувѣрилась и обдумывала, что̀ бы ей такое поднять съ полу.

— Такъ вы думаете, — сказала она съ разстановкою:— что тотъ только и живетъ, кто играетъ какія-нибудь роли?

Иванъ Самойлычъ понялъ, что подъ словомъ «роли» Наденька разумѣла исключительно тѣ, которыя играетъ господинъ Каратыгинъ, и поэтому не нашелся, что̀ отвѣчать.

— Гм!—сказала дѣвица Ручкина.

— Такъ я все вотъ насчетъ этого дѣла,—снова началъ Мичулинъ.

— То-есть, насчетъ чего же, Иванъ Самойлычъ? Если насчетъ того, то будьте совершенно покойны: ужъ я что̀ сказала, такъ ужъ сказала; а если насчетъ чего другого, извольте, я съ удовольствіемъ.

Иванъ Самойлычъ не отвѣчалъ; сердце его надрывалось; слова замирали на губахъ и даже что-то похожее на слезу сверкнуло въ глазахъ его... Въ который разъ получалъ онъ этотъ черствый отказъ!

— Оно не то, Надежда Николаевна,—говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ: — все бы еще снести можно! Да вѣдь *другіе*!.. Вѣдь другіе-то пьютъ, другіе ѣдятъ, другіе веселятся! Отчего же другіе?

Дѣйствительно ли несчастіе его происходило отъ того, что другіе живутъ, другіе веселы, или просто присутствіе маленькаго существа, къ которому самъ питаешь маленькую слабость, еще горчѣе дѣлаетъ наше горе—какъ бы то ни было, но герою нашему дѣйствительно сдѣлалось тяжко и обидно.

А между тѣмъ Наденька тоже задумалась: она, конечно,

Digitized by Google

замѣтила эту слезу, но все еще какъ-то думалось ей, что Иванъ Самойлычъ хитритъ, что все это онъ насчетъ того дѣла, насчетъ прежняго, а назначеніе и роль были тутъ только предлогомъ, чтобъ пустить ей пыль въ глаза, и, пользуясь ея ослѣпленіемъ, поставить-таки на своемъ.

— Да, оно, конечно, обидно,—сказала она тонко и деликатно, дѣлая видъ, какъ будто не замѣчаетъ, куда клонится рѣчь господина Мичулина: — да знаете ли, Иванъ Самойлычъ, ужъ не пойти ли вамъ спать?

Иванъ Самойлычъ сознался, что дѣйствительно ужъ поздно и что спать пора.

Лежа на одинокой постели своей, долго не могъ заснуть Иванъ Самойлычъ. Все ему чудилось живое, полненькое личико Наденьки, и свѣтло и роскошно рисовалась и суетилась передъ его глазами эта миніатюрная, уютная фигурка, вѣчно хлопочущая, вѣчно бѣгущая... И мерещится ему во мракѣ его комнаты, что вотъ сверкнула ея грудь, вотъ промелькнула около самыхъ его губъ крошечная ножка... и ловитъ онъ ее взглядомъ, и усиливается высмотрѣть въ густой темнотѣ это дорогое, мимолетное видѣніе, но тщетно! Во мглѣ тонетъ взоръ его, во мглѣ, въ глубокой, непроницаемой мглѣ, и не успѣваетъ онъ опомниться, какъ передъ нимъ стоитъ длинный и тощій вопросъ — вопросъ насмѣшливый и недоброжелательный, составляющій все несчастіе и гибель его бѣдной жизни.

И скорѣе закрылъ онъ глаза, чтобъ не видѣть этого больного, изнеможеннаго вопроса, и началъ думать о томъ, какъ было бы пріятно, если бы Наденька... О, если бы Наденька!.. если бы она знала, какъ бьется сердце бѣднаго Ивана Самойлыча, несчастнаго Ивана Самойлыча, каждый разъ, какъ долетаетъ до него ея маленькій, незатѣйливый голосокъ, поющій маленькую, незатѣйливую пѣсенку!.. Если бы она видѣла, другими глазами видѣла, какъ судорожно и трепетно сжимается это сердце, какъ прислушивается это ухо, какъ притопываетъ эта нога, какъ преображается и

Digitized by Google

озаряется внезапнымъ свѣтомъ и теплотою все это такъ долго зябнувшее на стужѣ и непогодѣ существо! Если бы она видѣла все это! И какъ смѣла и бойка была его мысль, какое будущее готовилъ онъ ей, этой дорогой, вѣчно незабвенной Наденькѣ! Не то чреватое горестями и лишеніями будущее, которое на самомъ дѣлѣ ждало ее, а будущее ровное и спокойное, гдѣ все такъ удобно и ловко слагалось, гдѣ всякое желаніе дѣлалось правомъ, всякая мысль становилась дѣломъ... Если бы знала она!

Но не видала, не знала она ничего! Обидна и груба казалась ей привязанность господина Мичулина, и тщетно раскрывалось сердце скромнаго юноши, тщетно играло воображеніе его: ему предстояла вѣчная и холодная, холодная мгла!

III.

Ужъ мозговое вещество Ивана Самойлыча подернулось пеленою, сначала мягкою и полупрозрачною, потомъ все болѣе и болѣе плотною и мутною; ужъ слуховой его органъ наполнился тѣмъ однообразнымъ и протяжнымъ дрожаніемъ, составляющимъ нѣчто среднее между отдаленнымъ звучаніемъ колокольчика и неотвязнымъ жужжаніемъ комара; ужъ мимо глазъ пронесся огромный, неохватимый взоромъ городъ, съ своими тысячами куполовъ, съ своими дворцами и съѣзжими дворами, съ своими шпицами, горделиво врѣзывающимися въ самыя облака, съ своею вѣчно шумною, вѣчно хлопочущею и суетящеюся толпою. Но вдругъ городъ смѣнился деревнею съ длиннымъ рядомъ покачнувшихся въ сторону избъ, съ сѣрымъ небомъ, сѣрою грязью и бревенчатою мостовой... Потомъ всѣ эти образы, сначала опредѣленные и различные, смѣшались: деревня украсилась дворцами, городъ обезобразился почернѣвшими бревенчатыми избами; у храмовъ привольно разрослись репейникъ и крапива; на улицахъ и площадяхъ толпились волки, голодные и кровожадные волки... и пожирали другъ друга.

Но вотъ и городъ исчезъ въ туманѣ, и деревня утонула

Digitized by Google

въ синемъ, неизглядномъ озерѣ, и волки скрылись далеко-далеко въ густые лѣса фантазіи Ивана Самойлыча... Но что же вдругъ такъ сладко поразило слухъ его, что защекотало вдругъ, зашевелило бѣдное его сердце? Съ тоскою и трепетомъ вслушивается онъ въ эти вѣчно милые, вѣчно желанные звуки, съ томленіемъ и грустью вникаетъ въ себя чудную гармонію простенькой пѣсенки, ласкающей слухъ его...

— Наденька, Наденька!—молящимъ голосомъ говоритъ Иванъ Самойлычъ.

Но гордо и съ обиднымъ презрѣніемъ смотритъ на него, униженнаго и умоляющаго, маленькая женщина. Крошечная ироническая улыбка мелькаетъ на розовыхъ губкахъ; ея миніатюрное негодованьице слегка приподняло ея тонкія ноздри и окрасило нѣжнымъ пурпуромъ упругія щеки...

— Наденька!—говоритъ онъ задыхающимся отъ волненія голосомъ:—я не виноватъ, что люблю васъ... Что же мнѣ дѣлать, если это выше силъ моихъ!..

И онъ съ трепетомъ ждетъ ея слова: онъ не замѣчаетъ, что возлѣ нея стоитъ другое лицо—лицо, принадлежащее ученому другу ея, бѣлокурому Алексису; не замѣчаетъ, какъ томно опирается она на руку юноши, какіе полные нѣги и томленія взоры отъ времени до времени обращаетъ къ нему...

Но вотъ и на него взглянула она, но какъ-то сурово и съ недоумѣніемъ. Обиженнымъ тономъ отвѣчаетъ она ему, что удивляется, какимъ образомъ могъ онъ даже подумать сдѣлать ей такое странное предложеніе; что, конечно, онъ человѣкъ неглупый и даже начитанный человѣкъ, но что и она, съ своей стороны, дѣвушка честная, и хотя не дворянка, но не хуже иной дворянки сумѣетъ подать карету не только ему, Ивану Самойлычу, но и всякому другому, даже получше и почище его, кто осмѣлится подъѣхать къ ней съ подобнымъ предложеніемъ.

И снова все исчезаетъ въ безразличномъ туманѣ: и бѣ-

Digitized by Google

локурое, но нѣсколько апатичное лицо Алексиса, и миніатюрная, вѣчно тревожная фигурка Наденьки, и тоскливо звучитъ вдали знакомая пѣсенка о дорогомъ князѣ и золотыхъ чертогахъ...

— Что̀ же я въ самомъ дѣлѣ такое? — спрашиваетъ себя господинъ Мичулинъ: — какое мое назначеніе, какая судьба моя?

Толпами собираются около него блѣдные призраки и насмѣшливо кричатъ ему: «охъ, усталъ, усталъ ты, бѣдный человѣкъ! разломило тебѣ всю голову!»

Блѣдный, трепещущій падаетъ онъ на колѣни, прося пощадить его, объяснить ему это страшное дѣло, не дающее ему ни днемъ, ни ночью покою, но падаетъ такъ неловко и неожиданно, что блѣдные призраки мгновенно исчезаютъ.

Въ комнатѣ темно; старинная кукушка жалобно прокуковала два раза и замолкла.

«Чортъ знаетъ что̀ за дрянь въ голову лѣзетъ!—подумалъ Иванъ Самойлычъ:—а вотъ еще философы утверждаютъ»...

И онъ было-намѣревался, не пускаясь въ дальнѣйшія разсужденія, во снѣ узнать, что̀ утверждаютъ философы, какъ вдругъ за тонкою перегородкою, которая одна отдѣляла его постель отъ завѣтной комнатки, послышались голоса̀.

Иванъ Самойлычъ началъ прислушиваться.

— Ужъ я вижу, сударь,—щебеталъ знакомый ему голосъ:—ужъ пожалуйста, не приводите мнѣ своихъ резоновъ, ужъ пожалуйста... Я все, все насквозь вижу...

— Нѣтъ, Наденька! ты ошибаешься, другъ мой, ошибаешься, милый ты человѣкъ!—отвѣчалъ Алексисъ, стараясь придать голосу своему льстивый тонъ.

— Ужъ пожалуйста, въ чемъ другомъ, а въ этомъ не ошибусь... Стыдитесь, сударь!

— Да помилуй же, Наденька! право, я нигдѣ не былъ...

— Я вамъ говорю, что все насквозь вижу, всѣ ваши

Digitized by Google

хитрости вижу, Алексѣй Петровичъ! Ужъ какъ вы тамъ меня ни называйте—образованная ли я, или необразованная—а ужъ я все-таки вижу!

Алексисъ молчалъ.

— Зачѣмъ же притворство и коварство?—продолжала, между тѣмъ, Наденька.—Ужъ скажите мнѣ лучше прямо, что я несчастнѣйшая изъ женщинъ!.. Я дѣвушка прямая, Алексѣй Петровичъ; я честная дѣвушка, Алексѣй Петровичъ, и не люблю ходить вокругъ да около... Ужъ скажите мнѣ просто, что я въ слезахъ должна проводить жизнь!

— Отчего же въ слезахъ, Наденька?—отвѣчалъ лаконически Алексисъ, и потомъ прибавилъ:—Отчего же въ слезахъ, милый, хорошій ты человѣкъ?

И опять все смолкло вокругъ Ивана Самойлыча, но не въ головѣ его: тамъ, напротивъ, началась страшная дѣятельность, начался шумъ и стукотня; мысли бѣгали по мозговымъ его нервамъ, перебивали другъ у друга дорогу, и вдругъ накопилось ихъ такое множество, что онъ ужъ и самъ не радъ былъ, что проснулся и, какъ глупая тварь, поддался грубому и животненному инстинкту любопытства...

Не успѣлъ еще онъ хорошенько сообразить, какъ бы этакъ воспользоваться недоразумѣніемъ, хитро вырыть ближнему яму, какъ ужъ и дѣйствительно какимъ-то образомъ подкопался подъ Алексиса. Въ судьбѣ его внезапно произошла совершенная и неожиданная перемѣна; въ одно мгновеніе ока онъ сдѣлался рѣшительно баловнемъ фортуны; онъ ходитъ по Невскому подъ-руку съ молодою женой, въ бекешѣ съ сѣдымъ бобровымъ воротникомъ; на лбу красуется глубокій шрамъ, полученный въ битвѣ за отечество, а на фракѣ—огромная испанская звѣзда съ безчисленнымъ множествомъ угловъ. Онъ мѣняется пріятною улыбкою и поклономъ съ значительными господами; онъ совершенно доволенъ своею судьбою и безпрестанно вынимаетъ изъ кармана необыкновенно массивный хронометръ, какъ будто бы для того, чтобъ узнать, который часъ, а въ самомъ дѣлѣ

Digitized by Google

для того только, чтобъ показать народу: пусть-де видитъ онъ, какіе на свѣтѣ бываютъ удивительные часы и цѣпочки.

Съ презрѣніемъ и иронически улыбаясь, смотритъ онъ на проходящаго мимо и дрожащаго отъ холода, въ изношенномъ до-нельзя темно-вишневомъ съ искрою пальто, Алексиса, и дѣлаетъ видъ, будто не замѣчаетъ его. Но Алексисъ издалека завидѣлъ знакомую ему маленькую фигурку; онъ ужъ спѣшитъ къ ней съ обыкновеннымъ привѣтствіемъ: «здравствуй, Наденька, здравствуй, хорошій ты, милый человѣкъ!»—но вдругъ у самыхъ ушей его раздается грозный голосъ: «Милостивый государь, вы забываете...» и Алексисъ, поджавъ хвостъ, удаляется поспѣшными шагами во-свояси.

Но вотъ и четыре бьетъ на каланчѣ думы: Иванъ Самойлычъ по привычкѣ уже чувствуетъ въ желудкѣ пріятную тоску.

— Не прикажешь ли, душа моя, зайти въ магазинъ купить чего-нибудь къ обѣду?—говоритъ онъ, обращаясь къ Наденькѣ.

— Отчего же и не зайти!—отвѣчаетъ она съ такимъ философскимъ равнодушіемъ, какъ будто бы дѣйствительно такъ и быть должно.

И въ самомъ дѣлѣ, люди богатые — отчего же и не зайти.

Ужъ съ четверть часа стоятъ они въ великолѣпномъ магазинѣ.

Наденька, какъ существо живое и по преимуществу прожорливое, бѣгаетъ изъ одного угла въ другой, переходитъ отъ винограда къ великолѣпнымъ бонкретьенамъ, отъ превосходныхъ, подернутыхъ легкимъ пухомъ персиковъ къ не менѣе превосходному ананасу, всего отвѣдываетъ, всего откладываетъ въ свой ридикюль... Но все это въ порядкѣ вещей, все такъ и быть должно; одно только нѣсколько страннымъ кажется Ивану Самойлычу: сѣдой и строгій приказчикъ какъ будто подозрительно, какъ будто исподлобья

Digitized by Google

смотритъ на всѣ эти заборы. Онъ мысленно негодуетъ на такую неумѣстную недовѣрчивость; уже рука его протянута, чтобъ разстегнуть великолѣпное пальто и показать негодяю-корыстолюбцу многоугольную испанскую звѣзду, какъ вдругъ... Но тутъ его руки опускаются, холодный потъ градомъ катитъ съ благороднаго чела; онъ блѣднѣетъ, осматривается, щупаетъ себя... Боже! нѣтъ никакого сомнѣнія, все это было самообольщеніе: и испанская звѣзда, и пальто съ удивительно теплымъ воротникомъ, и одутловатыя щеки, и гордый видъ... все, рѣшительно все исчезло, какъ по волшебному мановенію! Какъ и въ бывалое время, виситъ на немъ, какъ на подлой вѣшалкѣ, его старая и вытертая шинелька, болѣе похожая на капотъ, нежели на шинель; попрежнему желты и изрыты рябинами его щеки; попрежнему согнута его спина и униженъ и скареденъ его видъ.

Тщетно толкаетъ онъ исподтишка неосторожную Наденьку, тщетно мучитъ онъ мозгъ свой, стараясь выжать изъ него что-нибудь похожее на изобрѣтательность: Наденька, нисколько не конфузясь, услаждаетъ свое нёбо дарами юга, и, тоже не конфузясь, спитъ мозгъ Ивана Самойлыча, тупо и равнодушно смотря на неимовѣрныя старанія его выпутаться изъ бѣды и какъ будто посмѣиваясь надъ собственнымъ своимъ безсиліемъ...

— Десять рубликовъ и семь гривенокъ-съ!—звучитъ ему, между тѣмъ, въ самыя уши страшный голосъ приказчика.

— Серебромъ?—шепчетъ въ отвѣтъ, заикаясь и совершенно растерявшись, Иванъ Самойлычъ.

— Да, серебромъ... неужто мѣдными? — рѣшительно и вовсе непоощрительно отвѣчаетъ тотъ же самый досадный голосъ.

Мичулинъ конфузится еще пуще.

— Такъ-съ; серебромъ-съ... -говоритъ онъ, блѣднѣя и между тѣмъ ощупывая карманы, какъ будто отыскивая бывшія въ нихъ, неизвѣстно куда завалившіяся деньги.—

Digitized by Google

отчего же-съ, я съ удовольствіемъ... я человѣкъ достаточный... Скажите, пожалуйста, а я и не замѣтилъ!.. Представьте себѣ, мой милый, я и не замѣтилъ, что у меня въ карманѣ дыра, и какая большая—скажите!..

Но приказчикъ только покачиваетъ головой.

— А вѣдь можете себѣ представить,—продолжаетъ Иванъ Самойлычъ тономъ соболѣзнованія:—и пальто совсѣмъ новенькое, только-что съ иголочки! Ужасно какъ непрочно шьютъ эти портные! Да и не удивительно! Французы, я вамъ скажу, французы! Ну, а французъ, извѣстно, вѣтромъ подбитъ! ужъ это нація такая... Не то что нашъ братъ русскій: тотъ ужъ за что̀ примется, такъ все на славу сдѣлаетъ—нѣтъ, далеко не то!.. Скажите, пожалуйста, и давно вы торгъ ведете?

— Торгъ-то мы ведемъ давно,—отвѣчаетъ угрюмый приказчикъ:—а деньги вы все-таки отдайте...

— Ахъ, Боже мой! право, какой скверный народъ эти французы! право, только-что съ иголочки! О, премошенники эти портные!

— Видно, братъ, мошенникъ-то ты!—неумолимо и рѣзко отвѣчаетъ угрюмый приказчикъ:—знаемъ мы васъ! у васъ у всѣхъ карманы-то съ дырьями, какъ къ расплатѣ приходится! Иванъ Терентьичъ! а сходи-ко, братъ, за Ѳедосѣемъ Лукьянычемъ! Онъ, кажется, тутъ поблизости!

Услышавъ знакомое ему имя Ѳедосѣя Лукьяныча, Иванъ Самойлычъ совершенно упалъ духомъ. Со слезами на глазахъ и униженно кланяясь, показываетъ онъ сѣдому приказчику дырявые карманы своего пальто, тщетно доказывая, что не виноватъ же онъ, что за минуту передъ тѣмъ имѣлъ и бобровый воротникъ, и испанскую звѣзду, и одутловатыя щеки, и что все это, по ухищреніямъ одной злобной волшебницы, которая давно ужъ денно и нощно его преслѣдуетъ, вдругъ пропало, и остался онъ дрянь-дрянью, что называется, голъ какъ соколъ, пушистъ какъ лягушка.

— Мамону-то послужить умѣешь!—говоритъ ему безстраст-

Digitized by Google

ный голосъ сѣдого приказчика: — тельцу-то поклоняешься, чреву угождаешь! А что въ священномъ Писаніи сказано, забылъ? Грѣхъ, братъ, тебѣ! стыдно, любезный!

— Послужилъ, почтеннѣйшій, попуталъ лукавый, точно, попуталъ!—отвѣчаетъ жалобнымъ голосомъ Иванъ Самойлычъ.—Да вѣдь это въ первый разъ; вѣдь другіе ѣдятъ же...

— Да другіе-то почище! Мало ли что дѣлаютъ другіе! У другихъ въ карманахъ-то не дырья!

И сѣдой приказчикъ строго покачиваетъ головой, приговаривая:

— Ишь, съ чѣмъ подъѣхалъ, анаѳемскій сынъ! ишь ты: и испанская звѣзда у него была! Знаемъ, братъ, васъ, знаемъ, чревоугодники, идолопоклонники!

А между тѣмъ Мичулинъ робко посматриваетъ на Наденьку. Дерзко и съ презрѣніемъ глядитъ она на него, какъ будто хочетъ окончательно доканать и уничтожить несчастнаго.

— Такъ вы вотъ какъ, Иванъ Самойлычъ!—говоритъ она ему, быстро размахивая руками.—Такъ вы изволите на хитростяхъ! вы хотѣли воспользоваться моею къ вамъ откровенностью! Ужъ сдѣлайте одолженіе, я все понимаю! Можетъ-быть, я и не образованная, и не читала книгъ... Ужъ, пожалуйста, не отпирайтесь: я все вижу, все понимаю, очень хорошо понимаю... всѣ ваши коварства... Сдѣлайте одолженіе!

— Да что же я въ самомъ дѣлѣ такое?—бормочетъ, между тѣмъ, Иванъ Самойлычъ, очень кстати вспомнивъ, что затрудненіе именно въ томъ и состоитъ, что онъ до сихъ поръ не можетъ себѣ опредѣлить, что онъ такое:— да чѣмъ же я хуже другихъ!

— Извѣстно чѣмъ!—лаконически отвѣчаетъ сѣдой приказчикъ:—извѣстно чѣмъ! У другихъ-то въ карманахъ-то нѣтъ дырьевъ.

— Другіе ѣдятъ, другіе пьютъ... да я-то что жъ?

— Извѣстно что!—звучитъ тотъ же самый жесткій го-

Digitized by Google

лось:—можете смотрѣть, какъ другіе кушаютъ!—но такъ иронически звучитъ, какъ будто бы хочетъ сказать недоумѣвающему Мичулину:—фу, какой же ты, право, глупый, не можешь никакъ понять самой пустой и обыкновенной вещи!

Иванъ Самойлычъ ужъ-было и смекнулъ, въ чемъ дѣло, и началъ-было углубляться въ подробное разсмотрѣніе отвѣта приказчика, какъ вдругъ слухъ его поражаетъ другой, еще страшнѣйшій голосъ—голосъ Ѳедосѣя Лукьяныча.

Важно и не мигнувши, слушаетъ Ѳедосѣй Лукьянычъ жалобу стараго приказчика о томъ, что вотъ, дескать, такіе-то мошенники и пріѣдалы перерыли всю лавку, наѣли на десять рубликовъ и семь гривенокъ, и теперь показываютъ только карманы съ дырьями...

— Гм!—мычитъ Ѳедосѣй Лукьянычъ, оттопыривъ губы и обращаясь всѣмъ корпусомъ къ Мичулину:—ты?

— Да я, тово,—бормочетъ Иванъ Самойлычъ:—я шелъ и усталъ... освѣжиться захотѣлось... Вотъ я и зашелъ!

— Гм! ты не оправдывайся, а отвѣчай!—основательно возражаетъ Ѳедосѣй Лукьянычъ, окидывая взоромъ всѣхъ присутствующихъ, вѣроятно для того, чтобъ удостовѣриться, какой эффектъ производитъ на нихъ его соломоновъ судъ.

— За дѣло ему, за дѣло!—кричитъ съ своей стороны Наденька:—осрамить меня хотѣлъ!.. Ужъ. пожалуйста, подальше съ своими резонами! Я очень хорошо все знаю и вижу!

— Фамилія?—отрывисто вопрошаетъ суровый голосъ Ѳедосѣя Лукьяныча, снова обращаясь къ нашему герою.

— Мичулинъ,—отвѣчаетъ Иванъ Самойлычъ, но такъ робко, какъ будто бы и самъ не увѣренъ, точно ли это такъ, и не есть ли это такое же созданіе блуднаго его воображенія, какъ и теплое пальто, испанская звѣзда, одутловатыя щеки и проч.

— Имя?—снова вопрошаетъ Ѳедосѣй Лукьянычъ, весьма, впрочемъ, довольный, что произвелъ робость и страхъ на истязуемомъ субъектѣ.

Digitized by Google

— Иванъ Самойловъ,—еще тише и робче отвѣчаетъ герой нашъ.

— Эй, любезный, взять его!

Послѣднія слова, очевидно, относились къ одному рослому мужчинѣ, какъ-то случайно тутъ же прогуливавшемуся.

И вотъ уже берутъ Ивана Самойлыча подъ-руки, вотъ открываются передъ нимъ двери ада...

— Пощадите! батюшки, пощадите!—кричитъ онъ, задыхаясь отъ трепета.

— Да что это, съ ума, что ли, вы сошли Иванъ Самойлычъ?—раздается вдругъ у самаго его уха знакомый голосъ.—Совсѣмъ спать не даете добрымъ людямъ! Вѣдь я очень хорошо понимаю, къ чему все это клонится, да ужъ не бывать этому! Сказано, такъ ужъ сказано, и напрасно вы безпокоитесь и изъ себя выходите!

Иванъ Самойлычъ открылъ глаза: передъ нимъ, въ заманчивомъ неглиже, стояла миловидная Наденька, та самая Наденька, которая и проч.

IV.

— А, это ты, Наденька!—бормочетъ сквозь сонъ Иванъ Самойлычъ:—что жъ это ты не спишь, душенька? А можешь себѣ представить, мнѣ привидѣлось, будто Ѳе-до...

Наденька покачала головкой и ушла.

А между тѣмъ Лета, эта услужливая рѣка, снова заливаетъ волнами своими воображеніе господина Мичулина, снова начинаетъ она шумѣть въ ушахъ его, снова бѣснуется и выходитъ изъ береговъ своихъ.

И вдругъ онъ опять очутился на улицѣ; но на немъ уже не прежнее щеголеватое пальто, а обыкновенная истертая его шинелька; не благовидна и не горда его осанка, какъ будто скоробился, сморщился онъ весь, какъ будто всѣ члены ему свело отъ холода и голода...

Не заглядываетъ онъ въ окна кондитерскихъ, булочныхъ и фруктовыхъ лавокъ. Сколько соблазновъ лежитъ передъ

Digitized by Google

нимъ въ красиво и симметрически расположенныхъ кучкахъ и заперто подъ замкомъ! И все это заперто, все подъ ключомъ! На все это *можете глядѣть*! какъ выразился недавно съ убійственнымъ хладнокровіемъ строгій приказчикъ...

А дома ждетъ его зрѣлище, полное жгучаго, непереносимаго отчаянія. Въ холодной комнатѣ, въ изорванномъ платьѣ, на изломанномъ стулѣ, сидитъ его жена; около нея, блѣдный, истомленный, стоитъ его сынъ... И все это проситъ хлѣба, но такъ тоскливо, такъ назойливо проситъ...

— Папа, я ѣсть хочу,—стонетъ ребенокъ:—дай хлѣба!..

— Потерпи, дружокъ, — говоритъ мать: — потерпи до завтра,—завтра будетъ! Нынче на рынкѣ все голодные волки поѣли! много волковъ, много волковъ, душенька!

Но какъ говоритъ она это! Твой ли это голосъ, милая маленькая Надя? тотъ ли это мелодическій, сладкій голосокъ, распѣвавшій-себѣ беззаботно нехитрую пѣсенку, звавшій князя въ золотые чертоги? Гдѣ твой князь, Надя? Гдѣ твои золотые чертоги? Отчего твой голосокъ сдѣлался жестокъ, отчего въ немъ пробивается какая-то ѣдкая, несвойственная ему жолчь? Надя! что сдѣлалось, что сталось съ тобой, граціозное созданіе? гдѣ веселый румянецъ твой? гдѣ беззаботный твой смѣхъ? гдѣ хлопотливость твоя? гдѣ твоя наивная подозрительность? гдѣ ты, прежняя, ненаглядная, миленькая Наденька?

Отчего глаза твои впали? отчего грудь твоя высохла? отчего въ голосѣ твоемъ дрожитъ тайная злоба? отчего сынъ твой не вѣритъ твоимъ словамъ... отчего это?

— Да вѣдь и вчера говорили мнѣ, — отвѣчаетъ ребенокъ,—что все голодные волки поѣли; да вонъ другія же дѣти сыты, другія дѣти играютъ... я ѣсть хочу, мама!

— Это дѣти голодныхъ волковъ играютъ, это они сыты!— отвѣчаешь ты, поникнувъ головою и не зная, какъ увернуться отъ вопросовъ ребенка.

Но напрасно стараешься ты, напрасно хочешь успокоить

Digitized by Google

его: онъ не вѣритъ тебѣ, потому что ему хлѣба, а не словъ надобно.

— Ахъ, отчего же я не сынъ голоднаго волка! — стонетъ дитя:—мама, пусти меня къ волкамъ... я ѣсть хочу!

И ты молчишь, подавленная и уничтоженная! Ты вдвойнѣ несчастна, Надя! Ты сама голодна и подлѣ тебя стонетъ еще другое существо, стонетъ сынъ твой, плоть отъ плоти твоей, кость отъ костей твоихъ, который тоже проситъ хлѣба.

Бѣдная Наденька! что же не идетъ онъ, что не спѣшитъ онъ на помощь къ тебѣ, этотъ давно желанный, дорогой князь твоего воображенія? что не зоветъ онъ тебя въ золотой чертогъ свой?

Съ томленіемъ и непереносною тоскою смотритъ Иванъ Самойлычъ на эту сцену, и тоже увѣряетъ маленькаго Сашу, что завтра все будетъ, что сегодня все голодные волки поѣли. Что̀ ему дѣлать? какъ помочь?..

И ты тоже знаешь, бѣдная Наденька, что нѐчѣмъ ему помочь; ты понимаешь, что онъ ни на волосъ не виноватъ во всемъ этомъ; но ты голодна, подлѣ тебя стонетъ любимое дитя твое, и ты упрекаешь мужа, ты дѣлаешься несправедливою...

— Зачѣмъ же вы женились? — говоришь ты ему жесткимъ и оскорбительнымъ голосомъ:—зачѣмъ же вы связали себя другими, когда и себѣ не въ состояніи добыть кусокъ хлѣба? Безъ васъ я была счастлива, безъ васъ я была беззаботна... я была сыта... Стыдно!

Въ свою очередь подавленный и уничтоженный, стоитъ Иванъ Самойлычъ. Онъ чувствуетъ, что въ словахъ Нади страшная правда, что онъ *долженъ былъ* подумать, и много подумать о томъ, прилично ли бѣдному человѣку любовь водить, достаточно ли будетъ на троихъ его скуднаго куска... И неутомимо, неутомимо преслѣдуетъ его это страшное «стыдно!»

А между тѣмъ въ комнатѣ все холоднѣе и холоднѣе; на

Digitized by Google

дворѣ дѣлается темно; ребенокъ все такъ же стонетъ, все такъ же жалобно проситъ хлѣба! Боже! да чѣмъ же все это кончится? куда же поведетъ это? Хоть бы поскорѣе пришелъ завтрашній день! А завтра что̀?..

Но ребенокъ ужъ не стонетъ; онъ тихо склонился головкой къ груди матери, но все еще дышитъ!..

— Тише!—едва слышно говоритъ Наденька:—тише! Саша уснулъ...

Но что̀ же за мысль гнѣздится въ головкѣ твоей, Наденька? Зачѣмъ же ты улыбаешься, зачѣмъ въ этой улыбкѣ вдругъ сверкнуло отчаяніе и злобная покорность судьбѣ? Зачѣмъ ты бережно сажаешь ребенка на стулъ и, не говоря ни слова, отворяешь дверь бѣдной комнаты?

— Наденька, Наденька, куда ты идешь! Что̀ хочешь ты дѣлать?

Ты сходишь нѣсколько ступеней и останавливаешься... ты колеблешься, милое дитя! Въ тебѣ вдругъ забилось это маленькое, доброе сердце, забилось быстро и неровно... Но время летитъ... тамъ, въ холодной комнатѣ, въ отчаяніи ломаетъ руки голодный мужъ твой, тамъ умираетъ твоій сынъ! И ты не колеблешься, въ отчаяніи ты махнула рукой; ты не сходишь—бѣжишь внизъ по лѣстницѣ... ты въ бэль-этажѣ... ты дернула за звонокъ... Страшно, страшно за тебя, Надя!

А онъ ужъ ждетъ тебя, дряхлый, безсильный волокита; онъ знаетъ, что ты придешь, что ты *должна* придти, и самодовольно потираетъ себѣ руки, и самодовольно улыбается, поглядывая на часы... О, онъ въ подробности изучилъ натуру человѣка и смѣло можетъ разсчитывать на голодъ!

— Я рѣшилась!—говоришь ты ему, и голосъ твой спокоенъ...

Да, спокоенъ, не дрогнулъ твой голосъ, а все-таки спокойствіе-то его какъ будто мертвое, могильное...

И старикъ улыбается, глядя на тебя; онъ ласково треп-

Digitized by Google

летъ тебя по щекѣ и дрожащею рукой привлекаетъ къ дряхлой груди своей юный станъ твой...

— Да какъ же ты блѣдна, душенька! — говоритъ онъ ласково:—видно, тебѣ очень кушать хочется...

Э! да онъ просто шутникъ! онъ превеселый малый, этотъ маленькій старичокъ, охотникъ до миленькихъ, молоденькихъ женщинъ!

— Да, я хочу ѣсть!—отвѣчаешь ты.—Мнѣ нужно денегъ.

И ты протягиваешь руку... Стало-быть, ты еще хороша, несмотря на твое страданіе; стало-быть, есть еще въ тебѣ, несмотря на гнетущую нищету твою, нѣчто зовущее, возбуждающее застывшія силы шутливаго старика, потому что онъ, не считая, кладетъ тебѣ въ руку деньги; онъ не торгуется, хотя и знаетъ, что можетъ купить тебя за самую ничтожную плату...

— Ѣшьте!—говоришь ты мужу и сыну, бросая на столъ купленный ужинъ, а сама садишься въ уголъ.

— Это жадные волки дали, мама? — спрашиваетъ тебя ребенокъ, съ жадностью поглощая ужинъ.

— Да, это волкъ прислалъ,—отвѣчаешь ты разсѣянно и задумчиво.

— Мама! когда же убьютъ голодныхъ волковъ? — снова спрашиваетъ ребенокъ.

— Скоро, дружокъ, скоро...

— Всѣхъ убьютъ, мама, ни одного не останется?

— Всѣхъ, душенька, всѣхъ до одного, ни одного не останется...

— И мы будемъ сыты? у насъ будетъ ужинъ?

— Да, скоро мы будемъ сыты, скоро намъ будетъ весело... очень весело, другъ мой!

А между тѣмъ Иванъ Самойлычъ молчитъ, потупивъ голову, съ тайнымъ, но неотступно гложущимъ угрызеніемъ въ сердцѣ, ѣстъ онъ свою долю ужина, и не осмѣливается взглянуть на тебя, боясь увидѣть во взорѣ твоемъ безвозвратное осужденіе свое.

Digitized by Google

Но онъ ѣстъ, потому что и его мучитъ голодъ, потому что и онъ человѣкъ.

Но онъ думаетъ, горько думаетъ, бѣдный мужъ твой! Страшная мысль жжетъ его мозгъ, неотступное горе сосетъ его грудь! Онъ думаетъ: «сегодня мы сыты, сегодня у насъ есть кусокъ хлѣба, а завтра? а потомъ?..» вотъ о чемъ думаетъ онъ! Вѣдь и завтра ты будешь *должна*... а тамъ опять...

Вотъ эта страшная, гложущая мысль! Наденька, Наденька! правда ли, что ты будешь *должна?*..

Ивану Самойлычу дѣлается душно; глухое рыданіе заливаетъ грудь его; голова его горитъ, глаза открыты и неподвижно устремлены на Наденьку...

— Наденька! Наденька!—стонетъ онъ, собравъ послѣднія силы.

— Да что жъ это, въ самомъ дѣлѣ, за срамъ такой!— слышится ему знакомый голосъ. — Здѣсь я, здѣсь, сударь! что̀ вамъ угодно? что̀ вы кричите? Цѣлую ночь глазъ сомкнуть не давали! Вы думаете, что я не понимаю, вы думаете, что я не вижу... Крѣпостная я ваша, что ли, что вы на меня такъ грозно смотрите?

Иванъ Самойлычъ открылъ глаза; въ комнатѣ было свѣтло; у кровати его стояла Наденька въ совершеннѣйшемъ утреннемъ дезабилье.

— Такъ это... былъ сонъ! — сказалъ онъ, едва очнувшись.—Такъ ты, того... не ходила къ старику, Наденька?

Дѣвица Ручкина взглянула на него въ недоумѣніи. Но вскорѣ все сдѣлалось для нея яснымъ, какъ на ладони; ее вдругъ осѣнила свѣтлая мысль, что все это не спроста и что старикъ-то именно не кто иной, какъ самъ Иванъ Самойлычъ, но ужъ если она разъ сказала: не бывать!— такъ уже и не бывать тому, какъ ни хитри и не изворачивайся волокита.

— Нѣтъ, чортъ возьми! должно же это кончиться!— сказалъ про себя Иванъ Самойлычъ, когда Наденька вы-

Digitized by Google

шла изъ комнаты: — вѣдь этакъ просто ни за грошъ пропадешь!

Господинъ Мичулинъ взглянулъ въ зеркало и нашелъ въ себѣ большую перемѣну. Щеки его опали и пожелтѣли пуще прежняго, лицо осунулось, глаза сдѣлались мутны; весь онъ сгорбился и изогнулся, какъ олицетворенный вопросительный знакъ.

А между тѣмъ нужно идти, нужно просить, потому что, дѣйствительно, пожалуй, ни за грошъ пропадешь...

Да полно, идти ли, просить ли?

Сколько времени ходилъ ты, сколько разъ просилъ и кланялся—выслушалъ ли кто тебя? Ой, ѣхать бы тебѣ въ деревню къ отцу въ колпакѣ, къ матери съ обвязанной щекой!..

Но, съ другой стороны, тутъ же рядомъ возникаетъ вопросъ, требующій безотлагательнаго объясненія.

«Что же ты такое? — говоритъ этотъ навязчивый вопросъ: — неужели для того только и созданъ ты, чтобъ видѣть передъ собой глупый колпакъ, глупую щеку, солить грибы и пробовать домашнія наливки?»

И среди всего этого хаоса противорѣчащихъ мыслей внезапно возстаетъ въ воображеніи Ивана Самойлыча образъ злосчастнаго Емели... Этотъ образъ такъ ясно и отчетливо рисуется передъ глазами его, какъ будто дѣйствительно стоитъ передъ нимъ согнутый и трясущійся старикъ, и можетъ онъ его ощупать и осязать руками. Все туловище Емели какъ будто разлѣзается въ разныя стороны, всѣ члены будто развинчены и вывихнуты; въ глазахъ слезы гноятся и голова трясется...

Жалобно протягиваетъ онъ изнеможенную руку, дрожащимъ голосомъ вымаливаетъ хоть десять копеечекъ и потомъ указываетъ на штофъ съ водкой и приговариваетъ: «познаніе есть зла и добра!»

Иванъ Самойлычъ стоитъ какъ въ чаду; онъ хочетъ освободиться отъ страшнаго кошмара и не можетъ...

Digitized by Google

Фигура Емели преслѣдуетъ его, давитъ ему грудь, стѣсняетъ ему дыханіе... Наконецъ, онъ дѣлаетъ надъ собою сверхъестественное усиліе, хватаетъ шляпу и опрометью бѣжитъ изъ комнаты.

Но на порогѣ его останавливаетъ Беобахтеръ.

— Вы поняли, что̀ я говорилъ вамъ вчера? — спрашиваетъ онъ съ таинственнымъ видомъ.

— То-есть... догадываюсь,—отвѣчаетъ Иванъ Самойлычъ, совершенно смущенный.

— Разумѣется, это были только нѣкоторые намеки, — снова начинаетъ кандидатъ философіи: — вѣдь это дѣло сложное, очень сложное, всего и не перескажешь!

Минутное молчаніе.

— Вотъ, возьмите это,—прерываетъ Беобахтеръ, подавая Мичулину крохотную книжонку, изъ тѣхъ, которыя въ Парижѣ, какъ грибы въ дождливое лѣто, нарождаются тысячами и продаются чуть ли не по одному сантиму.

Иванъ Самойлычъ въ недоумѣніи беретъ книжку, рѣшительно не зная, что̀ съ нею дѣлать.

— Прочтите, — говоритъ Беобахтеръ торжественно, но все-таки чрезвычайно мягко и вкрадчиво:—прочтите и увидите... тутъ все!.. Понимаете?

Съ этими словами онъ удаляется, оставивъ господина Мичулина въ совершенномъ изумленіи.

V.

Погода на дворѣ стояла сырая и мутная; какъ и наканунѣ, сыпалось съ облаковъ какое-то неизвѣстное вещество; какъ и тогда, мѣсили по улицамъ грязь ноги усталыхъ пѣшеходовъ; какъ и тогда, ѣхалъ въ каретѣ закутанный въ шубу господинъ съ одутловатыми щеками, и ѣхалъ въ калошахъ другой господинъ, которому насвистывалъ въ-догонку вѣтеръ: «озябъ, озябъ, озя-я-ябъ, бѣдненькій человѣкъ!» Словомъ, все попрежнему, съ тѣмъ не-

Digitized by Google

значительнымъ прибавленіемъ, что всю эту неблаговидную картину обливалъ какой-то блѣдный, мутный свѣтъ.

Навстрѣчу Ивану Самойлычу ѣхала очень удобная и покойная карета, придуманная въ пользу бѣдныхъ людей, въ которой, какъ извѣстно, за гривенникъ можно полъ-Петербурга объѣхать.

Иванъ Самойлычъ сѣлъ. Въ другое время, «при семъ удобномъ случаѣ», онъ подумалъ бы, можетъ-быть, о промышленномъ направленіи вѣка, и выразился бы одобрительно насчетъ этого обстоятельства, но въ настоящую минуту голова его была полна самыхъ странныхъ и черныхъ мыслей.

Поэтому кондукторъ не получилъ отъ него ни улыбки, ни поощренія—ничего, чѣмъ такъ щедро любятъ надѣлять иные охотники до чужихъ дѣлъ.

А между тѣмъ въ карету набираются другіе господа; сперва вошла какая-то скромная дѣвушка, потупивъ глазки; вслѣдъ за нею впрыгнулъ бѣлокурый студентъ весьма пріятной наружности и сѣлъ прямо противъ нея.

— Здравія желаемъ-съ! — сказалъ бѣлокурый студентъ, обратясь къ дѣвушкѣ.

Но дѣвушка не отвѣчаетъ, а, посмотрѣвъ исподлобья на юношу, подноситъ ко рту платокъ и отворачиваетъ къ окну свое личико, изрѣдка испуская изъ-подъ платка скромное «ги-ги-ги!»

— Наше почтеніе-съ! —началъ снова студентъ, обращаясь къ веселой дѣвушкѣ.

Но отвѣта и на этотъ разъ не послѣдовало; только скромное «ги-ги-ги!» выразилось какъ-то рѣзче и смѣлѣе.

— А что вы скажете насчетъ этого нововведенія? — ласково спросилъ Ивана Самойлыча очень опрятно одѣтый господинъ съ портфелемъ подъ мышкою.

Господинъ Мичулинъ махнулъ головой въ знакъ согласія.

— Не правда ли, какъ дешево и экономически? —

Digitized by Google

снова и еще ласковѣе обратился портфель, въ особенности нѣжно, хотя и не безъ энергіи, напирая на слово: «экономически».

— Да-съ, выгодная спекуляція, — отвѣчалъ Иванъ Самойлычъ, усиливаясь, въ свою очередь, поощрительно улыбнуться.

— О, очень выгодно, очень экономически!—отозвался въ другомъ углу господинъ съ надвинутыми бровями и мыслящей физіономіей.—Ваше замѣчаніе совершенно справедливо, ваше замѣчаніе выхвачено изъ натуры!

— Впрочемъ, это смотря по тому, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на предметъ, — глубокомысленно замѣтилъ господинъ съ огромными черными усами, и тутъ же физіономія его приняла такой таинственный видъ, какъ будто спѣшила сказать всякому: знаемъ мы, видали мы!..

— Батюшки, пустите! Да отворяй же, лакей! Батюшки! Вспотѣлъ, измучился!.. Ну, ужъ городъ! Экъ его угораздило!

Разговоръ, принимавшій нѣсколько назидательное направленіе, вдругъ прервался, и взоры всѣхъ пассажировъ обратились на толстаго господина, въ какой-то странной, лиловаго цвѣта, венгеркѣ, который, пыхтя и кряхтя, влѣзъ бокомъ въ карету.

— Ну, ужъ городъ! -говорила венгерка:—истинно вамъ скажу, Божеское наказаніе! Я, изволите видѣть, здѣсь по своему дѣлу—такъ повѣрите ли, просто, то-есть, измучили проклятые! Душу тянутъ, вздохнуть не даютъ! И все этакъ въ бѣлыхъ перчаткахъ: на красную, подлецъ, и смотрѣть не хочетъ—за кого, дескать, вы насъ принимаете, да правосудіе у насъ не продажное! А вотъ какъ сто рублевъ... Эка бестія, эка бестія! Повѣрите ли, даже вспотѣлъ весь!

И венгерка снова начала кряхтѣть и пыхтѣть, со всѣхъ сторонъ обмахиваясь платкомъ, что̀ возбуждало немалую веселость въ скромной дѣвушкѣ, и чуть слышныя «ги-ги-

Digitized by Google

ги!» снова начали вылетать изъ-подъ платка, закрывавшаго ротъ ея.

— То-есть, что же вы разумѣете подъ точкой зрѣнія?— прервалъ портфель, котораго, видимо, конфузилъ санфасонъ лиловой венгерки. — Если вы хотите сказать то, что французы такъ удачно называютъ: поэнь де вю, кудёль...

— Знаемъ мы! Пожили мы! И французовъ видали, да и нѣмцевъ тоже! — отвѣчали усы, и потомъ, наклонясь съ таинственнымъ видомъ и оглядываясь во всѣ стороны, прошептали вполголоса:

— Что-то скажутъ объ этомъ извозчики... Вотъ что!

Присутствующіе вздрогнули; дѣйствительно, никому изъ нихъ до тѣхъ поръ и въ голову не приходило, что-то скажутъ о томъ извозчики, а теперь около нихъ, и сзади, и спереди, и по бокамъ, вдругъ заговорили тысячи извозчичьихъ голосовъ, кивали тысячи извозчичьихъ головъ, весь міръ покрылся сплошною массою воображаемыхъ извозчиковъ, тамъ и сямъ прерываемою... опустѣлыми извозчичьими колодами.

— Да; если имѣть такого рода консидерацію,—прошепталъ портфель.

— Да ужъ что тутъ! — говорили, между тѣмъ, усы еще таинственнѣе и ударяя себя при этомъ кулаками въ грудь:— ужъ я знаю, ужъ вы *меня* спросите! Мнѣ это дѣло, какъ своя ладонь, извѣстно!

И усы, дѣйствительно, показали немелкаго разбора голую ладонь и, еще болѣе наклонившись и предварительно оглянувшись на всѣ стороны, вполголоса приговаривали:

— Ужъ мнѣ это дѣло ближе извѣстно... я служу *тамъ*...

— Такъ вы тоже *бюрократъ?*—спросилъ портфель, оправившись отъ перваго ошеломленія и какъ въ каменную стѣну упираясь въ слово: «бюрократъ».

— Да вѣдь это опять-таки съ какой точки зрѣнія посмотрѣть на предметъ!—лаконически отвѣчали усы.

Digitized by Google

— А я вамъ скажу, господа, что все это вздоръ! Совершенный вздоръ!—загремѣла венгерка.

По сосѣдству чуть слышно раздалось знакомое «ги-ги-ги!» веселой дѣвушки.

— Истинно такъ! — продолжала гремѣть венгерка: — истинно такъ! Что̀ это за народъ, хоть бы извозчики?— дрянь, осмѣлюсь вамъ доложить, просто слякоть!.. Вотъ кабы вы у насъ, въ нашей сторонѣ, побывали—вотъ народъ! Тотъ такъ ужъ дѣйствительно усахаритъ! Вотъ природа, такъ природа! Это ужъ, истинно вамъ говорю, смотрѣть въ свое удовольствіе можно! А то что̀ это за народъ у васъ, взглянуть не на что̀! Просто—дрянь, слякоть!

И венгерка тоскливо покачивала головою.

— Да; это если смотрѣть на предметъ съ одной точки,— сказалъ, между тѣмъ, портфель, улыбаясь и не обращая вниманія на пессимистское возраженіе венгерки: — но если взглянуть на дѣло, напримѣръ, со стороны эманципаціи животныхъ...

Усы жалобно замычали.

— Да вѣдь это все пуфъ!—сказали они:—это все французы привезли! Извозчики—вотъ главное дѣло! Извозчики — вотъ корень причины! Извозчики, извозчики, извозчики!

И снова въ глазахъ всѣхъ присутствующихъ замелькали извозчики, извозчики, извозчики!

— Вотъ оно дѣло-то! — продолжали усы: — вотъ онъ сытъ, наѣлся—его и коломъ съ печи не своротишь! А вотъ какъ хлѣбца-то нѣтъ—онъ и пошелъ, и пошелъ... а ужъ какъ пошелъ, такъ, извѣстно, что̀ будетъ!.. Знаемъ мы! Видали мы!

— О, ваше замѣчаніе совсѣмъ справедливо! Ваше замѣчаніе выхвачено изъ природы!—отозвались брови.—Голодъ, голодъ и голодъ—вотъ моя система! Вотъ мой образъ мыслей!

— Такъ вотъ съ какой точки зрѣнія должно смотрѣть на предметъ,—таинственно повторили усы:—а ужъ что тутъ животное! Животное, извѣстно, скотина!

Digitized by Google

— Однакожъ, читали ли вы въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» артикль?—возразилъ портфель, съ необыкновеннымъ усиліемъ напирая на слово: «артикль».

— Знаемъ мы! Читали мы! Вздоръ все это, надуванція! Гога и магога!

— Однакожъ съ большимъ увлеченіемъ написанъ...

— Увлеченіе?—загремѣла венгерка.—Ужъ позвольте, насчетъ увлеченія...

— Ги-ги-ги!—отозвалось по сосѣдству.

— Такъ вотъ, изволите видѣть, я все насчетъ увлеченія-то! — продолжала венгерка. — Да вотъ барышенькѣ все что-то смѣшно... веселая барышенька!.. Такъ вотъ насчетъ того-то... У меня, смѣю вамъ доложить, покойникъ-батюшка, царство ему небесное, предводителемъ былъ, такъ вотъ это увлеченіе! Какъ замахаетъ, бывало, руками... у! Отстаивалъ, нечего сказать! Умѣлъ-таки постоять за своихъ, покойникъ! Нѣтъ, нынче такіе люди повывелись! Съ фонаремъ такихъ не отыщешь! Нынче все разбираютъ: можетъ, дескать, и правъ!.. О-о-хъ, времена тугія пришли!.. А барышенька-то все смѣется!.. Веселая барышенька!

— Когда же можно васъ видѣть?—говорилъ, между тѣмъ, исподтишка студентъ.

— Ахъ, какіе вы, право, странные! — отвѣчала веселая барышенька, еще пуще закрываясь платкомъ.

— Вы находите?—снова началъ студентъ.

— Разумѣется! Ги-ги-ги!

— Отчего же разумѣется?

— Да какъ же это можно?

— Да отчего же это не можно?

— Да нельзя!

— Странно! — сказалъ студентъ, хотя, повидимому, не отчаивался еще въ успѣхѣ своего предпріятія.

— Главное дѣло въ томъ, — соображали вслухъ усы: — чтобъ человѣку цѣль была дана, чтобъ видѣлъ человѣкъ, зачѣмъ онъ существуетъ... Вотъ главное — а прочее все пустяки!

Digitized by Google

Иванъ Самойлычъ началъ прислушиваться.

— То-есть, вы разумѣете подъ этимъ то, что̀ у французовъ зовется проблемою жизни?—спросилъ портфель, сильно напирая на слово: «проблемою».

— Что̀ французы! что̀ нѣмцы! — лаконически отвѣчали усы.—Ужъ повѣрьте моей опытности, ужъ мнѣ лучше знать это дѣло, ужъ я *тамъ* и служу... все это надуванція, все го̀га и маго̀га! Это дѣло мнѣ вотъ какъ извѣстно!

И снова усы показали обнаженную ладонь чрезвычайно почтеннаго размѣра.

— Однакожъ, согласитесь со мной, вѣдь и французская нація имѣетъ свои неотъемлемыя достоинства... Конечно, это народъ вѣтренный, народъ малодушный—кто же противъ этого споритъ?.. Но, съ другой стороны, гдѣ же найдете столько самоотверженія, того, что̀ они сами такъ удачно назвали—резиньясьйонъ? А вѣдь это, я вамъ скажу..

— Знаемъ мы! Видали мы и французовъ, и нѣмцевъ! Пожили-таки на своемъ вѣку! — говорили безчувственные усы. — Все это вздоръ! Главное дѣло—чтобъ человѣкъ видѣлъ, что онъ человѣкъ, зналъ бы цѣль!.. Цѣль-то, цѣль—вотъ она штука, а прочее—что̀? Вздоръ! Все вздоръ!.. Ужъ повѣрьте моей опытности ..

— Вотъ вы изволили выразиться насчетъ цѣли нашего существованія, — скромно прервалъ Иванъ Самойлычъ. — Изволите видѣть, я самъ много занимался насчетъ этого предмета, и любопытно бы узнать ваши мысли...

Усы задумались; Мичулинъ ожидалъ съ трепетомъ и волненіемъ разрѣшенія загадки.

— Лакей! Что жъ ты, братецъ, не остановишь? Воронъ считаешь, тунеядецъ!—загремѣла венгерка.

— Такъ и я выйду,—меланхолически сказали усы.

— А какъ же ваши мысли насчетъ этого обстоятельства?—робко замѣтилъ Иванъ Самойлычъ.

— Все зависитъ отъ того, съ какой точки взглянуть на предметъ!—разомъ сообразили усы.

Digitized by Google

— О, это совершенно справедливо! Ваше замѣчаніе выхвачено изъ натуры!—отозвались надвинутыя брови.—Все, рѣшительно все, зависитъ отъ точки зрѣнія...

Усы и брови вышли изъ кареты. Медленно и неповоротливо поплелся снова экономическій экипажъ по гладкой мостовой.

— Когда же васъ можно видѣть?—попрежнему спрашивалъ студентъ у веселой барышеньки.

— Ахъ, какіе вы странные! — попрежнему отозвалась барышенька, закрывая ротъ платкомъ.

— Отчего же странный?—приставалъ студентъ.

— Да какъ же это возможно?

— Да отчего же это невозможно?

— Да оттого, что нельзя!

— А я такъ думаю совсѣмъ напротивъ,—отвѣчалъ студентъ и дернулъ за шнурокъ.

— Пойдемте!—снова сказалъ юноша.

— Ги-ги-ги!

Карета остановилась; студентъ вышелъ; барышенька немножко подумала, и все-таки пошла за нимъ, сказавъ однакожъ: «Ахъ, право, какіе вы странные! Ужъ чего не вздумаютъ эти мужчины!»—но сказала она это рѣшительно только для очищенія совѣсти, потому что студентъ ужъ вышелъ и ждалъ ее на улицѣ.

Наконецъ, и Ивану Самойлычу пришлось выходить. На улицѣ, по обыкновенію, сновала взадъ и впередъ толпа, какъ будто искала чего-то, хлопотала о чемъ-то, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ равнодушно сновала, какъ будто сама не сознавала хорошенько, чего ищетъ и изъ чего бьется.

И герой нашъ отправлялся искать и хлопотать, какъ и всѣ прочіе.

Но и на этотъ разъ фортуна, съ обыкновенною своею настойчивостью, продолжала показывать ему нисколько не благовидный задъ свой.

Digitized by Google

Какъ нарочно, нужный человѣкъ, къ которому ужъ въ несчетный разъ пришелъ Иванъ Самойлычъ просить себѣ мѣста, провелъ цѣлое утро на воздухѣ, по случаю какого-то торжества. Нужный человѣкъ былъ не въ духѣ, безпрестанно дралъ и маралъ находившіяся предъ нимъ бумаги, скрежеталъ зубами и въ сотый разъ обѣщалъ согнуть въ бараній рогъ и упечь «куда еще ты и не думалъ» стоявшаго предъ нимъ въ стрункѣ маленькаго человѣка съ весьма лихо вздернутымъ сѣденькимъ хохолкомъ на головѣ. Лицо нужнаго человѣка было сине отъ свѣжаго еще ощущенія холода и застарѣлой досады, плечи вздернуты, голосъ хриплъ.

Иванъ Самойлычъ робко вошелъ въ кабинетъ и совершенно растерялся.

— Ну, что̀ еще?—спросилъ нужный человѣкъ отрывистымъ и промерзлымъ голосомъ.—Вѣдь вамъ сказано?

Иванъ Самойлычъ робко приблизился къ столу, убѣдительнымъ и мягкимъ голосомъ сталъ разсказывать стѣсненныя свои обстоятельства; просилъ хоть что-нибудь, хоть какое-нибудь, хоть крошечное мѣстечко.

— Я бы не осмѣлился,—говорилъ онъ, запкаясь и робѣя все болѣе и болѣе:—да вѣдь посудите сами, послѣднее издержалъ, ѣсть нечего, войдите въ мое положеніе!

— Ѣсть нечего!—возразилъ нужный человѣкъ, возвышая голосъ: — да развѣ виноватъ я, что вамъ ѣсть нечего? Да что вы ко мнѣ пристаете? Богадѣльня у меня, что ли, что я долженъ съ улицы подбирать всѣхъ оборвышей!.. Ѣсть нечего! Вѣдь какъ нахально говоритъ! Изволите видѣть, я виноватъ, что ему ѣсть хочется...

Сѣденькій старичокъ съ хохолкомъ тоже не мало удивился.

— Да вѣдь и я не виноватъ въ этомъ, посудите сами, будьте снисходительны,—замѣтилъ Иванъ Самойлычъ.

— Не виноватъ! Вотъ какъ отвѣчаетъ! На отвѣты-то, братъ, всѣ вы мастера... Не виноватъ! Ну, да, положимъ, что вы не виноваты, да я-то тутъ при чемъ?

Digitized by Google

Нужный человѣкъ въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Ну, что же вы стоите? — сказалъ онъ, подступая къ господину Мичулину и какъ будто намѣреваясь принять его въ потасовку.—Слышали?

— Да я все насчетъ мѣста, — возразилъ Иванъ Самойлычъ, нѣсколько твердымъ голосомъ, какъ бы рѣшившись во что бы то ни стало добиться своего.

— Говорятъ вамъ, что мѣста нѣтъ! Слышите? Русскимъ языкомъ вамъ говорятъ: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. Поняли вы меня?

— Понять-то я понялъ,—глухимъ голосомъ отвѣчалъ Мичулинъ:—да вѣдь ѣсть-то все-таки нужно!

— Да что вы ко мнѣ привязались? Да вы знаете ли, что я васъ, какъ неблагонамѣреннаго и назойливаго, туда упеку, куда вы и не думаете! Слышите, — ѣсть нужно! Точно я его крѣпостной! Ну, въ богадѣльню, любезный, идите, въ услуженіе идите... хоть къ чорту идите, только не приставайте вы ко мнѣ съ вашимъ «ѣсть нечего»!

И нужный человѣкъ снова началъ разминать по комнатѣ окоченѣвшіе члены.

— Тутъ цѣлое утро на холоду да на сырости... орешь, кричишь на нихъ, на бестій, а они еще и дома покоя не даютъ...

— Да вѣдь я не виноватъ,—снова возразилъ Иванъ Самойлычъ дрожащимъ голосомъ, худо скрывая накипѣвшую въ груди его злобу: — я не виноватъ, что цѣлое утро на холоду да на сырости...

— А я виноватъ?!—съ запальчивостью закричалъ нужный человѣкъ, топнувъ ногою и сильно пошевеливая плечами.— Виноватъ? а? Да ну, отвѣчайте же!

Иванъ Самойлычъ молчалъ.

— Что жъ вы привязываетесь? Да нѣтъ, вы скажите, что жъ вы пристаете-то? Виноватъ я, что ли, что вамъ ѣсть нечего? Виноватъ? а?

— Стыдно будетъ, если на улицѣ подымутъ,—замѣтилъ Иванъ Самойлычъ тихо.

Digitized by Google

— Отвяжитесь вы отъ меня!—вскричалъ нужный человѣкъ, теряя терпѣніе. — Ну, пусть подымутъ на улицѣ! Я вамъ говорю: нѣтъ мѣста, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Иванъ Самойлычъ вспыхнулъ.

— Такъ нѣтъ мѣста!—закричалъ онъ внѣ себя, подступая къ нужному человѣку: — такъ пусть на улицѣ подымутъ! Такъ вотъ вы каковы, а другимъ, небойсь, есть мѣсто, другіе, небойсь, ѣдятъ, другіе пьютъ, а мнѣ и мѣста нѣтъ!..

Но вдругъ онъ помертвѣлъ; малый-то былъ онъ смирный и безотвѣтный, и робкая его натура вдругъ всплыла наружу. Руки его опустились; сердце упало въ груди, колѣни подгибались.

— Не погубите! — говорилъ онъ шопотомъ. — Виноватъ я! Я одинъ во всемъ виноватъ! Пощадите!

Нужный человѣкъ стоялъ какъ оцѣпенѣлый; съ безсознательнымъ изумленіемъ смотрѣлъ онъ на Ивана Самойлыча, какъ будто не догадываясь еще хорошенько, въ чемъ тутъ дѣло.

— Вонъ! — закричалъ онъ наконецъ, оправившись отъ изумленія: — вонъ отсюда! И если еще разъ осмѣлитесь... понимаете?

Нужный человѣкъ погрозилъ, сверкнулъ глазами и вышелъ изъ комнаты.

VI.

Иванъ Самойлычъ былъ окончательно уничтоженъ. Въ ушахъ его тоскливо и назойливо раздавались страшныя слова нужнаго человѣка:

— Нѣтъ мѣста! нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

— Да отчего же нѣтъ мѣста? Да гдѣ же, наконецъ, мое мѣсто? Боже мой, гдѣ это мѣсто?

И всѣ прохожіе смотрѣли на Ивана Самойлыча какъ будто исподлобья и иронически подпѣвали ему: «да гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, это мѣсто? Вѣдь кто же-нибудь да виноватъ, что нѣтъ его—мѣста-то!»

Digitized by Google

Мичулинъ рѣшился немедленно обратиться съ этимъ вопросомъ къ людямъ знающимъ, тѣмъ болѣе, что его мучили ужъ не одни матеріальныя лишенія, не одна надежда умереть съ голода, но и самая душа его требовала успокоенія и отдыха отъ безпрестанныхъ вопросовъ и сомнѣній, ее осаждавшихъ.

Знающіе люди были не кто иные, какъ извѣстные ужъ читателю Вольфгангъ Антонычъ Беобахтеръ, философіи кандидатъ, и Алексисъ Звонскій, недоросль изъ дворянъ.

Оба друга только-что пообѣдали и, сидя на диванѣ, покуривали себѣ папироски. У Вольфганга Антоныча была въ рукахъ гитара, на которой онъ самымъ сладкозвучнымъ образомъ тренькалъ какую-то страшную бравуру; у Алексиса плавала въ глазахъ какая-то мутная влага, на которую онъ безпрестанно и горько жаловался, говоря, что она мѣшаетъ ему прямо и бодро взглянуть въ самые глаза *холодной, безстрастной* и *безотрадной* дѣйствительности. Друзья, казалось, были въ хорошемъ расположеніи духа, потому что говорили о будущихъ судьбахъ человѣчества и объ эстетическомъ чувствѣ.

Оба друга равно стояли грудью за страждущее и угнетенное человѣчество; разница состояла только въ томъ, что Беобахтеръ, какъ кандидатъ философіи, непремѣнно требовалъ «ррразрррушенія», а Алексисъ, напротивъ того, готовъ былъ положить голову на плаху, чтобъ доказать, что періодъ разрушенія миновался и что теперь нужно *создавать, создавать* и *создавать*...

Ну, клади!—говорилъ Беобахтеръ самымъ равнодушнымъ голосомъ, дѣлая при этомъ обычное движеніе разжатою рукою сверху внизъ и ужъ совсѣмъ приготовившись отмахнуть Алексису его легковѣсную голову.

Но Алексисъ головы не клалъ.

— Ужъ ты не коварствуй!—возглашалъ Беобахтеръ мелодическимъ голосомъ въ ту минуту, когда вошелъ Иванъ Самойлычъ: — ты не уклоняйся, а говори прямо: любишь

Digitized by Google

или не любишь? Любишь—такъ прочь ихъ, съ лица земли ихъ—вотъ что̀! А иначе, не любишь!

— Однакожъ, за что жъ ихъ съ лица земли?—замѣтилъ съ своей стороны Алексисъ.—Я право никакъ не могу понять этого ригоризма...

И дѣйствительно, по лицу Алексиса можно было угадать, что онъ точно никакъ не могъ понять.

Кандидатъ философіи крошечнымъ сжатымъ кулачкомъ описалъ самую незамѣтную дугу.

— И знать ничего не хочу, и видѣть ничего не хочу!—говорилъ онъ медовымъ своимъ голоскомъ:—и не представляй ты мнѣ своихъ резоновъ! Все это софизмы, любезный другъ! Не любишь, говорю тебѣ, не любишь—и все тутъ! Такъ бы и сказалъ съ перваго слова! Разрушить, говорю тебѣ, рррразрушить—вотъ что̀ нужно! А прочее все вздоръ!

И господинъ Беобахтеръ сдѣлалъ нѣсколько аккордовъ на гитарѣ и запѣлъ совершенно особенную и крайне затѣйливую бравуру, но запѣлъ такимъ голосомъ, какъ будто гладилъ кого-нибудь по головкѣ, приговаривая: «паинька, душенька! умница, миленькій!»

— Странно, однакожъ!..—замѣтилъ послѣ нѣкотораго молчанія, собравшись съ мыслями, Алексисъ.

Беобахтеръ сдѣлалъ совершенно незамѣтное движеніе плечами.

Буква *р* снова посыпалась въ страшномъ изобиліи.

— Странно, однакожъ! — не переставалъ возражать съ своей стороны Алексисъ, всякій разъ все болѣе и болѣе собираясь съ мыслями.

— Ужъ я тебя, подлеца, насквозь знаю!—говорилъ Беобахтеръ.—Вѣдь ты «буржуазія», я тебя знаю...

На это Алексисъ отвѣчалъ, что, ей-Богу, онъ не «буржуазія», и что, напротивъ того, для человѣчества готовъ всѣмъ на свѣтѣ пожертвовать, и что если ужъ на то пошло, то, пожалуй, хоть сейчасъ же, среди бѣлаго дня, пойдетъ по Невскому подъ-руку съ мужикомъ.

Digitized by Google

— Ну, ужъ это будетъ не эстетически!—замѣтилъ господинъ Беобахтеръ.

— Нѣтъ, я не думаю, — отвѣчалъ Алексисъ, еще разъ собравшись съ мыслями.

— Что̀ такое эстетическое чувство?—спросилъ господинъ Беобахтеръ, видимо намѣреваясь дать своимъ доказательствамъ вопросительную форму, столь часто употребляемую самыми знаменитыми ораторами.

Алексисъ задумался.

— Эстетическое чувство, — сказалъ онъ, собравшись съ мыслями,—есть то чувство, которымъ въ высшей степени обладаетъ художникъ.

— Что̀ такое художникъ?—столь же отрывисто спросилъ кандидатъ философіи.

Алексисъ снова задумался.

— Художникъ,—сказалъ онъ, въ послѣдній разъ собравшись съ мыслями,—есть тотъ смертный, который въ высшей степени обладаетъ эстетическимъ чувствомъ...

— Гм!—замѣтилъ господинъ Беобахтеръ: — прочь ихъ! съ лица земли ихъ! Нѣтъ имъ пощады!.. Я тебя знаю, всю твою душу насквозь вижу: ты подлецъ, ренегатъ...

— Странно, однакожъ!—замѣтилъ Алексисъ.

Но Вольфгангъ Антонычъ не слушалъ; онъ сдѣлалъ аккордъ на гитарѣ и сладкимъ теноромъ запѣлъ извѣстную: *Разгульна, свѣтла и любовна*, всячески стараясь выразить что-нибудь удалое, отколоть какое-нибудь отчаянное колѣнцо, но рѣшительно безъ всякаго успѣха, потому что колѣнцо оказывалось самымъ смирнымъ и снисходительнымъ.

— А я къ вамъ, господа, насчетъ одного дѣльца,—приступилъ Иванъ Самойлычъ.

Беобахтеръ и Алексисъ начали вслушиваться.

Мичулинъ вкратцѣ изложилъ имъ свои утреннія похожденія, разсказалъ, какъ онъ былъ у нужнаго человѣка, какъ просилъ о мѣстечкѣ, и какъ нужный человѣкъ отвѣчалъ, что мѣста ему нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ... Затѣмъ Иванъ

Digitized by Google

Самойлычъ уныло поникъ головой, какъ бы ожидая рѣшенія знающихъ людей.

Но Беобахтеръ и Алексисъ упорно молчали: первый— потому, что не вдругъ могъ отыскать въ головѣ своей неизвѣстно куда заваливщуюся сильную мысль, которую онъ давно уже припасъ и которая могла однимъ разомъ сшибить съ ногъ вопрошавшаго; второй — потому, что имѣлъ благородную привычку всегда выждать мнѣніе кандидата философіи, чтобъ тутъ же приличнымъ образомъ возразить ему.

— Да вѣдь мнѣ ѣсть нужно,—началъ снова Иванъ Самойлычъ.

— Гм!—сказалъ Беобахтеръ.

Алексисъ началъ собираться съ мыслями.

— Конечно, онъ не виноватъ въ этомъ, — продолжалъ Мичулинъ, съ горечью вспомнивъ полученный утромъ отъ «нужнаго человѣка» жесткій отказъ: — конечно, жизнь лотерея, да въ томъ-то и штука, что вотъ она лотерея, да въ лотереѣ-то этой билета мнѣ нѣтъ...

Беобахтеръ положилъ въ сторону гитару и посмотрѣлъ ему пристально въ глаза.

— Такъ вы меня не поняли?—сказалъ онъ съ укоромъ.— А прочли вы книжку?

Иванъ Самойлычъ отвѣчалъ, что не имѣлъ еще времени. Беобахтеръ грустно покачалъ головой.

— Вы ее прочтите,—убѣждалъ онъ самымъ меланхолическимъ тономъ: — тамъ вы все узнаете, тамъ обо всемъ говорится... Все, что я вамъ ни говорилъ,—все это только предварительныя понятія, намеки; тамъ все полнѣе объяснено... Но ужъ повѣрьте, тутъ иначе и быть не можетъ! Или любишь, или не любишь; тутъ нѣтъ средины, я вамъ говорю!

— Однакожъ, это странно!—тотчасъ же возразилъ Алексисъ, хотя и не развивалъ далѣе своей мысли.

— Такъ вы думаете?—перебилъ Иванъ Самойлычъ.

Digitized by Google

— Прочь ихъ! съ лица земли ихъ! Вотъ мое мнѣніе! Рррр...

— А вы какъ насчетъ этого дѣла? — спросилъ Мичулинъ, обращаясь къ Алексису.

— Моя грудь равно для всѣхъ отверзта! — отвѣчалъ Алексисъ совершенно невинно.

За симъ водворилось глубокое молчаніе.

— Извините, что обезпокоилъ васъ, господа, — сказалъ Иванъ Самойлычъ, намѣреваясь удалиться во-свояси.

На это пріятели отвѣчали, что это ничего, что, *напротивъ*, они очень рады, и что если впередъ случится какая-нибудь нужда, то смѣло обращался бы прямо къ нимъ. При этомъ съ немалымъ также искусствомъ дано было ему замѣтить, что если между ними и существуетъ нѣкоторое разногласіе, то это только въ подробностяхъ, что въ главномъ они оба держатся однихъ и тѣхъ же принциповъ, что, впрочемъ, и самый прогрессъ есть не что иное, какъ дочь разногласія, и если ихъ мнѣнія не безусловно вѣрны, то, по крайней мѣрѣ, о нихъ можно спорить.

Со всѣмъ этимъ Мичулинъ, конечно, не могъ не согласиться, хотя, съ другой стороны, не могъ и не сознаться внутренно, что все это, однакожъ, чрезвычайно мало подвигало его впередъ.

На столѣ у себя онъ нашелъ тщательно сложенную записку. Записка была слѣдующаго содержанія:

«Иванъ Макарычъ Пережига, *свидѣтельствуя свое совершенное почтеніе* его высокоблагородію Ивану Самойлычу, честь имѣетъ покорнѣйше просить его высокоблагородіе, по случаю дня тезоименитства, пожаловать завтрашній день, въ три часа пополудни, откушать обѣденный столъ».

Съ досадою отбросилъ онъ отъ себя затѣйливую записку и легъ спать на кровать.

Но ему не спалось: кровь его волновалась; злоба кипѣла въ груди, и все нашептывалъ тайный голосъ какую-то вкрадчивую и вмѣстѣ съ тѣмъ страшную легенду.

Digitized by Google

Вокругъ все тихо; ни шороха не слышно въ комнатѣ сосѣдки. Мичулинъ всталъ съ постели и началъ ходить по комнатѣ — средство, къ которому прибѣгалъ онъ всякій разъ, когда что-нибудь его сильно тревожило.

А между тѣмъ вѣтеръ все шумитъ на улицѣ, все стучится въ окно къ Ивану Самойлычу и совершенно вразумительно свиститъ ему въ самыя уши: «озябъ, бѣдный вѣтеръ! пусти его, добрый человѣкъ! Богъ наградитъ тебя за это!»

И герой нашъ рѣшительно не знаетъ, кому отвѣчать: продрогнувшему ли вѣтру, или комоду подъ красное дерево и картинѣ, изображавшей, въ противорѣчіе свидѣтельству всей исторіи, погребеніе кота мышами, и ужъ не висѣвшей, а какъ будто бѣгавшей по стѣнѣ, потому что и комодъ, и картина тоже, въ свою очередь, допекали ужасно и насмѣшливо спрашивали: «а отвѣчай намъ, отчего она лотерея? какое твое назначеніе?»

А Наденька, между тѣмъ, вкушала въ сосѣдней комнатѣ, на маленькой своей кроваткѣ, то удивительное кушанье, полное разныхъ дессертовъ и неимовѣрно воздушныхъ пирожныхъ, которое называется сномъ. Въ ея позѣ было нѣчто необыкновенно граціозное и дѣвственное; маленькій уютный ротикъ былъ полуоткрытъ; булавочное ея сердечко быстро и усиленно билось въ миніатюрной темницѣ своей.

Но она не обращала вниманія ни на страстное буйство вѣтра, который, смотря на нее изъ окошка, злился и завывалъ, ни на полный томленія взоръ молодого мѣсяца, только-что скинувшаго съ себя черную эпанчу изъ тучъ, которая, на досаду, не давала ему до тѣхъ поръ пощеголять передъ людьми своею молодостью и удальствомъ. Она спокойно спала-себѣ, какъ и всякая другая смертная, и надо же какому-то злому недругу безпокоить и будить ее въ эту сладкую минуту; надо же, чтобъ какая-то безобразная бѣлая фигура дернула ее за руку въ самый патетическій моментъ сна!..

Открывъ заспанные глаза, Наденька не мало струхнула.

Digitized by Google

Въ околоткѣ давно уже носились слухи насчетъ какой-то странной болѣзни, которая ходила будто бы изъ дома въ домъ въ самыхъ странныхъ формахъ, проникала въ самые сокровенные закоулки квартиръ и, наконецъ, очень равнодушно приглашала на тотъ свѣтъ.

Сообразивъ всѣ эти обстоятельства, Наденька сильно встревожилась, потому что была крайне животолюбива и ни за что въ свѣтѣ не согласилась бы умереть. А привидѣніе, между тѣмъ, не шевелилось и молча устремило на нее глаза свои. Наденька заключила, что дѣло-то плохо, и что конецъ ея пришелъ невозвратно, и потому, простившись мысленно съ ученымъ своимъ другомъ и поручивъ, кому слѣдуетъ, свою крошечную душу, обдумала ужъ, какой дастъ *тамъ* отвѣтъ въ своемъ бренномъ и нѣсколько легкомъ земномъ странствіи, какъ вдругъ молодой и щеголеватый мѣсяцъ взглянулъ прямо въ лицо привидѣнію.

— Такъ вы такъ-то! — вскричала Наденька, оправившись внезапно отъ своего испуга и быстро вскочивъ съ постели, несмотря на очевидную легкость своего костюма:— такъ вы вотъ какъ! Вы не удовлетворяетесь тѣмъ, что по цѣлымъ ночамъ стонете и не даете мнѣ спать, — вы еще подсматривать вздумали! Вы думаете, что я не благородная, не мадамъ, такъ со мною все, дескать, можно! Ошиблись, сударь, очень ошиблись! Конечно, я простая дѣвица; конечно, я русская, да не хуже иной барыни, не хуже нѣмки; вотъ что-съ!

И маленькіе глазки ея горѣли; маленькія ноздри раздувались; маленькія губы дрожали отъ гнѣва и негодованія... Но привидѣніе, которое было не что иное, какъ самъ Иванъ Самойлычъ, вмѣсто отвѣта, издало чрезвычайно простой и односложный звукъ, болѣе похожій на мычанье, нежели на вразумительный отвѣтъ.

— Я все понимаю! — бойко сыпала, между тѣмъ, Наденька: — все понимаю не хуже всякой другой... Безстыдникъ, сударь, срамникъ!

Digitized by Google

Иванъ Самойлычъ отвѣчалъ, но какъ-то отрывисто и несвязно; и при томъ звукъ его голоса былъ такъ сухъ и беззвучно-безстрастенъ, какъ будто ему и не шутя было больно и тошно жить на свѣтѣ.

Говорилъ онъ все прежнюю исторію, что вотъ, дескать, другіе ѣдятъ, другіе пьютъ... все другіе...

Наденька слушала его въ страхѣ и трепетѣ; никогда она не видѣла его столь рѣшительнымъ; сердце ея упало; голосъ замеръ въ груди; она хотѣла звать на помощь и не могла; умоляя, простирала она свои маленькія ручонки къ лукавому нарушителю ея спокойствія; жалобенъ и безмолвно-краснорѣчивъ былъ ея взоръ, взывавшій о пощадѣ... Привидѣніе остановилось.

— Такъ вамъ очень гадко со мною?..—сказало оно голосомъ, заглушаемымъ накипѣвшими въ груди рыданіями:— такъ я очень противенъ?..

— Оставьте меня!—едва слышно шептала Наденька.

Привидѣніе не трогалось; молча стояло оно у завѣтнаго изголовья, и невольныя слезы непризнанной горести, слезы оскорбленнаго самолюбія крались по впалымъ и блѣднымъ какъ смерть щекамъ его.

— Богъ съ вами! — сказало оно шопотомъ и медленно направило къ двери шаги свои.

Наденька вздохнула свободно. Сгоряча, она хотѣла-было закричать и объявить всѣмъ и каждому, что вотъ, дескать, такъ и такъ; но—странное дѣло!—ни съ того, ни съ сего почувствовала она, какъ будто въ груди ея вдругъ зашевелилось что-то такое, что, съ одной стороны, очень и очень намекало на совѣсть, а съ другой—могло назваться, пожалуй, и жалостью. Грустно взглянула она вслѣдъ удаляющемуся Ивану Самойлычу и даже чуть-чуть не рѣшилась позвать его назадъ, чтобъ объяснить ему, что не виновата же и она, что дѣло такой оборотъ приняло... И все-таки ничего не сказала, а просто посмотрѣла, какъ онъ вышелъ изъ комнаты, заперла плотнѣе дверь, покачала го-

Digitized by Google

ловой, прибрала съ полу двѣ или три завалявшіяся бумажки и снова легла почивать.

VII.

Именинный обѣденный столъ былъ устроенъ на славу. Шарлотта Готлибовна не пожалѣла ни трудовъ, ни издержекъ, чтобъ угодить своему любезному кавалеру. Она истоптала себѣ всѣ ноги, но къ тремъ часамъ все уже было готово. Даже она, сухопарая и продолговатая хозяйка, приличнымъ образомъ подкрасившись, рисовалась въ столовой, производя пріятный для слуха шумъ накрахмаленною какъ картонъ юбкою.

Когда Иванъ Самойлычъ явился въ столовую, вся компанія была ужъ на-лицо. Впереди всѣхъ торчали черные какъ смоль усы дорогого именинника; тутъ же, въ видѣ неизбѣжнаго приложенія, подвернулась и сухощавая и прямая какъ палка фигурка Шарлотты Готлибовны; по сторонамъ стояли извѣстные читателю: кандидатъ философіи Беобахтеръ и обольстительный, но нѣсколько апатическій недоросль Алексисъ, подъ-руку съ дѣвицей Ручкиной.

Казалось, Наденька была совершенно довольна своею судьбой, потому что очень любила порядочную компанію и вообще чувствовала нѣкоторый недугъ къ людямъ, которые не принадлежали къ такъ-называемой швали — мастеровымъ, лакеямъ, кучерамъ и далѣе до безконечности.

Конечно, разсуждая строго, происхожденіе Шарлотты Готлибовны было покрыто весьма густымъ мракомъ неизвѣстности, но Наденька смотрѣла на этотъ предметъ снисходительно. Она, разумѣется, не могла не допустить, что Шарлотта Готлибовна, дѣйствительно, не-русская...

И теперь, какъ и всегда, Иванъ Макарычъ шутилъ надъ ученымъ Алексисомъ, приговаривая:

— А подлецъ Бинбахеръ-то! Знать ничего не хочетъ! Ничего, говоритъ, не надо, все уничтожу, все съ глазъ долой! Ахъ, эти нѣмцы!

Digitized by Google

И по обыкновенію, Шарлотта Готлибовна, потупивъ глаза, отвѣчала: «О, ви очень любезни кавалиръ, Иванъ Макарычъ!» И по обыкновенію, осталось покрыто мракомъ неизвѣстности, кого именно разумѣлъ господинъ Пережига подъ словомъ: «Бинбахеръ».

— А не выпить ли намъ водочки, мадамъ? — возопилъ именинникъ, обращаясь къ Шарлоттѣ Готлибовнѣ. — Вѣдь нынче времена-то опасныя! Слышь ты, холера по свѣту бродитъ! А вотъ мы ее, холеру, вотъ мы ее, по-свойски-то, по-нашему!

И дѣйствительно, холера, вѣроятно, сильно поморщилась, когда господинъ Пережига вытянулъ однимъ глоткомъ огромную рюмку, которую онъ не безъ ѣдкости называлъ стаканчикомъ на ножкѣ.

За обѣдомъ было очень весело; лица всѣхъ смотрѣли какъ-то благопріятно и одобрительно. Алексисъ безпрестанно, и кстати, и некстати, улыбался; Беобахтеръ тоже не дѣлалъ обычнаго движенія рукою сверху внизъ; Пережига же всѣхъ по чести увѣрялъ, что Бинбахеръ ничего не знаетъ, потому что нѣмецъ, а вотъ у него спросите, такъ онъ русскій и знаетъ, да еще такъ знаетъ, что у Шарлотты Готлибовны отъ одной этой мысли закатывались подъ лобъ глаза.

— У, какъ я былъ на своей-то сторонѣ!—гремѣлъ онъ, съ самодовольнымъ видомъ покручивая усы.—У меня былъ дворъ... то-есть, что всѣ эти здѣшніе дворы,—просто дрянь! Однихъ егерей было человѣкъ пятьдесятъ! Музыканты свои были! Театръ домашній былъ! Плясуньи были, комедіи представляли! Вотъ оно, какое житье-то было,—любезное житье!

Конечно, Иванъ Макарычъ бо̀льшую половину прихвастнулъ, но присутствующіе изъ учтивости почли долгомъ не возражать ему, а Шарлотта Готлибовна даже совершенно была увѣрена въ истинѣ словъ своего любезнаго кавалера и съ непритворнымъ участіемъ вмѣшалась въ разговоръ, сказавъ въ скобкахъ:

Digitized by Google

— О, это, должно-быть, ужасно чудесно было!

— Ужъ такъ чудесно, что просто невозможно! Ужъ я вамъ скажу, такіе были актеры—просто на славу! Вся губернія съѣзжалась смотрѣть—истинно вамъ говорю!

По поводу актеровъ господина Пережиги разговоръ перешелъ вообще къ оцѣнкѣ эстетическихъ и другихъ способностей человѣка, и при этомъ развивались гостями самыя мудрыя и затѣйливыя мысли.

Беобахтеръ, махая ручонкою сверху внизъ, говорилъ самымъ пріятнымъ и вкрадчивымъ теноромъ, что оно, конечно, ничего, жить можно, а все-таки недурно и даже полезно, если «прихлопнетъ» да «притиснетъ». Буква *р*, по обыкновенію, играла и тутъ весьма немаловажную роль.

Алексисъ болталъ во рту языкомъ и безотчетно размахивалъ во всѣ стороны руками.

Шарлотта Готлибовна утверждала насчетъ этого предмета что-то столь жестокое и обидное, что Наденька почла за долгъ вступиться и тутъ же колко дать ей почувствовать, что она хотя и благородная нѣмка (о! никто въ этомъ не сомнѣвается!) и хотя «всѣмъ, конечно, извѣстно», что въ *ихней* землѣ водятся дворяне, но вѣдь и въ другихъ земляхъ отнюдь не всѣ же мастеровые или чумички какіе-нибудь... О, нѣтъ, далеко не всѣ!

Весь этотъ шумъ покрывался густымъ басомъ Пережиги, который смѣло утверждалъ, что все это вздоръ, что тутъ «иначе» быть нельзя, и что у него, дескать, спросите, такъ онъ знаетъ и мигомъ все объяснитъ.

— А скажите, пожалуйста,—началъ, между тѣмъ, Иванъ Самойлычъ, очевидно стараясь исподволь дать разговору интересующій его оборотъ: — вотъ вы, Иванъ Макарычъ, вы человѣкъ опытный, бывалый... Вотъ хоть бы у васъ: вѣдь, я думаю, у каждаго изъ нихъ было свое особенное назначеніе, своя особенная, такъ сказать, роль въ жизни?..

— Разумѣется, было; чего на свѣтѣ не бываетъ! — отвѣчалъ Иванъ Макарычъ, отъ частыхъ возліяній одобрительно

Digitized by Google

кивая на всѣ стороны головой. — Извѣстно — одинъ псарь, другой егерь, третій, просто, чумичка! Какъ не быть!

И опять пошли толки о трудности отыскать человѣку въ бренной его жизни назначеніе. Пережига отзывался, что тутъ вообще «поломаешь-таки себѣ голову», и дѣйствительно, въ то же время началъ съ такимъ рвеніемъ ломать себѣ голову при видѣ безпрестанно возрастающихъ и вновь отвсюду возстающихъ затрудненій, что непремѣнно погибъ бы въ этой борьбѣ, если бы не спасъ его извѣстный стаканчикъ на ножкѣ, которому онъ не переставалъ свидѣтельствовать свое почтеніе.

— Мое тутъ мнѣніе вотъ какое, — вмѣшался господинъ Беобахтеръ: — все это вздоръ, а нужно — вотъ...

И махнулъ рукою сверху внизъ.

Хотя послѣднія слова были сказаны особенно мелодическимъ теноромъ, но Алексисъ не преминулъ возразить своему ученому противнику, сказавъ, что онъ не видитъ, почему непремѣнно — «вотъ», и что гораздо лучше, если для всѣхъ равно отверзты объятія. При этомъ Алексисъ размахивалъ руками и дѣйствительно для всѣхъ отверзалъ объятія.

— Такъ вотъ вы изволили замѣтить, — снова обратился Мичулинъ къ Пережигѣ: — что одинъ чумичка, другой егерь... Ну, это понятно: они ужъ люди такіе — ну, и роли по нихъ... А вообще-то какъ вы понимаете? То-есть, вообще-то человѣку какая роль предстоитъ въ жизни? Вотъ хоть бы мнѣ, напримѣръ? — прибавилъ онъ въ видѣ предположенія.

И умолкъ.

И всѣ гости тоже сурово молчали, какъ будто никто и не предвидѣлъ со стороны господина Мичулина подобнаго философическаго вопроса...

— Мое мнѣніе вотъ какое, — разразился, наконецъ, сладкозвучный Беобахтеръ: — прочь все — вотъ!..

И на этотъ разъ Алексисъ, по обыкновенію, отозвался,

Digitized by Google

что *никакъ не можетъ понять этого ригоризма*, и что гораздо лучше, если для всѣхъ равно отверзты объятія.

Но сомнѣніе все-таки осталось сомнѣніемъ, запутанное дѣло ни на шагъ не подвинулось впередъ.

— Такъ ка́къ же вы думаете, Иванъ Макарычъ? — снова навязывался Мичулинъ.

— Это ужъ вы вотъ у нихъ спросите, — лаконически отвѣчалъ Пережига, закрывая глаза отъ излишества возліяній. — Это имъ будетъ лучше извѣстно!

Съ этимъ словомъ Иванъ Макарычъ, а за нимъ и всѣ гости вышли изъ-за стола.

Но именинникъ сильно ошибался, если въ числѣ таинственныхъ «ихъ» разумѣлъ и ученаго Алексиса.

Алексисъ, казалось, такъ сильно желалъ всякаго счастія дорогому имениннику, что отъ полноты чувства едва могъ болтать во рту языкомъ.

— Ты не горюй, другъ, — говорилъ онъ, обращаясь къ Ивану Самойлычу: — ты другъ! я тебя знаю! ты смиренный и кроткій — вотъ!.. Вотъ онъ такъ буйный; я знаю, чего онъ хочетъ! Да вотъ не дадутъ же тебѣ ничего! да! Вотъ же, на зло тебѣ, для всѣхъ отверзты объ-я-тія!.. да... о-б-ъ-я-т-і-я...

Наденька сѣла возлѣ него, начала усовѣщивать, уговаривала, чтобъ онъ былъ хоть мало-мальски поумнѣе, но Алексисъ ничѣмъ не трогался, потому что въ нетрезвомъ видѣ непремѣнно считалъ долгомъ пускаться въ конфиденціи и обнажать до-гола свою крохотную душу.

— Ты оставь, ты отойди отъ меня, хорошій, милый ты человѣкъ! — говорилъ онъ, вертя головою. — Вѣдь я знаю, что̀ ты про меня думаешь! что̀ и онъ... вотъ тотъ, что отъ философіи-то... Я все знаю, да плевать я... Я самъ знаю, что глупъ, самъ это чувствую, милый ты человѣкъ, самъ вижу... Ну, что жъ! глупъ такъ глупъ... ужъ такая, видно, слабая моя голова.

Digitized by Google

И захохоталъ, какъ будто бы и самъ отъ всей души поздравлялъ себя съ тѣмъ, что глупъ и слабоголовъ.

Беобахтеръ съ своей стороны не возражалъ ничего, потому что самъ чувствовалъ въ сердцѣ пріятную веселость и махалъ рукою ужъ не сверху внизъ, а снизу вверхъ.

— Да ужъ ты не скрывайся... ты! философъ! — продолжалъ, между тѣмъ, Алексисъ:—вѣдь я вижу... я вижу, что ты меня презираешь... ну, презирай! Вѣдь я самъ чувствую, что достоинъ презрѣнія... др-у-угъ! Да вѣдь что жъ дѣлать, коли голова-то слаба! Голова-то, голова, вотъ что!..

— Ну, нализался же ты, братъ! — лаконически замѣтилъ Иванъ Макарычъ.

— А еще баринъ! туда же бариномъ зовется! — подхватила дѣвица Ручкина.

— Ужъ какой же баринъ! — жаловался въ отвѣтъ Алексисъ: — баринъ!.. Самому иногда ѣсть нечего — баринъ! Сапоговъ нѣтъ — баринъ! Пальто на плечишкахъ изорванное — баринъ!.. Вотъ-те и баринъ! Да ужъ я вижу, что ты меня презираешь!.. ты! философъ!

И снова воображеніе Алексиса начало рисовать ему самыя горестныя картины, и снова пуще прежняго началъ онъ жаловаться на свою слабую голову, на судьбу, на одного таинственнаго незнакомца, обсчитывавшаго его по литературной части, и ко всему прибавлялъ: — баринъ!

Наконецъ, дѣвица Ручкина почла долгомъ увести его въ свою комнату.

Уныло посмотрѣлъ Иванъ Самойлычъ вслѣдъ расходящимся гостямъ. Онъ видѣлъ, какъ Иванъ Макарычъ пошелъ подъ-руку съ Шарлоттой Готлибовной, какъ Алексисъ съ своей стороны пошелъ съ Наденькой — тоже подъ-руку... Да и философіи кандидатъ Вольфгангъ Антонычъ Беобахтеръ поспѣшно надѣлъ шинель и отправился на улицу, вѣроятно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ пройтись съ кѣмъ-нибудь — тоже подъ-руку!..

И онъ тоже шелъ подъ-руку, но не съ Наденькой и

Digitized by Google

даже не съ Шарлоттой Готлибовной, а съ какимъ-то безтѣлеснымъ и чрезвычайно длиннымъ существомъ, называющимся: «что̀ ты такое? какое твое назначеніе?» и такъ далѣе, — существомъ уродливымъ, которое, несмотря на видимую свою безплотность, страшно оттянуло ему обѣ руки.

VIII.

Разгоряченный виномъ и горькими мыслями, вышелъ Иванъ Самойлычъ на улицу. На дворѣ стоялъ трескучій морозъ, который въ Петербургѣ весьма часто слѣдуетъ за самою несносною слякотью; извозчики, съёжившись въ клубокъ, проминались по укатанной дорогѣ и хлопали въ ладоши. Въ окнахъ высокихъ домовъ мелькали огни... Огни эти такъ гостепріимно манили къ себѣ прозябнувшаго и посинѣвшаго на стужѣ странника, извозчики такъ тоскливо и вмѣстѣ недовѣрчиво смотрѣли на нихъ... Оборванному и оглоданному всегда кажется, что огонекъ какъ будто бы именно *на него* съ особенною привѣтливостью глядитъ изъ окна...

Но Иванъ Самойлычъ не думалъ ни объ огняхъ, ни объ извозчикахъ. Машинально шелъ онъ-себѣ въ легкой шинелишкѣ своей, какъ будто бы вовсе и не чувствовалъ холода; въ головѣ его было совсѣмъ пусто; одна только мысль чудовищно раскинулась въ его воображеніи — та мысль, что у него всего-на-все остался въ карманѣ одинъ цѣлковый, а между тѣмъ надо жить, надо ѣсть, надо за квартиру платить.

Но холодъ все-таки дѣлалъ свое дѣло. Какъ ни закованъ былъ Иванъ Самойлычъ въ тройную броню неудачъ и лишеній, но не могъ не почувствовать покалываній и пощипываній своего привычнаго друга. Очнувшись невольно, онъ увидѣлъ передъ собою огромное снѣговое пространство, болѣе похожее на поле, чѣмъ на городскую площадь. По срединѣ поля возвышалось великолѣпно освѣщенное камен-

Digitized by Google

ное зданіе; у подъѣздовъ суетились кареты, сани, возки, кричали кучера и лакеи; тамъ и сямъ подъ навѣсами пылали зажженные костры. А холодъ, между тѣмъ, щипалъ лицо, ломилъ черепъ, рѣзалъ глаза; шинелька защищала плохо и скудно...

Видъ залитаго свѣтомъ зданія сильно расшаталъ вожделѣніе въ окоченѣвшемъ тѣлѣ Ивана Самойлыча; онъ вспомнилъ про цѣлковый, бывшій у него въ карманѣ, и потомъ, по какому-то безотчетному побужденію, взглянулъ на разложенные костры... Костры пылали краснымъ пламенемъ и далеко по площади разстилали густой и ѣдкій дымъ...

«Что жъ... можно и тутъ обогрѣться!» — подумалъ Иванъ Самойлычъ.

Но странная, искусительная мысль блеснула вдругъ въ головѣ его: секунду, не болѣе какъ секунду, стоялъ онъ въ-раздумьи; потомъ вынулъ изъ кармана цѣлковый, съ ожесточеніемъ взглянулъ на него, и въ одно мгновеніе ока былъ ужъ у кассы театра и покупалъ себѣ билетъ въ пятомъ ярусѣ.

Какъ нарочно, въ этотъ день давали какую-то героическую оперу. Въ театрѣ народу была куча; съ шумомъ растворялись и запирались двери ложъ; смутный и густой говоръ носился по огромной залѣ отъ партера и до райка.

Иванъ Самойлычъ очутился посрединѣ между однимъ бравымъ офицеромъ и какою-то довольно красивою, но сильно намазанною дѣвицей.

Съ злобой смотрѣлъ онъ внизъ, на безпрестанно наполнявшіяся ложи, на дамъ въ кокетливыхъ нарядахъ, которыя влетали въ нихъ подобно легкимъ и призрачнымъ видѣніямъ...

Но вотъ и говоръ утихъ. Посреди всеобщаго безмолвія вдругъ послышался отдаленный горный рожокъ; въ какомъ-то полуснѣ началъ прислушиваться Иванъ Самойлычъ къ простой и жалобной мелодіи его. Въ памяти его вдругъ воскресли давнишніе годы его дѣтства, необозримыя и

Digitized by Google

ровныя поляны, густой сосновый лѣсъ, синее озеро, лѣниво расплескивавшее свои волны, и посреди всего этого самая беззвучная, глубокая тишина, и только рожокъ, именно рожокъ, назойливо звучитъ въ самое ухо и именно ту же самую простую и трезвую мелодію. Но вотъ рожку начинаетъ вторить флейточка, къ флейточкѣ нерѣшительно присоединяется скрипка, и вдругъ звуки начинаютъ рости, рости и наконецъ цѣлые потоки ихъ вырвались съ шумомъ изъ оркестра и заходили по залѣ.

Загудѣли контрабасы; тоскливо жаловались нѣжныя флейточки; назойливо рвали душу скрипки; отрывисто и сухо командовалъ барабанъ.

Герой нашъ ожилъ; блѣдный, притаивъ дыханіе, упивался онъ жалобнымъ стономъ флейты, отчаяннымъ воплемъ скрипки; всѣ нервы его были въ какомъ-то болѣзненномъ, небываломъ напряженіи, голова горѣла, губы и глаза были сухи, во всемъ существѣ его разыгралась такая же буря, какая происходила въ оркестрѣ.

— Вотъ это такъ хорошо! такъ ихъ! руби ихъ! мо-шенни-ки, хри-сто-про-давцы! — шепталъ онъ, самъ хорошенько не сознавая, почему бравурная музыка напоминала ему мошенниковъ и христопродавцевъ.

— Что жъ, хлопайте! выражайте же свое удовольствіе!— замѣтилъ на ухо Мичулину сидѣвшій сзади какой-то сынъ природы съ огромными усами и бородой.

Занавѣсъ былъ поднятъ; на сценѣ, неизвѣстно о чемъ, но очень складно, толковала густая толпа; потомъ толпа разступилась, и какой-то господинъ началъ что-то пѣть. У Ивана Самойлыча не было ни либретто, ни обязательнаго сосѣда, поэтому онъ очень немного понялъ изъ всего этого. Однакожъ, по всему было видно, что господинъ былъ доволенъ собою и не мало сочувствовалъ восходящему солнцу, потому что сильно разводилъ руками.

— Фразы, братъ! вздоръ все это! знаемъ мы! — говорилъ господинъ Мичулинъ, на котораго видимо началъ дѣйство-

Digitized by Google

вать образъ мыслей Беобахтера. — Знаемъ мы эту природу! Ты намъ давай барабановъ — вотъ что̀!

И барабанъ не заставилъ себя ждать; музыка снова загремѣла полнымъ оркестромъ, и снова громъ заходилъ и заколыхался волнами по залѣ.

— Выражайте же свое удовольствіе! — приставалъ упомянутый выше сынъ природы.

Ощущеніе, произведенное этой громкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-стройной музыкой, было какъ-то странно и ново для Ивана Самойлыча. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобъ за звуками могла ему слышаться толпа — да и какая еще толпа! — вовсе не та, которую онъ ежедневно привыкъ видѣть на Сѣнной или на Конной, а такая, какой еще онъ не видывалъ, — и что̀ всего страннѣе — возможность которой онъ вдругъ началъ весьма ясно и отчетливо сознавать.

«Да, дѣло-то было бы лучше! — думалъ онъ, прогуливаясь въ антрактѣ по коридору. — Тогда бы, можетъ-быть, и я»...

И онъ не оканчивалъ своей фразы, потому что и безъ дальнѣйшаго объясненія очень хорошо и отчетливо постигалъ, что̀ было бы тогда.

Но вотъ оркестръ снова заигралъ. Сначала происходили неизбѣжныя объясненія любовниковъ; какая-то то̀щая госпожа преизрядно передавала смирному и безотвѣтному клеврету свои чувства; клевретъ слушалъ совершенно равнодушно и только ждалъ случая, чтобы дать тягу за кулисы. Потомъ вприпрыжку выбѣжалъ изъ-за кустовъ какъ будто нарочно тутъ же очутившійся господинъ въ бархатной кацавейкѣ...

Мичулинъ все время отрицательно кивалъ головой, находя, повидимому, что все это фразы...

Но вотъ на сцену спустилась ночь; красноватая луна горѣла на холстинномъ небѣ; озеро синѣло вдали; всѣ деревья будто притихли и притаились въ ожиданіи чего-то страшнаго, необыкновеннаго; нигдѣ ни шороха, ни шелеста...

Digitized by Google

И вдругъ, посреди безмолвія, раздается окликъ, и снова все стихло; вотъ и еще окликъ, и еще, и еще... Деревья какъ будто оживились и выпрямили сонныя верхушки свои; озеро заходило холстинными волнами; луна горитъ все краснѣе и краснѣе...

Снова цѣлый громъ на сценѣ, снова все волнуется и колышится, и слышатся Ивану Самойлычу и выстрѣлы, и стукъ сабель, и чуется ему дымъ...

Съ волненіемъ смотритъ онъ во всѣ глаза на сцену; съ судорожнымъ вниманіемъ слѣдитъ за каждымъ движеніемъ толпы; ему и въ самомъ дѣлѣ кажется, что вотъ, наконецъ, все кончится; онъ хочетъ самъ бѣжать за толпою и понюхать заодно съ нею обаятельнаго дыма... Съ особенною нѣжностью смотритъ онъ на молодого человѣка, раздирающимъ голосомъ молящаго оставить ему его любовь и наивныя мечтанія... Онъ такъ юнъ, такъ свѣжъ еще, молодой человѣкъ! Ему такъ жалко вдругъ разстаться съ своими обаятельными кумирами; ему хотѣлось бы еще долго обманывать свое сердце и убаюкивать себя золотою мечтой. Но тщетны всѣ его усилія: истина на-лицо; она трезво и безъ страха снимаетъ съ души его лишніе покровы... И грустно повторяетъ горное эхо вопль юноши, послѣдній вопль!

. . . . . .

Вотъ что̀ говорили звуки душѣ Ивана Самойлыча.

Но барабаны и выпитое за обѣдомъ вино порядочно-таки расшатали его воображеніе. Быстрыми шагами шелъ онъ по улицѣ, напѣвая какой-то вовсе недвусмысленный мотивъ и сильно стараясь поддѣлаться подъ барабанъ. Рядомъ съ нимъ очутился и сынъ природы, который сидѣлъ сзади него въ театрѣ. Съ сыномъ природы шелъ еще какой-то господинъ, который безпрестанно кивалъ утвердительно головой и улыбался.

— Ну, что̀, какъ вамъ понравилась опера?—приступилъ сынъ природы къ Ивану Самойлычу.—Вѣдь съ перчикомъ опера-то? а? Какъ вы насчетъ этого?

Digitized by Google

— Да; я думаю, что если бы...—процѣдилъ Иванъ Самойлычъ сквозь зубы.

— Ужъ и не говорите! Я самъ объ этомъ много думалъ, а вотъ насъ-то мало... Вотъ что! А я ужъ думалъ объ этомъ, какъ не думать! Спросите вонъ хоть у него. Антоша! ну, скажи, вѣдь думалъ я объ этомъ?

Антоша поспѣшно закивалъ головой и выставилъ рядъ острыхъ и длинныхъ зубовъ.

— Рекомендую вамъ его! — продолжалъ сынъ природы, подводя къ Ивану Самойлычу Антошу. — Благороднѣйшій человѣкъ! Я вамъ скажу, мы много съ нимъ думаемъ, чортъ возьми! Чудеснѣйшая душа, и какъ сострадаетъ! Право, никто такъ не сострадаетъ! Антоша! другъ! пріятель!

Антоша осклабился.

— Очень радъ! — пробормоталъ Иванъ Самойлычъ, совершенно сконфуженный такою безцеремонностью.

— Вамъ, можетъ-быть, странна такая откровенность?— говорилъ, между тѣмъ, господинъ съ усами и бородой.—Я вамъ скажу, вы не удивляйтесь. Вѣдь я замѣчалъ за вами въ театрѣ-то; я видѣлъ, что подлѣ меня человѣкъ страдаетъ.

Молчаніе.

— Такъ какъ вы думаете, не соединиться ли намъ въ одни общія объятія? а? Вѣдь какъ заживемъ-то! лихо, ей-Богу, лихо заживемъ... Братство—канальство! братство—вотъ моя метода! больше знать ничего не хочу! То-есть, отнимите у меня братство—просто, ничего не останется, просто, дрянь-дрянью сдѣлаюсь!.. Такъ, что ли? братство, что ли? Эхъ, канальство, да отвѣчай же, ракалья, забулдыга ты этакой!

И едва началъ Иванъ Самойлычъ соображать, какимъ образомъ могъ онъ вдругъ возбудить въ постороннемъ человѣкѣ столько симпатіи къ себѣ, какъ ужъ сынъ природы тискалъ его въ своихъ объятіяхъ и словно жесткою щеткою дралъ ему щеки своими усами и бородою, безпрестанно приговаривая: «вотъ такъ люблю! разомъ тебя понялъ! ра-

Digitized by Google

зомъ увидѣлъ, что̀ ты такое! У, да надѣлаемъ же мы имъ теперь вмѣстѣ дѣла!»

— Да ну, полѣзай же! — говорилъ онъ, обращаясь къ пріятелю Антошѣ и сталкивая его съ Иваномъ Самойлычемъ.

Антоша всѣмъ тѣломъ кинулся въ объятія оторопѣвшаго героя нашего.

Путники очутились около одного дома, котораго окна были ярко освѣщены. Сынъ природы остановился.

— А не запечатлѣть ли намъ?—спросилъ онъ съ такимъ видомъ, какъ будто у него вдругъ родилась чрезвычайно свѣтлая и благотворная мысль.—Антоша! пріятель! другъ! запечатлѣть? а?

И онъ мигалъ глазами вычурной вывѣскѣ, на которой въ живописномъ безпорядкѣ красовались бильярдъ, чашки, окорокъ ветчины съ воткнутою въ него вилкою и графины съ водкой.

Антоша три раза улыбнулся и шесть разъ кивнулъ головой.

— Ну, а ты?—обратился сынъ природы къ Ивану Самойлычу.

— Я не знаю,—бормоталъ Мичулинъ:—я забылъ... я бы съ радостью, да вотъ забылъ...

— Антоша! другъ! про что̀ это онъ говоритъ? а? Вѣдь про деньги, кажется, говоритъ, измѣнникъ, прррeдатель!

— Ка... — заговорилъ Антоша и не кончилъ, а только клюнулъ кончикомъ носа въ стѣну.

Сынъ природы сталъ передъ Иваномъ Самойлычемъ, разставилъ ноги, уперся руками въ бока наподобіе ферта, взглянулъ ему въ глаза съ видомъ горько-уязвленной дружбы и съ упрекомъ замоталъ головой.

— А, такъ вотъ ты каковъ, предатель! Деньги! Развѣ я спрашивалъ у тебя денегъ? спрашивалъ? а? Такъ вотъ я же тебя—деньги! Антоша, другъ!

И оба друга мгновенно взяли Ивана Самойлыча подъ-

Digitized by Google

руки и быстро потащили его вверхъ по тускло-освѣщенной лѣстницѣ.

Мичулинъ совсѣмъ растерялся. Онъ еще въ первый разъ видѣлъ къ себѣ столько сочувствія, столько горячей симпатіи. И въ комъ?—въ людяхъ совершенно ему чужихъ, въ людяхъ, которыхъ ему довелось разъ только видѣть, и то мимоходомъ.

Половые засуетились. Машина заиграла.

— Эй, малый!—кричалъ сынъ природы:—да что это она, братецъ, тамъ у васъ размазню какую-то играетъ! Ты намъ давай барабановъ—вотъ что! Э? съ барабанами есть?

— Никакъ нѣтъ-съ, — отвѣчалъ половой, бодро потряхивая кудрями.

— Отчего жъ нѣтъ?

— Да не требуется,—отвѣчалъ половой.

— Не требуется? Э, братъ, видно, къ вамъ народъ-то такой, людишки-то все такіе — размазня — ходятъ! Нѣтъ, братъ, мы вотъ втроемъ, мы души крѣпкія, закаленныя... Антоша, а, Антоша! другъ! закаленныя души, а?

— О-о-охъ! — жаловался сынъ природы, покручивая усы:—времена-то наши еще не пришли, а то бы чего-чего мы втроемъ ни надѣлали. Слышь ты, оселъ! слышишь, олухъ?—продолжалъ онъ, обращаясь къ половому. — Вотъ мы втроемъ какіе люди! Такъ ты давай намъ барабановъ, бравуру давай—вотъ что, понимаешь? Ну, проваливай, да неси скорѣе, что̀ тамъ у васъ есть!

Черезъ минуту столъ былъ уставленъ бутылками, графинами и стаканами. Въ сторонѣ скромно стояла закуска.

— Ужъ я таковъ есть! — говорилъ сынъ природы, наливая стаканы.—Я вотъ весь тутъ на ладони, что̀ хочешь со мною дѣлай! Любишь—другъ! не любишь—Богъ съ тобою! А я ужъ тутъ весь, какъ есть сынъ природы! Ни лукавства, ни хитрости!

Иванъ Самойлычъ выпилъ—горько.

— Да ну, пей же! она, водка, откровенная! Вотъ и я

Digitized by Google

откровенный! Вотъ и постегали меня разъ, а я все-таки откровенный—не могу, нельзя мнѣ иначе! Антоша, Антоша! — продолжалъ онъ съ укоромъ: — и ты другъ послѣ этого? и тебѣ не стыдно, а? Даръ природы стоитъ передъ тобою, и тебѣ не совѣстно? Ай-да другъ! Ну, осрамилъ, братъ!

Антоша выпилъ однимъ разомъ...

И пили они много и долго пили. Иванъ Самойлычъ и не помнилъ счета; едва опоражнивалъ онъ стаканъ, какъ передъ нимъ выросталъ новый и совершенно полный. Смутно, какъ будто во снѣ, мерещились ему тосты, предлагаемые зычнымъ голосомъ сына природы.

Иванъ Самойлычъ потерялъ всякое чувство. Онъ видѣлъ, правда, что сынъ природы какъ будто собрался куда-то выйти съ Антошей и что-то указывалъ на него половому, но ничего не понялъ изъ всѣхъ этихъ жестовъ и разговоровъ.

Когда онъ проснулся, на дворѣ было ужъ свѣтло. На столѣ лежали объѣдки вчерашней закуски, стояли графины съ недопитой водкой. Въ головѣ его было тяжело; руки и ноги дрожали.

Онъ началъ припоминать себѣ происшедшее, искалъ глазами своихъ товарищей, но въ комнатѣ не было никого. Внезапно въ душу его закралось тревожное сомнѣніе. «Что, если это мошенники! — подумалъ онъ: — что, если они завели меня, чтобъ поужинать, да потомъ, напоивши, и оставили меня подъ залогъ?»

Эта мысль мучила его; на цыпочкахъ подошелъ онъ къ двери и приложилъ ухо къ замочной скважинѣ. Въ сосѣдней комнатѣ слышались ругающіеся голоса заспанныхъ половыхъ. Онъ вышелъ изъ засады и спросилъ шинель.

Начали искать шинель—шинели не оказалось; Ивана Самойлыча точно варомъ обдало. Половые засуетились; поднялась бѣготня, но ничто не помогало: шинель никакъ не отыскивалась.

Digitized by Google

— Да вы съ кѣмъ приходили?—спросилъ буфетчикъ.

— Я не знаю; я въ первый разъ ихъ видѣлъ.

— Мошенники! Лизуны какіе-нибудь!

— Да какъ же я безъ шинели?

— Не знаю, — отвѣчалъ буфетчикъ съ разстановкой: — ужъ, видно, такъ, безъ шинели, придется... ночью-то оттеплило... Да вотъ еще счетецъ не заплатили...

Языкъ Ивана Самойлыча прилипъ къ нёбу.

«Сонъ въ руку!» — подумалъ онъ и всѣмъ тѣломъ затрясся.

— Такъ прощайте... я ужъ такъ,—сказалъ онъ, направляясь за двери.

— А какъ же счетецъ-то?—возразилъ буфетчикъ.

— Да я не знаю... это они!—бормоталъ Иванъ Самойлычъ и все шелъ къ двери.

Но его не пустили; Мичулинъ вздумалъ-было силой прорваться на лѣстницу, но два дюжіе парня крѣпко держали его за руки и не хотѣли никакъ выпустить. Началась борьба; отчаяніе, казалось, удесятерило его силы; онъ уже заносилъ ногу за порогъ, онъ былъ ужъ на лѣстницѣ, какъ вдругъ у самаго его носа, неизвѣстно откуда, выросъ удивительнаго размѣра городовой, а въ ушахъ непріятно зазвучало: «а куда ты, шарамыга, лѣзешь?»

На такую апострофу Иванъ Самойлычъ почелъ за нужное отвѣчать, что онъ вовсе не шарамыга, а привыкъ, дескать, къ обращенію деликатному и тонкому; но городовой, повидимому, и знать не хотѣлъ деликатнаго обращенія. Ему вдругъ очень ясно представилось, что шарамыга-то вѣдь грубитъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Иванъ Самойлычъ только оправдывался и объяснялъ, что вотъ, дескать, такъ и такъ и больше ничего...

— А! ты еще грубить, ты еще разсуждать! Эй, кто тамъ! Взять его и распорядиться!

Не успѣлъ господинъ Мичулинъ оглянуться, какъ подлѣ него очутилось три помощника, хотя и гораздо меньшихъ

Digitized by Google

размѣровъ, нежели городовой. Всѣ четверо схватили его и повели на улицу.

Тщетно умолялъ Иванъ Самойлычъ городового отпустить, тщетно соблазнялъ онъ его, показывая въ рукѣ уцѣлѣвшіе у него два двугривенныхъ... тщетно! Городовой безстрастно шелъ возлѣ, и не только понуждалъ его за рукавъ, но даже для того, чтобъ публично выразить свое безкорыстіе, оралъ во все горло:

— И, что̀ ты! Богъ съ тобой! Да я тебя за сто рублевъ не выпущу! Ты, братъ, знай свои порядки! ты, братъ, слушайся, коли начальство приказываетъ—вотъ что!

А народу собралась цѣлая толпа, а въ толпѣ-то смѣхъ, въ толпѣ-то веселье: взяли, дескать, барина въ нѣмецкомъ платьѣ!

— Эвося!—говоритъ бородатый молодецъ, уже поднявшій-было по́лу своего бараньяго тулупа, чтобъ утереть носъ, и оставшійся въ положеніи совершеннаго изумленія:—глянь-ка, братъ, Ванюха, глянь-ка,—кургузаго ведутъ!..

— Что̀, видно, ваша милость прогуливаться изволите?—подхватываетъ другой, тоже, повидимому, очень бойкій молодецъ.

— Ги-ги-ги! — отозвался извѣстный Ивану Самойлычу голосъ дѣвушки, жившей своими трудами.

— Наше вамъ почтеніе! — подхватилъ близъ стоявшій бѣлокурый студентъ.

— Ха-ха-ха!—раздалось въ толпѣ.

Мичулинъ былъ ни живъ, ни мертвъ. Что̀ скажутъ о немъ знакомые? А знакомые непремѣнно всѣ тутъ, стоятъ-себѣ рядомъ и смотрятъ ему прямо въ лицо... Что̀ скажетъ Наденька? А Наденька непремѣнно здѣсь, и ужъ навѣрное думаетъ, что онъ, позабывшись, сходилъ за платкомъ, вмѣсто своего, въ чужой карманъ... О! это очень горестно!.. И онъ снова вынималъ изъ кармана завѣтные двугривенные, снова перевертывалъ ихъ въ глазахъ городового, стараясь, чтобъ на нихъ ударилъ какъ-нибудь солнечный лучъ и сообщилъ имъ ослѣпительный, неотразимый блескъ.

Digitized by Google

Наконецъ, его втолкнули въ какую-то темную, преисполненную тараканами каморку; но и тутъ заклятые гонители не оставили его.

— Отпустите меня! — жалобнымъ голосомъ вопіялъ Иванъ Самойлычъ одному изъ приставниковъ своихъ, называвшемуся Мазулей: — голубчикъ! почтеннѣйшій! отпустите меня! Ужъ я послѣ отблагодарю вамъ, почтеннѣйшій! Вѣчно, всю жизнь буду вамъ благодаренъ, голубчикъ!.. Посудите сами: вѣдь я не какой-нибудь...

— Ахъ, другъ ты, право, дру-угъ! — отвѣчалъ Мазуля тономъ, впрочемъ, довольно мягкимъ: — ну, чего ты просишь, душа ты безпардонная! Порядковъ ты не знаешь, дру-угъ! Ты сади-ись! ты на народъ посмотри! Вѣдь тебя потреплютъ - потреплютъ — да и маршъ! Вотъ что̀, дру-угъ! то-то, другъ ты! душа безпардонная! А вѣдь мнѣ...

И сердобольный наставникъ обратился къ окошку.

— Борода́укинъ! а Борода́укинъ! — кричалъ онъ стоявшему снаружи товарищу: — куда, братъ, рожокъ-то спряталъ? Смерть хочется — носъ совсѣмъ свело! То-то, дру-угъ, порядковъ-то ты не знаешь! Ахти-хти!

Дверь отворилась, и просунутая дружелюбною рукой Бородавкина тавлинка открыла дары свои охотнику до сильныхъ ощущеній Мазулѣ.

— Да чѣмъ же все это кончится? — спрашивалъ сквозь слезы Иванъ Самойлычъ.

— Извѣстно чѣмъ! — отвѣчалъ Мазуля флегматически— извѣстно чѣмъ! На̀большій разъ-два стукнетъ, да и отпуститъ — вотъ чѣмъ!

Наступило молчаніе.

— А можетъ, и три стукнетъ, какъ ему вздумается! — сказалъ наставникъ, подумавъ немного.

Новое молчаніе.

Иванъ Самойлычъ былъ въ самомъ мучительномъ положеніи. Что̀ же онъ въ самомъ дѣлѣ такое, что его судьба такъ неумолимо преслѣдуетъ? Ужъ не принцъ ли онъ ка-

Digitized by Google

кой-нибудь, свергнутый съ престола посредствомъ крамолы властолюбиваго царедворца и скитающійся теперь инкогнито? Но въ такомъ случаѣ онъ былъ готовъ сейчасъ же, и за себя, и за своихъ наслѣдниковъ, отказаться отъ всякихъ претензій на всевозможныя блага, только оставили бы его въ покоѣ въ эту минуту.

А между тѣмъ вошелъ и Бородавкинъ. О, какъ жестокъ онъ былъ съ Иваномъ Самойлычемъ! какъ презрительно и обидно обращался онъ съ нимъ! И первымъ оскорбленіемъ было то, что онъ, безъ всякихъ церемоній, сталъ скидать передъ нимъ свое платье, и въ сотый разъ не узналъ своей шинели, хотя въ сотый разъ ужъ держалъ ее у себя въ рукахъ; въ сотый разъ оглядывалъ и перевертывалъ ее на всѣ стороны — и все-таки никакъ не могъ узнать, и снова искалъ, и снова не находилъ.

— Да гдѣ же она? — спрашивалъ онъ самъ себя, прибавивъ къ этому нѣсколько рѣзкое выраженіе: — да куда жъ она подѣвалась, распроклятая?

— Да она у васъ въ рукахъ! — осмѣлился замѣтить Иванъ Самойлычъ, но осмѣлился чрезвычайно робко и мягко, какъ будто бы дѣлалъ страшное преступленіе.

— Въ рукахъ, — ворчалъ Бородавкинъ себѣ подъ-носъ, какъ будто и не слыхалъ, что замѣчаніе исходило со стороны Ивана Самойлыча: — а кто ее знаетъ, можетъ, и въ рукахъ! Вотъ какъ не нужно ее, распроклятую, — такъ и лѣзетъ, такъ и лѣзетъ, глаза колетъ! А какъ нужда—тутъ ее и нѣтъ! Право, такъ! Хитеръ, лукавъ нынче сдѣлался народъ! Ну, полѣзай! да полѣзай же, тебѣ говорятъ!

— Да когда же все это кончится? — спросилъ Мичулинъ.

Бородавкинъ пристально взглянулъ на него и отвернулся.

— Чѣмъ же я виноватъ? Посудите сами! Вѣдь я ничего, право, ничего...

Бородавкинъ не отвѣчалъ.

Digitized by Google

— Да чѣмъ же все это кончится?—снова вопіялъ Иванъ Самойлычъ.

— Ты садись! — проговорилъ Бородавкинъ лаконически.

— Посудите сами, почтеннѣйшій! Вѣдь я, просто, такъ... за что жъ?

— Ты, братъ, совсѣмъ какъ малый ребенокъ! — возразилъ Бородавкинъ: — ничего ты не понимаешь, никакого порядка! Ну, чего ты хнычешь? Садись!

— Да посудите же сами, голубчикъ... вѣдь я человѣкъ образованный...

— Образованный! ну, какой же ты образованный, коли порядковъ не знаешь, на большему согрубилъ? А образованный! Да ты садись, а я съ тобой и говорить-то не буду, и слушать-то тебя не хочу!

И Бородавкинъ погрузился въ размышленія.

— Вѣдь мнѣ, братъ, — вотъ что! — сказалъ онъ подобно Мазулѣ, подумавъ нѣсколько времени.

Наконецъ, Ивана Самойлыча повели; проводники снова шли по сторонамъ. Вели его что-то долго, очень долго, и на дорогѣ встрѣчались разныя лица, которыя оборачивались и насмѣшливо поглядывали на блѣднаго и чуть живого отъ стыда героя этой повѣсти.

— Должно-быть — мошенникъ! — говорилъ франтъ въ коричневомъ пальто и съ столь же коричневымъ носомъ.

— А можетъ-быть и государственный преступникъ, — отвѣчалъ господинъ съ подозрительной физіономіей, безпрестанно оглядывавшійся назадъ.

— Мошенникъ, я вамъ говорю — мошенникъ! — возразило съ жаромъ коричневое пальто. — Просто, платки воровалъ! Посмотрите, что̀ за рожа! За ничто, изъ одного удовольствія, готовъ зарѣзать человѣка...

Но подозрительный господинъ не угомонился и все-таки стоялъ на своемъ, что это долженъ быть важный государственный преступникъ.

Много мудрыхъ рѣчей слыхалъ Иванъ Самойлычъ во

Digitized by Google

время земного странствія своего; много полезныхъ житейскихъ совѣтовъ прошло черезъ слуховой его органъ; но, поистинѣ, ничего подобнаго не могло даже и представить себѣ не совсѣмъ бойкое его воображеніе тому, что̀ изрекли уста на́большаго. Рѣчь его была проста и безыскусственна, какъ сама истина, а между тѣмъ не лишена и нѣкоторой соли, и съ этой стороны походила на вымыселъ, такъ что представляла собою одинъ величественный синтезъ, соединеніе истины и басни, простоты и украшеннаго блестками поэзіи вымысла.

— Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! — говорилъ на̀большій: — ты подумай, что̀ ты сдѣлалъ! Ты вникни въ свой поступокъ, да не по поверхности скользи, а сойди въ самую глубину своей совѣсти! Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!

И дѣйствительно, Иванъ Самойлычъ вникнулъ, и какъ-то вдругъ ему представилось, что онъ и въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ ужасно гнусное преступленіе.

— Да ужъ что жъ дѣлать! — отвѣчалъ онъ, внезапно подавленный могучею силою угрызеній совѣсти: — ужъ это грѣхъ такой случился! ужъ вы меня простите великодушно! право, простите!

Но на̀большій быстрыми шагами заходилъ по комнатѣ, вѣроятно придумывая, какъ бы этакъ вновь еще болѣе убѣдить своего подсудимаго и окончательно вызвать въ немъ пробужденіе закоснѣвшей совѣсти.

— Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!—сказалъ онъ, спустя нѣсколько минутъ.

И снова зашагалъ по комнатѣ.

— Вы извольте сами милостиво разсудить, — началъ, между тѣмъ, Иванъ Самойлычъ: — вѣдь я человѣкъ благовоспитанный и одѣтъ, кажется, какъ слѣдуетъ благовоспитанному человѣку, а не то чтобъ какой-нибудь мужикъ!

— Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! — возразилъ на́большій таинственнымъ голосомъ и покачивая го-

Digitized by Google

лсвой, какъ будто въ одно и то же время и удивлялся неопытности Мичулина, и хотѣлъ ему сообщить что-то чрезвычайно секретное. — То-то вотъ неопытность! Да вы не знаете, какія дѣла на свѣтѣ дѣлаются! да иной съ бобромъ, сударь, ходитъ, по-французски, по-нѣмецки и чортъ его знаетъ еще по-каковски — а плутъ, мошенникъ, сударь! естественнѣйшій мошенникъ! Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!

Иванъ Самойлычъ снова понурилъ голову, и снова наѐбольшій зашагалъ по комнатѣ.

— Что же мнѣ съ вами дѣлать? — спросилъ наѐбольшій послѣ краткаго размышленія.

— Да ужъ будьте великодушны, простите! — замѣтилъ Иванъ Самойлычъ.

— Право, не знаю; истинно вамъ говорю — въ презатруднительное поставили вы меня положеніе! Съ одной стороны, и васъ жаль: думаешь, ни за грошъ пропадетъ, по неопытности своей, молодой человѣкъ! А съ другой стороны — примѣръ нуженъ, долгъ повелѣваетъ... наша обязанность... О, вы не знаете, что̀ такое наша обязанность!

Мичулинъ согласился, что обязанность, дѣйствительно, отвѣтственная, но все-таки просилъ великодушно отпустить его

— Ужъ развѣ для такого дня? — сказалъ наѐбольшій въ видѣ предположенія (день былъ, повидимому, торжественный).

— Да, ужъ хоть для дня-то!

— Право, не знаю... дѣло-то оно такое затруднительное...

И наѐбольшій снова началъ шагать, все обдумывая, какъ бы ему выйти изъ затруднительнаго положенія.

— Ну, да ужъ Богъ съ вами — была не была, отвѣчу передъ Богомъ; ужъ, видно, дѣлать нечего — нравъ у меня такой... то-есть, повѣрите ли, послѣднюю рубашку готовъ съ себя снять, а ближняго безъ рубашки не оставлю... Нѣтъ!

Digitized by Google

Иванъ Самойлычъ, съ своей стороны, отвѣчалъ, что и онъ готовъ снять съ себя послѣднюю рубашку, чтобъ выразить господину наибольшему свою чувствительнѣйшую благодарность, но что ужъ помнить оказанное благодѣяніе станетъ по гробъ, будьте въ томъ увѣрены!

— Что̀ мнѣ ваша память! — отвѣчалъ наибольшій со вздохомъ: — что̀ мнѣ благодарность ваша! Спокойствіе совѣсти — вотъ гдѣ награда! Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!

IX.

Незамѣченный никѣмъ пробрался Иванъ Самойлычъ въ свою уединенную комнату. Не сказавъ никому ни слова о случившемся съ нимъ происшествіи, заперъ онъ дверь и задумался, горько задумался... Происшествіе окончательно доканало его. А тутъ еще и лихорадка бьетъ, и мысли такія въ голову лѣзутъ... Тяжко, совсѣмъ тяжко жить на свѣтѣ!.. А лихорадка все бьетъ! а мысли все лѣзутъ, все лѣзутъ!

И Мичулинъ думалъ, думалъ... пока не пришелъ къ нему рыжій, плечистый мужикъ съ огненною бородою, и не сталъ настоятельно требовать удовлетворенія; за мужикомъ кидалась на него, показывая самые страшные и длинные когти, Наденька и тоже искала удовлетворенія... Иванъ Самойлычъ совсѣмъ растерялся, тѣмъ болѣе, что надъ всѣмъ этимъ хаосомъ возвышалось безконечное на безконечно-маленькихъ ножкахъ, совершенно подгибавшихся подъ огромною, подавлявшею ихъ тяжестью. Но всего обиднѣе то, что, вглядываясь въ это страшное, всепоглощающее безконечное, онъ ясно увидѣлъ, что оно не что̀ иное, какъ воплощеніе того же самаго страшнаго вопроса, который такъ мучительно и настойчиво пыталъ его горькую участь.

И въ самомъ дѣлѣ, безконечное такъ странно и двусмысленно улыбалось, глядя на это конечное существо, кото-

Digitized by Google

рое, подъ фирмою «Иванъ Самойлычъ Мичулинъ», пресмыкалось у ногъ его, что бѣдный человѣкъ оробѣлъ и потерялся вконецъ...

— Погоди же, сыграю я съ тобой штуку! — говорило безконечное, подпрыгивая на упругихъ ножкахъ своихъ:— ты хочешь знать, что̀ ты такое? Изволь: я подниму завѣсу, скрывающую отъ тебя таинственную дѣйствительность, — смотри и любуйся!

И дѣйствительно, разомъ очутился Иванъ Самойлычъ въ пространствѣ и во времени, въ совершенно неизвѣстномъ ему государствѣ, въ совершенно неизвѣстную эпоху, окруженный густымъ и непроницаемымъ туманомъ. Вглядываясь, однакожъ, пристальнѣе, онъ не безъ удивленія замѣтилъ, что изъ тумана вдругъ начинаетъ отдѣляться безчисленное множество колоннъ, и что колонны эти, принимая кверху все болѣе и болѣе наклонное положеніе, соединяются наконецъ въ одной общей вершинѣ и составляютъ совершенно правильную пирамиду. Но каково же было изумленіе бѣднаго смертнаго, когда онъ, подойдя къ этому странному зданію, увидѣлъ, что образующія его колонны сдѣланы вовсе не изъ гранита или какого-нибудь подобнаго минерала, а всѣ составлены изъ такихъ же людей, какъ и онъ, только различныхъ цвѣтовъ и формъ, что̀, впрочемъ, сообщало всей пирамидѣ пріятный для глазъ характеръ разнообразія.

И вдругъ замелькали ему въ глаза различныя знакомыя лица: вотъ и Беобахтеръ, философіи кандидатъ, съ гитарою въ рукахъ, вращающійся безсознательно въ одной изъ колоннъ; вонъ и занимающійся литературою Ваня Мараевъ, мужчина статный и красивый, но съ нѣсколько пьяными глазами; и всѣ эти знакомыя лица такъ низко стоятъ, такъ безсознательно, безлично улыбаются, завидѣвъ Ивана Самойлыча, что ему стало совѣстно и за нихъ, и даже за самого себя, что могъ онъ водить знакомство съ такими ничтожными, не сто̀ящими плевка людьми.

Digitized by Google

«А что, если и я...» подумалъ онъ, да и не додумалъ, потому что мысль его замерла на половинѣ пути: такъ испугался онъ, вдругъ вспомнивъ, что этакъ и себя можетъ, пожалуй, увидѣть въ несовсѣмъ затѣйливомъ положеніи...

И какъ нарочно, огромная пирамида, до тѣхъ поръ показывавшая ему, одну за другою, всѣ свои стороны, вдругъ остановилась. Кровь несчастнаго застыла въ жилахъ, дыханіе занялось въ груди, голова закружилась, когда онъ увидѣлъ, въ самомъ низу необыкновенно объемистаго столба, такого же Ивана Самойлыча, какъ и онъ самъ, но въ такомъ бѣдственномъ и странномъ положеніи, что глазамъ не хотѣлось вѣрить. И дѣйствительно, стоявшая передъ нимъ масса представляла любопытное зрѣлище: она вся была составлена изъ безчисленнаго множества людей, одинъ на другого насаженныхъ, такъ что голова Ивана Самойлыча была такъ изуродована тяготѣвшею надъ нею тяжестью, что лишилась даже признаковъ своего человѣческаго характера, а часть, называемая черепомъ, даже обратилась въ совершенное ничтожество и была окончательно выписана изъ наличности. Вообще, во всей фигурѣ этого страннаго, миѳическаго Мичулина выражался такой умственный пауперизмъ, такое нравственное нищенство, что настоящему, издали наблюдающему Мичулину сдѣлалось и тѣсно, и тяжко, и онъ съ силою устремился, чтобъ вырвать своего страждущаго двойника изъ-подъ гнетущей его тяжести. Но какая-то страшная сила приковывала его къ одному мѣсту, и онъ со слезами на глазахъ и гложущею тоскою въ сердцѣ обратилъ взоръ свой выше.

И чѣмъ выше забирался этотъ взоръ, тѣмъ оконченнѣе казались Ивану Самойлычу люди . . . . . .

. . . . . .

Онъ самъ теперь чувствовалъ, какъ страшная тяжесть давила его голову; онъ чувствовалъ, какъ, одно за другимъ, пропадали тѣ качества, которыя дѣлали изъ него человѣ-

Digitized by Google

ческій образъ... Холодный потъ обливалъ его тѣло; дыханіе замерло въ груди; волосы, одинъ за другимъ, шевелились и вставали; весь организмъ трепеталъ въ паническомъ ожиданіи чего-то неслыханнаго... Онъ сдѣлалъ отчаянное, непомѣрное усиліе и проснулся.

Вокругъ постели его, въ глубокомысленномъ безмолвіи, стояли всѣ жильцы Шарлотты Готлибовны. Первымъ предметомъ, особенно поразившимъ его отяжелѣвшіе отъ сна глаза, была Наденька Ручкина, та самая гордая и непоколебимая Наденька, которая столько разъ говорила ему, что ужъ если она что̀ сказала,—такъ ужъ сказала, и слова своего не перемѣнитъ ни въ жизнь, и которая въ настоящую минуту сидѣла на его постели и заботливо укутывала ему ноги. Это отрадное явленіе въ одну минуту такъ поглотило все его вниманіе, что онъ забылъ все окружающее; въ душѣ его вдругъ мелькнуло нѣчто похожее на миражъ, и въ воображеніи незамѣтно начала рисоваться тихая, но полная счастья семейная жизнь съ любящей и любимою женою, съ ненаглядными дѣтьми... Онъ ужъ хотѣлъ-было весело и бодро вскочить съ постели, чтобъ поцѣловать эти розовыя губки, самыя розовыя, какія только возможно встрѣтить на цѣлой поверхности земного шара, и потомъ, ловко подмигнувъ однимъ глазомъ и посмотрѣвъ подъ постель сперва съ одной, а потомъ и съ другой стороны, тутъ же сказать, какъ и подобаетъ ласковому отцу семейства: «а куда спрятался этотъ плутъ-мальчикъ Коко или хитрая дѣвочка Варенька?..»; все это уже мелькнуло-было въ душѣ Ивана Самойлыча, какъ вдругъ глазамъ его представилась дѣйствительность—дѣйствительность самая нагая и безотрадная, какую только можно было себѣ вообразить; однимъ словомъ, дѣйствительность, составленная изъ Шарлотты Готлибовны, Ивана Макарыча, господина Беобахтера и Алексиса Звонскаго.

— А мы было-думали, что тебѣ ужъ того... карачунъ пришелъ!—заревѣлъ какъ изъ бочки сиплый басъ друга

Digitized by Google

и пріятеля Ивана Макарыча надъ самымъ ухомъ Мичулина.

— Да, именно ми думаль, што вамъ ужъ совсѣмъ карачунъ,—отозвалась тощая фигура Шарлотты Готлибовны, томно опираясь на мощное плечо Пережиги.

— Смотря на васъ въ эту минуту, я понялъ, наконецъ, загадку жизни! Я видѣлъ блѣдную смерть, махающую неумолимымъ лезвеемъ косы своей... О, это страшная, торжественная минута! Мнѣ представлялась эта блѣдная смерть... pallida mors... Вы читали Горація, Иванъ Самойлычъ?

Такъ проговорилъ свое привѣтствіе господинъ Беобахтеръ, но проговорилъ его такимъ сладкимъ и пріятнымъ голосомъ, какъ будто бы дѣло шло о вещи самой обыкновенной.

— Да, мы думали, что вы ужъ совсѣмъ умерли!—отозвался, съ своей стороны, апатически-лаконическій Алексисъ.

Иванъ Самойлычъ благодарилъ сосѣдей за участіе, говорилъ имъ, что онъ еще совершенно живъ, въ доказательство чего и начиналъ-было подниматься съ постели. Но онъ не могъ; голова его горѣла, въ глазахъ было мутно, силы ослабли, и какъ ни старался онъ казаться бодрымъ и свѣжимъ, а поневолѣ долженъ былъ снова опуститься на подушку.

— Благодари, братъ, Бога, что ты еще не околѣлъ и что тутъ не было квартальнаго надзирателя!—заревѣлъ снова Иванъ Макарычъ и протянулъ ужъ руку, чтобъ ударить больного, въ знакъ сочувствія, по плечу, и непремѣнно ударилъ бы, если бы не удержала его Наденька.

— Квартальный надзиратель?—прошепталъ Иванъ Самойлычъ едва внятнымъ голосомъ.—А что, развѣ я что-нибудь... того?

— Да, братъ, ужъ извѣстно... того.

— О, ви очень вольна мисль дѣлалъ!—прервала Шарлотта Готлибовна.

Digitized by Google

— То-есть, просто, донеси я или кто-нибудь другой, просто, найдись какая-нибудь этакая шельма, христопродавецъ—озолотятъ, ей-Богу, озолотятъ. Не будь я Иванъ Пережига!.. Ну, а тебя, извѣстно, на казенную квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ... Ха-ха-ха! Такъ ли, Шарлотта Готлибовна?

— О, ви очень любезни кавалиръ, Иванъ Макарвичъ!

— Да, это ужасно! Быть закованнымъ въ тяжелыя цѣпи, осужденнымъ на вѣчную тьму, вѣчно видѣть одно и то же сухое и прозаическое лицо темничнаго стража, слышать, какъ капля по каплѣ вытекаетъ жизнь!.. О, это ужасно!..— сказалъ господинъ Беобахтеръ, особенно нѣжно напирая на слова: «капля по каплѣ».

— Ужъ какъ пошелъ, братъ, по мечтанію,—снова замѣтилъ Иванъ Макарычъ,—да началъ вывертывать въ головѣ разныя этакія штуки, такъ тутъ ужъ, братъ, адье монъ плезиръ, пиши пропало!.. Вотъ я про себя скажу: я въ жизнь свою никогда не мечталъ, а поди-тко, поищи другого такого молодца...

Шарлотта Готлибовна зардѣлась.

— Ну, такъ что жъ ты не встаешь?—продолжалъ онъ, обращаясь къ Мичулину и сильно тряся его за руку.—Не спать же въ самомъ дѣлѣ цѣлый день! Небойсь, раскисъ, укачали тебя домовые-то? Эка баба! Просто, даже смотрѣть на тебя противно!

Но Иванъ Самойлычъ молчалъ; блѣдный какъ полотно лежалъ онъ безъ всякаго движенія на постели: пульсъ его бился слабо и медленно; во всемъ существѣ своемъ ощущалъ онъ какую-то небывалую, болѣзненную слабость.

Наденька Ручкина наклонилась къ нему и, взявъ его за руку, спросила, не нужно ли ему чего-нибудь, что̀ онъ чувствуетъ, и такъ далѣе, какъ обыкновенно спрашиваютъ сердобольныя молодыя дѣвушки.

— Я не знаю... мнѣ больно,—чуть слышно отвѣчалъ Иванъ Самойлычъ:—мнѣ очень больно...

Digitized by Google

— А! небойсь, и языкъ развязался! — ревѣлъ, между тѣмъ, Пережига:— небойсь, расшевелился, какъ женскій-то полъ подошелъ!

— Оставьте меня... я боленъ!—шепталъ Иванъ Самойлычъ умоляющимъ голосомъ.

— Да и въ самомъ дѣлѣ, пусть его тутъ бабится! Милости просимъ, господа, ко мнѣ.

Иванъ Самойлычъ остался одинъ-на-одинъ съ Наденькой; глаза его неподвижно были устремлены на нее; блѣдное, худое лицо выражало непереносное страданіе; медленно взялъ онъ ея руку и долго-долго прижималъ къ губамъ своимъ.

— Наденька, добрая!—сказалъ онъ прерывающимся голосомъ:—поцѣлуй меня... въ первый и въ послѣдній разъ!..

Наденька изумилась. По свойственной ей подозрительности, она начала ужъ было смекать, что все это не даромъ, что все это штука, что онъ хочетъ только усыпить ея бдительность; но когда она взглянула на это изможденное лицо, на эти глаза, обращенные къ ней съ мольбою и ожиданіемъ, ей вдругъ стало какъ-то совѣстно своихъ подозрѣній; маленькому сердцу ея сдѣлалось и тѣсно, и неловко, а при томъ и слеза, самая миньятюрная, крохотная слеза, какъ-то совершенно нечаянно навернулась на глаза и упала съ ея глазъ на раскрытую грудь Мичулина. Дѣлать нечего. Наденька отерла слезу, наклонилась и поцѣловала больного. Лицо Ивана Самойлыча улыбнулось.

— Что̀ это съ вами, Иванъ Самойлычъ?—спросила Наденька:—вѣрно вы простудились?

— Охъ, нѣтъ, это все то... все по тому дѣлу... помните, по которому я къ вамъ приходилъ?

— А что, развѣ оно важное какое-нибудь дѣло, что такъ разстроило васъ?

— Да; оно знаете... дѣло капитальное!.. А какъ мнѣ больно-то, больно-то, если бы вы знали!

Наденька покачала головой.

Digitized by Google

— Не послать ли за лѣкаремъ, Иванъ Самойлычъ?

— За лѣкаремъ?... Да, оно бы не худо! Можетъ, что-нибудь и прописалъ бы... А впрочемъ, зачѣмъ? Вѣдь дѣла-то онъ мнѣ все-таки не объяснитъ!.. Нѣтъ, не нужно лѣкаря!

— Да, по крайней мѣрѣ, онъ помогъ бы вамъ, Иванъ Самойлычъ!

— Нѣтъ, ужъ это пустое дѣло, Наденька, самое пустое! Я вамъ говорю, я знаю... Онъ, можетъ статься, и поможетъ, да толку-то въ этомъ что̀ будетъ! Ну, выздоровлю... а потомъ-то?.. Нѣтъ, не надо лѣкаря...

Наденька молчала.

— Да, къ тому же, лѣкарю-то вѣдь нужно денегъ; къ бѣдному хорошій-то и пойти не захочетъ... вотъ оно что! А какой попадется-то—Христосъ съ нимъ—только измучитъ... лучше ужъ такъ умереть!

Въ это время дверь съ шумомъ отворилась и въ комнату ввалилась дебелая фигура Пережиги со штофомъ въ одной и рюмкою въ другой рукѣ.

— А вотъ, хвати-ко, друже, бальзамчику!—ревѣлъ знакомый Ивану Самойлычу голосъ:—это, братъ, знаешь, ка̀къ душу отведетъ, ей-Богу, отведетъ!.. А умрешь, такъ, видно, такъ ужъ оно быть должно; видно, такъ ужъ и Богу угодно! Ну-ка, выпей. Да не морщись же, баба!

И Мичулинъ съ ужасомъ видѣлъ, какъ дрожащая и невѣрная отъ частыхъ жертвъ Бахусу рука Пережиги наполняла рюмку жгучимъ какъ огонь составомъ, заключавшимся въ графинѣ. Онъ началъ-было отказываться, говорилъ, что ему легче, что онъ слава Богу, но тщетно: рюмка была уже налита, да при томъ же и Наденька своимъ мягкимъ голоскомъ убѣждала его попробовать, авось, дескать, отъ этого немного и полегчитъ ему. Не переводя духу, выпилъ Иванъ Самойлычъ поданную водку и почти безъ чувствъ упалъ на постель.

— Эка водка! эка воръ-водка!—говорилъ, между тѣмъ, другъ и пріятель Иванъ Макарычъ, глядя на искаженное

Digitized by Google

конвульсіями лицо Мичулина.—Экъ ее забираетъ, экъ забираетъ! У, бестіанская водка! еще какъ онъ не захлебнулся! Право, такъ живучъ, живучъ! А вѣдь въ чемъ душа держится!

И Пережига съ самодовольною улыбкою любовался изнеможеніемъ и страданіями Ивана Самойлыча, какъ будто хотѣлъ сказать ему: — «а что, братъ! задалъ я тебѣ задачу? Посмотримъ, какъ-то ты изъ нея выпутаешься... А живучъ! живучъ!»

Дѣйствительно, выпутаться было ужъ довольно трудно. Наденька побѣжала за докторомъ и вскорѣ привела какого-то нѣмца нѣсколько навеселѣ, безпрестанно нюхавшаго табакъ и плевавшаго во всѣ стороны. Лѣкарь подошелъ къ больному, долго и съ напряженіемъ щупалъ ему пульсъ, какъ будто хотѣлъ провертѣть у него въ рукѣ дыру, и покачалъ головой; велѣлъ высунуть языкъ, осмотрѣлъ и тоже покачалъ головой; потомъ понюхалъ табаку, снова пощупалъ пульсъ и пристально осмотрѣлъ языкъ.

— Schlecht,—сказалъ докторъ въ раздумьи.

— Что жъ, есть ли какая-нибудь надежда?—спросила Наденька.

— О, никакой, и не полагайте! А впрочемъ, поднимите паціенту голову...

Голову подняли.

— Гм! никакой надежды! ужъ вы повѣрьте! я ужъ знаю!.. Вы давали ему что-нибудь?

— Да, Иванъ Макарычъ давалъ ему водки.

— Водки? Schlecht, sehr schlecht... А есть у васъ водка?

— Не знаю; спрошу у Ивана Макарыча.

— Нѣтъ, не нужно; я такъ, болѣе изъ любопытства... А впрочемъ, ужъ если есть, такъ отчего и не выпить?

Наденька вышла и минутъ черезъ пять воротилась съ графиномъ.

— Водка очень часто здорово, а очень часто и вредно,— глубокомысленно замѣтилъ медикъ.

Digitized by Google

— Что жъ, умереть, что ли, надобно? — робко и едва слышно спросилъ Иванъ Самойлычъ.

— Да, ужъ это будьте покойны, умрете, непремѣнно умрете!

— А скоро?—снова спросилъ больной.

— Да этакъ часа черезъ два, черезъ три надо будетъ... Прощайте, почтеннѣйшій; желаю вамъ покойной ночи!

Однако, ночь была неспокойна. По временамъ, больной, дѣйствительно, засыпалъ, но потомъ внезапно вскакивалъ съ постели, хваталъ себя за голову и жалобнымъ голосомъ спрашивалъ у Наденьки, куда дѣвался его мозгъ, зачѣмъ сдавили у него душу, и проч. На это Наденька отвѣчала, что головка его цѣла, слава Богу, а вотъ, молъ, не хочется ли ему выпить ромашки—такъ ромашка есть. И онъ бралъ чашку въ руку и безпрекословно выпивалъ ромашку.

На другой день, къ обѣду, ему сдѣлалось какъ будто и полегче: онъ былъ спокоенъ и хотя очень слабъ, но могъ, однакожъ, говорить. Онъ бралъ у Наденьки руки, прижималъ ихъ къ сердцу, цѣловалъ ихъ, прижималъ къ глазамъ, ко лбу и плакалъ... тихими, сладкими слезами плакалъ.

И Наденькѣ, съ своей стороны, было тоже жаль его. Впервые она какъ будто поняла, что въ ея глазахъ умираетъ человѣкъ, что этотъ человѣкъ любилъ ее, а она жестко и непріязненно отголкнула его отъ себя. Кто знаетъ, что̀ причиною этой смерти? Кто знаетъ, можетъ-быть онъ былъ бы и здоровъ, и веселъ, если бы... О, если бы ты взглянуло, доброе, чудное существо, взглянуло глазами состраданія и сочувствія на это обращенное къ тебѣ лицо! если бы ты могло уронить хоть одинъ лучъ любви на эту бѣдную, истерзанную горемъ и нуждою душу! О, если бы это было возможно!

— Послушайте!—говорилъ, между тѣмъ, Иванъ Самой-

Digitized by Google

лычъ, взявъ ее за руку: — вы забудьте, что я надоѣдалъ вамъ, что я оскорблялъ васъ... Оно, конечно, я много и много виноватъ, да вѣдь что̀ жъ дѣлать? Вѣдь я одинъ, Наденька, со̀всѣмъ одинъ... Вѣдь я же не виноватъ, что некрасивъ и неученъ,—что̀ же мнѣ съ этимъ дѣлать? Разумѣется, и вы не виноваты, что не могли любить меня...

Больной съ трудомъ перевелъ дыханіе; грустно посмотрѣлъ онъ въ лицо Наденьки, но Наденька молчала и, опустивъ глаза, смотрѣла въ землю.

— Думается мнѣ, однакожъ,—снова началъ Иванъ Самойлычъ слабымъ голосомъ:—что если бы съ дѣтства... въ то время, когда и кровь-то въ насъ тепла, если бы въ то время не положили меня подъ прессъ да не заковали, такъ, можетъ, и вышло бы что-нибудь изъ меня... Воспитали-то меня такъ, что ни къ чему негоденъ я сдѣлался... съ дѣтства такъ вели, какъ будто и цѣлый вѣкъ долженъ былъ малоумнымъ остаться да на помочахъ ходить... Вотъ какъ пришлось трудомъ кусокъ себѣ добыть — и негдѣ, и нечѣмъ... Да и тутъ, право не знаю, винить ли мнѣ кого-нибудь... отецъ мой человѣкъ стараго вѣка и необразованный, мать—тоже: они не виноваты, что не вѣдали...

— А можетъ-быть, я и самъ во всемъ виноватъ,—продолжалъ онъ чрезъ минуту: — потому что вѣдь Богъ далъ мнѣ волю, а я дѣйствовалъ какъ грубое животное!.. Да, я виноватъ, да и не передъ собою однимъ виноватъ, а еще и Богу отвѣтъ дамъ, что допустилъ такъ насмѣяться надъ собою... А впрочемъ, и тутъ опять-таки еще Богъ знаетъ, могъ ли бы я что-нибудь сдѣлать одинъ.

И снова умолкъ Иванъ Самойлычъ, и снова, потупивъ глазки, ничего не отвѣчала Наденька.

— Такъ вотъ такъ-то, Наденька! — продолжалъ больной:—часто мы и сами во всемъ виноваты, а другихъ винимъ!. . . . . .

. . . . . .

Вотъ это-то дѣло, оно-то и сгубило меня, Наденька, въ

Digitized by Google

немъ-то именно и смерть моя, а совсѣмъ не въ томъ, будто бы я простудился.. Простудиться можетъ тѣло, простуду можно вылѣчить, а вотъ какъ душа-то больна, какъ сердце-то ноетъ да стонетъ, вотъ тогда-то страшно, Наденька! не дай Богъ, какъ страшно!..

Онъ замолчалъ; Наденька задумчиво опустила голову и долго о чемъ-то размышляла. Думалось ли ей, что, дѣйствительно, самъ виноватъ Иванъ Самойлычъ въ томъ, что дозволилъ обстоятельствамъ до такой степени лишить себя всякой бодрости, или она оправдывала его тѣмъ, что обстоятельства все-таки обстоятельства, какъ ни борись противъ нихъ... Это ли, другое ли ей думалось, — дѣло въ томъ, что какъ-то грустно, необычайно грустно сдѣлалось бѣдной дѣвушкѣ. Можетъ-быть, къ этимъ мыслямъ присоединилась другая, не менѣе горькая и безвыходная мысль— мысль ея собственнаго безотраднаго, чреватаго лишеніями и трудомъ будущаго, та мысль, что и она находится въ подобномъ же положеніи, и она должна бороться... вѣчно и упорно бороться!.. И она забыла и объ Иванѣ Самойлычѣ, и объ апатически-лаконическомъ Алексисѣ; въ воспоминаніи ея вдругъ мелькнула деревенская избушка, старый господскій домъ, запущенный садъ съ поросшими травою дорожками; рѣка, вяло и какъ будто нехотя катившая свои сонныя волны въ какое-то далекое, невѣдомое государство; стая утокъ, апатически полоскавшаяся въ водѣ; толпа грязныхъ и оборванныхъ ребятишекъ, столь же апатически копавшаяся въ грязи и навозѣ... Но все это такъ живо, такъ быстро воскресло въ ея памяти, такъ быстро одинъ за другимъ смѣнялись—и сосновый, синѣющій вдали лѣсъ, и вспаханныя борозды полей, и старая деревянная церковь... Лучше ли ей было тогда? лучше ли, чище ли сама она была въ то время?.. Лучше ли было бы, если бы вдругъ, по какому-нибудь волшебному случаю, ей снова пришлось воротиться къ этой давно прошедшей, давно ужъ изгладившейся изъ памяти жизни?..

Digitized by Google

А между тѣмъ на дворѣ ужъ и смерклось; въ комнатѣ тихо, ни шороха, ни звука; Наденька подумала, что Иванъ Самойлычъ заснулъ, и вознамѣрилась идти въ свою комнату. Но передъ уходомъ, чтобъ ближе удостовѣриться, дѣйствительно ли спитъ больной, она наклонилась къ нему и начала прислушиваться къ дыханію. Но дыханія не было слышно... Она взяла его за руку — рука была холодна... Наденькѣ сдѣлалось страшно. Въ первый разъ въ жизни была она одинъ-на-одинъ съ мертвымъ человѣкомъ... а при томъ неподвижные глаза покойника такъ и смотрѣли, такъ и смотрѣли на нее, какъ будто хотѣли сконфузить бѣдную, будто упрекали ее за какое-то страшное преступленіе... Съ невольнымъ чувствомъ содроганія набросила она поскорѣе на лицо усопшаго одѣяло и выбѣжала изъ комнаты.

Черезъ пять минутъ всѣ нахлѣбники Шарлотты Готлибовны, и въ числѣ ихъ сама она подъ-руку съ Иваномъ Макарычемъ, явились на поклонъ къ покойнику. Толковъ было много; нѣкоторые даже сомнѣвались, точно ли умеръ Иванъ Самойлычъ. А Иванъ Макарычъ даже рѣшительно утверждалъ, что это все вздоръ, что господинъ Мичулинъ не можетъ умереть, потому что вчера еще далъ онъ ему такого лѣкарства, отъ котораго и мертвый изъ гроба встанетъ.

— Надо вамъ сказать, господа, — говорилъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ:—что на свѣтѣ иногда чудныя бываютъ штуки! Съ-пьяну, что ли, это дѣлается, а вдругъ человѣкъ ни пошевельнется, ни моргнетъ, а между тѣмъ живъ и все слышитъ, что̀ вокругъ него дѣлается!.. Я вамъ говорю, господа, что бывали даже примѣры, что и въ землю зарывали живыхъ...

Но для того, чтобъ окончательно убѣдиться, точно ли умеръ Иванъ Самойлычъ, и имѣть право развивать свои познанія насчетъ заживо погребенныхъ, любознательный Пережига подошелъ къ нему поближе, потрясъ его за носъ—

Digitized by Google

носъ былъ холодный, приложилъ руку ко рту—дыханія не оказалось.

— А кто его знаетъ, можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ умеръ!—сказалъ онъ съ убійственнымъ равнодушіемъ, отходя отъ бездушнаго трупа. — И водка не спасла тебя, бабья душа! И хорошо, братъ, сдѣлалъ, что умеръ!

Однакожъ, такъ какъ Мичулинъ не имѣлъ совершенно никакихъ родственниковъ, ни знакомыхъ, то Шарлотта Готлибовна почла нужнымъ послать за полицейскимъ чиновникомъ, напередъ пересмотрѣвъ всюду, не имѣется ли чего цѣннаго. Но цѣннаго оказалось всего только поношенный сюртукъ да изъ бѣлья кое-что. Вслѣдствіе такой бѣдности капиталовъ, всѣ нахлѣбники тутъ же рѣшились сдѣлать складчину, чтобъ приличнымъ христіанину образомъ похоронить своего собрата.

Полицейскій чиновникъ не заставилъ долго ждать себя. Малый онъ былъ нрава веселаго и вообще любилъ при удобномъ случаѣ пошутить, не выходя, впрочемъ, изъ предѣловъ благопристойности... О, ни-ни, какъ это возможно!

— Скажите, пожалуйста!—началъ онъ, когда объяснили ему причину его призыва: — такъ вотъ-съ какое странное надъ вами стряслось дѣло! Ну-съ, дѣлать нечего, приступимъ къ освидѣтельствованію; посмотримъ, не окажется ли какихъ боевыхъ и насильственныхъ знаковъ!

Шарлотта Готлибовна знала, что господинъ чиновникъ изволитъ шутить; поэтому нисколько не смутилась, а только сказала ему съ самою очаровательною улыбкою:

— О, вы очень любезный кавалиръ, Деметрій Осипичъ!

— Да-съ! ужъ этого, изволите видѣть, и законъ требуетъ, а я орудіе, ничего, какъ ничтожное орудіе... Да-съ, посмотримъ, посмотримъ... а можетъ-быть его и отравили?.. Ха-ха-ха! Можетъ-быть, у него и деньги были, мильонщикъ былъ... Ха-ха-ха!

И веселый Дмитрій Осипычъ заливался добродушнымъ и звонкимъ хохотомъ.

Digitized by Google

Осмотрѣвъ тѣло Ивана Самойлыча и удостовѣрившись, что отравы или удавленія тутъ нѣтъ никакихъ, добродушный Дмитрій Осипычъ изъявилъ желаніе освѣдомиться объ имуществѣ покойнаго.

— Ну, давайте же намъ ихъ сюда, давайте намъ мильоны-то! — говорилъ онъ съ обычною своею веселостью. — Вѣдь неравно наслѣдники будутъ, ха-ха-ха!.. Э, — продолжалъ онъ, перебирая пожитки умершаго: — да у него цѣлыхъ шесть рубахъ было, и фуфайка теплая... а умеръ!

— Скажите же, пожалуйста, господа, — обратился онъ къ присутствующимъ:—что жъ бы это за причина была такая, что вотъ жилъ-жилъ человѣкъ, да вдругъ и умеръ?..

— То-есть, вы хотите узнать философію смерти?—замѣтилъ Беобахтеръ.

— Да-съ, я, знаете, люблю иногда вечеркомъ позаняться этакими разными мыслями, и, признаюсь, есть вещи, которыя сильно интригуютъ меня: напримѣръ, вотъ хоть и это— жилъ-жилъ человѣкъ, да вдругъ и умеръ!.. Странное, очень странное дѣло!

— О, это не легко объяснить себѣ! Тутъ цѣлая наука!— отвѣчалъ господинъ Беобахтеръ.—Надъ этимъ многіе философы не мало трудились... Да, это трудно, очень трудно!.. Тутъ безконечное!

— Что̀ тутъ трудно! — прервалъ Пережига: — трудно, трудно! А дѣло-то очень просто объясняется! Извольте видѣть, ужъ какъ пошелъ человѣкъ по мечтанію, какъ пошло въ его головѣ разныя штуки да закорючки выкидывать, такъ ужъ извѣстно—плохо дѣло! Вотъ и смерть приключилась!.. Какое же тутъ безконечное? что̀ за философія? То-то, братъ, все съ своими выморозками лѣзешь! Ужъ я говорю: растянуться и тебѣ, какъ ему! Право такъ, помяни мое слово!

— То-есть, что̀ же вы разумѣете подъ словами: «пошелъ по мечтанію?»—спросилъ Дмитрій Осипычъ.

Digitized by Google

— Ну, да ужъ извѣстно что̀: скепцизмъ, батюшка, скепцизмъ одолѣлъ! Вотъ что̀!

— Гм! скепцизмъ,—соображалъ Дмитрій Осипычъ:—скепцизмъ? То-есть, что же вы подъ этимъ разумѣете?

— А вотъ, примѣрно, человѣкъ съ собакой идетъ: ну, мы съ вами просто такъ и говоримъ, что вотъ, молъ, человѣкъ идетъ и за нимъ собака бѣжитъ, а скепцистъ: нѣтъ, говоритъ, это, изволите видѣть, собака идетъ и человѣка ведетъ.

— Тсс, скажите! Такъ, стало-быть, покойникъ былъ странный человѣкъ?—спросилъ Дмитрій Осипычъ и тутъ же съ упрекомъ покачалъ головою на Ивана Самойлыча.

— Я вамъ говорю: по мечтанію пошелъ! Ужъ какую онъ въ послѣднее время ахинею городилъ, такъ хоть святыхъ вонъ понеси: и то нехорошо, и то дурно...

— Тсс, скажите пожалуйста!—продолжалъ Дмитрій Осипычъ, строго покачавъ головою: — а вѣдь чѣмъ была не жизнь человѣку: и сытъ былъ, и одѣтъ былъ, званіе, сударь ты мой, имѣлъ, и вотъ не усомнился же возроптать на Создателя своего!.. Честью вамъ доложу, ужъ нѣтъ въ мірѣ животнаго неблагодарнѣе человѣка. Пригрѣй его, накорми его—укуситъ, непремѣнно укуситъ. Ужъ такая, видно, его натура, господа!

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

Помпадуры и помпадурши.

	стр
Отъ автора	7
I.—«Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою!»	9
II.—Старый котъ на покоѣ	28
III.—Старая помпадурша	50
IV.—«Здравствуй, милая, хорошая моя!»	76
V.—«На зарѣ ты ее не буди!»	96
VI.—«Она еще едва умѣетъ лепетать...»	133
VII.—Сомнѣвающійся	159
VIII.—Онъ!!	184
IX.—Помпадуръ борьбы, или проказы будущаго	216
X.—Зиждитель	261
XI.—Единственный. Утопія	290
XII.—Мнѣніе знатныхъ иностранцевъ о помпадурахъ	314

Невинные разсказы.

I.—Гегемоніевъ	351
II.—Зубатовъ	362
III.—Пріѣздъ ревизора	377
IV.—Утро у Хрептюгина. Драматическій очеркъ	416
V.—Для дѣтскаго возраста	436
VI.—Миша и Ваня. Забытая исторія	453
VII.—Нашъ дружескій хламъ	468
VIII.—Деревенская тишь	492
IX.—Святочный разсказъ. Изъ путевыхъ замѣтокъ чиновника	516
X.—Развеселое житье. Разсказъ	544
XI.—Послѣ обѣда въ гостяхъ	578
XII.—Запутанное дѣло. Случай	592

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google